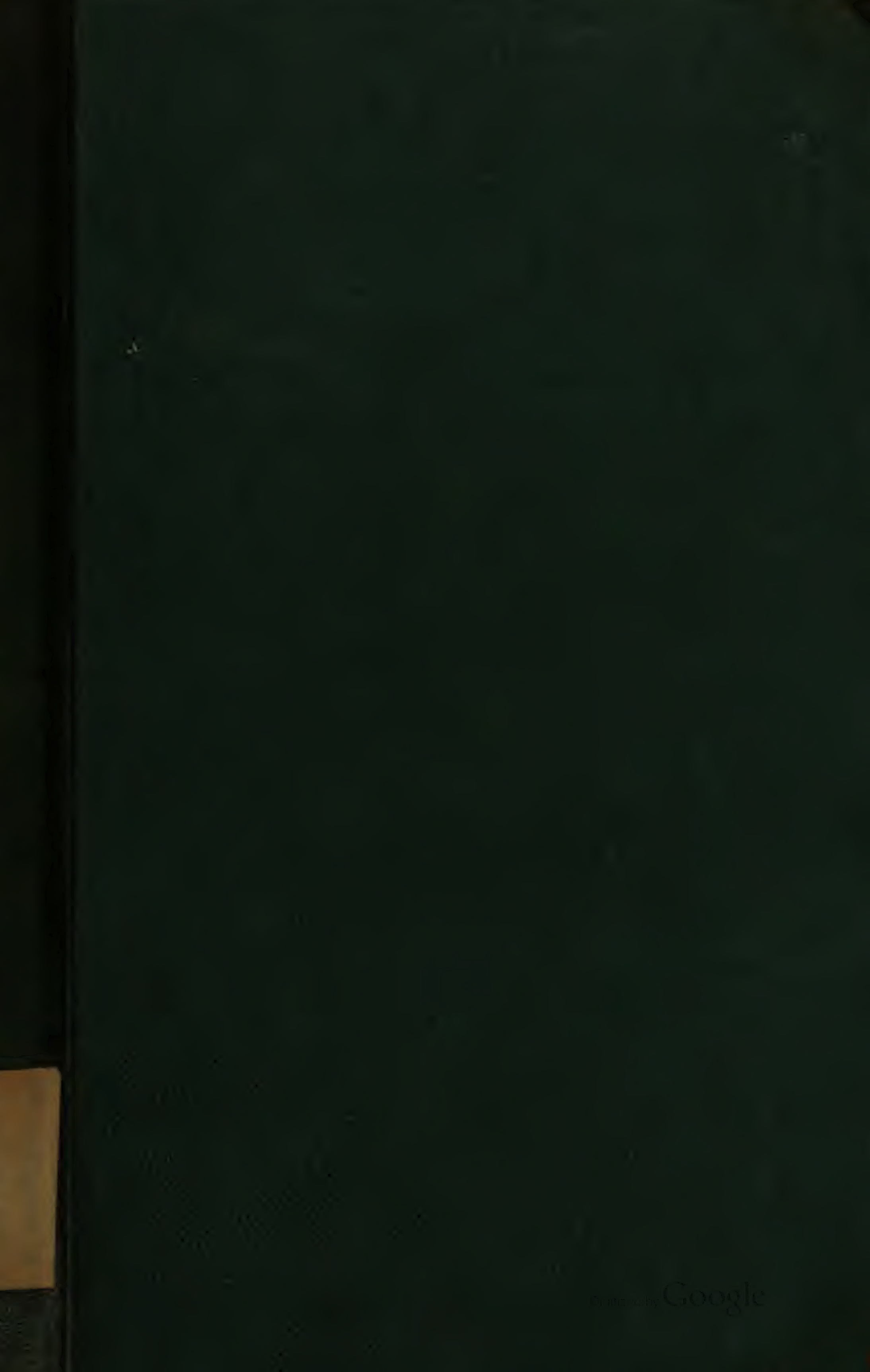
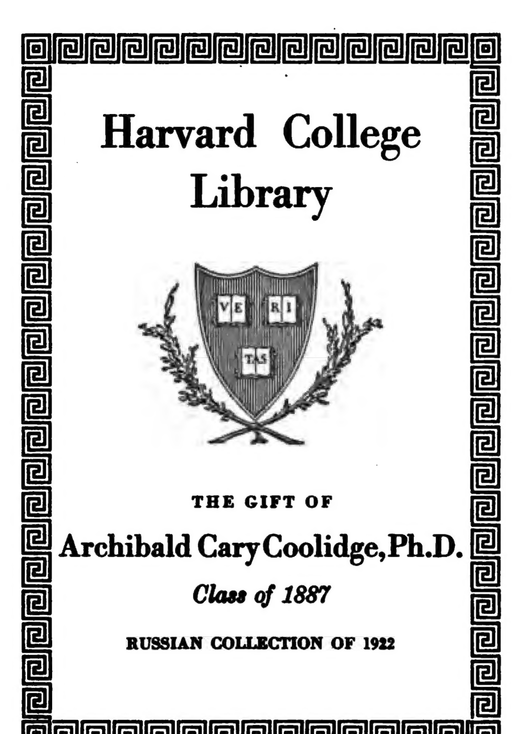
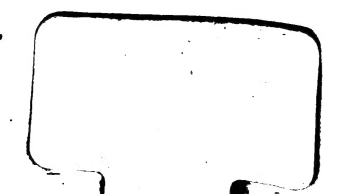






ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
1864.

От Санктпетербургкаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Января 15 дня 1864 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Фотій.*

ВЪ ЧЕМЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПРИЧИНА НЕВѢРІЯ?

Мерзость грѣшнику—благочестіе (Сир. 1, 25)!—Вотъ слова, сказанныя назадъ тому цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ, но удивительно-вѣрнымъ и точнымъ образомъ изображающія духъ, характеръ и направленіе многихъ людей и нашего вѣка. Успѣхи въ наукахъ, мудрость и знанія, которыми съ тѣхъ поръ такъ обогатилось человѣчество, не уничтожили такихъ нравственныхъ уродовъ, т. е. людей, для которыхъ *благочестіе*, нравственныя совершенства и добродѣтели, заповѣдуемыя Вѣрою, составляютъ *мерзость*, предметъ отвращенія и презрѣнія; напротивъ съ теченіемъ времени число ихъ какъ будто возрастаетъ постоянно. Нынѣ нечестіе, можетъ быть, еще смѣлѣе и открытѣе, нежели когда нибудь, провозглашаетъ свои странныя и нелѣпыя ученія, усиливается подорвать самыя основанія благочестія—самыя первыя и основныя истины Вѣры, и всѣми возможными средствами хочетъ утвердить и распространить невѣріе.

Гдѣ же первая причина этого крайне печальнаго явленія нашего времени? Не заключается ли она въ самомъ развитіи наукъ и искусствъ, въ самомъ прогрессѣ современной жизни?—Нѣтъ, не здѣсь мы должны искать этой причины!...

Основаніемъ христіанскаго благочестія, какъ извѣстно, прежде всего служитъ сама истина христіанства, ученіе Господа нашего Іисуса Христа. Какъ высока эта истина! Какъ божественно-прекрасно это ученіе! Какъ убѣдительно оно для ума, какъ животворно, пріятно и утѣшительно для сердца! — Много думали и философы о мірѣ, о человѣчествѣ, о Богѣ; много и они сказали истинно мудраго и добраго; много свѣтлыхъ мыслей внесли и они въ общественную жизнь и отношенія людей. Но не ошибемся, если скажемъ, что предъ высокимъ, Божественнымъ ученіемъ Евангелія всѣ ученія ихъ—то же, что дѣтскій лепетъ предъ словомъ человѣка вполнѣ развитаго и образованнаго. Ни одинъ изъ нихъ, кромѣ тѣхъ, которые черпали свои мысли изъ самаго христіанства, не могъ дать человѣчеству, въ своихъ тонкихъ и остроумныхъ соображеніяхъ, столь чистаго и свѣтлаго, столь возвышеннаго и достойнаго Бога понятія о Богѣ, какое даетъ намъ Евангеліе въ своихъ дивно-безъискуственныхъ, простыхъ и ясныхъ словахъ. Ни одинъ изъ нихъ, въ своихъ умозрѣніяхъ, не могъ съ такою всепроницающею дальновидностію, съ такимъ глубочайшимъ знаніемъ нуждъ и потребностей, свойствъ и природы человѣка, опредѣлить всѣхъ существенно нужныхъ для него, для блага и счастія его обязанностей и отношеній къ себѣ самому и къ обществу, какъ опредѣляетъ и показываетъ ихъ Евангеліе. Ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не могъ дать человѣчеству столь высокой и всеобъемлющей заповѣди, какую даетъ намъ Евангеліе въ своей заповѣди о любви къ Богу и человѣчеству.

Это ученіе носитъ на себѣ печать самой очевидной и непреложной истины; оно достойно всей нашей вѣры,

всей привязанности, всей любви нашего сердца; оно не можетъ быть въ какомъ бы то ни было действительномъ противоречіи съ развитіемъ наукъ и знаній, съ развитіемъ и усовершенствованіемъ человеческой жизни. Но темъ не менее были и ныне есть люди, для которыхъ и это ученіе есть ложь, заблужденіе, выдумка и басня! Были и ныне есть люди, которые напрягаютъ все силы своего ума, употребляютъ всю остроту и изворотливость своего слова, чтобы подорвать истину Евангелія! Злобныя ихъ нападенія на христіанство, кощунственныя ихъ насмешки надъ истиною Евангелія, не новы; ихъ возраженія большею частію передаются по преемству изъ века въ векъ и, существенно оставаясь одни и те же, только меняютъ внешній видъ и форму применительно къ духу и направленію века. Христіанство на все ихъ возраженія и нападенія отвечаетъ такъ ясно, отчетливо и положительно, съ такой очевидной верностію и несомненностію своихъ доказательствъ, что предъ его словомъ они разсеяваются, какъ ночной мракъ предъ восходящимъ солнцемъ, исчезаютъ, подобно тенямъ и призракамъ. Значитъ, не въ ихъ разумной силе, не въ верности и основательности ихъ мы должны искать причины, по которой они и держатся и распространяются между некоторыми людьми. Здесь все дело прежде всего и более всего зависитъ собственно отъ внутренняго направленія и настроенія духа, отъ техъ наклонностей и привязанностей, которыя человекъ имеетъ, отъ того духовнаго вкуса, который онъ самъ въ себе образуетъ. — *Отъ сердца*, говоритъ сама Истина, *исходятъ помышленія злая* (Матѳ. 15, 19); отъ сердца исходитъ и неверіе и нечестіе: здесь — его первый зародышъ, здесь его

корень и начало! Если, напримѣръ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ жизни, человѣкъ очень долго вращается въ кругу общества, гдѣ любятъ провозглашать невѣріе, гдѣ дышатъ величайшей холодностію ко всему, что́ носитъ на себѣ печать вѣры и благочестія; то и самъ онъ мало-по-малу, незамѣтно для самаго себя, заражается невѣріемъ, мало-по-малу привыкаетъ къ нему, и, наконецъ, живетъ и дышетъ имъ, любитъ его, наслаждается имъ. Разнузданность чувственныхъ пожеланій и страстей, которая при этомъ такъ естественна и обыкновенна, усыпленіе совѣсти и всѣхъ высшихъ, чисто-духовныхъ потребностей нашей души, еще болѣе удерживаютъ его въ этомъ состояніи, день-отъ-дня, болѣе и болѣе вооружаютъ его противъ Вѣры. Онъ ищетъ только того круга людей, которые думаютъ одинаково съ нимъ, слушаетъ съ удовольствіемъ только тѣ разговоры, которые проникнуты невѣріемъ и кощунствомъ, читаетъ только тѣ книги, въ которыхъ опровергается, тайно или явно, истина христіанства. Здѣсь, въ этихъ разговорахъ и книгахъ, часто самыя пустыя мелочи кажутся ему вещами великими, самыя безсильныя возраженія и нападенія на христіанство представляются неопровержимыми и неодолимыми; самыя пошлыя и пустыя и въ тоже время самыя безнравственныя насмѣшки и выходки кажутся признакомъ высокой проницательности и остроумія, проявленіемъ ума великаго, геніальнаго, — и чѣмъ болѣе въ нихъ наглости и презрѣнія, злости и ненависти противъ христіанства, тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ и похвалами встрѣчаютъ ихъ въ подобныхъ обществахъ... Жалкое состояніе! Однихъ человѣческихъ усилій часто бываетъ рѣшительно недостаточно для того, чтобы освободить отъ него человѣ-

ка, чтобы убѣдить его, какъ оно опасно и гибельно!..

Въ самомъ дѣлѣ, какъ убѣдите вы подобныхъ людей? На все, относящееся къ религіи, они смотрятъ съ крайнимъ недовѣріемъ, даже съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Станете ли вы говорить имъ о Богѣ, о вѣрѣ, о безсмертіи души, о приготовленіи къ лучшей, загробной жизни?—Они если и будутъ слушать васъ, то съ двусмысленной улыбкой, съ пренебреженіемъ и холодностію, едва-едва прикрытою маскою вѣжливости и приличія. Будете ли представлять имъ самыя сильныя и разительныя доказательства истинъ религіи, самыя основательныя и сильныя опроверженія ихъ заблужденій?—И здѣсь рѣдко-рѣдко вамъ удастся заронить въ ихъ омраченную душу лучь божественнаго свѣта, поколебать ихъ сомнѣніе и невѣріе, потому именно, что они привыкли къ своему мраку, и всякій лучь свѣта дѣйствуетъ на духовное чувство ихъ крайне болѣзненно и раздражительно, потому, что во всемъ, касающемся религіи, они видятъ предразсудокъ, заблужденіе и суевѣріе, нѣчто не естественное и не свойственное человѣчеству; во всѣхъ, самыхъ сильныхъ и неопровержимыхъ, доказательствахъ истинъ Евангелія или не находятъ ничего особеннаго, или же—что̀ бываетъ гораздо чаще—не хотятъ ни читать, ни слушать ихъ; всѣ авторитеты, на которыхъ опирается Вѣра и Церковь, которыхъ не могли унизить и опровергнуть ожесточенная злоба и гоненія язычниковъ, заблужденія лжеучителей, самыя тонкія умозрѣнія и софизмы мудрецовъ новыхъ и древнихъ—или вовсе имъ неизвѣстны, или же извѣстны въ самомъ жалкомъ и искаженномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ само невѣріе въ своихъ кащунственныхъ разговорахъ и сочиненіяхъ, и стоятъ

во мнѣніи невѣрующихъ гораздо ниже самаго пустаго и бездарнаго проповѣдника невѣрія, человѣка, который ни чему основательно не учился, ни чего основательно не знаетъ, а только умѣетъ ѣдко и остро смѣяться надъ Вѣрой, надъ Церковію, надъ ученіемъ и богослуженіемъ ея, и такимъ образомъ приноровляться ко вкусу невѣрующаго общества, забавлять его, льстить, угождать и нравиться ему. Нѣтъ, что̀ бы вы ни говорили, а для такихъ людей всякое слово о вѣрѣ и благочестіи будетъ *мерзостію*,—предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Для нихъ вся система христіанской религіи — выдумка и пустое преданіе школы; обряды и таинства Церкви—одна церемонія, въ существѣ ничего не содержащая, молитва—дѣло ни къ чему не нужное, самое искреннее благочестіе—ханженство и пустосвятство; тѣ высокія, чистыя и святыя утѣшенія, которыя подаетъ человѣку Вѣра, тѣ святыя радости, которыя она даетъ его сердцу, то предощущеніе небеснаго, вѣчнаго блаженства, которымъ наслаждается истинный христіанинъ,—для такихъ людей—не болѣе, какъ мечты и выдумки фанатизма и изувѣрства; подвиги терпѣнія и самоотверженія, которыхъ требуетъ отъ христіанина Евангеліе,—напрасный трудъ, напрасная трата времени и силъ!.. Если бы вы свое слово подтвердили самымъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ чудомъ, и тогда не многіе изъ такихъ людей могли бы вѣрить вамъ: *аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ*, говоритъ о нихъ сама Истина, *не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31), потому, что не хотятъ вѣрить, потому, что для сердца, живущаго и дышущаго невѣріемъ, благочестіе и вѣра — *мерзость*!

И такъ, если мы видимъ, что и въ наши дни невѣріе гордо подымаетъ свою голову, дерзко и нагло из-

рыгаетъ хулы на самыя первыя и коренныя истины христіанства: то отнюдь не должны думать, что оно есть естественный плодъ просвѣщенія, слѣдствіе успѣховъ человѣчества въ наукахъ и знаніяхъ,—одно изъ тѣхъ явленій, которыми обозначается и выражается истинный прогрессъ жизни. Нѣтъ, оно не столько плодъ ума и убѣжденій, сколько—испорченнаго и развращеннаго сердца, превратнаго направленія нашей воли, плодъ страстей и грѣховныхъ привычекъ. — Поэтому вѣрующій и истинно-образованный человѣкъ отвергнетъ его не только во имя Вѣры, ради спокойствія своей совѣсти и спасенія души, но и ради самой науки, во имя истиннаго просвѣщенія и образованія,—такъ какъ оно живетъ и держится не силою истины, но силою лжи и обмана, не серьезными изслѣдованіями въ области науки и знаній, жизни и религіи, но легкомысліемъ и кощунствомъ, прикрытымъ мнимою многоученостію,—смѣшнымъ и жалкимъ подражаніемъ людямъ истинно-образованнымъ и ученымъ.

Наконецъ, каждый благоразумный человѣкъ отвергнетъ невѣріе во имя всѣхъ, самыхъ лучшихъ и возвышенныхъ интересовъ человѣчества, вообще во имя истиннаго прогресса и развитія жизни. — *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. 7, 16), сказалъ Господь о лжеучителяхъ. Это слово какъ нельзя болѣе приложимо и къ провѣдникамъ нынѣшняго невѣрія. Горьки и ядовиты плоды ихъ ученія въ отношеніи ко всѣмъ сторонамъ жизни общественной и частной; потому что это ученіе потрясаетъ самыя первыя и прочныя основанія этой жизни, убиваетъ внутреннее чувство совѣсти въ самомъ его корнѣ и зародышѣ, до конца изсушаетъ тѣ возвышенныя и благородныя чувства, кото-

рыми особенно бываетъ сильно и крѣпко общество— самоотверженіе и искреннюю любовь къ ближнему, убиваетъ тѣ нравственныя достоинства, безъ которыхъ не возможно и внѣшнее, матеріальное благоденствіе общества—умѣренность и воздержаніе, честность и безкорыстіе во взаимныхъ сношеніяхъ, — и создаетъ тѣхъ изнѣженныхъ, сластолюбивыхъ, безъ всякаго смущенія совѣсти предающихся всѣмъ порокамъ чувственности, тѣхъ холодныхъ, дѣйствующихъ всегда по расчетамъ эгоизма и самолюбія людей, которые составляютъ истинную язву общества...

Ѳ. Н—въ.

ИСТОРІЯ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА.

Исторія базиліанскаго ордена—предметъ доселѣ неизслѣдованный и неразработанный. Источники для него, исключительно рукописные, немногочисленны. Намъ извѣстны только слѣдующія три рукописи: 1) акты XXVI-ти базиліанскихъ конгрегацій, или журналы комитетскихъ засѣданій съ краткимъ перечнемъ того, что было рѣшено или постановлено на этихъ засѣданіяхъ, начиная съ 1617 по 1719 г. Актовъ слѣдующихъ конгрегацій, которыя созывались у базиліанъ еще и въ началѣ XIX-го ст., мы не имѣли подъ руками. Это главный и почти единственный источникъ для внутренней исторіи базиліанскаго ордена. Можетъ быть гдѣ-нибудь, въ пыли монастырскихъ библіотекъ и архивовъ, существуетъ *полное*, болѣе обширное и подробное описаніе базиліанскихъ конгрегацій. Предположеніе это основываемъ на томъ, что у базиліанъ была особая должность нотаріуса или капитульнаго секретаря (notarius capitularis), обязанность котораго состояла между прочимъ въ записываніи всего, что говорилось или рѣшалось на конгрегаціяхъ, и который обязывался присягою „не записывать, какъ дѣло *рѣшенное* того что, не рѣшено большинствомъ голосовъ, и ничего неопу-

скать изъ того, что *рѣшено* большинствомъ голосовъ" ([1]). Записки эти, какъ и вообще всѣ секретныя бумаги по дѣламъ ордена, хранились у протоархимандрита или у митрополита. Изъ этихъ полныхъ и подробныхъ актовъ дѣлалась краткая выдержка постановленій конгрегаціи. Этотъ экстрактъ, или лучше сказать, эти бѣловые акты капитульныхъ засѣданій подписывались всѣми дѣйствительными членами конгрегаціи и потомъ разсылались по всѣмъ монастырямъ. Каждый монастырь долженъ былъ имѣть копію съ нихъ и читать ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ въ столовой. Одинъ изъ такихъ списковъ, и то не полныхъ, какъ мы сказали выше, и былъ у насъ подъ руками.

Другой источникъ, имѣющій не менѣе важное значеніе, какъ и первый, это—сборникъ правилъ и конституцій базиліанскаго ордена, отчасти на латинскомъ, отчасти на славянскомъ языкѣ. Рукопись эта не имѣетъ опредѣленнаго заглавія. Первую ея половину занимаютъ акты VI-ти конгрегацій, на славянскомъ языкѣ; другую составляютъ разныя правила и конституціи ордена, отчасти на латинскомъ, отчасти на славянскомъ языкѣ ([2]).

Наконецъ третій, и почти послѣдній, источникъ, которымъ мы пользовались,—это „Помянникъ" или жизнеопи-

---

([1]) Formula juramenti notariorum capitularium: Ego NN electus in notarium capituli juro Deo omnipotenti.... nihil, quod pluralitate suffragiorum decisum non fuerit, pro *deciso scripturum*, sicut nihil, quod *decisum* fuerit, omissurum. Codex Constitutionum Ord. S. Basilii M. Ruthenorum.

([2]) Она озаглавливается: Observanda circa electionem protoarchimandritae et circa congregationes, seu capitula generalia, tam electiva protoarchimandritae, quam alia ordinaria. Эта половина есть не что иное, какъ краткое извлеченіе конституцій ордена изъ другаго, болѣе обширнаго сборника, извѣстнаго подъ заглавіемъ: Codex constitutionum monachorum ordinis S. Basilii M. Ruthenorum. Тоже рукопись.

саніе замѣчательныхъ лицъ въ базиліанскомъ орденѣ, съ 1686 до 1778 г., рукопись принадлежащая двумъ авторамъ: первая половина, или жизнеописаніе лицъ, жившихъ въ періодъ времени отъ 1686 по 1721 г., принадлежитъ Яну Олешевскому, а другая, съ 1721 по 1778 г., Антонію Завацкому, — консульторамъ ордена. — Этотъ источникъ (на польскомъ языкѣ), не имѣя столь важнаго значенія, какъ первые два, по скудости фактовъ и по краткости большей части разсказовъ, проливаетъ однакожъ довольно свѣта на жизнь и дѣятельность какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлаго ордена. Авторы его принадлежали, какъ видно, къ партіи чисто-базиліанской, т. е. къ партіи, отстаивавшей права и независимость ордена отъ незаконныхъ притязаній уніатскихъ митрополитовъ, и потому часто высказываютъ такія мысли, передаютъ такіе факты, которые представлены въ иномъ свѣтѣ въ другихъ историческихъ памятникахъ, или же вовсе опущены (¹).

Изъ второстепенныхъ источниковъ, которыми пользовались мы въ своемъ трудѣ, можемъ указать на слѣдующія книги: 1) Dwa wielkich swiatła... czyli zywoty ss. Eufrozyny i Parascewij. Stebelski. Сочиненіе это можетъ служить только справочною книгою въ отношеніи къ исторіи базиліанскаго ордена. Къ сожалѣнію, многихъ сочиненій, указанныхъ Стебельскимъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ косвенное отношеніе къ исторіи базиліанскаго ордена, мы не могли найти даже въ публичной Библіотекѣ. Таковы напр., два сочиненія по поводу процесса базиліанъ съ полоцкими іезуитами объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда полоцкому базиліанскому монастырю,—одно подъ заглавіемъ: Informacya o

(¹) Указанныя здѣсь рукописи находятся въ домашней библіотекѣ М. О. Кояловича.

dobrach do Collegium połockiego należacych, iako nie są krolewszczyzna, ale własnie ziemskiemi dobrami....., изданное іезуитами въ 1699 г. въ Вильнѣ, другое подъ заглавіемъ: Refutacya Informacyi XX Iezuitow Połockich o dobrach do ich Collegium należacych... изданное также въ 1699 г.—въ Вильнѣ. Мы не нашли также очень важной для изслѣдователя исторіи базиліанскаго ордена книги подъ заглавіемъ: Bullae et Brevia Summorum Pontificum nec non Diplomata Regionis Poloniae. Три части. Изд. въ Почаевѣ 1767 г. Книга эта драгоцѣнна потому, что въ ней собраны папскія буллы и бреве, также декреты конгрегаціи распространенія Вѣры (de propoganda Fide) по дѣламъ уніи и базиліанскаго ордена, и притомъ тѣ буллы, бреве и декреты, которыхъ нѣтъ даже въ полныхъ сборникахъ папскихъ буллъ и декретовъ.

2) Dzieje i prawa Kosciola Polskiego,—Островскаго.

3) Obraz Litwy,—Ярошевича. И наконецъ

4) Historia Szkol w Koronie i W. X. Litewskim,—Лукашевича. Во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ очень немного свѣдѣній о базиліанскомъ орденѣ, и то довольно голословныхъ, почти безъ указанія источниковъ, изъ которыхъ заимствованы эти свѣденія. Лукашевичъ, напр., посвятившій четыре тома исторіи школъ въ Польшѣ и Литвѣ, представляетъ почти сухой перечень базиліанскихъ школъ, существовавшихъ при разныхъ базиліанскихъ монастыряхъ, не смотря на то, что эти школы играли въ исторіи польскаго просвѣщенія такую же роль, какъ и іезуитскія, особенно со времени изгнанія іезуитовъ изъ Литвы и Польши и закрытія ихъ коллегій.

При такой скудости источниковъ, предлагаемая статья

будетъ скорѣе собраніемъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи базиліанскаго ордена, чѣмъ исторіею, т. е. полнымъ, систематическимъ, законченнымъ сочиненіемъ.

Унія, введенная насиліемъ, вопреки желанію православнаго западно-русскаго народа, требовала постоянныхъ и неутомимыхъ дѣятелей. Правда, на сторонѣ уніи была огромная матеріальная сила: ее всѣми силами поддерживало польское правительство; ее приняли, поддерживали и распространяли первѣйшіе западно-русскіе іерархи—митрополитъ и епископы. Но могли-ли первые дѣятели и виновники уніи разчитывать на постоянную поддержку гражданской власти, когда таже власть, довольно ограниченная широкими началами польской конституціи, нерѣдко вынуждена была, по выраженію одного латинскаго историка, подписывать „смертный приговоръ уніи“ и охранять права диссидентовъ, какъ это случалось при первомъ же преемникѣ Сигизмунда III, ревностнаго защитника уніи, Владиславѣ IV? (¹). Могли ли также расчитывать первые дѣятели уніи и на то, что ихъ преемники будутъ продолжать начатое ими дѣло такъ же ловко, такъ же искусно и неутомимо, какъ дѣйствовали они сами? Они ясно видѣли, что усилія ихъ, какъ частныхъ лицъ, не смотря на сильную поддержку гражданской власти, не могли увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ распространенія уніи. Нравственная сила православныхъ, одушевленныхъ глубокою ненавистію къ уніи, была столько крѣпка, что ея не могли сломать усилія частныхъ лицъ, даже такихъ, ка-

---

(¹) Ostrowski: Dzieje i prawa Kos. Polsk. T. 3. p. 231. Jaroszewicz: Obraz Litwy T. 2. p. 35.

ковъ былъ, напр., Поцѣй, не останавливавшійся ни предъ какими препятствіями. Жестокія, насильственныя мѣры Поцѣя и его сотрудниковъ вызывали всеобщій ропотъ и волненіе въ западно-русскомъ народѣ, доходившіе иногда до открытаго возстанія (¹). Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса противъ насилій и жестокостей уніятовъ. Вскорѣ сами уніяты убѣдились, что насильственныя мѣры только раздражаютъ и отталкиваютъ православныхъ отъ уніи, что нравственной силѣ православныхъ, сосредоточенной въ братствахъ, нужно также противопоставить нравственную силу. Первый созналъ эту мысль Поцѣй, испытавшій всю непреодолимую силу православныхъ братствъ, и старавшійся парализировать эту силу учрежденіемъ уніятскихъ братствъ. Но уніятскія братства оказались неудачнымъ подраженіемъ тому учрежденію, которое имѣло прочное основаніе въ духѣ и характерѣ православной Церкви, допускающей участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Уніятская церковь, съ первыхъ временъ своего существованія принявшая много элементовъ латинскихъ, отвергла это благотворное начало православной Церкви. И потому уніятскія братства никогда не имѣли ни той самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, ни того значенія въ уніи, какое имѣли православныя братства. Не находя твердой опоры въ братствахъ, Поцѣй обратилъ свое вниманіе на уніятское духовенство. Унія—дѣло духовенства. Она введена іерархіею вопреки желанію мірянъ: іерархіи естественно было поддерживать ее и охранять. Нужно было только рѣшить вопросъ:—кому поручить это дѣло—

(¹) Таковы, напримѣръ, волненія, происшедшія въ Вильнѣ по случаю отнятія у православныхъ Троицкаго монастыря Поцѣемъ, который чуть было не лишился при этомъ жизни.

бѣлому или монашествующему духовенству. Поцѣй рѣшилъ его въ пользу послѣдняго, потому что бѣлое духовенство, по своему разрозненному положенію, никогда не составляло, да и не могло составить сильной, могущественной, плотной корпораціи, способной къ выполненію трудной задачи.

Незавидно было состояніе православнаго западнорусскаго монашества въ то время; еще болѣе незавидно было состояніе уніятскаго иночества. Бо̀льшая часть иноковъ и даже цѣлыхъ монастырей переходили въ унію изъ корыстныхъ, матеріальныхъ выгодъ, или по страху. Епископы, въ вѣденіи которыхъ находились монастыри, больше заботились о доходахъ съ монастырскихъ имѣній, чѣмъ о нравственности иноковъ. Монастыри приходили въ упадокъ. Лучшіе изъ иноковъ искали пріюта въ бѣднѣйшихъ, пустынныхъ монастыряхъ, большинство же или бродило по міру безъ всякой цѣли и нужды, или же оставалось на старыхъ мѣстахъ и предавалось всѣмъ необузданнымъ побужденіямъ страстей, какія только можетъ породить праздная жизнь ([1]). Дурное

([1]) Вотъ какъ изображаетъ состояніе западно-русскаго иночества проповѣдникъ XVII ст. Іоанникій Галятовскій: „Страшнымъ паденіемъ іудинымъ (поученіе въ В. Пятокъ) могли бы научиться нынѣ многіе сребролюбцы и строители неправедные..., а особливо тѣ, которые имѣютъ ковчежецъ (на сторонѣ сдѣлана приписка: „и монастырей, противъ мірской жизни“), т. е. строеніе добръ (имѣній) церковныхъ, въ которыхъ имѣніе нищихъ положено. Эти лукавые строители.... обнажаютъ уды Христовы, обижаютъ братію, имѣнія ихъ обращаютъ на свои пожитки и збытки, сбираютъ тунеядцевъ, ласкателей, челобитчиковъ, пробивающихъ имъ дорогу, ко̀ней и колесницъ кованыхъ, шкатулокъ прекрасныхъ, винопитіе безъ мѣры, умноженіе блуда безъ срама и боязни Божіей, безпощадно проливаютъ слезы убогихъ и заставляютъ быть въ большомъ страхѣ и воздыханіи находящихся подъ ихъ властію“. Рукопись Софійской Библіотеки.

Такую же мрачную картину состоянія западно-русскаго иночества въ

состояніе уніятскаго монашества не смутило однакожъ Поцѣя. Онъ рѣшился образовать изъ него живую и дѣятельную силу и двинуть ее на борьбу съ православными. Слишкомъ занятый внѣшними дѣлами уніи, Поцѣй не могъ взять на себя выполненіе этой трудной задачи. Ему нуженъ былъ помощникъ, и притомъ стольже дѣятельный и неутомимый, каковъ былъ онъ самъ. Такой помощникъ давно уже былъ подготовленъ іезуитами. Это былъ знаменитый воспитанникъ іезуитовъ,—Іосифъ Вельяминъ Руцкій, три раза перемѣнявшій свою вѣру и убѣжденія — православіе на протестантство, протестантво на латинство, и наконецъ перешедшій, по внушенію своихъ воспитателей, изъ латинства въ унію. Поцѣй поручилъ ему преобразованіе уніятскаго монашества. Въ 1605 г. онъ постригъ Руцкаго въ монахи, а чрезъ годъ назначилъ архимандритомъ виленскаго Свято-троицкаго монастыря, недавно отнятаго имъ у православныхъ. Въ Троицкомъ монастырѣ и положено было Руцкимъ начало тому обществу, которое съ 1617 г. выступило на поприще исторической дѣятельности подъ именемъ базиліанскаго ордена.

Дѣятельность Руцкаго, какъ преобразователя уніятскаго монашества, съ 1606 до 1617 г. состояла главнымъ образомъ въ устройствѣ Троицкаго монастыря и и въ обдумываніи плана устройства будущаго уніятскаго ордена. Планъ этотъ окончательно созрѣлъ въ его головѣ и приложенъ къ дѣлу въ 1617 г. на первой базиліанской конгрегаціи въ *Новогрудкѣ*. Сущность этого плана слѣдующая: Все уніятское монашество осво-

эпоху введенія уніи изображаетъ львовское православное братство въ своемъ посланіи къ константинопольскому патріарху Іереміи. Акты Запад. Россіи. Т. IV. № 33.

бождается изъ подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляетъ одну общину, подчиненную власти одного генерала или *протоархимандрита*, свободно избраннаго на *конгрегаціи* или общемъ съѣздѣ представителей общины и изъ среды самой же общины. Община избираетъ своимъ патрономъ или покровителемъ св. Василія В.,— почему и называется братствомъ, или орденомъ Василія В. (Zakon S. Bazylego W.—Bazylianie). Во внутренней жизни орденъ слѣдуетъ общежительнымъ правиламъ и уставу своего патрона. На основаніи этихъ правилъ составляются новыя правила и конституціи, сообразныя съ духомъ времени и потребностями общества. Главная цѣль, къ которой должна быть направлена дѣятельность ордена—распространеніе уніи. Для достиженія этой цѣли орденъ долженъ заботиться объ умноженіи числа своихъ членовъ и о распространеніи своего вліянія на общество посредствомъ замѣщенія своими членами всѣхъ высшихъ церковно-іерархическихъ мѣстъ и должностей, а главное, посредствомъ общественнаго воспитанія, которымъ долженъ заправлять орденъ. Для бо́льшаго успѣха во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ орденъ долженъ избрать себѣ въ помощники и руководители—іезуитовъ.—Вотъ планъ, по которому устроивался и развивался базиліанскій орденъ въ теченіи слишкомъ двухъ вѣковъ. Соотвѣтственно главнѣйшимъ пунктамъ этаго плана, мы раскроемъ: во I) устройство базиліанскаго ордена; II) отношеніе его къ высшей уніятской іерархіи; III) отношеніе—къ бѣлому уніятскому духовенству; IV) отношеніе — къ іезуитамъ, и наконецъ въ V) скажемъ нѣсколько словъ о базиліанскихъ школахъ.

I. Устройство базиліанскаго ордена.

Базиліанскій орденъ, подобно латинскимъ монашескимъ орденамъ, раздѣлялся на провинціи, которыя подчинялись провинціалу, а весь орденъ — генералу или протоархимандриту. До начала XVIII столѣтія у базиліанъ была одна только провинція, въ составъ которой входили монастыри литовскіе и бѣлорусскіе. Эта провинція называлась литовскою, а базиліане, входившіе въ составъ ея, извѣстны были подъ именемъ общества св. Троицы (zgromadzenie s. Troycy). Монастыри коронные (въ Галиціи) не входили въ составъ ордена до 1739 г., и находились въ полной зависимости отъ епархіальныхъ епископовъ. Въ 1739 г. уніятскій митрополитъ Флоріанъ Гребницкій созвалъ коронныхъ базиліанъ на генеральную конгрегацію въ Львовѣ, и предложилъ имъ составить изъ себя отдѣльную общину или конгрегацію, по образцу литовской, подъ управленіемъ генеральнаго провинціала (generalis v. provincialis superior), независимаго отъ литовскаго протоархимандрита. Это распоряженіе Гребницкаго не было утверждено въ Римѣ. Конгрегація распространенія вѣры приказала соединить обѣ общины въ одну подъ властію одного протоархимандрита, который долженъ быть избранъ обѣими провинціями, въ присутствіи митрополита и папскаго нунція. Въ силу этого созвана была въ 1743 г. генеральная конгрегація въ Дубнѣ, изъ коронныхъ и литовскихъ базиліанъ, подъ предсѣдательствомъ уніятскаго митрополита Льва Шептыцкаго и Юрія Де-Ласкариса, епископа зенополитанскаго, заступавшаго мѣсто нунція. На этой конгрегаціи обѣ общины базиліанскія, литовская и коронная, соединены въ одну. Для бо́льшаго удобства

въ управленіи весь орденъ положено было раздѣлить на двѣ провинціи — литовскую и коронную. Базиліане, входившіе въ составъ первой провинціи, назывались, по прежнему, обществомъ или братствомъ св. Троицы (towarzystwo s. Troycy), базиліане второй провинціи стали называться отнынѣ братствомъ Покрова Пресвятой Богородицы (Opieki Przenayswięt. Panny Maryi) [1]. Вся распорядительная, административная власть въ орденѣ сосредоточивалась въ рукахъ протоархимандрита, который избирался на четыре года и непремѣнно изъ простыхъ монаховъ—профессовъ, а не изъ прелатовъ, т. е. не изъ епископовъ. Онъ одинъ имѣлъ право принимать и удалять изъ ордена, назначать и смѣнять настоятелей монастырей. Онъ также утверждалъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ въ монастыряхъ, какъ-то: викарія, духовника, проповѣдника, эконома, эклесіарха и отцовъ соборныхъ (patres capitulares). Одною изъ важнѣйшихъ обязанностей протоархимандрита была ревизія, или визита (wizita) всѣхъ подвѣдомственныхъ ему монастырей, которую онъ ежегодно долженъ былъ совершать самъ или чрезъ довѣренное отъ себя лицо. На необходимые расходы по должности, особенно на разъѣзды по дѣламъ ордена, налагалась контрибуція на всѣ монастыри сообразно съ ихъ доходами. Въ случаѣ крайней нужды протоархимандритъ могъ взять въ извѣстномъ монастырѣ необходимую сумму, или сдѣлать заемъ, который потомъ раскладывался на всѣ монастыри. [2]

Какъ глава ордена, протоархимандритъ долженъ былъ

---

(1) Szebelski. Zywoty S. Eufrosiny i. Parascewii. T. 1. p. 365 — 379. Примѣч. e.

(2) Congregacia I Nowogrodowicka (1617 г.) ses. 4. № 5.

знать все, что дѣлалось въ орденѣ, до мельчайшихъ подробностей,—не только внѣшній образъ поведенія всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но и ихъ душу, совѣсть (¹). При столь обширной власти, требовавшей со стороны протоархимандрита напряженнаго вниманія и неусыпной дѣятельности, ему необходимы были помощники, которые раздѣляли бы его труды и занятія. Помощниками ему были генеральные совѣтники или консульторы (consultores generales). Ихъ было четыре; избирались они протоархимандритомъ на обыкновенной генеральной конгрегаціи (ordinaria congregatio generalis) на всю жизнь. Они были большею частію настоятелями монастырей, ближайшихъ къ мѣсту жительства протоархимандрита (²). Когда кто изъ нихъ поступалъ на высшую должность, епископа или провинціала ордена, или же умиралъ, то протоархимандритъ съ тремя остальными немедленно приступалъ къ избранію новаго. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ всегда находиться при протоархимандритѣ и назывался протоконсульторомъ. Всѣ вмѣстѣ они составляли совѣтъ протоархимандрита. Безъ ихъ совѣта онъ не долженъ былъ предпринимать ни одного важнаго дѣла. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

(¹) Curet quantum potest *cognoscere conscientias* subjectorum sibi, eorum praesertim, qui superiores sunt aut majora officia gerunt.... Observanda circa electionem Protoarchimandrytae.... Cap. III. Regul. VIII.

(²) Congr. 1. Nowogrodow. Ses 3. № 15. Это постановленіе новогрудской конгрегаціи вѣроятно отмѣнено было въ Римѣ; потому что въ сборникѣ базиліанскихъ конституцій (Codex Constitutionum....) находится совершенно противоположное постановленіе: quatuor (consultores) singuli nimirum ex singulis electi provinciis esse debent, *nec ad regimen monasteriorum* citra dispensationem S. Sedis *assumi possunt*, sed in monasterio, in quo degit ipse Protoarchimandrita, residere semper tenentur. Regul. XII.

Къ числу помощниковъ протоархимандрита принадлежалъ еще *мониторъ* или напоминатель (Monitor). Обязанность его состояла въ томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, *напоминать* протоархимандриту, — на что онъ долженъ обратить особенное вниманіе, что должно служить предметомъ его заботливости. Мониторъ долженъ былъ также подавать протоархимандриту совѣты, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, какъ рѣшить то, или другое дѣло. Онъ долженъ былъ неотлучно находиться при протоархимандритѣ и помогать ему въ производствѣ дѣлъ; онъ принималъ письма отъ настоятелей монастырей и другихъ частныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, представлялъ выдержки изъ нихъ протоархимандриту и по его порученію давалъ отвѣты. (¹)

Власть протоархимандрита по управленію орденомъ раздѣлялъ *провинціалъ*, или начальникъ провинціи. Провинціалъ базиліанскій не всегда имѣлъ одинаковую власть и одинаковое значеніе. До Дубенской конгрегаціи, т. е. до раздѣленія базиліанъ на двѣ провинціи онъ назывался то генеральнымъ викаріемъ (generalny wikariosz), то генеральнымъ визитаторомъ (general. wesitator), и рѣдко провинціаломъ. Такихъ викаріевъ или визитаторовъ имѣли большею частію протоархимандриты изъ епископовъ, какъ напримѣръ Левъ Креуза— Яна Дубовича, Рафаилъ Корска—Пахомія Войну Оранскаго, Яковъ Суша и Гавріилъ Календа—Пахомія Огилевича. Но съ тѣхъ поръ, какъ протоархимандритовъ стали избирать изъ простыхъ монаховъ, должность провинціала оставалась только номинальною, и совмѣща-

---

(¹) Observanda cir. elect. Protoarchimandrytae. Cap. V. Regul. V и VI.

лась въ лицѣ протоархимандрита. Особенное значеніе и права получаютъ провинціалы со времени раздѣленія ордена на двѣ провинціи, изъ которыхъ каждая имѣла своего провинціала. Съ этихъ поръ они получили въ административномъ отношеніи почти такія же права и такую же власть, какую имѣли протоархимандриты литовскихъ базиліанъ. Они имѣли своихъ провинціальныхъ консульторовъ и секретарей, созывали провинціальныя конгрегаціи или капитулы, ревизовали подчиненные имъ монастыри, назначали должностныхъ лицъ въ монастыри, за исключеніемъ настоятелей главнѣйшихъ монастырей, напр. виленскаго, бытеньскаго, жировицкаго, полоцкаго и витебскаго — въ литовской провинціи, и лавриновскаго, львовскаго, бѣлостокскаго и другихъ въ польской (коронной) провинціи,— о которыхъ представляли на утвержденіе протоархимандриту. Ему же отдавали они ежегодно отчетъ о состояніи своей провинціи и посылали акты произведенной ими ревизіи монастырей (actae visitationis). Аппелляціи на провинціала могли быть подаваемы протоархимандриту только отъ имени настоятеля монастыря, а не отъ простыхъ монаховъ. Въ случаѣ злоупотребленій со стороны провинціала, протоархимандритъ самъ, или чрезъ довѣренное лице ревизовалъ монастыри, подчиненные провинціалу, и въ это время разбиралъ всѣ поданныя на него жалобы. (¹)

Кромѣ означенныхъ лицъ, помогавшихъ протоархимандриту въ управленіи орденомъ, были и другія должностныя лица, находившіяся въ непосредственномъ вѣ-

(¹) Congreg. 1. Nowogrodow. Инструкція Провинціалу. Congr. Dubnen. ses. 2. № 6 и 7.

деніи протоархимандрита. Таковы, напр., ректоры семинарій и префекты школъ, начальники новиціатовъ и прокураторы. Послѣдніе были не что иное, какъ депутаты или повѣренные отъ всего ордена въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ, особенно по дѣламъ уголовнымъ и тяжебнымъ. Они должны были постоянно слѣдить за ходомъ дѣлъ, касавшихся ордена въ гражданскихъ вѣдомствахъ, хлопотать, искать протекціи и покровительства ордену у людей, имѣвшихъ силу, словомъ—употреблять всѣ мѣры, чтобы искъ или тяжба были рѣшены въ пользу ордена.

Особенное значеніе и силу имѣлъ прокураторъ римскій (procurotor in Urbe т. е. Romana). Онъ постоянно жилъ въ Римѣ для засвидѣтельствованія вѣрности ордена апостольскому престолу и испрошенія помощи и покровительства папы ордену. Чрезъ его руки проходили всѣ бумаги, всѣ дѣла, поступавшія въ Римъ на утвержденіе папы. Всѣ эти бумаги оставались въ Римѣ и хранились въ особомъ базиліанскомъ архивѣ, за цѣлостію котораго долженъ былъ наблюдать прокураторъ. (1)

(1) Congreg. XII. Żyrowicka. № 3. Cod. Constit. Formula juramenti procuratoris in Urbe: Ego NN. Congregationis Ruthenorum professus ex provincia N electus capitulariter in procuratorem generalem totius congregationis Ruthenorum, juro Deo in Trinitate Uni, in nulla negotia, quae inter provincias (quod absit) controversa essent, directe vel indirecte, palam vel occulte me implicaturum: illa vero duntaxat omnia negotia, quae Reverendissimo Protoarchimandrita et consultorio ordinis mihi ad promovendum, commitentur, fideliter, et quoad ejus fieri poterit, exacte promoturum: insuper etiam archivium ordinis in Residentia Romana reperibile, tam quod in exordio officii mei mihi ab antecessore consignabitur quam quod perturnum procuratoris mei accrescet, fideliter conservaturum, ac successuro mihi procuratore generali consignaturum: rem domesticam Residentiae nostrae Romanae, praesertim quo ad fidelem connotationem accepti et expensi, nec non quo ad instaurationem et conservationem aedificiorum ac utensilium ejusdem Residentiae, ut potis fuero curaturum. Sic me Deus etc.

Всѣ важнѣйшія дѣла, касавшіяся интересовъ цѣлаго ордена, рѣшались на генеральныхъ конгрегаціяхъ или капитулахъ. Конгрегаціи у базиліанъ были двухъ родовъ: одна *избирательная* (congregatia electiva), созывавшаяся для *избранія* генерала ордена или протоархимандрита, другая *частная*, обыкновенная (congregatia ordinaria), которая созывалась обыкновенно чрезъ четыре года, а иногда и раньше, смотря по обстоятельствамъ и нуждамъ ордена.

Избирательная конгрегація созывалась митрополитомъ. По смерти протоархимандрита, или по истеченіи срока, на который онъ былъ избранъ, митрополитъ писалъ *извѣстительное* посланіе (intimatio) ко всѣмъ монастырямъ, съ обозначеніемъ времени и мѣста, въ которое должны были собраться настоятели и депутаты отъ всѣхъ монастырей. Получивши это посланіе, каждый настоятель долженъ былъ прочитать его всей братіи. Братія избирала изъ своей среды одного или двухъ депутатовъ, смотря потому, сколько ихъ требовалъ митрополитъ въ своемъ посланіи (quot metropolita suis in litteris jusserit), и отправляла ихъ вмѣстѣ съ настоятелемъ въ назначенное время и мѣсто. Никто изъ настоятелей монастырей не имѣлъ права отказываться, безъ уважительной причины, отъ поѣздки на конгрегацію; въ противномъ случаѣ онъ платилъ денежный штрафъ (puniunt poena pecuniarum), который обращался въ пользу школъ [1]. Открытію конгрегаціи предшествовалъ трехдневный постъ. Эти три дня всѣ пріѣхавшіе на конгрегацію проводили въ молитвѣ и въ частныхъ совѣщаніяхъ и разспросахъ о личныхъ качествахъ и до-

---

(1) Congreg. XI. Zyrowicka. ses. 6.

стоинствѣ лицъ, которыхъ каждый изъ нихъ намѣренъ былъ предложить въ кандидаты. Въ день открытія конгрегаціи всѣ исповѣдывались, причащались и, послѣ краткаго отдыха, открывали засѣданіе молитвою къ Святому Духу и краткою рѣчью ([1]). Затѣмъ приступали къ подачѣ голосовъ. Обрядъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ: По данному звонку секретарь ордена подходилъ къ каждому изъ членовъ конгрегаціи съ чашею, въ которую опускались карточки съ именами избираемыхъ лицъ. При этомъ опускавшій карточку произносилъ слѣдующія слова: „призываю во свидѣтели Единаго въ Святой Троицѣ Бога, что избираю въ протоархимандриты того, кого считаю наиболѣе достойнымъ". По отобраніи голосовъ, секретарь передавалъ чашу митрополиту, или заступавшему его мѣсто епископу, который съ двумя скрутаторами (scrutator) отходилъ въ сторону и читалъ написанныя на карточкахъ имена, которыя одинъ изъ скрутаторовъ записывалъ на особомъ листѣ. На чьей сторонѣ было большинство голосовъ, тотъ и избирался протоархимандритомъ. Если случалось, что никто изъ избираемыхъ не имѣлъ узаконеннаго числа голосовъ, то митрополитъ записывалъ имена ихъ на особомъ листѣ, бралъ этотъ листъ въ руки, становился на колѣни предъ образомъ Спасителя, (что дѣлали и всѣ присутствующіе), и послѣ краткой молитвы, открывалъ листы—чье имя первое бросалось ему въ глаза, тотъ и провозглашался протоархимандритомъ. Избранный такимъ образомъ прото-

([1]) Въ этотъ же самый день во всѣхъ монастыряхъ иноки должны были съ утра до вечера просить Бога о благополучномъ избраніи протоархимандрита.

архимандритъ немедленно приводился къ присягѣ. На срединѣ собранія полагалось Евангеліе или Распятіе съ двумя зажженными свѣчами; по одной сторонѣ его лежали правила и постановленія ордена (Regulae et constitutiones), опредѣляющіе права и обязанности протоархимандрита, а по другой сидѣлъ митрополитъ въ мантіи, омофорѣ и митрѣ. Затѣмъ, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ отцовъ приводилъ новоизбраннаго къ Евангелію, давалъ ему въ руки форму присяги, которую онъ читалъ съ колѣнопреклоненіемъ. Главные пункты присяги — *вѣрность ордену, митрополиту и папѣ* (1). Послѣ присяги новоизбранный протоархимандритъ подходилъ къ митрополиту за благословеніемъ,—цѣловалъ его руки, ноги и лицо, а митрополитъ обнималъ его (metropolita vero ampléctatur eum). Таже церемонія повторялась и съ другими епископами, присутствовавшими на конгрегаціи. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, новоизбранный садился на особо приготовленное для него мѣсто подлѣ епископовъ. Затѣмъ всѣ остальные члены конгрегаціи вставали съ своихъ мѣстъ, подходили къ новоизбранному и цѣловали правую его руку въ знакъ

(1) Вотъ форма этой присяги: Ego NN. Ordinis S. Basilii M. Congregationis Ruthenorum professus, electus in Protoarchimandritam juro Domino Deo Uni et Trino me omnimodum S. Sedi Apostolicae et Illustrissimo ac Reverendissimo Domino NN. Metropolitano secundum omnia juro, constitutiones et decreta a S. sede Apostolica lata, ac juxta praescripta in literis fel. recor. Benedicti XIV decretalibus, quarum initium «Inter plures», et «super familiam», aliasque obedientiam praestiturum perseveraturumque in Unione cum S. Romana Ecclesia: principi meo Dominatori invictam fidem servaturum: omnibus congregationis nostrae provinciis peraeque addictum et fidelem futurum: in disponendis ac praemiandis personis justitiam distributivam secuturum: de iis quae secreta esse oportent, taciturum, neminique malitiose et in fraudem boni communis unquam proditurum: ac munus protoarchimandritae, in quem capitulariter electus sum, secundum constitutiones nostras et Regulas officii mei a sede Apostolica approbatas expleturum. Sic me Deus etc.

своего повиновенія ему и послушанія. Протоархимандритъ въ свою очередь цѣловалъ всѣхъ и обнималъ. Этимъ оканчивалось первое засѣданіе и весь обрядъ избранія. Противъ совершеннаго такимъ образомъ избранія никто не имѣлъ права возражать или протестовать, подъ угрозою наказанія.

На слѣдующій день новоизбранный принималъ церковное посвященіе (consecrabitur) отъ митрополита, или по его порученію отъ одного изъ присутствовавшихъ на конгрегаціи епископовъ. Послѣ посвященія митрополитъ или епископъ посвящавшій вручалъ ему протоархимандричую печать, передавалъ *правила протоархимандричія* (regula protoarchimandritae), *правила общежительныя* (regula communes) и наконецъ правила *всѣхъ монастырскихъ должностей* (R. omnium officiorum quae sunt per monasterio) и въ заключеніе, дѣлалъ ему краткое наставленіе о важности возложенной на него должности, напоминалъ также и всѣмъ присутствовавшимъ объ обязанностяхъ ихъ въ отношеніи къ протоархимандриту. Если были какія нибудь важныя дѣла, требовавшія общаго обсужденія и рѣшенія, то конгрегація продолжалась въ полномъ своемъ составѣ; если же такихъ дѣлъ не было, то митрополитъ съ епископами удалялись, а протоархимандритъ съ консульторами приступалъ къ исправленію обыкновенныхъ своихъ занятій. Тѣмъ и оканчивалась *избирательная* конгрегація ([1]). Точно также производились выборы провинціаловъ на провинціальныхъ избирательныхъ конгрегаціяхъ.

Со времени присоединенія Литвы и Бѣлоруссіи къ

([1]) Observ. cir. elect. Proto-dritae.... Cap. II. De congregatione generali ad eligendum proto-dritam.

Россіи базиліане литовской провинціи лишились на нѣкоторое время этого права. Для устраненія всякаго повода къ сношенію бизиліанъ съ заграничнымъ, какъ уніятскимъ, такъ и латинскимъ духовенствомъ, Екатерина II подчинила всѣхъ бѣлорусскихъ базиліанъ власти полоцкаго епископа, который одинъ имѣлъ право назначать базиліанамъ всѣхъ начальниковъ. Понятно, какимъ тяжелымъ ударомъ для базиліанъ было подобное распоряженіе гражданской власти. Въ 1790 году они подали прошеніе въ Сенатъ о возвращеніи имъ прежняго права. Прошеніе ихъ было удовлетворено. Сенатъ дозволилъ базиліанамъ самимъ избирать провинціала, консульторовъ и другихъ властей, но право утвержденія предоставилъ полоцкому уніятскому архіепископу. Въ 1795 году это рѣшеніе Сената снова было отмѣнено Екатериною II. Павелъ 1-й отмѣнилъ это послѣднее распоряженіе своей предшественницы. Указомъ 1798 года ноября 3-го дня дозволено было каждому монашескому ордену имѣть провинціала, консульторовъ и секретаря. Въ царствованіе Александра I издано было въ 1801 году 13 ноября „Положеніе для монастырей и церквей римско-католическаго духовенства,“ въ которомъ между прочимъ постановлено. „монастырямъ монашескихъ орденовъ быть управляемымъ во всемъ по ихъ правиламъ и институтамъ, имѣть согласно тому своихъ орденскихъ начальниковъ и провинціаловъ, не дерзая однакожъ, вопреки Высочайшему прещенію, подъ опасеніемъ суда уголовнаго, какое либо имѣть сношеніе съ генералами монашескихъ орденовъ или иными властями, внѣ Россіи находящимися, о чемъ имѣютъ отвѣтствовать помянутые орденскіе начальники или провинціалы.“ На основаніи

этого положенія базиліане по прежнему созывали конгрегаціи, избирали провинціала, консульторовъ и секретаря. За правильностію этихъ выборовъ наблюдалъ уніятскій митрополитъ, и всякій разъ доносилъ о томъ гражданскому правительству. Обыкновенная генеральная конгрегація созывалась генераломъ ордена по совѣту съ митрополитомъ ([1]). Открытіе этой конгрегаціи сопровождалось такими же церемоніями и приготовленіями, какъ и первой,—избирательной. Всѣ пріѣхавшіе на конгрегацію слушали обѣдню, исповѣдывались и причащались, и затѣмъ уже открывали засѣданіе. Первое засѣданіе открывалось чтеніемъ пунктовъ или предметовъ, требовавшихъ общаго обсужденія. Пункты эти предлагались всѣми членами конгрегаціи. Потомъ дѣлался изъ нихъ общій сводъ и предлагался на публичное обсужденіе. Спорные пункты обыкновенно предлагались на обсужденіе четыремъ опытнѣйшимъ отцамъ (perfectiores patres), подъ предсѣдательствомъ протоархимандрита. Рѣшеніе ихъ читалось потомъ въ общемъ собраніи. Каждый изъ присутствовавшихъ имѣлъ право дѣлать свои замѣчанія и возраженія, которыя записывались секретаремъ и отдавались на обсужденіе тѣмъ же выборнымъ отцамъ. Что они постановляли, то принималось всею конгрегаціею безъ всякаго противорѣчія. Затѣмъ всѣ рѣшенія и постановленія конгрегаціи переписывались на-бѣло, опять читались въ общемъ собраніи, подписывались дѣйствительными членами конгрегаціи и разсылались во всѣ монастыри ([2]).

Всѣ присутствовавшіе обязывались клятвою сохранять

([1]) Congreg. I. Nowogrodowicka ses. 4. № 19.
([2]) Observanda.... Cap. VI. De ordinaria congregatione generali.

въ секретѣ все, что дѣлалось и говорилось на конгрегаціи (1).

Такимъ образомъ базиліанскія конгрегаціи были самою высшею административною и законодательною инстанціею, рѣшенія и постановленія которой имѣли обязательпую силу для всего ордена. Постановленія одной конгрегаціи могли быть отмѣнены и уничтожены только другою конгрегаціею (2) и папою (3).

Поступленіе въ орденъ соединено было съ значительными затрудненіями и формальностями. Изъявившій желаніе поступить въ орденъ отсылался въ одинъ изъ *новиціатовъ*, которы были въ Бытэни, Жировицахъ, въ Вильнѣ Холмѣ. Здѣсь онъ прежде всего представлялся настоятелю, который позволялъ ему прожить у себя нѣсколько дней на правахъ гостя, съ запрещеніемъ однако имѣть общеніе съ внѣшними (exteriores) т. е. не принадлежащими къ ордену, даже съ родными. Въ это время давали ему читать первую часть базиліанскихъ конституцій, (Cod. constitutionum pars prima, const. Communes). По истеченіи трехъ дней новоприбывшій допускался къ пріемному экзамену. Для этого въ новиціатѣ была особая должность *экзаминатора*, обязанность котораго исключитель-

(1) Congreg. Zyrowicka 1675 r. Zebrani my wyzey mianowani prałaci-consultarowie y posłowie S. Bazylego.... w żyrowicach na electią proto-dryty, głowy zakonu naszego, do ktorey electij tym sposobem pzystąpilismy: od *zakonu* S. *taiemnie*, lubo na congregaciach tak ieneralnylch, iako y partykularnych, lubo oprocz congregaeyey *dochować* w *statecznem milczeniu*, y co kolwiek na congregacyach, oprocz nich będzie sie działo, ordynowało, albo decudowało, connotować y wydawać to iako pszysięgą ztwierdzam, tak mię P. Boże wspomoż y Jego S. męka....

(2) Такъ напр. конгрегація 1703 г. отмѣнила постановленіе первой (1717 г.) конгрегаціи объ обязательности для всѣхъ базиліанъ четвертаго обѣта.

(3) Ниже мы увидимъ, какія именно постановленія конгрегаціи были отмѣнены папами.

но состояла въ испытаніи поступающихъ въ новиціатъ. Прежде всего новоприбывшій подвергался медицинскому осмотру. Съ значительными физическими недостатками, какъ-то слѣпые, глухіе, калѣки, подверженные заразительнымъ и вообще трудно излечимымъ болѣзнямъ, не принимались въ орденъ. Если экзаменующійся не имѣлъ физическихъ недостатковъ, экзаминаторъ приступалъ къ дальнѣйшему допросу. Онъ спрашивалъ его имя, возрастъ, званіе, состояніе и вѣроисповѣданіе, и судя по отвѣтамъ на эти вопросы, рѣшалъ принимать, или не принимать его въ новиціатъ. Не принимались 1) незаконнорожденные, непомнящіе родства и вообще люди неизвѣстнаго происхожденія, — бывшіе подъ судомъ, или подвергавшіеся позорному наказанію, занимавшіеся низкимъ ремесломъ, какъ то: палачи, шуты, комедіанты, сводники; не принимались 2) не только рабы (servus) и крестьяне (subditus), не получившіе свободы отъ своихъ господъ, но и получившіе свободу, — если только отъ нихъ нельзя было ожидать какой нибудь пользы для ордена. Не принимались, наконецъ, 3) неофиты или новообращенные изъ іудеевъ, еретиковъ и т. п. Иновѣрцы, особенно иноки-схизматики (т. е. провославные) принимались только по усмотрѣнію протоархимандрита. Если не оказывалось никакого препятствія къ поступленію въ орденъ, то экзаминаторъ вписывалъ показанія желавшаго вступить въ орденъ въ книгу, записывалъ также годъ и число поступленія его въ новиціатъ, и затѣмъ сдавалъ его на руки *магистра* новиціата (¹). Магистръ, или наставникъ новиціушовъ, большею частію іезуитъ, назначалъ новопоступившему

(¹) Cod. Constitut. Regulae Examinatorum.

какое нибудь занятіе, которое обыкновенно было тѣмъ унизительнѣе, чѣмъ знатнѣе былъ по происхожденію или по воспитанію новопоступившій. Спустя день или два послѣ испытанія, магистръ назначалъ ему восемь дней для приготовленія къ исповѣди и причастію Святыхъ Таинъ. Исповѣдь была самая подробная, за всю жизнь. Этимъ оканчивался обрядъ принятія въ новиціатъ.

Новиціатъ продолжался годъ и шесть недѣль. Впрочемъ срокъ этотъ могъ сокращаться и увеличиваться по усмотрѣнію магистра новиціата. Все это время новиціуши находились подъ бдительнымъ надзоромъ своего магистра или его помѣщника (socius). Два раза въ недѣлю онъ изъяснялъ имъ законъ Божій (doctrina christiana), а въ прочіе дни занимался съ ними повтореніемъ изъясненнаго. Способъ повторенія былъ эротематическій или лучше сказать схоластическій, какой употреблялся въ тогдашнихъ латинскихъ, особенно іезуитскихъ школахъ. Въ свободное отъ занятій время имъ давались книги для чтенія исключительно духовнаго, аскетическаго содержанія. Для упражненія магистръ назначалъ новиціушамъ разные духовные подвиги, какъ-то: посты, молитвы, поклоны, стояніе на колѣнахъ, и другіе внѣшніе подвиги благочестія, по мѣрѣ силъ каждаго; внушалъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ пользу, достоинство и необходимость „смиренія“, а главное,—„послушанія, которое есть основаніе всѣхъ добродѣтелей“. Новиціуши должны были какъ можно чаще присутствовать при совершеніи таинствъ и другихъ церковныхъ службъ и обрядовъ, и какъ можно чаще исповѣдываться и причащаться. Главная цѣль искуса состояла не въ томъ, чтобы узнать, способенъ ли но-

новиціуша въ монашеской жизни, а въ томъ, будетъ ли онъ въ чемъ нибудь полезенъ ордену. Если магистръ не замѣчалъ въ новиціушѣ никакихъ особенныхъ дарованій и способностей, то немедленно удалялъ его изъ новиціата (1). Если кто изъ новиціушовъ имѣлъ какое нибудь движимое или недвижимое имущество, то долженъ былъ заблаговременно, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца *до профессіи*, объявить своему начальству (2). По конституціямъ ордена имѣніе это должно было принадлежать ордену (3).

По окончаніи новиціата новиціуши допускались къ вѣчнымъ обѣтамъ (professia). Теперь они опять передавались на руки экзаминатора, который давалъ имъ уже *вторую часть* конституцій, собственно базиліанскаго произведенія (constitutiones congregationis). Когда они достаточно ознакомливались съ ними, экзаминаторъ спрашивалъ ихъ (новиціушовъ), желаютъ ли они навсегда остаться въ орденѣ или нѣтъ, и если желаютъ, то достаточно ли чувствуютъ въ себѣ силъ къ выполненію всего, что требуютъ отъ нихъ конституціи ордена, и нѣтъ ли въ нихъ какихъ либо сомнѣній на счетъ ино-

(1) Пильно уважати потреба врезъ весь часъ искусу, если бы кто неспособный, альбо (или) непожиточный (бесполезный) законови нашому быти міялъ (т. е. новиціушъ), въ томъ большій взглядъ мѣти потреба на добро посполитое, нижли на персону тую, або овую, а што о томъ разумѣти будетъ, каждого полгоду до старшаго писать абы онъ засьпоралъ.... Ухвалы всѣхъ урядовъ: „Справованье во искусѣ будучихъ".

(2) Cod. Constit. De probatione admittendorum. De institutione et probatione tyronum.

(3) Congreg. I. Nowogrodowicka, ses. 6. № 20.... Starać się mamy, żeby tym monasterom (новиціатамъ) ni naczym nieschodziło, co do skutku przyprowadziemy, nie tak staraiąc się o nowe nadania które ieszcze w rękach obcych są, a nam zaraz iyś porządnie potrzeba, iako staraiąc się żeby to nas doszło, co według prawa nam należy, to iest *spadki braci naszych professow, ktore po śmierci rodzicow na nich przypadaią.*

ческой жизни. Испытывали ихъ также и въ томъ, насколько они ознакомились въ новиціатѣ съ христіанскимъ ученіемъ. Отвѣты на всѣ вопросы экзаминатора записывались въ книгу и скрѣплялись подписью экзаминатора и экзаменуемаго (1). Выдержавшіе экзаменъ допускались къ обѣтамъ. Обѣты давались торжественно, въ присутствіи протоархимандрита или провинціала, и только въ крайней нуждѣ предъ простымъ іеромонахомъ (monachus sacerdos),—на всю жизнь (2). Неопрофессы отсылались въ особо назначенные для нихъ монастыри на три года, для дальнѣйшаго усовершенствованія и для укрѣпленія того духа, которымъ наполнили ихъ въ новиціатѣ" (3).

(1) Cod. Const. De iis quae ad professionem tyronum pertinent.

(2) Хотя иноческіе обѣты давались каждымъ членомъ ордена на всю жизнь, но для бóльшаго преуспѣянія въ благочестіи, базиліане постановили, чтобы обѣты повторялись ежегодно всѣми членами ордена. Обрядъ повторенія обѣтовъ совершался слѣдующимъ образомъ: — Въ день св. Василія Вел. настоятель, собравши всю братію въ церковь, говорилъ ей краткое поученіе. По окончаніи его, онъ становился на колѣни предъ св. Дарами, которые стояли на престолѣ, и читалъ про себя форму повторенія обѣтовъ. За тѣмъ онъ садился у образа св. Василія Вел., стоявшаго по лѣвой сторонѣ престола и читалъ туже форму въ слухъ всей братіи. Вотъ эта форма: Ego NN. vilissimus peccator in sanctissima praesentia tua, Deus Optime Maxime, constitutus, humiles tibi ago gratias, quod me sola dignatione misericordiae tuae vocare sis dignatus ad ordinem religiosum sub regula s. patris nostri Basilii M., in quo quemadmodum semel me totum Tibi conservavi et vovi castitatem, paupertatem et obedientiam sub regimine protoarchimandritae congregationis nostrae, item non ambire ullas dignitates tam ecclesiasticas quam monasticas palam, clam, nec per me, nec per alium, ita hac omnia vota libens in praesentia renovo et instauro. Suscipe, Te precor, misericors Deus, hoc innovatum spiritus mei sacrificium, et gratia Tua opitulari mihi perge, ut quae Tibi promisi fideliter, Te adiuvante, adimpleam. Admittere Tu quoque precibus tuis Magne Pater Basili, ut haec mea in ordine Tuo votorum renovatio sit mihi stimulus ad perfectius juxta statum meum Deo serviendum et gustum paterno cordi tuo faciendum. Amen. Cong. II. Lawrissowska (1621 r.). Cod. constit. Formula renovationis votorum.

(3) Congreg. VI. Wilenska (1636 r.) ses. 16.

По окончаніи этого, такъ сказать, втораго новиціата, неопрофессы вступали въ число дѣйствительныхъ членовъ ордена, настоящихъ профессовъ.

Профессы назывались также иноками четырехъ обѣтовъ (profesy czterech ślubow). Это были—обѣтъ добровольной нищеты, цѣломудрія, послушанія и недомогательства іерархическихъ степеней и церковныхъ должностей (nie staranie sie o honory, nie domoganie sie wyzszych urzodow).

Профессы 4-хъ обѣтовъ составляли господствующій классъ въ орденѣ. Изъ нихъ избирались протоархимандриты, провинціалы, консульторы и прочія должностныя лица въ орденѣ. Они составляли монастырскій *капитулъ* или совѣтъ настоятеля монастыря и имѣли *рѣшительный* голосъ (suffragium definitivum activum) на генеральныхъ конгрегаціяхъ.

Въ базиліанскомъ орденѣ былъ еще особый классъ иноковъ, такъ называемыхъ *лаиковъ* (laici) т. е. классъ монаховъ, неимѣвшихъ никакихъ церковныхъ степеней, не принадлежавшихъ къ клиру. Въ конституціяхъ ордена они иногда называются просто *ремесленниками* (rzemiesznicy). И дѣйствительно, это были не что иное, какъ ремесленники, или лучше сказать *чернорабочій классъ* въ орденѣ. Въ этотъ классъ принимались только тѣ, которые знали какое нибудь *ремесло*. По конституціямъ ордена имъ не дозволялось заниматься науками или учиться въ школахъ. Они постоянно должны были заниматься тѣмъ ремесломъ, или тою работою, которую назначали имъ монастырскія власти. Только нѣкоторымъ изъ нихъ, отъ которыхъ ожидалась какая нибудь польза для ордена, дозволялось, съ разрѣшенія протоархимандрита, или провинціала, учиться

въ школахъ. Настоятели монастырей обязаны были постепенно, мало по малу доводить ихъ до сознанія, что они дѣйствительно *черный народъ*, рабы въ орденѣ. Всегда и вездѣ они должны были занимать послѣднее мѣсто,—въ церкви, за столомъ и на прогулкахъ, на которыя ихъ однако очень рѣдко пускали. И по внѣшности они отличались отъ прочихъ членовъ ордена. Одежда ихъ состояла изъ одной полурясы, подпоясанной кожаннымъ поясомъ. Не имѣли они ни мантіи, ни тонсуры на головѣ, (выбритый кружокъ на макушкѣ головы, по обычаю латинскаго клира) и волосы носили длиннѣе, чѣмъ прочіе члены ордена. Подобно прочимъ членамъ ордена, они должны были предварительно отбыть новиціатъ, гдѣ они назывались *новиціушами—лаиками* въ отличіе отъ *новиціушовъ—клириковъ*. Срокъ новиціата назначался для нихъ большій, чѣмъ для новиціумовъ—клириковъ,—именно два года. Во время этого испытанія нисколько не заботились о развитіи умственныхъ ихъ способностей, даже мало знакомили ихъ съ закономъ Божіимъ. „Съ тѣми, которые не суть *клирики*, сказано въ базиліанскомъ уставѣ, працовати потреба, абы *молитись* умѣли". По окончаніи новиціата они также допускались къ *профессіи* т. е. къ обѣтамъ монашескимъ, только вмѣсто четвертаго обѣта,—о недомогательствѣ высшихъ іерархическихъ степеней и церковныхъ должностей,—который давали новиціуши—клирики,—они давали обѣтъ „недомогательства поступленія въ клиръ" (niedomaganie sie o klerycstwo) (¹). Въ видахъ поощренія ихъ принимали въ члены монастырской капитулы, но только по истеченіи покрайней мѣрѣ

(¹) O laikach, ich urzędzie y odzieniu. Congreg. II. Lawrysz.

трехъ лѣтъ со дня профессіи. Впрочемъ они имѣли здѣсь только совѣщательный, (consultivum), а не рѣшительный голосъ (suffragium activum definitivum) (1). Лаики были очень полезны для ордена въ матеріальномъ отношеніи. Монастыри базиліанскіе не нуждались въ постороннихъ наемныхъ ремесленникахъ и мастерахъ: они имѣли своихъ.

Удаленіе изъ ордена было соединено еще съ большими затрудненіями, юридически было даже невозможно. Поступившій въ орденъ долженъ былъ знать „же вѣчнымъ въ законѣ невольникомъ маетъ зостати“ т. е. оставаться въ орденѣ на всю жизнь. „Кто колвекъ хочетъ выйти з закону и просити о вызволене з его,“ сказано въ конституціяхъ ордена, „*пущати его не маемъ*“ (2). Если онъ станетъ употреблять разныя продѣлки, станетъ, напр. безчинствовать, неслушаться настоятеля, распространять худую молву про цѣлый орденъ, или про тотъ монастырь, въ которомъ живетъ, то и въ такомъ случаѣ не выпускали его, а употребляли всѣ средства къ удержанію его въ монастырѣ. Если же это не помогало,—желавшій выйти изъ ордена по прежнему безчинствовалъ и тѣмъ соблазнялъ прочую монастырскую братію, тогда настоятель, по правиламъ долженъ былъ выпустить его, объявивши однако, что онъ все таки не свободенъ отъ обѣтовъ нищеты, цѣломудрія и послушанія тому епископу, въ епархіи котораго онъ будетъ жить (3).

(1) ...Laici tertium a professione egressi annum capitulo monasterii interesse teneantur, ipsorum tamen est consultivum duntaxat ferre suffragium. Cod. Const. De iis quae ad professionem tyronum pertinebit. Reg. LIV.

(2) Уставъ всѣхъ Урядовъ. Справоване во искусѣ будучихъ.

(3) Congreg 1. Nowogrodowicka ses. 5, № 25.

Это правило, какъ видно, имѣло силу только для тѣхъ, на которыхъ можно было положиться, что они и по выходѣ изъ ордена не будутъ, или покрайней мѣрѣ не въ состояніи будутъ тайно или явно вредить ордену и не измѣнять своей вѣрѣ, т. е. уніи. Но оно не имѣло силы для тѣхъ, которые желали выйти изъ ордена по отступничеству отъ уніи. Такія подозрительныя лица не выгонялись изъ монастыря, а сажались въ монастырскую тюрьму на столько времени, на сколько заблагоразсудится генеральной конгрегаціи (¹).

Еще болѣе тяжкое наказаніе ожидало тѣхъ, которые по какимъ бы-то ни было причинамъ, желали выйти изъ своего общества съ цѣлію поступить въ другой (латинскій) орденъ и побуждали къ тому другихъ иноковъ. Они навсегда лишались права голоса и избранія на высшія должности, заключались на годъ въ монастырскую тюрьму, содержались только на хлѣбѣ и водѣ, и каждый день при входѣ и выходѣ братіи изъ трапезы, должны были просить прощенія, кланяясь каждому изъ нихъ въ ноги. Они ни отъ кого не могли получить разрѣшенія (absolucyi) въ этомъ грѣхѣ, кромѣ митрополита (²).

Устройство каждаго изъ базиліанскихъ монастырей въ частности было очень похоже на устройство и организацію цѣлаго ордена.

Настоятель монастыря избирался протоархимандритомъ, или, какъ это было послѣ дубенской конгрегаціи,—провинціаломъ, на четыре года. Впрочемъ генералъ могъ увеличить и сократить этотъ срокъ, смотря

(¹) Тамъ же.
(²) Тамъ же.

не заслуживать настоятеля. Для болѣе правильнаго и добросовѣстнаго управленія монастыремъ, ему назначались въ помощники, въ меньшихъ монастыряхъ два, а въ большихъ четыре такъ называемыхъ *отцовъ соборныхъ* (patres capitulares). Они избирались всею братіею и утверждались протоархимандритомъ или провинціаломъ. Безъ ихъ вѣдома и согласія настоятель не могъ предпринимать ни одного важнаго дѣла.

Настоятель долженъ былъ знать все, что дѣлается въ монастырѣ до мельчайшихъ подробностей. Поэтому каждый изъ братіи, по данному имъ обѣту безусловнаго послушанія—„повиненъ есть старшому всѣ недостатки свои и то што видитъ въ братіи, милуючи душу свою и добро закону, самъ предъ себе, и небудучи *напоминаемъ* ознаймяти (1).

Но такъ какъ едва ли кто изъ братіи рѣшился бы на доносъ на своего собрата, а тѣмъ болѣе на самаго себя, а старшему все таки „о всемъ потреба вѣдати,“ то есть „зъ искуснѣйшихъ маетъ назначити такихъ, которые бы ему только, а не кому иншому вѣдомы бы-

---

(1) Съ этою цѣлію настоятелю вмѣнялось въ обязанность какъ можно чаще, по крайней мѣрѣ чрезъ три мѣсяца „съ братіею духовно размовлять, призываючи поединкомъ до себе, а въ той часъ пытатися о томъ, якося маетъ наздоровю, покарме, одежю и спаню,... если не чуетъ якихъ покусъ на собе, если маетъ якіе налоги або склонность до якого злого, давные альбо теперешніе, и якося зъ тымъ обходитъ, што за поступокъ (успѣхъ) въ справахъ духовныхъ, т. е. убуствѣ, чистотѣ и послушенствѣ... Правила або уставы чи маетъ въ келли своей, чи читаетъ, яко заховуется въ нихъ, яко отправуетъ молитву мысленную, правило церковное, читане книжокъ духовное, рахунокъ сумнѣния, споведь, а если маетъ якій урядъ на собѣ, яко ему досытъ чинитъ. Если бы кто вѣдалъ о инишихъ въ чимъ бы повинности своей недосить чинилъ, и яко обцуютъ зсобою на упражненю, въ церкви яко поступуютъ, такжe въ трапезѣ, зъ свѣцкими што за обцоване або ихъ, або другой тѣбра.“ и пр...

ли, а тѣмъ повинность будетъ присматриватися пилно поступкамъ братіи въ церкви, въ трапезѣ, въ келіяхъ, и въ общованю оспольномъ на упражненю." Эти соглядатаи поведенія и образа жизни иноковъ назывались *блюстителями* (fiscales). Но такъ какъ подобные „блюстители" нигдѣ, ни въ какомъ обществѣ, даже въ иноческомъ не бываютъ терпимы, то „старшій яко найпилнѣй стеречися маетъ, жебы ни въ чимъ не давалъ дятъ, жебы никому зъ братіи въ подозрѣню не былъ зъ тое причины".

Отношеніе настоятеля къ братіи должно быть всегда и во всемъ кроткое, отеческое. Если ему приходилось какимъ бы то ни было путемъ узнать о какомъ нибудь важномъ проступкѣ, то онъ долженъ призвать къ себѣ провинившагося и на первый разъ „маетъ въ тихости духа упоминати и зъ указаніемъ любви." На второй разъ онъ уже „суровѣй долженъ выразить ему выступокъ его такъ же бы его познавъ и застыдился его". Если и это не подѣйствуетъ, то долженъ прибѣгнуть къ исправительному наказанію. „Однако и тое зъ указаніемъ любви, жебы розно было каране законное отъ свѣцкихъ, и кгдыся на кого яко свѣцкій человѣкъ разгнѣваетъ, въ тотъ часъ а ни карати, а ни упоминати не маетъ, ажъ гнѣвъ перейдетъ".

Мѣры къ исправленію были трехъ родовъ: самыя строгія: „на хлѣбѣ и водѣ вмѣсто обѣда перестати, крыжомъ презъ цѣлый тыдень при каждомъ обѣдѣ лежати, въ отлученю отъ братіи, въ меньшемъ, албо большемъ воздержанью презъ 10, 20 або 40 дней былъ." Болѣе умѣренныя: „сѣдячи на подножку ѣсти на земли, цѣловати другимъ ноги, молитися кленчачи; въ трапезѣ читати, або устнѣ повѣдати предъ всѣми свою вину,

въ ядении на одной потравѣ перестати, въ питью на квасѣ, послуга въ кухнѣ, въ пекарни и на иншихъ мѣстцахъ подлѣйшихъ, и т. под. Самыя умѣренныя и легкія: — стоючи ясти, отче нашъ змовити, одное потравы не ѣсти, и т. п. (1).

Для ограниченія произвола настоятеля въ обращеніи съ братіею въ базиліанскихъ монастыряхъ была особая должность, такъ называемаго *зелятора*. Онъ избирался протоархимандритомъ изъ добросовѣстнѣйшихъ отцовъ, по преимуществу изъ „отцовъ соборныхъ“ и обязанъ былъ защищать братію отъ обидъ и притѣсненій настоятеля.

Но насколько всѣ иноки въ монастырѣ обязаны были слѣдить другъ за другомъ и обо всемъ доносить настоятелю, на столько же, и даже больше, обязаны были хранить въ величайшемъ секретѣ всѣ грѣхи, которые они знали другъ про друга, особенно про настоятеля, и вообще всѣ темныя монастырскія дѣла, и не только отъ *внѣшнихъ*, свѣтскихъ людей, но даже и отъ своихъ — отъ иноковъ другаго монастыря. Нарушитель этого правила подвергался тому же наказанію, какому долженъ былъ подвергнуться совершившій преступленіе (2).

Не смотря на кажущуюся строгость монастырской дисциплины, жизнь инока въ базиліанскихъ монастыряхъ не была слишкомъ тяжела и безотрадна. Вообще базиліане не отличались строгостію къ себѣ ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ препровожденіи времени. ТриДневныя службы церковныя не были слишкомъ обре-

(1) Уставы всѣхъ Урядовъ. Настоятель. Прав. 4, 5, 7, 8, 11, 13, 14, 16 и 17.

(2) Congregat. II. Lawriszowska. O objawiających i secreta donoszących.

монительны, тѣмъ болѣе, что самый уставъ монастырскій предписывалъ, „же бы братія стараючись о набоженствѣ, головы неуразили, або собѣ силы надбыть (слишкомъ) неуняли (¹)". Свободное отъ церковныхъ службъ время они проводили во взаимныхъ бесѣдахъ, чтеніи книгъ, въ прогулкахъ внѣ монастыря. Въ трапезѣ у нихъ былъ сытный столъ и хорошее питье (²). Мясная пища, не смотря на самыя строгія постановленія конгрегацій (2-й и 3-й), не смотря на убѣдительныя письма папы (Урбана VIII), (³) не могла быть выведена изъ употребленія и наконецъ положительно разрѣшена при митрополитѣ Календѣ въ 1664 году (⁴). Уставъ базиліанскій дозволяетъ инокамъ въ дорогѣ и въ гостяхъ не стѣсняться въ выборѣ пищи. Но за то тотъ же уставъ строго воспрещаетъ иноку имѣть у себя въ келья

(¹) Уставы всѣхъ Уряд. Духовный отецъ. Прав. 4.

(²) Congreg. 1. Nowogrodow. ses. 9. O wstrzemięzliwosci w napoju dał pszestrogę Imsc (Руцкій) iz sie ta między bracią naszą pokazała, ze piią po kilka kubkow mocnego piwa pszy stole zarazali sie, dla tego w tym takesmy postanowili, zeby *kazdemu bratu nalewano po dwa razy w kubki nasze, ktore maią miec miare kwarty*; a iezeliby kto więcey pić chciał, niechay miasto piwa przedniego będzie dano poslednieysze...

(³) O uzywaniu mięsa, ktorego w tych czasach niektorzy z naszych pilno domagali sie, czytano nam list od Oyca s. Urbana VIII.... w którym z pilnością zakazuie iego zakonnikom naszym.... Congreg. IV. Wilenska ses. 8.

(⁴) Proponowano takze abstynętią carnium wznowić.... Do tego punctu lubo Imsc X. (Коленда) czynił, aby w refectarzach całe mięsa nieiadano, iednak wiodące y koszt sowicie większy y insze inconvenientia które by pszytrafiac musiały z dwoiakiey kuchni y dwoiakiey pracy, kiedyby dwoiakie potrawy kupować sie y gotować sie miały. Notandum tedy pszez dni trzy wtydzien ze sie moze pozywac mięso (krom iednak noviciatu y tych klasztorow gdzie ryb dostatek) insze zas cztyry dni zachowac powinni srzode i piątek zwyczaynym sposobem, poniedziałek y sobotę z masłem dyspensuiąc iednak w drodze i w goscinie będącym. Congreg. XVII Wilenska. Ses. 4

не только съѣстные припасы или горячіе напитки, но даже и деньги (1), что едвали соблюдалось на дѣлѣ.

Снисходительные къ самимъ себѣ, базиліане не были слишкомъ строги и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ. Въ уніятской церкви соблюдались тѣже посты, какіе и въ православной. Но ни одинъ изъ этихъ постовъ не былъ такъ обременителенъ для бѣднаго, загнаннаго литовско-бѣлорусскаго народа, какъ постъ Петровъ. На соборѣ, бывшемъ въ 1720 году въ Замостьѣ, базиліане разрѣшили рабочему классу не стѣсняться въ этотъ постъ выборомъ пищи. При такомъ взглядѣ на жизнь и ея требованія базиліане находили сочувствіе и поддержку въ современномъ обществѣ. Число ихъ увеличивалось, имѣнія и капиталы ихъ возрастали.

II. Отношенія базиліанскаго ордена къ уніятской іерархіи.

По плану Рутскаго, уніятская іерархія т. е. митрополитъ и епископы, должны были находиться въ самой тѣсной, неразрывной связи съ орденомъ. Этого требовали какъ интересы уніи, такъ и интересы ордена, которые (орденъ и унія) такъ тѣсно связаны были между собою, что по словамъ одного изъ поборниковъ уніи и защитниковъ правъ ордена, „благо одного было вмѣстѣ благомъ и другой и зло перваго было зломъ для другой (2). Успѣхи ордена, а слѣдовательно и са-

(1) Congreg. II. Lawriszowska. O warowaniu sie własnosci.... Postanawiamy, aby pieniądze żadnemu z braci naszych do używania prywatnego niepozwalały sie, oprocz pospolitego uzywania, ktore samemu ekonomowi albo innemu pozwolone bydź ma....

(2) Proponował (Як. Суша) te rzeczy, ktore są do dobra całey Jednosci

мой унiи, должны были зависѣть отъ того, между прочимъ, кто будетъ занимать митрополичью и епископскiя каѳедры; будетъ ли унiатская iерархiя сочувствовать интересамъ ордена, поддерживать и защищать его словомъ и дѣломъ, или нѣтъ ([1]). Рутскiй не оставилъ безъ вниманiя этого важнаго пункта.

До временъ Руцкаго въ западно — руской церкви, какъ православной, такъ и унiатской iерархическiя мѣста и должности не были привиллегiею одного какого нибудь сословiя. Каждый мiрянинъ, смотря по степени своего образованiя и личныхъ достоинствъ, могъ получить ту или другую iерархическую степень. Нужно было только выхлопотать у короля такъ называемый *привилей* или грамоту на ту или другую церковную должность. Естественно, что такiе епископы не всегда и не всѣ могли горячо сочувствовать интересамъ ордена, съ которымъ они не были связаны тѣсными узами и надъ которымъ они не имѣли почти никакой власти.

Руцкiй рѣшился уничтожить этотъ вѣковой обычай западно-руской церкви. Онъ выхлопоталъ у Владислава IV привилей, по которому одни только базилiане имѣли право на полученiе iерархическихъ должностей ([2]). Съ этихъ поръ унiатскiе митрополиты и епи-

promocyi byli noypozytecznieysze, potym ktore do dobra samego zakonu należały, poniewaz bowiem *zakon y Jednosć złączone, iednego dobro z drugiego dobro pochodzi, y zle iednego iest drugiego zle.* Congreg. XVI. Brzeska. Ses. 2.

([1]) Zakonowi naszemu (говоритъ Руцкiй) wiele natym zależy, abysmy Metropolitę związkiem scisłym z sobą złączonego, y takiego, ktory by miał chęc do rozmnozenią zakonu naszego; dla tego potszebną rzecz bydz rozumiemy, żeby zposzrodku od nas był obrany... Congr. I. Nowogrodowicka. Ses. 4. № 21.

([2]) Вотъ этотъ привилей: Władystaw IV etc. Wiadomo czyniemy etc.

епископы избирались исключительно изъ базиліанъ и самими же базиліанами. Право избранія епископовъ принадлежало митрополиту и протоархимандриту съ консульторами (1). Избранное ими лицо отправлялось ко двору за полученіемъ привилеи. Никто не смѣлъ самъ собою, безъ вѣдома и согласія митрополита, добиваться той или другой церковной должности. Съ этою цѣлію и установленъ былъ базиліанами четвертый обѣтъ — „недомогательства высшихъ церковныхъ должностей". Избранный во епископы не освобождался отъ обязанностей, лежавшихъ на каждомъ членѣ ордена. А что-

---

iż takośmy studio boni wzięli to na sie, abysmy pokoy miedzy ludzmi Religij Greckiey zatrzymali i sposoby pokoiu tego declaracyi Oycu s. zostawilismy byli; (w czym iż Oyciec S. Studium swoie suspendit, i zadney declaracyi rzetelney nieuczynił; a na seymie tym inaczey do Obrony Rzeczypospolitey y inszych spraw przyiść nie mogło; pszyszło nam convenire ludziom w Nieunij będącym: co non in vim approbationis iurium Schismatis, ale dla dobra pospolitego uczynilismy): Tak i tu testimonium nasze daiemy, że ludzi w Unij Kosciola Rzymskiego będących eo prosequimur favore et affectu, iż onych przy Metropolij i dobrach do niey należących wiecznemi czasy zachowuiemy. Archiepiscopstwo Połockie, Biskupstwa Włodzimierskie, Pinskie, Chełmskie, Smolenskie i z monasterami, Cerkwiami i dobrami do nich należącemi pszy unitach zawsze zostawać maią. Także Monaster Wilenski S. Troycy z bractwem i z cerkwią S. Piątnicy i z fundacyami do nich należącemi: więc i Grodzienski, Zydychenski, Mohilowski, Minski, Nowogrodzki, Onufryiowski, Mscisławski, Pustynski, Połocki, Leszczynski i insze, których teraz in possessione są, potomnemi czasy pszy Unitach zostawać maią, i w Witebsku, Połocku i Nowogrodku, nigdy żadney Cerkwi Nieunici mieć nie będą. Warując to zas za nas i za Nayiasnieyszych Potomków naszych, iż tego Episcopstwa, Archimandryctwa, Ihumenstwa, *nikomu inszemu konferować* i sukcessorowi nasi *nie będą tylko zakonnikom zasłużonym w Iedności reguły s. Bazylego będącym*, których teraznieyszy oyciec Metropolita Unit i successorowi iego Unici proponować nam i successorom naszym będą. Na co się ręką własną podpisujemy etc. Władysław krol. w Warszawie 1635 r. dnia 14 Marca. Ostrowski. Dzieje i prawa Kosc. Pol. T. III. p. 236.

(1) Congreg. XXI. Nowogrodska (1686 r.). Nexus Metropolity zakonem, № 11.

бы епископъ не забывалъ этихъ обязанностей, базиліане постановили, чтобы при каждомъ изъ нихъ находилось извѣстное лицо, избранное протоархимандритомъ, которое бы напоминало имъ объ этихъ обязанностяхъ (1). Кромѣ того какъ у епископовъ, такъ и у митрополитовъ были еще *коадъюторы* или администраторы. Коадъюторы избирались протоархимандритомъ съ консульторами и ближайшими епископами. Коадъюторы обязаны были между прочимъ управлять дѣлами вакантныхъ епископскихъ каѳедръ и заботиться о цѣлости принадлежавшихъ къ нимъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ (2). Вообще уніятскіе епископы не имѣли почти никакой власти надъ базиліанскимъ орденомъ. На конгрегаціяхъ, напримѣръ, все преимущество ихъ предъ прочими членами состояло въ томъ, что въ порядкѣ засѣданій они занимали первыя мѣста. Нѣсколько въ другихъ отношеніяхъ къ ордену находился митрополитъ.

Какъ глава уніятской церкви и духовенства, митрополитъ считался главою ордена. Впрочемъ все главенство, вся власть его надъ орденомъ заключалась въ томъ, что онъ назначалъ время и мѣсто конгрегацій

---

(1) Sbosob złączenia zakonu naszego z biskupami taki bydz ma: starać się o przywiley u J Kr. Msci nato zeby biskypstwa ludziom swieckim dowane niebyły, tylko ludziom stanu zakonnego, tym ktorzyby czas niejaki znaczny w zakonie pozyli y od Metropolity zalecenie zycia potocznego y godnosci mieli do tego tez takim biskupom przed poswięceniem ich Metropolita pszełożyć ma *zeby się znał zawsz e być człowickiem zakonu*, y aby iego był obrącą y rozmnozycielem w biskupstwie swoim. Nakoniec Protoorchimandryta kazdemu takiemu, ktory z naszego zgromadzenia wzięty będzię na Metropolię lub na Episkodią przydać mu iednego z Oycow dobrze doswiadchonych, ktory by pszestszegał tego co do zywotu zakonnego nalezy: Congreg. I. Nowogrodowicka. ses. 4. № 22.

(2) Тамъ же. Ses. 4. № 21.

избирательныхъ и самъ предсѣдательствовалъ на нихъ, или посылалъ отъ себя повѣреннаго епископа. Въ рѣшеніи дѣлъ на конгрегаціяхъ, онъ также, какъ и протоархимандритъ, имѣлъ два голоса. Онъ наконецъ имѣлъ право суда надъ протоархимандритомъ: судъ однако производился большею частію на конгрегаціяхъ и непремѣнно въ присутствіи провинціала и консульторовъ (¹).

Для предупрежденія могущихъ произойти столкновеній между орденомъ и митрополитомъ и для болѣе точнаго опредѣленія правъ того и другаго на первой же базиліанской конгрегаціи положено было составить особыя правила, такъ называемыя правила митрополичьи, на вѣрное соблюденіе которыхъ каждый митрополитъ, при вступленіи на каѳедру, долженъ былъ давать присягу ордену (²).

Нескоро однакожъ установились правильныя отношенія между орденомъ и митрополитами.

Свобода и независимость ордена во внутреннихъ, домашнихъ дѣлахъ, права и власть протоархимандрита въ управленіи орденомъ, соблазняли уніятскихъ митрополитовъ. Всего больше соблазняло ихъ протоархимандритство и права ордена на свободное избраніе лицъ на эту должность. Почти всѣ преемники Руцкаго, на-

(¹) Тамъ же. Ses. 3. № 14.

(²) Тамъ же. Ses. 2. № 9, Wiedząc że Metropolicie Kijowskiemu (уніятскому) od Boga y Namiesnika iego na całym swiecie dany iest dozor nad wszystkiemi, nietylko w dyecezyi iego, ale też y po dyecezyach wszystkich biskupow Ruskiey ziemi będących, nad Biskupami samemi, nad wszystkim duchowienstwem zakonnym y swieckim, dla tego y my sprawowaniu iego *podlegać chcemy* nie tylko w *błogosławienstwie y porządku cerkiewnym*, tyloż za rzecz potrzebna być rozumiemy, żeby *miał pewne swoie osobliwe reguły od zakonu podane y od niego poprzysiężone, aby ta zwierzchność zakonowi napotym nie szkodziła.*

чиная съ Сѣлявы до Льва Кишки, или сами добивались этой должности, или же, если это не удавалось имъ, старались ослабить важность и значеніе ея. Но орденъ твердо отстаивалъ свои права и привиллегіи, дарованные ему Руцкимъ и конфирмованныя въ Римѣ (1).

Преемнику Руцкаго Рафаилу Корсаку не-когда было думать о протоархимандритствѣ, которое онъ занималъ еще при жизни Руцкаго впродолженіи 10 лѣтъ (1626—1636). Преслѣдуемый православными, вытѣсненный изъ Кіева Петромъ Могилою, онъ отправился въ Римъ, прося помощи и защиты у папы, и тамъ же скончался чрезъ два года (1641 г.).

Послѣ Корсака слѣдуютъ сряду три митрополита, съ которыми орденъ велъ почти непрерывную борьбу за свои права и независимость. Борьба эта началась съ Антонія Сѣлявы.

Въ 1642 году Сѣлява созвалъ генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія протоархимандрита. Базиліане выбрали кандидата изъ своей среды, т. е. изъ простыхъ монаховъ; между тѣмъ Сѣлявѣ хотѣлось, чтобы конгрегація избрала его. Базиліане твердо стояли на своемъ. Упорство ихъ до того раздражило Сѣляву, что онъ сильно заболѣлъ. Наконецъ базиліане согласились на избраніе его въ протоархимандриты, но съ условіемъ, чтобы онъ далъ росписку въ томъ, что избраніе его въ протоархимандриты есть только *уступка* со стороны ордена, которая *не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ*, его преемниковъ. Сѣлява согласился на это условіе и подписалъ его собственноручно (2). Актъ этотъ въ сущности ничего не

(1) Конституціи базиліанскаго ордена утверждены Урбаномъ VIII.

(2) Свѣдѣнія объ этомъ договорѣ Митр. Селявы съ базиліанами нахо-

давалъ базиліанамъ новаго. Отношенія ордена къ митрополиту по прежнему не были въ точности опредѣлены и разграничены. Руцкій обѣщалъ составить особыя, подробныя правила для митрополитовъ, но не исполнилъ этого обѣщанія, и отношенія ордена къ митрополитамъ были довольно запутаны и неопредѣленны. Чтобы обезпечить себя на будущее время отъ всѣхъ возможныхъ притязаній со стороны митрополитовъ, базиліане заставили Сѣляву исполнить обѣщаніе Руцкаго на счетъ составленія упомянутыхъ правилъ. Сѣлява согласился и на это требованіе. Правила были составлены, скрѣплены подписями Сѣлявы и прочихъ членовъ конгрегаціи и наконецъ утверждены въ Римѣ 1643 г. Базиліане торжествовали; права ихъ были обезпечены. Какъ бы въ награду за столь важную уступку

димъ только въ актахъ Виленской конгрегаціи, созванной въ 1661 г. провинціаломъ Венедиктомъ Терлецкимъ въ противодѣйствіе супрасльской конгрегеціи, на которой митр. Коленда провозгласилъ себя пожизненнымъ протоархимандритомъ. Czytany iest, сказано въ актахъ этой конгрегаціи, warunek od Jas. Przew. Imść. s. p. X. Antoniegô Sielawy Metr. Kijowskiego y wszystkiey Rusi zakonowi dany, a od rożnych prałatow y starshych zakonnych podpisany, na wolną electią Protoarchimandryty zakonu S. Bazylego W., który warunek dla tego stanoł, że Imsc o. Metropolita roku panskiego 1642.... podczas wiazdu swego na Metropolią w Wilnie *wielce zachorzał oto ze zakonnicy niechcieli go mieć za protoarchimandrytę*. A wiedząc zdrowia Imsc peruculum na electią onegoz samego zezwolili z takim iednak warunkiem, ktory extraktem z ksiąg episkopskich chełmskich autentice iest produkowany y wyiowszy samo suscepte do akt zwyczayną a in actis praesentibus iuz iest fol.... ten warunek listowny pasew. O Benedykt Terlecki provinciał zeszły podał do akt Chełmskiego Episkopatstwa R. 1658 Ian. 24 dnia, tegoz wszystkiey Congregacyey naszey dyrector (Як. Суша Еп. Хелмскій) który ręką swą ten warunek pisał y od antecessora swego s. p. Metodiusza Terleckiego Episcopa Chełmskiego na ten wiazd z Chełma był zesłany y WW. OO. Piotr Minowski, Sebestyan Kaczynski Consultorowie, tak tez Pachomiusz Ohilewicz... consultor, ktory ten oryginał w ręku swoich tak wiele razow miał....— Congreg. XIV (1661 r.) ses. 2.

со стороны Сѣлявы они дозволили ему пользоваться правами протоархимандритства до конца жизни. Но торжество ихъ было непродолжительно. Составленныя правила не были приведены въ исполненіе, а вскорѣ и совсѣмъ пропали, куда и какъ—никто про то не зналъ положительно (¹).

Это обстоятельство повело къ новымъ замѣшательствамъ и безпорядкамъ въ орденѣ. Преемникъ Сѣлявы, Гавріилъ Коленда, рѣшился отомстить базиліанамъ за то униженіе, которое они нанесли достоинству митрополита въ лицѣ Сѣлявы. Будучи еще администраторомъ уніятской митрополіи, Коленда успѣлъ склонить на свою сторону многихъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, и вмѣстѣ съ ними составилъ въ 1661 году (годъ смерти Антонія Сѣлявы) генеральную конгрегацію въ Супраслѣ. Неизвѣстно положительно, кто изъ базиліанъ былъ на этой конгрегаціи и какія на ней сдѣланы постановленія,—извѣстно только, что дѣйствія этой конгрегаціи были совершенно противны уставамъ и конституціямъ ордена. Базиліане однако не унывали: за нихъ бодрствовалъ знаменитый въ это время ихъ про-

(¹) Правила эти были составлены на двухъ конгрегаціяхъ, бывшихъ при митрополитѣ и протоархимандритѣ Ан. Селявѣ—въ 1642 и 1664 г. О судьбѣ какъ этихъ правилъ, такъ и самыхъ актовъ двухъ упомянутыхъ конгрегацій вотъ что говоритъ списатель актовъ базиліанскихъ конгрегацій: Tu, (т. е. послѣ актовъ виленской конгрегаціи 1636 г.) mieli bydź dwie Wilenskie Congregacye, iedna r. 1642 dnia 14 lula, na którey za protoarchimandrytę był obrany Imść Antoni Sielawa, Metropolita y ta congregacya iest confirmowana decretem sacrae Congregationis de Propag. Fide, roku 1643 dnia 28 7-bra habita coram Sanctissimo. Druga takze była w Wilnie r. 1646. Obi te congregacye w zakonie nienayduią się, *ale muszą bydź in Archiwo Metropolitano utaione, bo w nich są opisane reguły Metropolitom y Episcopom cum dependentia ich od zakonu*. Congreg. VI. Wilenska: Замѣтка переписщика—въ самомъ концѣ.

винціалъ Бенедиктъ Терлецкій. Въ томъ же 1661 году онъ созвалъ частную конгрегацію въ Вильнѣ, на которой протестовалъ противъ дѣйствій митрополита Коленды и вообще противъ супрасльской конгрегаціи. Протествовали также и послы отъ разныхъ монастырей ([1]). Въ тоже время были отправлены депутаты къ папскому нунцію съ жалобою на противозаконныя дѣйствія супрасльской конгрегаціи. Жалоба эта, равно какъ и протестація еще больше раздражили Коленду. Онъ взялъ съ своихъ приверженцевъ клятву прервать всякое общеніе съ противною партіею, и самъ никого не допускалъ къ себѣ, не допустилъ даже посланнаго къ нему съ письмами отъ нунція ([2]). Борьба такимъ образомъ затѣвалась серьезная. Въ эту критическую

([1]) Stebelski. Zyw. ss. Euf. i Parasc. T. III. p. 278.

([2]) *W*nieśli niektorzy OO., czy niemogł bysię iaki sposob zgody z stroną przeciwną (т. е. партіею Митр. Коленды) znaleść, y gdy ad considerationem pszyszło, tedu w-tey materyi occurerunt wielkie trudnosci y niepodobienstwa żgody, naprzód ze strona przeciwna, zakonnikow swego prawa postrzegaiących, cale od siebie przez Supraslską congregacią odtrąciła, a wtym się Imść X. Archiepiscop (Коленда) zasadził aby tylko za starszą Metropolitanską y protoarchimandrycką głowę uznany był, czego y władza Oyca S., y prawa zakonne y sumnienie samo pozwolić niemoże: powtóre, ze Imść O. Archiepiscop Połocki iest intractabilis, ani do niego accedere, ani z nim conferre spokoynie podobna. Probatum est gdy byli Oycowie niektorzy do Suprasla z listem Imść X. Nuntiusza... posłani, a gdy drudzy iadąc na studia do Prus do Imść wstąpili ktorych *iako Wyklętych nieprzyiął y znieważył*, nawet y samego Prowinciała niebosczcyka (Бенедикта Терлецкаго) y wszystkie zgromadzenie zakonne y do tych czas *ma za wyklęte*. A iakaby z nim conferencya być mogła, doznano na roznych congregacyach y congressach prywatnych, ze wszystko turbinibus et furiis replebat, y co za fulmina, z congregacyey Supraslskiey na Torokańską zakonną (созванную тѣмъ же Бенед. Терлецкимъ въ 1661 г.) przystał congregacią, iako durante eadem monaster Zyrowicki zaiechał był y variis modis chciał iako zakonnikow, tak y monastyr z cerkwią y skarbami pod się podgarnąć. Przetoż wszystko Stolicy S. Apostolskiey recommendari zlecono iest, aby ona vulneribus nostris oycowsko chciał mederi. Congreg. XIV. Zyrowicka 1661 r. ses. 3.

для ордена минуту умеръ представитель монашеской партіи Бенедиктъ Терлецкій. Чтобы не дать времени усилиться противной партіи, базиліане тотчасъ составили новую конгрегацію подъ предсѣдательствомъ хелмскаго епископа Якова Суши. Конгрегація эта прежде всего озаботилась избраніемъ протоархимандрита. Приняты были всѣ предосторожности, чтобы эта должность не досталась кому-либо изъ противной партіи; прочитана папская булла, прочитанъ также договоръ митрополита Сѣлявы съ орденомъ на свободное избраніе протоархимандрита, наконецъ взята клятва со всѣхъ членовъ конгрегаціи на вѣрность ордену и на противодѣйствіе партіи митрополита. Наконецъ приступили къ подачѣ голосовъ, которые, для бо́льшаго безпристрастія со стороны избирателей, опускались въ потиръ (s. kielich) съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ: „призываю во свидѣтели единаго во Святой Троицѣ Бога, что избираю въ протоархимандриты того, кого считаю наиболѣе достойнымъ". Выборъ палъ на предсѣдателя конгрегаціи Якова Сушу (1). Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ лицѣ въ исторіи базиліаскаго ордена.

Яковъ Суша былъ одинъ изъ неутомимыхъ дѣятелей уніи и защитниковъ ордена. Получивши отъ Яна Казиміра привилей на хелмскую епископію, до сихъ поръ находившуюся въ рукахъ православныхъ, онъ такъ усердно и неутомимо дѣйствовалъ въ пользу уніи, что, какъ замѣчаетъ его жизнеописатель, по смерти его въ хелмской епископіи осталось столько же православныхъ, сколько при вступленіи его на эту каѳедру было унія-

(1) Тамъ же. засѣд. 1. 2. 3 и 4.

товъ (¹). Съ раннихъ лѣтъ постригшись въ монашество, онъ и въ санѣ епископа ничѣмъ не отличался отъ простого монаха, жилъ вмѣстѣ съ монахами и подчинялся всѣмъ ихъ уставамъ (²). Этимъ объясняется то странное, по видимому, обстоятельство, что базиліане упорно отстаивавшіе свое право на избраніе протоархиманта изъ своей среды, изъ простыхъ монаховъ, а не изъ епископовъ, въ настоящемъ случаѣ сами добровольно подчиняютъ себя власти протоархимандрита—епископа.

Якобъ Суша вполнѣ оправдалъ довѣріе къ себѣ ордена. Онъ выступилъ на борьбу съ человѣкомъ, отъ котораго зависѣлъ, какъ епископъ, съ человѣкомъ, имѣвшимъ огромныя связи съ *польскими* магнатами и съ латинскими прелатами, и вдобавокъ пользовавшимся расположеніемъ и дружбою самаго короля.

Митрополитъ Коленда и не думалъ о примиреніи. Пользуясь сильною протекціею при дворѣ, онъ поставлялъ на видныя мѣста своихъ приверженцевъ, простыя игуменства обращалъ въ архимандріи и наконецъ старался порализировать дѣйствія *жировицкой* конгрегаціи, выславши съ манифестаціею противъ нея недавно назначеннаго имъ на пинскую епископію родственника своего Марціана Бялозора, человѣка, надѣлавшаго много зла ордену (³). Эта послѣдняя выходка Коленды и сподручника его Бялозора вывела изъ терпѣнія базиліанъ. Конгрегація единодушно рѣшила отправить въ Римъ депутацію съ жалобою на Коленду и

(¹) „Поминникъ"—подъ словомъ: Iakob Susza.

(²) W monastyrze żyie z zakonnikami, y wszystkie pospołu z niemi ciężary ponosi, sam tylko w urzędzie Episcopskim od nich się różni. Congreg. XIV. Zyrowicka. ses. 4.

(³) Congreg. Zyrowicka XIV. ses. 6.

Бѣлоозера. Съ этою жалобою отправился въ Римъ самъ Яковъ Суша (¹).

Узнавши объ этихъ смутахъ и раздѣленіи, происшедшемъ въ базиліанскомъ орденѣ, папа издалъ бреве на имя своего нунція въ Польшѣ, въ которомъ приказывалъ нунцію созвать новую конгрегацію подъ его собственнымъ председательствомъ, для избранія протоархимандрита, изъ *простыхъ монаховъ*, а не изъ епископовъ, предъидущія же двѣ конгрегаціи т. е. супрасльскую и жировицкую (1661 г.) считать недѣйствительными (²).

(¹) Тамъ же.—Помянникъ, подъ словомъ Iakób Susza.

(²) Вотъ это бреве. Alexander papa VII. Dilecte fili salutem et Apostolikam benedictionem.

.... Cum itaque, sicut accepimus, christifideles Rutheni cum S. Romana Ecclesia Uniti variis dissidiis agitentur, et ejusmodi dissentionibus praecipue causam dederit celebratio duorum capitularum, in quorum uno Vener. frater Archiepiscopis Polocensis cum adhaerentia quorundam paucorum suorum sequacium *se in Abbatem sive superiorem Generalem* monachorum Ruthenorum Ordinis S.Basilii M. *ad sui vitam* elegi curaverat, in altero vero reliqui monachi Rutheni Vener. fratrem Episcopum Chelmen. in eorum Abbatem sive superiorem generalem elegerant: memoratus autem Episcopus Chelmen. apud Congregationem Frat. Card. Propag. Fide praepositorum pluries insteterit, ut primodictum Capitulum nullum declararetur, quippe quod legitimum esse non poterat propter defectum auctoritatis, quadictus Archiepiscopis caruisse reperiebatur,

Hinc est, quod nos ejusmodi dissidiis, et dissentionibus remedium quantum nobis ex alto conceditur, adhibere, utque monachi praefati solliciti servent Unionem spiritus in vinculo pacis providere cupientes, ac de tua fide, prudentia, charitate, integritate, et religionis zelo, plurimum in Domino confisi, de praefactorum Cardinalium consilio discretioni tuae per praesentes committimus, et mandamus, ut minime attentus dictis duobus Capitulis, novum Capitulum dictorum monachorum Ruthenorum auctoritate nostra Apostolica convoces..., illique.... praesideas..., ut in eadem novo Capitulo electio Abbatis, seu superioris generalis monachorum praefatorum de persona alicujus monachi expresse professi dicti ordinis, qui utrique partium quantum fieri poterit minus suspectus, iisque moribus, discretione, prudentia, charitate, ac pacis et relig. zelo praeditus sit.... nos enim te novi capituli hujusmodi nostro et Apostolica sedis nomine praesidentem...; facimus, constituimus et deputamus.... Datum d. 30 Maii 1665 an."

Получивши бреве, нунцій тотчасъ же издаетъ окружное посланіе (Intimacya) къ епископамъ, архимандритамъ и ко всему ордену, въ которомъ приказывалъ отъ имени папы собраться къ 11-му октября въ Супрасль на генеральную конгрегацію.

Въ назначенное нунціемъ время явились архимандриты, недавно посвященные Колендою, игумены и послы отъ монастырей. Изъ епископовъ прибылъ одинъ только Бѣлозоръ. Конгрегація была одна изъ торжественнѣйшихъ, — по числу съѣхавшихся. Ожидали прибытія нунція, который по волѣ папы, долженъ былъ предсѣдательствовать на конгрегаціи. Нунцій не являлся. Обѣ партіи стояли лицомъ къ лицу, и не знали, что́ дѣлать. Многіе желали даже разъѣхаться. Но безначаліе и раздоры всѣмъ надоѣли. Рѣшили общимъ голосомъ начать засѣданія безъ нунція. Но о чемъ же было разсуждать? Въ главномъ вопросѣ—кому управлять орденомъ, расходились обѣ партіи. До сихъ поръ орденомъ управляли единовременно два протоархимандрита: одинъ, избранный монашескою партіею, именно Яковъ Суша, который уже сложилъ съ себя это званіе, потому что онъ избранъ былъ только на четыре года; другой, самъ митрополитъ Гавріилъ Коленда, который и не думалъ слагать съ себя этой должности, потому что былъ признанъ своею партіею пожизненнымъ. Когда предложенъ былъ вопросъ: „для чего созвана настоящая конгрегація, — для свободнаго ли избранія протоархимандрита, или только для избранія провинціала“, партія митрополита отвѣчала, что протоархимандрита не нужно избирать, потому что имъ на дѣлѣ (aktu) есть митрополитъ, а нужно только избрать ему помощника, т. е. провинціала. Но партія монастырская, разграничивши

права митрополита и протоархимандрита, требовала свободнаго избранія не только провинціала, но и протоархимандрита; тѣмъ болѣе, что этого требовалъ нунцій и самъ папа. Митрополитъ долженъ былъ уступить, но съ условіемъ, чтобы избранный протоархимандритъ зависѣлъ отъ митрополита въ тѣхъ пунктахъ, которые будутъ обозначены въ нарочно составленныхъ для протоархимандрита правилахъ. Обѣ партіи примирились на этомъ и такимъ образомъ сошлись въ главномъ пунктѣ. Приступили къ подачѣ голосовъ, и выборъ палъ опять на митрополита. Въ консульторы рѣшили избрать двухъ архимандритовъ и двухъ изъ простыхъ монаховъ. Тѣмъ и кончила свои дѣйствія супрасльская конгрегація 1665 года. Но не кончилось дѣло объ избраніи митрополита Коленды въ протоархимандриты.

Нунцій, узнавши о такомъ ходѣ дѣлъ, объявилъ конгрегацію недѣйствительною и потребовалъ, чтобы базиліане опять съѣхались на конгрегацію къ 1-му марта 1666 года. Такимъ образомъ по дѣлу митрополита Коленды въ теченіи 5-ти лѣтъ составилась уже четвертая конгрегація — *брестская*. На эту конгрегацію прибылъ и самъ нунцій; но она далеко не была такъ торжественна, по числу присутствующихъ, какъ предъидущая. Изъ подписей видно, что здѣсь присутствовало только 9 человѣкъ — нунцій, митрополитъ, провинціалъ, консульторы, секретарь ордена и нотаріусъ. Впрочемъ въ актахъ этой конгрегаціи есть довольно ясныя указанія, что здѣсь были также нѣкоторые изъ уніатскихъ епископовъ, какъ напримѣръ, уже извѣстный намъ Яковъ Суша, хотя мы и не находимъ его въ числѣ подписавшихся. Одною изъ главныхъ причинъ такой

малочисленности конгрегацій было неудобство сообщенія по случаю весенняго разлива рѣкъ и войны Польши съ Россіею за Малороссію. Почти всѣ волынскіе и бѣлорусскіе базиліане отказались отъ личнаго участія въ этомъ съѣздѣ. При всемъ томъ брестская конгрегація есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ конгрегацій въ исторіи базиліанскаго ордена. Она открыла базиліанамъ глаза, указала глубокія раны, нанесенныя ордену не столько внѣшними врагами — „схизматиками" и „Москвою," сколько тѣми, которыхъ базиліане считали величайшими своими друзьями и благодѣтелями, — именно іезуитами ([1]), и первая раскрыла мрачную картину внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ, происшедшихъ во время 13-ти лѣтняго управленія орденомъ дряхлаго и слабохарактернаго митрополита Сѣлявы; пьянство, бродяжничество, неповиновеніе старшимъ и вообще ослабленіе монастырской дисциплины дошло до такихъ громадныхъ размѣровъ, что съ монахами нельзя было управиться не только простымъ, обыкновеннымъ настоятелямъ, но даже самому протоархимандриту и притомъ такому, каковъ былъ Яковъ Суша ([2]). Монахи никого не слушались, никого не хотѣли знать. Нельзя было исправить ихъ ни угрозами, ни наказаніями. Да и самыя угрозы и наказанія не страшны были для нихъ. При малѣйшей строгости со стороны настоятелей или протоархимандрита, они оставляли свои

([1]) Вопросъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ подробнѣе въ III отдѣлѣ.

([2]) Laska iest u nas teraz, говоритъ Як. Суша Нунцію, dysposycya rzeczy, wiele bowiem iest srodze swowolnych zakonnikow, ktoezy gardzą y biią starszych.... Powiadał, że się to sobię samemu trafiło (въ бытность его Протоархимандритомъ) togdy mnisi w nocy piiąc w Chełmie od niego napomnieni byli *do włosow y bicia porwali się, ani dbali że był Biskupem* y Protoarchimandrytą. Congreg. XVI. Brzeska ses. 2.

монастыри и переходили въ другіе латинскіе ордена, или же вовсе оставляли монашество и дѣлались свѣтскими латинскими священниками (¹). Такое бѣдственное состояніе ордена смутило даже тѣхъ, которые недавно еще такъ упорно отстаивали права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ. Теперь на оборотъ, они всѣми силами настаивали на томъ, чтобы управленіе орденомъ было ввѣрено не простому монаху, а митрополиту. Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди говорили и дѣйствовали искренно, по убѣжденію, а не по какимъ-нибудь личнымъ расчетамъ. „Нѣтъ ничего удивительнаго, говорилъ нунцію Яковъ Суша, (тотъ самый, который не задолго предъ тѣмъ такъ упорно противился избранію въ протоархимандриты митрополита Коленды),—что я предлогаю теперь въ протоархимандриты митрополита; потому что я самъ, въ бытность свою протоархимандритомъ, на опытѣ узналъ, какъ трудно управлять орденомъ, особенно въ настоящее время, когда столько накопилось въ немъ зла, столько нанесено ему глубокихъ ранъ, что излечить ихъ въ состояніи одинъ только митрополитъ... (²).“ Голосъ Якова Суши убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ ввѣрено было митрополиту.

Коленда благодарилъ все собраніе за такую довѣренность къ себѣ, просилъ забыть давніе споры, про-

(¹) Proponował tez (Як. Суша) o zakonnikach niekarnych nieposłusznych, ktorzy gdy niechcieli bydź od sweich starszych karani do nabożeństwa Rzymskiego bez żadney licencyey u stolicy Apostolskiey przeszli, czy iuż na rożnych mieyscach, niektorzy zakonny habit maiąc rzymski, kto a drudzy kapłanami swieckiemi zostaiąc misernie pomarli.... Congreg. XVI. Brzeska ses. 2.

(²) Тамъ же.

нашедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, говоря, что они никогда не домогался протоархимандритства по какимъ либо корыстнымъ видамъ, или по властолюбію, а единственно изъ желанія добра ордену и уніи. Для большаго удостовѣренія въ искренности своихъ благожеланій ордену, Коленда, по примѣру своего предшественника, Антонія Сѣлявы, обезпечилъ права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, письменнымъ актомъ (¹).

Удерживая за собою протоархимандритство до конца жизни, Коленда имѣлъ достаточно времени и средствъ поправить разстроенныя дѣла ордена. Онъ прежде всего озаботился возстановленіемъ новиціата, находившагося въ это время въ совершенномъ упадкѣ, и съ этою цѣлію наложилъ контрибуцію на всѣ монастыри; постановилъ также, чтобы всѣ остаточныя суммы въ монастыряхъ были отдаваемы на новиціатъ; строго предписалъ настоятелямъ монастырей наблюдать за точнымъ исполненіемъ монахами общежительнаго устава и правилъ монастырской дисциплины, заставилъ многихъ архимандритовъ отказаться отъ своихъ титуловъ, равно какъ и отъ привилеевъ, выхлопотанныхъ ими у польскихъ королей безъ всякаго на то согласія со стороны представителей ордена, и—что всего замѣчательнѣе,—заставилъ отказаться отъ архимандрій даже тѣхъ архимандритовъ, для которыхъ онъ самъ выхлопоталъ у короля привилеи во время своего разлада съ орденомъ (²).

(¹) Zakonnicy.... prosili (Коленду) aby bezpiecznych przez script ich uczynił podług przykładu antecessora swego ś. p. Antoniego (Селявы) Metropolity iż ta electia nic nie ma uwłaszczać prawom y przywilejom zakonnikow. A I. W. Metropolita uczynić o co prosili obiecał, y scryptem podobnym potym iako iego antecessor roborował.... Тамъ же. ses. 3.

(²) См. акты конгрегацій Виленской XVIII (1667 г.) и Новогрудской XVIII (1671 г.).

По его ходатайству предъ государственными чинами уніатское духовенство освобождено было отъ разныхъ государственныхъ повинностей, податей и военныхъ постоевъ. Онъ наконецъ выхлопоталъ у Яна Казимира два привилея, которыми утверждались всѣ права и прерогативы, данныя уніатскому духовенству предшественниками Казимира (¹).

Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы своей жизни Коленда вполнѣ загладилъ ошибку, допущенную имъ въ началѣ управленія уніатскою митрополіею, и умеръ въ мирѣ и согласіи съ базиліанами, съ правами и властью протоархимандрита.

Со смертію его не прекратились однако непріятныя столкновенія ордена съ митрополитами. Преемникъ его Жаховскій, назначенный Колендою кондидатомъ на уніатскую митрополію, считалъ себя кандидатомъ и на

(¹) On (Митр. Коленда) nietylko wolność zupełną u stanow dla duchowienstwa i ich dobr od wszelkich ciężarow, podatkow i stanowisk woyskowych wyiędnał; ale nadto odebrał od Iana Kazimierza oddzielne dwa przywileje, z ktorych pierwszym wszystkie prerogatiwy Metropolicie y całemu duchowienstwu Unickiemu, poczowszy od Alexandra krola dawnicy nadane, mianowicie zaś wolna administracya jurusdykcyi bez podległosci prawu Magdeburskiemu, prawo Collacyi cerkiew wszystkich i nienależność poddanych do sądow mieyskich stwierdzone i warowane zostały; drugim zas, dla tegoż Metropolity y iego następcow ostrzeżono, aby napotym wakujące dobra cerkiewne od nikogo, iak tylko z ramienia Metropolity, do czasu nominacyi Krolewskiey zarządzone niebyli. Ostrow. Dzieje i praw. Kosc. Pols. T. p. 257.

Оба эти диплома напечатаны во 2 томѣ „Литов. Церков. Унія" г. Кояловича. Стр. 414. Примѣч. 322. Хотя въ одномъ изъ этихъ привилеевъ (въ послѣднемъ) говорится только о *временномъ* замѣщеніи вакансій по распоряженію митрополита до *окончательнаго назначенія отъ короля* (do czasu nominacyi Krolewskiey), но на дѣлѣ имѣлъ полную силу привилей Владислава IV, данный на имя Руцкаго въ 1635 г., т. е. *временное* распоряженіе митрополита было *окончательнымъ*. Привилей Владислава IV приведенъ нами выше. См. прим. 42.

пожизненное протоархимандритство въ орденѣ (1). Мало того, — онъ желалъ протоархимандритства не для одного себя, но и для своихъ преемниковъ. Но замыслы его не удались. Съ нимъ повторилась почти таже исторія, что и съ Колендою.

Въ первые годы своего управленія уніятскою митрополіею (1674—1683) Жоховскій какъ будто хотѣлъ жить въ мирѣ съ орденомъ и не обнаруживалъ никакихъ притязаній и посягательствъ на его права. На первыхъ двухъ бывшихъ при немъ конгрегаціяхъ (жировицкая 1675 и 1769) онъ не только не высказывалъ притязаній на протоархимандритство, а напротивъ самъ отказывался отъ этой должности, и убѣждалъ базиліанъ строго держаться постановленій прежнихъ конгрегацій относительно избранія протоархимандритовъ изъ простыхъ *только* монаховъ, говоря, что у него, равно какъ и у каждаго епископа, и безъ того слишкомъ много занятій и обязанностей (2). На сколько было искренности въ этихъ словахъ Жоховскаго—доказали дальнѣйшія его дѣйствія въ отношеніи къ базиліанамъ.

Враждебныя дѣйствія Жаховскаго въ отношеніи къ ордену начались съ домогательства супрасльской архимандріи.

(1) Biorąc ponim (послѣ Коленды) pierwszy urząd prawnie na siebie iako Koadiutora za zywota ieszcze poprzednika swego uczynionego spadaiący, iuż tym samym i do drugiego to iest protoarchimandryctwa nayblizszym się być udawał.... Stebelski. Żyw. SS. Euf. i Par. T. 2. Rozd. V. p. 379. прим.

(2) Zaczoł Imść (Жоховскій) od affectu swego ku matce zakonowi szczycąc się że go pieszczenie wychowała, i na pierwszą godność całey Rusi wyniosła, tudzież gratulował matce zakonowi, ze podług congregacyey pierwszey y postanowień cieszy się z Protoarchimandryty głowy zakonu, zakonnika nie prałata, którzy y bez rządu nad zakonem maią swe trudnosci, a zatym z wielkim affectem, od tey electiey sponte siebie samego excludował.... Congreg. XX. Zyrowicka (1679 r.) ses. 1.

Въ 1683 году умеръ супрасльскій архимандритъ Іосафатъ Михневичъ. Базиліане избрали на его мѣсто игумена жировицкаго монастыря Симеона Цыпріановича. Жоховскій отвергъ это избраніе, обложилъ монастырь податью, завладѣлъ всѣми принадлежавшими ему имѣніями, и такимъ образомъ заставилъ признать себя архимандритомъ. Цыпріяновичъ тоже не уступалъ и считалъ себя законнымъ настоятелемъ монастыря (1). Неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта тяжба, извѣстно только то, что она была началомъ другой, болѣе замѣчательной тяжбы, которую Жоховскій велъ уже не съ однимъ монастыремъ и не съ однимъ лицомъ, а съ цѣлымъ орденомъ.

Въ 1683 году Жоховскій созвалъ у себя что-то въ родѣ конгрегаціи или капитулы, силою заставилъ присутствовавшихъ здѣсь базиліанъ признать себя протоархимандритомъ и въ заключеніе постановилъ, чтобы управленіе орденомъ отнынѣ принадлежало митрополитамъ. Этотъ поступокъ Жоховскаго, еще такъ недавно отказавшагося отъ всякихъ правъ и притязаній на протоархимандритство, сильно возмутилъ базиліанъ. Началась тяжба, подобная тяжбѣ съ Календою. Пошли опять протестаціи, жалобы предъ нунціемъ и въ Римѣ. Римская курія опять приняла сторону базиліанъ. Папа Инокентій XI издалъ буллу, въ которой уничтожалъ всѣ дѣйствія и постановленія, сдѣланныя Жоховскимъ на упомянутомъ съѣздѣ 1683 года и приказалъ своему нунцію въ Польшѣ созвать новую конгрегацію для примиренія ордена съ митрополитомъ (2).

---

(1) „Помникъ"—подъ словомъ Iozafat Michniewicz.

(2) Stebelski: Żyw. SS. Euf. i Paras. T. II. Rozdz. V. p. 376 примѣч.

Конгрегація эта состоялась въ 1686 году подъ предсѣдательствомъ папскаго делегата іезуита Ѳомы Уейскаго, кіевскаго латинскаго епископа. Она занялась главнымъ образомъ рѣшеніемъ доселѣ еще нерѣшеннаго вопроса объ отношеніи ордена къ митрополиту и устраненіемъ всѣхъ возможныхъ поводовъ къ непріятнымъ столкновеніямъ между уніятскимъ митрополитомъ и протоархимандритомъ ордена. Эти отношенія опредѣлены конгрегаціею въ такъ называемомъ *Nexus-ѣ* или договорномъ актѣ митрополита съ орденомъ. Главные пункты Nexus-а слѣдующіе:

1) Протоархимандритъ, въ силу папскихъ декретовъ (Урбана VIII отъ 1633 г. 28 сент.), есть лицо отличное отъ митрополита и долженъ быть изъ простыхъ монаховъ, а не изъ епископовъ.

2) Митрополитъ не долженъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе орденомъ, которое находится въ вѣденіи протоархимандрита; онъ (митрополитъ) имѣетъ только право юрисдикціи (ordinaria jurysdykcia).

3) Настоятелей монастырей, обыкновенно избираемыхъ на 4 года, назначаетъ протоархимандритъ; игуменства же и архимандритства *пожизненныя* раздаетъ митрополитъ, посовѣтовавшись напередъ съ протоархимандритомъ и консульторами.

4) Митрополитъ никого не долженъ представлять королю для утвержденія на епископскія каѳедры безъ вѣдома и согласія протоархимандрита и консульторовъ.

5) Протоархимандриту принадлежитъ ревизія монастырей и приходскихъ церквей, находящихся въ вѣденіи ордена. Онъ разсылаетъ въ эти церкви Святое муро и разрѣшаетъ дѣла, касающіяся брака.

6) Мѣсто и время конгрегацій назначаетъ протоархимандритъ по совѣту съ митрополитомъ.

7) Покупка и продажа имѣній, аренды, залоги и разнаго рода контракты находятся въ вѣденіи митрополита.

8) По смерти протоархимандрита орденомъ управляетъ консульторъ съ вѣдома митрополита, до избирательной конгрегаціи, которую созываетъ митрополитъ.

Актъ этотъ для большей вѣрности и ненарушимости, какъ со стороны митрополита, такъ и со стороны ордена, рѣшено было послать въ Римъ на утвержденіе конгрегаціи распространенія вѣры (¹).

Такимъ образомъ борьба ордена съ митрополитами, продолжавшаяся съ небольшими перерывами слишкомъ 30 лѣтъ, кончилась въ пользу ордена. *Nexus* положилъ конецъ честолюбивымъ притязаніямъ уніятскихъ митрополитовъ на управленіе орденомъ. Со временъ Жоховскаго протоархимандриты избирались только изъ простыхъ монаховъ, — и между орденомъ и послѣдующими митрополитами не было значительныхъ столкновеній. Правда, были еще попытки со стороны преемниковъ Жоховскаго къ ослабленію власти протоархимандрита, какъ напримѣръ, при митрополитѣ Юріѣ Винницкомъ (1701—1704) и Львѣ Кишкѣ (1714—1720), но эти попытки были слабы и ничтожны, и не вызывали со стороны базиліанъ почти никакихъ оффиціальныхъ жалобъ и процессовъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Nexus, какъ мы видѣли, несколь-

(¹) Congregac. XXI. Nowogrodska (1686 r.) ses. 4. Nexus zakonu z Metropolitą.

ко не ослабилъ власти протоархимандрита, (чего однакожъ добивались Коленда и Жоховскій), и состоящаго при немъ совѣта (изъ консульторовъ). Особенное значеніе ему придавало то, что по 3-му и 4-му пункту Nexus-а уніятскіе митрополиты безъ согласія протоархимандрита никого не могли возводить на высшія іерархическія должности. Эти пункты всего болѣе не нравились митрополитамъ и между прочимъ Юрію Винницкому, которому первому пришлось испытать довольно сильную преграду въ этихъ пунктахъ къ удержденію на уніятской митрополіи. По смерти Льва Заленскаго, управлявшаго уніятскою митрополіею съ 1694 до 1708, уніятскіе епископы избрали Винницкаго сначала администраторомъ митрополіи, а потомъ и митрополитомъ, безъ вѣдома и согласія протоархимандрита и консульторовъ, т. е. вопреки 3-му и 4-му пункту *Nexus*'а. Левъ Кишка, бывшій въ это время протоархимандритомъ, протестовалъ противъ этой частной сдѣлки епископовъ и вмѣстѣ противъ нарушенія правъ ордена. Винницкій извинялся незнаніемъ обычаевъ ордена, и даже далъ письменное согласіе отложить публичное избраніе митрополита до будущей конгрегаціи. Конгрегація состоялась въ слѣдующемъ 1709 году, и на ней Винницкій снова былъ единодушно избранъ митрополитомъ (¹). Не смотря на такой благопріятный для Винницкаго исходъ дѣла, искра неудовольствія противъ стѣсненія правъ епископскихъ глубоко запала въ его душу и онъ рѣшился избавить себя и своихъ преемниковъ отъ всякаго стѣсненія и зависимости отъ ордена. Съ этою цѣлію Винницкій выхлопоталъ изъ Рима

(¹) „Помиинікъ"—подъ словомъ Ierzy Winnicki.

декретъ, который давалъ ему и его преемникамъ право возводить кого угодно на высшія іерархическія степени и должности безъ всякаго согласія со стороны представителей ордена. Вѣсть объ этомъ возмутила базиліанъ до того, что они едва не завели судебнаго процесса съ Винницкимъ. Дѣло однакожъ уладилось довольно мирно, благодаря уступчивости митрополита. Онъ свалилъ всю вину на какого-то итальянца, который выхлопоталъ упомянутый декретъ совершенно безъ его вѣдома и согласія, — единственно изъ желанія чѣмъ нибудь выслужиться предъ нимъ, и наконецъ, какъ въ своихъ письмахъ, такъ и лично на виленской конгрегаціи, предъ лицомъ всего собранія увѣрялъ всѣхъ, что этотъ декретъ никогда и никакой не будетъ имѣть силы и значенія ([1]). И дѣйствительно, изъ дальнѣйшей исторіи базиліанскаго ордена не видно, чтобы кто изъ уніятскихъ митрополитовъ когда либо ссылался на этотъ декретъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ, и самъ Винницкій, нерѣдко возводили на высшія должности людей, ненавидимыхъ базиліанами, и слѣдовательно вопреки ихъ желанію и согласію.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ базиліанамъ митрополита Льва Кишки. Левъ Кишка принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ лицъ въ исторіи базиліанскаго ордена. Онъ происходилъ отъ благородной *польской* фамиліи, въ цвѣтущей молодости поступилъ въ базиліанскій орденъ, учился въ бытэнскомъ новиціатѣ, потомъ посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Римъ, откуда возвратился докторомъ богословія и два года занимался преподаваніемъ ритори-

---

([1]) Тамъ же.

ки и философіи во владимірской семинаріи. Затѣмъ проходилъ разныя должности въ орденѣ, былъ сначала секретаремъ ордена, потомъ консульторомъ, два раза былъ избираемъ въ протоархимандриты, и наконецъ по смерти Юрія Винницкаго избранъ базиліанскимъ конвентомъ въ митрополиты. Дѣятельность Кишки, какъ секретаря, консультора и протоархимандрита ордена, совершенно противоположна дѣятельности его, какъ митрополита. Будучи еще секретаремъ ордена, Кишка горячо отстаивалъ права и интересы ордена, велъ два процеса — одинъ съ полоцкимъ епископомъ Марціаномъ Бѣлозоромъ о Судиловичѣ, — другой — съ полоцкими іезуитами, стоившихъ ему не малыхъ трудовъ и самыхъ непріятныхъ столкновеній съ сильными міра, и между прочимъ съ митрополитомъ Заленскимъ, который чуть не лишилъ его полоцкаго игуменства за процессъ съ іезуитами (¹).

Во время управленія его орденомъ началась война Швеціи съ Польшею. Это было самое тяжелое и бѣдственное время въ исторіи базиліанскаго ордена. Петръ I сильно ненавидѣлъ базиліанъ, какъ людей, преданныхъ существовавшей тогда въ Польшѣ партіи недовольныхъ Августомъ II, такъ называемой партіи *народной*, отличавшейся крайнимъ латинскимъ фанатизмомъ и желавшей, при содѣйствіи Швеціи, имѣть новаго короля — Станислава Лещинскаго. Преданные этой партіи тѣломъ и душой, базиліане стали вредить Петру, сносились съ шведами и народною партіею, передавали имъ извѣстія и нерѣдко позволяли себѣ дурно отзываться о Петрѣ. Но имъ пришлось жестоко поплатиться за все

(¹) Тамъ же подъ словомъ Leo Kiszka.

услуги народной латинской партіи и за неприязненность Петру. Первый разъ пришлось ему испытать дерзость базиліанъ въ Полоцкѣ. Проходя однажды мимо базиліанскаго монастыря во время вечерни, Петръ I полюбопытствовалъ посмотрѣть уніатское богослуженіе, и вошелъ въ церковь. Увидѣвъ изображеніе Іосафата (Кунцевича), Петръ заставилъ одного изъ монаховъ разсказать исторію этого святого. Разсказъ про жизнь, мученичество и чудеса Іосафата разсмѣшилъ Петра и его свиту. Затѣмъ Петръ вошелъ въ алтарь, съ презрѣніемъ и кощунствомъ (по словамъ уніатскаго писателя) отзывался о мощахъ Іосафата, о святыхъ дарахъ уніатскихъ и т. п. Оскорбленные такимъ обращеніемъ Петра съ церковною святынею, базиліане назвали его еретикомъ. Въ порывѣ гнѣва Петръ поразилъ кинжаломъ дерзкаго монаха, осмѣлившагося назвать его еретикомъ, свита послѣдовала его примѣру и бросилась на другихъ монаховъ. Трое изъ нихъ легли на мѣстѣ, нѣсколько ранено, остальные посажены въ тюрьму (¹). Съ сего времени Петръ всею душею возненавидѣлъ базиліанъ и, занимая своими войсками многія области Польши, далъ русскимъ приказаніе ловить уніатскихъ іерарховъ и наложилъ контрибуцію на всѣ базиліанскіе монастыри. Напуганные расправою Петра въ Полоцкѣ, базиліане оставляли свои монастыри и скрывались или за границей (какъ напримѣръ уніатскій ми-

---

(¹) Тамъ же. Вотъ имена пострадавшихъ базиліанъ: Яковъ Казиковскій, настоятель монастыря; Константинъ Зайковскій—викарій; Θеофанъ Колбычинскій — проповѣдникъ, Яковъ Кнышевскій, — регентъ музыки. — См. также „Литов. Церков. Унію“ г. Кояловича Т. 2. Стр. 242—243.

трополитъ Левъ Заленскій) или въ отдаленныхъ уголкахъ Польши (¹).

Съ побѣдою Петра надъ Карломъ XII Литва и Бѣлоруссія успокоились на время. Театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ въ 1711 году на Югъ противъ турокъ, поднятыхъ на Москву Карломъ XII. Съ изгнаніемъ изъ Польши Станислава Лещинскаго возстановился порядокъ и въ Польшѣ. Базиліане теперь могли вздохнуть свободно, и стали возвращаться въ свои монастыри. Левъ Кишка, бывшій въ то время протоархимандритомъ, употребилъ всѣ усилія и всѣ зависѣвшія отъ него средства къ возстановленію порядка въ орденѣ. Онъ искалъ протекціи, помощи и защиты у польскихъ вельможъ, возстановлялъ опустошенные и разграбленные монастыри и церкви на счетъ тѣхъ суммъ и драгоцѣнныхъ вещей, которыя онъ умѣлъ скрыть отъ сыщиковъ Петра. Такъ онъ возстановилъ березвецкій монастырь, представлявшій собою груду развалинъ, супрасльскій, въ которомъ завелъ типографію, выстроилъ фабрику, которая славится въ Литвѣ и донынѣ. Ему наконецъ обязаны своимъ освобожденіемъ изъ-подъ тяжкаго управленія епископскаго монастыри виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій, которые уже нѣсколько разъ то освобождались, то опять поступали въ руки епископовъ — архимандритовъ, въ силу королевскихъ привилеевъ, незаконно вытребованныхъ нѣкоторыми митрополитами и епископами (²). Словомъ, Левъ Кишка былъ

(¹) Stebelski. T. 2. стр. 409—410.

(²) Temu Leonowi Kiszce Wilenski, Lawryszowski, Pustynski, Mstisławski, Czereyski y Torokanski klasztory winne są swoie z pod uciążliwych prałackich rządow (od ktorych przedtym nieraz oswobodzeni nie-

такимъ протоархимандритомъ, какого только могли желать базиліане. Онъ такъ понравился базиліанамъ, что они оставили его въ должности протоархимандрита и послѣ возведенія на владимірскую архіепископію, когда по конституціямъ ордена онъ не могъ быть протоархимандритомъ (¹). Но вскорѣ базиліане должны были разочароваться въ своемъ любимцѣ. Усердіе Кишки къ ордену охладѣвало по мѣрѣ того, какъ онъ приближался по іерархической лѣстницѣ къ митрополичей каѳедрѣ. Въ 1713 году т. е. въ году избранія своего въ митрополиты, Кишка созвалъ въ Вильнѣ конгрегацію и сложилъ въ себя протоархимандритство, предлагая на мѣсто себя Лаврентія Капарскаго. Базиліане однакожъ не послѣдовали его указанію и избрали Процевича. Это, повидимому, мелочное обстоятельство, раздосадовало честолюбиваго Кишку. Съ этихъ поръ совершенно измѣнились отношенія его къ ордену: онъ обращался съ

---

raz znowu w nie za otrzymaniem niesprawiedliwie od Krolow Polskich przywilejami, tudzież za uleganiem y przemocą niektorych Metropolitow popadały) zupełnie uwolnienie, o które on z pralatami aż do złożenia z siebie urzędu protoarchimandryty.... wiele i gorliwie czynił..., Stebelski. T. 2, Rozdz. V. p. 432 — 7 p.).

(¹) Aniby go (т. е. протоархимандритства) mu do smierci składać z siebie dopuscił, maiąc po sobie nietulko ustawę kapituły Nowogrodskiey 1, ses. 3. № 4, która wyraznie mieć chce protoarchimandrytę dożywotniego (*), ale tez w słodkich iego rządach dziwnie się kochaią, i iak naydłużey onych sobie życząc, gdyby pewne niczaszły okolicznosci, ktore koniecznie inaczy potrzebowały odmiany. Тамъ же. Стр. 431 примѣч. 9.

(*) Конституція эта, какъ показываетъ вся исторія базиліанскаго ордена, никогда не исполнялась на дѣлѣ. Самъ Руцкій, при которомъ сдѣлано это постановленіе, былъ протоархимандритомъ *только 4 года*, и послѣ него всѣ протоархимандриты избирались только на четыре года, а не на всю жизнь. Въ 1752 г. Венедиктъ XIV разрѣшилъ базиліанамъ избирать протоархимандрита только на воссмъ лѣтъ. Stebelski. T. 3. p. 286.

нимъ, по выраженію жизнеописателя Кишки, какъ съ игрушкой. Такъ новоизбранному протоархимандриту онъ не только не далъ лошадей для разъѣздовъ, но не хотѣлъ передать ему никакихъ бумагъ и актовъ своего 10-ти лѣтняго управленія орденомъ, и вообще старался унизить званіе протоархимандрита, требуя, чтобы онъ вездѣ занималъ мѣсто ниже обыкновенныхъ архимандритовъ. Главною цѣлію Кишки было ссорить базиліанъ съ епископами и архимандритами. Цѣли этой онъ достигалъ слѣдующимъ образомъ: являлось напримѣръ два или три претендента на извѣстную епископію или архимандрію. Кишка созываетъ базиліанскій конвентъ (consultarium) для совѣщаній объ избраніи достойнѣйшаго изъ нихъ. Избранный конвентомъ начинаетъ хлопотать о привилеѣ, а между тѣмъ Кишка предлагаетъ (частнымъ образомъ) другому претенденту тоже хлопотать о привилеѣ, увѣряя, что протоархимандритъ съ консульторами далъ ему (Кишкѣ) устное согласіе на это. Протоархимандритъ наконецъ узнаетъ о подобной сдѣлкѣ, протестуетъ, но напрасно: покровительствуемый Кишкою получалъ то, чего добивался, и разумѣется уже неблагопріятно смотрѣлъ на тѣхъ, которые ему противодѣйствовали (¹). Жизнеописатель Кишки приводитъ множество подобныхъ фактовъ и вообще говоритъ объ немъ, что онъ „*волоцилъ*“ своими подчиненными, какъ хотѣлъ (orał iak chciał) (²).

Мы прослѣдили отношенія уніатскихъ митрополитовъ къ базиліанскому ордену на пространствѣ цѣлаго сто-

---

(¹) Tak łudził, zwodził rozsiewał, miedzy zakonnikami dyssydencye y u prałatow in odia sztucznie wprowadzał, говоритъ жизнеописатель Кишки, —By się kłócili. „Помянникъ“: Leon Kiszka.

(²) Тамъ же.

ятія и видѣли, что за исключеніемъ двухъ митрополитовъ (Рафаила Корсака и Льва Заленскаго) базиліане находились въ болѣе или менѣе непріятныхъ столкновеніяхъ со всѣми митрополитами. Какое же заключеніе мы должны вывести изъ этого обозрѣнія? Ужели планъ и намѣренія Рутскаго о тѣснѣйшемъ союзѣ ордена съ митрополитами оказались несбыточною мечтою, и уніятскіе митрополиты на дѣлѣ были врагами ордена?—Нисколько. Если базиліане и враждовали иногда съ митрополитами, то эта вражда была, такъ сказать, семейная, домашняя, которая неизбѣжна во всякомъ обществѣ, какъ бы оно ни было хорошо организовано, и которая однакожъ никогда не оканчивалась дурными послѣдствіями для которой нибудь изъ враждовавшихъ сторонъ. Поводомъ къ враждѣ, какъ мы видѣли, было желаніе нѣкоторыхъ митрополитовъ удержать за собою протоархимандритство. Но мы видѣли также, какъ базиліане иногда сами сознавали, что для нихъ нуженъ протоархимандритъ именно митрополитъ, или по крайней мѣрѣ епископъ, а не простой монахъ. Митрополиты и епископы незаконно требовали, а иногда и насильно овладѣвали богатѣйшими монастырями съ принадлежавшими имъ имѣніями,—доходы однакожъ съ этихъ монастырей они употребляли не на себя только, а на разныя нужды самихъ же базиліанъ. Они жертвовали значительныя суммы на богадѣльни, на новиціаты, на школы, и на свои же средства посылали лучшихъ базиліанскихъ воспитанниковъ въ латинскіе коллегіумы. При ихъ содѣйствіи базиліане получали разныя привиллегіи, пріобрѣтали новыя имѣнія и фундуши. Словомъ—уніятскіе митрополиты ссорились, враждовали съ базиліанами, но никогда не забывали, что они дѣти одной матери, птенцы

одного гнѣзда, и потому никогда не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ ордена, который они часто называли „своею матерью" (matka swoia),—скажемъ больше,—уніятскіе митрополиты слишкомъ даже были преданы интересамъ базиліанскаго ордена,—въ ущербъ бѣлому уніятскому духовенству.

(Окончаніе будетъ)

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И БЕЗСМЕРТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ.

I.

Въ разсмотрѣніи происхожденія души человѣческой представляются слѣдующіе вопросы: откуда она, изъ какого источника и какое ея первоначальное состояніе?

Откуда наша душа? Какой она природы? Есть ли она часть Божества, или часть видимой, внѣшней природы, или—если ни то, ни другое,—не есть ли она существо, имѣющее особливую природу и составляющее особливый классъ въ порядкѣ бытія? Въ отвѣтахъ на всѣ эти вопросы новая философія блуждаетъ также, какъ древняя. Но заблужденія той и другой выходятъ не изъ одного источника. Въ древней философіи они были плодомъ мысли слабой и не зрѣлой, какъ все вступающее въ первый періодъ бытія. Въ новой философіи, которая имѣетъ величайшій запасъ опытности отъ прошедшихъ вѣковъ и которая развивается на почвѣ, пропитанной началами высочайшей вѣры, они выходятъ изъ неестественнаго отношенія, которое образовалась между логическимъ развитіемъ мышленія и дѣйствительною природою вещей. Мышленіе съ своими требованіями высшаго единства поставлено закономъ для всякаго бытія. Высшая субстанція, которая олицетворяетъ собою это единство, дѣлается по необходимости началомъ, источ-

никомъ, изъ котораго существенно все происходитъ. По различію этой сущности, которая полагается въ основаніе всякаго бытія, все существующее, слѣдовательно и душа, или обоготворяется или овеществляется, представляется частію Божества или природы. Но когда и это не удовлетворяло стремленію ума къ высшему единству, когда въ основномъ началѣ онъ увидѣлъ двойственность сущности и бытія, представленій и реальности, то онъ пошелъ еще дальше и слилъ эту двойственность въ умо-представляемое единство или тождество идеальнаго и реальнаго. Такимъ образомъ безразличная, безхарактерная идея сдѣлалась родоначальникомъ всего существующаго. Всѣ существа, не исключая духовнаго міра, суть различныя формы, въ которыхъ эта идея проявляется и, какъ формы или способы обнаруженія идеи, не имѣютъ бытія самостоятельнаго. До такихъ странныхъ умствованій дошла философія, уклонившаяся въ область чистаго мышленія и забывшая о живой дѣйствительности.

Гдѣ же и какъ искать руководственной нити, которая бы провела насъ сквозь этотъ лабиринтъ заблужденій?.. Отвѣчаемъ—въ природѣ нашей души, въ ея высшихъ потребностяхъ и стремленіяхъ, которыя непреложны, какъ голосъ самаго Бога. Не будемъ только односторонни во взглядѣ на душу. Чувствованія, желанія, вообще практическія стремленія составляютъ также существенныя ея стороны, какъ и мышленіе; слѣдовательно требованія чувства должны быть столько же уважаемы, какъ и требованіи разсудка.

Итакъ откуда наша душа и какой она природы? Въ древности почти на всемъ Востокѣ распространено было ученіе, по которому душа человѣческая есть часть

или капля Божества. Это ученіе связано было самымъ существеннымъ образомъ не только со всѣми вѣрованіями, чувствованіями и дѣйствіями, но даже съ гражданскими учрежденіями индѣйцевъ, самаго древняго народа въ мірѣ. Если изслѣдовать, что именно изъ индѣйскаго ученія сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ и перешло въ нее еще въ древнѣйшія времена: то окажется, что это было именно ученіе о переселеніи душъ, которое Пиѳагоромъ принесено къ грекамъ. Но для этихъ послѣднихъ оно было явленіемъ совершенно новымъ и чуждымъ, между тѣмъ какъ въ Индіи оно было повсемѣстнымъ съ самыхъ древнихъ временъ, какъ только европейцы стали получать свѣдѣнія объ этой странѣ. Можно сказать даже, что на этомъ понятіи основанъ не только весь образъ мыслей, но и всѣ гражданскія учрежденія и житейскія отношенія индѣйцевъ. У нихъ это понятіе было, такъ сказать, родное, а у египтянъ иноземное, хотя Пиѳагоръ заимствовалъ его у этихъ послѣднихъ. Къ этому заключенію приводитъ насъ образъ погребенія мертвыхъ у египтянъ. Человѣку такъ глубоко врожденъ какой-то священный трепетъ, какое-то почти боязливое благоговѣніе передъ бездушнымъ тѣломъ усопшаго, что насъ ни что́ такъ не оскорбляетъ, ни что́ не кажется намъ такъ не простительнымъ, какъ оскорбленіе этого чувствованія. Господствующій у различныхъ народовъ образъ погребенія мертвыхъ не только чрезвычайно важенъ въ отношеніи къ ихъ нравственности, но онъ особенно замѣчателенъ и любопытенъ еще и тѣмъ, что по большей части бываетъ тѣсно сопряженъ съ ихъ внутренними религіозными представленіями и чувствованіями. Любимое у грековъ сожиганіе умершихъ было въ обыкновеніи еще въ глубокой

древности. Оно имѣетъ много привлекательнаго для воображенія и соотвѣтствуетъ внутреннему чувству человѣка. Вмѣстѣ съ пламенемъ духъ жизни возносится къ небу свободнымъ и очищеннымъ, земная часть остается въ видѣ пепла для сладостнаго воспоминанія. Странное обыкновеніе египтянъ бальзамировать свои муміи, господствовавшее во всей внутренней Африкѣ, не легко можетъ быть согласовано съ индѣйскими вѣрованіями и понятіями—переселенія душъ. Напротивъ такое обыкновеніе предполагаетъ темное чувство, невнятно говорящее, что и этотъ повидимому мертвый остовъ для человѣка еще чрезвычайно важенъ; а это чувство основано на понятіи можетъ быть понимаемомъ слишкомъ матеріально, что таинственный союзъ между освобожденною душею и ея земною оболочкою—тѣломъ, несовершенно прекращается, что онъ можетъ быть опять возобновленъ и что эта оболочка должна имѣть участіе въ безсмертіи и нѣкогда быть снова одушевленною и воскрешенною. Кажется, будто въ обычаѣ бальзамированія тѣла заключаются чаяніе воскресенія его и предчувствіе христіанскаго догмата, хотя въ слишкомъ матеріальномъ примѣненіи, и что по этой причинѣ египтяне сберегали свои муміи съ такимъ тщаніемъ и почитали ихъ священными. Образъ погребенія, господствующій въ нашей религіи, самый сообразный съ природою. Землѣ возвращается то, что отъ нея взято, и ея матеріальному нѣдру ввѣряется земное, безжизненное тѣло, какъ сѣмя для будущей жатвы. Когда мы знаемъ, что въ могилѣ покоится любезное намъ тѣло, то это сознаніе дѣлаетъ его драгоцѣннѣе для памятованія и сильнѣе говоритъ чувству, нежели когда воспоминанію надлежитъ прилѣпляться къ пусто-

му мѣсту послѣ того, какъ тѣло черезъ сожженіе обратилось въ общія начала и стихіи.

Индѣйское ученіе о переселеніи душъ основано было на представленіи, будто всѣ существа произошли и проистекли отъ Бога, а здѣсь въ семъ мірѣ находятся въ уничиженномъ состояніи несовершенства и виновности своего отпаденія отъ Бога. Изъ этого состоянія всѣ существа вообще и преимущественно люди, чрезъ различныя степени видопревращеній и переселеній души, либо погрязаютъ отъ собственной вины еще глубже, либо посредствомъ внутренняго очищенія своего существа снова могутъ приближаться къ совершенству и возвращаться опять къ своему божественному началу. Путь внутренняго очищенія, которымъ она достигаетъ прежняго блаженства, состоитъ въ удаленіи отъ чувственности, углубленіи въ самихъ себя, удаленіи отъ внѣшнихъ впечатлѣній и сосредоченіи вниманія на одномъ предметѣ. На этомъ представленіи основанъ образъ жизни индѣйскихъ отшельниковъ, которые удаляясь отъ свѣта, посвѣщаютъ себя исключительно уединенному созерцанію и подвергаютъ свое тѣло самымъ строгимъ истязаніямъ. Нѣтъ надобности присовокуплять, что аскетизмъ этого рода не имѣетъ ничего общаго съ аскетизмомъ христіанскихъ отшельниковъ, у которыхъ внѣшняя уединенность отъ гражданскихъ дѣлъ соединяется съ высокою внутреннею дѣятельностію духа и сердца, плоды которыхъ опять вливаются въ общество. Сюда принадлежатъ упражненія въ наукахъ, нѣкоторыхъ искуствахъ, также въ дѣлахъ общественнаго воспитанія и общественной благотворительности, вообще воспитанія людей для иныхъ цѣлей, кромѣ пользы гражданской и сохраненіе того духа истины, который иногда упадаетъ

въ обществѣ, или подвергается опаснымъ вліяніямъ со стороны усиливающихся земныхъ интересовъ (¹)

Но древнему ученію о происхожденіи человѣческой души изъ Божественной сущности противорѣчитъ во 1-хъ понятіе о Божествѣ, какъ существѣ въ высшей степени совершенномъ и святомъ, и потому не могла изъ Него произойти или отъ Него отдѣлиться часть, въ которой видимъ зло. Если предположимъ, что зло явилось уже по отдѣленіи души отъ Божественной сущности, то не разрѣшимъ затрудненія, потому что, представляя часть Божественной сущности съ возможностію зла, мы должны представлять и ея источникъ съ этою возможностію; иначе откуда взялась бы эта возможность? 2). Понятіе о Божествѣ, какъ безконечномъ существѣ. Божественныя свойства проникаютъ всю природу Его и, если можно выразиться образно, нѣтъ ни одной стороны, которая была бы менѣе совершенна, нежели другія. Онъ есть всецѣло безконечное Существо, но какимъ же образомъ одна или нѣсколько частей Его, отдѣлившись отъ Его Сущности и составивши особыя души, потеряли свою безконечность и сдѣлались ограниченными? Какимъ образомъ часть безконечнаго ума, безконечной воли, отдѣлившись отъ своей сущности и сдѣлавшись отдѣльнымъ бытіемъ, потеряли не часть своихъ совершествъ, но характеръ безконечнаго совершенства? Этого нельзя изъяснить удовлетворительно никакимъ предположеніемъ.

Единственное, представляющееся мысли, изъясненіе этого заключается въ той слабой аналогіи, которую

(¹) *Ф. Шлегель*, Исторія Древн. и Нов. Литературы, Ч. 1, стр. 239—240.

представляетъ опытъ, что отъ весьма умныхъ отцовъ часто родятся бездарныя дѣти. Но и это изъясненіе не удовлетворительно, потому что здѣсь постепенность конечнаго, а тамъ разность конечнаго съ безконечнымъ. Въ человѣческомъ рожденіи и происхожденіи однихъ душъ отъ другихъ то, что существенно составляетъ душу, ея высшія силы, непремѣнно сообщается отъ родителей дѣтямъ; или укажутъ на опытъ, что у кого нибудь родился сынъ безъ разума, безъ силы воли, совѣсти или чувства? Не сообщаются только тѣ совершенства, которыя родители пріобрѣтаютъ образованіемъ: но эти совершенства не составляютъ природы души. Между тѣмъ въ Божествѣ нѣтъ этой постепенности между естественнымъ состояніемъ Его природы и совершенствами, которыя пріобрѣтаются образованіемъ: Совершенства составляютъ Его сущность. Безконечность проникаетъ всю Его природу, и потому мы не можемъ представить части, которая бы, отдѣлившись отъ этой сущности, лишилась свойствъ своей природы.

Душа не можетъ быть извлечена изъ матеріальной сущности; потому что тогда въ причинѣ было бы менѣе, нежели въ произведеніи. Послѣднія основанія матеріальнаго міра суть стихіи и силы: но ни тѣ, ни другія не заключаютъ въ себѣ тѣхъ свойствъ, какія мы замѣчаемъ въ душѣ. Какъ бы ни утончали огонь, воду, воздухъ, какую бы ни представляли чистую стихію или тончайшую силу: все онѣ будутъ дѣйствовать не сознавая себя и притомъ по законамъ необходимости, не имѣя власти уклониться отъ нихъ или перемѣнить ихъ. Не такова душа человѣческая. Она мыслитъ и дѣйствуетъ съ сознаніемъ и свободою и свойства эти составляютъ ея существо, ея природу. Поелику же этихъ

свойствъ невозможно заимствовать оттуда, гдѣ нѣтъ ихъ: то слѣдовательно и душа человѣческая не могла произойти изъ какой либо стихіи или матеріальной силы. И такъ душа не есть часть, истеченіе или искра Божества, ни порожденіе Его; равнымъ образомъ не есть тончайшее развитіе или продуктъ какой либо естественной силы.

Происхожденіе души человѣческой и ея отношеніе къ Божеству и существамъ, отъ Него сотвореннымъ, можно изъяснить изъ разсмотрѣнія ея природы. Поелику главное и существенное направленіе души есть стремленіе къ Божественному, то началомъ ея должно быть Существо безконечное. Но отъ сего начала она не могла произойти чрезъ истеченіе или рожденіе; однимъ словомъ, не чрезъ отдѣленіе нѣкоторой части силы Божіей, но только чрезъ сотвореніе. Съ этой стороны душа человѣческая относится къ безконечному Существу точно также, какъ всѣ видимыя, сотворенныя существа; но ея преимущество предъ ними заключается въ особенныхъ совершенствахъ ея духовной природы, одаренной разумностію и свободою и украшенной богоподобіемъ.

Способъ происхожденія души отъ Бога изъясняютъ многими сравненіями и подобіями, которыя заимствуются или отъ міра чувственнаго, или отъ міра духовнаго. Но эти изъясненія для своей цѣли недостаточны и по слѣдствіямъ опасны. Гипотеза истеченія или отдѣленія нѣкоторой части отъ полноты Божественнаго бытія заимствуетъ образъ изъ матеріальнаго міра и переноситъ въ духовный порядокъ вещей, въ которомъ онъ не имѣетъ мѣста. Если же понимаютъ истеченіе не въ собственномъ смыслѣ, то подаютъ поводъ къ опасному

толкованію, въ которомъ можно принять подобіе за самую вещь. Тоже можно сказать и о другомъ подобіи — отраженіи солнечнаго луча въ водѣ или стеклѣ и о всѣхъ прочихъ подобіяхъ, заимствуемыхъ изъ чувственнаго міра. Не болѣе успѣваютъ тѣ, которые заимствуютъ подобіе изъ міра духовнаго для жизни самой человѣческой души. Говорятъ, что одинъ человѣкъ можетъ сообщать свои мысли другому, нисколько самъ не теряя чрезъ это, такъ что мысли остаются тѣ же и съ тою же степенью ясности, какими были до передачи ихъ другому человѣку. Равнымъ образомъ можно передавать другому силу воли, чувства, не ощущая нисколько потери въ нашихъ собственныхъ духовныхъ силахъ. Это самое можно примѣнить и къ Божеству, или къ происхожденію духовной силы отъ Бога. Но это можетъ быть направлено или вообще къ происхожденію человѣческой души отъ Бога, или къ происхожденію только нѣкоторыхъ понятій, каково напримѣръ понятіе о Безконечномъ. Но въ обоихъ случаяхъ это подобіе неприложимо; потому что въ первомъ случаѣ оно изъясняетъ только перемѣну въ состояніяхъ, а не касается самаго бытія; возбуждая въ другомъ человѣкѣ извѣстныя мысли, чувствованія, желанія, мы дѣйствуемъ только на образъ мыслей и чувствованій, но не сообщаемъ самыхъ духовныхъ силъ, которыхъ природа независима отъ нашего воздѣйствія на нихъ. Въ последнемъ случаѣ они изъясняютъ только чистую передачу одной мысли или одного чувствованія, между тѣмъ какъ идея Безконечнаго или стремленіе нашей души къ Безконечному есть высочайшій законъ нашей духовной жизни, который проникаетъ всю нашу духовную природу и также существенно относится къ ней,

какъ законъ дыханія или выдыханія въ нашей чувственной природѣ. Слѣдовательно частный случай передачи мысли отъ одного существа къ другому не достаточенъ при изъясненіи особенностей и существенныхъ свойствъ самой природы и законовъ ея, а не частныхъ обнаруженій.

Всегда ли духъ человѣческій былъ такимъ, какимъ мы видимъ его въ настоящее время, или въ состояніи его произошли какія либо перемѣны? По древнему и всеобщему ученію жизнь человѣческая не была подвержена такимъ перемѣнамъ, страданіямъ, лишеніямъ, какимъ подлежитъ въ настоящее время. Все составляло для нея предметъ наслажденія — и внутреннія расположенія души и видимая внѣшняя природа и общество подобныхъ намъ людей. Но этотъ порядокъ вещей продолжался недолго. Человѣкъ разрушилъ эту гармонію и это согласное теченіе вещей грѣхопаденіемъ. Со времени этого несчастнаго событія окончился золотой вѣкъ добра и счастія и началось постоянное колебаніе человѣка между добромъ и зломъ, счастьемъ и страданіями. Начался новый порядокъ вещей, въ которомъ сила добра постоянно ограничивается зломъ, спокойствіе души возмущается ея внутренними нестроеніями, наслажденіе природою отравляется ея вредными дѣйствіями на наше тѣло и, наконецъ, общество подобныхъ намъ людей подвергаетъ насъ различнымъ нравственнымъ испытаніямъ и даже физическимъ страданіямъ. Исторія на каждой страницѣ представляетъ печальныя слѣдствія грѣха, личные опыты подтверждаютъ показанія исторіи. Повсюду слышатся жалобы на людское зложелательство, на превратности счастья, на внутреннія неустройства души и на внѣшнія страда-

нія. Иныя видятъ въ этомъ естественный порядокъ вещей и думаютъ, что человѣкъ сотворенъ такимъ, какимъ видятъ его нынѣ; видимыя несовершенства его составляютъ характеръ его природы, смѣсь добра и зла, счастія и печалей — законъ его жизни. Но не на чемъ основать подобное ученіе. Одно личное убѣжденіе не можетъ устоять противъ всеобщаго опыта, выражаемаго и преданіями религій и описаніями поэтовъ и показаніями исторіи и собственнаго опыта. Когда страдаетъ человѣкъ, его никто не убѣдитъ, что ему не тяжело, что это есть видимость страданія; если же станутъ доказывать ему, что страданія находятся въ порядкѣ вещей, то не только не утѣшатъ его, но прибавятъ еще новую тяжесть къ страданіямъ, потому что сдѣлаютъ безвыходнымъ его положеніе. И такъ зло, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, не можетъ быть приведено къ естественнымъ явленіямъ человѣческой жизни. Всеблагой Творецъ не можетъ быть Творцемъ зла, поелику Онъ есть начало порядка и благоустройства; не могли произвести его другія силы, находящіяся внѣ человѣка. Онѣ не могли насильственно преклонить человѣка ко злу, поелику онъ носитъ внутри себя умъ, сознаніе и свободу. И такъ причины этого явленія надо искать въ самомъ человѣкѣ, куда и направляютъ насъ преданія древности и нашъ опытъ. Открытіе этой причины прольетъ свѣтъ на весь порядокъ нашей жизни, освѣтитъ для насъ путь исторіи и частію введетъ насъ въ тайны будущаго, сколько можно гадать о немъ по тѣмъ даннымъ, какія находятся въ нашемъ распоряженіи.

Сущность нравственнаго зла по психологическимъ основаніямъ его состоитъ—какъ опытъ показываетъ —

въ преобладаніи чувственности надъ духовностію, низшихъ силъ пожеланія надъ разумностію. Въ такомъ видѣ откровеніе передаетъ намъ исторію и первоначальнаго грѣха въ человѣческомъ родѣ. Однимъ изъ первыхъ обнаруженій человѣческой свободы было уклоненіе на сторону низшихъ, чувственныхъ силъ, вслѣдствіе чего возникло зло со всѣми его послѣдствіями. То, что изначалу было только возможностію, содѣлалось дѣйствительностію. Человѣкъ могъ, по самой природѣ своей свободы, сохранить перевѣсъ высшихъ силъ надъ низшими безъ насилія чему бы то ни было, но по той же свободѣ онъ уклонился на сторону чувственности. Явленіе зла произвело безпорядокъ въ нравственной жизни человѣческаго рода, борьбу противоположныхъ началъ, оканчивающуюся нерѣдко перевѣсомъ злаго начала.

Но уже самая эта борьба, повторяющаяся въ опытѣ каждаго человѣка, показываетъ, что зло не перемѣнило человѣческой природы, что оно не коснулось самаго, такъ сказать, корня его. Обыкновенный смыслъ представляетъ злое дѣйствіе и нравственно преступную жизнь, какъ превратное направленіе свободы. Въ этихъ словахъ простаго смысла есть правда, но надобно точнѣе опредѣлить ее и оградить отъ ложныхъ толкованій. Психологическій анализъ порочнаго дѣйствія показываетъ, что въ совершеніи его участвуютъ тѣже силы, которыми совершается и доброе дѣйствіе,—разсудокъ, воля или практическая сила и чувство; и всѣ эти силы дѣйствуютъ согласно съ своею природою и своими законами; но то, что существенно отличаетъ нравственно злое дѣйствіе отъ добраго, заключается не въ природѣ дѣйствующихъ силъ, но въ тѣхъ побужденіяхъ, кото-

рыя располагають нась къ симъ дѣйствіямъ. Нравственно доброе дѣйствіе есть то, которое происходить вслѣдствіе справедливой оцѣнки всѣхъ побужденій, располагающихъ къ извѣстному дѣйствію и слѣдствій, происходящихъ отъ извѣстнаго дѣйствія; нравственно злое происходитъ въ томъ случаѣ, когда эта оцѣнка бываетъ ложною, когда какому либо интересу мы придаемъ силы болѣе надлежащаго и чрезъ то унижаемъ силу высшихъ побужденій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣйствію. Но это можетъ произойти только вслѣдствіе предварительнаго преобладанія чувственности надъ духовностію, въ слѣдствіе положительнаго разстройства душевной жизни.

И такъ слѣдствіе первоначальнаго грѣхопаденія человѣка обнаруживается преобладаніемъ низшихъ силъ надъ высшими, чувственности надъ духовностію. Намъ извѣстно изъ опытнаго ученія о душѣ, что однѣ силы души суть высшія, другія низшія, однѣ начальныя, другія подчиненныя и зависимыя: неправильное отношеніе между ними возникло вслѣдствіе перваго грѣха; отчего человѣкъ сталъ удобопреклоннѣе къ удовлетворенію низшихъ, нежели высшихъ силъ.

Слѣдствія этого очевидны сами собою. Это во-первыхъ помраченіе разсудка, или образованіе ложныхъ понятій о важнѣйшихъ предметахъ человѣческаго познанія—каковы напр. ложныя понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Такъ доброе является въ нашей душѣ, какъ естественно-сильнѣйшее побужденіе къ дѣйствію, а при превратномъ образованіи сильнѣйшимъ можетъ показаться не то, что сильно по своей природѣ, но то, что сдѣлалось такимъ отъ частаго повторенія, напр. порочная склонность, страсть,—однимъ сло-

вомъ—зло; отсюда зло могло принять видъ добра, такъ что понятія о томъ и другомъ должны были запутаться, какъ это и показываетъ исторія. Во вторыхъ—ослабленіе воли; потому что начали управлять ею и располагать человѣка къ сообразнымъ дѣйствіямъ не добрыя, но порочныя желанія, какъ сильнѣйшія въ его душѣ. Наконецъ, въ третьихъ—помраченіе чувства; потому что желанія и понятія, являясь въ ложномъ свѣтѣ, не могли съ надлежащею справедливостію ни открывать, ни обнаруживать характера красоты.

Но мы должны помнить, что это не перемѣнило человѣческой природы въ ея основаніяхъ. Сила чувственности зависитъ отъ большей удобопреклонности къ ней человѣка, а не отъ ея внутренней крѣпости, энергіи. Отъ частаго удовлетворенія низшихъ силъ образуются страсти, но даже малое развитіе высшихъ силъ уже ослабляетъ ихъ силу. Возстановленіе надлежащаго, законнаго равновѣсія между душевными силами, благоустроеніе душевной жизни по высшему требованію нравственнаго закона возможно въ полной мѣрѣ только въ будущей жизни, но частію достигается и въ настоящей, такъ что жизнь настоящая въ нравственномъ отношеніи есть приготовленіе къ жизни будущей. Время воспитываетъ людей для вѣчности, земля для неба.

Въ естественномъ порядкѣ вещей содѣйствующими средствами къ улучшенію жизни отдѣльныхъ лицъ и народовъ служатъ: 1) воспитаніе, которое постепеннымъ упражненіемъ и внушеніями пріучаетъ душевныя силы человѣка къ правильной дѣятельности, стройной и соразмѣрной, въ такой періодъ, когда въ душѣ еще мало собственныхъ основъ для выбора добра и зла; 2) образованіе, поелику оно, умножая число понятій, пра-

вильно образованныхъ, и вводя ихъ въ правильныя сочетанія (сужденія и заключенія), уравновѣшиваетъ духовную сторону человѣка съ чувственною, — даетъ разсудку правило для сужденія, волѣ опору для нравственнаго дѣйствованія, чувству правильную мѣру для сравненія и вообще возвышаетъ разумную сторону человѣка надъ чувственною. 3) Законодательство, поелику добытое образованіемъ и вѣковою опытностію примѣняетъ къ взаимнымъ отношеніямъ людей или благоустроенію гражданскихъ обществъ на нравственныхъ основаніяхъ. Наконецъ, въ порядкѣ сверхъ естественномъ 4) откровенная религія, которая, открывая истинныя понятія о Богѣ и мірѣ, о долгѣ и нравственности, и укрѣпляя волю, равно какъ облагораживая чувство, вноситъ въ душевную жизнь людей новые способы и силы истиннаго образованія и нравственнаго усовершенствованія человѣческаго рода.

(Окончаніе будетъ.)

О ВОЗСТАНОВЛЕНИИ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ЦЕРКВИ МОНАШЕСТВА,

И ИМЕННО БЕНЕДИКТИНСКАГО ОРДЕНА.

Давно уже носилась рѣчь и ходили какіе-то неопредѣленные слухи о возстановленіи въ Англіи монастырей, и съ ними монашеской жизни. Наконецъ теперь стали появляться, отъ времени до времени, разные «трактаты», будто бы издаваемые «братіей англійскаго ордена св. Бенедикта». Передъ нами лежитъ теперь 6-й номеръ, быть можетъ, наиболѣе замѣчательный; и потому мы находимъ не неумѣстнымъ сдѣлать изъ него нѣкоторыя извлеченія. Писатель этого трактата поставилъ себѣ задачей доказать, почему „монастыри должны быть возстановлены въ англійской церкви, и вмѣстѣ съ ними иноческая жизнь“; полюбопытствуемъ, чѣмъ и какъ онъ доказываетъ необходимость этого возстановленія.

„Англійская наша церковь“, говоритъ онъ, „безъ монастырей и безъ монашествующихъ не походитъ:

„1. ни на первенствующую (primitive) Церковь,

„2. ни на всѣ прочія христіанскія церкви нашего времени, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ,

„3. ни на себя самую въ лучшіе дни (purest days) ея существованія.

„4. Она устроилась теперь не по идеѣ каѳолическихъ епископовъ и древнихъ отцевъ (каноны 1571), и не согласно „съ духомъ древнихъ отцевъ“, тѣхъ самыхъ, о

которыхъ она съ такимъ почтеніемъ говоритъ въ предисловіи къ ея „общему молитвослову".

„Для всякаго вѣрнаго сына англійской церкви это явленіе представляетъ печальный предметъ размышленія, именно, что его церковь въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково настоящее, явно противорѣчитъ толкованію Писанія, преданному ей первенствующей Церковію, древнимъ святымъ и мученикамъ, всему настоящему каѳолическому христіанству, самой себѣ въ лучшіе дни ея существованія, и наконецъ противорѣчитъ настоящей своей *теоріи* о каѳолической истинѣ. Намъ скажутъ, что англійская церковь никогда не отрекалась отъ божественнаго авторитета, на который опираются подобныя учрежденія, каковы напр. монашескія учрежденія св. Василія и Венедикта; пусть такъ, пусть будетъ такъ; но отъ того-то именно грѣхъ ея становится еще больше, что она не старается восполнить то лишеніе, которое она сама сознаетъ, и равнодушно терпитъ его въ продолженіе слишкомъ трехъ сотъ лѣтъ. Покуда это небреженіе будетъ продолжаться, церковь англійская, что бы ни говорили, на *практикѣ*, на дѣлѣ, будетъ находиться въ противорѣчіи со всѣми церковными авторитетами, которые она сама признаетъ. И такъ не должно ли быть обязанностію и епископовъ и священниковъ и мірянъ,— общими, совокупными силами, стараться объ усвоеніи нашей части каѳолической церкви того устройства, какого требуютъ лучшія, первобытныя времена, какого требуютъ древніе отцы, какого требуютъ всѣ настоящіе христіанскія церкви, и какого требуетъ ея собственная теорія?"

„Покуда эти лишенія будутъ существовать у насъ, до тѣхъ поръ не напрасно будутъ говорить про нашу

англійскую церковь, что ей недостаетъ каѳолическаго характера, и что она отдѣлилась отъ древняго общенія съ каѳолическимъ христіанствомъ. Отъ того-то конечно, при настоящемъ ея положеніи, многія добрыя, вѣрующія и пламенѣющія огнемъ ревности души оставляютъ ея нѣдра: она не даетъ имъ ни средствъ, ни даже возможности слѣдовать евангельскимъ совѣтамъ о совершенствѣ, которые представляются намъ въ монашеской жизни“.

„Разберемъ теперь другую причину, почему элементъ иноческой жизни долженъ быть внесенъ въ организацію нашей церкви“.

„Пока англійская церковь будетъ оставаться безъ монастырей, до тѣхъ поръ она на *практикѣ*, дѣломъ, если не ученіемъ, будетъ противорѣчить и Ветхому и Новому Завѣту. Если мы это докажемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ докажемъ и то, почему обычное возраженіе, будто монашеская система была хороша и полезна для давно-минувшихъ дней, а для потребностей 19-го вѣка болѣе не пригодна, — не имѣетъ ни какого основанія. Ясное дѣло, что если монашеская жизнь согласна съ Писаніемъ, если начало ея свыше, отъ Бога, если она предъуставлена для всѣхъ вѣковъ Церкви—ясное, говорю, дѣло, что она должна быть столь-же необходима для благосостоянія Церкви и въ 19-мъ вѣкѣ, какъ и во 2-мъ. Конечно, это изумитъ протестантовъ, если сказать имъ, что въ *Библіи* не только положены основанія, но и самыя правила монашеской жизни; тѣмъ не менѣе это истинно. Въ Библіи, и въ особенности въ Новомъ Завѣтѣ, нарочито предъусмотрѣна возможность существованія иночества, какъ высшее проявленіе (Phase) христіанства и наиболѣе полное осуществленіе евангель-

свей жизни. Конечно, *слова*—инокъ, инокиня, монастырь, монашескій и т. п. не встрѣчаются въ Писаніи; но вѣдь нѣтъ тамъ и *слова*—Троица; а мы не обинуясь можемъ сказать, что самое *ученіе о монашествѣ* по крайней мѣрѣ столько же ясно, какъ и ученіе о Троицѣ, заключается въ Евангельскихъ и Апостольскихъ писаніяхъ".

„Чтожъ это за ученіе? Этимъ ученіемъ внушается намъ, что высшая жизнь христіанина есть жизнь *произвольной нищеты*, *цѣломудрія* и *послушанія*, изъ любви ко Христу. Для сей-то цѣли тѣ, которые чувствуютъ себя призванными въ избранію сей жизни, дѣлаютъ разные обѣты (¹), обѣты цѣломудрія, нищеты и послушанія, т. е. обѣты совершеннаго самоотверженія. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа была, въ истиннѣйшемъ смыслѣ, жизнію непрерывной нищеты, послушанія и цѣломудрія, иначе—это была жизнь *инока—проповѣдника*. Отъ того-то во вѣки Благословенный Господь — Самъ, въ различныхъ выраженіяхъ, въ основаніи нашего нравственнаго совершенства полагаетъ эти три иноческія правила или эти три евангельскіе совѣты.

1. *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и гряди въ слѣдъ Мене*. Мѳ. 10. 21.

2. *Суть скопцы, иже изъ чрева матери родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ: и суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго: могій вмѣстити, да вмѣститъ*. Мѳ. XIX. 12.

3. *Азъ снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI. 38). *Аще кто хо-*

(¹) См. Лев. 27, 1. 2. Числ. 6, 1. 2. 30, 1. 2. Суд. 11, 30. 1 Цар. 1, 11. Іерем. 35, 2—18. Дѣян. 18. 18. 21. 23.

щетъ: по Мнѣ итти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми (Лк. IX. 23).

„Въ этихъ трехъ изреченіяхъ евангельскихъ заключаются ясно и положительно монашескія правила, ученіе о монашествѣ и совѣты совершенства (Consilia perfectionis). Это

1. Совершенная произвольная нищета.

2. Совершенное произвольное безбрачіе.

3. Совершенное произвольное послушаніе.

„Согласно съ симъ ученіемъ, какъ мы находимъ въ Дѣян. 4, 34, 35., христіане *буквально* жили и дѣйствовали на основаніи перваго изъ сихъ евангельскихъ совѣтовъ, и вовсе не въ слѣдствіе необходимости, какъ то можно видѣть въ 4 ст. 1-й главы. Примѣры втораго евангельскаго совѣта представляютъ собою всѣ апостолы, которые *вся* оставили для Христа, — и отца и мать и жену, какъ то можно заключить изъ слѣд. словъ св. Петра: *рече же Петръ: се мы оставихомъ вся, и по Тебе идохомъ.* И Господь, замѣтимъ при семъ, похваляетъ эту святую рѣшимость, какъ то показываютъ слѣдующія Его слова: *аминь глаголю вамъ, яко никтоже есть, иже оставитъ домъ, или родители или братію, или сестры, или жену, или чада, царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею во время сіе, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный.* (Лук. 18, 29. 30) Не явное ли это указаніе на второй совѣтъ Евангельскаго совершенства? А что говоритъ еще св. Апостолъ въ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ (гл. 7, 32)? Онъ положительно утверждаетъ, что *не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ.* И въ семъ случаѣ Апостолъ замѣчаетъ, что онъ тутъ даетъ свое мнѣніе,

какъ человѣкъ, водимый Духомъ Божіимъ (ст. 40), и какъ человѣкъ, которому дана благодать воздержанія (ст. 25). Въ Откровеніи (14. 4) указуется особая мзда для тѣхъ, которые, ради Христа, обрекли себѣ на жизнь дѣвственниковъ".

„Что касается до втораго совѣта евангельскаго совершенства относительно произвольнаго послушанія, и жизни по началамъ совершеннаго самоотверженія то намъ остается только замѣтить одно, а именно, что здѣсь, наиболѣе совершеннымъ и наиболѣе буквальнымъ образомъ и въ наиболѣе высокомъ смыслѣ, осуществляется примѣръ нашего Господа, до конца пребывшаго послушнымъ волѣ Своего Небеснаго Отца и Святой Дѣвѣ Маріи. О послушаніи доховнымъ нашимъ наставникамъ пусть всякій прочитаетъ въ посланіи къ Евреямъ. За тѣмъ, развѣ сдѣлать еще два замѣчанія, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній. И во 1-хъ непремѣнно должно дѣлать различіе между совѣтами и предписаніями или правилами: первые не имѣютъ обязательнаго характера для всѣхъ христіанъ, послѣднія же, само собою разумѣется, имѣютъ общую обязательность для всякаго христіанина. Во 2-хъ, ни на мгновеніе не должно предполагать, чтобы Господь, благословенный во вѣки, увѣщавая оставить жену и чадъ ради Его, возбранялъ этимъ бракъ, ибо Онъ ясно и положительно говоритъ, что „могій вмѣстити да вмѣститъ".

„На основаніи всего этого, католическая Церковь во всѣ времена учила, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, основавшій Свою святую Церковь, всѣмъ желающимъ быть „совершенными" завѣщалъ продать все, что они имѣютъ, и жить жизнію дѣвственною, жизнію совершеннаго послушанія. И вотъ почему, какъ скоро кон-

чились гоненія, Церковь, говоря языкомъ нашего времени, организовала общества для мужчинъ и женщинъ, извѣстныя нынѣ подъ именемъ мужскихъ и женскихъ монастырей, какъ такія общества, въ которыхъ представляется наибольшая возможность жить согласно съ *совѣтами евангельскаго совершенства*".

„Все это прекрасно можетъ быть въ теоріи, скажутъ намъ; но что добраго *на практикѣ* можетъ выйти отъ возстановленія монастырей и монастырской жизни въ нашъ вѣкъ прогресса, въ нашъ 19-й вѣкъ? Отвѣтимъ же сперва на этотъ вопросъ, предполагая, что онъ исходитъ изъ устъ христіанина".

„Главная польза отъ возстановленія монастырей и монастырской жизни была бы та, что тогда англійская церковь снова овладѣла бы древнимъ оружіемъ вечерняго, полунощнаго и всенощнаго молитвеннаго бдѣнія и хваленія: тогда отверзлись бы для ея вѣрныхъ чадъ богатыя сокровищницы святыхъ Божіихъ человѣковъ. Лукавый сѣетъ теперь свое сѣмя зла и грѣха на всѣхъ степеняхъ общества; злонравіе и невѣріе возрастаетъ теперь вездѣ все болѣе и болѣе: а между тѣмъ мы не видимъ теперь въ нашей странѣ такихъ вѣрныхъ чадъ, которыя денно-нощно ходатайствовали бы за насъ въ своихъ молитвахъ, дабы поспѣшило водвориться среди насъ царство небесное, царство Божіе; не видимъ тѣхъ святыхъ иноковъ и инокинь, которые всенощныя свои моленія и пѣнія противупоставляли бы безчиннымъ, неумолкающимъ кликамъ разврата нашихъ дней, кликамъ, вопіющимъ на небо и призывающимъ на насъ гнѣвъ Божій. Съ возстановленіемъ же пріютовъ иноческой жизни, ходатайственныя молитвы святыхъ иноковъ, какъ дымъ благовоннаго кадила, покрыли бы своимъ

благословеніемъ наши селенія грѣшничи, ибо не изрокъ ли и Самъ Господь, что *Богъ имать сотворити отмщеніе избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и нощь* (Лук. 18, 7)?"

„Далѣе—какія благотворныя слѣдствія могли бы открыться и въ тонѣ и, такъ сказать, складѣ всего общества, если бы явились среди насъ люди, *все, все* оставившіе на землѣ, ради Христа и въ чаяніи неба! Они были бы живыми, ходячими доказательствами истины будущей жизни, неотразимо вносящими убѣжденіе въ души грѣшныя, но ищущія мира и покоя. Одинъ видъ произвольной нищеты, какъ мечь, проходилъ бы въ сердце гордаго и богатаго міролюбца, невольно напоминая ему о Томъ, Который во дни земной своей жизни не имѣлъ мѣста, гдѣ бы подклонить главу. Нашъ 19-й вѣкъ такъ самомнителенъ и такъ самодоволенъ среди успѣховъ своего прогресса, что почти нѣтъ возможности проникнуть въ тѣ ограды самолюбія и своекорыстія, которыми онъ обставилъ себя: и вотъ ничто столько, какъ возстановленіе иноческой жизни, не могло бы содѣйствовать къ открытію пути въ эти укрѣпленія. Англія 19-го вѣка, мы знаемъ, не любитъ, чтобъ ей напоминали, что, кромѣ *воскресной религіи*, есть *религія вседневная*: откудажь голосъ обличенія могъ бы послышаться сильнѣе, какъ не изъ иноческихъ обителей?"

„Таковъ нашъ отвѣтъ совопроснику 19-го вѣка — христіанину. Послушаемъ теперь, что скажетъ *практическій* человѣкъ, какъ называетъ его міръ, или *безумный*, какъ называютъ его Христосъ и Псалмопѣвецъ. „Монастыри и монахи, по его словамъ, годились еще и даже были очень хороши въ вѣкъ мрака и суевѣрія;

но теперь, при полномъ свѣтѣ дня, когда люди возрасли въ мѣру совершеннаго возраста, и царствуетъ повсюду разумъ, монастыри и монахи стали бы только мѣшать общему ходу просвѣщенія". На сей разъ и мы въ свою чреду предложимъ вопросъ: а чтó этотъ пракчическій человѣкъ думаетъ о нашей англійской *системѣ обязательнаго, вынужденнаго милосердія?* Что онъ думаетъ о нашихъ поборахъ въ пользу бѣдныхъ, о нашихъ рабочихъ домахъ? Знаетъ ли онъ внутренній ходъ этой машинной системы? Наиболѣе добросовѣстные люди должны сознаться и сказать, что все это *необходимое неизбѣжное зло*; должны сознаться и сказать, что эти поборы въ пользу бѣдныхъ служатъ печальнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и жестокимъ бременемъ для самыхъ бѣдныхъ; о рабочихъ же домахъ довольно и того замѣтить, что иногда и крайняя нищета уклоняется отъ этого пріюта. Спрашивается теперь, откудажъ это необходимое, неизбѣжное зло? Это зло есть слѣдствіе уничтоженія монастырей и монастырской жизни. Разница между благотворительностію прежнихъ темныхъ временъ и благотворительностію нашего времени та, что первая исходила отъ сердца, свободно, ради Христа; а послѣдняя, безъ воли нашей, наложена на насъ актомъ парламента. Чтожь изъ этого вышло? Благотворительность 19-го вѣка совершенно отдѣлилась отъ христіанства. Нехристь, безбожникъ можетъ быть въ главѣ того или другаго благотворительнаго заведенія; нечестивецъ можетъ быть сборникомъ поборовъ въ пользу бѣдныхъ; и отъ того-то пріемлющіе *наше* подаяніе пріемлютъ его, не какъ милостыню во имя Христово, но какъ подать, наложенную на насъ *закономъ*; отъ того-то ни въ пріютѣ, который

7*

представляютъ имъ рабочіе дома, ни въ еженедѣльныхъ денежныхъ пособіяхъ, которыя удѣляются имъ изъ суммъ, собираемыхъ въ пользу бѣдныхъ, они не видятъ и не чувствуютъ кроткаго вѣянія Духа Христова. Въ прежнія темныя времена любовь о Христѣ Іисусѣ была народною раздаятельницею милосердія и благотворенія больнымъ и бѣднымъ; а нынѣ *національное милосердіе—National charity*, на всѣхъ его степеняхъ, опредѣляется *актомъ парламента*. Гдѣ же тутъ можетъ быть хотя тѣнь любви христіанской между дающимъ и пріемлющимъ?"

„Но пусть возстановятся монастыри и съ ними монашеская жизнь: тогда, мы увѣрены, не нужны будутъ и вынужденные поборы въ пользу бѣдныхъ и разные рабочіе дома, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ ихъ видѣ. За больными и бѣдными стала бы тогда ухаживать не рука наемника, снѣдающаго половину подаяній, но рука человѣка, посвятившаго себя на служеніе Богу и ближнему: изъ устъ его услышалось бы не слово жесткое или гнилое, какъ то бываетъ теперь, при настоящей системѣ наемничества, но слово мира и любви, слово вразумленія и назиданія"...

За тѣмъ писатель трактата обращается къ публикѣ съ тономъ увѣренности, что она отзовется на его призывный голосъ полнымъ участіемъ.

„Покуда, говоритъ онъ, наше братство слагается только изъ шести человѣкъ; но и тѣ, продолжаетъ онъ, не имѣютъ еще постояннаго и опредѣленнаго пристанища. Между тѣмъ число желающихъ подчиниться извѣстнымъ уставамъ бенедиктинскаго ордена возрастаетъ чуть не съ каждымъ днемъ. Уставы же эти не разнятся отъ прежнихъ, и всѣ заключаются въ „Enchiridion Benedictium".

Попытка—возстановить въ нѣдрахъ англійской епископальной церкви монастыри и монашескую жизнь, очевидно, родилась вслѣдствіе убѣжденія, что англійская епископальная церковь составляетъ собою вѣтвь каѳолической апостольской Церкви.

Но какъ согласить теорію съ практикой? Напр. бенедиктинскимъ уставомъ братіи или сестрамъ 3-го разряда, между прочимъ, предписывается какъ можно чаще „viriture beatum Sacramentum,“ и тамъ предъ алтаремъ совершать обычныя моленія; между тѣмъ въ англійской церкви не только „Sacramentum non reservatur,“ но и не должно быть сохраняемо; ибо по случаю пріобщенія больныхъ пасторъ каждый разъ обязанъ бываетъ „Sanctificare elementa:“ гдѣ же и какъ, по крайней мѣрѣ въ семъ отношеніи, могъ бы исполняться бенедиктинскій уставъ?

Съ другой стороны англиканскою церковію воспрещается всякаго рода „Eucharistica adoratio.“

Вотъ что значитъ своевольно уклоняться отъ вселенской истины и своевольными же путями искать ея достиженія.

Протоіерей Евгеній Поповъ.

СУДЬБА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НА ІОНІЙСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.

Іонійскіе острова, составлявшіе въ послѣднее время особенную республику подъ протекторатомъ англійскаго правительства, а нынѣ присоединяемые къ греческому королевству, состоятъ изъ семи острововъ разной величины, которые по порядку отъ сѣвера къ югу носятъ слѣдующія названія: *Корфу* (въ древности Corcyra-Коркира), *Санта-Мавра* (Levcadia-Левкадія), *Өеаки* (Ithaca-Иөака), *Кефалонія* (Cephallenia-Кефалленія), *Занте*, (Zacynthus-Закинөъ), *Паксо* (Sphagia-Сфагія) и *Чериго* (Cithera-Киөера).

Христіанская вѣра введена была на этихъ островахъ двумя изъ 70-ти апостоловъ и спутниковъ св. апостола Павла, Іасономъ и Сосипатромъ, которыхъ св. Павелъ называетъ своими *сродниками* (Римл. 16, 21). Прежде всего они ввели православную вѣру на островѣ Корфу. Новая религія быстро распространилась и считала между первыми обращенными ко Христу Коркиру, дочь царя или правителя острова. Въ одной мили отъ города Корфу, на юго-восточномъ берегу, существуетъ церковь, построенная въ XII-мъ столѣтіи и посвященная памяти этихъ двухъ апостоловъ (¹).

(¹) Въ Чет.—Мин. ... 28 апр. говорится о Іасонѣ и Сосипатрѣ, что они „и въ Керкирейскій островъ пришед... ...ше церковь прекрасну во имя св. первомученика Стефана создаша, идѣже Богу служ... ...ше, многихъ при-

Предъ самымъ перенесеніемъ столицы римской имперіи въ Константинополь, церковь корнирская имѣла своего епископа и составляла часть епархіи епирской. Между предстоятелями церквей, бывшими въ Никеѣ на 1-мъ вселенскомъ соборѣ, упоминается Аполлодоръ, епископъ коркирскій. Другіе двое коркирскіе епископы, Сотерихъ и Филиппъ, присутствовали — первый на 4 вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ 451 г. въ Халкидонѣ, а вторый на 7-мъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Никеѣ въ 787 году. На этомъ послѣднемъ были также священникъ Григорій за епископа кефалонскаго и Левъ, епископъ закинѳскій. Епископская каѳедра коркирская въ 887-мъ г. была включена императоромъ Львомъ Мудрымъ въ число митрополій, подчиненныхъ власти Константинополя. Въ его Διατύπωσις подъ № 73 значится также епископъ Санта—Мавры, который наименованъ 23-мъ архіепископомъ. Митрополитъ коринѳскій считалъ въ собственной епархіи епископовъ Кефалоніи и Занта. Въ началѣ X-го вѣка коркирская каѳедра славилась святостію возсѣдавшаго на ней *Арсенія*, а въ XII и XIII-мъ вѣкахъ ученостію двухъ Георгіевъ — *Куфары* (Cafara), на котораго Мануилъ Комнинъ возлагалъ посольство къ императору Фридерику Барберуссѣ, и *Вардана* (Bardanus), автора нѣсколькихъ трактатовъ о чистилищѣ, опрѣснокахъ, исхожденіи Св. Духа и проч.

Съ того времени внѣшняя судьба православной Церкви на Іонійскихъ островахъ измѣнялась съ перемѣною обстоятельствъ политической судьбы ихъ. А эти обстоятельства были слѣдующія:

влекоша ко Христовой вѣрѣ", потомъ „боящеся мучительства царева (при царѣ Керкилинѣ) бѣжаша въ близъ бывшій островъ и крыяхуся," а за тѣмъ „многая содѣлаша чудеса и церкви купно съ царемъ (Севастьяномъ) создаша прекрасны и въ старости маститѣй скончаша житіе".

До занятія Константинополя латинянами во время пятаго крестоваго похода, Іонійскіе острова оставались подъ властію константинопольскихъ императоровъ, исключая немногихъ лѣтъ XII-го столѣтія, въ теченіи которыхъ потомки Норманда Роберта Гвискара занимали острова Корфу и Кефалонію, но по силѣ раздѣльнаго трактата 1204 года эти два острова, равно какъ Зантъ и Санта—Мавра, достались венеціанамъ. Впрочемъ Корфу, принадлежа преемственно деспотамъ Этоліи и дому д'Анжу (d'Anjou), подчинился венеціанской республикѣ только въ 1386 году, которая и владѣла имъ до политической катастрофы 1797 года. Кефаленія и Зантъ принадлежали сначала Матвею Валенкурту (Walaincourt); потомъ принцамъ Ахаіи Вильгардуинамъ (Willehardouins), за тѣмъ дому д'Анжу, и наконецъ фамиліи Токки (Tocchi) Беневентскихъ, которые владѣли также Санта-Маврою и Итакою. Къ концу XV столѣтія овладѣли ими турки, но не на долго, и были изгнаны венеціанами, которые вслѣдствіе этого подчинили своей власти и Зантъ и Кефалонію. Санта-Мавра, покорившись въ 1459 году игу турокъ и переходя попеременно изъ ихъ власти во власть венеціанъ, окончательно осталась за послѣдними съ 1699 года по силѣ трактата карловицкаго. Черигó, вѣроятно, по раздѣльному трактату, имѣлъ одинаковую судьбу съ Кандіею и другими сосѣдними островами, доставшимися венеціанамъ. Этотъ островъ былъ потомъ леннымъ владѣніемъ фамиліи Венье (Wenier). Въ началѣ же XVIII столѣтія трактатъ пассаровицкій передалъ его венеціанской республикѣ. Паксо и Итака раздѣляли участь Корфу и Кефелоніи. Такимъ образомъ къ концу XVIII вѣка семь Іонійскихъ островов, съ болѣе или менѣе отдаленной

эпохи; находились во власти венеціанской республики. По трактату кампо-формійскому они были уступлены республикѣ французской, которая владѣла островомъ Корфу только 20 мѣсяцевъ, а прочими островами еще менѣе. Всѣ они образовали тогда, до 1807 года, республику семи островов, съ уполномоченнымъ и гарнизонами русскими. По тильзитскому миру они отданы были императору французскому. Трактатъ парижскій 1815 года образовалъ изъ нихъ независимое государство подъ протекторатомъ короля великобританскаго. Въ 1817 году эти острова получили конституціонную хартію, преобразованную въ 1848 и 1849 годахъ.

Такъ какъ главные властители Іонійскихъ островов съ XIII-го до XIX вѣка были католики, то православная Вѣра и Церковь въ теченіи всего этого времени испытывали тяжкое вліяніе римскаго папы и его приверженцевъ, которое обнаружилось въ слѣдующихъ, болѣе замѣчательныхъ, фактахъ (1).

Къ концу XIV столѣтія церковь острова Корфу была лишена своего епископа принцами дома д'Анжу, которые оставили ей только протопопа (πρωτοπάπας) и не признавали никакой другой епископской власти, кромѣ власти латинскаго архіепископа. Такое положеніе дѣлъ было поддерживаемо и при владычествѣ венеціанъ, которые даровали предстоятелю и клиру латинскому важныя общественныя имѣнія. Въ Кефалоніи и въ Зантѣ, съ 1212 года, вскорѣ послѣ овладѣнія ими крестоносцами, православная епископская каѳедра была уничтожена. Впрочемъ Леонардъ de Tocchi возстановилъ въ 1477 году архіепископство Кефалоніи, включивъ въ его округъ

(1) См. въ L'Union Chrétienne, 1863 N N. 40 и 41. Renseignements sur l'Eglise grecque dans les iles ioniennes.

Итаку и Зантъ; а на этомъ последнемъ оставался только протопопъ. Венеціане въ 1716 году постановили, чтобы тамошній архіепископъ былъ избираемъ два раза сряду изъ клира кефалонскаго, и въ третій разъ изъ клира зантскаго. Но и на этихъ островахъ, равно какъ на Корфу и Санта-Мавре епископъ латинскій, принадлежавшій къ господствовавшему вероисповеданію, пользовался преимуществомъ чести. Отдельная епархія острова Чериго была управляема викаріями митрополіи малвазійской или монемвасійской, изъ числа которыхъ извѣстенъ Максимъ Маргуній (Margunius), живщій въ XVI вѣкѣ.

Вообще господство латинскихъ прелатовъ надъ греческимъ духовенствомъ въ этихъ областяхъ было цѣлію венеціанской и ватиканской политики. Поэтому папа Александръ IV въ XIII вѣкѣ издалъ постановленіе для царства кипрскаго и другихъ сосѣднихъ областей, которымъ учреждалось четыре епископства для латинянъ и четыре епископства для грековъ; но судъ надъ греческими епископами, низложеніе и перемѣщеніе ихъ предоставлены римскому папѣ. Греческій клиръ могъ избирать своего предстоятеля; но его избраніе должно было получить утвержденіе отъ латинскаго епископа, и посвященіе избраннаго не должно было совершаться прежде, нежели онъ исповѣдуетъ свое подчиненіе латинскому епископу. Каѳедра митрополита греческаго была уничтожена. Грекамъ дозволено было постановлять правила на своихъ епархіальныхъ соборахъ, но съ тѣмъ, чтобы постановленія сіи были согласны съ обычаями, католической вѣрѣ не противными и римскою церковію терпимыми (Jidei catholicae non adversis et a romana ecclesia toleratis). Въ отношеніи же къ мірянамъ еще

прежде того папа Иннокентій III въ 1215 году далъ предложеніе 4 собору латранскому „оказывать честь и покровительство тѣмъ грекамъ, которые поступили бы въ подчиненіе святому престолу (т. е. папскому), дозволяя имъ, сколько возможно, держаться своихъ обычаевъ и своихъ обрядовъ, но не дозволяя того, что можетъ вредить душевному спасенію и церковной чести. Посему запрещено было, подъ страхомъ отлученія и низложенія, вновь крестить тѣхъ, которые уже были крещены (разумѣется, изъ грековъ) латинянами, и омывать престолы (разумѣется, православные), на которыхъ совершали Евхаристію латинскіе священники.

Скорымъ послѣдствіемъ такихъ распоряженій были разныя притѣсненія, которыя греки испытывали со стороны латинскихъ епископовъ, требовавшихъ, чтобы дѣти, крещенныя греческими священниками, были перекрещиваемы по обряду римской церкви, таинство Евхаристіи принято было совершать исключительно на опрѣснокахъ, причащеніе подъ обоими видами—тѣла и крови Христовой—не было употребляемо, священники не смѣли носить бородъ (barbam nutrire), и тѣ изъ нихъ, которые до посвященія были женаты, жили въ разводѣ съ своими женами и проч. Отсюда возникли всеобщія неудовольствія и жалобы. Вслѣдствіе ихъ папа Левъ I-й, желая поддержать, какъ онъ говорилъ, единеніе, пріобрѣтенное съ великимъ трудомъ (unionem, multo labore quaesitam), 16 мая 1521 года опредѣлилъ: 1, чтобы греки исполняли свои обряды и обычаи, совершали литургію и другія службы по своему древнему обыкновенію (secundum eorum antiquam consvetudinem), и греческіе предстоятели, даже въ мѣстахъ, подлежащихъ власти латинскихъ прелатовъ, свободно поль-

зовались своими правами, безъ опасенія быть привлечену противъ воли къ суду за соблюденіе своихъ обрядовъ; 2, чтобы подаянія на церковныя нужды были свободно собираемы греками отъ грековъ и латинянъ, безъ различія; 3, чтобы латинскій епископъ не председательствовалъ при посвященіи греческихъ клириковъ и на оборотъ; 4, чтобы въ смѣшанныхъ изъ грековъ и латинянъ епархіяхъ, имѣющихъ только латинскаго прелата, этотъ обязанъ былъ отряжать греческаго викарія для сужденія о дѣлахъ грековъ, и такимъ же образомъ поступалъ въ дѣлахъ апелляціонныхъ; 5, чтобы священникамъ латинскимъ было запрещено совершать литургію или другія службы въ церквахъ греческихъ, а также вмѣшиваться или принимать участіе (развѣ только они будутъ приглашены) въ похоронахъ, бракахъ, крестинахъ и другихъ священнодѣйствіяхъ грековъ; 6, чтобы, при существованіи въ одной епархіи двухъ епископовъ, одного латинскаго и другаго греческаго, напр. въ Кефалоніи, Зантѣ и другихъ мѣстахъ, латинскій епископъ не вмѣшивался въ права другаго какъ въ отношеніи къ духовнымъ грекамъ, такъ и къ міряномъ, и вообще въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, относящихся къ греческому предстоятелю, который долженъ управлять, имѣть наблюденіе и власть надъ греками такъ же, какъ епископъ латинскій надъ своими только; 7, чтобы греческіе священники приходскія и монахи свободно пользовались имуществомъ, принадлежащимъ ихъ церквамъ и монастырямъ, равно какъ уступками, изъятіями и преимуществами, означенными въ папской буллѣ Mare magnum; наконецъ, 8, чтобы вдовы греческихъ священниковъ и другихъ клириковъ, живущія честно, пользовались тѣми же правами, изъ-

ятіями и преимуществами, которыя принадлежали имъ при жизни ихъ мужей.—Это постановленіе папы Льва X подтвердилъ и Климентъ VII 26 марта 1526 года.

Однако, не смотря на эти правила и угрозы, которыя были присоединены къ нимъ, православные греки на о. Корфу были часто притѣсняемы за соблюденіе своихъ обрядовъ не только духовенствомъ, но и правительствами, принадлежавшими къ латинской церкви. Посему тамошній греческій протопопъ принужденъ былъ отправиться въ Римъ, гдѣ и представилъ свои жалобы Папѣ Павлу III, который 8 марта 1540 г. послалъ грамату латинскому архіепископу на о. Корфу и другимъ прелатамъ и духовнымъ сановникамъ на этомъ островѣ, приказавъ, подъ страхомъ отлученія или отдачи подъ судъ, чтобы правила Льва X были въ точности исполняемы, и прибавивъ, чтобы греческіе священники могли совершать обрядъ погребенія и носить крестъ, не платя ни какой пошлины латинянамъ и не испрашивая отъ нихъ разрѣшенія. Все это было одобрено и Венеціанскимъ Сенатомъ 31 іюля 1542 года, при Дожѣ Петрѣ Ландо, и въ послѣдствіи времени напечатано, въ 1762 г., на трехъ языкахъ итальянскомъ, греческомъ и славянскомъ.

Между тѣмъ послѣдующіе папы римскіе не были одушевлены тѣми же чувствованіями по отношенію къ грекамъ, какими—упомянутые ихъ предшественники. Пій IV, подъ предлогомъ злоупотребленій, происшедшихъ отъ прежнихъ правилъ, отмѣнилъ и уничтожилъ относительно грековъ, живущихъ по ту и по сю сторону Фароса и въ другихъ мѣстахъ, всѣ льготы, дарованныя имъ предшественниками его, именно Львомъ X, Павломъ III и Юліемъ III, такъ что было дозволено латин-

скимъ прелатамъ посѣщать, въ случаѣ нужды, всѣ греческія церкви, и тамъ свободно пользоваться своими правами, также оказывать полную и всецѣлую властъ въ томъ, что́ касается богопочтенія, совершенія таинствъ, спасенія душъ и истребленія ересей, при чемъ только обряды грековъ, допущенные римскимъ престоломъ, равно привиллегіи и апостольскія милости, данныя имъ, должны были оставаться цѣлыми и неприкосновенными.—Пій V, граматою 13 сентября 1566 г. отмѣнилъ и уничтожилъ свободу или право священниковъ греческихъ (особенно женатыхъ) совершать по латинскому обычаю (latino more), а латинскихъ священниковъ по греческому обряду (graeco ritu)—литургію и другія церковныя службы.—Папа Климентъ VIII 31 августа 1595 г. издалъ инструкціи касательно нѣкоторыхъ греческихъ священнодѣйствій, адресованныя къ латинскимъ епископамъ, имѣющимъ въ своихъ епархіяхъ грековъ и албанцевъ (¹). Въ этихъ инструкціяхъ достойна замѣчанія первая, которая по видимому подвергаетъ сомнѣнію, получили ли дѣти, крещенныя греческими священниками, св. мѵропомазаніе, которое въ церкви восточной, по древнему постановленію, совершается обыкновенно въ одно время съ крещеніемъ. Посему папа повелѣваетъ латинскимъ епископамъ совершать надъ этими дѣтьми св. мѵропомазаніе и конфирмацію, хотя и съ оговоркою: если N не конфирмованъ (si N non est confirmatus). Замѣчательно также, что епископы греческіе не обязываются брать отъ латинскихъ

(¹) Эти инструкціи, равно и другія постановленія папъ собраны бывшимъ латинскимъ архіепископомъ на о. Корфу Анг. Мар. Querini и изданы для руководства латинскому клиру въ 1725 г. съ разрѣшенія папы Венедикта XIII.

епископовъ св. елей, когда онъ у первыхъ уже приготовленъ и благословленъ ими самими по древнему обряду, но обязываются брать св. муро, которое непремѣнно должно быть освящено епископомъ (non nisi ab episcopo benedici potest). Далѣе встрѣчаются въ упомянутыхъ инструкціяхъ такія постановленія:

Священники, формально посвященные схизматическими (т. е. греческими, православными) епископами, хотя получаютъ званіе, но не право дѣйствовать (recipiunt quidem ordinem, sed non executionem), доколѣ они не будутъ возсоединены и разрѣшены чрезъ торжественное отреченіе отъ своихъ заблужденій или по крайней мѣрѣ отъ схизмы произведшаго ихъ прелата. Безъ позволенія св. престола (т. е. римскаго папы) епископы схизматическіе не могутъ ни получать, ни преподавать посвященія, или другихъ таинствъ.

Греки, произведенные въ высшія духовныя званія безъ разрѣшительныхъ граматъ латинскаго епископа, отрѣшаются отъ должности.

Мужъ или жена католической вѣры не должны слѣдовать вѣроисповѣданію своего супруга; но жена греческой вѣры должна принять вѣроисповѣданіе мужа—латинянина; дѣти принадлежатъ къ вѣроисповѣданію отца, если мать католичка не пересилитъ. Греки должны вѣровать, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, но они не обязаны произносить этого, развѣ въ томъ случаѣ, если бы могъ произойти соблазнъ, особенно если они живутъ между латинянами, или необходимость потребуетъ исповѣдать католическую вѣру; тогда нужно и произносить (tunc oporteret etiam pronunciare).

Въ смѣшанныхъ приходахъ — изъ латинянъ и гре-

ковъ,—послѣдніе обязаны соблюдать праздники, предписанные латинскою церковію.

Наконецъ папа учредилъ въ Римѣ званіе епископа *греко-католическаго*, что бы онъ посвящалъ по греческому обряду тѣхъ грековъ изъ Италіи и прилежащихъ острововъ, которые захотѣли бы принять посвященіе отъ епископа греческаго, не обязывая ихъ представлять разрѣшительныя граматы только въ этомъ одномъ случаѣ.

Такое положеніе дѣлъ прекратилось въ то время, когда республиканцы — французы овладѣли Іонійскими островами въ 1797 году. Генералъ Шабо (Chabot) изгналъ архіепископа латинскаго Fenzi, котораго подозрѣвали въ противленіи новому порядку вещей. А греческій протопопъ пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ французовъ. Но всякая перемѣна во внѣшнемъ положеніи церкви была прервана событіями войны, которыя передали О. Корфу во власть русскихъ и турокъ въ февралѣ 1799 г., тогда какъ прочіе острова еще прежде были завоеваны тѣми же соединенными силами. Республика этихъ семи острововъ, учрежденная въ видѣ соединенныхъ штатовъ подъ покровительствомъ Россіи, хартіею 1803 года признала религію греческую православную религіею *господствующею*, объявивъ въ тоже время, чтобы и религія католическая римская считалась преимущественною и *покровительствуемою* и всякое другое вѣроисповѣданіе *терпимымъ*. О. Корфу, вмѣсто простаго протопопа, получилъ своего архіепископа; Кефалонія сохранила своего, равно какъ и Санта-Мавра и Чериго; Зантъ имѣлъ протопопа; а на другихъ островахъ первый санъ былъ санъ великаго эконома. Общественныя имущества, которыхъ лишены были архіепископъ и клиръ латинскіе, обращены были въ собствен-

ность государства, равно какъ и имущества, отнятыя ими у клира греческаго. Архіереи и священники, которые были такимъ образомъ лишены имущества, получили опредѣленное жалованье на счетъ казны.

Наконецъ, когда Іонійскіе острова образовали, въ силу трактата 1815 года, государство свободное и независимое подъ протекторатомъ короля великобританскаго, конституціонная хартія 1817 года провозгласила опять религію греческую православную *господствующею* религіею государства, религію католическую римскую *особенно покровительствуемою* и всякой другой видъ религіи *терпимымъ*. Жалованье латинскихъ епископовъ и священниковъ, бывшихъ тогда, объявлено пожизненнымъ. Верховныя права патріарха константинопольскаго надъ греческою церковію іонійскихъ островов открыто признаны. А въ 1825 г. была установлена парламентскимъ актомъ іерархія господствующей церкви; изъ четырехъ архіепископовъ — митрополитовъ для острововъ Корфу, Кефалоніи, Занта и Санто-Мавры, архіепископа для Чериго, епископа для Итаки въ званіи викарія митрополита кефалонскаго, и епископа для Паксо, въ званіи викарія митрополита о. Корфу (1). Каждый изъ митрополитовъ по-очередно на 5 лѣтъ облекается высшимъ достоинствомъ церковнымъ съ титломъ екзарха, впрочемъ безъ нарушенія правъ константинопольскаго патріарха. При каждомъ митрополитѣ числятся десять чиновниковъ, раздѣленные на двѣ пя-

(1) Въ 1860 году на Іонійскихъ островахъ были *митрополиты*— Керкирскій Аѳанасій, Кефалонійскій Спиридонъ, Закинѳскій Николай; *архіепископы*—Левкадійскій Григорій, Киѳирскій Прокопій; *епископы* Итакійскій Гавріилъ и Паксосскій Хрисанѳъ.) См. Христ. Чт. 1861 Январь.

терицы; а архіепископъ о. Чериго и епископы Итаки и Паксо имѣютъ только первую изъ нихъ. Независимо отъ этихъ чиновниковъ каждый изъ архіереевъ имѣетъ протосинкелла, архимандрита и архидіакона; первые двое избираются Сенатомъ по списку, представленному епископомъ. Прокуроръ правительства на каждомъ островѣ есть также совѣтникъ архіерея. Епископы назначаютъ намѣстниковъ въ округи своей епархіи. Избраніе же греческихъ епископовъ на Іонійскихъ островахъ исключительно предоставлено священникамъ епархіи, и производится по большинству голосовъ, подаваемыхъ тайно, изъ кандидатовъ, предлагаемыхъ по крайней мѣрѣ 10 частію всего числа священниковъ. При этомъ избраніи, на которомъ предсѣдательствуетъ безъ права голоса правитель или меръ острова, исполнительная власть имѣетъ только право запрещенія (veto). Посвященіе избраннаго епископа совершается, по правиламъ и древней практикѣ Церкви, тремя епископами, назначаемыми для этого патріархомъ константинопольскимъ, который, бывъ извѣщенъ немедленно объ избраніи, посылаетъ свои граматы Экзарху. Священники и діаконы не могутъ быть произведены въ свой санъ безъ позволенія Сената, которое основывается на увѣдомленіи и мнѣніи ихъ епископа.

Церковь латинская на о. Корфу имѣетъ нынѣ архіепископа, назначаемаго римскимъ папою и получающаго содержаніе отъ конгрегаціи пропаганды. Есть латинскія церкви въ Зантѣ, Кефалоніи и Санта-Маврѣ, съ намѣстниками, назначаемыми архіепископомъ. Никакая булла, грамата или указъ папы не могутъ быть обнародованы или приведены въ исполненіе безъ позволенія (si placet) сената. Смѣшенные браки между греками и

латинянами свободно заключаются и благословляются по обряду греческой церкви; а дѣти отъ такихъ браковъ воспитываются въ религіи отцевъ ихъ.

Во всемъ народонаселеніи Іонійскихъ острововъ, простирающемся до 230,000 душъ, число жителей латинскаго вѣроисповѣданія не превышаетъ 4,000; притомъ здѣсь считаютъ, особенно на о. Корфу, многихъ иностранцевъ тогоже вѣроисповѣданія. Всѣ остальные жители, исключая отъ 4 до 5 тысячъ евреевъ, принадлежатъ къ вѣроисповѣданію православному греческому.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ЖИЗНЬ ІИСУСА, СОЧИНЕНІЕ ЭРНЕСТА РЕНАНА.

(Vie de Jesus, par Ernest Renan. Paris. 1863)

(Изъ Прессансе,—Revue Chretienne 1863 № 8.)

(Продолженіе.)

III.

Въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ Евангелій изображается дѣтство Іисуса Христа въ самыхъ странныхъ и чудовищныхъ чертахъ. Г. Ренанъ захотѣлъ обогатить литературу этого рода, ибо и онъ пишетъ свое евангеліе *дѣтства* Христова на основаніи такихъ же прочныхъ историческихъ данныхъ, какъ и старинныя легенды, вызывающія своими описаніями улыбку на лицѣ читателя.

Всѣ эти выдумки искажаютъ историческую правду и закрываютъ ее отъ нашего взора; онѣ составляютъ какъ бы наросты на стволѣ дерева, хотя впрочемъ послѣднее продолжаетъ существовать. Но Ренанъ идетъ гораздо дальше: онъ отрѣшается разомъ отъ всякой исторической дѣйствительности, дабы ничто не мѣшало полету его воображенія. Съ свойственною ему рѣшительностію онъ отвергаетъ свидѣтельство евангелистовъ о рожденіи Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ и о происхожденіи Его отъ колѣна Давидова. При этомъ, какъ и вообще во всемъ своемъ произведеніи, онъ руководствуется въ толкованіи священнаго текста весьма страннымъ правиломъ: если какое нибудь событіе въ жизни Іисуса

Христа служитъ исполненіемъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, то этого и достаточно для Ренана, чтобы признать подобное событіе недѣйствительнымъ и евангельское повѣствованіе о немъ подложнымъ; другихъ доказательствъ и не требуется, по мнѣнію нашего проницательнаго автора. Онъ утверждаетъ такимъ образомъ, что Іисусъ родился не въ Виѳлеемѣ, а въ Назаретѣ, какъ сынъ бѣднаго ремесленника, родъ котораго всегда принадлежалъ къ низшимъ слоямъ общества. За тѣмъ Ренанъ по своему описываетъ намъ дѣтство Іисуса въ убогой хижинѣ его отца, на тѣсныхъ улицахъ маленькаго галилейскаго города и у источниковъ, куда по вечерамъ приходили за водою молодыя жены и дочери жителей. Все это, свидѣтельствуя о живомъ воображеніи автора, описано имъ съ тѣмъ большею обстоятельностію, что оно лишено всякихъ историческихъ основъ. Онъ нарисовалъ намъ картину тѣмъ болѣе фальшивую, чѣмъ явственнѣе въ ней выражается желаніе при помощи однихъ пустыхъ предположеній срывать съ дѣтства нашего Спасителя ту таинственную завѣсу, за которою оно остается по изображенію священнаго текста. Съ любовію Ренанъ останавливается на описаніи красотъ галилейской природы и живописныхъ береговъ мѣстныхъ озеръ. Онъ написалъ нѣсколько истинно художественныхъ страницъ объ этой природѣ, угадывая опять тѣмъ же пылкимъ своимъ воображеніемъ минувшую красоту мѣстности, не представляющей взорамъ нынѣшняго наблюдателя ничего, кромѣ грустнаго и давнишняго запустѣнія. Но въ основаніи этой по видимому невинной игры воображенія лежитъ у нашего автора новое злоупотребленіе: онъ хочетъ вліяніемъ этой ярко обрисованной имъ галилейской природы объяснить ду-

шевныя свойства и умственное развитіе Господа Іисуса. По его мнѣнію жизнь въ пустынѣ нѣкогда родила у Евреевъ вѣрованіе въ единое всемогущее Божество, тогда какъ роскошная и улыбающаяся Галилея произвела „привлекательнаго, дышущаго любовію учителя, ниспровергшаго грозный законъ Моисея". „Съ громомъ, вызывающимъ трепетъ, нисходитъ законъ съ пустыннаго Синая, тогда какъ Евангеліе благовѣстія мира и любви, какъ нѣжная лилія цвѣтетъ въ этой цвѣтущей долинѣ, свободной отъ хищныхъ звѣрей пустыни, оживленной безопасными и привлекательными породами животнаго царства". Всѣ описанія подобнаго рода ставятъ образъ Христа Спасителя въ совершенно ложный свѣтъ: Христосъ, конечно, любилъ природу и не рѣдко заимствовалъ изъ нея сравненія для Своихъ божественныхъ притчей; но съ другой стороны,—съ какою полнотою и рѣшительностію Онъ возвышался надъ природою и владычествовалъ надъ нею внутреннею силою Своего духа! Вообще такая жизнь, какова жизнь Господа Іисуса, ни въ какомъ смыслѣ не объясняется свойствами мѣстной природы, въ какихъ бы живыхъ краскахъ ни изобразили намъ эту послѣднюю; такая жизнь неизбѣжно предполагаетъ душу, проникнутую божественными лучами, и сердце переполненное небесною любовію. Рисовать яркими красками окружавшую Христа природу, какъ это дѣлаетъ Ренанъ, значитъ только золотить раму для картины, которая лучше всего свѣтитъ собственною своею красотою и не нуждается въ поддѣльныхъ украшеніяхъ.

И такъ, по мнѣнію нашего автора, природа была первою воспитательницею Іисуса Христа; она-то сообщила Его душѣ ту свѣжесть и нѣжную теплоту, кото-

рыми дышать первыя бесѣды Его въ Галилеѣ. Но откуда же Іисусъ заимствовалъ предметъ своихъ бесѣдъ? Вѣдь окружавшая Его галилейская природа не могла же дать Ему содержаніе Его возвышеннаго ученія? На этотъ вопросъ авторъ намъ отвѣчаетъ такъ: въ тогдашнее время повсюду распространилось ожиданіе чего-то лучшаго, будущаго; въ Римѣ и Греціи это ожиданіе ограничивалось одною неопредѣленною поэтическою мечтою; но на отдаленномъ востокѣ оно вызвало появленіе самаго строгаго и суроваго аскетизма; въ Іудеѣ же оно выразилось въ болѣе и болѣе опредѣленныхъ предсказаніяхъ о имѣющемъ явиться освободителѣ народа Божія отъ его внѣшнихъ властителей,—и эти предсказанія въ свою очередь усилили въ іудеяхъ твердое ожиданіе будущаго освободителя. Соедините эту великую мысль съ чистою и наивною душою молодаго Назарянина, прибавьте смягчающее вліяніе окружавшей его прелестной природы,—и вотъ вамъ ключъ къ объясненію происхожденія христіанства! Принесенная откуда-то вѣтромъ новая мысль о будущемъ освободителѣ и хорошая деревенская природа,—вотъ, стало быть, все, что по мнѣнію нашего геніальнаго автора нужно было, дабы создать такую личность, каковъ Іисусъ Христосъ, и чтобы положить начало религіозному движенію, продолжающемуся уже болѣе 18 вѣковъ! Нѣтъ, г. Ренанъ, ваши открытія ужъ чрезчуръ неожиданны и поразительны!

Обращаясь къ ученію Іусуса Христа въ теченіи перваго періода Его общественной дѣятельности, авторъ нашъ утверждаетъ, что въ немъ нѣтъ ничего безусловно новаго или самобытнаго. Іисусъ повторяетъ только то, что было говорено до Него, и что повторялось дру-

гими въ Его время. Самыя лучшія изъ предложенныхъ Имъ нравственныхъ правилъ были извѣстны и до Него; Онъ проникнутъ былъ надеждами, свойственными вообще Его племени и незнакомъ былъ съ „великими идеями" тогдашнихъ западныхъ народовъ, которые по призыву какого нибудь Эпикура или Лукреція стряхнули уже съ себя старинную химеру о бытіи личнаго Божества, управляющаго дѣлами вселенной. Іисусъ же держался еще подобныхъ вѣрованій съ дѣтскимъ простодушіемъ; Онъ воображалъ себѣ, что Самъ Богъ даетъ намъ насущный хлѣбъ, и называя Бога Отцемъ, Онъ представлялъ Его Существомъ всепрощающимъ, благословляющимъ и помогающимъ людямъ. — Если, далѣе, Іисусъ восхваляетъ бѣдность, то и это не было чѣмъ нибудь новымъ; Эссеи дѣлали тоже до Него. Онъ, такимъ образомъ, является, по мнѣнію Ренана, естественнымъ проявленіемъ своего народа и времени, проявленіемъ конечно лучшимъ, но тѣмъ не менѣе не представляющимъ ничего новаго. Какимъ же образомъ, спросимъ у нашего автора, Іисусъ, не имѣя въ Себѣ и въ Своемъ ученіи ничего новаго и необычайнаго, могъ однако положить основаніе новой религіи? Это, скажетъ намъ Ренанъ, объясняется просто симпатичностію и привлекательностію личности Іисуса: Онъ говоритъ то, что всякому и безъ того извѣстно, но говоритъ такимъ языкомъ, который прямо дѣйствуетъ на сердце. Его слова соединены съ такими порывами привѣтливой нѣжности. Онъ такъ хорошъ собою и окруженъ такими симпатическими личностями, — что все это вмѣстѣ не могло не придать особенно заманчивой силы Его ученію.

Среди прелестной мѣстности, обильной лучшими дарами природы, близъ журчащихъ ручейковъ, подъ гу-

стою тѣнью виноградниковъ и финиковыхъ деревьевъ, явилась горсть людей съ младенческимъ чувствомъ возвѣщавшихъ о приближеніи новаго царствія Божія,—и кто не взглянетъ на нихъ съ любовію и сочувствіемъ. Пусть угрюмый Іоаннъ Креститель проповѣдуетъ покаяніе въ пустынѣ Іудейской; пусть онъ грозно обличаетъ пороки людей, питаясь акридами, подобно шакаламъ. Но зачѣмъ друзьямъ Жениха поститься, пока съ ними Женихъ? Нѣтъ, веселіе свойственно царствію Божію, и потому Мессія участвуетъ въ радостяхъ брачнаго пира; Онъ призываетъ къ Своей трапезѣ блудницу и добродушнаго Закхея, и основатели новаго царствія Божія являются дружками небеснаго Жениха".

Вся эта идиллія, порожденная воображеніемъ нашего автора, становится предъ судомъ здравой критики не болѣе, какъ ни на чемъ не основанною и жалкою карикатурою. Все въ этомъ описаніи начала христіанства—на сколько ложно и фантастично само по себѣ, на столько же оскорбительно для нашего религіознаго чувства. Неправда, будто Іисусъ предоставилъ Іоанну Крестителю одному карать порокъ и нравственное зло, ибо, возвратившись изъ пустыни, гдѣ Онъ предавался воздержанію болѣе строгому, чѣмъ питавшійся акридами Іоаннъ, первое же слово Его было: *покайтесь* (¹). Не правда, будто въ Галилеѣ всѣ были проникнуты любовію и сочувствіемъ къ Іисусу, ибо въ Назаретѣ хотѣли свергнуть Его съ горы (¹) и Онъ предалъ Капернаумъ и Виѳсаиду страшному проклятію. (²). Не справедливо далѣе, будто Христосъ обнаруживалъ крайнюю сни-

(¹) Матѳ. 4, 17.
(²) Лук. 4, 29.

сходительность ко всѣмъ приходившимъ къ Нему, ибо Онъ принималъ лишь тѣхъ, которые у ногъ Его смывали грѣхи свои искренними слезами покаянія, и когда Онъ изрекалъ имъ прощеніе, то лищь подъ условіемъ болѣе не грѣшить. Если мы видимъ, что грѣшники притекаютъ къ Нему, то это потому, что кроткій и святый взоръ Его, проникнутый Божественною чистотою и изобильною любовію, возжигалъ въ грѣшной душѣ спасительную искру покаянія и надежды. Совершенно ложно и то, будто Христосъ въ теченіи перваго періода Своей общественной дѣятельности никогда не обращался къ своимъ слушателямъ съ строгимъ увѣщаніемъ; ибо уже въ Галилеѣ Онъ заповѣдуетъ Своимъ ученикамъ вырвать око и отсѣчь руку, если эти члены будутъ орудіями грѣха (¹). Нагорная бѣсѣда, открывшая собою эту предполагаемую нашимъ авторомъ идиллію, начинается также знаменательными и серьезными словами: *блаженны нищіе духомъ*; *блаженны плачущіе*; *блаженны алчущіе и жаждущіе правды*. Блаженство обѣтовано и тѣмъ, которыхъ поносятъ и гонятъ и злословятъ за Христа; такимъ образомъ уже здѣсь, при самомъ началѣ Своей проповѣди, Христосъ даетъ знать о Своемъ высокомъ, несравненномъ достоинствѣ и о кровавыхъ гоненіяхъ, ожидающихъ Его послѣдователей. Не является ли Онъ во всемъ полномочіи Божественнаго авторитета, когда, измѣняя отличительныя постановленія ветхозавѣтнаго закона, прямо говоритъ: *вы слышали, что сказано древнимъ,.. а Я говорю вамъ*... Такъ начинаетъ дѣятельность свою Галилейскій Учитель, и конечно до-

(¹) Матѳ. 11, 23.
(²) Матѳ. 5, 30.

вольно одной нагорной бесѣды (подлинность которой Ренанъ признаетъ), чтобы въ конецъ ниспровергнуть изложенную ипотезу нашего автора.

Перейдемъ ко второму періоду общественнаго служенія Іисуса Христа. Въ первомъ періодѣ мы, по мнѣнію Ренана, имѣемъ пастушескаго трубадура, во второмъ же — предъ нами является мнимый чудотворецъ, злоупотребляющій суевѣріемъ народа, но для доброй цѣли. Но чѣмъ же, прежде всего, произведенъ такой переворотъ въ жизни и дѣятельности Іисуса? Какимъ же чудомъ изображенный у Ренана молодой галилейскій раввинъ, послѣ тихой идиллической жизни въ своемъ отечествѣ, пріобрѣтаетъ ту восторженную рѣшимость, по которой Онъ среди грозной борьбы съ окружающею Его средою употребляетъ всѣ и добрыя и дурныя средства для утвержденія своего вліянія? Для рѣшенія этого вопроса остроумный авторъ нашъ прибѣгаетъ къ предположенію, будто Іоаннъ Креститель своимъ вліяніемъ вовлекъ Іисуса на путь, приведшій Его наконецъ къ смертной казни. И такъ Іоаннъ не предтеча Христа; онъ въ нѣкоторой степени Его сотрудникъ, но главнымъ образомъ соперникъ Его. Чтобы не уступить Іоанну, Іисусъ дѣлаетъ насиліе своимъ природнымъ склонностямъ, начинаетъ говорить языкомъ болѣе строгимъ и заимствуетъ у своего соперника обрядъ крещенія, о которомъ Онъ Самъ по Себѣ никогда не подумалъ бы; такъ какъ Онъ притомъ легко поддается вліянію народа, то Онъ слѣпо слѣдуетъ теченію. Ренанъ сообщаетъ намъ еще и другія не менѣе замѣчательныя новости; по его словамъ, Іисусъ оказывалъ особенную услужливость Іоанну Крестителю: Онъ приводитъ къ Іоанну Своихъ еще малочисленныхъ учени-

ковъ, какъ выраженіе того, что Онъ признаетъ надъ Собою превосходство Іоанна и только желаетъ расти въ его тѣни, въ надеждѣ пріобрѣсти послѣдователей, подражая ему. — Очень желательно было бы знать, изъ какихъ источниковъ Ренанъ черпалъ, изображая намъ въ такомъ совершенно новомъ видѣ отношенія Іисуса Христа къ Іоанну. Евангеліе совершенно напротивъ изображаетъ намъ Іоанна свидѣтельствующимъ о томъ, что онъ не Мессія, что онъ ниже Христа и не достоинъ развязать ремень у обуви Его, что Іисусу надлежитъ расти и самому ему умаляться. По свидѣтельству Евангелія, не Іисусъ приводитъ Своихъ учениковъ къ Іоанну Крестителю, но совершенно наоборотъ: Петръ и Іоаннъ изъ учениковъ Крестителя становятся послѣдователями вновь явившагося Божественнаго учителя. Единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ сказанія Евангелистовъ. Съ какимъ же правомъ авторъ нашъ совершенно передѣлываетъ это повѣствованіе и даже безъ всякаго объясненія своихъ основаній? Впрочемъ цѣль г. Ренана понятна: ему нужно было чѣмъ нибудь объяснить тотъ переворотъ, который, по его словамъ, произошелъ въ образѣ дѣйствій и въ жизни Іисуса Христа. Ему нужно было это тайное соперничество, чтобы вывести Іисуса изъ состоянія безмятежной, невинной идилліи, и сдѣлать изъ Него грознаго противника гордой іудейской ѳеократіи.

Надобно сознаться, что Ренанъ и съ умомъ и съ знаніемъ дѣла изобразилъ намъ тогдашнее нравственное состояніе іудеевъ, лицемѣріе испорченнаго духовенства, пожираемаго властолюбіемъ и руководящаго для однѣхъ только собственныхъ своихъ выгодъ фанатическимъ народомъ, вздыхающимъ подъ римскимъ игомъ; онъ изобра-

жаетъ намъ совершенно вѣрно эпикуреизмъ, господствовавшій у высшихъ классовъ, преданныхъ саддукейству, ребячество раввинскихъ школъ, истощающихъ много силъ и остроумія на пустыя тонкости, и выставленную на показъ добродѣтель ханжей-фарисеевъ. Онъ отлично также изображаетъ намъ второй храмъ какъ средоточіе не только еврейскаго богопочтенія, но и всевозможныхъ интригъ, дворецъ Ирода, оскверненный пороками всякаго рода, и жилище римскаго проконсула, которому при собственномъ его скептицизмѣ крайне надоѣли религіозныя страсти и волненія этаго чуждаго ему народа. Авторъ вообще умѣетъ гораздо лучше изображать религію, обветшалую и пришедшую въ упадокъ, чѣмъ начало и развитіе религіи новой и свѣжей.

И какое въ самомъ дѣлѣ жалкое начало имѣетъ христіанство, по изображенію нашего автора! По свидѣтельству этого новаго своего біографа, Іисусъ въ Галилеѣ довольствовался тѣмъ, чтобы проповѣдывать правила чистой нравственности, нѣсколько смягчать свойственный симитическому народу ригоризмъ и облечь въ болѣе чистую форму извѣстныя и безъ Него идеи. Уже послѣ, когда Іисусъ съ проповѣдію Своею явился на стогнахъ Іерусалима, ученіе Его начинаетъ пріобрѣтать свой отличительный характеръ: оно становится въ противорѣчіе съ господствовавшими понятіями іудеевъ; но въ это время Іисусъ уже, по мнѣнію нашего автора, измѣнилъ самому себѣ и своимъ началамъ, благодаря вліянію Іоанна и окружающей среды. Такимъ образомъ выходитъ, что христіанство только тогда существовало въ своей чистотѣ, когда оно, недостигши еще Іерусалима, находилось въ области неопредѣленнаго и неуловимаго чувства. Когда же оно стало обособляться и об-

лекаться въ форму опредѣленнаго ученія, тогда оно уже перестало быть вѣрнымъ самому себѣ: другими словами, по мнѣнію нашего геніальнаго автора, христіанство измѣнило самому себѣ съ тѣхъ поръ, какъ начало существовать. По истинѣ, подобное противорѣчіе сильно бросается въ глаза. Ренанъ, часто по видимому хочетъ во всѣхъ положительныхъ стихіяхъ новой религіи видѣть одни лишь ловкія приспособленія, прившедшія совнѣ и чуждыя собственному духу и настроенію Іисуса; но при болѣе близкомъ и внимательномъ взглядѣ легко замѣтить, что онъ собственно видитъ приспособленія со стороны Іисуса Христа въ совершеніи Имъ чудесъ и въ принятіи Христомъ отъ народа извѣстныхъ наименованій, какъ-то наименованія „Сына Давидова". Авторъ нашъ сознаётъ, что Іисусъ въ этомъ второмъ періодѣ Своей общественной дѣятельности преподавалъ опредѣленное и отличительное ученіе. Такъ Онъ провозгласилъ окончаніе іудейства и начало религіи общечеловѣческой. Онъ сдѣлалъ притомъ Самаго Себя средоточіемъ этаго великаго переворота. Ренанъ находитъ при этомъ утомительнымъ то постоянство, съ какимъ Іисусъ требуетъ вѣры въ Самого Себя и обращаетъ вниманіе Своихъ слушателей на собственную Свою личность. „Наименованіе Сына человѣческаго", говоритъ авторъ нашъ, „выражало присвоенное Имъ Себѣ достоинство судьи, между тѣмъ какъ названіе Сына Божія означало принадлежавшую Ему высшую власть, не имѣвшую предѣловъ. Никто не зналъ Отца кромѣ Его; Онъ отпускаетъ грѣхи; Онъ выше Давида, Авраама, Соломона и пророковъ. Нельзя не сознаться, что въ подобныхъ изреченіяхъ заключалось уже сѣмя того ученія, которое въ послѣдствіи сдѣлало изъ Іисуса Божест-

венную Упостась, тожественную съ предвѣчнымъ Словомъ (1).“

Въ этихъ и подобныхъ имъ изреченіяхъ Іисуса конечно не было никакихъ „приспособленій“, ибо ни что не могло болѣе рѣзко противорѣчить народнымъ понятіямъ; и это ученіе привело Іисуса къ крестной смерти. Съ какимъ же правомъ, спрашивается, можетъ Ренанъ въ этомъ ученіи видѣть измѣненіе первоначальнаго христіанства, а не дѣйствительное зерно самаго христіанства и ясное обнаруженіе сего послѣдняго въ религіозномъ центрѣ іудейства? Мы видѣли впрочемъ, что и въ первомъ періодѣ Своей общественной дѣятельности Іисусъ уже указывалъ на Самаго Себя какъ на предметъ вѣры и заявлялъ о власти Своей отпущать грѣхи. Такимъ образомъ изчезаетъ предполагаемое нашимъ авторомъ различіе между этими двумя періодами и обнаруживается единство религіи, образовавшейся не случайно изъ разнородныхъ элементовъ, какъ думаетъ Ренанъ, но съ полною внутреннею гармоніею воплотившейся въ священной личности ея Основателя.

Предполагаемое авторомъ нашимъ приспособленіе Іисуса къ народнымъ повѣрьямъ іудеевъ начинается собственно Его чудесами, которые безъ всякихъ дальнѣйшихъ доводовъ признаются Ренаномъ невозможными. Не знаю, почему авторъ относитъ чудеса Іисуса Христа уже ко второму періоду Его общественной дѣятельности; по свидѣтельству Евангелій Спаситель съ самаго начала своего открытаго служенія является вмѣстѣ и учителемъ и чудотворцемъ. Впрочемъ мы на всякомъ шагу встрѣчаемся въ разбираемой книгѣ съ невѣроят-

(1) Pag. 245—247.

нымъ легкомысліемъ и произволомъ ея автора, передающаго содержаніе священныхъ книгъ безъ всякой опредѣленной методы, безъ всякаго точнаго взгляда на излагаемый предметъ. Изъ наивнаго и простосердечнаго галилейскаго учителя, — какимъ онъ изобразилъ намъ Іисуса Христа въ первомъ періодѣ Его дѣятельности, — Ренанъ дѣлаетъ теперь какого-то обманщика, дѣйствующаго на родъ человѣческій мнимыми чудесами. Авторъ самъ чувствуетъ, что онъ зашелъ далеко и потому старается нѣсколько оправдать или извинить недостойный образъ дѣйствій, приписываемый имъ Іисусу Христу. „Христосъ", говоритъ онъ, „сдѣлался (мнимымъ) чудотворцемъ противъ воли; его чудеса были плодомъ насилія, сдѣланнаго Ему духомъ Его времени." По мнѣнію г. Ренана, востокъ полонъ лукавства и имѣетъ совершенно другое понятіе объ искренности, чѣмъ мы. „Для насъ", говоритъ онъ, „убѣжденіе означаетъ искренность къ самому себѣ; но эта искренность къ самому себѣ не имѣетъ никакого смысла въ глазахъ восточныхъ народовъ, не привыкшихъ къ тонкостямъ критическаго ума. Честность и обманъ, вотъ слова, которыя для нашей разборчивой совѣсти противоположны, какъ два непримиримыя понятія. Напротивъ на востокѣ эта противоположность сглаживается множествомъ посредствующихъ уступокъ и условій. Исторія останется для насъ на всегда не понятною, если мы не допустимъ, что для искренности существуютъ различныя мѣры. Всѣ великія дѣла совершаются при посредствѣ массы, но чтобы дѣйствовать на массу и дать извѣстное направленіе ея дѣятельности, необходимо приспособляться къ народнымъ повѣрьямъ и представленіямъ. Для насъ легко, среди нашего собственнаго безсилія, клеймить по-

добное приспособленіе изломъ лжи и обмана; гордясь своею безцвѣтною честностію, мы всегда способны произнести свое осужденіе на героевъ, совершавшихъ съ славою борьбу свою среди совершенно другихъ жизненныхъ условій. Еслибъ мы своею щепетливою честностію въ состояніи были совершить то, что эти герои исполнили своею ложью, тогда мы имѣли бы право быть строгими въ своихъ сужденіяхъ о нихъ“ (¹).

И подобныя уродливыя сужденія о нравственномъ законѣ высказываются, когда рѣчь о Томъ, который сказалъ: *буде слово ваше ей, ей, ни, ни!* Сказать, что можно успѣвать при помощи обмана въ дѣлѣ утвержденія и распространенія нравственнаго закона, не значитъ ли допускать самое грубое противорѣчіе между средствомъ и цѣлію? Впрочемъ, изложенная теорія г. Ренана такова, что мнѣ стыдно было бы остановиться на ея опроверженіи; всякій, въ комъ не изчезло еще нравственное чувство, всякій, кто когда либо останавливался мыслію на Божественной личности Іисуса Христа, не можетъ не отвратиться съ презрѣніемъ отъ подобнаго кощунства. Нѣтъ, никто не заставитъ человѣчество вѣрить тому, будто распятый Богочеловѣкъ, какъ сынъ востока, положилъ основаніе іезуитизму, вмѣсто христіанства! Ничто не можетъ быть болѣе оскорбительнымъ для святой нашей вѣры, какъ эта мысль, по которой христіанство является плодомъ мелкаго обмана!

Напрасно впрочемъ Ренанъ предполагаетъ, что Іисусъ Христосъ поддался гибкости нравственнаго кодекса востока, потому что изъ дальнѣйшаго содержанія его книги видно, что Христосъ Самъ думалъ владѣть силою

(¹) Pag. 232, 233.

чудотворений. Авторъ даже допускаетъ, что Христосъ дѣйствительно совершилъ разныя исцѣленія силою симпатіи, и что эти исцѣленія естественно могли считаться въ тогдашнее время чудесами. Такъ наприм. „чистая и нѣжная красота Его успокоила болѣзненную организацію Маріи Магдалины. И во многихъ случаяхъ прикосновеніе замѣчательнаго лица можетъ сильнѣе дѣйствовать на больнаго, чѣмъ всѣ пособія медицины" (1). Къ чему же, спросимъ у нашего автора, къ чему пускаться въ такія смѣшныя объясненія, когда у васъ подъ руками вышеизложенная теорія объ „искренности" восточныхъ народовъ? Вѣдь она для васъ гораздо болѣе удобоприложима къ объясненію Евангельскихъ чудесъ.

Впрочемъ изображаемый у Ренана Іисусъ не ограничивается въ своихъ „приспособленіяхъ къ народнымъ представленіямъ" совершеніемъ мнимыхъ чудесъ; Онъ идетъ дальше и присвояетъ Себѣ наименованіе сына Давидова, хотя и зналъ, что не имѣетъ права на это названіе; Онъ принялъ этотъ титулъ, краснѣя, съ дѣвственною скромностію, однакожъ принялъ его. Но нигдѣ придуманная авторомъ теорія приспособленія не имѣетъ у него такого широкаго приложенія, какъ при объясненіи Евангельскаго повѣствованія о воскресеніи Лазаря; по мнѣнію нашего ученаго автора, Лазарь спокойно даетъ укладывать себя въ пещерѣ въ ожиданіи своего мнимаго воскресенія! Вообще эта страница можетъ служить яснымъ свидѣтельствомъ того, какъ легко при отрицаніи сверхчувственнаго можно дойти до жалкаго и смѣшнаго.

Бросимъ бѣглый взглядъ на остальную часть повѣ-

(1) Pag. 260.

ствованія нашего автора. Чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ болѣе Іисусъ подъ перомъ Ренана превращается изъ безмятежнаго галилейскаго нравоучителя въ мрачнаго гиганта, стремящагося ниспровергнуть всякое противодѣйствіе. Болѣзненный экстазъ, по мнѣнію Ренана, болѣе и болѣе овладѣваетъ Іисусомъ Христомъ. Подобную мысль авторъ думаетъ подвердить, наприм., тѣмъ, что когда ученики Іисуса хотѣли обратить Его вниманіе на красоту храма, который при надмѣнности священниковъ сдѣлался непріятнымъ для Іисуса, то Іисусъ обнаружилъ „сурово критическій духъ", отказался отъ того, чтобы любоваться Іерусалимомъ и нашелъ достойнымъ похвалы лишь поступокъ бѣдной вдовицы, отдавшей въ храмѣ свою лепту. Въ такой ложный свѣтъ ставитъ Ренанъ одно изъ самыхъ трогательныхъ и возвышенныхъ Евангельскихъ повѣствованій!

Въ повѣствованіи о страданіяхъ Спасителя Ренанъ большею частію остается вѣрнымъ евангельскимъ сказаніямъ, но съ упущеніемъ всего сверхъестественнаго. „Жизнь Іисуса", говоритъ потомъ нашъ авторъ, „оканчивается смертію Его на крестѣ. Но такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное Имъ въ сердцахъ Его учениковъ, такова была живая преданность Его друзей, что Онъ и по смерти еще былъ для нихъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль живымъ утѣшителемъ. Сильное воображеніе Маріи Магдалины играло въ этомъ обстоятельствѣ особенно важную роль. Божественная сила любви! Священныя минуты, когда экзальтированное состояніе женщины могло даровать міру воскресшаго Бога"! Другими словами, общее и всегдашнее вѣрованіе христіанской Церкви въ воскресеніе Господа изъ мертвыхъ есть не болѣе, какъ слѣдствіе гал-

жоцинаціи, которой подверглась Марія Магдалина. Таково послѣднее слово этой „назидательной" книги. Что касается до описанныхъ въ Евангеліи враговъ Іисуса, то авторъ нашъ всячески старается оправдать ихъ; онъ оправдываетъ Пилата, оправдываетъ Іуду и фарисеевъ, оправдываетъ дикій вопль іудейской толпы: *распни, распни Его!* Онъ не обращаетъ вниманія на то, что существуетъ народъ, который донынѣ не можетъ смыть съ чела своего ту святѣйшую и невинную кровь, за которую предки его взяли на себя вину словами: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*. Кажется, одной исторіи евреевъ достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательно стремленіе г. Ренана оправдать виновниковъ смерти Христовой...

IV.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго анализа книги Ренана всякій безпристрастный читатель можетъ видѣть, что изображаемый авторомъ нашимъ Христосъ ни въ чемъ не похожъ на описаннаго священными писателями Богочеловѣка. Ренанъ повсюду рѣзко противорѣчитъ евангельскимъ сказаніямъ, хотя самъ же до извѣстной степени допускаетъ подлинность этихъ послѣднихъ. Мы уже видѣли, что довольно одной нагорной бесѣды, чтобы рѣшительно ниспровергнуть ипотезы нашего автора, ибо въ этой бесѣдѣ мы уже встрѣчаемъ ясное выраженіе той нравственной строгости, которая, по мнѣнію Ренана, была чужда первобытному христіанству въ Галилеи. Возмите вообще какую угодно часть Евангелія за основаніе для сужденія о новой „жизни Іисуса," и вы непремѣнно придете къ заключенію, что изобра-

женный Ренаномъ Христосъ есть не болѣе, какъ плодъ его собственной, фальшиво настроенной фантазіи. Но повѣствованіе о какомъ нибудь историческомъ лицѣ можетъ быть плодомъ фантазіи, и однако сохранять въ себѣ черты, соотвѣтствующія духу времени и мѣстнымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ изображаемая личность жила и дѣйствовала. Подобное повѣствованіе, не имѣя конечно научно-историческаго значенія, можетъ удерживать характеръ художественнаго произведенія: оно воспроизводитъ предъ нами извѣстную минувшую эпоху. Но и это значеніе мы рѣшительно оспариваемъ у сочиненія Ренана. Не смотря на свое литературное дарованіе и на изящество своего слога, онъ является въ своей „Жизни Іисуса" столь же слабымъ въ художественномъ, какъ и въ историческомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы изобразить великую эпоху жизни Спасителя и дать ей надлежащій колоритъ, недостаточно набросать нѣсколько сельскихъ пейзажей. Нужно было бы поставить священный образъ Іисуса Христа на его божественное основаніе и окружить его сіяніемъ того нравственнаго величія, которое такъ гармонически слагалось изъ кротости и любви. Слѣдовало бы на окровавленномъ челѣ Распятаго оставить тотъ вѣнецъ божественной славы, съ которымъ неразрывно связаны лучшія упованія искупленнаго имъ человѣчества. Въ глубинѣ сердца своего мы имѣемъ неизгладимый образъ Христа Спасителя, весьма отличный отъ начертаннаго г. Ренаномъ. Блѣдная, безхарактерная личность, изображенная нашимъ авторомъ подъ именемъ Іисуса, также мало соотвѣтствуетъ своему возвышенному оригиналу, какъ мало икона иного жалкаго живописца выражаетъ черты лика Спасителя.

Если далѣе смотрѣть на содержаніе книги г. Ренана даже безъ сличенія ея съ источниками христіанскаго откровенія и съ тѣмъ типомъ Христа Спасителя, который начертанъ въ нашихъ сердцахъ, то и этого, мнѣ кажется, достаточно для ея опроверженія,—такъ полна она внутреннихъ противорѣчій: изображаемая Ренаномъ личность Іисуса представляетъ въ частныхъ чертахъ своей жизни и дѣятельности множество такихъ нравственныхъ противорѣчій, которыя рѣшительно не допускаютъ возможности единства въ общей идеѣ; предъ нами является не живое существо, а сложное произведеніе разныхъ умозрѣній. Какъ существо фантастическое, придуманная Ренаномъ личность Іисуса не имѣетъ никакихъ прочныхъ основъ, лишена всякаго постоянства и облекается въ самыя разнородныя формы. Между жизнію Іисуса въ Галилеи и въ Іерусалимѣ нѣтъ, по изображенію автора, никакого прямаго, дѣйствительнаго соотношенія. Ренанъ ничѣмъ неможетъ объяснить съ своей точки зрѣнія, какимъ образомъ кроткій нравоучитель галилейскій (какимъ онъ изображаетъ Іисуса Христа въ первомъ періодѣ Его общественной дѣятельности) вдругъ дѣлается грознымъ обличителемъ фарисейскаго лицемѣрія и говоритъ о Себѣ какъ о великомъ посланникѣ небесъ, имѣющемъ спасти міръ Своею смертію и царствовать надъ сердцами людей. Это затрудненіе Ренанъ думаетъ преодолѣть, называя душевное состояніе Іисуса Христа въ Іерусалимѣ — экзальтированнымъ! Но подобное объясненіе конечно не заслуживаетъ даже разбора.

Собственно говоря, вниманіе Ренана обращено не столько на лице Спасителя нашего и на совершенное Имъ дѣло искупленія, сколько на плоды, произведенные

христіанствомъ въ исторіи человѣчества. Авторъ далѣе не можетъ не признать, что появленіе христіанства есть величайшая эпоха всемірной исторіи и что христіанству мы обязаны новѣйшею цивилизаціею съ ея просвѣщеніемъ и со всѣми ея благодѣяніями. Отрицая личное воскресеніе Господа Іисуса и дарованное Имъ благодатное возрожденіе, Ренанъ не можетъ не признать историческаго воскресенія и возрожденія человѣчества слѣдствіемъ дѣятельности Іисуса. Древній міръ нисшелъ въ могилу съ своими вѣрованіями, съ своими мнимыми божествами, съ своею военною и гражданскою славою; онъ уступилъ свое мѣсто міру новому, получившему силу свою въ христіанствѣ. До таинственнаго галилейскаго Учителя міръ коснѣлъ въ нравственномъ безсиліи на распутіяхъ суевѣрія и безбожія; онъ издыхалъ среди тщетныхъ попытокъ разрѣшить важнѣйшія проблеммы своей собственной жизни. Кто же положилъ начало новому обществу? Кто внесъ плодотворныя идеи и начатки свѣжихъ нравственныхъ силъ и стремленій въ этотъ омутъ смерти и разрушенія? Кто открылъ человѣчеству путь къ истинному прогрессу? Кто,—какъ не тотъ же таинственный галилейскій Учитель! Этого даже и Ренанъ не отрицаетъ. „Вся исторія“, говоритъ онъ, „становится неразрѣшимою загадкою безъ Христа. Ему по справедливости дано наименованіе Сына Божія, потому что чрезъ Него человѣчество сдѣлало такой шагъ, съ которымъ ничто иное не можетъ сравниться. Каждый изъ насъ обязанъ Ему самымъ драгоцѣннымъ своимъ достояніемъ. Онъ не реформаторъ древнихъ религій, но творецъ вѣчной религіи человѣчества“. — Это свидѣтельство г. Ренана, будучи важно по своей справедливости, замѣчательно для насъ еще и тѣмъ, что

оно изобличаетъ всю несостоятельность даннаго намъ авторомъ изображенія жизни и характера Іисуса Христа. Самъ Ренанъ прямо говоритъ въ одномъ мѣстѣ [1], что всякій фактъ можетъ только быть объясненъ соразмѣрными ему причинами. Фактъ, въ настоящемъ случаѣ требующій объясненія, заключается въ обновленіи міра; причиною же этого факта Ренанъ представляетъ намъ появленіе въ Іудеи молодаго нравоучителя, ничѣмъ другимъ не отличающагося отъ обыкновенныхъ людей кромѣ своей привлекательной кротости и нравственной чистоты; ни жизнь, ни ученіе Его, по изображенію нашего автора, не представляютъ собою ничего чрезвычайнаго и исключительнаго. Ничему новому Онъ не научилъ; всѣ лучшія Его мысли заимствованы частію изъ преданій Его народа, частію изъ иноземныхъ писателей. Какъ же, спрашивается, этотъ галилейскій Учитель одержалъ побѣду, возродивъ человѣчество тогда, какъ мудрецы, развивавшіе тѣже идеи до Него, ни на одинъ день не могли остановить постепенное паденіе древняго міра?.. Очевидно, у Ренана нѣтъ никакого соотвѣтствія между причиною и дѣйствіемъ, и онъ самъ себя осуждаетъ своимъ упомянутымъ принципомъ. Отрицая все сверхъестественное, авторъ нашъ принужденъ искать объясненія историческаго возрожденія міра въ разныхъ мелкихъ обстоятельствахъ, которыя въ приложеніи къ жизни Основателя христіанства рѣшительно ничего не объясняютъ. Нѣтъ, г. Ренанъ, недовольно было одной „привлекательной кротости", чтобы исцѣлить родъ человѣческій отъ нравственныхъ ранъ и спасти его отъ смерти! Сравните съ

(¹) Стр. 269.

пустословіемъ нашего автора величіе креста, орошеннаго кровію Божественнаго Страдальца, предавшаго святѣйшую душу Свою во избавленіе людей,—и вы лучше поймете всю силу словъ св. ап. Павла: *гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Безумное Божіе мудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ* (¹).

Пусть, въ самомъ дѣлѣ сдѣлаютъ сравненіе представленныхъ Ренаномъ попытокъ къ объясненію жизни Іисуса Христа съ тѣмъ понятіемъ о Богочеловѣкѣ, которое единодушно исповѣдуется христіанскою Церковію всѣхъ временъ, не смотря ни на какія частныя разногласія церковныхъ обществъ. По ученію Христовой Вѣры человѣкъ призванъ къ нравственной жизни по свободному произволенію того святѣйшаго Бога, образъ котораго онъ носитъ въ душѣ своей; онъ долженъ самъ рѣшить свою участь чрезъ испытаніе и правильное употребленіе своей свободы. Онъ падаетъ и увлекаетъ съ собою міръ, котораго онъ поставленъ царемъ; но среди своего грѣхопаденія онъ еще сохраняетъ въ себѣ память о своемъ высокомъ назначеніи и искру божественнаго образа, по которому онъ созданъ. Эта искра, соединенная съ надеждою будущаго искупленія, бросаетъ блѣдный свѣтъ среди нравственной тмы человѣчества и хранитъ его отъ конечнаго отчаянія. Не смотря на всѣ оковы грѣха и плоти, на всѣ страсти и заблужденія свои, человѣкъ продолжаетъ стремиться къ Богу, но попадаетъ на распутія языческихъ суевѣрій. Въ существѣ дѣла не столько человѣкъ ищетъ своего Бога, сколько Богъ Самъ ищетъ своей

(¹) Кор. 1, 20—25.

погибшей твари; ибо этотъ Богъ не есть нѣчто тожественное съ силами и законами природы, какъ учатъ нынѣшніе натуралисты; этотъ Богъ не есть и отвлеченная идея, чуждая личной свободы, жизни и сознанія, какъ утверждаютъ новѣйшіе идеалисты; нѣтъ, на престолѣ вѣчной славы возсѣдаетъ свободная и святѣйшая *любовь* и эта любовь есть Самъ Господь Богъ, самодѣятельный и благой Отецъ своихъ тварей. По любви Своей Господь нѣкогда создалъ человѣка; по любви же и по свободному произволенію Своему Онъ даруетъ человѣку искупленіе и спасеніе; вся исторія человѣчества, управляемая Его премудрымъ промысломъ, есть ничто иное, какъ великая драма искупленія. Надежда на это искупленіе никогда не исчезала на землѣ; она встрѣчается съ большею или меньшею ясностію во всѣхъ слояхъ языческаго міра; подъ звуками вдохновенной арфы Сіонскихъ тайновидцевъ эта надежда превращается въ пророческій гимнъ, привѣтствующій будущаго Царя Искупителя. Наконецъ является Тотъ, прообразованіями котораго исполнена исторія Іудейства, Тотъ, котораго предчувствовалъ востокъ среди безсвязной сѣти своихъ лихорадочныхъ миѳологическихъ бредней, къ которому западъ стремился, еще не зная и не понимая Его. Онъ приходитъ не для идилліи, изображаемой Ренаномъ, а для величественной и кровавой жертвы, ибо Ему надлежало, по волѣ пославшаго Его небеснаго Отца, искупить падшій міръ и снизойти даже до послѣдней степени человѣческаго осужденія, снизойти до могилы; Ему надлежало восторжествовать надъ мрачнымъ царствомъ смерти, открыть воскресеніемъ своимъ врата вѣчной жизни для человѣчества, признающаго въ немъ своего Бога и Спасителя.

Такимъ образомъ міръ, ниспадшій въ тину грѣха и зла чрезъ злоупотребленіе свободы, возраждается свободною же жертвою любви;— и эта любовь возстановляетъ разорванныя узы между небомъ и землею.

Тайна сія велика есть, но вмѣстѣ съ тѣмъ—какое здѣсь гармоническое согласіе между причиною и слѣдствіемъ! Я могу понимать, что міръ возраждается этимъ дивнымъ и таинственнымъ проявленіемъ божественной любви; но я никогда не пойму, никогда не признаю сколько нибудь разумнымъ и правдоподобнымъ, чтобы допустить съ Ренаномъ и со всею натуралистическою школою, будто достаточно было одного неопредѣленнаго вліянія, одного дыханія кротости и мира, чтобы ниспровергнуть столько идоловъ и препятствій и воспроизвести богатую благоуханіями растительность на изнуренной и изсохшей почвѣ человѣческой жизни. Прибавлю къ сказанному еще и то, что съ точки зрѣнія г. Ренана, не только всемірное вліяніе христіанства, но и самая личность Христа останется неразрѣшимою загадкою. Если Онъ не *Богочеловѣкъ*, то и ученіе Его о самомъ Себѣ будетъ не болѣе, какъ тканью пустыхъ самообольщеній. Если Онъ не есть *путь, истина и животъ*, то виноградная лоза лишается своего сока и Евангеліе теряетъ всякую силу, всякое значеніе.—И дѣйствительно, что можетъ быть нелѣпѣе того, чтобы изобразить извѣстное лице средоточіемъ религіозной жизни человѣчества, если это лице не болѣе, какъ обыкновенный простой человѣкъ? Такимъ образомъ изъ желанія устранить все Божественное и сверхъестественное авторъ нашъ не только впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою, но вдается въ совершенную нелѣпость, изображая намъ Христа въ

одно и тоже время мечтателемъ и величайшимъ изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Вмѣстѣ съ нелѣпостію и внутреннимъ противорѣчіемъ своихъ теорій, Ренанъ оставляетъ факты, которые ему хотѣлось объяснить, совершенно необъясненными.

Но Ренанъ идетъ еще дальше: онъ не только путается въ противорѣчіяхъ при изображеніи личности Христа Спасителя; *онъ обнаруживаетъ самое оскорбительное презрѣніе ко всему вообще человѣчеству.* Прежде всего онъ ясно даетъ намъ разумѣть, что человѣкъ, по его мнѣнію долго не отличался отъ животнаго (1). Человѣкъ такимъ образомъ, въ его глазахъ, не призванъ къ высшей нравственной жизни, отличной отъ жизни животнаго. О грѣхопаденіи уже не можетъ быть болѣе рѣчи, ибо съ какой же нравственной высоты было пасть первобытному человѣку? Онъ могъ лишь возвышаться, будучи по началу своему подобнымъ животному. Натуралистическая философія, которой держится и Ренанъ, ни за что на свѣтѣ не допуститъ ученія о грѣхопаденіи, и не сознаетъ, до какой степени она унижаетъ человѣка, отрицая благородство его происхожденія и сродство его съ Божествомъ.—То же презрѣніе къ человѣчеству выражается у Ренана еще болѣе явственно тамъ, гдѣ онъ дѣйствіемъ обмана хочетъ объяснить намъ успѣхъ великихъ христіанскихъ идей. Онъ прямо утверждаетъ, что самыя возвышенныя цѣли достигнуты лишь при помощи низкихъ и безнравственныхъ средствъ, и что истина только и можетъ восторжествовать въ человѣческомъ родѣ, окружая себя фальшивымъ блескомъ ложныхъ чу-

---

(1). „Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ отличаться отъ животнаго" стр. 2.

десь; другими словами, истина, по мнѣнію нашего автора, не иначе можетъ быть доступна человѣку—какъ подъ покровомъ лжи и обмана! Пусть привѣтствуютъ рукоплесканіями подобныя идеи тѣ люди, для которыхъ ложь дѣйствительно болѣе сродна, чѣмъ истина. Въ наше время часто говорятъ о достоинствѣ человѣческой природы, о правахъ личности и свободы человѣка. Но гдѣ же это достоинство, эти права могутъ возсіять съ такимъ блескомъ, какъ у подножія креста распятаго Богочеловѣка? Только на колѣнахъ у креста Христова мы можемъ воскликнуть: велико достоинство человѣческой души, искупленной подобной жертвою! На противъ, кто, поднявъ голову, пройдетъ мимо этого креста съ улыбкою невѣрія, тотъ считаетъ человѣка слишкомъ низкимъ для такой жертвы.

Но довольно. Въ нашемъ вѣкѣ, не смотря на распространеніе матеріалистическихъ идей, все еще найдется много людей, которые живутъ со Христомъ и въ Его ученіи, какъ и въ Его благодати находятъ лучшую пищу для души своей. Понятно ли, что̀ эти люди должны испытать, когда они видятъ, что Тотъ, котораго они чтутъ какъ Сына Божія, какъ Источника лучшихъ своихъ утѣшеній и надеждъ,—дѣлается предметомъ такихъ искаженій, какъ нынѣ у Ренана? И если авторъ нашъ думаетъ, что онъ своею книгою успѣетъ поколебать вѣру людей, которые не по имени только принадлежатъ къ Христовой Церкви, то онъ совершенно не понимаетъ свойствъ истинно христіанскаго чувства. Вообще я не могу окончить свою статью о „Жизни Іисуса", не выразивъ еще разъ своего твердаго убѣжденія въ томъ, что теперешній успѣхъ этой книги нисколько не опасенъ для христіанской вѣры. Вся составленная Ре-

ваномъ сѣть произвольныхъ и другъ другу противорѣчащихъ предположеній не выдерживаетъ никакой научной критики. И притомъ, что̀ предлагается намъ этою книгою въ замѣнъ ниспроверженнаго зданія Божественнаго Откровенія? Она предлагаетъ намъ религію безъ содержанія, нравоученіе безъ освященія, и Бога, лишеннаго всѣхъ истинныхъ свойствъ Божества! Книга г. Ренана, по нашему мнѣнію, подобна изящно отшлифованному сосуду, въ которомъ вмѣсто здороваго питья находится подслащенный ядъ, омрачающій сознаніе ложными представленіями и извращающій нравственное чувство человѣка искаженіемъ истинныхъ понятій о добрѣ и злѣ.

Пока въ душѣ человѣческой не изсякла жажда примиренія и оправданія, люди будутъ преклонять колѣна свои предъ Христомъ, какъ Божественнымъ своимъ Искупителемъ; они отвратятъ лице свое отъ всякаго „Іисуса", придуманнаго праздною фантазіею тайныхъ и явныхъ враговъ святой нашей Вѣры; они не отступятся отъ того Христа, Божественный ликъ котораго во всей простотѣ и во всемъ величіи изображенъ намъ боговдохновенными писателями новозавѣтныхъ книгъ.

Фениксъ.

О ПЯТОКНИЖІИ МОѴСЕЯ.

I.

НАЗВАНІЕ И ПЛАНЪ

А) пятокнижія.

Книги Моѵсея первоначально составляли одну книгу, и назывались въ Еврейскомъ канонѣ thora ([1]), у ветхозавѣтныхъ писателей обыкновенно hatthora ([2]), что́, по этимологіи ([3]), значитъ *ученіе* ([4]), по употребленію же въ переводѣ LXX и въ Новомъ Завѣтѣ —*законъ* (ὁ νόμος); назывались также *книгою закона* ([5]), равно *закономъ Господнимъ* ([6]) или *закономъ Божіимъ* ([7]), и *книгою закона Господня* ([8]) или *книгою закона Божія* ([9]), *закономъ Моѵсее-*

([1]) См. напр. *Іеронима*—ниже.

([2]) Второз. 1, 5. 4, 8. 44. 32, 46. Неем. 8, 2. 7. 13. 14. 10, 34. 36. 2 Парал. 25, 4 съ Еврейск. Ис. 2, 3. 8, 20. Іоанн. 1, 45.

([3]) См. Исх. 4, 12. 15. 35, 34. Лев. 10, 11. Втор. 33, 10. 3 Цар. 8, 36. Іов 6, 24. 8, 10. 34, 32. Псал. 26, 11. 85, 11. 108, 33. 102. Ис. 9, 14. Ос. 10, 12. Мих. 3, 11.

([4]) Іов. 22, 22. Псал. 77, 1. Притч. 1, 8. 3, 1. 4, 2. 7, 2. 28, 7. 9. 29, 18. 31, 26. Ис. 1, 10. 8, 16.

([5]) Втор. 28, 61. 29, 20. 30, 10. 31, 26. Іис. 1, 8. 8, 34 по Евр. 4 Цар. 22, 8. 11. 2 Парал. 34, 15. Неем. 8, 3.

([6]) Псал. 1, 2. 18, 8. 2 Пар. 31, 3. см. Ис. 5, 24. 4 Цар. 10, 31. съ Евр.

([7]) Псал. 36, 31. Ис. 30, 9.

([8]) 2 Пар. 17, 9. 34, 14. Неем. 9, 3.

([9]) Іис. 24, 26. Неем. 8, 18.

вымъ (1) и *книгою закона Моvсеева* (2), или *книгою Моvсея* (3). Такъ назывались эти книги по своему содержанію и значенію для избраннаго народа; ибо въ нихъ излагается ученіе вѣры (сн. 2 Пар. 17, 9. 2 Макк. 6, 23) вмѣстѣ съ ея исторіею, данное Богомъ чрезъ Моvсея народу Еврейскому въ главное основаніе Ветхаго Завѣта (4), иначе сказать—излагаются историческое происхожденіе и основанія Өеократіи. *Законъ, егоже заповѣда Моvсей*, или *Господь рукою Моvсея* (Неем. 8, 14. 1 Пар. 16, 40. 2 Пар. 34, 14), былъ всегда драгоцѣннѣйшимъ *наслѣдіемъ* для *сонма Іаковлева* (Втор. 33, 4), какъ преимущество и отличіе его отъ всѣхъ народовъ земли и норма всей его жизни (4, 5 — 8. Пс. 147, 8. 9. Есө. 3, 8. Рим. 3, 2. 9, 4) (5).

По отношенію къ раздѣленію закона Моvсеева на пять частей, евреи называли его chamischa chumsche thtora или chumaschim (отъ chomesch—для каждой части), что LXX толковниковъ перевели словомъ—Πεντάτευχος (отъ

---

(1) 2 Пар. 23, 18. 1 Ездр. 3, 2. 7, 6. 3 Цар. 2, 3. 4 Цар. 23, 25. Дан. 9. 11. 13. сн. Лук. 24, 44. Дѣян. 28, 23.

(2) Іис. 8, 31 по Евр. 23, 6. 4 Цар. 14, 6. Неем. 8, 1.

(3) 2 Пар. 25, 4 съ Евр. 35, 12 съ Евр. 1 Ездр. 6, 18. Неем. 13, 1. сн. Дѣян. 15, 21. Лук. 16, 29.

(4) См. Простр. Хр. Катихизисъ: *о священномъ Писаніи въ особенности* (книги законоположит.); Начерт. Церковно-Библ. истор. стр. 152. Отсюда еще названіе: *книга завѣта* (*сія вся книга завѣта Бога вышняго, законъ, егоже заповѣда Моvсей, наслѣдіе сонмомъ Іаковлимъ*) Сирах. 24, 25. 26. 4. Цар. 23, 2. 21.

(5) По этому-то *законъ* иногда означалъ всю ветхозав. религію (См. у *Fürst* Hebraisch. und Chald. Handwörterb. Leipz. 1861. 2, 521; *Schleusn.* Lexic. Sub v. νόμος) и всякое ветхозав. писаніе (Іоан. 10, 34. 12, 34. 15, 25. 1 Кор. 14, 21), и назывался иногда *книгою Іеговы* (Ис. 34, 16 съ Евр. сн. Числ. 24, 18) или просто *книгою* (Пс. 39, 8), т. е. по преимуществу, какъ мы говоримъ: святая Библія или, просто, Библія.

πέντε пять и τεῦχος свитокъ) или *Пятокнижіе* ([1]). Отсюда перешло это названіе и въ христіанскую церковь не только восточную, но и западную ([2]); впрочемъ въ послѣдней древніе чаще замѣняли его просто словами: *пять книгъ Моvсея*,—сколько видно изъ выраженій бл. Іеронима и Руфина ([3]). Это раздѣленіе положено во всѣхъ еврейскихъ кодексахъ, какъ и въ древнѣйшихъ переводахъ и встрѣчается уже у Іосифа Флавія ([4]) и Филона ([5]), какъ всѣмъ извѣстное и единственное. Оно существенно примыкаетъ къ идеѣ и плану Моvсеева творенія, такъ какъ все, разсказываемое въ *первой* части о происхожденіи и судьбѣ міра и человѣка,

---

([1]) Имя это въ греч. собственно есть прилагательное женскаго рода или ἡ πεντάτευχος т. е. βίβλος, какъ видно изъ: τῆς πεντοτεύχυ Μωύσεως,— у Оригена in Iohann. tom. XIII, c. 26.

При Латинскомъ Pentateuhus, которое встрѣчается уже у Тертулліана (adver. Marc. I, 10), обыкновенно подразумѣваютъ liber, т. е. принимаютъ его въ муж. родѣ (отсюда напр. у нѣмцевъ *der* Pentateuch); нѣкоторые же еще и доселѣ находятъ болѣе приличнымъ принимать это слово въ женск. родѣ, какъ взятое съ греческаго (*Bleek* Einl. in d. heil. Schr. Berl. 1860 1, 160). Во всякомъ случаѣ оно не средняго рода, какъ старался доказать нѣкто (*Stange* Cujus generis est Pentatenchus? in *Keil* und *Tzchirn*. Anal. Bd. 1. St. 1. S. 22—27).

([2]) Изъ древнѣйшихъ авторитетовъ запад. церкви можно указать здѣсь только на Тертулліана (См. предыдущее примѣчаніе).

([3]) Hi sunt *quinque libri Mosis*, quos proprie *Thora*, i. e. Legem, appellant, пишетъ Бл. Іеронимъ, при исчисленіи свящ. книгъ (Prolog. gal. in Curs. Compl. S. Scr. 1,809) хотя необходитъ и греческаго названія (ib. 814,— приводится ниже). — Itaque Vet. Instrumenti primo omnium *Moysis quinque libri* sunt traditi (*Rufin*. Expos. in Symb. Apostol.).

([4]) C. Apion. 1, 8: καὶ τύοτων πέντε μέν ἐστι τὰ Μωΰσέως.

([5]) De Abrah. p. 274. ed. Col: τῶν ἱερῶν νόμων ἐν πέντε βίβλοις ἀναγραφέντων ἡ πρώτη καλεῖται καὶ ἐπιγράφεται γένεσις. De migr. Abrah. p. 305: παγκάλως οὖν ὁ ἱεροφάντης μίαν τῆς νομοθεσίας ὅλην ἱερὰν βίβλον ἐξαγωγὴν ἀνέγραψεν.

Болѣе древнихъ свидѣтельствъ о раздѣленіи нѣтъ; ибо указаніе бл. Іеронима на *пять словесъ* въ 1 Кор. 14, 19 (hucusque Pentatenchus, quibus quinque verbis loqui se velle Apostolus in Ecclesiâ gloriatur l. c. 814) есть только плодъ ораторскаго одушевленія.

находится въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ началамъ домостроительства человѣческаго спасенія, составляющимъ предметъ частей послѣдующихъ, или къ тому, изъ чего слагается законоположеніе и Завѣтъ Ветхій ([1]); три слѣдующія части излагаютъ въ непрерывной связи начальную исторію Ѳеократіи съ ея законами, оставляя въ сторонѣ, или мало излагая то, что прямо къ ней не относится ([2]), именно: *вторая* часть представляетъ основаніе этого завѣта при Синаѣ), *третья* — порядокъ духовной, а *четвертая* — порядокъ гражданской жизни призванныхъ въ завѣтъ, *пятая*—отеческое увѣщаніе къ пребыванію въ завѣтѣ, изреченное въ виду кончины его ходатая. Не темные знаки сего дѣленія книгъ Моусеевыхъ (т. е. именно нынѣ существующаго, а не какого-либо другаго) можно примѣчать въ нихъ самихъ, такъ какъ самый историческій пріемъ, которымъ открывается *вторая* книга, отличный отъ пріема въ *первой*, а равно тѣснѣйшая и глубокознаменательная связь того, чѣмъ кончена вторая книга (первое откровеніе славы въ новосооруженной скиніи) съ тѣмъ, чѣмъ она начата (исчисленіе потомства Іакова) и что съ перваго взгляда кажется только повтореніемъ изъ книги первой ([3]),—все это, при сходствѣ книгъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя и наводитъ на мысль, что писатель хотѣлъ съ второю книгою тотчасъ же поставить на видъ новый поворотъ

([1]) Начерт. Церк. Библ. Исторіи, стр. 123.

([2]) Наприм. въ книгѣ числъ опущ. исторія 38 л. пребыв. въ пустынѣ; въ книгѣ Исх. почти ничего не говорится изъ исторіи пребыванія евреевъ въ Египтѣ.

([3]) Яснѣе объ этомъ и слѣдующихъ пунктахъ ниже—въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

исторіи или, лучше, начать самую исторію, предваривъ ее необходимымъ вступленіемъ, т. е. первою книгою; *третья*, самымъ началомъ предполагающая вторую (Лев. 1, 1. сн. Исх. 25, 22. 40, 33 и д.), но еще тѣснѣе, какъ сказано выше, связующаяся съ *четвертою*, отдѣляется отъ нея своимъ заключительнымъ примѣчаніемъ (Лев. 27, 34) и надписью къ четвертой (Числ. 1, 1); *пятая* отдѣляется отъ четвертой опять своею надписью и ея подписью (Втор. 1, 5. сн. Числ. 36, 13), — и исторію, начавшуюся съ умноженія сыновей Іакова, кончаетъ также смертію перваго лица ея—Законодателя, какъ вступленіе въ исторію кончается смертію послѣднихъ патріарховъ. Такимъ образомъ пятичастное дѣленіе закона Моvсеева оказывается не дѣломъ LXXII толковниковъ (¹), ни вообще какимъ-либо стороннимъ произведеніемъ позднѣйшей руки или нѣсколькихъ рукъ, но существеннымъ, кореннымъ свойствомъ одного самостоятельно-цѣльнаго произведенія, развитаго ни болѣе, ни менѣе, какъ въ границахъ его собственной основной мысли (²),

---

(¹) Противъ этого говоритъ уже а) пятичастное раздѣленіе Псалтири (еврейской), сдѣланное по образцу Пятокнижія, равно какъ б) и то, что послѣднее дѣленіе зналъ Филонъ, но зналъ, очевидно, не отъ LXXII, ибо онъ называетъ вторую книгу ’εξαγωγή, не ἔξοδος (см. выше),—если уже и не упоминать о томъ, что онъ, кажется, не зналъ и ихъ же слова — πεντατευχος.

(²) Рѣчь идетъ противъ новѣйшихъ мнѣній о такъ называемыхъ редакціяхъ Пятокнижія, и въ особенности противъ мнѣнія (идущаго отъ *Ewald*'a Gesch. d. Volks Israel. 1, 80. ff. 175. VII, 419. 496 und. and.), будто пятокнижіе первоначально только составляло пять частей другаго произведенія, котораго шестою (и послѣднею) частью была книга Іис. Навина. Но, не говоря здѣсь о единствѣ этой послѣдней книги (что прилично указать при обозрѣніи ея самой) и не распространяясь о различіи языка въ пятокнижіи и книгѣ Іис. Навина (напр. объ отсутствіи здѣсь архаизмовъ), ни о томъ, что древность никогда не знала слова:

иначе сказать, современнымъ самому написанію этого произведенія, — мысль встрѣчающаяся и у древнихъ іудеевъ [1], — хотя это дѣленіе и не оставило слѣдовъ своихъ въ языкѣ богодухновенныхъ писателей уже потому, что образъ древнѣйшей письменности непрерывной давалъ всему Пятокнижію какбы видъ единаго стиха.

II.

Б) Каждой книги въ отдѣльности:

а) первой, или книги Бытія.

Что касается до наименованія книгъ въ отдѣльности, то евреи палестинскіе называли каждую изъ нихъ однимъ или двумя изъ словъ, которыми начинается текстъ ея [2], евреи еллинисты, также LXX толковниковъ и христіане — словомъ, выражающимъ содержаніе всей книги или первыхъ частей ея, и заимствованнымъ, большею частію, изъ нея же самой. Всѣ послѣдняго рода названія уже довольно распространены были, по край-

---

шестикнижіе — hexateuchus и т. п.,—укажемъ на одно обстоятельство, свидѣтельствующее о книгѣ Іисуса Навина, какъ о самостоятельномъ особомъ произведеніи: это—внесеніе въ нее повѣствованія о совершенномъ чрезъ Моvсея завоеваніи и раздѣленіи заіорданскихъ областей между тремя съ половиною колѣнами, также какъ и о Моvсеевомъ опредѣленіи касательно городовъ убѣжищъ въ этихъ областяхъ. Писатель, какъ видно, хотѣлъ изложить все, относящееся къ занятію и раздѣленію Ханаана, а потому не выпустилъ ничего, что сказано уже было объ этомъ — въ *другомъ* писаніи.

(1) Именно у Филона въ послѣднемъ изъ приведенныхъ мѣстъ, хотя, разумѣется, мысль его, будто бы Моvсей сдѣлалъ самыя *надписи* — *ἀνέγραψεν*, есть уже крайность, впрочемъ не разрушающая общей мысли, а весьма ее предполагающая.

(2) На сей обычай указываетъ Іеронимъ (Prol. Gal.) и Оригенъ: *ἡ παρ' ἡμῖν Γένεσις ἐπιγεγραμμένη, παρὰ δὲ Ἑβραίοις ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς βίβλου Βρησιθ, κ. τ. λ.* (*Eus.* Hist. 6, 25).

ней мірѣ, за сто лѣтъ до Рождества Христова (¹), и встрѣчаются, отчасти съ нѣкоторою перемѣною, у позднѣйшихъ раввиновъ.

Такъ первая книга, надписываемая въ еврейскомъ текстѣ *Bereschit* — *въ началѣ*, въ александрійскомъ кодексѣ LXX—единственномъ, на сей разъ, представителѣ этого перевода (²) —Γένεσις Κόσμȣ (³), также и у раввиновъ называемая *Sepher iezira* — *книга творенія* (⁴), у христіанъ, какъ и у древнихъ эллинистовъ (⁵), уже съ древнѣйшихъ временъ (⁶) обыкновенно надписывается и называется въ сокращеніи — Γένεσις, *Бытіе* или *книга Бытія* (Βίβλος γενέσεως 2, 4), т. е. называется отъ слова неоднократно встрѣчающагося въ ней (напр. 2, 4) и выражающаго все ея содержаніе.

Начинаясь сотвореніемъ неба и земли и оканчиваясь смертію патріарховъ Іакова и Іосифа, эта книга сообщаетъ намъ свѣдѣніе не только о началѣ и первоначаль-

(¹) Названіе Γένεσις и, съ нѣкоторою перемѣною, названіе второй книги приводятся у Филона (см. выше), Δευτερονόμιον въ посл. Ап. Варнавы (гл. 10), всѣ названія—въ соч. Симона Волхва, по свидѣтельству Ипполита (Adver. haeres. 6, 15); у Флавія ихъ нѣтъ (см. выше), можетъ быть, потому, что онъ былъ не изъ еллинистовъ.

(²) Извѣстно, что въ Ватиканскомъ кодексѣ первыхъ 47 главъ не сохранилось.

(³) Тоже у Епифанія: ἐν τῇ Γενέσει τοῦ κόσμȣ καὶ πρώτῃ Βίβλῳ παρὰ Μωσῆ (Opp. ed. Petav. 1,287). Тоже въ Сирскомъ переводѣ: britho — *твореніе*, или sefro da—britho—*книга творенія*, почему толкованіе на Бытіе Θеодора Мопсуетскаго называется у Фотія (Biblioth. Cod. 38): ἑρμηνεία τῆς κτίσεως,—ибо послѣднимъ словомъ означаются здѣсь не одна лишь первая глава.

(⁴) Другое раввинское названіе: *книга Авраама, Исаака и Іакова.*

(⁵) Именно у Филона. Трудно думать, чтобы Филонъ соединялъ съ этимъ названіемъ болѣе обширное представленіе, а не думалъ только, какъ и другіе, о *бытіи міра;* во всякомъ случаѣ, это сокращенное названіе дов. замѣчательно.

(⁶) См. *Оригена* въ примѣч. 2 къ сему §.

ной судьбѣ міра и человѣческаго рода, но и о началѣ домостроительства человѣческаго спасенія,—объ основаніи Церкви или Царствія Божія. Начинается она съ созданія міра, какъ съ приготовленія къ созданію Церкви; ибо міръ есть откровеніе совершенствъ невидимаго Бога (см. напр. Быт. 1, 14) и поприще дѣйствованія вѣчной любви Его къ тварямъ: конецъ царства природы — въ царствѣ благодати (¹). Потому и твореніе міра оканчивается твореніемъ человѣка, какъ Богомъ поставленнаго владыки вселенной (все принадлежитъ ему, онъ же Богу Быт. 1, 26. 1 Кор. 3, 22); съ другой стороны исторія новосозданнаго міра—*бытіе небесе и земли* (2, 4) начинается только лишь съ исторіею человѣка, съ нею идетъ нераздѣльно, изъ нея развивается и въ ней окончательно изъясняется (²). Отпаденіе этого владыки отъ Бога привлекло на него и внесло въ его царство — во весь міръ—проклятіе, смерть и суету (Быт. 3, 17 и д. Рим. 8, 19 и д.); наступитъ торжество его искупленія (Рим. 8, 22),—и первое небо и земля первая прейдутъ: явятся новое небо и новая земля, потребныя для жительства правды (Ис. 65, 17. 66, 22. 2 Петр. 3, 13. Апок. 21, 1) (³). Чрезъ грѣхъ человѣкъ удалился и отдѣлился отъ Бога, но Богъ, *богатъ сый въ милости* (Ефес. 2, 4), не удалился отъ своего созданія. Онъ не только тотчасъ-же по паденіи возвѣстилъ человѣку вмѣстѣ съ наказаніемъ и объ избавленіи; но и въ послѣдующія времена многократно и многообразно открывалъ Себя человѣку, чтобы опять привлечь его къ Себѣ,

---

(¹) Начерт. Церк. Библ. Ист. стр. 1.

(²) Болѣе — въ Хр. Чт. 1863 г. въ концѣ статьи: «*Мысли о высокомъ значеніи начальныхъ главъ Пятокнижія*».

(³) Зап. на кн. Быт. 1, 113. 63. 68. 88. 40 и т. п.

обратить его отъ пути погибели на путь спасенія, — и исторія человѣческаго рода — отъ самаго начала его и потомъ — стала исторіею священныхъ шествій спасающаго Бога. Впрочемъ ясно открылась въ такомъ свѣтѣ *сія книга бытія человѣча* (5, 1) не для всѣхъ, а только для тѣхъ, у кого Превѣчный Создатель всѣхъ и Создатель Премудрости поставилъ ей скинію, и сказалъ: въ Іаковѣ вселися и въ Израилѣ наслѣдствуй (Сирах. 24, 8. 9). *Видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога моего царя, иже во святѣмъ* (Пс. 67, 25).

Обращаясь ближе къ содержанію книги Бытія или къ частнѣйшему раскрытію главной ея мысли, мы находимъ, что исторія спасенія расказывается здѣсь въ ея глубоко-знаменательныхъ чертахъ отъ самаго ея начала и включительно до временъ Патріарховъ, которыхъ Богъ изъ всѣхъ народовъ земли избралъ хранителями спасительнаго обѣтованія для всего міра — *въ тысящи родовъ* (Пс. 104, 8 и д.). Этотъ долгій промежутокъ времени изъ 2369 лѣтъ по еврейскому счисленію, или 3799 по греческому (1656 или 2256 до потопа, 365 или 1207 до переселенія Авраама въ Хан., остальное — до смерти Іосифа), раздѣляется на два періода.

Первый періодъ обнимаетъ исторію человѣческаго рода отъ его первобытнаго состоянія и грѣхопаденія до распространенія и раздѣленія его на многіе народы со всѣмъ разнообразіемъ ихъ языковъ, съ разсѣяніемъ по лицу земли (гл. 2, 4 — 11, 26), — и, въ виду потопа, развѣтвляется на два вѣка или міра: а) міръ до-потопный, и б) міръ отъ потопа до отдѣленія церкви отъ смѣшенія языковъ.

а) Изъ исторіи міра до-потопнаго—отъ Адама до Ноя—расказывается, вслѣдъ за грѣхопаденіемъ, объ образѣ

жизни и долголѣтіи двухъ происшедшихъ отъ Адама племенъ, различаемыхъ ихъ отношеніемъ къ Богу, — племени нечестиваго и племени благочестиваго, и о преобладаніи грѣховнаго растлѣнія, происшедшемъ вслѣдствіе смѣшенія этихъ племенъ (2, 4—6, 8). Кончается это время концомъ первобытнаго міра въ потопѣ (6, 9—8, 19): *потопъ міру нечестивыхъ наведе, а осмаго Ноя правды проповѣдника сохрани* (2 Петр. 2, 5).

б) Во второмъ отдѣлѣ, изъ времени, предшествовавшаго отдѣленію и основанію церкви въ семействѣ Авраама, или отъ Ноя до Фарры, отца Авраамова, — повѣствуется о завѣтѣ Бога съ Ноемъ, о Ноевомъ проклятіи и благословеніи, о родословіи поколѣній, племенъ и народовъ, происшедшихъ отъ трехъ сыновей Ноя, о смѣшеніи языковъ и раздѣленіи народовъ, о родовой линіи Сима до Фарры (8, 20—11, 26).

Второй періодъ обнимаетъ времена патріархальныя, обстоятельно излагая пути промысла Божія въ жизни трехъ родоначальниковъ Израиля, какъ племени избраннаго Богомъ въ Его собственный народъ, въ удѣлъ Божій, — отъ призванія Авраама до смерти Іосифа (11, 27—гл. 50). Такимъ образомъ исторія всего человѣчества постепенно переходитъ въ исторію одного рода (¹), получающаго божественное обѣтованіе, что онъ будетъ народомъ, народомъ великимъ въ благословеніе всѣхъ народовъ земли, и доводится исторія до времени, въ которое это избранное племя возрасло въ цѣлый народъ (сн. 47, 27) и которое граничитъ съ временемъ самаго бытописателя—основателя Ѳеократіи (²).

Изъ этаго общаго очерка содержанія ясно обнаружи-

(¹) Зап. на кн. Быт. 2, 30. 48.
(²) Тамъ же—3, 263. 274. 282.

является цѣль и планъ книги Бытія, состоящіе въ томъ, чтобы изложить предварительную исторію ветхозавѣтнаго царствія Божія. Чрезъ простое и естественное изображеніе исторіи міра, сотвореннаго и хранимаго Богомъ;—она старается показать, какъ Богъ—Промыслитель и Верховный Правитель вселенной воспитывалъ сотворенный по образу Его родъ человѣческій, — не смотря на его отпаденіе и послѣдовавшую затѣмъ порчу и гибель грѣховную,—воспитывалъ согласно съ своимъ творческимъ о немъ опредѣленіемъ, и какъ положилъ Онъ основы того царства, въ которомъ должно было сохраниться и совершиться спасеніе міра. Тогда какъ человѣческій родъ, въ силу полученнаго имъ творческаго благословенія о рожденіи, изъ одной четы распространялся во множество народовъ и наполнялъ землю,— Богъ вторгнувшемуся въ исторію его злу полагалъ преграду словомъ и дѣломъ, откровеніемъ своей воли въ заповѣдахъ, обѣтованіяхъ и угрозахъ, судомъ и казнями презрителямъ Его благодати. Рядомъ съ этимъ, въ планѣ творенія лежащимъ закономъ единства крови и множества происшедшихъ отъ единыя крови, идетъ другой законъ, возникающій изъ домостроительства искупленія и уже въ первоевангеліи довольно-назнаменованный,—законъ объ отдѣленіи боящихся Бога отъ людей безбожныхъ, направленный къ сохраненію и поддержанію святаго сѣмени во спасеніе и облаженствованіе всего человѣчества. Ибо *сѣмя свято стояніе его*. Этотъ двойственный законъ божественнаго міроправленія или исторіи, открывающійся уже въ самомъ вступленіи въ нее чрезъ употребленіе въ первый разъ величественнаго имени Іеговы и чрезъ знаменательное сочетаніе его съ именемъ Бога (2, 4), что „достойно за-

мѣчанія“ (1), есть вмѣстѣ и основное начало Бытописанія, опредѣляющее въ немъ выборъ, порядокъ и разграниченіе историческаго матеріала: соотвѣтственно закону рожденія, управляющему сохраненіемъ и умноженіемъ человѣческаго рода, здѣсь являются генеалогіи, или родословныя таблицы, въ которыя, какъ въ историческія грани, включаются описанія лицъ и событій, образующихъ такую или другую эпоху, между тѣмъ какъ распорядокъ и дѣленіе всего собраннаго здѣсь историческаго содержанія слѣдуетъ другому закону—выдѣленія.

Отсюда все содержаніе книги Бытія раздѣляется на десять, относительно-законченныхъ и однообразными надписями въ ней самой разграниченныхъ группъ (2), къ которымъ безъ всякой надписи стоящій разсказъ о твореніи (1, 1—2, 3) служитъ, какъ уже сказано, основою или приготовленіемъ,—ибо безъ міра и человѣка не мыслима исторія. Эти надписи называются *toldot*, что по этимологіи и употребленію, хорошо обозначается славянскимъ — *бытіе* (*сія же бытія Ноева* и т. п.); однако не въ смыслѣ перваго возникновенія изъ небытія въ бытіе (3), а въ смыслѣ участи только-что возникшаго бытія (4) и соотвѣтствуетъ тому, что мы на-

(1) Записки на кн. Быт. 1, 57.

(2) Ср. Зап. на кн. Быт. 1, 169. 3, 159.

(3) Какъ понимаетъ напр., самъ себѣ противорѣча на той же страницѣ *Ewald* (Gesch. d. V. Isr. 1, 107), когда, принимая это слово вездѣ за надпись, въ 2, 4 считаетъ за *подпись* къ предыдущему разсказу о твореніи въ смыслѣ такомъ: вотъ мы показали происхожденіе неба и земли. Такъ отчасти и *Gesenius* Thes. p. 596. Такое отнесеніе слова къ предыдущему противно контексту всѣхъ десяти мѣстъ книги Бытія и другихъ книгъ (Числ. 3, 1. Руѳ. 4, 18. 1 Пар. 1, 29), гдѣ есть это слово: вездѣ указываетъ на послѣдующее. См. и Зап. на кн. Быт. 1, 56.

(4) Такъ напр. говорится: elle toldet noah, *сія же бытія Ноева* (6, 9),

значитъ начальною *исторіею* — рожденнаго лица или происшедшей вещи, исторіею, такъ сказать, первой судьбы ихъ... Обозначенныя этимъ словомъ группы идутъ чрезъ всю эту книгу, вполнѣ прилично называемую, по этой причинѣ, краткимъ и всеобъемлющимъ именемъ книги *Бытія* — Γένεσις, и суть слѣдующія: toldot.

I) Неба и земли (2, 4—4, 26),
II) Адама (5, 1—6, 8),
III) Ноя (6, 9—9, 29),
IV) Сыновей Ноя (10, 1—11, 9),
V) Сима (11, 10—26),
VI) Θарры (11, 27—25, 11),
VII) Измаила (25, 12—18),
VIII) Исаака (25, 19—35, 29),
IX) Исава (гл. 36) и
X) Іакова (гл. 37—50).

Пять группъ для перваго періода, и пять для втораго, — и такимъ образомъ оба періода, неравные по своему содержанію и объему, уравниваются въ своемъ историческомъ значеніи для цѣли Бытописанія. Все, что разсказывается въ первомъ періодѣ — отъ Адама до Θарры — находится въ очевидной, хотя и отдаленной связи съ основаніемъ царствія Божія въ Израилѣ. Въ разсказѣ о раѣ представляется первоначальное отношеніе человѣка къ Богу и его назначеніе въ мірѣ; въ грѣхопаденіи указуется необходимость особеннаго божественна-

---

а вслѣдъ за симъ описывается не рожденіе Ноя, описанное уже прежде (гл. 5), а характеръ Ноя, рожденіе Сима, Хама, . строеніе ковчега и т. п. Или: *сія же бытія Исмаила сына Авраамля* (25, 12), — и тотчасъ же прибавляется: *его же роди Агарь*, слѣд. разсказъ о рожденіи его не обѣщается, а за тѣмъ и не сообщается, такъ какъ онъ уже и былъ сообщенъ прежде со всѣми подробностями. Или: *бытія Исаака* начинаются, когда *бяше Исаакъ лѣтъ четыредесяти* (25, 19. 20), и т. п. Смотр. и Зап. на кн. Быт. ч. 3, стр. 5.

го домостроительства для спасенія падшаго; въ обѣтованіи, слѣдующемъ за проклятіемъ грѣха, открывается грѣшнику первая надежда на искупленіе; въ раздѣленіи потомковъ Адама на благочестивыхъ и нечестивыхъ представлено дальнѣйшее отношеніе всего человѣчества къ Богу—подъ преобладающимъ вліяніемъ грѣховнаго начала; въ потопѣ предуказанъ судъ надъ нечестивыми, а въ сохраненіи и благословеніи Ноя—спасеніе благочестивыхъ отъ погибели; наконецъ въ генеалогической таблицѣ народовъ съ одной стороны и въ родословіи Сима съ другой представлено избраніе одного народа земли въ хранители откровенія о божественномъ искупленіи для всѣхъ народовъ. Особенныя, своеобразно-исключительныя приготовленія къ образованію этого народа (періодъ второй) начинаются лишь призваніемъ Авраама и состоятъ въ божественномъ водительствѣ и обѣтованіяхъ, которыхъ сподобились Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Далѣе: для пятичастнаго дѣленія каждаго изъ періодовъ главныя событія въ первомъ и главныя личности въ послѣднемъ представляютъ всѣ точки зрѣнія, какія потребны къ расположенію по нимъ или около нихъ историческаго матеріала. Наконецъ, что касается до внутренняго содержанія каждой *толдотъ* или группы, то расположеніе его здѣсь учреждается по вышеупомянутому божественному закону выдѣленія, такъ что въ каждомъ періодѣ линіи побочныя, уклоняющіяся отъ главной, хотя въ извѣстной мѣрѣ и примыкающія къ ней, описываются прежде и тутъ же выдѣляются, какъ бы откидываются изъ области исторіи, и только за тѣмъ уже, какъ бы по очищенному руслу рѣки, вводится изображеніе линіи главной и исторія идетъ далѣе (¹).

(¹) Ср. Запис. на кн. Бытія 1, 169. 175. 2, 30. 68.

„Богъ нѣсколько разъ раздѣлялъ сѣмя патріарховъ на лучшее и худшее, дабы отвергая одно, дать большую чистоту другому, подобно какъ удвояютъ и утрояютъ вѣяніе пшеницы, дабы получить болѣе чистое зерно" (¹). Поэтому-то строго-выдержанному плану исторія Каина и его рода разсказывается прежде, чѣмъ исторія Сиѳа и его потомства; родословіе Іафета и Хама излагается прежде, чѣмъ родословіе Сима, хотя онъ былъ *братъ* ихъ *старѣйшій*, или лучше не ихъ братъ, а только *Іафета*, какъ выражается бытописатель совершенно въ духѣ этаго закона (10, 21) (²); потому же исторія Измаила, примыкающая къ главной линіи, ради божественнаго о немъ обѣтованія (16, 10 и д. 17, 20), излагается прежде исторіи Исаака, какъ „введеніе" (³) въ послѣднюю; исторія Исава, также по божественному о немъ предсказанію и отеческому благословенію (25, 23. 27, 29. 40) входящая въ исторію Израиля, излагается прежде исторіи Іакова (⁴); наконецъ сказаніе о смерти Ѳарры съ поименованіемъ встрѣчающихся стороною въ патріархальномъ періодѣ двухъ другихъ сыновъ его (⁵), полагается прежде сказанія о призваніи отца вѣрующихъ Авра-

---

(¹) Тамъ же 3, 4.

(²) Зап. на кн. Быт. 2, 48, 49: „что Симъ былъ первородный, примѣтно изъ того, что въ исчисленіи братьевъ онъ обыкновенно поставляется первый (5, 32. 6, 10. 7, 13. 9, 18. 23. 10, 1). Отступивъ здѣсь отъ своего порядка и поставивъ родословіе Сима послѣ родословій братьевъ его, писатель имѣлъ причину напомнить читателю, что Симъ есть *старшій братъ Іафету*, котораго родословіе поставлено впереди прочихъ, не удостоивая между тѣмъ наименовать съ ними третьяго брата, уже отдѣленнаго отъ нихъ и нравомъ и проклятіемъ".

(³) Зап. на кн. Бытія 2, 316. 324.

(⁴) Тамъ же—3, 144.

(⁵) Нахора—дѣда Ревекки (11, 29. 22, 20—23.), и Аррана отца Лотова (11, 27).

ама (¹). Тотъ же законъ выдѣленія управляетъ и многими другими частностями священнаго повѣствованія, каково напр., совершенное отсутствіе лѣтосчисленія Каинитовъ (4, 16 и д.),—ибо для нихъ, какъ осужденныхъ Богомъ, не было будущности; съ другой стороны тщательное показаніе лѣтъ жизни святыхъ патріарховъ —и жизни до рожденія первенца, какъ продолжателя родовой линіи—главной и благословенной, жизни и по рожденіи первенца, и всей жизни вообще (гл. 5); отсюда же смыслъ кажущагося почти безцѣльнымъ повторенія ближайшихъ потомковъ Сима (11, 10 и д. 10, 22 и д.), ибо въ первый разъ — въ родословіи Симитовъ — они приводятся для показанія родовъ всѣхъ потомковъ Эвера, а во второй—чтобы представить прямѣе происхожденіе дома Θарры отъ Сима чрезъ Фалека, особенно же чтобы продолжить хронологическую нить родовой линіи, которую никакъ нельзя было бы вставить въ таблицу народовъ безъ разрушенія ея единообразія, и т. п. При такомъ симметрично-безъискуственномъ расположеніи по твердому плану,—расположеніи, указанномъ здѣсь нами только въ общихъ чертахъ и безъ труда открываемомъ въ подробностяхъ каждаго *рожденія* или каждой изъ *толдотъ*,—нельзя не признать книги Бытія за цѣльное единичное произведеніе писателя, который, во свѣтѣ божественнаго откровенія, обнялъ всю исторію человѣческаго рода отъ самаго его сотворенія и

(¹) „Отъ Θарры начинается исторія *странствованія* патріарховъ, возванныхъ Богомъ изъ смѣшенія народовъ... Θарра, не призванный Богомъ, съ похвальною впрочемъ ревностію, сопутствуетъ Авраяму; но умираетъ не достигнувъ земли обѣтованія: такъ напрасно ветхій, плотскій, не возрожденный человѣкъ думаетъ итти духовнымъ путемъ, и природа силится подражать благодати; ветхій Адамъ долженъ умереть на пути къ совершенству". Зап. на кн. Бытія 1, 74. 76.

сообразно съ тѣмъ изложилъ ее въ округленной, законченной формѣ, какъ предварительную исторію ветхозавѣтнаго царствія Божія.

III.

б) кн. Исходъ.

Вторая книга Моvсеева въ Еврейскомъ кодексѣ по начальнымъ словамъ ея называемая weelle — schemoth (сокращенно schemot) — *и сія имена*, въ переводѣ LXX надписывается ἔξοδος—*Исходъ*, сообразно съ содержаніемъ первой ея половины.

Она повѣствуетъ о началѣ исполненія божественнаго обѣтованія, даннаго патріархамъ касательно освобожденія потомковъ Іакова, распространившихся въ многочисленный народъ, изъ египетскаго рабства и объ избраніи ихъ въ народъ Божій при Синаѣ,—обнимая такимъ образомъ періодъ въ 145 лѣтъ—отъ смерти Іосифа, которою окончилась первая книга, до построенія скиніи свидѣнія, въ началѣ втораго года по изшествіи изъ Египта, чѣмъ оканчивается эта книга вторая.

Въ этомъ періодѣ времени совершилось изображенное въ 1-й главѣ чрезвычайное умноженіе потомковъ Іакова, внушившее новымъ владыкамъ египетскимъ, воцарившимся спустя много времени по смерти Іосифа, мысль о порабощеніи и угнетеніи евреевъ. За исключеніемъ этого повѣствованія и потомъ другаго (во 2 главѣ) подробнаго разсказа о рожденіи, сохраненіи и воспитаніи Моvсея, предопредѣленнаго Богомъ избавителя,—во всей книгѣ (съ гл. 3 — до гл. 40) подробно излагаются событія только двухъ лѣтъ: послѣдняго года предъ исходомъ изъ Египта, и перваго—по исходѣ.

Это отношеніе къ исторіи, по видимому, не соразмѣренное съ обширностію ея періода, вполнѣ объясняется изъ сущности и цѣли священнаго повѣствованія. Болѣе, нежели двухсотлѣтнее (215 л.) пребываніе израильтянъ въ Египтѣ (отъ призванія же Авраама 430-лѣтнее) было временемъ, въ продолженіе котораго поселившееся здѣсь семейство патріарховъ должно было, при благословеніи и покровительствѣ Божіемъ, развиться въ цѣлый народъ и созрѣть такимъ образомъ для исполненія завѣта, который заключилъ Богъ съ Авраамомъ касательно будущаго его сѣмени, многочисленнаго *яко звѣзды небесныя*. Въ продолженіе этого времени особенныя божественныя откровенія въ Израилѣ престали (¹) такъ что, кромѣ сообщенныхъ въ 1 и 2 гл. откровеній, во все это время не было другихъ, заслуживавшихъ сохраненія въ памяти потомства или особенно важныхъ для исторіи царствія Божія. Только лишь съ приближеніемъ конца этого времени начинается осуществленіе божественнаго плана спасенія, — съ призваніемъ Моусея (гл. 3) и основаніемъ, при посредствѣ его, Ѳеократіи въ Израилѣ. На сей конецъ Израиль освобождается отъ власти египтянъ и за тѣмъ, какъ народъ освобожденный отъ рабства человѣческаго, пріемлется Богомъ, Владыкою вселенной, въ Его собственный народъ.

Эти два великіе факта, съ ихъ всемірно-историческими послѣдствіями, образуютъ основаніе, корень и все существенное содержаніе книги, которая поэтому и раздѣляется ими на двѣ части.

Въ первой части, простирающейся отъ 1 гл. до гл.

(¹) Ср. Начерт. Церков. Библ. Ист. стр. 77.

15, ст. 21, въ семи отдѣленіяхъ изображается: Начало исполненія божественнаго плана, которое вообще мы можемъ назвать *Исходомъ*, или избавленіемъ, воззваніемъ избраннаго народа отъ міра языческаго (*изъ Египта воззвахъ сына моего*),—и которое въ частности открылось:

1) въ чрезвычайномъ, устрашившемъ Фараоновъ умноженіи израильтянъ, а равно и въ рожденіи и сохраненіи ихъ избавителя (гл. 1 и 2);

2) въ божественномъ призваніи и полномочіи этого Избавителя и Вождя — Пророка и Боговидца Моvсея (гл. 3 и 4);

3) въ его явленіи предъ Фараономъ (5—7, 7);

4) въ побѣдоносной борьбѣ его словомъ и дѣломъ, знаменіями и чудесами и казнями съ ожесточеннымъ сердцемъ Фараона (7, 8—гл. 11);

5) въ приготовительномъ освященіи избавляемаго народа чрезъ учрежденіе Пасхи, и въ исходѣ его изъ Египта, вынужденномъ чрезъ умерщвленіе египетскихъ первенцовъ (12—до гл. 13, 16);

6) въ путешествіи израильтянъ отъ Сокхоеа подъ божественнымъ покровительствомъ до Чермнаго моря (13, 17—14, 4);

7) въ переходѣ изральтянъ чрезъ Чермное море и въ погибели Фараона съ его воинствомъ, при чемъ торжество дѣла Божія восхваляется въ торжественной пѣсни Моvсея: *поимъ Господеви, славно бо прославися...* (14, 4—15, 21).

Во второй части (отъ гл. 15, 22—до гл. 40) излагается, также въ семи отдѣленіяхъ, принятіе Израиля въ народъ Божій, именно:

1) путешествіе израильтянъ отъ Чермнаго моря до горы Божіей (15, 22—17, 7);

2) отношеніе міра языческаго къ Израилю, открывшееся въ нападеніи амаликитянъ и въ посѣщеніи Моусея мадіамитяниномъ Іофоромъ у горы Хорива (17, 8 — гл. 18);

3) приготовленіе народа къ принятію закона отъ Бога при Синаѣ, явленіе Бога Законодателя, десятословіе, основные законы церковные и гражданскіе, торжественное вступленіе евреевъ въ завѣтъ съ Богомъ (19—24, 11);

4) божественное повелѣніе Моусею о сооруженіи таинственной скиніи—жилища Іеговы въ Израилѣ (24, 12—гл. 31);

5) исторія нарушенія завѣта Израилемъ и возстановленія завѣта Богомъ (гл. 32—34);

6) построеніе скиніи свидѣнія со всѣми принадлежностями, необходимыми для богослуженія (гл. 35—39);

7) воздвиженіе и освященіе скиніи (гл. 40).

Двѣ указанныя части не отдѣляются одна отъ другой внѣшнимъ образомъ, т. е. какъ десять *рожденій* въ книгѣ Бытія, такъ какъ изложеніе въ Исходѣ слѣдуетъ просто послѣдовательному порядку событій: тѣмъ не менѣе эти части легко разграничиваются самымъ расположеніемъ ихъ внутренняго содержанія. Пѣснь Моусея при Чермномъ морѣ (15, 1—21), составляетъ неоспоримо заключеніе первой стадіи историческаго движенія, которое началось призваніемъ Моусея и которое не только было вызвано угнетеніемъ израильтянъ со стороны Фараоновъ, имѣвшихъ въ виду подавить ихъ народность и религіозную самостоятельность, но и было подготовлено спасеніемъ, воспитаніемъ и всѣми обстоятельствами жизни Моусея. Точно также неоспорима важность и другаго пункта въ этой исто-

ріи,—основанія Скиніи: въ ней съ народомъ израильскимъ основался завѣтъ, о которомъ Богъ говорилъ патріарху Аврааму (Быт. гл. 15); осѣненіе воздвигнутой скиніи облакомъ славы Божіей (Исх. 40, 33 и д) было, согласно съ обѣтованіемъ Божіимъ (Исход. 25, 22), основаніемъ изъ этого народа Церкви Божіей, — обитаніе Бога во святомъ святыхъ—началомъ осуществленія Царствія Божія въ этомъ народѣ, такъ что все дальнѣйшее раскрытіе законодательства, а равно и исторіи отъ Синая до земли Ханаанской, служитъ только къ поддержанію и утвержденію этого общенія Бога съ народомъ, основаннаго при Синаѣ кровію завѣта и символически открывшагося въ первомъ явленіи славы — при освѣщеніи скиніи. Заключаясь такимъ знаменательнымъ и составляющимъ эпоху событіемъ, книга Исходъ, начавшаяся, какъ мы видѣли, простымъ перечисленіемъ израильскихъ пресельниковъ въ Египетъ,—оказывается цѣлымъ, округленнымъ твореніемъ въ ряду прочихъ книгъ Моусея.

IV.

в) кн. Левитъ.

Третья часть пятокнижія, въ первоначальномъ текстѣ по начальному слову надписываемая waikra — *и воззва*, въ переводѣ LXX и у христіанъ со всѣмъ соотвѣтствіемъ ея общему содержанію называется Λευϊτικόν (подразумѣвается βίβλιον), книгою *Левитъ*; ибо она, говоря вообще, есть „книга обрядовъ“ (¹), наблюденіе за которыми возложено было на священниковъ, а все *свя-*

(¹) Начерт. Церк. Библ. Ист. стр. 152.

щенство уже издавна именовалось *левитскимъ* (Евр. 7, 11), такъ какъ и Ааронъ, отъ котораго происходили священники, именуется *Левитиномъ* (Исх. 4, 14), и священники, *глаголавшіеся по чину Ааронову*, именовались также, по общему имени своего колѣна, *священниками сынами Левіиными* (Втор. 31, 9), *священниками левитами* (17, 18), даже просто *левитами* (31, 25. сн. 9) (1). Въ томъ же духѣ и раввинскія названія: *thora kohanim*—законъ священническій, *sepher tora hakkirbanoth*—книга закона о жертвоприношеніяхъ (2).

Книга Левитъ доводитъ до конца, начатое въ 25 гл. Исхода, Синайское законоположеніе и въ особенности содержитъ законы, установляющіе святое отношеніе израильтянъ къ Богу ихъ—святому и единому, т. е. содержитъ и основныя *оправданія*, чрезъ которыя имѣло совершиться ихъ общеніе съ Богомъ на основаніи завѣта, и *заповѣди и уставы*, касательно того освященія народа, какое потребно было для пребыванія въ семъ общеніи. Это какбы кодексъ, учреждающій между ними, какъ людьми Божіими, благочиніе жизни духовной.

Какъ всякій союзъ или завѣтъ предполагаетъ и обра-

(1) Мы не погрѣшили бы, если бы припомнили здѣсь и то, что назначеніе обрядовъ, изложенное въ книгѣ, заключалось въ отдѣленіи Израильт. отъ всѣхъ другихъ народовъ самою жизнію, въ святости ихъ—*святи будете, яко же Азъ святъ есмь, Господь Богъ вашъ, Господь единый*, короче—въ образованіи всего народа въ *царство священниковъ* (Исх. 19, 6 сн. Ис. 61, 6. 1 Петр. 2, 5. 9. Ап. 1, 6. Мал. 1, 11). Эта мысль даже особенно согласна съ духомъ книги, какъ сейчасъ увидимъ,—однако опущена нами, такъ какъ едвали была она у надписателей пятокнижія, руководившихся, какъ по всему видно, первымъ впечатлѣніемъ отъ каждой изъ книгъ его.

(2) Поэтому же нѣкоторые изъ новѣйшихъ называютъ эту книгу: jus sacerdotum—*священническое право*.

зуетъ извѣстное взаимное отношеніе между лицами, его заключающими; такъ и Іегова, Господь всей земли, въ завѣтѣ, который заключилъ Онъ у горы Синая съ избраннымъ изъ всѣхъ народовъ въ Его достояніе потомствомъ Авраама, не становится только самъ въ особенное благодатное общеніе съ народомъ Израильскимъ: нужно было, чтобы и самъ этотъ народъ вступилъ и пребывалъ въ дѣйствительномъ, жизненномъ общеніи съ Іеговою. Какъ восхотѣлъ Іегова быть Богомъ Израиля и открыться ему во всей славѣ своего божественнаго существа и божественныхъ щедротъ, какую только могъ созерцать и воспріять человѣкъ подзаконный, при царствѣ сѣни и гаданій, — такъ восхотѣлъ Онъ и того, чтобы народъ сей дѣйствительно былъ Его народомъ, освященіемъ жизни изъ Израиля по плоти являлся Израилемъ духовнымъ, и не иначе, какъ божественнымъ правиломъ жительствуя, сподоблялся мира и милости—удѣла Израиля Божія (Гал. 6, 16). Чтобы осуществить то первое условіе завѣта, Богъ повелѣлъ соорудить скинію—*положити имя Его тамо*, и по сооруженіи, далъ видимое знаменіе, что Онъ уже обитаетъ среди народа своимъ особеннымъ, благодатнымъ присутствіемъ. Теперь слѣдовало воззвать къ осуществленію и другую сторону завѣта, чтобы Израиль и самъ стремился и достигалъ въ мѣру возраста Израиля Божія. И какъ грѣхи и оскверненіе грѣховной природы разлучали между людьми Божіими и святымъ Богомъ ихъ (были и они *естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи*): то Богъ указалъ имъ доступъ къ престолу своей благодати въ такихъ оправданіяхъ, уставахъ и заповѣдяхъ, которыя съ одной стороны возбуждали бы и укрѣпляли въ людяхъ царствія Божія, творящихъ

плоды его, чувство и познаніе своей грѣховности, равно какъ и потребности прощенія и примиренія съ Существомъ святѣйшимъ, съ другой—представляли бы благодатныя средства къ очищенію отъ грѣховъ и къ освященію всей жизни непорочнымъ хожденіемъ въ пути, хожденіемъ въ законѣ Господнемъ. *Помози ми и спасуся, и поучуся во оправданіихъ Твоихъ выну. Яко аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ* (Пс. 118, 117. 92).

Къ этой-то цѣли направляются всѣ законы и уставы книги Левитъ: потому что они, всѣ въ совокупности и каждый порознь, имѣютъ въ виду какъ установленіе внутренняго общенія всего народа и каждаго отдѣльнаго лица въ народѣ съ Господомъ чрезъ примиреніе или прощеніе грѣховъ и очищеніе его растлѣнной природы, такъ вмѣстѣ и утвержденіе и укорененіе этого общенія чрезъ освященіе всѣхъ отношеній жизни. Соотвѣтственно этой двоякой цѣли, вся книга Левитъ раздѣляется на двѣ главныя части или на два большіе ряда законовъ и правилъ.

Первая часть простирается отъ гл. 1 до гл. 16; *вторая* отъ 17 до 25.

Первый рядъ законовъ, занимающій первую половину книги Левитъ,

а) Открывается законами, относящимися до священнодѣйствій, или законами о жертвахъ, принятыми Моусеемъ отъ Бога изъ новосозданной и освященной скиніи свидѣнія (гл. 1 – 7). Такъ какъ отъ самаго начала человѣческаго рода и, конечно, по установленію божественному (1), жертвы были главнымъ средствомъ, при

(1) Начерт. Церк. Библ. Ист. стр. 19. „Жертвы, гов. св. Злат., не сами по себѣ были пріемлемы, но благопріятны были ради первообраза.

средствами котораго человѣкъ вступалъ въ общеніе съ Богомъ, Творцемъ, Промыслителемъ и Правителемъ вселенной, и сподоблялся Его благодати и мира, по вѣрѣ въ великую жертву Мессіи, прообразованную тѣми жертвами: то и Израиль могъ не только являться къ Богу своему съ своими приношеніями, но и въ приношеніи жертвъ по уставу святаго и Богомъ-даннаго закона получать доступъ къ престолу благодати.

б) За постановленіями о жертвахъ слѣдуетъ (гл. 8—10) посвященіе Моvсеемъ къ священству Богомъ призванныхъ и избранныхъ Аарона и сыновей его, вмѣстѣ съ описаніемъ какъ торжественнаго вступленія ихъ на дѣло служенія, такъ и освященія или утвержденія ихъ священничества со стороны Бога дѣломъ и словомъ. Это событіе, да еще побіеніе богохульника (24, 10), есть единственное разсказываемое въ книгѣ Левитъ событіе изъ тѣхъ, которые относятся собственно къ исторіи (прерванная послѣднею главою Исхода, она продолжается за тѣмъ только лишь съ Числ. 10, 11).

в.) За симъ слѣдуютъ постановленія о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ и о различныхъ тѣлесныхъ очищеніяхъ (гл. 11 до 15), замыкающіеся и какбы совершенство свое пріемлющіе въ установленіи единаго въ году великаго дня очищенія (гл. 16), назнаменовавшаго единую истинно-очистительную жертву Искупителя (Евр. 9, 11 и д.)—кончины закона (Рим. 10, 4). Ибо законъ былъ пѣстуномъ во Христа, да отъ вѣры оправдимся. . .

Ибо на всѣхъ ихъ печатлѣется образъ Христа, и повсюду предначертано будущее.... все имѣло отношеніе къ Искупителю." Opp. Hom. 166 т. V. p. 986, ed. Montfauc.

Если всѣ эти законы и уставы открывали народу Израильскому доступъ къ престолу благодати, то слѣдующій за тѣмъ *второй* рядъ законовъ, образующій вторую половину книги (гл. 17—25), представляетъ требованія именемъ Божіимъ той святости отъ народа, безъ которой нельзя было ни пребывать въ общеніи съ Богомъ, ни пользоваться дарами щедротъ Его. Рядъ этихъ законовъ начинается предписаніями касательно святости всѣхъ—въ пищи, въ супружеской жизни и въ нравственности (гл. 17—20), продолжается постановленіемъ о святости или о личныхъ качествахъ жрецовъ, равно о качествахъ приносимаго для жертвы (гл. 21, 22), далѣе касается священія праздниковъ и ежедневнаго богослуженія (гл. 23. 24), и оканчивается закономъ объ освященіи всей земли въ субботній и юбилейный годы (гл. 25), когда не только весь Израиль, какъ церковь Іеговы, долженъ былъ наслаждаться дарами милости Божіей въ блаженствѣ субботняго покоя, но и вся земля Израилева—такъ именно въ годъ юбилейный—должна была какбы преображаться въ царство мира и свободы, оттѣнявшее на себѣ и предрекавшее собою время совершенія славнаго царствія Божія, или наступленіе торжествующей свободы чадъ Божіихъ, съ прекращеніемъ всякой работы грѣху и тлѣнію....

Посему, какъ предписанія о жертвахъ и очищеніяхъ завершаются установленіемъ единственнаго въ каждомъ году—дня очищенія, такъ установленіемъ юбилейнаго и субботняго годовъ завершаются предписанія объ освященіи жизни;—и оба ряда законовъ книги идутъ столько же въ гармонической параллели по своей внѣшности, сколько и въ нераздѣльномъ согласіи по сущ-

ности, каждый, подобно струнамъ въ гусляхъ, постоянно сохраняя своеобразный звукъ, и въ тоже время устрояя одну мелодію (Прем. Сол. 19, 17) къ сыномъ Израилевымъ: *вы же будете Ми царское священіе и языкъ святъ, святи, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ, Господь единый* (Исх. 19, 6). Во всѣхъ этихъ законахъ и постановленіяхъ народу Божію не только былъ указанъ путь къ достиженію его назначенія, но и дано такое устройство, которое могло бы удовлетворять всѣмъ условіямъ къ достиженію сей цѣли,—и основаніе царства Божія въ Израилѣ совершилось. Только для полной дѣйственности Синайскаго законоположенія оставалось еще какъ бы написать на сердцѣ народа и благословеніе за вѣрное исполненіе завѣта съ Богомъ и проклятіе за нарушеніе завѣта, что и исполняется въ гл. 26, и къ чему въ видѣ прибавленія присоединяется еще законъ объ обѣтахъ (гл. 27).

V.

г) кн. Числъ.

Четвертую книгу Моисея евреи обыкновенно называютъ или, по первому ея слову, Vajedabber—*и глагола* (1), или, какъ въ мазоретскомъ текстѣ и теперь въ еврейскихъ рукописяхъ и изданіяхъ, Bemidbar—*въ пустынѣ*,—слово также взятое изъ перваго стиха и особенно приличное книгѣ, которая говоритъ объ обстоятельствахъ странствованія израильтянъ въ пустынѣ Аравійской—отъ Синая до предѣловъ земли Ханаанской къ Іордану, въ продолженіе почти 39 лѣтъ—отъ начала втораго мѣсяца втораго года по исходѣ изъ Египта до начала одиннадцатаго мѣсяца сороковаго года. Греческое назва-

(1) Hieron Prol. Gal.

ніе Ἀριθμοί, еллинское *Числа*, также какъ раввинское, впрочемъ очень древнее, hammisphqarim или hephkudim (recensiones, liber recensionum) (1) произошли отъ описанныхъ въ ея началѣ разныхъ *счисленій*—народа, левитовъ, первенцевъ (2)....

Послѣ того, какъ законами книги Левитъ порядокъ духовной жизни народа былъ установленъ, израильтяне должны были начать свое дальнѣйшее странствованіе къ Ханаану, чтобы вступить во владѣніе землею обѣщанною отцамъ ихъ... Но какъ путь отъ земли Гесемъ до Синая былъ для израильтянъ приготовленіемъ къ принятію ихъ въ завѣтъ съ Богомъ, такъ путь отъ Синая до Ханаана служилъ приготовленіемъ ихъ къ обладанію обѣтованною землею. Въ пустынѣ—bemidbar, на пути въ эту землю, евреи должны были съ одной стороны опытомъ увѣриться въ вѣрности Бога своему завѣту, познать Его благопопеченіе и благодатную помощь, какія оказываетъ Онъ хранящимъ завѣтъ Его при всякой ихъ нуждѣ и опасности, равно какъ и тяжесть судовъ Его—Бога Святаго къ презрителямъ Его заповѣдей,—да научатся всецѣло уповать на Господа и во всемъ искать только царствія Божія и правды Его. Какъ виноградъ въ пустыни *обрѣтохъ Израиля.... Азъ пасохъ тя*

(1) По всей вѣроятности изъ сочетанія этихъ-то синонимическихъ словъ образовалось названіе Ἀμμεσφεκωδείμ, которое Оригенъ (у Евсев. Ист. 6, 25) называетъ самымъ обычнымъ обозначеніемъ этой книги между евреями,—по крайней мѣрѣ трудно иначе объяснить это названіе. Bleek, 38 лѣтъ читавшій „Введеніе въ Св. Писаніе,“ замѣчаетъ, что одинъ изъ его слушателей нашелъ у раввина Раши названіе для этой книги—chomesch pikodim (т. е. „пятая часть закона, называемая pik.“); названіе каждой части Пятокнижія словомъ Chomesch было обычное у евреевъ, и объясненіе Оригенова слова было бы при этомъ еще проще.

(2) Не становъ,—ибо они исчисляются только лишь въ концѣ книги.

въ пустыни по земли ненаселенной (Ос. 9, 10. 13, 5). *Да помянеши весь путь, имже проведе тя Господь Богъ твой сіе четыредесятое лѣто въ пустыни*, и пр. (Втор. 8, 2 и д.). Съ другой стороны израильтяне во время этого пути должны были еще получить „въ дополненіе и подкрѣпленіе“ прежде даннаго закона, законы и уставы, относящіеся къ жизни гражданской какъ для того, чтобы „Церковь явилась въ гражданскомъ обществѣ подобно какъ душа въ тѣлѣ“ (¹), такъ и для того, чтобы, при строгой и твердой организаціи гражданской, они могли предстать предъ ожидавшія ихъ впереди языческія царства и народы народомъ сильнымъ, крѣпко-связаннымъ узами внѣшняго и внутренняго своеобразнаго единенія, и потомъ служить своему святому призванію между народами земли — *не ходя въ законы языческіе* (Лев. 20, 23). Эти законы даны были частію еще при Синаѣ, частію въ теченіе странствованія въ пустынѣ при разныхъ случаяхъ, частію же по прибытіи на поля Моавитскіе у Іордана, противъ Іерихона: законы перваго рода касались внѣшняго и внутренняго устроенія колѣнъ Израилевыхъ, какъ воинства и церкви Іеговы, законы остальные относились къ занятію Ханаанской земли и обитанію въ ней. Всѣ они по своему обнародованію и содержанію тѣсно примыкаютъ къ событіямъ исторіи собственно—такъ называемой, и соотвѣтственно тремъ указаннымъ временамъ ея, дѣлятся на три вида. Отсюда *три* части книги:

Часть первая отъ гл. 1 до гл. 10, 10 въ четырехъ отдѣлахъ представляетъ приготовленія къ отправленію отъ Синая, именно:

(¹) Начерт. Церк. Библ. Ист. стр. 131.

1) внѣшнее благоустроеніе колѣнъ въ станѣ и на пути—или исчисленіе колѣнъ и размѣщеніе, строй ихъ около скиніи свидѣнія (гл. 1. 2), съ особеннымъ исчисленіемъ Левитовъ, и опредѣленіемъ ихъ на службу въ Скиніи, какъ лицъ, взятыхъ Богомъ въ замѣнъ первенцовъ народа (гл. 3. 4);

2) благоустроеніе внутреннее, нравственно—духовное въ Израилѣ, какъ обществѣ Іеговы—или законы о чистотѣ въ станѣ и народѣ, внѣшней и внутренней, и о священническомъ такого общества благословеніи (гл. 5. 6);

3) послѣднія событія при Синаѣ: по окончательномъ устройствѣ службъ скиніи обновленіе ея всѣмъ народомъ въ лицѣ князей его, чрезъ принесеніе богатыхъ пожертвованій для скиніи и алтаря (гл. 7); посвященіе Левитовъ (гл. 8), празднованіе Пасхи съ обозначеніемъ закона о двоякомъ образѣ ея празднованія (9, 1—14);

4) указаніе божественнаго знаменія къ водруженію или снятію стана, и устроеніе серебряныхъ трубъ или образъ созыванія сонма (9, 15—10, 10).

Во *второй* части (отъ гл. 10, 11—до гл. 21) излагается, въ трехъ пунктахъ, исторія странствованія отъ Синая до вершины Фасги не далеко отъ Іордана, именно:

1) Отправленіе изъ пустыни Синайской (10, 11—36) въ пустыню Фаранъ, съ приключеніями при Тобеерѣ, Гробахъ похотѣнія и въ Хацеротѣ (гл. 11. 12) и съ тѣми событіями въ Кадисѣ, вслѣдствіе которыхъ народъ, за возмущеніе противъ Бога, осужденъ на сорокалѣтнее странствованіе по пустынѣ, пока не измретъ все поколѣніе, вышедшее изъ Египта (гл. 13 и 14);

2) изъ періода времени, въ продолженіе котораго долженъ былъ совершиться упомянутый судъ Божій, т. е. отъ конца втораго года до вторичнаго собранія въ Кадисѣ въ началѣ сороковаго года странствованія, мы встрѣчаемъ только разсказъ о возмущеніи и наказаніи Корая (гл. 16—гл. 17, 15), съ предшествовавшими этому событію законами о приношеніи жертвъ по занятіи земли Ханаанской, о наказаніи богохульниковъ и о памятныхъ знакахъ на одеждѣ (гл. 15), и съ последовавшимъ за тѣмъ событіемъ—божественнымъ подтвержденіемъ Ааронова священства (17, 16—28), предписаніями объ обязанностяхъ и правахъ священниковъ и левитовъ (гл. 18), и закономъ объ очищеніи оскверненныхъ прикосновеніемъ къ мертвому (гл. 19);

3) путешествіе Израильтянъ въ сороковомъ году изъ Кадиса до горы Оръ, около Сеира и мимо земли Моавитской, чрезъ область Аммореевъ, и до вершины Фасги, съ побѣдою надъ Сихономъ царемъ Аморейскимъ и Огомъ Васанскимъ, и съ занятіемъ земель ихъ въ Галаадѣ и Васанѣ (гл. 20. 21);

Въ *третьей* части, отъ гл. 22 до гл. 36, излагаются событія, бывшія на поляхъ Моавитскихъ, на восточной сторонѣ Іордана, вмѣстѣ съ данными тамъ законами,—въ пяти отдѣленіяхъ:

1) Покушенія моавитянъ и мадіанитянъ изгнать и погубить израильтянъ, сначала силою проклятія Валаама, который, однако, противъ воли благословляетъ израильтянъ (гл. 22—24), потомъ чрезъ совращеніе израильтянъ къ разврату и идолопоклонству (гл. 25);

2) Новое (третіе) исчисленіе народа по родамъ его (гл. 26), съ закономъ о наслѣдіи по поводу недоумѣнія дочерей Целафхада (27, 1—11), и поставленіе Іисуса На-

вина въ преемники Моусею (27, 12—23);

3) Постановленія о праздничныхъ жертвахъ и обѣтахъ (гл. 28—30);

4) Побѣда надъ мадіанитянами (гл. 31), съ раздѣленіемъ заіорданскихъ областей между колѣнами Рувимовымъ, Гадовымъ и половиною колѣна Манассіина (гл. 32), и съ обзоромъ всего доселѣ-пройденнаго поприща пустыни или съ спискомъ становъ (гл. 33, 1—49);

5) Обновленіе закона объ изгнаніи хананеевъ, постановленія о занятіи и раздѣленіи земли Ханаанской между прочими колѣнами, о городахъ Левитовъ и городахъ убѣжища и о не-перенесеніи права наслѣдія изъ одного племени въ другое (33, 50—гл. 36).

VI.

д) кн. Второзаконія.

Послѣдняя часть Моусеева пятокнижія въ Еврейскомъ кодексѣ надписывается, по начальнымъ словамъ *elle* haddebarim (сокращ. *dibre*), *сія словеса*, въ переводѣ LXX и у христіанъ называется Δευτερονόμιον, *Второзаконіе*,—слово, взятое изъ нея самой (17, 18 (¹) сн. Іис. 8, 32) и данное ей въ соотвѣствіе первому представляющемуся, при взглядѣ на нее, предмету, состоящему въ повтореніи преждеизложенныхъ законовъ. На этомъ же основаніи у еллинистовъ и многихъ равви-

(¹) Рѣчь, впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ о „*спискѣ*, *копіи* съ закона сего“, ибо всякая копія—apographum есть *повтореніе*, какъ уже халдейскій парафразъ переводилъ mischne словомъ pitschegen и какъ понимаютъ большая часть раввиновъ, съ тѣмъ различіемъ, что, по поводу евр. слова, которое значитъ *duplum*, они придумываютъ двѣ для царя копіи съ закона („*duplum*, i. e. duos libros legis, unum qui recondatur in domo gazophylacii ejus (царя), alterum qui ingrediatur et egrediatur cum ipso„ *Sal. Jarchi*. Comm. ad. h. l.).

новъ она называется *mischne hatthora* или просто *mischna* — *повторение закона* (¹); у нѣкотрыхъ же — *sepher tokachot*—*книга обличеній*, по причинѣ содержащихся въ ней строгихъ обличеній израильскаго народа въ преступленіяхъ настоящихъ и даже будущихъ.

Эта книга излагаетъ событія двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ послѣдняго года въ пустынѣ (²),—и по содержанію и духу послѣднихъ рѣчей Моусея, составляющихъ наибольшую часть ея, представляетъ не столько повтореніе трехъ предыдущихъ книгъ, сколько облеченное въ форму увѣщанія изложеніе, раскрытіе и изъясненіе важнѣйшихъ частей Синайскаго закона, съ настоятельнымъ указаніемъ главнаго руководительнаго начала *(заповѣди большей) въ законѣ* и съ приложеніемъ его къ жизни народа въ землѣ обѣтованной, какъ сказано: *нача Моусей изъясняти законъ* (1, 5). Подлинно, только такого рода *изъясненіе закона* предлагается здѣсь, а не просто сокращеніе законовъ предыдущихъ, ни новое самостоятельное законоположеніе, отличное отъ прежняго, ни изъясненіе древняго закона вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, ни вторая книга закона, предназначенная для незнакомаго съ нимъ народа, — какъ иногда полагаютъ (³). Противъ этого говоритъ уже то обстоятельство, что законы, а съ ними и божественныя обѣтованія и угрозы въ трехъ предыдущихъ книгахъ приводятся постоянно подъ именемъ словъ Іеговы къ Моусею, которыя онъ долженъ былъ возвѣстить народу, — что даже и тамъ, гдѣ это возвѣщеніе принимаетъ форму рѣчи (напр. въ Исход. 23, 20 и д. Лев.

(¹) *Abarban.* Comm. ad. Ios. 8, 32.

(²) Начертаніе Церк. Библ. Исторіи стр. 152.

(³) *Ewald*, *de Wette*, *Riem* и. др.

гл. 26.), постоянно не Моусей говоритъ отъ своего имени, но Іегова говоритъ чрезъ Моусея. Напротивъ здѣсь — въ книгѣ Второзаконія представляются только рѣчи Моусея къ народу, на что и обращается вниманія уже въ надписи: *нача Моусей*. Посему-то ни прежде данные и теперь только повторяемые законы, ни присоединяемые къ нимъ дальнѣйшія предписанія и распоряженія о единствѣ Богослуженія, о пророкахъ, о царяхъ, о судопроизводствѣ, о веденіи войны и т. п., — ничто изъ этого не излагается здѣсь въ категорической формѣ законодательства: слово законодателя смѣняется здѣсь словомъ отца, увѣщаніемъ твердымъ, но любвеобильнымъ и обставленнымъ всѣми воспоминаніями, всѣми побужденіями, какія только могли тронуть сердце поучаемыхъ соблюденію закона. Какъ повтореніе десятословія (гл. 5), которое самъ Богъ непосредственно изрекъ къ народу съ горы Синая, а равно повтореніе и многихъ другихъ законовъ, изреченныхъ Имъ чрезъ Моусея у Синая и въ продолженіе странствованія по пустынѣ, направляется собственно къ тому, чтобы *всѣмъ сынамъ Израилевымъ* (1, 3) уяснить и въ душѣ ихъ напечатлѣть давно-данное слово завѣта, — *изъяснити законъ*: такъ точно и постановленія, составляющія особенность этой книги, представляютъ вовсе не такія прибавки, которыя восполняли бы будто — недостаточный составъ прежняго законоположенія, а только истолкованіе и раскрытіе его примѣнительно къ нѣкоторымъ особеннымъ отношеніямъ и строю жизни народа въ землѣ Ханаанской, которой завладѣніе народомъ уже почти совершилось. Нигдѣ, во всей книгѣ, законъ, который Моусей предложилъ, какъ говоритъ онъ, *въ день сей*, — не представляется новымъ или измѣненнымъ; на-

противъ, это все тотъ же законъ завѣта, который данъ былъ Богомъ при заключеніи завѣта въ Хоривѣ (5, 1 и д.), это тѣже заповѣди, уставы и правила, которые получилъ Моусей у Синая, чтобы научить имъ Израиля (5, 31 и д. сн. 6, 20—25). Частнѣйшее разсмотрѣніе состава книги ведетъ къ тому-же заключенію.

Первую часть, — она-то, какъ уже сказано, и есть наибольшая часть книги,—отъ гл. 1 — до гл. 30, составляютъ *три* пространныя рѣчи, которыя Моусей, по сказанію надписи (1, 1 — 4), изрекъ всему народу израильскому въ первый день одинадцатаго мѣсяца 40 г. по изшествіи изъ Египта, въ землѣ Моавитской.

А) Первая рѣчь (1, 6—4, 40) направлена къ тому, чтобы подготовить народъ къ послѣдующему за нею изложенію, изъясненію и укорененію закона въ сердцѣ слушателей. Съ этою цѣлію Моусей приводитъ здѣсь на память важнѣйшія событія изъ исторіи сорокалѣтняго странствованія въ пустынѣ подъ благодатнымъ водительствомъ Божіимъ (1, 6 — 3, 29), и присовокупляетъ къ этому настоятельное увѣщаніе не забывать откровеній Господа, явившагося при Хоривѣ, и заповѣдей изреченнаго тамъ завѣта, но всячески помнить, что Іегова есть единый Богъ на небѣ и на землѣ и хранить Его заповѣди и оправданія—*да благо тебѣ будетъ и сынамъ твоимъ по тебѣ, яко да будете долголѣтни на земли, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ*, т. е. въ Ханаанѣ (4, 1—40).

За тѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о томъ, что Моусей на восточной сторонѣ Іордана отдѣлилъ три города въ убѣжище для убійцъ ненамѣренныхъ (4, 41—43.).

Б) Вторая рѣчь (гл. 5—26) надписывается именемъ *закона*, предложеннаго Моусеемъ сынамъ Израилевымъ

(4, 44 — 49), и раздѣляется на двѣ части: *общую* и *частную* или особенную.

а) Въ *общей* части (гл. 5 — гл. 11) Моусей повторяетъ десять словесъ завѣта, изреченныхъ Іеговою ко Израилю отъ Синая, изъ среды огня, касаясь и относящихся къ тому случаю событій (гл. 5), — и вслѣдъ за тѣмъ раскрываетъ мысль первыхъ двухъ заповѣдей десятословія, т. е. что Іегова есть единый истинный Богъ, требующій любви отъ всего сердца и отъ всей души, и не терпящій почитанія боговъ иныхъ (гл. 6). Поэтому израильтяне при занятіи земли Ханаанской, послѣ побѣды надъ хананеями, не только не должны заключать съ ними никакого союза, напротивъ должны еще *пагубою погубить* — истребить ихъ безъ пощады, уничтожить всѣ ихъ алтари, всѣхъ истукановъ; такъ какъ Господь избралъ израильтянъ, изъ любви къ отцамъ ихъ, въ свое святое достояніе, и хочетъ, если только они пребудутъ вѣрными Его закону, пребывать съ ними въ завѣтѣ своей благодати и ущедрить ихъ своимъ благословеніемъ (гл. 7); они же, съ своей стороны, обладая и наслаждаясь богатыми дарами земли благословенной, должны постоянно помнить о томъ, какъ Богъ испытывалъ, смирялъ и отеческими наказаніями вразумлялъ ихъ въ пустынѣ, дабы не забыли они, въ гордости сердца, о Господѣ и благости Его (гл. 8),—должны непрестанно помышлять, что не своей праведности они обязаны занятіемъ и обладаніемъ земли обѣтованной, а единственно милости Бога, котораго неоднократно прогнѣвляли они въ пустынѣ, и вѣрности Его своему святому завѣту (9, 1—10, 11),— должны, слѣдовательно, всячески со всею ревностію, въ истинномъ страхѣ и любви служить Ему и испол-

нять заповѣди Его, чтобы сподобиться обѣтованнаго благословенія и не подпасть проклятію, постигающему идолослужителей и беззаконниковъ (10, 12 — 11, 32). Ва сихъ

б) Въ *особенной* части (гл. 12 — гл. 26) предлагаются важнѣйшіе изъ постановленій завѣта, которыя весь народъ Израильскій долженъ соблюдать въ землѣ обѣтованія:

аа) Предписанія о поведеніи Израиля предъ Господомъ Богомъ, именно: о единствѣ богослуженія или о совершеніи жертвъ и жертвенныхъ пиршествъ только въ мѣстѣ, указанномъ отъ Бога, не вездѣ какъ у хананеевъ—*токмо предъ Господомъ Богомъ да снѣси я на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой Себѣ* (гл. 12); объ истребленіи всѣхъ совращающихъ въ идолопоклонство, будетъ ли то лжепророкъ или кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ, равно какъ объ истребленіи городовъ впадшихъ въ идолопоклонство (гл. 13); объ удаленіи отъ языческихъ похоронныхъ обрядовъ и отъ употребленія нечистыхъ животныхъ въ пищу, объ отдѣленіи десятины, при жертвенныхъ пиршествахъ, на пользу бѣдныхъ (гл. 14), объ отпущеніи долговъ единоплеменнымъ и такихъ же рабовъ въ годъ седьмой или субботній, о приношеніи первородныхъ отъ воловъ и овецъ (гл. 15), и о жертвенныхъ пиршествахъ при святилищѣ во время праздниковъ пасхи, пятидесятницы и кущей (гл. 16, 1—17.);

бб) Законы, относящіеся къ гражданскому или точнѣе Ѳеократическому устройству общества, и въ частности: о поставленіи во всѣхъ городахъ судей и должностныхъ лицъ и о производствѣ суда надъ идолопоклонниками и преступниками въ низшей и высшей ин-

станціяхъ (16, 18—17, 13), объ образѣ избранія и обязанностяхъ царя, когда придетъ къ тому время (17, 14—20), о правахъ (доходахъ) священниковъ и левитовъ (18, 1—8) и о ложныхъ и истинныхъ пророкахъ (ст. 9—22);

вв) учрежденія, относящіяся къ охраненію и защитѣ человѣческой жизни, именно: постановленіе объ учрежденіи въ послѣдствіи еще и другихъ (сверхъ учрежденныхъ самимъ Моνсеемъ) городовъ убѣжища для ненамѣренныхъ убійцъ (19, 1—13), о непереставленіи межевыхъ знаковъ или о сохраненіи предѣловъ наслѣдія, объ отстраненіи ложнаго обвиненія ближнихъ (число свидѣтелей, наказаніе лжесвидѣтеля ст. 14—21), объ образѣ веденія войны и отношеніи къ завоеваннымъ мѣстностямъ (гл. 20), о примиреніи съ Богомъ или о жертвѣ—по случаю убійства, котораго виновникъ неизвѣстенъ (гл. 21, 1—9), о человѣколюбивомъ обращеніи съ военноплѣнною и о бракѣ съ нею (ст. 10—14), о правильномъ употребленіи родительской власти или о правахъ первенца жены нелюбимой и о наказаніи непослушнаго сына (стр. 15—21), наконецъ о погребеніи казненнаго преступника (ст. 22. 23);

гг) объ обязанностяхъ, налагаемыхъ любвеобильною заботливостію о собственности ближняго и уваженіемъ къ порядкамъ природы и нравственности (напр. запрещеніе перемѣнять одежду пола и т. п. 22, 1—12), и разныя предписанія относящіяся до охраненія чистоты брачнаго союза (22, 13—23, 1), чистоты—внутренней и внѣшней—сонма Господня или Ѳеократическаго общества израильтянъ (*да не внидетъ блудородный* и т. п. 23, 2—26), также какъ до семейной и общественной жизни въ разныхъ отношеніяхъ ея (напр. о разводѣ,

освобожденіи отъ военныхъ и всякихъ повинностей въ первый годъ супружества, о залогѣ, о проказѣ, должникахъ, мѣрахъ и вѣсахъ, и т. п.) (гл. 24. 25); наконецъ

дд) установленіе благодарственной молитвы на случай приношенія начатковъ и десятины отъ полевыхъ плодовъ (26, 1—15), съ заключительнымъ увѣщаніемъ соблюдать всѣ эти законы и правила отъ всего сердца (ст. 16—19).

В) Предметъ третьей рѣчи (гл. 27—30)—обновленіе завѣта. Этотъ торжественный актъ начинается постановленіемъ даннымъ во изъявленіе и поощреніе уваженія къ заповѣдямъ Божіимъ, постановленіемъ,—по переходѣ чрезъ Іорданъ начертать ихъ на большомъ алтареобразномъ изъ цѣльныхъ камней памятникѣ на горѣ Гевалъ, и, во всенародномъ собраніи, на сей горѣ произносить проклятія противъ нарушителей, а на горѣ Гаризинъ благословенія на блюстителей закона (гл. 27). Въ этомъ повелѣніи Моусей находитъ поводъ изложить и излагаетъ подробно самыя благословенія и проклятія, какія имѣли постигнуть народъ, смотря потому, будетъ ли онъ исполнять слово Іеговы, или будетъ нарушать его (гл. 28). За тѣмъ слѣдуетъ, по непосредственному повелѣнію Божію (29, 1) ([1]), самое возобновленіе завѣта: оно заключается въ томъ, что Моусей еще разъ торжественно указываетъ всему собранію народа на то, что̀ Господь сдѣлалъ для него и въ немъ, и, еще разъ указавъ на благословенія и проклятія закона, требуетъ и заклинаетъ, чтобы народъ вступилъ въ завѣтъ теперь заключаемый Господомъ—

([1]) Начерт. Церк. Библ. Ист. стр. 148.

прейти въ завѣтъ Господа Бога вашего и въ клятвы, елика завѣщаетъ Господь Богъ твой къ тебѣ днесь, — и чтобы онъ изъ предложенныхъ ему — благословенія и проклятія, жизни и смерти—избралъ себѣ жизнь (гл. 29. 30).

Вторая несравненно меньшая часть книги (гл. 31—34) содержитъ описаніе послѣднихъ распоряженій и кончины Моѵсея:

а) Поставленіе Іисуса Навина въ должность вождя израильтянъ въ землю Ханаанскую, врученіе книги закона, по окончательномъ ея написаніи, священникамъ, для храненія и чтенія ея народу во время праздника кущей въ годъ субботній (гл. 31);

б) Пророчественная пѣснь Моѵсея (гл. 32, 1—47) и божественное возваніе его на гору Наванъ (48—52);

в) Предсмертное благословеніе Моѵсея и изреченіе имъ судьбы каждаго изъ колѣнъ Израилевыхъ (гл. 33), и

г) Извѣстіе о его кончинѣ (гл. 34).

Уже этотъ общій обзоръ содержанія книги показываетъ, что приготовленное первою рѣчью изложеніе заповѣдей, установленій и правилъ закона, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы торжественно внушить народу неуклонное сохраненіе въ землѣ Ханаанской того завѣта, который Богъ заключилъ съ Израилемъ въ Хоривѣ (28, 69). На сей конецъ Моѵсей повторяетъ не только основоположеніе завѣта—десятословіе, но и многія частныя заповѣди, уставы и правила дальнѣйшаго Синайскаго законодательства, послѣднія однако же рѣдко повторяетъ вполнѣ, какъ напр. заповѣди о пищѣ (гл. 14), но большею частію приводитъ только въ краткихъ намекахъ, избирая важнѣйшіе изъ частныхъ предписаній болѣе въ видѣ примѣра, дабы на нихъ представить ближайшее объясненіе закона, въ его

приспособленія къ особеннымъ мѣстнымъ отношеніямъ земли Ханаанской. Вообще эта книга направляется къ тому, чтобы особенно при посредствѣ ея дополнительныхъ и вспомогательныхъ постановленій, законы и постановленія, какія предполагаются уже извѣстными изъ книгъ предидущихъ, достигали своего дѣйствія не какъ нибудь, но во всей своей силѣ и идеѣ, не смотря ни на какія препятствія къ тому въ землѣ Ханаанской или гдѣ бы то ни было. Не только предписанія о постройкѣ скиніи, о служеніи священниковъ и левитовъ, о жертвахъ и очищеніяхъ оставлены безъ всякаго упоминанія, какъ уже извѣстныя; но даже и изъ праздниковъ три важнѣйшіе въ году праздника — Пасхи, Пятдесятницы и Кущей упоминаются кратко и собственно для того, чтобы дать узаконеніе о совершеніи сопровождавшихъ эти праздники жертвенныхъ пиршествъ не гдѣ нибудь, а при святилищѣ (гл. 16). О даяніи отъ десятины и отъ первородныхъ упоминается не одинъ разъ, но на столько, на сколько это касалось опять того же снѣдѣнія жертвенныхъ предъ Господомъ. Заповѣдуется также поставленіе судей во всѣхъ городахъ земли и ближе въ различныхъ предписаніяхъ опредѣляется судопроизводство; но о самомъ избраніи судей нѣтъ ничего, потому что уставъ объ этомъ былъ преподанъ уже прежде. Напротивъ являются различныя постановленія касательно царя, котораго народъ на будущее время захотѣлъ бы поставить себѣ, и о пророкахъ, которыхъ имѣлъ воздвигнуть Господь также въ послѣдствіи, являются правила о веденіи войны съ другими народами (кромѣ т. е. хананеевъ, которыхъ истребленіе снова заповѣдуется только мимоходомъ), и т. п. Если уже изъ этого выбора предметовъ открывается, что наи-

реніе писателя состояло не столько въ томъ, чтобы законодательство предъидущихъ книгъ дополнить новыми законами, сколько въ томъ, чтобы содѣйствовать ихъ соблюденію, введенію ихъ въ жизнь народа и упроченію ихъ ненарушимаго существованія на будущее время: то такое намѣреніе еще яснѣе обнаруживается изъ другаго обстоятельства. Разумѣемъ то, какъ Моусей не только тотчасъ же послѣ повторенія десятословія, все существенное содержаніе законовъ, установъ и правилъ, заповѣданныхъ Богомъ, сводитъ къ одной заповѣди „о любви Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею“ и т. д., но и за тѣмъ при всѣхъ изъясненіяхъ закона, при всѣхъ увѣщаніяхъ къ послушанію, при всѣхъ угрозахъ и обѣтованіяхъ стремится возбудить въ сердцѣ народа искреннее расположеніе къ исполненію сихъ заповѣдей, чувство смиренія и любви и добровольную покорность, стремится подавить столь обычную въ плотскомъ человѣкѣ наклонность къ одной лишь законности по внѣшности и буквѣ, или къ формализму праведности фарисейской, научить же искреннему, сердечному храненію завѣта, чтобы въ людяхъ Божіихъ было *обрѣзаніе сердца духомъ*, а не только *писаніемъ* (Рим. 2, 29), чтобы всегда пламенѣлъ въ нихъ тотъ же благоугодный Господеви страхъ Господень, съ какимъ они стояли при Хоривѣ и испросили ходатая: *кто дастъ еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене, и хранити заповѣди моя во вся дни, да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ во вѣки* (Втор. 5, 29).

Въ этой-то особенности и въ этомъ назначеніи рѣчей Второзаконія состоитъ задача послѣдней части Пятокнижія, а не въ томъ напр., чтобы кромѣ законодательства, назначеннаго для левитовъ и священниковъ,

лагъ еще особое народу?... Есть ли подобіе какого-то особаго кодекса народнаго въ документѣ, содержащемъ не все, что касается народа, даже изъ статей самыхъ важныхъ въ жизни народной, каково напр. постановленіе объ обрѣзаніи, о великомъ днѣ очищенія, который однако долженъ былъ праздновать каждый израильтянинъ подъ страхомъ смерти, объ омовеніяхъ и очищеніяхъ, считавшихся всегда важными у іудеевъ и т. п.?!.., Но въ этой же указанной сейчасъ особенности, заключается и важнѣйшее доказательство происхожденія книги отъ Моѵсея. Что сказано въ надписаніи книги (1, 1—4), именно—что Моѵсей сказалъ эти рѣчи не задолго предъ своею смертію въ землѣ Моавитской у Іордана, слѣдов., такъ сказать, на прагѣ земли обѣтованной, то утверждается и формою и содержаніемъ книги. Моѵсей говоритъ здѣсь совершенно прилично его положенію,—какъ умирающій отецъ, навсегда разстающійся съ дѣтьми. Его слова исходятъ изъ распространеннаго сердца, проникнуты всею неотразимою силою любви, исполнены одушевленія необычайнаго и трогательности самой убѣдительной. Онъ смотритъ назадъ, на всѣ эти сорокъ лѣтъ, наполнившіе поприще пустыни, воскрешаетъ въ памяти народа всѣ благодѣянія, какія получилъ онъ отъ Бога, и неблагодарность, какою онъ отвѣчалъ на благодѣянія, затѣмъ суды Божіи, за тѣмъ новыя милости отъ Бога, возникавшія изъ любви Его безконечной и вѣрности слову, данному отцамъ неблагодарныхъ,—изъясняетъ, повторяетъ и пополняетъ законъ, — и неустанно, со всею искренностію и трогательностію, увѣщеваетъ исполнять его—*зане сіе жизнь ваша* (32, 47); обнимаетъ взоромъ всѣ *пререканія* и мятежи, какіе ему пришлось встрѣ-

тить отъ жестоковыйнаго народа; изъ прошедшаго переносится къ будущему и видитъ здѣсь то съ грустію, то съ радостію повтореніе того же въ судьбѣ Израиля—также отпаденіе, также наказаніе, помилованіе. Время жизни лица, говорящаго всѣ эти рѣчи, открывается и по нимъ тоже, какое указано надписью, т. е. время, когда Израиль стоялъ на границѣ земли обѣтованной, готовился перейти Іорданъ,—нигдѣ ни малѣйшаго намека на то, что было центромъ жизни народной въ позднѣйшее время, напр., на Іерусалимъ, съ его храмомъ: *единое мѣсто, еже изберетъ себѣ Господь*, называется еще неизвѣстнымъ. Близкое занятіе страны предполагается только вообще: эта земля постоянно изображается со всею прелестію блага ожидаемаго, а ближайшихъ подробностей о жизни израильтянъ въ ней, какъ въ странѣ воюемой и завоеванной, нигдѣ не допускается. Есть слово о царѣ; но уже основаніе, по которому напр., запрещается имѣть ему множество коней—*ниже да возвратитъ людей во Египетъ* (17, 16),—исключаетъ мысль о писателѣ временъ царскихъ—Соломона или его преемниковъ, когда не думали о возвращеніи въ Египетъ, и отсылаетъ къ положенію законодателя, хорошо знавшаго о любви народа къ египетскимъ котламъ или о готовности его воспользоваться малѣйшимъ предлогомъ для возобновленія связей съ Египтомъ, только-что расторгнутыхъ. Къ этому присоединимъ, съ другой стороны, выражающееся повсюду постоянно и какбы невольно живѣйшее воспоминаніе о Египтѣ и жизни израильтянъ въ Египтѣ, на примѣръ, о землѣ его, *юже напаяли ногама своима* (11, 10), о жестокихъ болѣзняхъ египетскихъ (7, 15. 28, 27. 35, 60), и т. п. (5, 15. 15, 15. 16, 12. 24, 18),—рав-

но какъ и самое точное знаніе о первыхъ народахъ, съ которыми народъ израильскій вступилъ при Моусеѣ въ отношеніе враждебное или дружественное (гл. 2), и многія другія частности, измѣнившіяся вскорѣ по завладѣніи Халдеями...

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И БЕЗСМЕРТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ.

(*Окончаніе.*)

II.

Едва ли какая нибудь скорбь сравнится съ тою, какую мы испытываемъ при видѣ смерти нашихъ родныхъ, друзей, близкихъ къ намъ лицъ, родныхъ намъ, съ которыми мы дѣлили радость и любовь, счастье и горе, съ жизнію которыхъ, такъ сказать, сливалась наша жизнь, которыхъ мы уважали, цѣнили, на которыхъ полагали надежды;—и едва ли при какомъ другомъ вопросѣ ограниченность нашего вѣдѣнія болѣе печально дѣйствуетъ на чувство, какъ при вопросѣ: безсмертна ли наша душа, или и она разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ? Конечно также безпокоитъ насъ и ограниченность нашего познанія о вселенной, которая въ безконечность простирается предъ нашими глазами, но въ которой мы можемъ наблюдать и познавать очень не многое; безпокоитъ насъ и то, что въ ряду причинъ и дѣйствій, при всемъ напряженіи нашего мышленія, мы не въ состояніи достигнуть ни до исходнаго начала, ни до послѣдней цѣли, и что въ Божественномъ міроправленіи остается для насъ много неразрѣшимаго во многихъ отношеніяхъ; но эти вопросы относятся болѣе къ умозрѣнію и не затрогиваютъ души такъ живо, какъ вопросъ о ея безсмертіи.

Чтò побудитъ насъ къ усовершенствованію, самоотверженію, къ жертвамъ, разнымъ лишеніямъ; чтó побудитъ стремиться къ достиженію отдаленныхъ цѣлей, стоящихъ цѣлой жизни труда, къ любви, которая все полагаетъ за другаго? — Чтò заставитъ предпочитать честную жизнь безславной, общее благо личному? Гдѣ искать утѣшенія страждущимъ душею или тѣломъ, если нѣтъ наградъ за терпѣніе? Я знаю, что противъ ученія о безсмертіи и воздаяніи за гробомъ я не могу возражать, не подвергая себя величайшимъ затрудненіямъ и не похищая у вѣры всего, что я признавалъ прежде за истинное и доброе. Если душа смертна, то разсудокъ не что иное, какъ сонъ, который Богъ даровалъ намъ для того единственно, чтобы увеличить наши бѣдствія; тогда добродѣтель утратитъ весь блескъ свой, который содѣлывалъ ее въ глазахъ нашихъ божественною; тогда все изящное и высокое, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ, не будетъ болѣе печатью Божественнаго совершенства, тогда подобно животнымъ, все назначеніе наше будетъ заключаться только въ томъ, чтобы искать пищи и умирать; тогда никакой разности въ томъ не будетъ: содѣлаюсь ли я украшеніемъ или стыдомъ человѣчества, умножу ли собой число счастливыхъ или несчастныхъ; тогда презрѣннѣйшій изъ людей получитъ полное право освободить себя отъ власти Бога, и насильственно расторгнуть тотъ узелъ, который привязываетъ насъ къ жизни. Если душа смертна, то мудрѣйшіе законодатели и основатели человѣческихъ обществъ только обманывали или насъ или самихъ себя; тогда между всѣмъ родомъ человѣческимъ должно предположить условіе, которое онъ заключилъ, чтобы защищать заблужденіе и оказывать

униженіе тѣмъ, которые изобрѣли его; тогда общество свободныхъ, мыслящихъ существъ будетъ не что иное, какъ стадо безумныхъ животныхъ, а человѣкъ — но я содрагаюсь отъ одного воззрѣнія на него въ такомъ униженіи — лишенный надежды безсмертія, онъ изъ самаго прекраснѣйшаго созданія превратится въ самое жалкое твореніе на землѣ, потому что онъ можетъ къ несчастію понимать свое состояніе и страшиться смерти. Нѣтъ, не всемилосердый Богъ, утѣшающійся блаженствомъ своего созданія, но нѣкое злорадостное существо должно было одарить его такими преимуществами, которыя увеличиваютъ его бѣдствіе. Не знаю, какой то стѣсняющій ужасъ овладѣваетъ моею душею при одной мысли, что я на мѣстѣ тѣхъ несчастныхъ, которые страшатся уничтоженія. Печальное воспоминаніе смерти должно отравить всѣ ихъ радости. Наслаждаются ли они дружествомъ, познаютъ ли истину, упражняются ли въ добродѣтели,—покланяются ли Божеству, восхищаются ли изящнымъ и совершеннымъ: мысль о ничтожествѣ, какъ грозное видѣніе, возстаетъ въ душѣ ихъ, и всѣ ихъ радости превращаетъ въ отчаяніе. Прерванное дыханіе, остановившійся пульсъ, похищаютъ у нихъ всѣ совершенства, и существа, поклонявшіяся Божеству, превращаются въ прахъ и тлѣніе.

„Благодарю боговъ, что они избавили меня отъ такой боязни, которая среди всѣхъ наслажденій жизни уязвляла бы меня жаломъ скорпіона. Мои понятія о Богѣ, добродѣтели, достоинствѣ человѣка, и о томъ отношеніи, въ которомъ онъ поставленъ съ Божествомъ, не оставляютъ для меня ни какого сомнѣнія о его назначеніи.—Надежда будущей жизни разрѣшаетъ всѣ такія недоумѣнія, и всѣ истины, въ которыхъ хотя сколько

нибудь убѣждены, приводитъ снова въ согласіе. Она оправдываетъ Божество, возвращаетъ добродѣтели величіе, даетъ красотѣ блескъ, наслажденію привлекательность, услаждаетъ горесть и самыя страданія этой жизни дѣлаетъ въ глазахъ нашихъ не столь тягостными, потому что мы сравниваемъ всѣ происшествія съ тѣми безконечными послѣдствіями, которыя отъ нихъ могутъ произойти. Ученіе, которое согласно съ такимъ множествомъ извѣстныхъ и доказанныхъ уже истинъ, и чрезъ которое съ такой легкостію мы объясняемъ себѣ многія сомнѣнія, конечно найдетъ насъ всегда расположенными къ его принятію, не требуя для того никакихъ глубокомысленныхъ изысканій. Ежели каждое изъ доказательствъ, взятое отдѣльно, и не доставляетъ еще намъ полнаго увѣренія, то, представляясь намъ всѣ вмѣстѣ, онѣ убѣждаютъ насъ съ такой непреоборимой силой, что мы успокоиваемся совершенно, и изгоняемъ изъ души всѣ сомнѣнія" (1).

Если мы бросимъ взоръ вокругъ себя, то увидимъ, что 1) въ жизни образованныхъ и необразованныхъ людей есть на этотъ счетъ свои убѣжденія, самыя разнообразныя. И едва ли о какомъ либо другомъ предметѣ могутъ быть такія разнообразныя убѣжденія съ тысячами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ; 2) въ тѣсной связи съ этими убѣжденіями, возникающими изъ естественныхъ стремленій ума и чувства, находятся догматы положительной религіи. Но они имѣютъ высокую степень достовѣрности и полную силу убѣдительности съ исторической стороны, между тѣмъ какъ по внут-

(1) Федонъ или о безсмертіи души, *М. Мендельсона*. С.Пб. 1837 г. стр. 59—161.

реннему содержанію они не все открываютъ о будущемъ и, будучи достаточны для спокойной мысли довѣрчиваго сердца, не могутъ успокоить мысли, возмущаемой и колеблемой сомнѣніями. Наконецъ 3) къ нимъ примыкаютъ философическія доказательства безсмертія души. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ. Въ однихъ истина безсмертія выводится изъ теоретическихъ оснований и доказывается подобно всякой другой истинѣ; въ другихъ убѣжденіе въ безсмертіи представляютъ какъ вѣру ума, полагая въ основаніи его или прирожденную идею или другія общечеловѣческія основанія, изъ которыхъ истина безсмертія вытекаетъ, какъ неотвергаемый постулятъ. Наконецъ многіе полагаютъ, что истины безсмертія нельзя утвердить ни тѣмъ ни другимъ путемъ, ни путемъ вѣры, ни путемъ знанія: это—скептицизмъ, который развивается въ двухъ направленіяхъ, выходя или изъ превратныхъ понятій о душѣ и объ источникахъ нашего убѣжденія, или же изъ испорченнаго сердца, которое смотритъ на будущую жизнь, какъ на предразсудокъ, который держитъ людей въ какомъ-то страхѣ и рабствѣ, наполняетъ жизнь пустыми призраками. Подобныя мысли могутъ возникнуть только у людей, порабощенныхъ чувственностію, которые тяготятся и настоящею жизнію, тѣмъ болѣе не могутъ равнодушно подумать о будущей жизни и о бытіи нескончаемомъ. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ и различныя рѣшенія его научнымъ образомъ и покажемъ подлинныя основанія нашихъ убѣжденій въ безсмертіи души. Основанія эти совершенно одинаковы съ тѣми, на которыхъ утверждаются всѣ другія наши убѣжденія о сверхчувственномъ. Мы не будемъ домогаться доказать эту истину, но только прояснить основанія нашего убѣ-

жденія, какъ вѣры, основанной на существенныхъ потребностяхъ нашего духа. Чѣмъ сильнѣе эти основанія, тѣмъ прочнѣе вѣра. Для знанія и то уже будетъ величайшее пріобрѣтеніе, если мы съ возможною вѣроятностію опредѣлимъ какъ теоретическія, такъ и практическія основанія этого убѣжденія и опровергнемъ ученія противныя. Мы примемъ все, что найдемъ годнымъ для этой цѣли, и примемъ съ благодарностію, откуда бы то ни перешло. Пусть доказательства подкрѣпляютъ и усиливаютъ одно другое.

Исторія философіи показываетъ, что и въ отношеніи къ этому вопросу начало сдѣлано отвлеченнымъ разсужденіемъ и уже послѣ обратились къ опыту, который ведетъ къ разрѣшенію этого вопроса. Впрочемъ и послѣ того, какъ философское изысканіе обратилось къ опыту, мыслители возвращались нерѣдко къ отвлеченнымъ понятіямъ и положеніямъ — частію потому, что опытъ одинъ и самъ по себѣ не представляетъ твердой опоры ни для доказательства, ни для опроверженія безсмертія, но главнымъ образомъ потому, что отвлеченное познаніе имѣетъ сравнительно высшую достовѣрность для ума. Поэтому и мы разсмотримъ 1) доказательства безсмертія, построенныя на основаніи отвлеченныхъ понятій бытія и не-бытія; 2) доказательства опытныя на основаніи изысканій а) о природѣ и существѣ души (бытіе конкретное) и б) частнѣе на основаніи изслѣдованій о жизни души, т. е. особенностяхъ ея жизни и образованія, какими они представляются въ опытѣ.

1. Доказательства безсмертія души, выводимыя изъ отвлеченныхъ понятій бытія и не-бытія, весьма древни. Это можно объяснить тѣмъ, что построеніе ихъ весьма

просто и несложно. Онѣ являлись въ разныхъ формахъ, то въ чисто теоретической, то въ нѣкоторомъ сближеніи съ опытомъ. Но всѣ доказательства опирались на одномъ началѣ, что для самаго мышленія бытіе и не-бытіе раздѣлены непроходимою бездною. Переходъ изъ бытія въ не-бытіе, или уничтоженіе рѣшительно невозможенъ; слѣдовательно и въ отношеніи къ человѣческой душѣ мы не можемъ представить абсолютнаго уничтоженія. Когда доказательство выводится изъ отвлеченныхъ понятій, но въ нѣкоторомъ сближеніи съ опытомъ, то оно опирается на законѣ сохраненія, господствующемъ въ матеріальномъ мірѣ, въ которомъ мы не видимъ и не можемъ доказать обсолютнаго уничтоженія. Если мы видимъ иногда что либо подобное, то стоитъ только всмотрѣться повнимательнѣе и мы сознаемся въ своей ошибкѣ. Перемѣны происходятъ только въ формѣ бытія. То, что прежде не подлежало наблюденію и ощущенію, дѣлается доступнымъ для чувствъ и воспріятія. Правда, и въ обыкновенной жизни и въ наукѣ говорятъ объ уничтоженіи той или другой матеріи: но это означаетъ только, что она перестала дѣйствовать на наше чувство. Если же такъ въ матеріальномъ мірѣ, то тѣмъ менѣе можно допустить уничтоженіе души, какъ совершеннѣйшаго существа, слѣдовательно, мы не можемъ и представить ея уничтоженія или прекращенія ея бытія.

Самымъ строгимъ научнымъ образомъ это доказательство построено въ новѣйшее время въ Гегелевой философіи. Главныя черты его можно представить въ слѣдующемъ видѣ: Бытіе есть начало, основаніе всего, поэтому оно должно сохраняться во всемъ, все развивается изъ него и на основаніи его: слѣдовательно все предполагаетъ бытіе, какъ свою основу, субстратъ, какъ

нѣчто неотразимое и неотдѣлимое, хотя все отдѣльное, конечное заключаютъ въ себѣ начало отрицанія, которое разрушительно дѣйствуетъ на бытіе и стремится уничтожить его. Абсолютное бытіе или абсолютная идея не есть отвлеченное, спокойно пребывающее, не пустая чистая субстанція, но безконечно измѣняющаяся жизнь, безконечно возвышающаяся надъ всѣмъ конечнымъ,— постоянно снова наполняющееся, вѣчно обновляющееся развитіе. Высшій моментъ ея развитія—духъ. Но между тѣмъ какъ безконечное такимъ образомъ перемѣняется, превращается изъ одного въ другое, по существу оно всегда остается тѣмъ же; и слѣдовательно объ уничтоженіи, объ абсолютномъ прекращеніи бытія не можетъ быть и рѣчи.

Такъ какъ эти доказательства основываются на однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ, то и могутъ быть ослабляемы и даже разрушаемы на основаніи тѣхъ же или такихъ же понятій, не получающихъ себѣ опоры изъ дѣйствительнаго содержанія этихъ понятій.

Если мы допустимъ, что мы абсолютнаго уничтоженія не можемъ представить, и что кругъ нашего опыта также не представляетъ ни одного случая подобнаго уничтоженія, то все еще можно спросить: эта невозможность имѣетъ ли полное, или безусловное реальное значеніе и дѣйствительно ли нѣтъ случаевъ исключенія изъ этого правила или закона? Да и видимость нашего наблюденія и кругъ нашего опыта составляетъ ли правило, законъ? Мы не можемъ точно также представить происхожденія изъ ничего: но наше вѣрованіе признаетъ сотвореніе міра изъ ничего единственно силою Божественнаго всемогущества; слѣдовательно для мышленія, обращающагося только въ кругу отвлеченныхъ понятій,

также возможно представить и возвращеніе міра въ ничтожество, хотя силою тогоже всемогущества. Конечно это возраженіе непримѣнимо къ построенію Гегеля, потому что у него мышленіе и бытіе тожественны: слѣдовательно что допускаетъ одно, то должно имѣть всю силу и для другаго. Равнымъ образомъ если оно не отдѣляетъ Бога отъ міра такъ, какъ мы отдѣляемъ Его въ нашемъ вѣрованіи, то объ уничтоженіи силою всемогущества Божія также не можетъ быть рѣчи. Но самое это тожество бытія и мышленія есть предположеніе, ни чѣмъ недоказанное, а потому и доказательство на немъ основанное не можетъ быть убѣдительнымъ.

Но если мы согласились, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ невозможности абсолютнаго уничтоженія: что мы пріобрѣли? — Со стороны того, что насъ интересуетъ въ разсматриваемой проблеммѣ и что мы собственно называемъ безсмертіемъ, ровно ничего. Тѣло наше не уничтожится абсолютно, но превратится или въ воздухообразное или въ жидкое тѣло, войдетъ въ сочетаніе съ другими вещественными началами. Можетъ быть и душа будетъ имѣть продолженіе бытія, но въ другой формѣ. Форму душевной жизни составляетъ сознаніе, образующееся изъ приреженія къ душѣ внѣшнихъ предметовъ: но сохранимъ ли мы сознаніе и самодѣятельность, сохранимъ ли то, что составляетъ безсмертіе и что дѣлаетъ безсмертіе утѣшительнымъ? Этого нельзя утверждать на основаніи приведеннаго доказательства, хотя бы оно и имѣло полную силу. Слѣдовательно это доказательство по крайней мѣрѣ въ отношеніи собственно къ вопросу совершенно безразлично. Аналогія внѣшней природы не достаточна для доказательства безсмертія души. Это подтверждается

разнорѣчіями, появившимися относительно безсмертія души у послѣдователей Гегеля: одни отрицаютъ личное безсмертіе и опираются на авторитетъ учителя. Хотя абсолютная идея въ своемъ развитіи и является подъ отдѣльными формами: но на эту отдѣльность надобно смотрѣть какъ на временныя ограниченія идеи, которыя должны уничтожиться. Жизнь дерева проявляется стволомъ, вѣтвями, листьями, цвѣтами и плодами; но онѣ уничтожаются, а дерево не перестаетъ жить. Другіе сближаются съ ученіемъ Шеллинга и разсуждаютъ, что абсолютный духъ, то есть развивающаяся идея, сохраняетъ воспоминаніе о духахъ, прешедшихъ въ теченіе исторіи. Въ этомъ воспоминаніи они присущи Божественной мысли, не какъ бывшіе, но какъ сущіе или существующіе для него и для себя; слѣдовательно они сами должны продолжать жить въ этомъ воспоминаніи.

Какой изъ этихъ взглядовъ справедливъ? Если мы посмотримъ на вопросъ исторически, есть ли въ Гегелевой системѣ основанія для безсмертія или не безсмертія человѣческихъ индивидуумовъ: то мы не можемъ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Формулы или категоріи, лежащія въ основаніи его построенія, слишкомъ произвольны — для нихъ нѣтъ основаній ни во внѣшней природѣ, ни въ человѣческомъ духѣ — и слишкомъ общи для того, чтобы изъ нихъ вывести разрѣшеніе такого частнаго вопроса; поэтому изъ нихъ можно выводить равно то и другое. Конечно здѣсь дано безконечное бытіе, или если угодно — безконечная жизнь: но образъ бытія оставленъ совершенно неопредѣленнымъ и отвлеченныя пустыя формулы одни изъ его послѣдователей наполняютъ такъ, другіе иначе.

Общее заключеніе, выводимое изъ разсмотренія этихъ доказательствъ, можно выразить въ слѣдующей формѣ: если можно и даже необходимо допустить продолженіе бытія всего существующаго, то этого еще недостаточно для полнаго убѣжденія въ безсмертіи души съ сохраненіемъ той же формы ея бытія. Слѣдовательно мы и должны обратиться къ разсмотрѣнію самаго этого бытія, природы и жизни человѣческой души.

2) Несравненно большую важность и убѣдительность для нашего разума имѣютъ тѣ доказательства безсмертія человѣческой души, которыя заимствуются изъ разсмотрѣнія ея природы и жизни.

Человѣческая душа надѣлена такими способностями и силами, которыя предназначены къ безконечному усовершенствованію. Но весьма многіе не получаютъ никакого образованія, многіе получаютъ очень ограниченное образованіе. Самые образованные люди во многомъ не довершаются, большею частію они развиваются въ какомъ нибудь одномъ направленіи. Ужели же должны погибнуть всѣ эти труды, потраченные для достиженія образованія, мудрости? И согласно ли съ премудростію Божіею положить такія условія для образованія,— однихъ лишить всего, а у другихъ погубить плоды лѣтъ, трудовъ, любви, скорбей? Тѣмъ болѣе это странно, что самое стремленіе къ высшему совершенству, постоянное приращеніе знаній, добродѣтели, составляетъ послѣднюю, конечную цѣль творенія. Всѣ конечные духи имѣютъ присущія имъ способности, которыя развиваются и совершенствуются упражненіемъ. Человѣкъ развиваетъ свою способность ощущенія и мысли съ поспѣшностію невѣроятной. Съ каждымъ ощущеніемъ приливаетъ къ нему потокъ новыхъ познаній.

Сличая же свои ощущенія и сравнивая, разсуждая и заключая о нихъ, избирая и отвергая, онъ умножаетъ чрезъ то и свои познанія до безконечности. Въ тоже самое время пробуждается въ немъ и безпрерывная дѣятельность врожденныхъ способностей духа и образуетъ въ немъ остроуміе, умъ, разсудокъ, изобрѣтательность, чувство изящнаго и добраго, великодушіе, человѣколюбіе, общежительность, однимъ словомъ, всѣ совершенства, изъ которыхъ еще не отказано было ни одному изъ смертныхъ. Хотя мы и называемъ нѣкоторыхъ людей тупоумными, безсмысленными, безчувственными, недостойными и жестокими, и хотя такія названія и могутъ иногда по сравненію имѣть свое основаніе; но еще не было ни одного такого безумца, который бы никогда не обнаружилъ въ себѣ нѣкоторыхъ признаковъ ума; не было ни одного злодѣя, у котораго въ груди не тлѣла бы хотя искра человѣколюбія. Мы всѣ получаемъ такія свойства и вся разность между нами заключается въ большемъ или меньшемъ ихъ количествѣ; и сказалъ: всѣ, потому что и самый величайшій безбожникъ не можетъ дѣйствовать совершенно противно своему назначенію. Онъ будетъ упорствовать, сопротивляться тому съ величайшимъ упрямствомъ; но и самое это сопротивленіе уже будетъ происходить отъ природной наклонности, которая въ своемъ источникѣ чиста, и только чрезъ неправильное направленіе могла быть испорчена. Еще не было ни одного человѣка, который бы могъ благотворнаго обращенія съ подобными ему людьми не оставить земли совершеннѣе, нежели какъ онъ вступилъ на нее. Такому точно закону подлежитъ и вся цѣпь мыслящихъ существъ: тогда какъ онѣ ощущаютъ, мыслятъ, желаютъ, побуж-

даются, отвращаются, то съ тѣмъ вмѣстѣ и присущія имъ способности образуются въ нихъ болѣе и болѣе; чѣмъ далѣе онѣ упражняютъ ихъ, тѣмъ дѣятельнѣе становятся ихъ силы, тѣмъ неукоснительнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ способнѣе дѣлаются онѣ сами, въ созерцаніи истиннаго изящества и совершенства находятъ свое счастіе. Но что-жъ, должны ли всѣ эти совершенства, подобно легкой пѣнѣ потока, подобно стрѣлѣ въ воздушномъ пространствѣ, пронестись и не оставить по себѣ никакого слѣда? Самомалѣйшій атомъ не можетъ уничтожиться въ природѣ безъ сверхъестественнаго разрушенія, а всѣ такія превосходства должны изчезнуть, и существа, которыя ими обладали, должны ихъ утратить безъ всякихъ послѣдствій, безъ пользы, какъ будто онѣ никогда и не принадлежали имъ? Какое заключеніе послѣ того мы можемъ сдѣлать и о цѣли всего творенія (¹).

Могутъ возразить, что это достигается не отдѣльными лицами, но цѣлымъ человѣческимъ родомъ. Всякое поколѣніе живетъ въ слѣдующемъ поколѣніи, одно поколѣніе передаетъ другому свои богатства, свои опыты и открытія и между тѣмъ какъ недѣлимыя умираютъ, человѣчество все восходитъ на высшую и высшую степень совершенства.

Но какая же будущая генерація достигнетъ этого совершенства? И почему же ей жертвовать всѣми раннями поколѣніями? За чѣмъ милліоны должны страдать, терпѣть бѣдствія отъ недостатка или превратности образованія, для того только, чтобы одной генераціи достались плоды столькихъ трудовъ и тяжкихъ вѣко-

(¹) Федонъ Мендельсона стр. 101—102.

выхъ усилій? И смотря на эти жалкія поколѣнія, какое чувство питать къ нимъ — презрѣніе или сострадание? — И такъ только тогда осуществится предначертаніе, данное Богомъ человѣческой природѣ, когда мы предположимъ другую жизнь, высшую, и когда всякое существо мыслящее достигаетъ этой цѣли для самаго себя.

Если посмотримъ на состояніе человѣка въ этой жизни, то увидимъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ существъ одинъ человѣкъ имѣетъ опредѣленное воспоминаніе о прошедшемъ, предчувствіе, чаяніе и гаданіе въ отношеніи будущаго и способенъ сравнивать совершенное съ несовершеннымъ.

Но какое имѣетъ вліяніе это преимущество на благосостояніе человѣка? Если оно составляетъ преимущество только земной жизни: то нельзя не сказать, что оно приноситъ болѣе вреда и скорби, нежели пользы и утѣшенія. Животное не чувствуетъ въ настоящее время нужды, не имѣя непріятнаго ощущенія, уже счастливо, потому что у него нѣтъ ни воспоминанія, ни сравненія. Всякое мгновеніе бытія есть мѣра его счастія и въ этихъ предѣлахъ ему нетрудно быть удовлетвореннымъ. Но у человѣка настоящее отравляется то воспоминаніями, то опасеніями и предчувствіями, то лишеніями родныхъ, друзей, ограниченными и часто недостаточными средствами для удовлетворенія своихъ нуждъ, то неудачею въ любимыхъ мечтахъ. Сравненіе своего счастія съ счастіемъ другихъ также не умножаетъ радостей нашего рода. Иногда достаточно одного облачка, чтобы затмить горизонтъ нашей жизни.

Но кромѣ этого одинъ человѣкъ имѣетъ предвѣдѣніе неотразимой смерти и онъ одинъ способенъ сравнивать

старость съ юностію, безсиліе съ крѣпостію. Животное старое конечно измѣняется, но оно не сознаетъ этого и ограничивается ощущеніемъ настоящаго. Ему неизвѣстенъ ужасный образъ смерти. У человѣка напротивъ. Ужели это счастье для человѣка—призракъ?

Наконецъ только одинъ человѣкъ способенъ къ такому познанію вселенной, при которомъ все, его окружающее, возбуждаетъ въ немъ жажду безсмертія. Безпредѣльныя небесныя пространства, предъ которыми наша земля есть только малая песчинка, устремляютъ мысль и взоръ его въ безконечную даль и пробуждаютъ въ немъ чувство недовольства землею и земными наслажденіями. Безчисленные образы смерти и возрожденія поселяютъ въ немъ предчувствіе такого же возрожденія и для своей души въ будущей жизни. Это чувство, общее между всѣми народами, превращается при старости въ пламенное и неодолимое желаніе продолженія бытія.

Всѣ эти преимущества были бы жестокостію, а не милостію со стороны Творца, если бы не было другой жизни, гдѣ эта дисгармонія разрѣшится въ гармонію, и свойства, отличающія человѣка отъ животныхъ, получатъ свое полное значеніе.

Если мы посмотримъ на продолженіе нашей жизни отъ рожденія до смерти: то увидимъ, что здѣсь часто встрѣчаются противорѣчія съ свойствами Божественнаго правосудія и благости. Подлѣ счастья вездѣ видимъ скорби; то физическія бѣдствія: бури, землетрясенія, моровыя язвы, болѣзни изнурительныя втеченіе мѣсяцевъ и лѣтъ; то душевныя: заботы, лишенія, огорченія—это ли человѣческое счастіе? Подлѣ совершенства повсюду видимъ недостатки и несовершенства, подлѣ

добра и высокихъ подвиговъ добродѣтели — зло, преступленія, слабости, паденія; въ исторіи представляются цѣлые періоды нравственнаго упадка. Наконецъ цѣлые народы влачатъ несчастную полуживотную жизнь. Но если и видимъ добро и нравственный подвигъ, то не видимъ соразмѣрности между степенью нравственнаго совершенства и внѣшняго благосостоянія. Честные труженики почти всегда суть рабы заботъ, напротивъ безчестные или неподнимающіе перста для добраго дѣла живутъ привольною жизнію. Говорятъ, что въ душѣ находятся довольство и наказаніе каждому по мѣрѣ его добрыхъ желаній и труда, не смотря на внѣшнюю видимость, которая можетъ не представлять этой соразмѣрности нравственнаго совершенства и воздаянія.

Но у скольких людей совѣсть неразвита, а у преступниковъ часто совсѣмъ заглушена? Съ другой стороны скорби и лишенія часто колеблютъ самыя праведныя души—доводятъ до печальныхъ слѣдствій.

Всѣ эти загадки разрѣшаются только вѣрою въ личное безсмертіе. Когда мы вѣруемъ, что земная жизнь не есть сама для себя цѣль, но средство для высшей цѣли: то всѣ противорѣчія разрѣшаются легко.

Къ этому же порядку мыслей относится и знаменитое Кантово доказательство безсмертія души. Безсмертіе души, какъ и бытіе Божіе, есть постулятъ практическаго разума.—Основное условіе высочайшаго блага есть полная сообразность воли съ нравственнымъ закономъ, или святость: это требованіе практическаго ума. Но въ жизни человѣка, какъ существа не только разумнаго, но и чувственнаго, нельзя указать никакого періода времени, когда онъ дѣйствительно его достигъ. Между тѣмъ это практически необходимо и нравственный

законъ не можетъ требовать невозможнаго. Слѣдовательно, если это возможно подъ какими либо другими условіями, то мы должны допустить непремѣнное выполненіе этихъ условій, но если ни въ какой періодъ нашего бытія нельзя указать такого времени, то остается одно—осуществленіе его въ безконечное время. И потому для всякаго мыслящаго существа необходимо допустить реальность этого (выполненіе этого условія) по требованію практическаго ума. Но этотъ безконечный прогрессъ возможенъ только съ предположеніемъ безконечно продолжающагося бытія и личности того же разумнаго существа. И такъ вѣра въ безсмертіе есть необходимый постулятъ практическаго ума, необходимое предположеніе для осуществленія высшаго блага.

Разбирая научнымъ образомъ эти доказательства, мы должны сознаться, что они имѣютъ высокую силу убѣжденія, но скептицизмъ и ихъ не щадитъ, потому что имъ недостаетъ полной объективной достовѣрности. Вся сила ихъ основывается на личныхъ началахъ, на нуждахъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ нашей души; и чѣмъ выше сила этихъ послѣднихъ, тѣмъ выше степень основывающихся на нихъ доказательствъ. Но желаніе все таки отается желаніемъ, и мы не можемъ съ полной достовѣрностію сказать, чтобы дѣйствительно существовало то, чего такъ пламенно ищетъ наше сердце.

Такое же значеніе имѣетъ Кантово доказательство безсмертія, основанное на необходимости исполненія нравственнаго закона. Если мы сами себѣ даемъ законъ (автономію разума), то ничто не обязываетъ насъ къ исполненію его, по крайней мѣрѣ ничто не ручается за безсмертіе, какъ единственное условіе выполненія его. Впрочемъ эти доказательства, не имѣя строгой силы

научныхъ доказательствъ, тѣмъ не меньше имѣютъ полную силу, какъ основанія для вѣры въ безсмертіе, утверждающейся на идеѣ всеблагаго и всемогущаго Существа, сотворившаго міръ и въ немъ разумныя существа, предназначенныя къ тому, чтобы искать Его и въ познаніи Его находить свое счастіе. Разсмотрѣніе жизни человѣческой души даетъ новую опору этой вѣрѣ и новую силу доказательствамъ безсмертія человѣческой души.

3) Здѣсь мы встрѣчаемся со взглядами 1, матеріалистовъ и 2, спиритуалистовъ.

Первые утверждаютъ, что человѣческая душа есть произведеніе (продуктъ) его тѣлесной организаціи, точно такъ, какъ звукъ флейты есть произведеніе особеннаго устройства, прекрасное впечатлѣніе картины есть продуктъ вещественнаго сочетанія матеріальныхъ частицъ, жизнь дерева—продуктъ его особеннаго устройства. Но тѣлесный составъ разрушается, слѣдовательно и душа, какъ продуктъ его, также разрушается. Древнѣйшую форму этого воззрѣнія вмѣстѣ съ разборомъ его мы находимъ у Платона въ Ѳедонѣ, прекраснѣйшемъ памятникѣ древности.

Гармонія отъ настроенной лиры, — говоритъ одинъ изъ участниковъ предсмертной бесѣды Сократа съ друзьями, Симміанъ,—есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, нѣчто прекрасное и божественное, а самая лира и струны суть тѣла, предметы тѣловидные, сложные и сродные смерти. И такъ что еслибы кто разбилъ лиру и перерѣзалъ, либо изорвалъ струны, а другой сталъ бы доказывать, что та гармонія не уничтожилась, но непремѣнно существуетъ? Ибо никакъ невозможно, чтобы лира съ изорванными струнами и смертовидныя стру-

ми еще существовали, а гармонія, однородная съ божественнымъ и подобная безсмертному, погибла прежде смертнаго? Что еслибы кто сказалъ, что гармонія должна продолжать свое бытіе, что прежде должно сгнить дерево и струны, нежели испытать что нибудь гармонія? Ты, Сократъ, думаю и самъ знаешь, какъ мы большею частію разумѣемъ душу. Тѣло наше какъ будто натянуто и держится теплотою и холодомъ, сухостію и влажностію и такъ далѣе; а душа есть смѣшеніе и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и мѣрнаго соединенія ихъ между собою. Ежели душа есть гармонія, то явно, что съ нѣкоторымъ ослабленіемъ нашего тѣла или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золъ, она, несмотря на свою божественность, должна уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, напримѣръ, въ звукахъ и во всѣхъ произведеніяхъ художниковъ, между тѣмъ какъ остатки каждаго тѣла могутъ сохраниться долгое время, пока не сгорятъ или не сгніютъ (¹). По этому представленію души, какъ гармоніи тѣла, душа должна разрушиться, какъ скоро разрушится тѣло.

Но противъ него говоритъ разность природъ души и тѣла. Мы не видимъ нигдѣ въ опытѣ, чтобы тѣлесное производило духовное и къ духовному вообще неприложима мѣра или норма тѣлеснаго, (величина, вѣсъ, цвѣтъ, тоны, совокупленіе, гармонія) „Если особенное сопряженіе вещества порождаетъ то, что мы называемъ духомъ—говоритъ Лордъ Брумъ въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ о естественномъ Богословіи (Discours sur la

(¹) Сочиненія Платона, переведенныя Карповымъ, ч. II. Федонъ, стр. 100.

Theologie naturelle)—то это производство единственное въ своемъ родѣ и безпримѣрное. Нѣтъ другаго подобнаго случая; мы не знаемъ, чтобъ гдѣ нибудь соединеніе извѣстныхъ стихій производило нѣчто совершенно отличное не только отъ каждой изъ составныхъ частей, но и отъ цѣлаго состава. Смѣшавъ кислоту со щелочью, мы можемъ образовать третье тѣло, лишенное качествъ той и другой и имѣющее свои собственныя качества; но здѣсь третье тѣло состоитъ изъ соединенія двухъ другихъ. Тутъ не двѣ вещи, не два различныя существа—соль, составленная изъ кислоты и щелочи, и что то другое, непохожее на соль и порождаемое въ первый разъ при образованіи этой соли. Такъ, когда мраморъ оживаетъ подъ рѣзцемъ художника, онъ является въ новомъ видѣ, одаренный способностію производить пріятное впечатлѣніе въ нашихъ чувствахъ, въ памяти, въ воображеніи; однакожъ онъ все таки мраморъ; мы видимъ прекрасную и выразительную фигуру вмѣсто безформенной толщи, но видъ, приданный этому камню, не произвелъ никакого другаго вещества. Матеріалисты же должны утверждать, что при устроеніи вещества особеннымъ образомъ происходитъ и организованное тѣло и нѣчто различное отъ него, не имѣющее никакихъ его свойствъ, ни размѣра, ни цвѣта, ни вѣса, ни очертанія. Они должны утверждать, что химикъ, смѣшавшій крѣпкой водки съ поташемъ, произвелъ селитру и что-то еще совершенно отличное отъ этихъ трехъ тѣлъ, начавшее существовать съ той самой минуты, какъ сверновалась селитра; и что ваятель, который изобразилъ Аполлона, не только придалъ мрамору человѣческую наружность, но вызвалъ къ бытію что-то совершенно различное съ мраморомъ и статуею, суще-

ствующее въ одно время съ ними, но не имѣющее ни одного изъ свойствъ“.

Если бы душа была только произведеніемъ тѣла, то не было бы различія между нравственнымъ и безнравственнымъ, между добродѣтелію и порокомъ; вообще уничтожились бы нравственныя отношенія въ человѣческой жизни, потому что они превратились бы въ естественныя состоянія или слѣдствія организаціи человѣка совершенно такія же, какъ его здоровье и болѣзнь, правильныя и болѣзненныя отправленія его физіологическихъ процессовъ. Сократъ, отвѣчая на возраженіе Симміаса (въ Федонѣ), спрашиваетъ: „какъ ты думаешь, Симміасъ? Кажется ли тебѣ, что гармонія или другое какое сочетаніе должны находиться въ состояніи отличномъ отъ состоянія частей, входящихъ въ сочетаніе? Не кажется. Значитъ первыя (гармонія, душа) и дѣйствуютъ и страдаютъ только такъ, какъ дѣйствуютъ и страдаютъ послѣднія (тѣлесныя сочетанія)? Да. Посему гармоніи остается не управлять тѣми началами, изъ которыхъ она образуется, а слѣдовать имъ. Согласенъ. Значитъ гармонія никакъ не можетъ находиться въ движеніи, издавать звуки, вообще проявляться иначе вопреки частямъ своимъ. Конечно не можетъ. Но что? Всякая гармонія не такъ ли есть гармонія, какъ бываетъ настроена? Я не понимаю этого. Если, то есть, строй выше и болѣе, какъ только позволяетъ инструментъ: то не ниже ли и не менѣе ли проявляется и гармонія? Конечно. А можно ли сказать это о душѣ? Можно ли утверждать, чтобы одна душа, хотя самомалѣйшимъ образомъ, имѣла болѣе и въ большей степени, или менѣе и въ меньшей степени, нежели другая душа того, что составляетъ душу? Никакъ нельзя. Хо-

рошо, продолжалъ Сократъ; скажи же теперь, ради Зевса, не говорятъ ли, что иная душа отличается умомъ, добродѣтелію, благостію, а другая безуміемъ, порочностію, зломъ и несправедливо ли говорятъ это? Конечно справедливо. Итакъ если душу называютъ гармоніей, то чѣмъ почитаютъ упомянутыя добродѣтели? Не иною ли гармоніею и дисгармоніею? Когда, то есть, душа настроена, то бываетъ доброю и въ своей гармоніи заключаетъ другую гармонію; а когда она не настроена, то (въ своей природной гармоніи) другой гармоніи не имѣетъ. Не знаю, что сказать на это, отвѣчалъ Симміасъ. —Однако человѣкъ слѣдующій такому предположенію очевидно долженъ былъ сказать нѣчто подобное. Впрочемъ мы еще прежде согласились, что одна душа не можетъ быть ни больше, ни меньше другой души, а это значитъ, что одна гармонія не выше и небольше и не ниже и не меньше другой? И такъ если одна душа не больше и не меньше другой души обладаетъ тѣмъ, что составляетъ душу, то одна настроена не больше и не меньше другой? Такъ. Находясь же въ такомъ состояніи одна не можетъ имѣть гармоніи и дисгармоніи больше, нежели другая? Конечно. Находясь въ такомъ состояніи будетъ ли одна причастна злу и добродѣтели, гармоніи и дисгармоніи больше, нежели другая? Никакъ небольше. Такъ вотъ безъ сомнѣнія вѣрное заключеніе, Симміасъ, что никакая душа не причастна злу, какъ скоро душа есть гармонія; ибо гармонія, оставаясь гармоніей, не можетъ вмѣщать въ себѣ дисгармонію. Конечно не можетъ. Значитъ и душа, оставаясь душею, не вмѣщаетъ въ себѣ зла. Да, изъ нашего разсужденія слѣдуетъ, что души всѣхъ живыхъ существъ равно добры, если онѣ именно души.

Мнѣ кажется такъ, Сократъ. А хорошо ли, думаешь, утверждать подобное мнѣніе и дошло ли бы наше разсужденіе до такого заключенія, если бы предположеніе, что душа есть гармонія было справедливо? Никакъ не дошло бы, отвѣчалъ онъ".

Наконецъ, во всей жизни души обнаруживается независимость отъ тѣлесныхъ состояній и перемѣнъ. Душа и тѣло при всемъ внутреннемъ согласіи ихъ отправленій, живутъ каждое своею жизнію и стремятся по разнымъ направленіямъ къ разнымъ цѣлямъ.

„Изъ находящагося въ человѣкѣ, спрашиваетъ Сократъ, называешь ли ты господствующимъ что нибудь, кромѣ души, особливо, когда она благоразумна? Не называю, отвѣчаетъ его противникъ въ разговорѣ. А душа поблажаетъ ли пожеланіямъ тѣла или противится имъ? Разумѣю вотъ что. Когда напримѣръ мучитъ зной и жажда, то душа влечетъ иногда къ противному—не пить; а когда томитъ голодъ, то она побуждаетъ къ противному—не ѣсть. Видимъ много и другихъ примѣровъ, что она противится тѣлу. Или нѣтъ? Конечно видимъ. Однако не согласились мы прежде, что если душа есть гармонія, то она не можетъ разногласить съ тѣми составными частями, которыя сообщаютъ ей напряженность, ослабленіе, движеніе и все, свойственное имъ самимъ, и что она должна не управлять, а управляться имъ? Какъ не согласиться. Чтожъ? А теперь она дѣлаетъ повидимому противное, и слѣдовательно управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, говорятъ, составлена; теперь она противостоитъ почти всему во всю свою жизнь и господствуетъ всячески, иногда строгими обузданіями и посредствомъ скорбей, напримѣръ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, либо въ врачебныхъ средствахъ, иногда

кроткими внушеніями, грозя пожеланіямъ, гнѣву и трусости и вразумляя ихъ такъ, какъ бы разговаривала съ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ себя, подобно Гомеру, который говоритъ объ Одиссеѣ:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло.

Думаешь ли, что Гомеръ сложилъ эти стихи, почитая душу гармоніей, управляемой пожеланіями тѣла? Не мыслилъ ли онъ напротивъ, что душа управляетъ и владычествуетъ ими и что она есть нѣчто гораздо божественнѣе гармоніи? Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, мнѣ кажется. Итакъ вовсе не хорошо намъ, почтеннѣйшій, называть душу гармоніей; иначе мы по всей вѣроятности не сойдемся съ Гомеромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою. Правда, сказалъ Симміасъ."

Но это доказательство безсмертія развито въ совершествѣ въ новое время въ рѣчахъ Брума.

„Перемѣны, говоритъ онъ, которымъ подвергается умъ въ своей дѣятельности, каждый испытываетъ и можетъ наблюдать въ самомъ себѣ. Сущность его одинакова, основное его свойство неизмѣнно; онъ никогда не теряетъ отличительныхъ особенностей, раздѣляющихъ его съ матеріей; онъ никогда не пріобрѣтаетъ ея качествъ, но онъ подвергается важнымъ перемѣнамъ и по времени и чрезъ упражненіе и обработку. Развитіе тѣлесныхъ силъ, повидимому, имѣетъ на него вліяніе, упадокъ тоже; но быть можетъ лучше было бы сказать, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, усовершенствованіе его несовременно съ ростомъ тѣла и упадокъ съ разстройствомъ тѣлесныхъ силъ послѣ долголѣтней жизни. По крайней мѣрѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію,

что умъ передъ глубокою старостію дѣлается болѣе здравымъ и бываетъ способенъ къ важнѣйшимъ дѣламъ еще лѣтъ тридцать по ослабленіи тѣла; что по большей части онъ не претерпѣваетъ никакого умаленія въ силѣ и лѣтъ десять послѣ того; что во многихъ случаяхъ и еще нѣсколько лѣтъ дряхлости не производитъ надъ нимъ никакого дѣйствія, и что иногда способности его остаются свѣжими до послѣдняго конца, переживъ почти совершенное тѣлесное истощеніе. Достовѣрно, что физическая сила, проворство, способность переносить усталь, словомъ, всѣ качества тѣла начинаютъ ослабѣвать съ тридцати лѣтъ, ни какъ не позже; однакожъ умъ быстро совершенствуется отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ, не претерпѣваетъ вовсе или почти никакого упадка до шестидесяти и потому при ослабленіи тѣла въ пятдесятъ восемь или пятдесятъ девять лѣтъ бываетъ лучше, чѣмъ за тридцать лѣтъ прежде, то есть, въ полномъ цвѣтѣ тѣлесныхъ способностей. Такъ же достовѣрно, что когда тѣло начинаетъ быстро дряхлѣть, между шестидесятымъ и семидесятымъ годомъ, у большинства людей умъ едва ли сколько нибудь утрачиваетъ своей силы; что до семидесяти пяти или семидесяти шести лѣтъ человѣкъ пользуется почти всѣми умственными способностями, тогда какъ лишь не многіе въ эти годы могутъ похвалиться чѣмъ нибудь болѣе остатковъ физической силы, и есть примѣры, что люди отъ восьмидесяти до девяноста лѣтъ и даже старѣе, когда тѣло едва можно назвать живущимъ, обладаютъ еще полною умственною дѣятельностію. Мы имѣемъ право заключить изъ этихъ фактовъ, что безъ какого нибудь необыкновеннаго и сокрушительнаго случая, какъ на примѣръ сильной болѣзни или пагубнаго за-

шибка, умъ съ тѣломъ слѣдуютъ въ жизни совершенно различными путями, и по большей части въ противоположныхъ направленіяхъ: сильное доказательство, что умъ не зависитъ отъ тѣла и что истребленіе его въ періодъ полной силы противно всякой аналогіи въ природѣ.

Но есть еще сильнѣйшій доводъ, получаемый самымъ строгимъ наведеніемъ изъ фактовъ. Тѣло постоянно подвергается перемѣнамъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Вѣроятно, ни въ одномъ двадцати-пятилѣтнемъ человѣкѣ нѣтъ ни единой частицы того тѣла, которое имѣлъ онъ десяти лѣтъ; тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобъ у него оставалась какая нибудь часть того тѣла, съ которымъ онъ родился. Все, принадлежавшее ему прежде, вошло теперь въ новыя соединенія, составило части другихъ людей или животныхъ, растеній или ископаемыхъ; точно такъ теперешнее его тѣло разложится въ новыя соединенія послѣ его смерти. Умъ между тѣмъ остается все одинъ и тотъ же безъ всякаго измѣненія. Никакая часть его не можетъ разложиться, потому что онъ единъ и цѣленъ и не измѣняется съ перемѣнами тѣла. Доводъ отнюдь не утратитъ своей силы, еслибъ и не захотѣли допустить, что тѣло подвержено такой полной перемѣнѣ, и предположили бы, что какая нибудь доля твердыхъ частей его остается при насъ во всю жизнь.

Но замѣтьте, какъ убѣдительны заключенія, выводимыя изъ этихъ фактовъ, въ доказательство совершенной независимости души отъ тѣла и вѣроятности, что она переживетъ эту оболочку! Если душа остается одна и таже, когда все или почти все тѣло измѣнилось, то слѣдуетъ, что бытіе души отнюдь не зависитъ отъ существованія тѣла, потому что она пережила уже совершенную его перемѣну, или, говоря общимъ языкомъ,

совершенное его истребленіе. Если сильнѣйшій, единственный доводъ въ пользу того мнѣнія, что душа погибаетъ съ тѣломъ можно почерпнуть только въ явленіяхъ смерти, то фактъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, служитъ на него отвѣтомъ. Доводъ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы не знаемъ ни одного случая, чтобъ душа существовала по смерти тѣла. Но здѣсь представляется такой случай; ибо явно, что тотъ же самый процессъ, который совершается надъ тѣломъ болѣе внѣзапно при смерти, происходитъ постепеннѣе, но такъ же дѣйствительно, какъ въ теченіе цѣлой жизни; и что самая смерть не болѣе разлагаетъ тѣло на стихіи и видъ его въ новыя соединенія, чѣмъ пятнадцать или двадцать лѣтъ жизни истребляютъ его такимъ же разложеніемъ и соединеніемъ. Однако по прошествіи этихъ лѣтъ и по разсѣяніи тѣла въ разные другіе виды, душа остается все по прежнему съ той же памятію, съ тѣмъ же сознаніемъ, съ той же личною тожественностію, какъ еслибъ тѣло вовсе не подвергалось никакой перемѣнѣ. Сказать, что у всѣхъ насъ, живущихъ въ настоящее время, тѣла составлены изъ того, что было нѣкогда тѣломъ нашихъ предковъ, отнюдь не правильнѣе, чѣмъ сказать, что нѣкоторые изъ насъ, достигшіе пятидесяти лѣтъ, имѣютъ тѣла, отчасти принадлежащія другимъ ихъ современникамъ одинаковаго съ ними или другаго возраста. Явленія точно тѣже, и процессы совершаются одинаково, хотя и не съ равной степенью быстроты. Всякій повѣрилъ бы отдѣльному существованію души, еслибъ узналъ изъ опыта, что она существуетъ врознь отъ тѣла. Но факты, на которые мы ссылались, доказываютъ, что она существуетъ отдѣльно отъ тѣла, съ которымъ была нѣкогда въ связи;

и хотя она соединяется потомъ съ другимъ, но такъ какъ она и съ нимъ неразлучна, то должно заключить, что она можетъ существовать вовсе отдѣльно и независимо отъ тѣла. Далѣе, всякій повѣрилъ бы, что душа переживаетъ тѣло, еслибъ, по смерти тѣла, существованіе ея могло быть очевиднымъ. Но тѣ же факты доказываютъ, что по смерти тѣла, то есть, послѣ хроническаго разложенія, которому подвергается оно во время жизни, душа продолжаетъ существовать, какъ и прежде. И такъ вотъ желанное доказательство, что душа существуетъ послѣ разложенія тѣлесной оболочки, съ которою она была связана. Ни какое здравое сужденіе не можетъ положить разности между двумя случаями, которые мы приводили, и потому этотъ доводъ—чистое наведеніе, полученное частію изъ наукъ физическихъ посредствомъ чувственныхъ впечатлѣній, частію изъ психологіи посредствомъ нашего сознанія внутренняго, доказываетъ несомнѣнность безсмертія души такъ же ясно, какъ еслибъ кто воскресъ передъ нами изъ мертвыхъ".

Можно представить это доказательство въ другомъ видѣ. Если душа смертна, то она или вдругъ уничтожается, переходитъ въ одинъ мигъ изъ бытія въ небытіе, или умираетъ постепенно, претерпѣвая, подобно тѣлу, различныя измѣненія, переходя изъ одного состоянія въ другое до тѣхъ поръ, пока утратитъ всѣ чувства человѣческой души и превратится во что нибудь другое: потому что и тѣло, послѣ безчисленныхъ измѣненій, теряетъ наконецъ видъ человѣческаго состава и превращается въ воздухъ, растенія, или даже въ части какого нибудь животнаго.

На первое можно сказать, что въ природѣ ни что

не уничтожается, потому что между бытіемъ и небытіемъ находится неизмѣримая бездна, которую природа не въ силахъ перешагнуть. Но впрочемъ вообразимъ себѣ, что оно возможно и потомъ посмотримъ: когда, въ какое время душа должна исчезнуть и не въ то ли мгновеніе, какъ она отрѣшится отъ тѣла, то есть, въ минуту смерти? Но мы знаемъ, что нѣтъ такого мгновенія, когда бы можно было сказать: теперь животное умираетъ. Разрушеніе тѣлесной организаціи начинается гораздо прежде, нежели мы можемъ это замѣтить; потому что въ самомъ образованіи животныхъ тѣлъ заключены уже такія противодѣйствующія силы, которыя безпрестанно стремятся къ разрушенію цѣлаго. Это разрушительное вліяніе увеличивается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣйствующія силы тѣлесной организаціи не потеряютъ своего общаго направленія, и пока каждая изъ нихъ не станетъ дѣйствовать особенно: тогда тѣлесный составъ разрушается. Но все это происходитъ съ такой постепенностію, и въ такомъ безпрерывномъ порядкѣ, что каждое измѣненіе, происшедшее въ тѣлесномъ составѣ, столь тѣсно соединено съ предыдущимъ и послѣдующимъ измѣненіями, что можетъ быть названо слѣдствіемъ предыдущаго и причиною послѣдующаго измѣненія. Слѣдовательно, если мы предположимъ, что смерть тѣла должна быть и смертью души, то намъ также невозможно будетъ означить мгновенія, въ которое и душа умираетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ дѣйствія силъ тѣлеснаго организма перестаютъ стремиться къ одной общей цѣли, должна и душа постепенно ослабѣвать въ своихъ силахъ и своей внутренней дѣятельности.

Но что силы души не исчезаютъ постепенно, подобно тѣлеснымъ, это мы доказали въ предыдущемъ разсуж-

денія. И такъ мы должны заключить, что душа наша если не перестаетъ жить во время болѣзней и постепеннаго разрушенія тѣла, такъ не прекратитъ своей жизни и послѣ его смерти, но будетъ обладать мыслящей силой, свободою независимаго духа и чувствами любящаго сердца.

Мы здѣсь встрѣчаемъ сомнѣніе: можетъ ли духъ нашъ безъ чувственныхъ впечатлѣній получать понятія? Но изъ чего мы заключаемъ, что это невозможно? Изъ того, что въ этой жизни не можемъ получить безъ нихъ понятій? Но какое мы имѣемъ право простирать такой опытъ за рубежъ этой жизни? Если бы младенецъ могъ разсуждать въ утробѣ матерней, то могъ ли бы онъ увѣриться, что и онъ будетъ жить нѣкогда иною болѣе свободною жизнію и не вздумалъ ли бы онъ также выводить своихъ заключеній о невозможности этого изъ условій его настоящей, утробной жизни? Но лучше ли поступаемъ и мы, когда, находясь въ тѣсныхъ предѣлахъ этой жизни, дерзаемъ судить о томъ, что доступно или недоступно намъ въ томъ бытіи, которое ожидаетъ насъ за гробомъ? Одинъ взглядъ на неисчерпаемое разнообразіе творенія можетъ убѣдить насъ въ неосновательности такихъ заключеній. Гомеръ справедливо заставляетъ своего героя восклицать:

Боги! такъ подлинно есть въ Аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный.

Основанія *спиритуалистическаго* взгляда мы изложили уже въ разборѣ возраженій противъ безконечной жизни человѣческой души, представляемыхъ матеріалистами. Впрочемъ мы не откажемся здѣсь собрать черты этого взгляда въ ихъ положительной формѣ въ надеждѣ еще болѣе подкрѣпить выводы, сдѣланные нами въ опро-

верженіе матеріалистическихъ понятій, и отстранить тѣ особенныя возраженія, какія представляются противъ этого взгляда.

Душа человѣческая есть начало совершенно противоположное тѣлу, нематеріальное и простое; слѣдовательно не только не можетъ быть раздѣлена на части, но должна продолжать свое собственное (специфическое) бытіе. Его могло бы уничтожить или прекратить одно только всемогущество Божіе: но мы не можемъ ожидать этого отъ премудраго и всеблагаго Существа; это прямо противорѣчитъ идеѣ Божества.

Противъ этого возражаютъ, что душа человѣческая не имѣетъ внѣшней количественности, сложности частей, лежащихъ внѣ и подлѣ одна другой, не имѣетъ величины пространственной внѣшней (экстенсивной), но можетъ быть величиною интенсивной, то есть, имѣть различныя степени энергіи, слѣдовательно различную реальность въ отношеніи къ своимъ силамъ. Силы ея могутъ ослабѣвать, упадать и если не чрезъ дѣленіе, то черезъ постепенное умаленіе, сила ея можетъ дойти до нуля. Такъ, напримѣръ, наше сознаніе имѣетъ извѣстную, опредѣленную степень силы или ясности; къ старости оно постепенно угасаетъ, потухаетъ, ослабѣваетъ: слѣдовательно можетъ и совсѣмъ погаснуть. Тоже самое можетъ быть и съ прочими силами души. Но степень силы, энергіи и степень реальности суть двѣ различныя вещи. Въ первомъ отношеніи сознаніе можетъ повышаться и понижаться, но основаніе его — наша внутренняя жизнь не перестаетъ существовать даже тогда, когда сознательность нашихъ понятій, желаній и расположеній понизится до послѣдней степени, какъ это видно изъ воспоминанія представленій, продолжительно-

сти склонностей и движеній чувства, которыя мы считали уже уничтоженными въ нашей душѣ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ образованный, развитый живетъ болѣе полною жизнію, нежели дитя или человѣкъ неразвитый. Если мы отдѣлимъ то, что характеризуетъ жизнь человѣка развитаго, и оставимъ только общее у него съ дитятей, то у послѣдняго мы увидимъ высшую степень слабости, силы еще неразвитыя, но все же это есть сущность, имѣющая свой опредѣленный характеръ и относительно высокую степень силы и энергіи.

Единство,—возражаютъ еще,— на которомъ спиритуалисты основываютъ свои доказательства, конечно составляетъ существенную форму жизни нашей души; но мы не знаемъ ни его начала, ни характера. Это ни что иное, какъ единство сознанія, лежащаго въ основаніи воспринимающей или мыслящей силы, слѣдовательно оно чисто субъективнаго происхожденія и потому несправедливо усвояютъ его самой субстанціи, переносятъ на душу. Конечно, это неотразимо по самой природѣ нашего представленія, такъ какъ для него необходима форма, и притомъ двоякая (чистаго воззрѣнія и категорій); но тѣмъ не менѣе, оно не есть свойство предмета, а форма мышленія или представленія.

Если бы это возраженіе (Канта) было справедливо; то мы о существѣ нашей души не имѣли бы никакого понятія и слѣдовательно разрѣшеніе вопросовъ ума о природѣ вещей на этомъ основаніи было бы невозможно. Между тѣмъ психологическій анализъ душевныхъ дѣйствій открываетъ намъ, что въ каждомъ нашемъ представленіи основаніе его составляетъ предметъ (представляемое) и что въ этомъ случаѣ въ наше представленіе не входитъ ничего, что могла бы привнести съ

собою мысль о единствѣ или субстанціональности представляющей силы; слѣдовательно, если мы ихъ представляемъ, то они имѣютъ въ нашей душѣ объективное начало.

Но что же слѣдуетъ отсюда для разрѣшенія нашей задачи?

Душа есть существо не матеріальное, слѣдовательно ни одна изъ категорій матеріальнаго бытія къ ней не примѣнима. Душа представляетъ внутренее единство всѣхъ своихъ дѣйствій, силъ, явленій. Все, что въ ней образуется, не отвнѣ приходитъ, а есть только внутреннее распространеніе ея прежнихъ силъ и связей. Это не тоже, что внутреннее единство тѣла, гдѣ матерія постоянно измѣняется, но сохраняется только формальное единство тѣлесной жизни. Напротивъ здѣсь сохраняются всѣ основанія душевной жизни, сберегаются всѣ, такъ сказать, элементы души, какъ показываетъ воспоминаніе.

Съ этими свойствами нематеріальности и единства соприкосновенны два другія: простота и недѣлимость ея существа. Ихъ часто смѣшиваютъ съ первыми, но они различны отъ нихъ, и по отношенію къ нашей задачѣ даютъ совсѣмъ другіе выводы. Часто душѣ приписываютъ простоту и неправильно изъясняютъ ее такъ, будто во всякое мгновеніе душа можетъ совершать и сознавать только одно дѣйствіе. Опроверженіе этого можно найти почти во всякомъ актѣ душевной жизни. Но если не принимать простоту за одно съ нематеріальностію; то что же она такое, это понять весьма трудно тѣмъ болѣе, что мы знаемъ, что въ самой бѣдной душѣ есть сотни тысячъ представленій, чувствованій, желаній. Конечно всѣ они составляютъ одно бытіе,

одну жизнь, одну субстанцію, но развиваются особенно: напр. въ это мгновеніе я имѣю одну мысль, въ слѣдующее—другую и такъ далѣе. Слѣдовательно мы должны допустить въ душѣ сложность, множество, но при единствѣ сознанія и при единствѣ сущности души. Что касается до недѣлимости души, то душа есть конечно существо единичное. Мы не можемъ представить ее дѣлимою, потому что не знаемъ ни одного опыта, который бы открылъ намъ возможность ея—чтобы напримѣръ чувство зрѣнія могло существовать безъ чувства слуха, мышленіе безъ воспоминанія, желанія безъ представленій. Даже тамъ, гдѣ по обыкновенному представленію и слововыраженію не достаетъ какого нибудь чувства, то недостаетъ, собственно говоря, не чувства, а только раздражительности этого чувства. Слѣпые имѣютъ темное представленіе объ ощущеніяхъ зрѣнія и вмѣстѣ нѣкоторое представленіе о видимомъ пространствѣ, но только не могутъ образовать изъ него ясныхъ представленій. У лишившихся зрѣнія образы, составлявшіеся изъ ощущеній зрѣнія, сохраняются. Слѣдовательно наша душа всегда представляетъ цѣлость и полное единство своихъ основныхъ силъ. Дѣлимости, отдѣльнаго существованія ихъ, однихъ безъ другихъ, мы не можемъ представить. Но могутъ возразить, что нельзя же представлять недѣлимость души безусловною при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ думать, что все, что произошло или образовалось въ душѣ въ теченіе времени, не можетъ быть тѣмъ же путемъ и разрушено? Слѣдовательно по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи можно допустить дѣлимость души? Правда, если мы пойдемъ этимъ путемъ, то придемъ не къ небытію, не къ положительному ни-

тожеству, но въ реальному, къ тому, что было первоначально подъ формою единства, къ основанію душевныхъ силъ, къ субстанціи души. Но въ этомъ случаѣ душа обратилась бы въ свое первоначальное состояніе, въ какомъ она находилась при началѣ развитія и слѣдовательно потеряла бы всѣ плоды этого развитія. Она могла бы снова начинать земную жизнь или какую угодно другую, хотя и при другихъ условіяхъ: но во всякомъ случаѣ это продолжающееся бытіе уже не было бы продолженіемъ нашего бытія и потому съ этой стороны о безсмертіи не могло бы быть и рѣчи.

Напротивъ когда мы говоримъ о безсмертіи, то желаемъ продолженія жизни на теперешнемъ основаніи нашего бытія, чтобы ничего не было разрушено, выдѣлено изъ нашей души, изъ нашихъ мыслей, изъ нашихъ чувствованій, изъ нашихъ воспоминаній. Но очевидно, что этого нельзя доказать съ точки зрѣнія отвлеченныхъ психическихъ отношеній. Личность человѣка есть совмѣстный продуктъ основаній нашей душевной жизни со всѣми окружающими насъ образовательными условіями и отношеніями во всей ихъ особенности и своеобразности для каждаго человѣка. Слѣдовательно когда дѣло идетъ о личномъ безсмертіи, то мы должны обращаться къ душевному образованію, какъ оно является въ опытѣ, и наблюдать, какъ наша душевная жизнь мало по малу развивается, растетъ, крѣпнетъ, перерабатываетъ и усвояетъ внѣшнія впечатлѣнія и вводитъ ихъ въ разнообразныя сочетанія. И наблюденіе душевной жизни убѣждаетъ насъ, съ этой стороны, въ истинѣ безсмертія самымъ очевиднымъ образомъ.

Душевная и тѣлесная сторона человѣка въ первую

половину ихъ жизни представляютъ полную параллель и очень близкое сходство. Тѣло растетъ, какъ всякій живой организмъ, достигаетъ зрѣлости, потомъ склоняется постепенно къ старости и наконецъ умираетъ. Въ первый періодъ жизни силы его постепенно увеличиваются до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ высшей степени своего развитія или полной зрѣлости; за тѣмъ во второй постепенно упадаютъ до тѣхъ поръ, пока не истощится весь ихъ запасъ и не наступитъ смерть, разрѣшающая тѣло на его составныя части. Это общій законъ чувственной жизни, изъ подъ котораго не можетъ освободиться ни одинъ живой организмъ. На первый взглядъ и душевная жизнь слѣдуетъ тому же закону. Душа ребенка также молода и свѣжа, какъ его тѣло. Душа юноши становится богаче силами, знаніемъ и опытомъ. Свѣжія силы его ищутъ простора, ловятъ на лету встрѣчныя впечатлѣнія, легко подвижны и нескоро утомляются, а утомившись легко опять возстановляются. Душевная зрѣлость повидимому совпадаетъ съ зрѣлостію физическою, когда тѣло ужъ не ростетъ и не развивается больше, а только пріобрѣтаетъ силу и крѣпость, и когда утрата и обновленіе находятся почти въ равновѣсіи. Наконецъ въ старости равновѣсіе между утратою и обновленіемъ нарушается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевныя силы ослабѣваютъ. Въ физическомъ отношеніи всѣ части тѣла теряютъ свою пластичность и подвижность; органы отвердѣваютъ, мышцы дѣлаются волокнистыми; хрящи костенѣютъ, кости изъ губчатыхъ дѣлаются сплошными, твердыми массами, тежду тѣмъ, какъ ихъ кровяные сосуды уменьшаются въ объемѣ или вовсе изчезаютъ. Стѣнки артерій, относящихъ кровь отъ сердца, твердѣютъ и утрачива-

ютъ свою сократительность, между тѣмъ какъ вены, приносящія кровь къ сердцу, становятся шире и растяжимѣе; испарина почти прекращается, кожа дѣлается жесткою, сухою, морщинистою. Мышечная система ослабляется до того, что становится почти безполезной. Человѣкъ прежде сильный сгорбливается; на ходу спина сильно гнется и помощь палки становится необходимою, чтобы удерживать тѣло въ равновѣсіи. Вмѣстѣ съ этимъ у стариковъ ослабѣваютъ память и воображеніе; желанія дѣлаются мало по малу ограниченнѣе и наконецъ совершенно притупляются. Дѣйствительность теряетъ для нихъ свою привлекательность. Ихъ мысль и любовь обращаются къ старому, какъ къ лучшему идеалу жизни. Однимъ словомъ, они также, повидимому, состарѣлись по душѣ, какъ и по тѣлу. Но если всмотрѣться ближе, то эта параллель окажется не совсѣмъ точною. Положимъ, нельзя не признать, что душевная жизнь распадается, какъ бы на двѣ половины, изъ коихъ каждая имѣетъ свой особый характеръ. Первая половина занята, такъ сказать, собираніемъ впечатлѣній, матеріаловъ для душевнаго образованія и отдана болѣе внѣшней дѣятельности. Вторая напротивъ при несравненно меньшей воспріимчивости ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, посвящена болѣе внутренней ихъ переработкѣ. Первая запечатлѣна характеромъ не ясныхъ и неопредѣленныхъ надеждъ, обширныхъ замысловъ и плановъ, которые мы надѣемся легко исполнить, желаній, которыя мы думаемъ осуществить. Вторая напротивъ обозначается характеромъ установившихся понятій, правилъ, принятыхъ за руководство въ жизни; болѣе или менѣе опредѣленная дѣйствительность заступаетъ мѣсто надеждъ, желанія становятся умѣрен-

нѣе, требованія неприхотливѣе, человѣкъ становится сосредоточеннѣе, внимательнѣе къ самому себѣ; углубляется болѣе въ себя, нежели открывается для внѣшнихъ впечатлѣній; радужные цвѣта, покрывавшіе предстоящую жизнь, разрѣшаются въ одинъ простой, бѣлый цвѣтъ яснаго и спокойнаго созерцанія. Въ этомъ равновѣсіи мысли съ дѣйствительностію проходитъ значительная половина жизни, сопредѣльная съ смертію. Къ старости человѣкъ еще болѣе погружается въ себя, становится замкнутѣе и какъ бы ограниченнѣе. Его не занимаютъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде, никакія радости, даже самыя чистыя, никакія событія, даже самыя неожиданныя. Случается, что въ старости человѣкъ впадаетъ въ нѣкоторую слабость, обнаруживающуюся неподвижностію мысли, потемнѣніемъ сознанія и потерею воли. Все это въ разной степени составляетъ постепенное видоизмѣненіе второй половины жизни.

Когда оканчивается первый періодъ и начинается другой, нельзя опредѣлить съ точностію, потому что эта перемѣна не связана съ лѣтами, а зависитъ отъ условій и опытовъ личной жизни каждаго человѣка. Для одного этотъ переходъ совершается раньше, для другаго позже, точно такъ, какъ и физическая зрѣлость наступаетъ не въ одно для всѣхъ время. Есть люди, которые всю жизнь остаются, такъ сказать, въ первой ея половинѣ, смотрятъ на вещи чужими глазами, живутъ по чужимъ правиламъ, или, однимъ словомъ, руководствуются не собственною мыслію, а внѣшними впечатлѣніями. Но, оставляя въ сторонѣ эти разности личнаго образованія, мы обращаемся къ важному для насъ вопросу: какого рода этотъ второй періодъ жи-

зни? Если это періодъ слабости, то за нею должно слѣдовать разрушеніе, потому что всякое ослабленіе оканчивается разрушеніемъ, смертію. Если же это періодъ возрастанія и силы, то какъ объяснить это видимое противорѣчіе явлений его съ тѣмъ, что представляютъ намъ невеселыя картины старческаго безсилія и одряхлѣнія?

Точное наблюденіе надъ душевною жизнію даетъ намъ ключь къ разрѣшенію этого противорѣчія. На основаніи опыта мы считаемъ аксіомой, непреложнымъ закономъ душевной жизни, что изъ души ничто не пропадаетъ, что̀ образовалось въ ней съ совершенствомъ. Всякое новое ея пріобрѣтеніе, увеличивая запасъ ея понятій и кругъ ея опыта, въ тоже время увеличиваетъ ея силу. Но чѣмъ больше расширяется и усложняется душевное образованіе, тѣмъ больше притупляется впечатлительность ко внѣшнему міру и стремленіе къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Мысль, легко обнимающая и усвояющая тысячи разнообразныхъ предметовъ, мало по малу теряетъ свою быстроту, но за то становится полнѣе, глубже и отчетливѣе. Воображеніе и память слабѣютъ, но разсудокъ крѣпнетъ, чувство становится не такъ порывисто, воля пріобрѣтаетъ болѣе устойчивости. Въ этой-то сосредоточенности человѣка и заключается причина тѣхъ явленій, которыя поверхностному наблюдателю кажутся какъ бы упадкомъ душевной силы. Всякая мысль сопоставляется въ душѣ со множествомъ другихъ мыслей, со всѣмъ порядкомъ и строемъ нашего душевнаго образованія, всякій поступокъ и всякое дѣйствіе обсуживаются со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ со стороны побужденій и со стороны слѣдствій, какія

изъ нихъ могутъ произойти, всякое чувство умѣряется и охлаждается опытностію жизни.—Все это, упрочивая и возвышая наше духовное богатство, въ тоже время ослабляетъ въ насъ впечатлительность ко внѣшнему міру, къ явленіямъ окружающей дѣйствительности и закрываетъ для насъ одинъ изъ источниковъ образованія— внѣшній міръ съ его богатымъ разнообразіемъ. Присовокупите къ этому постепенный упадокъ тѣлесныхъ органовъ чувственнаго воспріятія, съ которымъ также мало по малу заграждается намъ путь къ внѣшнему міру, въ слѣдствіе чего душа также обращается къ себѣ самой, къ богатству, собранному ею въ прежнее время жизни. Но тоже наблюденіе показываетъ намъ, что наши душевные образы— наши мысли, понятія, правила, весь опытъ нашей жизни какъ бы ни были свѣтлы и прекрасны сами по себѣ, но обнаруживаются и открываются только тогда, когда ихъ вызываетъ и какъ бы пробуждаетъ что нибудь извнѣ. Тысячи, можетъ быть, прекрасныхъ вещей лежатъ въ глубинѣ души, и мы какъ бы забываемъ о существованіи ихъ до тѣхъ поръ, пока что нибудь не вызоветъ ихъ къ новой жизни. Поэтому когда чувства наши мало по малу ослабѣваютъ и закрываются, когда притокъ внѣшнихъ впечатлѣній умаляется, когда мы сосредоточиваемся въ себѣ, погружаемся въ глубь нашей души и замыкаемся, отъ внѣшняго міра, то сознаніе наше постепенно гаснетъ и наконецъ почти совершенно погасаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отъемлются у души ея пріобрѣтенія. Все, что она пріобрѣла, опытомъ долгой жизни, составляетъ ея неотъемлемую собственность, которая останется при ней на всю вѣчность. Когда душа вступитъ въ новый міръ, чего мы надѣемся и что со-

ставляетъ предметъ нашихъ пламенныхъ желаній и религіозной вѣры, и когда откроется для нея источникъ сознанія въ новыхъ впечатлѣніяхъ; то вмѣстѣ съ тѣмъ начнется для нея, на прежнихъ основаніяхъ ея духовнаго развитія, новая жизнь и ея богатства засіяютъ новымъ блескомъ, какъ можно гадать объ этомъ даже по тѣмъ состояніямъ нашей теперешней жизни, когда какое нибудь новое и сильное впечатлѣніе, свѣтлая мысль, нравственное вліяніе одного человѣка на другаго озаряютъ новымъ свѣтомъ весь кругъ его представленій, и въ его же душѣ открываютъ или освѣщаютъ то, чего онъ прежде не видѣлъ и не предчуствовалъ, проливаютъ свѣтъ на его прошедшую и настоящую жизнь и возбуждаютъ нравственную энергію упавшаго духа до такой степени, что она становится способною къ совершенію величайшихъ подвиговъ и перенесенію величайшихъ трудовъ.

МИССІОНЕРСКАЯ ПОѢЗДКА

ТУРУХАНСКАГО ИГУМЕНА МИСАИЛА ВЪ 1788—1789 ГОДАХЪ.

(*Матеріалъ для исторіи сибирскаго миссіонерства въ XVIII столѣтіи*).

...Бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратіи (2 Кор. 11, 26): такова была обстановка благовѣстническаго служенія первыхъ проповѣдниковъ христіанской вѣры. Теперь уже нѣтъ ex officio—противниковъ благовѣстія Христова. Но и нынѣ на святой Руси, въ предѣлахъ государства съ господствующею православною вѣрою, съ православными миссіонерами случаются тѣже скорби, какія приходилось терпѣть и первопроповѣдникамъ Евангелія... Современные намъ миссіонеры не оглашаютъ печатно всѣхъ, встрѣчаемыхъ ими на пути ихъ служенія скорбей и препонъ, частію по скромности своей, частію „по не зависящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ," да не горше что будетъ... Когда минуютъ эти обстоятельства, истина сказаннаго вполнѣ откроется.

Обстоятельства эти миновали уже по крайней мѣрѣ для прошлаго столѣтія, но о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ въ концѣ прошлаго столѣтія мы такъ мало знаемъ. Между тѣмъ они не прекращались, какъ извѣстно, ни въ Европейской Россіи, ни въ Сибири.

Мы имѣли случай встрѣтить въ архивѣ томской кон-

систоріи отрывокъ изъ миссіонерскихъ извѣстій въ прошломъ столѣтіи на крайнемъ сѣверѣ восточной Сибири, и дѣлимся имъ съ читателями, которыхъ по праву интересуетъ исторія отечественнаго миссіонерства. Едва ли это будетъ не первый, извѣстный въ печати, опытъ миссіонерскихъ отчетовъ прошлаго столѣтія. Изъ него читатель может познакомиться съ трудностями и препятствіями миссіонерскихъ дѣйствій въ описанной мѣстности Сибири, имѣющими нѣкоторое приложеніе къ тѣмъ или другимъ мѣстностямъ сибирскимъ и въ наше время и вліяющими на развитіе и успѣхи миссіонерства сибирскаго... Это — огромность разстояній, суровость климата, дикость и безлюдность страны, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, незаконныя требованія отъ новокрещенныхъ со стороны мѣстнаго начальства, удерживающія язычниковъ отъ святаго Крещенія, и наконецъ всевозможныя притѣсненія, притязанія и клеветы въ отношеніи къ самимъ проповѣдникамъ отъ „крещеной“ земской власти.

Около 1788 года преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ тобольскимъ, игуменъ туруханскаго монастыря Мисаилъ назначенъ былъ проповѣдникомъ слова Божія по красноярской и туруханской округѣ (¹). Не знаемъ о подробностяхъ путешествія Мисаилова по красноярской округѣ. Изъ „дѣла“ видно только, что о. Мисаилъ совершилъ свою поѣздку, по крайней мѣрѣ, безъ тѣхъ препятствій, какія встрѣтили его еще до отъѣзда на миссіонерское дѣло по туруханской округѣ.

Въ 1788 году, о. игуменъ Мисаилъ долженъ былъ изъ своего монастыря отправиться внизъ по Енисею

(¹) Такъ называется въ Сибири уѣздъ.

до береговъ Ледовитаго моря по своей миссіонерской обязанности и, кстати, для заложенія новой церкви въ хатангскомъ погостѣ. По пріѣздѣ въ г. Туруханскъ онъ обратился въ земскій судъ съ просьбою о выдачѣ ему подорожной, и тутъ уже встрѣтилъ препятствіе! Крещеныя власти земскаго суда, вмѣсто должнаго содѣйствія, сочли за благо не дать о. Мисаилу возможности исполнить трудный и святой подвигъ. Онѣ съумѣли *подъискать* какой-то указъ, запрещающій обременять инородцевъ взиманіемъ у нихъ обывательскихъ подводъ безъ платы прогоновъ, несмотря на то, что о. Мисаилъ не былъ намѣренъ путешествовать безплатно, просилъ же подорожной только „ради свободнаго проѣзда.“ Въ подорожной о. Мисаилу земскій судъ отказалъ. Что оставалось ему дѣлать? Ѣхать ему для заложенія церкви и обращенія иновѣрцевъ „долгъ належалъ;“ отыскавъ попутчиковъ на нѣкоторое разстояніе, игуменъ Мисаилъ отправился изъ Туруханска водою внизъ по рѣкѣ Енисею. Но будемъ передавать исторію долгаго странствованія игумена Мисаила по возможности собственными словами его донесенія преосвященному Варлааму, не лишеннаго нѣкоторой оригинальности въ самомъ слогѣ.

Августа 20-го (1788 г.) игуменъ Мисаилъ „пустился“ отъ своего мѣста (изъ туруханскаго монастыря), взявши съ собою жившаго у прежняго игумена Ѳеофана при кельѣ Алексѣя Уксусникова, сына дьячка хантайскаго погоста Василья... По прибытіи въ Туруханскъ и по отказѣ (въ подорожной), поплылъ водою внизъ рѣки Енисея съ попутными людьми и приплылъ въ старой хантайской погостъ, разстояніемъ отъ г. Туруханска въ 400 верстахъ. Въ этомъ погостѣ имѣли домы

священники Сергій и Алексѣй Уксусниковы. Здѣсь захватила миссіонера осень, и онъ прожилъ тутъ четыре недѣли, ожидая зимняго пути.

Въ это время въ погостѣ сдѣлалися тягчайшія болѣзни, такъ что въ одномъ домѣ пять, въ другомъ семь человѣкъ померло; а въ иныхъ домахъ, гдѣ одинъ, гдѣ двое здоровыхъ было, а прочіе всѣ лежали больные. И еслибъ „не пригодились" тутъ олени отца упомянутаго Алексѣя Уксусникова; то и ѣхать далѣе не на чѣмъ стало бы. На этихъ оленяхъ Михаилъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Уксусниковымъ отправился въ хатангской погостъ „за тундру".

Ѣдучи туда не видалъ онъ лѣсу, кромѣ моху и не большой травки. Вскорѣ Енисей „отшибся" на сѣверъ; а ему трактъ на востокъ. И такъ пустымъ мѣстомъ, а не лѣснымъ, ѣхалъ пять дней. Для запасу же съ собою везъ ровдужной чумъ (¹), и для постановки его, гдѣ нужно, деревянные шесты, также желѣзную доску и дрова. Когда чумъ становить случалось, то по срединѣ чума кладется на той желѣзной доскѣ огонь, а подъ доскою бываютъ положены два толстыхъ полѣна, чтобы снѣгъ отъ огня не таялъ. Когда же случится быть вѣтру и *пургѣ* (²), оной чумъ вся надежда и оборона. Олени (тогда) отпускаются по тундрѣ *тебеневать* (копытами снѣгъ разбивая, кормиться); только они такъ привычны, что никогда вдаль не отходятъ.

По оной тундрѣ ѣдучи, стоялъ однѣ сутки за жуткою (?) погодою; но за помощію Всемогущаго Бога и архипастырскими молитвами пробылъ благополучно. —

(¹) „По нашему—палатка." Зам. Мис.

(²) Мятель, вьюга.

По пріѣздѣ Мисаила въ третье зимовье, называемое *Черное*, товарищъ его Алексѣй Уксусниковъ заболѣлъ горячкою и лежалъ ровно *шесть недѣль*, и о. Мисаилъ принужденъ былъ ожидать, пока тотъ выздоровѣетъ. Къ тому же пора настала темная. Съ 23-го ноября солнца стало не видно, да и свѣта было мало. О. Мисаилъ „увеселялся“ только взятыми имъ съ собою книгами. Солнце стало показываться уже съ начала января (съ крещенья) и день сталъ такъ скоро прибывать, что въ первыхъ числахъ марта заря съ зарею стали сходиться.

„О хлѣбномъ же припасѣ, пишетъ о. Мисаилъ, вашему преосвященству объявляю, что въ дешевую пору пудъ муки бываетъ рубли полтора, а обыкновенная пища (здѣшнихъ жителей) — одна только рыба, какъ для людей, такъ и для собакъ, питье—вода. А я, замѣчаетъ онъ, питался сухарями съ водой, въ прочія жъ (въ иныя) дни и—отъ рыбъ.

Когда о. Мисаилъ находился еще въ упомянутомъ *Черномъ* зимовьѣ, пріѣхалъ къ нему не крещеный самоѣдскій старшина Ледоуй. Ледоуй просилъ миссіонера написать и послать письмо къ башлыку (¹) Самоѣдовъ, чтобы онъ не гналъ ихъ съ ясакомъ. „Мы-де спустя время, или весною выѣдемъ и ясакъ привеземъ весь.“ Миссіонеръ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, предложилъ Ледоую слово о православной вѣрѣ и догматахъ ея, о смерти, о страшномъ судѣ, мукѣ и раѣ. Переводчикомъ при бесѣдѣ о. Мисаила съ инородческимъ старшиною, незнавшимъ рускаго языка, служилъ, хорошо знавшій мѣстный языкъ, Алексѣй Уксусниковъ.

(¹) „Сборщику Ясащному“, поясн. о. Мисаилъ.

Во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ отвѣтъ на проповѣдь Евангелія, высказанный о. Мисаилу язычникомъ.

„Да, хорошо креститься!!... Вотъ одинъ изъ нашихъ крестился, Тунгузъ курейской орды, Егоромъ зовутъ. И что же? Онъ поставленъ въ крестьянство. Теперь онъ и подушныя платитъ, да и нашъ ясакъ—тоже. Для чего же креститься? Развѣ для того, чтобы двойное платить? А вотъ наши-де братья, Иркутской губерніи, если крестятся; то имъ дается льгота на три года.“

По выздоровленіи Уксусникова, выѣхавши изъ чернаго зимовья, миссіонеръ ѣхалъ четыре дня пустымъ мѣстомъ. На пятый день пріѣхалъ въ зимовье *Вахрушево* благополучно. Въ этомъ зимовьѣ жилъ онъ четыре дня за „неспособностію„ погоды. Потомъ десять дней ѣхалъ зимовьями, два дня пустымъ мѣстомъ и выѣхалъ на р. Хатунку (*Хатангу*) въ хатангской погостъ къ Богоявленской церкви. Въ этомъ погостѣ, для заложенія церкви, прожилъ одну недѣлю.

По заложеніи церкви [1] (2-го февраля), выѣхалъ изъ погоста и проѣхавши три дня, цѣлые сутки простоялъ „за погодой“. Послѣ того ѣхалъ восемь дней зимовьями и десять дней пустымъ мѣстомъ. Выѣхалъ на р. *Анабору* (парохіи хатангскаго погоста). Здѣсь мѣщане, крестьяне и новокрещенные якуты объявили миссіонеру: „у насъ — де священникъ Уксусниковъ не бывалъ два года„: поэтому у нихъ малолѣтніе дѣти оставались долго безъ св. крещенія. О. Мисаилъ крестилъ здѣсь семь

---

[1] „Подрядился оную церковь строить туруханскій мѣщанинъ А. Гороховъ съ товарищами за 459 рублей. Церковь должна быть поставлена въ одинъ годъ; длиною — въ 10 саж. А при церкви было наличными 500 р. да изъ звѣринова товару на 100 р.“ Зам. м. Мис.

человѣкъ малолѣтнихъ, да еще было имъ окрещено здѣсь „изъявившихъ желаніе принять христіанскую вѣру—трое взрослыхъ изъ инородцевъ. Всего же въ разныхъ мѣстахъ о. Мисаиломъ въ эту поѣздку просвѣщено св. крещеніемъ семнадцать душъ; именно: семь мужеска пола и десять женска пола; въ этомъ числѣ четыре человѣка взрослыхъ отъ 15 до 25 лѣтъ, прочіе—малолѣтніе, отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ.

Въ долгомъ и далекомъ странствованіи своемъ, замѣчаетъ игуменъ Мисаилъ, не доѣхалъ онъ до якутской округи, Иркутской губерніи, только днищей шесть. Оттуда обратился марта 1-го числа тѣми же мѣстами назадъ, выѣхалъ на Енисей и прибылъ въ великоденну субботу къ Хатангской Введенской церкви. Здѣсь служилъ въ святую пасху и на другой день, отслужа, поѣхалъ на свое мѣсто въ монастырь.

Но сибирскіе кони его,—собаки,—не дослужили ему и до Туруханска верстъ за сорокъ, и онъ это разстояніе долженъ былъ итти пѣшкомъ. Изъ города отправился на новыхъ собакахъ въ монастырь, куда прибылъ 3-го мая 1789 г., и *по прибытіи десять дней былъ боленъ.*

„Ѣздилъ я нартою, заключаетъ о. Мисаилъ свое донесеніе преосвященному Варлааму, и на ней имѣлъ кибиточку, въ коей всю дорогу короталъ“.

Такимъ образомъ самоотверженный труженикъ странствовалъ около девяти мѣсяцевъ; въ морозы, пургу, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видя ни дня, ни солнца, проплылъ водою на лодкѣ, проѣхалъ по тундрамъ на оленяхъ, то на собакахъ до 4000 верстъ и завершилъ свое странствованіе „пѣшеходнымъ способомъ“; терпѣлъ и холодъ и голодъ и скуку бездѣйствія по цѣлымъ недѣлямъ; пріо-

брѣлъ для св. Церкви 17-ть душъ; наконецъ за девятимѣсячную поѣздку расплатился десятидневною болѣзнію. Чѣмъ же отъ другихъ вознагражденъ былъ его нелегкій и святой трудъ? Тѣмъ же, чѣмъ *здѣсь*, на землѣ, вознаграждались труды апостоловъ; наглою клеветою и беззаконными притязаніями!

Гражданская власть не могла удержать Мисаила отъ поѣздки въ тѣ мѣстности, гдѣ каждаго изъ представителей ея величають *государемъ* и гдѣ эти государи неограниченно владычествовали надъ безотвѣтными дикарями, больше чѣмъ со властію помѣщика надъ крѣпостными, взимали съ инородцевъ двойныя подати и вообще безусловно распоряжались въ свою пользу ихъ имуществомъ. За то, когда окончилось странствованіе о. Мисаила, не кончились заботы многопопечительнаго о своихъ подчиненныхъ земскаго начальства. Вскорѣ по возвращеніи игумена Мисаила, туруханскаго земскаго суда засѣдатель Иванъ Гоголевъ объявилъ въ судѣ, якобы ему жаловались жители и мѣщане, что игуменъ Мисаилъ во время поѣздки своей не платилъ имъ прогоновъ, отзываясь будто бы выданною ему изъ земскаго суда подорожною безъ прогоновъ. По донесенію о семъ земскаго суда тобольское намѣстническое правленіе просило тобольскую консисторію „вытребовать отъ Мисаила указные прогоны и воспретить ему впредь не только требовать подорожныя безъ прогоновъ, (¹) но *и подводъ не брать*" (ясно!.). На запросъ консисторіи игуменъ Мисаилъ отвѣчалъ:

„Я просилъ земскій судъ о подорожной, не прописы-

(¹) Естественнѣе, казалось бы, запретить, кому слѣдуетъ, *выдавать* подобную подорожную, какъ противузаконную...

вая прогоновъ, какъ и по городу Красноярску просилъ я глухо, непрописывая же прогоновъ. Но подорожныя (по Красноярску) даваны были, только съ прописаніемъ прогоновъ, и что мнѣ велѣно было указомъ исполнять для исполненія того ѣздилъ (по красноярской округѣ) и платилъ. А здѣшній (туруханскій) земскій судъ вовсе отрекся дать мнѣ подорожную; а ѣхать для заложенія церкви и обращенія иновѣрцевъ непремѣнный долгъ належалъ. Потому и ѣхалъ частію съ попутчиками, частію на оленяхъ, принадлежавшихъ духовнымъ лицамъ, а частію, правда, и на обывательскихъ подводахъ. Но при этомъ обыватели, узнавъ, что у меня есть грамота на заложеніе церкви (а не подорожная), и что я ѣду также для обращенія иновѣрцевъ, значитъ, говорили, не за собственнымъ своимъ дѣломъ, а за мірскимъ, денегъ отъ меня ничего не брали и не требовали".

Впрочемъ, о. Мисаилъ, узнавши, что на него насчитываютъ 82 р. 70 к. (за 2474 в. на три подводы и 848 в. на одну подводу) просилъ тамошнихъ священниковъ въ его счетъ уплатить ихъ прихожанамъ, если они будутъ того требовать. Но священники, потомъ прибывши въ Туруханскъ по церковнымъ дѣламъ, объявили игум. Мисаилу, что изъ прихожанъ ихъ денегъ, за проѣздъ его, никто не просилъ у нихъ, повторяя имъ тоже самое, что прежде самому игум. Мисаилу, т. е. что „онъ не за своимъ дѣломъ ѣздилъ, а за мірскимъ". Не смотря на то земскій судъ продолжалъ настаивать на требованіи мнимыхъ прогоновъ. О. Мисаилъ счелъ за лучшее удовлетворить незаконному требованію. Въ октябрѣ 1792 г. онъ отослалъ капитанъ—исправнику Солодилову требуемую сумму съ прось-

бою—раздать ее просителямъ, взявъ отъ нихъ росписки въ полученіи. Солодиловъ былъ добросовѣстнѣе прочей своей братіи. Возвратившись изъ своей поѣздки по мѣстамъ, прежде посѣщеннымъ Мисаиломъ, онъ обратно прислалъ ему всѣ деньги, сообщая, что „*за проѣздъ его* (иг. Мисаила) *денегъ никто не принялъ*, а всѣ говорили повторяючи, что иг. Мисаилъ не за своимъ дѣломъ ѣздилъ, а за мірскимъ„.

Такимъ образомъ вполнѣ открылась и подтвердилась невинность о. Мисаила.

„А что земской судъ меня обезславилъ, (¹) суди ему Богъ; ибо все оное изволилъ на меня взносить напрасно". Такъ заключаетъ о. Мисаилъ свое донесеніе преосвященному Варлааму, отъ 1-го Іюля 1792-го года!.

Дальнѣйшіе труды и судьба туруханскаго миссіонера намъ неизвѣстны. Судя потому, какое заглавіе дано консисторскому „дѣлу" объ иг. Мисаилѣ, можно думать, что не смотря на доказанную невинность о. Мисаила и явную притязательность земской власти, (конечно во избѣжаніе впредь подобныхъ *недоразумѣній*), иг. Мисаилу приказано было пріостановить на неопредѣленное время свою миссіонерскую дѣятельность (²), И такъ заботливость земской власти въ извѣстной степени увѣнчалась желаннымъ для ней успѣхомъ!

Между тѣмъ, не говоря уже вообще о необходимости и высокой важности миссіонерскаго служенія въ нашемъ отечествѣ среди многочисленныхъ инородцевъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ возраждающихся къ лучшей

(¹) и, прибавимъ, тянулъ незаконное дѣло нѣсколько лѣтъ.

(²) Дѣло это въ архивѣ Томской Д. консисторіи озаглавлено такъ: „о оставленіи проповѣди туруханскому игумену Мисаилу впредь до указу".

гражданской жизни, читатели могли увидѣть настоятельную потребность въ подобныхъ Мисаилу самоотверженныхъ труженикахъ благовѣстническаго служенія въ Туруханскомъ краю, гдѣ священники не только для обращенія иновѣрцевъ, но и для крещенія дѣтей христіанскихъ родителей не посѣщали своихъ приходовъ годы по два—по три. Чтобы еще нагляднѣе представить то, какими *бѣдными* послѣдствіями для христіанства въ Туруханскомъ краю должно было сопровождаться достигнутое земскою властью „пріостановленіе проповѣди“ иг. Мисаила, выпишемъ еще нѣсколько строкъ изъ нашего „дѣла“.

Изъ миссіонерскаго отчета Мисаила преосвященный Варлаамъ усмотрѣлъ, что въ посѣщенныхъ миссіонеромъ мѣстахъ младенцы крещены бываютъ послѣ рожденія своего иные чрезъ годъ, а иные спустя и большее время, по этому поручено было игум. Мисаилу донести преосвященому: за нерадѣніемъ ли священниковъ, или за дальнимъ разстояніемъ приходовъ чрезъ такое время (младенцы) некрещены были, а можетъ быть иные и безъ крещенія померли. При этомъ отъ Мисаила требовалось доставить подробныя свѣденія, на сколько верстъ простираются тѣ приходы. Что же оказалось?—Оказалось, что священникъ Алексѣй Уксусниковъ два года не былъ въ своемъ приходѣ. „Первая зима была „безпокойная“, одинъ не смѣлъ пуститься, а никто не пріѣхалъ. Лѣтнимъ временемъ попасть къ прихожанамъ ни какимъ образомъ не возможно; текущихъ къ нимъ рѣкъ нѣтъ, поперечными къ нимъ доплыть нельзя; другой годъ боленъ былъ“. Вообще священники жаловались, что имъ подводъ не даютъ; сами прихожане къ священникамъ не ѣздятъ, а только съ

попутчиками присылают вѣсти—крестить или исповѣдать; безъ попутчика же вѣсти не дойдутъ, самому священнику не рѣдко ѣхать не на чѣмъ; да и за погодою *теряются* многіе, какъ напримѣръ *дьячокъ* Уксусниковъ *потерялся* (¹)... Вотъ и вѣдомость о разстояніяхъ приходовъ:

Градо-туруханской преображенской церкви—приходъ: вверхъ по р. Турухану на 200 верстъ, внизъ по р. Енисею на 200 в. и вверхъ по Енисею на 70 в., всего на 470 в., „кромѣ постороннихъ“. Священникъ объѣзжаетъ свой приходъ въ годъ раза по два и по три на своихъ собакахъ безъ проводниковъ. Инбацкой волости успенской церкви приходъ—вверхъ по р. Енисею на 250 верстъ, внизъ на 300 в., всего на 550 верстъ, „кромѣ постороннихъ;“ священникъ объѣзжаетъ приходъ въ годъ два раза безъ проводниковъ. Хантайской приходъ *примѣрно* на 1380 верстъ; Хатангской Богоявленской церкви приходъ: отъ церкви вверхъ по р. Хатангѣ и прочимъ рѣкамъ до р. Енисея на 900 верстъ; внизъ по Хатангѣ на 450 верстъ; итого на 1350 верстъ „кромѣ постороннихъ;“ священникъ объѣзжаетъ свой приходъ два раза въ годъ зимою; лѣтомъ невозможно.

А. Владиміръ.

(¹) Въ Туруханскомъ краѣ *теряются* не только люди, но и дни. Въ недавнее время въ Томской консисторіи было дѣло „о петеряніи недѣльнаго дня“ однимъ изъ священниковъ Туруханскаго края. Въ долгомъ странствованіи по своему необозримому приходу, въ великій постъ, священникъ потерялъ вѣрный счетъ дней и въ концѣ страстной седмицы возвратившись домой отпраздновалъ пасхалное воскресенье чнемъ раньше, т. е. въ страстную субботу.—А. Вл.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОБОЗРѢНІЕ ПЕРМСКАГО РАСКОЛА ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО «СТАРООБРЯДСТВА»

СОСТАВЛЕНО АРХИМАНДРИТОМЪ ПАЛЛАДІЕМЪ,

РЕКТОРОМЪ КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ. СПБ. 1863 ГОДА.

Не смотря на появленіе въ послѣднее время довольно значительнаго числа сочиненій и журнальныхъ статей о расколѣ, изученіе этого замѣчательнаго въ русской церковной исторіи событія идетъ все-таки довольно медленно. Правда, въ настоящее время прошлая жизнь раскола не составляетъ уже болѣе тайны для общества, но за то его современное состояніе въ разныхъ мѣстностяхъ и губерніяхъ Россіи покрыто еще непроницаемымъ мракомъ. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что для изученія раскола — съ цѣлію указать ему болѣе правильныя и разумныя начала для жизни гражданской и церковной важно не столько знаніе прошедшаго, сколько настоящаго его положенія. Правда, и знакомство съ исторіей раскола можетъ дать изслѣдователю не мало назидательныхъ уроковъ, объяснивъ ему напр., что разъясненіе религіозныхъ недоумѣній — прямая обязанность власти церковной и что вмѣшательство въ это

дѣло власти свѣтской не только не приноситъ, какъ показалъ опытъ, никакой пользы православію, напротивъ можетъ быть положительно вредно для него — въ томъ отношеніи, что заблуждающіе, преслѣдуемые за свои убѣжденія гражданскимъ закономъ, не только начинаютъ сомнѣваться въ истинности ученія церкви, для поддержки котораго нужна будто бы внѣшняя помощь, и поэтому подозрительно смотрятъ на самую проповѣдь православія, но переносятъ свое нерасположеніе и на власть гражданскую за ея немиролюбивое отношеніе къ людямъ, ни мало предъ нею не виновнымъ. Но подобныя убѣжденія такъ присущи сознанію современнаго общества, что частному человѣку нѣтъ особенной нужды вдаваться въ какія либо историческія изслѣдованія, чтобы признать эти убѣжденія вполнѣ справедливыми. Не къ тѣмъ результатамъ можетъ привести изслѣдователя раскола знакомство съ его современнымъ состояніемъ. Тутъ онъ увидитъ не только то, почему въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ всѣ мѣры церковнаго и гражданскаго правительства къ ослабленію раскола не достигли желанной цѣли, но и то, что собственно нужно сдѣлать въ настоящее время, чтобы соединить съ православнымъ обществомъ отдѣлившихся отъ него членовъ. Расколъ, какъ извѣстно, не смотря на свою привязанность къ буквѣ и обряду, не остановился въ своей религіозной жизни на тѣхъ только разностяхъ, которыя были первоначальной причиной отдѣленія его отъ церкви, но, подъ вліяніемъ разнаго рода обстоятельствъ, допустилъ въ своемъ ученіи много и такого, чего, по видимому, никакъ нельзя было ожидать отъ ревнителей старины и древняго благочестія. Самые основные и первоначальные пункты ученія раскольни-

ческаго съ теченіемъ времени измѣнялись, разнообразились, развивались у разныхъ расколоучителей, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ на массу, приспособляясь къ современнымъ ему обстоятельствамъ. А послѣ этого понятно, что ограничиваться при изученіи раскола напр. только сочиненіями его и притомъ написанными въ давнее время, какъ дѣлалось это до нашихъ дней, значитъ рисковать составить понятіе о расколѣ не только не полное, но даже ложное. Этимъ обстоятельствомъ, т. е., незнаніемъ современнаго состоянія раскола, мы и объясняемъ тѣ не согласные до противоположности взгляды на него, какіе находимъ въ литературѣ даже послѣдняго времени, а равно и ту непослѣдовательность въ мѣрахъ противъ раскола, какія употребляла власть правительственная. Думая дѣйствовать на расколъ въ видахъ приведенія его на истинный путь, судили объ немъ не по тому, что въ немъ дѣйствительно было въ данное время, а по случайнымъ проявленіямъ, или еще хуже — по воспоминаніямъ о прежней жизни раскола. Отъ того нерѣдко и православная проповѣдь направлялась противъ такихъ вещей въ расколѣ, которыя или получили въ немъ совершенно новый видъ, или даже совершенно были оставлены имъ. Успѣхъ отъ такой проповѣди, разумѣется, былъ самый неутѣшительный. Мало этого: не зная хорошо дѣйствительныхъ интересовъ раскола, полемика православная иногда, по невѣдѣнію, приписывала ревнителямъ древняго благочестія то, въ чемъ были виноваты только частныя лица, и такимъ образомъ вмѣсто пользы приносила только вредъ церкви, раздражая своею несправедливостію защитниковъ старины и безъ того не очень расположенныхъ къ церковной власти.

Неестественность подобнаго порядка вещей уже сознана правительствомъ какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ. Первое въ видахъ болѣе успѣшнаго дѣйствованія на расколъ словомъ истины учредило въ епархіяхъ, гдѣ существуетъ расколъ, такъ называемыхъ миссіонеровъ, которые, встрѣчаясь съ расколомъ лицомъ къ лицу, могутъ, разумѣется, ближе и лучше знакомиться съ его современнымъ состояніемъ, — чтобы потомъ повѣдать свои наблюденія надъ заблуждающими міру православному. Къ сожалѣнію только, до настоящаго времени не встрѣчалось въ печати подобнаго рода миссіонерскихъ трудовъ. Что за причина этого молчанія, трудно сказать. Желательно по крайней мѣрѣ, чтобы на будущее время епархіальныя начальства озаботились изданіемъ въ свѣтъ свѣдѣній о мѣстномъ расколѣ, на основаніи представляемыхъ имъ миссіонерами отчетовъ объ немъ. Существованіе во многихъ епархіяхъ епархіальныхъ вѣдомостей даетъ начальству полную возможность осуществить это, а польза отъ обнародованія подобнаго рода свѣдѣній можетъ быть громадная. Тогда во-первыхъ наставники семинарій, преподающіе ученіе о расколѣ, изучивъ мѣстный расколъ надлежащимъ образомъ, будутъ занимать своихъ слушателей не разборомъ челобитныхъ, какъ бываетъ это нынѣ, а указаніемъ и разъясненіемъ тѣхъ жизненныхъ пунктовъ ученія мѣстнаго раскола, на которые по преимуществу и должны будутъ обращать свое вниманіе будущіе пастыри церкви. Тогда во-вторыхъ и церковная власть узнаетъ опредѣленнѣе, какія мѣры для извѣстной мѣстности могутъ быть употреблены ею съ большимъ успѣхомъ для православія.

Власть свѣтская съ цѣлію узнать современное состоя-

ніе раскола и его численность разослала въ прошломъ десятилѣтіи по разнымъ губерніямъ, зараженнымъ расколомъ, особыхъ чиновниковъ, для изученія мѣстнаго раскола. И хотя, какъ знаемъ мы, нѣкоторые изъ командированныхъ лицъ представили въ министерство внутреннихъ дѣлъ весьма обстоятельные отчеты о своихъ наблюденіяхъ надъ расколомъ, но къ сожалѣнію и эти отчеты доселѣ ходятъ по рукамъ только въ рукописяхъ и извѣстны не многимъ. Вообще нужно сказать, что, не смотря на извѣстное всѣмъ существованіе у насъ раскола, распоряженія касательно его власти церковной и гражданской до самаго послѣдняго времени облекаются непроницаемой тайной. Что за причина такого явленія, мы не знаемъ, но знаемъ, что вредъ отъ этого очень большой. Общество лишено возможности употреблять съ своей стороны необходимыя для примиренія съ собой раскольниковъ средства; власть таинственностію своихъ распоряженій касательно раскола возбуждаетъ невольное недовѣріе къ справедливости этихъ распоряженій. А между тѣмъ расколъ, прикрытый тайною, растетъ и усиливается, благодаря именно этой тайнѣ.

После всего сказаннаго читатели наши поймутъ, съ какою радостію встрѣтили мы появленіе въ свѣтъ книги, заглавіе которой выписали въ началѣ. Въ пермской епархіи, сколько намъ извѣстно, расколъ существуетъ издавна и въ огромныхъ размѣрахъ. Здѣсь прежде, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, учреждено миссіонерство.—Имѣя въ виду это, мы думали найти въ „Обозрѣніи Пермскаго раскола“ свѣдѣнія о мѣстномъ расколѣ не только подробныя и обстоятельныя, но и самыя интересныя, надѣялись встрѣтить въ книгѣ о. Архимандрита не только изложеніе прошлой жизни пермскаго раскола, исто-

рію его происхожденія и развитія, но и описаніе настоящаго, современнаго его состоянія, — интересовъ, волнующихъ живущее, — наше поколѣніе пермскихъ раскольниковъ. Къ сожалѣнію, надеждъ нашихъ не оправдалъ трудъ о. Палладія. Въ „Обозрѣніи Пермскаго раскола“ нѣтъ не только живой, полной картины настоящаго положенія раскола въ этой губерніи, но и прошлая его жизнь описана такими неопредѣленными и тусклыми красками, что по прочтеніи книги остается въ головѣ впечатлѣніе самое смутное. Намъ кажется, что если бы перемѣнить имена мѣстъ, селеній, заводовъ и городовъ, тогда все сказанное въ книгѣ о пермскомъ расколѣ можно было бы приложить къ расколу и въ другихъ епархіяхъ, — такъ мало здѣсь свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ, въ какихъ находится расколъ пермской епархіи, объ особенностяхъ пермскихъ раскольниковъ въ ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ и т. д. Мы не намѣрены ставить въ особенную вину автору указанныхъ недостатковъ: чтобы представить полную и вѣрную картину современнаго раскола въ той или другой мѣстности, для этого недостаточно только имѣть въ кабинетѣ нѣсколько „формальныхъ дѣлъ о раскольникахъ“, нѣсколько „частныхъ записокъ“ о расколѣ и нѣсколько „раскольническихъ сочиненій“, — источники, изъ которыхъ заимствовалъ свои свѣдѣнія о пермскомъ расколѣ о. Палладій (предисл. стр. 111,) — но необходимо еще личное знакомство съ расколомъ, знаніе не только общихъ положеній его вѣры и общихъ началъ его жизни, но и частныхъ, мѣстныхъ предубѣжденій его противъ существующаго въ православной церкви порядка, частныхъ, мѣстныхъ антипатій заблуждающихъ противъ современныхъ обычаевъ православнаго обще-

ства,—необходимо, однимъ словомъ, видѣть расколъ лицемъ къ лицу, ознакомиться съ его жизнію не только общественною, но и частною, домашнею въ разныхъ мѣстахъ, деревняхъ и селахъ. А это такой трудъ, который требуетъ и немало времени, и довольно средствъ. Говоря о недостаткѣ въ книгѣ о. Палладія свѣдѣній о современномъ состояніи пермскаго раскола, мы имѣли въ виду только показать, на что́ собственно должно обращать преимущественное вниманіе каждому, кто вздумалъ бы писать „Обозрѣніе" раскола въ той или другой губерніи, въ той или другой мѣстности. Потому что мы надѣемся, что разсматриваемый нами трудъ о. Архимандрита—первый въ своемъ родѣ, не будетъ и послѣднимъ, но что онъ найдетъ себѣ подражателей и, дай Богъ, болѣе искусныхъ и съ большими для дѣла средствами.

После общихъ замѣчаній о трудѣ о. Палладія, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ содержаніи „Обозрѣнія Пермскаго раскола".

Вся книга о. Архимандрита состоитъ: изъ предисловія и трехъ частей, изъ которыхъ въ первой помѣщена „исторія Пермскаго раскола", во второй изложены заблужденія раскольниковъ общія поповщинѣ и безпоповщинѣ и частныя, составляющія отличительное ученіе той и другой секты, въ третьей говорится „о церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ", существующихъ у пермскихъ раскольниковъ. Въ концѣ книги помѣщено въ видѣ „приложенія" нѣсколько выписокъ изъ раскольническихъ сочиненій и въ заключеніе „съ горы созерцанія брошенъ" авторомъ „взглядъ на Пермское старообрядство". Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ указанныхъ частей сочиненія.

Въ „предисловіи“ о. Архимандритъ, сказавъ въ началѣ, что пермская церковь съ самаго основанія своего (XIV—XV в.) не знавшая никакихъ раздѣленій, въ концѣ XVI столѣтія подверглась, въ слѣдствіе появленія въ ней разныхъ выходцевъ изъ внутренней Россіи, зараженныхъ расколомъ, смутамъ и раздѣленію, произноситъ за тѣмъ свой судъ о расколѣ вообще и въ заключеніе, послѣ сознанія неудовлетворительности своего труда, чертитъ планъ для своего сочиненія съ указаніемъ источниковъ, которые были подъ рукой у автора. Оставляя безъ вниманія обмолвку о. Палладія, а можетъ быть и опечатку, будто расколъ существуетъ у насъ съ конца XVI столѣтія, мы остановимся только на судѣ автора о расколѣ. Вотъ какъ смотритъ на расколъ о. Архимандритъ: „расколъ есть зловредная болѣзнь, разстроивающая организмъ церкви, язва, заражающая здоровые члены, самое гибельное порожденіе тьмы и слѣпыхъ страстей, самое грустное явленіе въ нашей церкви“. Было бы странно не согласиться, что расколъ составляетъ болѣзнь, грустное явленіе въ нашей церкви, — но мы не рѣшаемся признать его „порожденіемъ тьмы и слѣпыхъ страстей“. Что хотѣлъ сказать этими словами о. Палладій? Если, считая расколъ порожденіемъ тьмы, авторъ хотѣлъ указать этимъ на недостатокъ въ расколѣ умственнаго развитія, на существованіе въ немъ невѣжества,—онъ сказалъ правду, но требующую большихъ ограниченій. Раскольники не отличаются образованіемъ, многіе изъ нихъ не знаютъ даже грамоты, но этотъ недостатокъ общій и раскольникамъ и православнымъ одного съ ними состоянія. Мало этого: въ расколѣ даже больше, чѣмъ въ православномъ простонародьѣ, развита грамотность, въ немъ

больше можно найти людей, которые съумѣютъ и прочитать и написать что либо. Справедливо ли же послѣ этого поносить раскольниковъ за ихъ невѣжество, когда его не чужды и православные простолюдины? Нѣтъ, невѣжество—наше общее несчастіе и приписывать его раскольникамъ, какъ что-то исключительно имъ принадлежащее, значитъ видѣть сучецъ въ глазу брата... Пора, кажется, понять, что одни возгласы, хотя бы и краснорѣчивые, противъ существующаго зла — не надежное средство къ его искорененію. Нужно дѣло, а не слова, а дѣла-то до настоящаго времени и не видно. Пусть-ка устроятъ для раскольниковъ училища, да не такія, въ которыя не пускаютъ своихъ дѣтей и православные простолюдины, а училища вполнѣ народныя, приспособленныя къ нуждамъ и потребностямъ массы, въ которыхъ бы дѣло дѣлалось не по заказу, а по доброй волѣ со стороны — какъ учащихъ, такъ и учащихся. Тогда раскольники своимъ усердіемъ къ образованію, можетъ быть, удивили бы самихъ православныхъ. Скажутъ пожалуй: мечты? Говорить можно все, что придетъ въ голову, да не все правда. Если и при стѣсненныхъ обстоятельствахъ раскола не было почти ни одного раскольническаго семейства, въ которомъ бы не было двухъ-трехъ лицъ грамотныхъ, а не рѣдко и очень начитанныхъ, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы при улучшенномъ положеніи раскольники отстали отъ другихъ въ усердіи къ образованію.

Если же, называя расколъ порожденіемъ тьмы, сочинитель „Обозрѣнія" имѣлъ въ виду религіозное малознаніе раскольниковъ, въ такомъ случаѣ мысль его требуетъ еще большихъ ограниченій. Правда, большинство раскольниковъ знаетъ только тѣ обрядовыя разности;

изъ-за которыхъ оно отдѣляется отъ церкви, но есть не мало въ расколѣ и такихъ лицъ, которыя знаніемъ церковной обрядности, древней богословской литературы, археологическими свѣдѣніями могутъ возбудить удивленіе въ самомъ образованномъ человѣкѣ, которыя о разныхъ предметахъ вѣры пишутъ множество сочиненій замѣчательныхъ и по своему содержанію и по своему изложенію. Скажутъ: это исключеніе и довольно не частое. Но много ли мы видимъ подобныхъ же исключеній въ православномъ простонародьѣ? А вѣдь его никто не считаетъ и не называетъ порожденіемъ тьмы. Притомъ если брать во вниманіе не передовыхъ только людей въ расколѣ, а массу, большинство, и въ такомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы православный народъ былъ болѣе знакомъ съ истинами вѣры, чѣмъ раскольники. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что православные простолюдины часто переходятъ въ расколъ, слѣдуя внушеніямъ раскольническихъ наставниковъ-мужиковъ, а между тѣмъ еще не было примѣра, чтобы раскольникъ былъ убѣжденъ въ правотѣ православной церкви православнымъ крестьяниномъ. Чѣмъ объяснить это явленіе, какъ не тѣмъ, что напору раскольническихъ убѣжденій, положимъ, ложныхъ, нѣтъ надлежащаго противодѣйствія въ религіозномъ образованіи православнаго простонародья. Намъ кажется, лучше бы подумать, какъ сдѣлать массу православнаго населенія Россіи способною противостоять раскольническимъ заблужденіямъ, а не обзывать раскольниковъ „порожденіемъ тьмы“.

Что же касается мысли, будто расколъ — порожденіе слѣпыхъ страстей, то и она, по нашему мнѣнію, не чужда преувеличенія. Не споримъ, что какъ между пер-

выми расколоучителями были лица, которыя возставали противъ мнимыхъ нововведеній Никона столько по приверженности къ старинѣ, столько же и по личнымъ неудовольствіямъ на патріарха, такъ и нынѣ можно найти въ расколѣ не мало людей, которые удаляются отъ церкви и остаются въ расколѣ по побужденіямъ далеко не безкорыстнымъ. Таковы между прочимъ нѣкоторые наставники раскола, которые иногда намѣренно скрываютъ истину отъ своихъ учениковъ, чтобы чрезъ это не лишиться своего вліянія на нихъ; таковы же нѣкоторые довольно образованные раскольники особенно изъ молодаго купеческаго поколѣнія, которые хорошо понимаютъ ложность порядка, существующаго въ расколѣ, и однакожъ не обращаются къ церкви изъ опасенія лишиться наслѣдства отъ родныхъ, зараженныхъ расколомъ, или по крайней мѣрѣ потерять право на полученіе, въ случаѣ какой либо бѣды, поддержки и помощи со стороны своихъ единовѣрцевъ. Къ этой же категоріи, къ сожалѣнію, должно причислить и тѣхъ отступниковъ отъ православія, которые переходятъ въ расколъ не по убѣжденію въ его правотѣ и спасительности, но или для того, чтобы жить въ расколѣ съ большими удобствами при меньшемъ трудѣ, или иногда чтобы скрыться въ этой, покрытой тайной, массѣ отъ заслуженнаго въ православномъ обществѣ позора и даже наказанія. Такъ называемые бѣглые попы, которыхъ впрочемъ въ послѣднее время почти не видно въ расколѣ, оставляли православную церковь и переходили на сторону отдѣлившихся отъ нея членовъ большею частію по указаннымъ побужденіямъ (Ист. о бѣгств. свящ.). Но справедливость требуетъ сказать, что число подобныхъ лицемѣровъ въ расколѣ очень не велико особенно сравни-

тельно съ числомъ всего раскольническаго населенія въ Россіи. Что же касается большинства раскольниковъ, то оно искренно, отъ всей души, вѣритъ, что принадлежать нынѣ къ церкви значитъ подвергаться опасности — лишиться вѣчнаго спасенія и что расколъ дѣйствительно есть истинная, правая древняя вѣра, въ которой одной и можно угодить Богу. Если же и изъ числа этихъ послѣднихъ раскольниковъ многіе не чужды слѣпыхъ страстей,—это значитъ только, что и раскольники люди грѣшные, какъ и всѣ прочіе смертные. Правда, въ расколѣ многіе пороки возведены въ принципъ, многія преступленія совершаются не только безъ угрызеній совѣсти, но почти съ сознаніемъ ихъ законности, или по крайней мѣрѣ *неизбѣжности* при существующемъ порядкѣ вещей. Таковы между прочимъ всѣ проступки раскольниковъ-безпоповцевъ противъ цѣломудрія. Но и эта мрачная сторона жизни раскола заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, больше сожалѣнія и исправленія, чѣмъ строгаго осужденія и укоризнъ. Потому что развратная жизнь господствуетъ въ нѣкоторыхъ толкахъ раскола не потому, чтобы послѣдователи этихъ толковъ беззаконіе предпочитали закону, а потому, что нынѣ будто бы не можетъ быть законнаго сожитія между мужемъ и женой по неимѣнію православнаго священства, которому одному принадлежитъ право заключать браки, а между тѣмъ *кійждо искушается своею похотію*. Съ другой стороны если въ расколѣ мы находимъ не мало нравственныхъ недостатковъ, которыхъ впрочемъ не чуждо и православное общество, это не значитъ, чтобы расколъ потворствовалъ дурной жизни своихъ членовъ, напротивъ расколъ строгъ къ своимъ послѣдователямъ, его правила жизни

отличаются иногда даже излишнимъ ригоризмомъ и если они не всегда исполняются раскольниками, это значитъ только, что грѣшный человѣкъ нерѣдко *не еже хощетъ, доброе творитъ, но еже не хощетъ злое, сіе содѣваетъ.* А что дѣйствительно нравственныя правила раскола чужды всякой поблажки грѣху, въ этомъ могутъ убѣдить напримѣръ слѣдующія, приведенныя въ книгѣ о. Палладія, опредѣленія пермскихъ раскольниковъ, постановленныя ими въ 1818 году января 12 дня:

1) Ежели кто изъ насъ будетъ упиваться до пьянства и начнетъ находиться въ шинкахъ, или хотя и въ домахъ, или подобныя тому злыя дѣла окажутся, то всѣхъ таковыхъ къ намъ въ соборъ не принимать до тѣхъ поръ, когда того они не покинутся.

2) Ежели же кто сдѣлаетъ игрища и будутъ на нихъ пѣсни бѣсовскія пѣть и плясать, также и тѣхъ людей не принимать.

3) Ежели же кто изъ насъ сдѣлаетъ въ праздники Господскіе или въ воскресные дни „помочи", тоже и тѣхъ не принимать.

4) Кто сдѣлаетъ „помочь" хотя и не въ праздники, а будутъ на тѣхъ „помочахъ" упиваться и пѣсни бѣсовскія пѣть и плясать, то и тѣхъ намъ не принимать.

5) Ежели которые старообрядцы будутъ къ намъ въ соборы ходить рѣдко за лѣностью или за непокорствомъ; то съ тѣми людьми запретить никому общенія не имѣть, и съ ними ни пити, ни ясти и Богу не молитися.

6) Ежели кто изъ насъ будетъ держать въ домахъ или на сторонѣ наложницу, и тѣхъ намъ не принимать, когда они того не покинутся.

7) Ежели кто окажется воромъ или татью, или же кто будетъ покупать воронскія вещи, т. е., желѣзо и прочія подобныя тому; то и тѣхъ людей намъ въ себѣ въ общество не принимать, и въ томъ ихъ не утаивать и не крыть: а ежели же кто станетъ крыть, или таить, то и тѣхъ не принимать же, а объявлять о ихъ начальству.

8) Ежели кто изъ насъ станетъ носить необычную одежду, то и тѣхъ должно намъ въ общество не принимать же, доколь они того не покинутся.

9) Ежели кто изъ нашихъ старообрядцевъ дѣлать будутъ между собою распри, раздоры и гнѣвъ, то и тѣхъ намъ въ соборъ не принимать дотолѣ, когда они между собою не простятся".

Не слѣдовало бы автору, зная эти наставленія, а равно и другія правила жизни раскольниковъ, помѣщенныя имъ напримѣръ на стр. 193—6, называть расколъ порожденіемъ слѣпыхъ страстей.

Вообще нужно сказать, что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ высказано и написано столько обличеній и укоризнъ раскольникамъ, что, право, пора бы перемѣнить тонъ обращенія съ ними и строго-суровую рѣчь замѣнить болѣе мягкимъ и любвеобильнымъ словомъ. Тѣмъ болѣе это необходимо, что брань, какъ показалъ опытъ, не только не достигаетъ цѣли вразумленія заблуждающихъ, что имѣлъ въ виду и о. Палладій, пиша свою книгу, но еще болѣе раздражаетъ ихъ, какъ противъ писателей разныхъ сочиненій противъ раскола, такъ и вообще противъ православія. Раскольникамъ еще извинительны грубыя выходки противъ церкви и православнаго общества; они — люди заблуждающіе, а ложь, чувствуя себя безсильною, иногда по неволѣ прибѣгаетъ

для защиты себя къ средствамъ непозволительнымъ и неодобрительнымъ. Но истинѣ, которая въ церкви, прилично только кроткое, хотя и правдивое слово, какъ и сама она *мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ* (Іаков. III, 17).

Въ первой части своего труда о. Архимандритъ излагаетъ исторію пермскаго раскола, которая раздѣлена имъ на два періода. Первый отъ конца XVII столѣтія до 1828 года представляетъ постепенное и свободное распространеніе старообрядчества въ пермской губерніи. Второй съ 1828 года, съ открытія миссіи, до позднѣйшихъ временъ, представляетъ борьбу раскола съ миссіею и его постепенное измѣненіе.

Объ этой части труда о. Палладія нельзя сказать ничего особеннаго, кромѣ того, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о появленіи и распространеніи раскола въ разныхъ уѣздахъ и мѣстахъ пермской губерніи, отличаются необыкновеннымъ сходствомъ и самымъ утомительнымъ однообразіемъ. О какомъ бы мѣстѣ ни шла рѣчь, она сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: устроялся заводъ, на заводъ собирались рабочіе, въ томъ числѣ и раскольники, которые, получивъ неизвѣстно какими судьбами начальственную власть въ заводскомъ населеніи, начинали распространять свои убѣжденія и въ толпѣ подчиненныхъ имъ лицъ, покровительствуя тѣмъ, которые переходили въ расколъ, и преслѣдуя упорныхъ. Отъ заводовъ расколъ распространялся и по окрестнымъ селеніямъ, жители которыхъ или работали на заводахъ, или случайно посѣщали ихъ. Иногда впрочемъ заводскіе расколоучители сами разъѣзжали по селамъ и деревнямъ съ проповѣдію о старой вѣрѣ и совращали православныхъ. Быть можетъ, на самомъ дѣлѣ вездѣ такъ и было, только повторять одно и тоже на тысячу

ладовъ на цѣлыхъ 50-ти страницахъ для автора должно быть по меньшей мѣрѣ утомительно, а для читателя въ высшей степени скучно. Впрочемъ по мѣстамъ въ трактатѣ о распространеніи раскола можно встрѣчать и довольно назидательныя свѣдѣнія. Такъ напр. на стр. 42 авторъ говоритъ, что „распространенію и усиленію раскола въ кунгурскомъ уѣздѣ способствовали между прочимъ: а) малочисленность православныхъ церквей, отъ чего приходы были очень обширны и прихожане не могли быть часто въ церкви и слушать вразумленія отъ своихъ пастырей: напр. приходъ Бардинской церкви до 1835 года простирался верстъ на 70; поэтому, рѣдко посѣщая свою церковь, жители этого прихода скорѣе другихъ заражались расколомъ. б) Небрежность самихъ пастырей, которые за отдаленностію или по другимъ причинамъ, рѣдко посѣщали прихожанъ даже и въ нужныхъ случаяхъ, но дозволяли бабкамъ безъ нужды погружать новорожденныхъ младенцевъ, разрѣшали безъ христіанскаго напутствія хоронить умершихъ и отпѣвать на кладбищахъ, а сами отпѣвали заочно“ и т. под. Такіе безпорядки, говоритъ авторъ, сами собою отчуждали прихожанъ и отъ церкви и отъ пастырей. Подобныхъ замѣтокъ въ книгѣ не мало (стр. 45), и онѣ невольно наводятъ на вопросъ: почему и до настоящаго времени у насъ не обращено должнаго вниманія на устройство приходовъ такимъ образомъ, чтобы прихожане имѣли полную возможность во всякое время года посѣщать свои храмы и участвовать въ общественномъ богослуженіи. Жалуются на усиленіе съ каждымъ годомъ раскола, а не хотятъ позаботиться объ устраненіи причинъ этого зла. Мы слышали отъ одного очень достовѣрнаго лица, что есть епархіи, въ которыхъ и нынѣ приходы простираются больше, чѣмъ на

сто верстъ. Есть ли тутъ физическая возможность священнику наблюдать за своими пасомыми, а прихожанамъ посѣщать храмъ и учиться истинамъ вѣры? И удивительно ли, если въ подобныхъ епархіяхъ расколъ распространяется съ чрезвычайною быстротою? Укажутъ пожалуй на недостатокъ средствъ для постройки новыхъ церквей и содержанія новыхъ причтовъ? Но дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важно и свято, что для него можно пожертвовать всѣмъ, самымъ необходимымъ. Да и правда ли, что дѣло не дѣлается по недостатку средствъ? Мы не противъ благолѣпія церквей Божіихъ, избави насъ Богъ и подумать объ этомъ, но только думаемъ, что гораздо лучше и богоугоднѣе было бы, если бы значительныя суммы, расходуемыя на украшенія храмовъ, не составляющія необходимости, а иногда и совершенно излишнія, употреблялись на увеличеніе числа храмовъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ вѣрующіе, по недостатку церквей и причтовъ, лишены возможности пользоваться дарами благодати Божіей и устроять свое вѣчное спасеніе. Намъ скажутъ, что средства, на которыя мы указываемъ, составляютъ частную собственность нѣкоторыхъ церквей и монастырей, и слѣдовательно на нихъ не имѣетъ прямаго права власть церковная, хотя бы въ видахъ общаго блага вѣрующихъ. Правда, и мы далеки отъ мысли, чтобы власть церковная могла пользоваться указанными средствами по своему личному усмотрѣнію, безъ согласія на то тѣхъ мѣстъ и учрежденій, которымъ принадлежатъ эти средства; подобный порядокъ вещей можетъ имѣть самыя неблагопріятныя для дѣла послѣдствія; мы желали бы только, чтобы дѣло спасенія ближняго признано было самими вѣрующими общимъ дѣломъ каждаго изъ нихъ,

а не обязанностію одной только власти церковной, и чтобы каждый членъ церкви, каждое религіозное учрежденіе помогали своими средствами власти въ распространеніи и утвержденіи св. православной вѣры какъ между вѣрующими уже, такъ особенно между неправовѣрующими, или даже совершенно невѣрующими. Будь развито въ сознаніи общества это убѣжденіе, и мы увѣрены, что нашлись бы средства не только на устройство новыхъ храмовъ въ мѣстахъ, гдѣ ихъ мало, на учрежденіе при нихъ новыхъ причтовъ, но и на дѣла болѣе громадныя, напр. на устройство и содержаніе миссій, такъ необходимыхъ для обширной Россіи, въ которой кромѣ неправовѣрующихъ, есть сотни тысячь душъ, еще не знающихъ истиннаго Бога. Мы удивляемся постоянному и нерѣдко быстрому распространенію напр. католичества въ странахъ даже языческихъ, а не подумаемъ, что наша православная проповѣдь могла бы имѣть еще большій успѣхъ, если бы только у насъ также, какъ въ церкви католической, дѣло распространенія св. вѣры не считалось обязанностію одной церковной власти, а святымъ долгомъ каждаго члена Церкви. Впрочемъ къ чему намъ обращаться за примѣрами далеко. И нашъ расколъ въ этомъ случаѣ представляетъ живой примѣръ. Кому, напр. неизвѣстно, что въ случаѣ какихъ либо затрудненій въ средствахъ по устройству религіозныхъ дѣлъ раскола, Москва помогаетъ Ригѣ, Рига Нижнему Новгороду, этотъ послѣдній Саратову и проч. и проч. И это дѣлаютъ не только цѣлыя корпораціи раскольническія, напр. Преображенское и Рогожское кладбища, Иргизскіе монастыри, Городецкая (въ Нижегор. губ.) часовня, но и частныя лица, и при томъ дѣлаютъ совершенно добровольно, по одному убѣжденію, что дѣло вѣры

должно быть дорого каждому. Подобная готовность раскольниковъ жертвовать частными интересами въ пользу общаго дѣла своей вѣры и служитъ одною изъ главныхъ причинъ того, что расколъ не только не ослабѣваетъ, но более и более усиливается.

Второй періодъ исторіи пермскаго раскола, представляющій борьбу раскола съ миссіею, имѣетъ болѣе интереса. Жаль только, что авторъ, изложивъ общія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, „не счелъ нужнымъ слѣдить за дѣятельностію каждаго миссіонера въ частности", хотя, какъ видно изъ указаній въ книгѣ, о. Палладій имѣлъ подъ руками записки многихъ миссіонеровъ. Въ оправданіе свое онъ говоритъ, что „дѣйствія миссіи были довольно однообразны". Но вѣдь достало же терпѣнія у автора излагать въ первомъ періодѣ однообразныя свѣдѣнія о распространеніи раскола въ разныхъ мѣстахъ пермской губерніи. А свѣдѣнія объ ослабленіи раскола дѣйствіями миссіи, хотя бы и однообразными, болѣе полезны. Онѣ могли бы дать не мало уроковъ миссіонерамъ другихъ епархій. Намъ кажется даже, что, не ограничиваясь изложеніемъ общихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ миссіонеровъ, авторъ могъ бы сообщить, хотя въ краткомъ видѣ самый способъ собесѣдованія ихъ съ заблуждающими,—возраженія раскольниковъ противъ православія и отвѣты на нихъ пастырей церкви. Въ запискахъ миссіонеровъ, какъ видно (стр. 81—2, 128 примѣч.), была рѣчь и объ этомъ предметѣ. Вообще нужно сказать, что авторъ не вполнѣ ясно сознавалъ задачу своего труда и хлопоталъ не столько о томъ, чтобы сообщить читателямъ свѣдѣнія интересныя и дѣйствительно полезныя для нихъ, сколько о расположеніи изложенныхъ свѣдѣній въ возможной системѣ и порядкѣ, съ неизбѣжными рубриками и отдѣ-

лами, т. е., заботился больше о формальной сторонѣ дѣла, чѣмъ о его сущности.

Вторая часть книги—о заблужденіяхъ раскольниковъ пермской губерніи страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, котораго не чужда и вся книга, т. е., отсутствіемъ свѣдѣній о мѣстныхъ заблужденіяхъ раскола. Читая заблужденія раскольниковъ, изложенныя авторомъ, видишь не пермскій расколъ, а расколъ вообще, т. е. видишь то, что давно извѣстно всѣмъ и каждому. Только по мѣстамъ встрѣчается кое-что новое, особенное, что, по видимому, составляетъ отличіе въ ученіи пермскихъ раскольниковъ. Но такихъ мѣстъ въ книгѣ очень не много (стр. 92, 95, 96 и др.). Другой недостатокъ этой части состоитъ въ смѣшеніи авторомъ ученія поповщины съ ученіемъ безпоповщины. Такъ, напр. къ заблужденіямъ, общимъ всѣмъ раскольникамъ и поповцамъ и безпоповцамъ, авторъ относитъ ученіе раскольниковъ о троеперстіи, какъ печати антихристовой (стр. 93), о четвероконечномъ крестѣ (Латинскомъ крыжѣ), какъ знаменіи антихриста (стр. 94) и под. Сколько извѣстно, такъ учатъ только безпоповцы... Излагая отличительное ученіе поповщины, авторъ говоритъ, что пермскіе староверы не отвергаютъ таинства мvропомазанія, а только за неимѣніемъ мvра и священника, стараются доказать, что въ случаѣ нужды можно обойтись и безъ мvропомазанія (стр. 111). Это, какъ всякій знаетъ, ученіе безпоповщины. Да и самъ авторъ, приводя доказательства, которыми раскольники подтверждаютъ изложенное ученіе о мvропомазаніи, указываетъ прямо на *Поморскіе отвѣты.* Подобная же неточность встрѣчается и въ изложеніи авторомъ ученія поповцевъ объ Евхаристіи (стр. 112—3), о покаяніи (114—6), о бракѣ (117—8). Правда, о. Палладій замѣчаетъ въ одномъ

мѣстѣ (стр. 112, примѣч. 1), что нѣкоторые пермскіе поповцы въ настоящее время во многомъ согласны съ безпоповцами относительно таинствъ церкви. Не мы позволяемъ себѣ усумниться въ справедливости этого замѣчанія—тѣмъ болѣе, что нынѣ, сколько намъ извѣстно, въ пермской губерніи существуетъ австрійское священство, и даже епископы, и слѣдовательно поповцы имѣютъ полную возможность оставаться вѣрными своему основному, отличающему ихъ отъ безпоповцевъ, ученію. Если же учатъ о таинствахъ согласно съ безпоповцами тѣ изъ пермскихъ поповцевъ, которые не приняли австрійскаго священства, въ такомъ случаѣ ихъ нѣтъ нужды и причислять къ поповцамъ.

Говоря объ отличительномъ ученіи безпоповщины, авторъ имѣлъ въ виду однихъ только поморцевъ. Кромѣ извѣстныхъ всѣмъ пунктовъ ученія поморянъ, авторъ указываетъ еще слѣдующіе, составляющіе особенность только поморцевъ пермскихъ: „такъ какъ кромѣ крещенія нѣтъ другаго средства очищенія грѣховъ (что же значитъ послѣ этого исповѣдь поморцевъ предъ наставниками?), то младенцевъ и молодыхъ людей лучше крестить только предъ смертію, стариковъ же можно крестить и здоровыхъ; такъ какъ они могутъ отрѣшиться отъ міра и пребывать въ благочестіи неблазненно. Крещаемому должно нарекать не то имя, которое онъ носилъ, живя въ мірѣ, а другое. Крещенный поморецъ есть настоящій христіанинъ, а не крещенный поморецъ—мірянинъ, какъ бы оглашенный только. Послѣ крещенія должно удаляться міра и его скверны, не сообщаться не только съ еретиками, но и съ самими поморцами—мірянами ни въ пищи, ни въ питіи, ни въ молитвѣ и проч. Поморцы—міряне, не крещенные, живя въ мірѣ, могутъ творить мірское, т. е. заниматься

житейскими дѣлами". Касательно брака поморцы пермской губерніи учатъ, что бракъ дозволяется только мірянамъ поморцамъ, а христіане поморцы должны проводить жизнь безбрачную. Согласно такому ученію поморцы христіане, по крещеніи, если были женаты, разводятся съ своими женами, уединяются въ свои кельи и тамъ проводятъ жизнь до конца въ моленіяхъ и чтеніяхъ. Вѣнчаются поморцы-міряне большею частію въ церкви православной—не потому, чтобы допускали въ ней существованіе даровъ благодати, а потому, что на бракъ смотрятъ не какъ на таинство, а какъ на одну внѣшнюю форму, гражданское условіе, „припись" или сведеніе. Безпоповцы другихъ толковъ учатъ касательно крещенія, что безъ крайней нужды не должно креститься до 30 лѣтъ, такъ какъ въ такихъ лѣтахъ крестился самъ Іисусъ Христосъ,—при томъ должно креститься, по примѣру Христа Спасителя, только въ проточной водѣ. Замѣчательно еще ученіе безпоповцевъ пермскихъ объ евхаристіи. Въ шадринскомъ уѣздѣ, напр. безпоповцы учатъ, что „если отъ поту лица своего ясти будешь хлѣбъ насущный; то будешь имѣть тѣло Христово въ единой правдѣ". Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ) думаютъ, что евхаристію, въ случаѣ смертной опасности, можетъ замѣнить причащеніе водою, или произнесеніе молитвы Іисусовой съ обращеніемъ къ распятію или иконѣ. Нѣкоторые же безпоповцы не принимаютъ никакого причащенія, а говорятъ: „Богу кайся, слезами причащайся". (стр. 119—21). Въ ученіи пермскихъ раскольниковъ объ антихристѣ есть также нѣчто особенное, или по крайней мѣрѣ интересное. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаками пришествія антихристова считаются карты, портреты, вензель, паспорты, двуглавый орелъ

на казенныхъ печатяхъ, присяга, „письмена на карточкахъ“, т. е., подписки, отбираемыя отъ раскольниковъ, имя, выраженное властными литтерами, т. е., именнословное перстосложеніе, число имени звѣря и наступленіе осьмой тысячи лѣтъ отъ мірозданія, съ окончаніемъ которой, по ученію безпоповцевъ, должно быть второе пришествіе Христово. Всѣ указанные предметы безпоповцы ненавидятъ, но особенную ненависть питаютъ къ паспортамъ и двуглавому орлу. Въ 1837 году пойманы были близъ Екатеринбурга три раскольническихъ монаха и приведены въ екатеринбургскую управу благочинія. Лишь только они вошли сюда, какъ вдругъ бросились къ зеркалу, сбросили его со стола и начали топтать ногами, крича: „двуглавый змій антихристъ“. О лицѣ антихриста пермскіе безпоповцы думаютъ не одинаково. Имена его будутъ различныя и между прочимъ онъ будетъ „нарицать себя четверопонта сынъ имя разныхъ тиранъ, по еллински аввадонъ, по еврейски Наполіонъ, по гречески Бонапартъ, а по словенски антихристъ. Наполіонъ воздвигнетъ ужасное кровопролитіе и никакія силы одолѣти не могутъ, только его догонятъ воины Моісеовы казаки и ратники брадаты со крестами, сирѣчь, стрѣльцы благовѣрные“. Антихристъ явится тогда, когда русскій народъ овладѣетъ Царьградомъ и побѣдитъ Турковъ при русскомъ царѣ Константинѣ, будетъ короноваться въ Парижѣ, въ церкви католической, гдѣ и будетъ сидѣть на высочайшемъ престолѣ о 24 ступени, подъ великимъ балдахиномъ. „Папа же Римскій, угождая врагу Божію, передастъ ему свою святительскую власть, какъ предшественникъ и предотеча, а по лишеніи власти своей, будетъ жить во Франціи подъ крѣпкимъ надзираніемъ и получать жалованья отъ антихриста 666000 р.“ (стр.

126—7). Читая эти строки, рѣшительно не понимаешь, какъ могутъ доходить до подобныхъ сумазбродныхъ умствованій люди съ здравымъ смысломъ, и какъ находятся другіе, которые вѣрятъ имъ.

Въ концѣ этой части авторъ говоритъ коротко о мелкихъ раскольническихъ сектахъ и толкахъ въ пермской епархіи, какъ поповщинскихъ, такъ и безпоповщинскихъ, хотя при этомъ и замѣчаетъ, что существуютъ ли нынѣ указываемые имъ толки въ пермской губерніи, онъ не знаетъ. Это-то незнаніе авторомъ современнаго состоянія пермскаго раскола и было вѣроятно причиной того, что онъ о нѣкоторыхъ сектахъ, несомнѣнно существующихъ въ пермской епархіи, напр. о странникахъ, даже не упоминаетъ. Замѣчательна указываемая авторомъ одна секта подъ названіемъ: *Зеленый садъ* или *бѣлый виноградъ*. Эта секта, по словамъ о. Палладія, основана въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія. Въ Екатеринбургѣ она открыта городской полиціей уже только въ 1831 году. Ученіе этой секты сходно съ ученіемъ Христовщины. Послѣдователи ея избираютъ изъ среды себя старшину, который въ молитвенныхъ собраніяхъ представляетъ лицо Спасителя, а Божію Матерь представляетъ какая либо старуха—„матушка". Такою матушкой была въ Екатеринбургѣ нѣкая Акулина Ивановна, сосланная въ Сибирь.

Не ограничиваясь изложеніемъ общихъ заблужденій пермскихъ раскольниковъ и—отличительнаго ученія поповщины и безпоповщины, авторъ упоминаетъ еще о „частныхъ заблужденіяхъ пермскихъ раскольниковъ". Къ такимъ заблужденіямъ авторъ относитъ ученія: о сотвореніи человѣка, ангеловъ и міра, о почитаніи 12 пятницъ, сонъ пресвятыя Богородицы, чернодневіе, о табакѣ, чаѣ и кофе, о картофели, о хмѣльномъ питіи

и о новомодной одеждѣ. Особеннаго въ ученіи пермскихъ раскольниковъ объ указанныхъ предметахъ нѣтъ ничего. За исключеніемъ ученія о табакѣ, чаѣ и проч., всѣ другія странныя мысли, указанныя авторомъ, существуютъ и въ нашемъ православномъ народѣ, потому что эти мнѣнія не придуманы вновь послѣ появленія раскола, а существовали въ нашей апокрифической литературѣ съ давняго времени.

Въ третьей части — подъ заглавіемъ: о религіозной жизни Пермскихъ раскольниковъ, авторъ говоритъ сначала о требоисправленіяхъ у раскольниковъ, — о томъ, какъ совершаются у нихъ: крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, браки, погребальные обряды, поминновеніе умершихъ и погребеніе. За тѣмъ во второмъ отдѣлѣ этой части рѣчь идетъ объ общественныхъ и частныхъ молитвословіяхъ раскольниковъ, о времени молитвословій, объ одѣяніи для молитвословій и о принадлежностяхъ молитвословій, какъ-то: о подручникахъ, лѣстовкахъ, поклонахъ, крестномъ знаменіи, такъ называемомъ „началѣ", чтеніи, пѣніи, каждепіи, иконахъ и о молитвѣ Іисусовой. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ обычаяхъ пермскихъ раскольниковъ и указываетъ слѣдующіе: „полаживаніе, — это почти тоже, что исправа, или очищеніе тѣхъ, которые молились въ православныхъ церквахъ и приняли тамъ какое либо таинство; частное благословеніе, пользующееся особеннымъ уваженіемъ у раскольниковъ; очищеніе пищи, покупаемой на рынкахъ у православныхъ; религіозныя путешествія на могилы расколоучителей, почитаемыхъ святыми; домашняя посолонь" и др. Эта часть труда о. Палладія справедливо должна быть признана самою интересною, не смотря даже на то, что многія свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь авторомъ, давно извѣстны каждому

и касаются всѣхъ вообще, а не пермскихъ только раскольниковъ. Такъ напр. говоря объ обычаяхъ пермскихъ раскольниковъ, авторъ (стр. 172—3) заимствуетъ свои свѣдѣнія изъ отвѣтовъ раскольниковъ Питириму. Понятно, сколько изъ подобныхъ описаній можно познакомиться съ современнымъ обществомъ пермскихъ раскольниковъ. Есть и еще недостатокъ въ этой части труда о. Архимандрита. Говоря о требоисправленіяхъ у раскольниковъ, авторъ не различаетъ требоисправленій безпоповщинскихъ отъ поповщинскихъ, а излагаетъ ихъ подъ однимъ общимъ именемъ требоисправленій раскольническихъ, что ведетъ къ смѣшенію понятій и даже къ неправильностямъ. Такъ, напр. разсуждая о мvропомазаніи, авторъ говоритъ,—„совершается ли гдѣ нибудь и какъ совершается таинство мvропомазанія у пермскихъ раскольниковъ, неизвѣстно. Хотя они увѣряютъ, что имѣютъ мvро освященное и переданное имъ отъ благочестивыхъ первыхъ епископовъ, бывшихъ до Никона; однако тѣже раскольники, руководствуясь поморскими отвѣтами, увѣряютъ, что за нужду и кромѣ мvра крещеніе совершается, надежно и извѣстно и спасительно можетъ быть. По всей вѣроятности мvропомазаніе теперь вовсе не совершается у пермскихъ раскольниковъ“ (стр. 157). Очевидно здѣсь ученіе поповцевъ (неполное) смѣшано съ ученіемъ безпоповцевъ. Тоже смѣшеніе находимъ въ статьяхъ: о причащеніи, покаяніи, бракахъ. Все, что сказано авторомъ объ этихъ таинствахъ, относится къ безпоповцамъ и почти нисколько къ поповцамъ. Есть въ этой части книги и противорѣчія прежде изложеннымъ свѣдѣніямъ. Такъ на стр. 110—11, 138, 140 и др. авторъ сказалъ, что поповцы не перекрещиваютъ переходящихъ къ нимъ изъ православія, а на стр. 156 говоритъ, что и попов-

цы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перекрещиваютъ младенцевъ, крещенныхъ православными священниками, что едвали справедливо. На стр. 119—20 сказано, что отлагаютъ крещеніе до старости поморцы, а раскольники другихъ толковъ только до 30 лѣтняго возраста, а на стр. 155 этотъ обычай — креститься въ старости приписывается всѣмъ вообще безпоповцамъ; на стр. же 179—80 говорится, что старовѣры пермскіе рожденіе младенца стараются скрыть, дабы не узналъ и не донесъ своему начальству приходскій священникъ, а потому тайно и наскоро крестятъ чрезъ кого случится. Объ комъ—эта рѣчь, о поповцахъ, или безпоповцахъ? Вообще видно, что авторъ не изучилъ отчетливо религіозныхъ обычаевъ, существующихъ въ разныхъ раскольническихъ сектахъ и толкахъ пермской епархіи, а писалъ объ нихъ или по слухамъ, или по отчетамъ лицъ, мало также знакомыхъ съ дѣломъ.

Изъ „приложеній" заслуживаютъ вниманія статьи, помѣщенныя подъ №№ 2, 4 и 5. Въ первой послѣ краткихъ замѣчаній о мнимомъ поврежденіи древней вѣры П. Никономъ, при содѣйствіи Арсенія Грека, объ окончательномъ истребленіи православія Петромъ Великимъ, при помощи Рѣдкина и Питирима, авторъ - раскольникъ ведетъ рѣчь о возстаніи стрѣльцовъ за перемѣну Петромъ древней одежды, о наказаніяхъ за это стрѣльцовъ преобразователемъ и о бѣгствѣ ихъ „гоненія ради" въ разныя страны, между прочимъ, и въ нынѣшнюю пермскую епархію. Въ числѣ бѣжавшихъ изъ Москвы были, по словамъ автора, не только „простыя, но и изъ большихъ персонъ штаты",— напр. „старецъ Андрей-енералъ, Анедомъ-архіерей Московскій (?), инокъ Θеодосій бояринъ, инокъ Пафнутій дворянинъ, инокъ Василій Семеновичь изъ кабинета

ассесоръ, инокъ Іаковъ Гавриловъ при Сенатѣ сенаторъ изъ Бергъ-Коллегіи“ и др. Всѣ эти лица „жили скитами“ человѣкъ по сту, отдѣльно отъ женщинъ, которыя имѣли свои особенные скиты и изъ которыхъ многія были также изъ сословій высшихъ. Всѣ эти скиты были разорены „капитаномъ Палчиковымъ Василіемъ Васильевичемъ Казанскимъ, по ордеру отъ Осинскаго воеводы маёра Романа Нѣмкова“. Насколько справедливы всѣ эти свѣдѣнія о первоначальномъ появленіи раскола въ пермской губерніи, трудно сказать. Авторъ писалъ свое сочиненіе спустя довольно времени послѣ описываемыхъ событій—въ 1795 году,— основаніе достаточное не вполнѣ вѣрить сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ—тѣмъ болѣе, что между ними есть положительно несправедливыя, напр. о московскомъ архіереѣ Аледомѣ, никогда не существовавшемъ. Послѣ историческихъ свѣдѣній въ разсматриваемомъ сочиненіи излагаются обвиненія церкви и православнаго общества въ разныхъ нововведеніяхъ и ересяхъ. Жесткость употребляемыхъ авторомъ выраженій наводитъ на мысль, что сочиненіе вышло изъ подъ пера безпоповца. Въ числѣ упрековъ православнымъ находятся между прочимъ слѣдующіе: „правила и земныхъ поклоновъ не имутъ, матерно-скверно лаютца, табакъ жрутъ, изъ породства женятца, присягами клянутца, пьютъ и ядятъ съ татарами и вотяками. Попы сребромъ вкупаются и ѣздятъ по крестьянамъ, грабятъ руги, пасхально, празнишно, вѣнчаніе крещеніе, погребеніе, а Господь не повелѣлъ ученикамъ собирать злата и сребра и мѣди на дву ризу и сапоги. Благовѣстникъ Евангеліемъ проклинаетъ, аще отъ крещенія даръ возметъ и лица, подобенъ Іюдѣ предателю.“ Всѣ эти упреки раскольниковъ показываютъ, что для полнаго примиренія съ православнымъ обществомъ рас-

кола нужно не только доказать несостоятельность его догматическихъ убѣжденій, но и устранить по возможности предубѣжденія раскола противъ нѣкоторыхъ сторонъ практической жизни православнаго русскаго общества, какъ объ этомъ мы уже и говорили (Хр. Чт. 1868 г. янв. стр. 28 и 30).

Помѣщенное подъ № 4 сочиненіе раскольническое также, по нашему мнѣнію, написано безпоповцемъ. Въ немъ сперва излагаются правила, опредѣляющія до мельчайшихъ подробностей нравственно-религіозную жизнь раскольниковъ, а за тѣмъ исчисляются разныя мнимыя отступленія православныхъ отъ истинной вѣры въ ученіи и въ дѣлахъ. Особенно замѣчательны правила: въ нихъ видно желаніе раскольниковъ во все — въ самыя обыденныя, житейскія дѣла, вносить религіозный элементъ. Этимъ-то явленіемъ—привычкою раскольниковъ смотрѣть на все въ жизни съ религіозной и церковной точки зрѣнія и объясняется то, что они видятъ нарушеніе вѣры православными даже въ такихъ вещахъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ вѣрѣ и имѣютъ значеніе чисто мірское, житейское. Такъ, напр. авторъ разсматриваемаго сочиненія осуждаетъ православныхъ между прочимъ за то, что они „одежду носятъ немецкую, латынску зборами и брыжами манжеты зборники юпки женщины и мущины. Камзола съ прорѣхами и пуговицы широки и щаблеты колпаки, якоже Даніилъ пророкъ Навуходоносору о видѣніи пришествія антихристова, власы женски на челѣ ежомъ подклеены но бѣсовски и галстусы удавленіе вмѣсто креста погибель себѣ знаменуютъ на страшномъ суде;... издорови пиютъ и вдорогу и за столъ садятца не молясь изъ застола, и за столъ снадворья не умывъ рукъ за хлѣбъ принимаютца погаными руками и за чистое берутъ и

молятца, псы у нихъ за столомъ лежатъ и особой исъ посуды кормятъ..., иные молятся протяня руку побахметски до полу. Поклонясь оглядаваюца во все стороны какъ коза, вшапкахъ предъ образомъ стоя и вмолитвѣ Сына Божія и вкресномъ знаменіи отвергли, и на иконахъ—Іисусъ, и женской полъ иные полугрудомъ и простоволосо стоятъ и молятся безплатовъ непокрывъ головъ, таковыхъ апостолъ брить и остругать повелеваетъ" и проч. и проч. Разумѣется, всѣ указываемыя здѣсь злоупотребленія—мелочи, но мы не можемъ осуждать раскольниковъ за ихъ взглядъ на эти мелочи. Жизнь христіанина должна быть христіанскою во всемъ, въ самыхъ обыкновенныхъ его дѣлахъ и занятіяхъ.

Подъ № 5 помѣщена авторомъ выписка изъ цвѣтника раскольническаго,—содержащая въ себѣ ученіе объ антихристѣ. Сущность этого оригинальнаго ученія уже изложена нами прежде.

Мы сказали прежде, что въ концѣ книги помѣщенъ авторомъ „взглядъ на пермское старообрядство", гдѣ доказывается, что пермское старообрядство не есть старая вѣра, и старообрядческія общества далеко не походятъ на истинную древлеотеческую церковь ни 1) по своему основанію, такъ какъ насадителями раскола въ пермской губерніи были большею частію преступники, враги церковнаго и гражданскаго правительства, распространявшіе свое ложное ученіе посредствомъ обмана и насилія, и притомъ расколъ появился въ пермской странѣ уже только въ XVII вѣкѣ и даже позже... ни 2) по церковному устройству, такъ какъ у поповцевъ нѣтъ епископа, а безъ епископа—и церкви, а у безпоповцевъ нѣтъ вовсе іерархіи, въ слѣдствіе чего у нихъ нѣтъ и многихъ таинствъ, а тѣ, которыя есть, не законно совершаются мірянами,... ни 3) по свое-

му отличительному ученію, въ которомъ только ложь и обманъ. Хотя побужденіе къ написанію этой части книги авторъ имѣлъ и довольно уважительное, — ему хотѣлось, „осмотрѣвъ по частямъ пермскій расколъ, взойти на гору созерцанія и бросить отселѣ взглядъ на пермское старообрядство“—подобно тому, какъ поступаютъ путешественники, которые, осмотрѣвъ какой либо городъ по частямъ, чтобы обнять его общимъ взглядомъ, восходятъ для сего на возвышенное мѣсто; тѣмъ не менѣе мы осмѣливаемся сказать, что о. Палладій напрасно увлекся желаніемъ „взойти на гору созерцанія“ и безъ пользы написалъ свой „взглядъ на пермское старообрядство“. Что расколъ не только пермскій, а и вообще всякій, не есть старая Вѣра, а старообрядческія общества не составляютъ истинной древлеотеческой церкви, это знаютъ всѣ, разумѣется, кромѣ самихъ раскольниковъ. Если же авторъ хотѣлъ убѣдить въ этомъ самихъ раскольниковъ, — то едвали онъ достигнетъ своей цѣли. Гораздо прежде появленія въ свѣтъ книги о. Палладія напечатано было и неразъ превосходное сочиненіе покойнаго пр. митрополита Григорія: „истинно древняя и истинно православная Христова Церковь“, въ которомъ съ большею основательностію и обстоятельностію, чѣмъ въ книгѣ о. Архимандрита, рѣшены всѣ тѣ вопросы, которыхъ касался въ своемъ взглядѣ на пермское старообрядство и о. Палладій,—и однакожъ раскольники доселѣ убѣждены, что они одни составляютъ истинную церковь и хранятъ истинную вѣру. Новаго сравнительно съ указаннымъ сочиненіемъ приснопамятнаго архипастыря нѣтъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги о. Палладія ничего; значитъ трудъ (хотя и не большой) потерянъ и пользы ни

для православія, ни для науки никакой. А если мы обратимъ вниманіе на тонъ рѣчи о. Архимандрита во взглядѣ его на пермское старообрядство, то должны будемъ сказать, что этотъ трактатъ не только безполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ для православія. Строгія сужденія автора о расколѣ, какъ о ядовитомъ растеніи (стр. 2), его отзывы о раскольническомъ ученіи, какъ основанномъ на превратномъ пониманіи или толкованіи дѣла, на лжи и обманѣ (стр. 36 и 47), его приговоры о раскольникахъ, особенно о безпоповцахъ, какъ о людяхъ, у которыхъ съ трудомъ можно находить слѣды истиннаго христіанства, безобразныя общества которыхъ покрываетъ глубокій мракъ, изъ мрачныхъ жилищъ которыхъ слышатся только дикіе вопли ожесточенія и ненависти къ св. православной церкви (стр. 17 и 18),—всѣ подобныя вещи скорѣе оттолкнутъ раскольниковъ отъ дѣла, защищаемаго авторомъ, чѣмъ расположатъ въ его пользу.

Что же сказать вообще о трудѣ о. Архимандрита? Трудъ—не вполнѣ удачный, но, какъ первый въ своемъ родѣ, заслуживаетъ нѣкотораго извиненія со стороны читателей и вниманія со стороны науки.

И. Нильскій.

СЛОВО

въ день возшествія на престолъ его императорскаго величества, благочестивѣйшаго государя императора александра николаевича, самодержца всероссійскаго (¹).

Уподобися царствіе небесное человѣку, сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ.
Матѳ. 13, 24.

Когда жизнь идетъ обычною чередою, то и мысль наша вращается большею частію около обычныхъ, быстро смѣняющихся, нашихъ частныхъ дѣлъ и предпріятій. Но бываютъ времена, когда всякій, живущій въ мірѣ, невольно задумывается надъ тѣмъ, что въ цѣломъ мірѣ происходитъ. Таково именно наше время, когда въ судьбахъ народовъ и царствъ совершилось и совершается столько неожиданнаго. Тутъ мысль наша, отрываясь отъ мелкихъ случайностей жизни, старается обнять кругъ жизни міровой; мы припоминаемъ прошедшее, вглядываемся въ ходъ настоящаго, обращаемся съ запросами къ будущему,—и во всемъ этомъ ищемъ разъясненій для прошлаго, уроковъ и упованій для жизни дальнѣйшей. Что жъ такое настоящая жизнь? Что значатъ всѣ ея перемѣны, то утѣшительныя и

(¹) Произнесено въ Исак. Соборѣ 19 ѳ. 1864 года Инсп. Ак. А. Владиміромъ.

отрадныя, то грозныя и потрясающія? Къ чему все это идетъ, и къ чему наконецъ придетъ? Чего намъ ждать, чего надѣяться?

Весьма естественно, если эти и подобные вопросы всею своею совокупностію больше или меньше занимаютъ нашу мысль, православные соотечественники, въ въ настоящее время, когда въ немногіе годы царствованія Благочестивѣйшаго Государя нашего совершилось столько важныхъ событій, начато и подготовлено Верховною Властію столько великихъ преобразованій! Еще естественнѣе, если эти вопросы займутъ насъ въ настоящій день, когда все отечество наше празднуетъ восшествіе на престолъ Того, державной волѣ Коего волею Всевышняго Промысла ввѣрено попеченіе о судьбахъ русскаго царства. — Простительны и умѣстны они, и вѣрный отвѣтъ на нихъ возможенъ, если задаютъ ихъ не малодушіе и маловѣріе и не одно пустое любопытство, но — смиренная вѣра въ неложныя указанія десницы Всевышняго. Это потому, что разумѣніе судебъ Всевышняго нисходитъ только отъ самаго Всевышняго, и смиренной вѣрѣ благоволилъ Онъ открыть ихъ въ святомъ своемъ Евангеліи.

Уподобися царствіе небесное человѣку, сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ... Сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій. А село есть міръ. Доброе же сѣмя сіи сутъ сынове царствія. Въ этихъ не многихъ словахъ Совершителя судебъ — разъясненіе тайны судебъ всего міра и судьбы нашего возлюбленнаго отечества.

Сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій, а село есть міръ. И такъ весь міръ есть поле, назначенное небеснымъ Сѣятелемъ для посѣва и жатвы добраго сѣмени. Душа человѣческая—духовная почва для этого сѣмени.

И какъ обширна и разнообразна эта почва! Сколько въ мірѣ народностей и языковъ, возрастовъ, званій и состояній, душевныхъ дарованій и характеровъ, различающихъ другъ отъ друга милліоны насельниковъ земли! Многочисленные народы и государства суть не что иное, какъ отдѣльныя нивы на этомъ неизмѣримомъ полѣ, нивы, имѣющія своихъ особыхъ дѣлателей, подъ верховнымъ распоряженіемъ Божіимъ, свою исторію, свои законы и условія жизни. Цари и царства, со всѣми законами и условіями жизни общественной, не суть дѣло случайнаго человѣческаго устроенія, но дѣло промыслительной десницы Божіей, поставившей, устроившей и сохраняющей ихъ для высшихъ цѣлей. Отдѣльныя личности, какъ отпрыски, появляются на свѣтъ, растутъ, развиваются, созрѣваютъ, пожинаются, какъ классы, и смѣняются другими. Для чего же именно назначено это поле? Для чего устроены эти нивы? Какое именно доброе сѣмя должно произрастать и созрѣвать на нихъ?

Доброе сѣмя сіи суть сынове царствія, — это ученіе объ истинномъ Богѣ и о томъ, что человѣкъ долженъ дѣлать, чтобы достойно чтить Господа Бога, любить Его и угождать Ему. Притомъ—не всякое ученіе объ этомъ, какое самъ собою измышлялъ когда нибудь разумъ человѣческій, но единственно то, которое принесъ отъ Отца Небеснаго единственный Спаситель міра; то сѣмя, которое посѣялъ въ мірѣ Сынъ человѣческій — Самъ и чрезъ своихъ апостоловъ. *Семя есть слово Божіе*. Какой плодъ этого сѣмени? *Сынове царствія*; сыны св. Церкви, того благодатнаго царства, которое основать приходилъ на землю самъ всевышній Царь и которымъ, какъ невидимый Глава, Онъ управляетъ до-

нынѣ. Благодатные сыны св. Церкви, какъ благіе класы, возникаютъ изъ среды міра отъ сѣмени чистаго слова Божія, возрастаютъ духовно и созрѣваютъ въ вѣрѣ и святости. Итакъ, вотъ для чего существуютъ царства и народы, съ ихъ разнообразными условіями и жизненными обстановками, — не сами для себя, не для того собственно, чтобы только охранять и развивать свое временное, земное благосостояніе; но для того, чтобы, принимая въ себя и храня въ чистотѣ евангельское сѣмя слова Божія, возращали изъ себя сыновъ благодатнаго царства Христова. Самъ по себѣ міръ, какъ дикое, незасѣянное поле, можетъ приносить только дикіе плоды, по мѣстамъ цвѣты красивые, но безплодные: такое имснно достоинство имѣютъ, въ глазахъ вѣры, всѣ добродѣтели семейныя, всѣ доблести гражданскія, всѣ успѣхи ума и воли, — просвѣщеніе и образованность, искуства и промышленность,— если они возникаютъ не отъ добраго сѣмени святой вѣры Христовой и цѣлію своею имѣютъ не славу Божію и святость жизни,—всѣ они имѣютъ значеніе только временной пріятности и пользы, но не приносятъ спасительнаго плода въ жизнь вѣчную. Теперь понятна цѣль, къ которой направлются невидимою Рукою всѣ событія міра, то явно благотворныя и свѣтлыя, то поражающія душу и гнетущія сердце. Это — не что иное, какъ разнообразныя средства къ исправленію и удобренію духовной почвы царствъ и народовъ, какъ тѣхъ, которые еще не приняли въ себя сѣмени христіанства, такъ и тѣхъ, которые приняли уже оное; это—или благотворные дожди, орошающіе и оживотворяющіе добро, или бури, очищающія духовную атмосферу отъ вредныхъ испареній, съ корнемъ исторгаю-

щія плевелы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающія обильнѣйшимъ и плодоноснѣйшимъ все истинно доброе и полезное. Если эти средства дѣйствуютъ благоуспѣшно, если какое либо царство, принявъ въ себя святое сѣмя христіанства, всѣ свои жизненныя силы и средства, — науки и искуства, промышленность и законодательство и т. под., — употребляетъ на то, чтобы хранить это сѣмя во всей чистотѣ его и возращать изъ него благіе плоды вѣры и святости: то бытіе государства обезопашено, дальнѣйшая слава, могущество и благоденствіе его несомнѣнны.

При этомъ указаніи Слова Божія, какой свѣтъ проливается на прошлыя судьбы нашего отечества, сколько назидательнаго представляется для настоящаго, сколько ясныхъ уроковъ для будущаго!

Долго приготовляемо было промысломъ Божіемъ духовное поле отечества нашего къ посѣву на немъ сѣмени царства Божія. Наконецъ устроена была нива русской державы, и вслѣдъ за тѣмъ, при благовѣрной Ольгѣ и равноапостольномъ Владимірѣ, посѣяно на ней святое сѣмя христіанства въ апостольской чистотѣ, безъ всякой примѣси плевелъ неправославія. Святое сѣмя пустило глубокіе корни въ народную жизнь и стало приносить желанные плоды по виду своему: вскорѣ возникли по всему обширному пространству земли русской вѣрные сыны православной Церкви. Въ послѣдствіи многими скорбьми удобряема была нива сердца Русскаго для большаго плодоносія. Живоносное сѣмя, сохраняемое во всей его чистотѣ, было вмѣстѣ и стояніемъ нашего отечества, опорою и залогомъ его несокрушимости. Не исторгли и не заглушили православной вѣры ни перевороты междоусобій, ни монгольскія на-

шествія, ни смуты междуцарствія. Они только укрѣпляли ее въ царствѣ русскомъ; научали дорожить ею, какъ основаніемъ спасительнаго единодержавія, какъ коренныимъ началомъ и животворнымъ духомъ, отъ котораго зависятъ бытіе, слава, могущество и благоденствіе Россіи. Чуждые намъ плевелы, подъ покровомъ наукъ и искуствъ, нѣкогда принесены были на нашу почву и пустили было свои вредные отпрыски въ жизни общественной. Но, по дивному и всеблагому устроенію Божію, сами же сѣятели этихъ плевелъ, съ огнемъ и мечемъ проникши до первопрестольной столицы, содѣйствовали тому, что мы сознали весь вредъ наносныхъ плевелъ, научились больше прежняго цѣнить и любить свое родное — русское, православное. Урокъ сталъ было забываться... Къ тому же въ планахъ Всевышняго предначертано было вскорѣ совершить въ короткій срокъ много мирныхъ событій, долженствовавшихъ подвинуть православную Россію далеко впередъ по пути совершенствованія. И вотъ промыслъ Божій попустилъ современно два тяжкихъ испытанія. Съ Запада надвинулась грозная туча многонароднаго нашествія враговъ. Отечество лишилось царственнаго Дѣлателя, съ незабвенною неутомимостію всѣ дни и часы жизни своей посвящавшаго заботамъ о прочномъ и славномъ благостояніи его. Испытанія сіи вѣрными сынами Россіи приняты были съ христіанскимъ упованіемъ, во вѣкъ непосрамляющимъ. Вражеское нашествіе не только не сокрушило, какъ хотѣло, ограды достоянія русскаго, но послужило средствомъ къ новымъ, истиннымъ пользамъ нашего отечества... Небесный Отецъ даровалъ знаменіе своей къ намъ милости, благоволивши возложить священное бремя правленія на державнаго первенца

Николаева, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, святою вѣрою къ этому приготовленнаго, многолѣтнимъ опытомъ искушеннаго и духомъ благости своей сердцамъ русскимъ давно извѣстнаго. Въ первый день своего царствованія православный Государь, предъ лицемъ Россіи и всего свѣта, далъ незабвенный обѣтъ—посвятить свою жизнь возведенію Россіи на высшую степень славы и могущества. Съ привычнымъ благоговѣніемъ къ царскому слову и отрадными надеждами сложили мы тогда въ сердцахъ своихъ этотъ священный обѣтъ. И изъ девяти протекшихъ лѣтъ—каждый годъ приносилъ намъ съ собою исполненіе царскаго обѣта, оправданіе нашихъ первыхъ ожиданій и новые залоги для новыхъ надеждъ на лучшее въ близкомъ будущемъ. Забудутся ли когда нибудь не только нами—современниками, но и отдаленными потомками русскихъ,—освобожденіе крестьянъ, усмиреніе Кавказа и забота о возстановленіи тамъ древняго христіанства, по высокому царскому милосердію—всевозможное облегченіе или отмѣна наказаній для имѣвшихъ несчастіе впасть въ тяжкія преступленія, частію оконченное, частію вновь предпринимаемое устройство наилучшихъ путей сообщенія, расширеніе и новые способы и условія народнаго образованія—высшаго и первоначальнаго, изысканіе средствъ къ улучшенію быта пастырей и служителей св. Церкви, мѣры къ улучшенію судопроизводства, облегченію и расширенію промышленности, объединенію сословій въ заботахъ о благѣ общественномъ, къ укрѣпленію и развитію православія и русской народности въ западномъ краѣ имперіи, и т. под.? Съ возшествіемъ на престолъ Благочестивѣйшаго Государя и съ наступленіемъ мирнаго времени, послѣ тяжкой, кровопро-

литной брани, не возвратился уже прежній ходъ жизни. Всюду стала замѣтна значительная и многосторонняя дѣятельность. Явный знакъ, что Провидѣніе, съ своей стороны, достигло цѣли: духовная почва сдѣлалась мягче, воспріимчивѣе, развитіе общественное усилилось, ускорилось.

Но все это возлагаетъ на насъ обязанность быть особенно внимательными къ себѣ и осторожными. На хорошей почвѣ съ бо́льшею силою и скоростію укореняются и растутъ плевелы... Къ счастію нашему, всѣ улучшенія и перемѣны государственныя совершаются по волѣ и руководству Царя *православнаго*. И самъ Онъ, въ первый же день своего царствованія, положилъ основою отечественнаго благоденствія и высшею цѣлію государственной жизни, и своимъ подданнымъ внушалъ полагать — сохраненіе и преуспѣяніе св. вѣры и чистой нравственности. Будемъ же оправдывать Его надежды и желанія, какъ Онъ оправдываетъ наши упованія! Согласно съ современнымъ духомъ усиленной, разносторонней дѣятельности, не останемся и мы въ бездѣйствіи: но при этомъ будемъ заботиться по преимуществу объ укорененіи и возращеніи въ себѣ и другихъ св. сѣмени ученія Христова. Просвѣщеніе умственное и и нравственное, гражданственное, промышленность, искуства, добродѣтели семейныя и общественныя будемъ основывать на св. вѣрѣ, и высшею цѣлью жизни своей будемъ имѣть вѣру и святость.

Имѣя въ виду, что царства земныя существуютъ ради царства небеснаго, будемъ служить государству ради Церкви Христовой, руководительницы къ царству небесному, или, иначе говоря, да будетъ наше служеніе отечеству служеніемъ въ духѣ святой Церкви, однимъ

изъ видовъ служенія Іисусу Христу и Его св. вѣрѣ. Къ какому бы кто служенію и занятію призванъ ни былъ: пусть ищетъ *не своихъ си* только, *но и друждняго* (Филип. 2, 4), *служитъ съ усердіемъ какъ Господу, а не какъ человѣкамъ* (Еф. 6, 7). Къ свободѣ ли призванъ кто милостію царскою? Да небудетъ для него *свобода поводомъ* только *къ угожденію плоти* (Гал. 5, 13), но пусть пользуется ею, какъ средствомъ удобнѣе служить Господу и пользѣ ближнихъ. Учить ли кто призванъ? Да учитъ въ разумѣ Божіи и смиренномудріи. Судить ли кто призванъ? Да судитъ съ правдою и нелицепріятіемъ. Получилъ ли кто право и большія удобства къ пріобрѣтенію и умноженію своихъ земныхъ благъ? Пусть имѣетъ въ виду—не какъ Евангельскій богачь — разорять одни житницы и большія созидать, чтобы ѣсть, пить и веселиться, но въ *Бога богатѣть, чтобы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, быть богатымъ на всякое доброе дѣло* (2 Кор. 9, 8). Новыми гражданскими учрежденіями члены всѣхъ сословій призываемые къ тѣснѣйшему объеденію, будемъ для этого имѣть въ виду, что самою вѣрою Христовою мы призваны къ живой взаимной связи во Христѣ Іисусѣ, какъ члены Его тѣла—Церкви, какъ братія о Господѣ. Дѣятельное сознаніе этой мысли внесетъ истинный и животворный духъ прочнаго единства и любви въ самый союзъ гражданскій, будетъ укрѣплять и освящать наслѣдственную любовь русскаго къ Царю и отечеству. Будемъ смотрѣть на всѣ событія отечества во свѣтѣ вѣры, какъ вразумляющія, испытующія и исправительныя мѣры всеблагаго промысла Божія для того, чтобы научить насъ проводить жизнь свою во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Тогда всѣ мѣры къ благоустройству государ-

ственному будутъ благословляемы десницею Всевышняго; тогда всѣ, подобныя бывшимъ и уже оканчивающемуся, испытанія, попускаемыя на отечество наше промысломъ Божіимъ, не только не поколеблютъ его, но, какъ и прежде, послужатъ къ большей славѣ и крѣпости его.

Паче же всего, Ты Самъ, Всеблагій Господи,—не въ правдахъ нашихъ, но на неизреченную милость твою дерзающе молимъ Тя, — продолжай исполнять во благихъ обѣтныя желанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, утверди Его животъ въ силѣ и правдѣ Твоей на многая лѣта, православную же Россію и православныхъ христіанъ во вѣки вѣка. Аминь.

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Приготовляя христіанъ къ подвигу поста и покаянія многими трогательными пѣснопѣніями и обрядами, св. Церковь болѣе всего приготовляетъ и укрѣпляетъ ихъ на этотъ подвигъ словомъ и ученіемъ самаго Господа нашего Іисуса Христа. Цѣлымъ рядомъ евангельскихъ чтеній въ воскресные дни, предшествующіе святой четыредесятницѣ, она то предостерегаетъ насъ отъ гордости фарисейской, могущей истребить и погубить плоды всѣхъ нашихъ даже дѣйствительно добрыхъ дѣлъ, то примѣромъ мытаря внушаетъ намъ духъ истиннаго смиренія, низводящаго на постящихся благоволеніе Божіе; то въ поразительной притчѣ о блудномъ сынѣ изображаетъ бѣдствіе человѣка, удалившагося отъ Бога и предавшагося чувственности, міру и плоти, и милосердіе Отца Небеснаго, возводящаго человѣка изъ бездны гибели и зла въ его первобытное достоинство; то напоминаніемъ о послѣднемъ страшномъ судѣ потрясаетъ душу безпечныхъ и ожесточенныхъ грѣшниковъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе тѣхъ вѣчныхъ и неизреченныхъ благъ, которыя наслѣдуютъ благословенніи Отца Небеснаго,—всѣ истинно кающіеся и ведущіе жизнь истинно христіанскую. Наконецъ, въ послѣдній воскресный день, предшествующій великому

посту, св. Церковь въ евангельскомъ чтеніи указываетъ еще на нѣкоторыя весьма важныя и непремѣнныя условія, которыя требуются отъ каждаго христіанина, чтобы подвигъ поста и покаянія былъ для него благотворнымъ и спасительнымъ.

Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, — такими словами начинается чтеніе этого дня — *отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 14, 15.)

И страшны эти слова, и утѣшительны; и судъ въ нихъ, и милость; и правда, и любовь! Подлинно, какая душа, если только она не потеряла окончательно вѣру въ Бога, не устрашится, не придетъ въ трепетъ отъ одной мысли, что грѣхи и беззаконія ея прощены не будутъ, что судъ, непреложный, вѣчный и неизмѣнный судъ Божій поразитъ ее и осудитъ на вѣчныя мученія и гибель? Но вотъ, милосердый Отецъ Небесный, чтобы умирить смущенную совѣсть грѣшниковъ и даровать отчаяннымъ надежду, объявляетъ, что всѣ грѣхи и беззаконія ихъ, какъ бы велики они ни были, будутъ прощены имъ, если только они съ своей стороны простятъ ближнимъ своимъ прегрѣшенія ихъ, то-есть, забудутъ всѣ обиды, всѣ проступки противъ нихъ, когда либо и кѣмъ либо совершенные. Что можетъ быть легче и удобнѣе этого для человѣка, искренно желающаго получить отпущеніе грѣховъ и наслѣдовать царствіе Божіе?

И такъ, любовь ко всѣмъ и миръ со всѣми — вотъ первое, самое существенное и необходимое условіе, требуемое отъ всѣхъ, приступающихъ къ подвигу поста и покаянія. И если оно необходимо намъ для того,

чтобы получить прощеніе въ нашихъ грѣхахъ отъ Бога: то не менѣе необходимо по самому существу и характеру истиннаго поста и покаянія, — необходимо потому, что безъ мира съ ближними, безъ любви къ нимъ невозможно истинное самоиспытаніе и покаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, если въ сердцѣ постящагося еще горитъ вражда и злоба противъ ближняго, если умъ и воображеніе его заняты тѣми оскорбленіями и обидами, которыя онъ претерпѣлъ отъ другихъ, если память его наполнена только различными случаями и обстоятельствами, словами и дѣлами его ближнихъ, такъ или иначе, истинно или мнимо его оскорбившихъ: то когда ему заниматься состояніемъ собственной своей души и сердца, когда думать о собственныхъ немощахъ и паденіяхъ? Кто не знаетъ, что въ подобномъ состояніи человѣкъ болѣе всего обращаетъ вниманіе на немощи и слабости своихъ обидчиковъ и враговъ, и менѣе всего занимается своими недостатками и несовершенствами? Кому не извѣстно, что каждая сильная страсть, овладѣвшая душею, поглощаетъ все ея вниманіе, всѣ силы, и что мало есть страстей, которыя такъ же сильно возмущаютъ душу и выводятъ человѣка изъ себя самаго, какъ гнѣвъ, вражда и ненависть?

Не трудно послѣ этого понять, каковы по существу своему постъ и покаяніе тѣхъ, которые исполняютъ извѣстные обряды Церкви, предписываемые ею во дни поста, но не думаютъ оставить своей вражды и ненависти на ближняго. Многіе, слѣдуя извѣстному доброму обычаю, испрашиваютъ предъ наступленіемъ св. четыредесятницы другъ у друга прощеніе въ оскорбленіяхъ и обидахъ; для этой цѣли въ иныхъ мѣстахъ даже нарочито посѣщаютъ другъ друга въ послѣдній

воскресный день предъ великимъ постомъ, отъ чего и самый этотъ день получилъ названіе дня прощенія, или *прощеная*. Но вотъ, тѣ самые люди, которые въ этотъ день съ такою, повидимому, искренностію, просили и получали другъ отъ друга прощеніе во взаимныхъ обидахъ, чрезъ нѣсколько дней ясно обнаруживаютъ, что этотъ обычай для нихъ—не болѣе, какъ обрядъ безъ смысла и значенія. Проходитъ недѣля, другая,—и они опять начинаютъ прежнюю жизнь: опять склонный къ клеветѣ и злорѣчію клевещетъ на своего ближняго, опять легкомысленная женщина смѣется надъ своей соперницей, опять низкій и коварный человѣкъ роетъ яму подъ своимъ ближнимъ, чтобъ отнять у него мѣсто, или разорить его, опять гнѣвливый и вспыльчивый оскорбляетъ другихъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, опять мстительный обдумываетъ и приводитъ въ исполненіе планы своего мщенія, опять изъ многихъ устъ слышатся тѣже ругательства, тоже сквернословіе, опять являются буйство, раздоры и брань.

Гдѣ же, куда дѣвалось это взаимное прощеніе обидъ? Гдѣ эти слова взаимнаго мира и любви, которыя такъ недавно обильнымъ потокомъ лились изъ устъ и въ которыхъ, казалось, слышенъ былъ голосъ сердца, искренно и нелицемѣрно любящаго своихъ ближнихъ? Отвѣчать на это не трудно: они и не исходили изъ искренняго и чистаго сердца, а только срывались съ языка, раздавались въ воздухѣ, и въ воздухѣ исчезали!... А между тѣмъ многіе, исполнивъ этотъ обрядъ примиренія съ своими ближними, приступаютъ потомъ къ самому подвигу поста и покаянія и, можетъ быть, думаютъ о себѣ, что они постятся истинно по христіански. Но такихъ постниковъ обличаетъ само Еванге-

ліе словами, непосредственно слѣдующими за ученіемъ о взаимномъ примиреніи и прощеніи обидъ:

Егда же поститеся, не будите якоже лицемѣри сѣтующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящееся: аминь, глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою, и лице твое умый: яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ (16—18.)

Постились фарисеи, но не переставали въ тоже время грабить домы вдовицъ,—постились, но не покидали своей гордости, по которой они себя считали людьми избранными и праведными, а другихъ хищниками, неправедниками, прелюбодѣями,—постились, но не только не дѣлались кроткими, а напротивъ, день отъ дня, болѣе и болѣе ожесточались въ своей неумолимой ненависти и злобѣ на Господа нашего и дышали ненасытимымъ желаніемъ убить Божественнаго Проповѣдника и Обличителя ихъ неправдъ,—постились, но далѣе тѣла ихъ постъ не простирался, или, вѣрнѣе сказать, онъ простирался и нѣсколько далѣе, имѣлъ нѣкоторую особенную цѣль, на самую земную и грубую, самую своекорыстную и самолюбивую—*да явятся человѣкомъ постящееся*. Не лучше ли было бы, если бы они вовсе не постились такимъ образомъ?

Но такъ и нынѣ поступаютъ тѣ, которые постятся только потому, что въ извѣстное время Церковію положено поститься,—говѣютъ потому только, что того требуетъ общій обычай, но въ то же время нисколько не думаютъ очистить свое сердце отъ злобы и ненависти въ своимъ врагамъ, отъ зависти къ счастію другихъ, отъ гордости и тщеславія предъ людьми, не имѣ-

ющими ихъ достоинствъ и качествъ, отъ своекорыстія и жадности, всегда готовой обмануть ближняго въ дѣлахъ купли и продажи, во взаимныхъ договорахъ и обязательствахъ. Въ такомъ постѣ нѣтъ искренности, нѣтъ чистосердечія. И какъ одинъ внѣшній миръ съ ближними, безъ внутренней любви къ нимъ, не дологъ, не надеженъ и не проченъ: точно такъ и подобный постъ есть только обманъ и лукавство, такъ какъ имъ хотѣли бы обмануть Бога, котораго обмануть невозможно, обмануть людей, обмануть и самихъ себя, обольщая себя тѣмъ, что они постятся какъ должно. Нѣтъ, должно поститься не для одной внѣшней обрядности, не по требованію однихъ обычаевъ и приличій, не для того, чтобъ показать только образъ благочестія, лишенный внутренней его силы, но для того, чтобы пріобрѣсть милость и благоволеніе Отца небеснаго, а Его благоволеніе и милость пріобрѣтаются не иначе, какъ всецѣлымъ отверженіемъ всѣхъ страстей и похотей. Постъ, хотя совершается на землѣ, но цѣль его не земная, а небесная: *Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*—въ великій день воздаянія всѣмъ и каждому!

Желаетъ ли кто достичь самаго совершенства въ подвигѣ поста? Евангеліе преподаетъ намъ ученіе объ этомъ совершенствѣ вслѣдъ за ученіемъ о постѣ: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ: Скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ. Идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (19, 21.)

Глубокій и знаменательный урокъ предлагается здѣсь Церковію всѣмъ постящимся и кающимся! Евангельское

слово прежде всего предостерегает ихъ отъ корыстолюбія, отъ пристрастія къ богатству, къ земнымъ сокровищамъ. Это пристрастіе, хотя бы оно не сопровождалось никакимъ хищничествомъ и обманомъ, никакимъ грабительствомъ и неправдой, тѣмъ не менѣе можетъ служить неодолимымъ препятствіемъ къ достиженію совершенствъ христіанскихъ. Мысль, постоянно обращенная къ земнымъ сокровищамъ, не охотно и не легко обращается къ дѣламъ духовнымъ, къ міру горнему и божественному; она постоянно развлекается гнетущими заботами о томъ, какъ бы сберечь свое земное сокровище, какъ бы его увеличить, какъ бы наилучше употребить его, и т. дал., и т. дал.

При этомъ, впрочемъ, не должно думать, что заповѣдь Евангелія относится единственно къ тѣмъ, которые владѣютъ какими либо огромными сокровищами, множествомъ денегъ и имущества; а тѣмъ болѣе не должно думать, будто Евангеліе вовсе запрещаетъ человѣку—быть богатымъ.—Можно не имѣть многаго, но ко многому быть пристрастнымъ; можно не быть богатымъ, но всѣмъ сердцемъ желать богатства, объ немъ только думать, объ немъ помышлять день и ночь; можно имѣть сокровище не въ деньгахъ и имѣніи, но въ какомъ либо, иногда самомъ ничтожномъ и маловажномъ, предметѣ, къ которому мы привязаны всѣмъ сердцемъ, который постоянно удерживаетъ наши помыслы на землѣ и ни на минуту не даетъ намъ подумать о нашемъ вѣчномъ и небесномъ назначеніи; можно имѣть сокровище въ какой либо мысли, желаніи и намѣреніи, привязывающемъ насъ къ землѣ и земному; самыя естественныя наши привязанности къ лицамъ, соединеннымъ съ нами узами родства, дружбы, взаимныхъ вы-

годъ и удовольствій, иногда дѣлаютъ для насъ изъ этихъ лицъ такое сокровище, которое совершенно овладѣваетъ нашимъ сердцемъ и отвлекаетъ его отъ Бога, какъ это можно видѣть изъ словъ Христа Спасителя: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37).

И такъ, если и во всякое время, то особенно предъ вступленіемъ въ подвигъ поста и покаянія благовременно св. Церковь взываетъ къ чадамъ своимъ словами Господа: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ*, — не привязывайтесь ни къ чему земному, временному и тлѣнному, до того, чтобы оно отвлекало васъ отъ небеснаго, вѣчнаго и божественнаго. *Скрывайте же себѣ сокровище на небеси*, гдѣ все вѣчно и неизмѣнно, мысль и сердце устремите къ Богу, о Немъ помышляйте, Его желайте, къ Нему стремитесь всѣми силами тѣла и духа!

И подлинно, какъ необходимо всѣмъ постящимся, молящимся и кающимся всецѣло вознести свой умъ и сердце къ Богу, чтобы вполнѣ достигнуть цѣли поста, покаянія и молитвы! Цѣль этихъ подвиговъ есть таинственное, пріискреннее общеніе съ нашимъ Господомъ и Спасителемъ въ таинствѣ Евхаристіи. Какую же пламенную и живую любовь ко Господу долженъ имѣть каждый, приступающій къ таинственной трапезѣ и пріемлющій въ себя сокровище, драгоцѣннѣе котораго нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ! Какъ строго и внимательно нужно испытывать ему себя самаго, *достойнѣ* ли онъ *ястъ и піетъ* тѣло и кровь Господню, горитъ ли его сердце къ Богу и Спасителю своему такою полною и самоотверженною любовію, которой не можетъ пре-

высить и преодолѣть никакая земная любовь и привязанность! Если въ сердцѣ христіанина есть такая любовь, тогда есть и надежда, что таинственный союзъ его съ Господомъ на-всегда пребудетъ неизмѣннымъ и и неразрывнымъ: *идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше*; а гдѣ наше сердце, тамъ и вся наша жизнь!..

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ.

Между памятниками христіанской древности не много можно указать такихъ, которые возбуждали бы столько интереса и имѣли такую археологическую важность, какъ римскія катакомбы. Это—цѣлый подземный городъ, который вдругъ переноситъ мысль и воображеніе посѣтителя за тысячу шестьсотъ лѣтъ тому назадъ и даетъ ему наглядную картину давно минувшей религіозной жизни со всей ея внѣшней обстановкой. Эта жизнь проходила среди обстоятельствъ слишкомъ исключительныхъ, чтобы не возбудить къ себѣ симпатичнаго вниманія. А ея формы, уцѣлѣвшія отъ разрушительнаго дѣйствія времени въ св. храмахъ, свящ. изображеніяхъ, сосудахъ, надписяхъ и проч. имѣютъ высокій научный интересъ уже и потому одному, что связываются по своему внутреннему смыслу съ таковыми же формами религіозной жизни нашего времени. Вотъ почему въ наши дни надъ реставраціей катакомбъ трудятся и правительства и частныя лица. Эти труды обѣщаютъ важные результаты для церковной исторіи и особенно для археологіи. Въ ожиданіи этихъ результатовъ мы хотимъ представить краткій очеркъ устройства катакомбъ, ихъ исторіи и сдѣланныхъ уже въ нихъ открытій, подъ руководствомъ лучшихъ знатоковъ этого предмета.

I.

История первыхъ христіанскихъ кладбищъ въ Римѣ, или катакомбъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ, можетъ быть раздѣлена на три періода: первый — отъ начала ихъ до первыхъ годовъ IV вѣка, второй отъ начала IV до VII в. и третій — съ этого вѣка до нашего времени, которому предстоитъ задача окончательнаго разъясненія этой исторіи.

Но прежде, чѣмъ перенесемся съ нашими читателями къ первому періоду исторіи христіанскихъ катакомбъ въ Римѣ, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній, сказать два три слова объ историческомъ происхожденіи самаго слова „катакомбы". Легко подумать, что названіе „катакомбъ" было первоначальнымъ названіемъ первыхъ христіанскихъ усыпальницъ, или кладбищъ. На самомъ же дѣлѣ это было вовсе не такъ. Римъ окруженъ длинною цѣпью кладбищъ, — числомъ около шестидесяти. Эти кладбища носятъ на себѣ имена одного, или нѣсколькихъ святыхъ, остатки которыхъ тамъ покоятся. Такъ есть усыпальницы святыхъ Нерея и Ахиллея, (1) св. Агнесы, (2) св. Панкратія, (3) св. Претекстата, (4) св. Присциллы (5) и др. Иногда эти усыпальницы получали свое названіе отъ мѣстности, въ которой были выкопаны, (6) и такимъ образомъ вмѣсто одного носили два, три и болѣе названія. Такъ на пр.

(1) Память ихъ празднуется нашею церковію 15 мая.
(2) 21 января.
(3) 9 февраля.
(4) Въ нашихъ святцахъ не упоминается.
(5) 7 іюня.
(6) Напр. Ad Nymphas, Ad ursum pileatum, Inter duas lauras, Ad Sextum Philippi и проч.

усыпальница св. Севастіана, называвшаяся также Coemeterium ad Sanctam Caeciliam (¹) кромѣ этого названія носила еще нѣсколько другихъ и въ томъ числѣ Coemeterium ad Catacumbas. Значеніе этого слова вполнѣ не извѣстно, хотя происхожденіе его и связываютъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ склепѣ, который и теперь существуетъ близъ этого кладбища, нѣкоторое время были погребены священные останки первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Такимъ образомъ, по этому объясненію, катакомбами называлось то кладбище, которое примыкало къ гробницамъ первоверховныхъ апостоловъ (²). Во всякомъ случаѣ, названіе Ad Catacumbas было первоначально частнымъ названіемъ этого кладбища, потомъ начали употреблять его въ болѣе широкомъ значеніи и наконецъ стали называть „катакомбами" всѣ вмѣстѣ взятыя подземныя усыпальницы Рима.

Происхожденіе „катакомбъ" въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ долгихъ споровъ. Археологи трехъ послѣднихъ столѣтій, опираясь на два или на три двусмысленныхъ мѣста, высказали мнѣніе, что „катакомбы" были первоначально ничто иное, какъ глубокія ямы съ вѣтвями побочныхъ галлерей, изъ которыхъ Римляне языческаго періода брали песокъ и камни для городскихъ построекъ. Эти песчаныя ямы назывались arena-

(¹) т. е. усыпальница при гробѣ Св. Цециліи.

(²) Есть впрочемъ и еще нѣсколько объясненій. Нѣкоторые производятъ это слово отъ греческаго слова *κατακομβή*, которое означаетъ глубокую яму, каковое названіе какъ нельзя болѣе идетъ къ подземельямъ катакомбъ: locus cavus atque profundus, qualia Romae praesertim coemeteria esse solebant in arenariis profundis cryptis excavata. Baron. An. ad Martyr. 20 jan. Виземанъ производитъ катакомби отъ греческаго предлога *κατά* (къ) и латинскаго слова cumba (лодка и оврагъ). Fabiola pag. 197.

гія; это же названіе осталось (кромѣ другихъ названій и за христіанскими усыпальницами (¹). Но болѣе тщательное изслѣдованіе ученаго Марки и другихъ антикваріевъ вполнѣ опровергло эту теорію. Мы впрочемъ не будемъ разбирать и оцѣнивать доказательствъ о. Марки; потому что не считаемъ вопроса о происхожденіи катакомбъ на столько важнымъ, чтобы входить, по поводу его, въ разсужденія. Были ли это заброшенныя язычниками каменоломни, или песчаныя ямы, устроены ли они христіанами, независимо отъ этихъ заброшенныхъ раскопокъ языческихъ,—значеніе ихъ отъ того нисколько не измѣняется. Устройство катакомбъ въ томъ пластѣ земли, изъ котораго язычники не могли брать ни песку, ни камней, и котораго слѣдовательно не имѣли причинъ раскапывать, намъ кажется вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ чисто христіанскаго ихъ происхожденія, помимо всѣхъ догматическихъ, моральныхъ палеографическихъ и другихъ соображеній, представляемыхъ о. Марки (²).

Вотъ устройство катакомбъ. Чтобы попасть въ катакомбы, нужно сначала спускаться по ступенькамъ чрезвычайно крутой лѣстницы, которая доводитъ васъ до слоя рыхлаго, разсыпчатаго песку, который съ послѣдней ступенькой достигаетъ твердости рыхлой, но прочной скалы, на поверхности которой еще до сихъ поръ замѣтны слѣды самыхъ легкихъ ударовъ заступа. Когда

(¹) Wid. apud Panuin. de ritu sepeliendi mortuos, cap. XII et XIII; apud Baronium in notis ad Martyrologium; apud Ruinart. in actis Martyrum.

(²) Почва Рима и его окрестностей состоитъ изъ трехъ пластовъ: верхній песчаный называется: pozzolana, средній — рыхлая скала tufa granulare; нижній—кремнистая скала — Lithoide: изъ верхняго язычники брали песокъ, изъ нижняго—камни, въ среднемъ устроены катакомбы.

вы достигнете этой скалы, то это значить, что вы достигли перваго этажа катакомбъ. Отсюда спускаются еще ниже лѣстницы и ведутъ васъ во второй и даже третій этажъ. И лѣстницы и этажи устроены всѣ одинаково.

Катакомбы во всѣхъ ярусахъ могутъ быть раздѣлены на три части: на галлереи, комнаты и церкви. Галлереи это—длинные и узкіе корридоры, высѣченные въ скалѣ довольно правильно, такъ что полъ и потолокъ приходятся подъ прямыми углами къ стѣнамъ корридоровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они такъ съуживаются, что два человѣка съ трудомъ могутъ разойтись, не становясь другъ къ другу бокомъ. Часто эти галлереи тянутся по прямой линіи на довольно значительное пространство и пересѣкаются другими галлереями; эти въ свою очередь—еще другими, такъ что въ общемъ образуется настоящій лабиринтъ,—сѣть подземныхъ корридоровъ, которую нѣтъ возможности распутать. Потеряться въ этомъ лабиринтѣ такъ же легко, какъ и опасно. Между тѣмъ эти корридоры устроены не для того только, чтобы служить проходами до какого-нибудь опредѣленнаго мѣста, какъ можно бы предполагать по ихъ названію. Они сами по себѣ составляютъ катакомбу, или кладбище. Ихъ стѣны, также какъ стѣнки, между которыми вырублены ступеньки лѣстницъ, наполнены гробницами, какъ пчелиный улей — сотами. Онѣ представляютъ ряды углубленій большихъ и маленькихъ, но достаточно длинныхъ, чтобы могло помѣститься въ нихъ человѣческое тѣло, будетъ ли то тѣло младенца, или взрослаго человѣка. Тѣла клались параллельно къ галлереямъ. Иногда число этихъ углубленій отъ потолка до полу галлереи доходитъ до четырнад-

цати, иногда ихъ бываетъ только три или четыре. Эти углубленія такъ хорошо принаровлены къ объему тѣлъ, которыя въ нихъ положены, что, повсей вѣроятности, каждое изъ нихъ вырубалось по мѣрѣ надобности.

Когда тѣло, завернутое въ саванъ, вкладывалось въ свою тѣсную келейку; то отверстіе этой келейки тщательно задѣлывалось иногда мраморной доской, а чаще нѣсколькими широкими черепицами, по краямъ вдѣланными въ пазъ, или выемку, нарочно для этой цѣли сдѣланную въ окраинахъ скалы. Затѣмъ эти черепицы замазывались цементомъ и гробница — готова. Эпитафіи вырѣзывали или на мраморѣ, или выводили на извѣстковомъ растворѣ цемента какимъ-то острымъ инструментомъ. Тысячи надписей перваго рода собраны и хранятся въ разныхъ музеяхъ и церквахъ; огромное количество надписей втораго рода тоже скопировано и обнародовано; но большая часть гробницъ не имѣетъ надписей и не даетъ никакихъ свѣденій о своихъ покойникахъ. Къ какой эпохѣ относятся эти христіанскія усыпальницы, и какъ опредѣлить время ихъ происхожденія?

Не сохранилось никакого указанія на то, чтобы христіане хоронили своихъ покойниковъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ прежде устройства катакомбъ. Это невольно заставляетъ думать, что катакомбы начали устроятьcя въ Римѣ съ самаго же появленія здѣсь христіанства. Какими же соображеніями водились первые христіане, давая такое устройство своимъ усыпальницамъ? Думаютъ,—слѣдующими. Извѣстно, что тѣло Господа Іисуса, по снятіи съ креста, было обернуто въ льняную плащаницу, покрыто благовонными мастями и положено во гробѣ, высѣченномъ въ каменной скалѣ.

Входъ въ него, какъ извѣстно, заваленъ былъ камнемъ. Апостолъ Павелъ, какъ читаемъ въ его посланіяхъ, часто представляетъ вѣрующимъ воскресеніе Христа Спасителя, какъ образъ ихъ будущаго воскресенія, называя ихъ спогребшимися Ему крещеніемъ въ смерть (¹). По этому нѣтъ ничего естественнѣе, что первые вѣрующіе, предъ которыми живо предносился Ликъ Божественнаго Искупителя, хотѣли подражать Ему и въ образѣ погребенія, чтобы возстать съ Нимъ по образу Его воскресенія. Такимъ образомъ, съ одной стороны—желаніе подражать Господу въ Его погребеніи, съ другой—надежда воскреснуть съ Нимъ привели христіанъ къ мысли дать такое устройство своимъ усыпальницамъ.

Это мнѣніе подтверждается и выраженіями надгробныхъ надписей. Ни на одной изъ нихъ нѣтъ слова „погребенъ" (inhumatus), а—„положенъ въ мирѣ" (depositus in pace), „положеніе" (depositio)—таковы общеупотребительныя выраженія. Этими фразами христіане первыхъ трехъ вѣковъ выражали ту мысль, что мертвые въ этихъ мѣстахъ положены только на время—до тѣхъ поръ, какъ ихъ позовутъ отсюда; они только поручены вѣрному, но временному охраненію, какъ залогъ или драгоцѣнное сокровище. Самое названіе кладбища Coemeterium (²) подтверждаетъ тоже самое. Въ этой общей

(¹) Колосс. 2, 12. Римл. 6, 4.

(²) Coemeterium—греческое κοιμητήριον (отъ κοιμάω—ложиться спать). По свидѣтельству Атенея, Критяне называли словомъ κοιμητήριον общія спальни въ гостинницахъ (Athen. lib, 4, c. 5). Не трудно понять, почему христіане дали такое названіе кладбищамъ. Они всегда смотрѣли на настоящую жизнь, какъ на чужую сторону, по которой они странствуютъ, стремясь къ небесному отечеству, своей настоящей родинѣ. Кладбища такимъ образомъ имѣли значеніе ночлега, съ котораго уснувшіе пробуждались для другой лучшей жизни.

спальнѣ почившіе уснули до радостнаго утра, когда займется заря и звукъ послѣдней трубы разбудитъ ихъ. Вотъ почему гробница называется „мѣстомъ“ (locus), или чаще „узкимъ мѣстомъ„ (loculus), временно занимаемымъ отшедшими во Христѣ Іисусѣ.

Что катакомбы по своему происхожденію относятся къ первымъ годамъ христіанства въ Римѣ, тому находимъ мы доказательства въ самыхъ же катакомбахъ. Стиль живописи, которую открыли тамъ въ настоящее время, принадлежитъ той эпохѣ, когда это искусство еще процвѣтало. Символическій характеръ этой живописи указываетъ на самую отдаленную эпоху, потому что вкусъ къ символическимъ изображеніямъ, открываемымъ въ катакомбахъ, скоро и надолго затѣмъ упалъ въ христіанствѣ. Хотя въ надписяхъ рѣдко можно встрѣтить указаніе на годъ смерти усопшаго, тѣмъ не менѣе изъ 10,000 надписей, собранныхъ и публикованныхъ ученымъ и талантливымъ Росси, насчитывается до 300 такихъ, которыя указываютъ на годы консульства послѣ первыхъ императоровъ и доводятъ ихъ до половины четвертаго вѣка (до 350 г. (¹) по Р. Хр.) Еще одно любопытное и интересное обыкновеніе даетъ намъ возможность узнавать приблизительно время устройства гробницъ. Въ то время, какъ нужно было задѣлывать отверстіе гробницы, родители или друзья усопшаго, чтобы послѣ найти дорогую для себя могилу между множествомъ другихъ, иногда вдавливали въ свѣжій еще цементъ мо-

(¹) Въ Херс. епарх. вѣдомостяхъ (1864 г. № 2, стр. 83) приводится одна надпись, относящаяся къ III му вѣку по Р. Хр.—Прим. ред.

гилы медаль, камею, рѣзной камень, иногда даже раковину, или кремень. Эти примѣты необходимо было класть на тѣхъ особенно гробницахъ, на которыхъ не дѣлалось надписи, — иначе не было возможности отыскать ихъ. Много такихъ вещей, служившихъ примѣтами, собрано уже; а множество другихъ находятъ и теперь почти ежедневно. Нерѣдко тамъ и самъ медали, прилѣпленныя къ цементу, упадали, но сторона, которой они держались на немъ, очень отчетливо отпечатлѣвалась на отвердѣвшей замазкѣ. Эти отпечатки тоже указываютъ на годы смерти покойника, которые восходятъ часто къ Доминіану и даже другимъ древнѣйшимъ императорамъ.

Вообще первенствующіе христіане заботливо отмѣчали время смерти усопшихъ, и чаще - день, чѣмъ годъ этой смерти. Кромѣ обыкновенныхъ побужденій родственной любви, или братской пріязни, было къ тому еще побужденіе, на которое между прочимъ указывается и въ надписяхъ на гробницахъ. Въ наше время обыкновенно на могильныхъ крестахъ или памятникахъ выставляется годъ и число мѣсяца, когда скончался почившій. И если съ указаніемъ на число мѣсяца не будетъ обозначенъ и годъ, тогда указаніе теряетъ почти всякое значеніе, но не на оборотъ. Но между тѣмъ, какъ менѣе древнія надписи въ катакомбахъ указываютъ годъ смерти, встрѣчаются другія, которыя отмѣчаютъ только день, въ который усопшій перешолъ въ лучшую жизнь, исполненный упованія (христіанинъ), или дерзновенія (мученикъ). Это объясняется очень просто. Въ эпоху, о которой у насъ рѣчь, память каждаго вѣрующаго, будетъ ли онъ простой христіанинъ или мученикъ, праздновалась ежегодно именно въ тотъ

день, въ который онъ скончался. А для этого естественно было необходимо знать навѣрное день кончины каждаго. Вотъ почему такъ тщательно въ древнѣйшихъ надписяхъ отмѣчался день кончины усопшаго.

Все это, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей катакомбъ, даетъ право отнести происхожденіе ихъ къ первымъ годамъ нашей эры. Теперь остается сказать, до какого времени христіане пользовались ими. Когда церковь получила миръ, вѣрующіе по глубокому чувству благочестія старались быть погребенными послѣ своей смерти подлѣ св. мучениковъ и мучелицъ предшествовавшаго времени. Но вообще они довольствовались въ этомъ случаѣ тѣмъ, если ихъ погребали подъ поломъ галлерей. Отсюда произошли нагробные камни, которые часто находятъ подъ щебнемъ катакомбъ; всѣ они указываютъ на консульскіе годы IV в. Они толще, шире, лучше обдѣланы и не столь простаго стиля, какъ тѣ, которыя придѣланы къ боковымъ стѣнамъ и которыя указываютъ на годы болѣе древніе. Но къ концу этого вѣка эти памятники дѣлаются рѣже и рѣже, а въ V и нѣсколько позднѣе христіане, уже перестаютъ погребать своихъ покойниковъ въ катакомбахъ. Папа Дамасъ, умершій въ 384 г., говоритъ намъ въ своей эпитафіи, что онъ не дерзаетъ сложить свои кости при костяхъ св. мучениковъ.

Мы видѣли пока только галлереи, или корридоры. Заглянемъ теперь въ залы, или комнаты Онѣ назывались кубикулами (cubicula — спальни) и имѣютъ различное устройство. Большею частію — это четвероугольныя комнаты, почти квадратныя — не равной величины. Но есть и полукруглыя, трехъугольныя, шестиугольныя, осьмиугольныя и проч. Эти особенности

въ формѣ кубикулъ обусловливались особенностями грунта, въ которыхъ они были устроены. Не одною формою, но и размѣрами и назначеніемъ различаются между собою эти кубикулы. Различіе ихъ въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ было причиною того, что эти комнаты кромѣ одного общаго носили еще другія частныя названія. Самыя малыя по размѣрамъ кубикулы назывались просто cubiculae; средніе— cryptae (гроты пещеры), самыя большія—areae (площадки).

Вотъ устройство обыкновенныхъ кубикулъ. Предъ нами отверстіе въ стѣнѣ галлереи. Это отверстіе очень похоже на дверь; но съ однимъ только порогомъ, а иногда и просто безъ всякаго порога. Переступивши чрезъ порогъ, мы очутимся въ маленькой комнатѣ въ нѣсколько футовъ длины, ширины и высоты. Обыкновенно эта комнатка представляетъ видъ полукруглой маленькой часовни. Но какъ сказали мы выше,—это— не единственная, а только главная форма кубикулъ. Задняя стѣна кубикулы (противъ входа) большею частью бываетъ занята гробницею мученика. Гробница возвышается на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ пола и помѣщается въ нишѣ; она покрыта сверху мраморною, или простою каменною доскою, на которой очень удобно совершать св. тайны. Возношеніе Пречистаго Тѣла и Честной Крови Божественнаго Искупителя на гробахъ мучениковъ съ глубокой древности было самою славною привиллегіею св. исповѣдниковъ христовыхъ, останки которыхъ служили въ этомъ случаѣ какъ бы подножіемъ Божественному Агнцу, закланному отъ сложенія міра (1). Въ стѣнахъ кубикулы помѣщаются, го-

(1) Эту мысль высказалъ одинъ древній христіанскій поэтъ въ слѣ-

ризонтально къ нимъ, два или три loculi, какъ въ галлереяхъ. Полукруглыя кубикулы, носящія болѣе частное наименованіе *толюсовъ* (tholus), большею частію украшены живописными изображеніями, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Если мы присовокупимъ ко всему этому красноватый цвѣтъ камня, или торфа, въ которомъ выкопаны кубикулы, то будемъ имѣть наглядное представленіе и о формѣ, и о физіономіи кубикулы.

Нѣкоторыя кубикулы сообщаются съ поверхностію почвы посредствомъ отверстій среднихъ размѣровъ. Такія кубикулы называются „свѣтлыми кубикулами (cubicula clara)„. Кубикула безъ отверстія называется „обыкновенной кубикулой (cubiculum vulgare).„ Какъ показываетъ самое названіе отверстій—luminaria—онѣ служили проводниками свѣта и воздуха въ кубикулы. Не безъ основанія также можно думать, что чрезъ эти же отверстія иногда спускались и живые, спасавшіеся отъ преслѣдованія, и тѣла мучениковъ, если не было возможности спустить ихъ въ катакомбы чрезъ обыкновенные входы. Этимъ, кажется, всего естественнѣе объясняется то обстоятельство, что эти отверстія устроены не вертикально, какъ наши трубы, а наклонно. Второю причиною могло быть то, чтобы дождь, песокъ и камни не упадали прямо на голову присутствовавшихъ въ кубикулѣ. Съ цѣлію предупредить подобныя случайности, отверстіямъ давали квадратную форму. Если

дующемъ стихотвореніи:

Sic venerare ossa libet,
Ossibus altar et impositum;
Jlla Dei sita sub pedibus,
Prospicit haec, populosque suos
Carmine propitiata fovet.
(Prudentius, περὶ στεφ. III, 43)

линія отверстія шла чрезъ торфъ, то стѣнки его ничѣмъ не укрѣплялись, а если чрезъ песокъ, или почву, сложившуюся изъ растительныхъ остатковъ, то стѣнки обкладывались камнемъ или кирпичемъ, для крѣпости. Верхняя часть отверстія находилась не прямо на землѣ, а обыкновенно обводилась маленькою, каменною, или кирпичною стѣнкою въ футъ вышины, которая не дозволяла дождю размывать окраины отверстія и увлекать въ него песокъ и камни (1). Отверстія, о которыхъ мы говоримъ, современны самому устройству катакомбъ. На нижнихъ частяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились еще остатки первоначальной живописи. Кубикулы обязаны своимъ устройствомъ благочестію частныхъ лицъ. Ихъ назначеніе служить семейными усыпальницами. Отсюда ихъ надписи, столь обыкновенныя въ катакомбахъ: Cubiculum Domitiani, Cubiculum Gardentü, Cubiculum Aureliae, Cubiculum Germilani. Эти усыпальницы всегда были болѣе или менѣе тщательно отдѣланы и украшены смотря по состоянію и общественному положенію ихъ устроителей. По размѣрамъ всѣ эти кубикулы похожи одна на другую, но въ другихъ отношеніяхъ между ними существуетъ большая разность. Такъ, однѣ изъ нихъ имѣютъ гробницы подъ аркой, а другія не имѣютъ; въ однихъ эти гробницы служили престолами для безкровной жертвы, въ другихъ не служили; наконецъ однѣ украшены живописью, а другія нѣтъ.

Главное украшеніе кубикулъ составляетъ monumentum arcuatum (памятникъ подъ аркой). У стѣны, находившейся прямо противъ входа въ кубикулу, какъ мы сказали, стояла обыкновенно гробница. Ее вырубали въ

(1) Marchi p. 168.

самой этой стѣнѣ такъ, что надъ верхнею ея частію возвышалась арка; а нижнія боковыя части отдѣлялись отъ стѣны узенькими проходами. Она имѣла форму камина. На народномъ языкѣ эти гробницы, назывались monumenta arcuata (памятники подъ аркой); но настоящее ихъ названіе было arcosolium, которое означаетъ тоже самое. Этотъ arcosolium обыкновенно возышался надъ поломъ кубикулы на нѣсколько футовъ; иногда передъ нимъ лежалъ камень вмѣсто балюстрады; боковыя стѣнки, равно какъ и вся ниша большею частію были украшены живописью al fresco. Въ малыхъ кубикулахъ эта гробница иногда бывала занята мощами мученика; обыкновенно же въ ней покоились смертные останки устроителя кубикулы, или кого нибудь изъ его родныхъ и друзей. Но въ среднихъ и большихъ кубикулахъ въ этихъ гробницахъ всегда покоились мощи мучениковъ.

Первенствующая церковь такъ высоко цѣнила эти кубикулы, что установила въ іерархіи церковной особую должность *кубикуларіевъ* (cubicularii хранители кубикулъ, они же и martyrarii — хранители мощей мученическихъ). Эти кубикуларіи занимали мѣсто выше уподіаконовъ ([1]).

Среднія и большія кубикулы, носившія, кромѣ указанныхъ нами частныхъ наименованій, общее наименованіе церквей, или базиликъ,—служили мѣстами общественныхъ собраній для первыхъ христіанъ, и имѣли

(1) Constituit, ut si qui desideraret in aecclesia militare... ut esset prius ostiarius, deinde Lector, et postea Exorcista per tempora quae Episcopus statuit, deinde Acolytus, annis quinque; Subdiaconus, annis quinque; Custos Martyrum, annis quinque; Presbyter, annis tribus.... et sic ad ordinem Episcopatus ascendere.... Anast. in Sylu.

предъ малыми кубикулами то преимущество, что всегда обладали одной, или нѣсколькими гробницами св. мучениковъ. На этихъ гробницахъ исключительно совершалась безкровная жертва.

Существенное различіе между всѣми кубикулами, какъ мы сказали, состоитъ въ размѣрахъ ихъ. Обыкновенная кубикула относится къ гроту, какъ часть къ цѣлому (1). Отсюда и происходитъ, что въ нѣкоторыхъ гротахъ находится по нѣскольку кубикулъ, какъ въ домахъ обыкновенно бываетъ по нѣскольку комнатъ (2). А такъ какъ среднія и большія кубикулы служили храмами для первыхъ христіанъ; то, по всей вѣроятности, малыя кубикулы, находившіяся въ нихъ,—были прототипами боковыхъ придѣловъ въ нашихъ церквахъ.

Такихъ церквей очень много въ катакомбахъ, особенно въ усыпальницахъ Св. Каллиста, Претекстата и Агнесы. Одна изъ самыхъ большихъ находится въ усыпальницѣ Св. Прискиллы, и едва ли не самая красивая—въ усыпальницѣ Св. Елены.

Малыхъ церквей, или гротовъ, мы описывать не будемъ. Это—тѣже кубикулы, только бо́льшихъ размѣровъ. Но большія церкви требуютъ обстоятельнаго описанія.

Мы—въ базиликѣ Св. Севастіана. Пусть наши читатели представятъ себѣ двѣ кубикулы, только что нами описанныя, и поставятъ ихъ одна къ другой такъ, чтобы по срединѣ ихъ проходилъ корридоръ, тоже нами описанный. Корридоръ открываетъ входъ въ ту и

(1) Jl cubiculum è la parte, la Cripta è il tutto.—Marchi, p. 168.

(2) Marcellus presbyter noctu collegit corpora (Marcellini et aliorum)... et sepelivit ea in via Salariae, in coemeterio Priscillae, in cubiculo claro quod patet usque in hodierum diem.... in crypta juxta corpus S. Crescentionis. Anast. Biblioth. in Marcellin. Pap. Marchi p. 102—3.

другую кубикулу. Эти двѣ кубикулы, перерѣзанныя корридоромъ, составляютъ двѣ половины одной церкви. Въ концѣ одной изъ этихъ половинъ—находится аркосолій,—жертвенникъ — гробница. Въ этой половинѣ церкви, по очень вѣроятной догадкѣ ученыхъ, стояли мущины подъ надзоромъ такъ называемыхъ „придверниковъ (ostiarii)„ въ находящейся за корридоромъ— женщины подъ наблюденіемъ "діакониссъ„. Это раздѣленіе обоихъ половъ при богослуженіи, какъ извѣстно, строго наблюдалось въ древней церкви.

Красиво высѣченныя полуколонны изъ известковаго камня, съ пьедесталами и капителями, отдѣляли одну отъ другой различныя части церкви и украшали собою окраины входовъ. При одной изъ такихъ церквей, недавно открытыхъ въ усыпальницѣ Каллиста, есть комната, сообщающаяся съ церковію посредствомъ отверстія, имѣющаго видъ воронки и пробитаго въ стѣнѣ, толщина которой доходитъ до 12-ти футовъ. Полъ въ этой комнатѣ ниже пола церкви на пять или на шесть футовъ и устроенъ наискось, такъ что находившіеся въ этой комнатѣ могли слышать все, что говорилось въ церкви, но не могли ничего видѣть. Догадываются, и не безъ основанія, что эта комната назначалась для того класса кающихся, которые назывались *слушающими* (ἀκούοντες, audientes) и для *оглашенныхъ* κατεχούμενοι, cathechumeni).

Каждая изъ двухъ половинъ церкви подраздѣлялась еще на двѣ части полуколлонами — на половинѣ женской, и пилястрами на мужской. Въ одной изъ этихъ пилястръ сдѣлана ниша, въ которую можно поставить образъ или лампаду. Но самую замѣчательную особенность подземныхъ базиликъ составляетъ то, что мужская половина

ихъ длиннѣе на цѣлую треть женской. Это лишнее пространство занято алтаремъ, который отдѣляется отъ церкви двумя колоннами, заложенными въ стѣну. Своды алтаря значительно ниже сводовъ самой церкви,— что часто можно видѣть и въ храмамъ нашего времени. Въ каждомъ отдѣленіи обѣихъ половинъ находится по высокой гробницѣ, вдѣланной въ стѣну и вѣнчаемой аркой, и четыре или пять рядовъ loculi въ стѣнахъ. Въ углубленіи алтаря у самой средины стѣны стоитъ сѣдалище съ стѣнками и ручками, вырѣзанными въ камнѣ. По обоимъ сторонамъ его вдоль стѣны алтаря тянутся двѣ, тоже каменныя, лавки. Это—престолъ епископскій и сѣдалища для пресвитеровъ. Онъ стоялъ къ аркосоліуму подъ прямымъ угломъ; съ этого престола епископъ обыкновенно говорилъ свои поученія къ народу. Въ главной церкви усыпальницы Св. Агнесы находится presbyterium. Это—круглое пространство, устроенное позади аркосоліума и назначенное для клира. Въ одномъ изъ боковыхъ отдѣленій этой церкви можно видѣть два углубленія въ боковыхъ стѣнахъ. Назначеніе этихъ углубленій, достаточныхъ для помѣщенія нѣсколькихъ человѣкъ, съ достовѣрностію неизвѣстно. Догадываются, что это были исповѣдальни (¹). Во многихъ подземныхъ базиликахъ алтарь отдѣлялся отъ церкви чѣмъ-то въ родѣ балюстрады, или каменной рѣшетки. Эта рѣшетка называлась transennes. Ея назначеніе состояло въ томъ, чтобы защищать алтарь отъ натисковъ излишней ревности, или любопытства. Въ усыпальницѣ св. Каллиста одна изъ этихъ transennes довольно хорошо сохранилась. На верхней части ея въ трехъ мѣстахъ

(¹) Hist. des Catacombes de Rome par l'Abbé I. Gaume. pag. 233—238

встрѣчается монограмма Христа Спасителя, въ формѣ креста св. Андрея. Во многихъ другихъ базиликахъ, (напр. св. Прискиллы и св. Елены) также можно видѣть обломки этихъ балюстрадъ. Они-то вѣроятно и превратились въ наши иконостасы. По бокамъ нѣкоторыхъ базиликъ находятся комнаты, въ углубленіи которыхъ стоятъ каѳедры, а вдоль стѣнъ тянутся каменныя лавки. По отсутствію въ этихъ комнатахъ аркосоліумовъ догадываются, что онѣ назначались для первоначальнаго обученія оглашенныхъ истинамъ вѣры (¹).

Таково первоначальное устройство подземныхъ христіанскихъ церквей; оно—какъ легко видѣть—и теперь въ главныхъ чертахъ сохранилось въ архитектурѣ всѣхъ христіанскихъ храмовъ восточныхъ и западныхъ.

II.

Описанныя наши кубикулы, каковы бы ни были ихъ размѣры, большею частію всѣ были украшены по стѣнамъ и сводамъ священными изображеніями. Эти изображенія, съ технической стороны, трехъ родовъ — живописныя, скульптурныя и мозаическія; по содержанію — историческія и символическія. Со стороны выполненія лучшія принадлежатъ древнѣйшему, худшія позднѣйшему времени. Что касается вообще времени ихъ происхожденія; то нѣкоторыя изъ нихъ—не безъ основанія—относятъ къ первымъ временамъ христіанства въ Римѣ. Сравнительное изученіе этихъ изображеній продолжается и теперь, и лучшіе археологи возводятъ начало многихъ

(¹) Boldetti, lib. 1, c. IV, pag. 13.

изъ нихъ къ первымъ годамъ втораго вѣка (1). Кромѣ особенностей стиля доказательствомъ глубокой древности многихъ св. изображеній служитъ то, что онѣ перемѣшаны съ изображеніями предметовъ, заимствованныхъ изъ язычества и слѣд. должны принадлежать той эпохѣ, когда христіанство пріобрѣтало своихъ первыхъ прозелитовъ между язычниками и заимствовало изъ ихъ преданій формы для образнаго выраженія своихъ высокихъ истинъ, такъ какъ своихъ формъ не успѣло еще выработать (2).

Въ этихъ св. изображеніяхъ какъ историческихъ, такъ и символическихъ послѣдовательно проведены всѣ основные догматы христіанства. Аналогія между тѣми и другими превосходно выдержана.

Рядъ изображеній съ историческимъ характеромъ начинается съ изображенія Адама и Евы. Между фигурами прародителей возвышается запрещенное древо, которое обвиваетъ своими кольцами змій искуситель. Это изображеніе находится въ усыпальницѣ св. Агнесы. Въ усыпальницѣ св. Каллиста наши прародители изображены въ моментъ горькаго сознанія, что они пали. Они стараются прикрыть свою наготу. Въ этихъ двухъ формахъ печальная исторія нашихъ прародителей воспроизведена во многихъ усыпальницахъ. Смыслъ ея въ той и другой формѣ одинъ тотъ же. Это — наглядное изображеніе первороднаго грѣха съ его слѣдствіями. Очень естественно, что этотъ основной догматъ христіанства наши предки прежде всего старались выяснить и словами и образами новообращеннымъ. Онъ осязательно

(1) Boldetti, lib, I. c. V, p. 17. Marchi, p. 184.
(2) Raoul Rochette, tabl. des Catacombes, p. 102.

давая имъ понять ихъ безпомощность и нужду въ Божественномъ Искупителѣ (¹).

За изображеніемъ печальной исторіи нашихъ прародителей слѣдуетъ изображеніе не менѣе печальной исторіи ихъ дѣтей. Каинъ и Авель изображены приготовляющимися къ жертвоприношенію. Каинъ несетъ на своихъ плечахъ огромную, виноградную лозу, Авель молодаго барашка. Каинъ, какъ человѣкъ, преданный грубымъ занятіямъ земледѣльца, одѣтъ только наполовину. Авель, проводящій менѣе грубую жизнь пастуха, облеченъ въ тунику, спускающуюся до половины голени. Надъ ними помѣщается фигура почтеннаго старца на тронѣ. Это — Господь Саваоѳъ, принимающій приношенія обоихъ братьевъ. Отношеніе его къ этимъ жертвоприношеніямъ выражено въ томъ, что онъ благословляетъ жертву Авеля и отвращаетъ свои глаза отъ жертвы Каина. Для обозначенія эпохи этого достопамятнаго событія за престоломъ Господа виднѣются на половину спрятанныя за нимъ фигуры Адама и Евы — единственныхъ тогда жителей на землѣ.

Къ подробностямъ этой картины, находящейся въ усыпальницѣ Св. Каллиста, присоединена еще одна на изображеніи того же предмета, находящемся въ усыпальницѣ Св. Агнесы: ноги Ветхаго деньми покоятся на скамейкѣ, называемой suppedaneum или scabellum. Этимъ обозначалось Божественное достоинство Сѣдящаго на престолѣ: scabellum была мебелью, исключительно усвоенною для знатныхъ лицъ, какъ видно изъ письма Блаж. Іеронима къ Евстахіи (²).

(¹) Tertull. De resurectione car. c. 48 August. Jn psal. XL. Jd. De Symb, lib. III, c. IV et c.

(²) Epist. 22 ad Eustach.

Въ фигурахъ двухъ братьевъ, столь различныхъ по своимъ характерамъ и судьбѣ, первые христiане хотѣли наглядно изобразить язычниковъ, своихъ неумолимыхъ гонителей и себя самихъ—невинныхъ страдальцевъ. Это - продолженiе слѣдствiй того же первороднаго грѣха, введшаго зависть и смерть въ мiръ и раздѣлившаго брата на брата своего. Конецъ этому раздѣленiю только во Христѣ и со Христомъ (1).

Ной въ ковчегѣ, спасающiйся отъ потопленiя, представляетъ собою очень краснорѣчивый символъ возрождавшейся церкви,—единственнаго ковчега, спасающаго отъ вѣчнаго потопленiя. Изображенiе Ноя встрѣчается очень часто въ катакомбахъ. Въ полукруглой нишѣ monumenti arcuati, находящагося въ усыпальницѣ св. Прискиллы, праотецъ Ной изображенъ на половину высунувшимся изъ ковчега и протягивающимъ свою руку къ голубю, летящему къ нему съ масличною вѣткой въ клювѣ. Ковчегъ имѣетъ видъ четвероугольнаго ящика. Это — символъ вѣчной непоколебимости церкви (2). „Если послѣ потопа, изображающаго св. крещенiе, вы видите подлѣ Ноя голубицу съ масличною вѣткой въ клювѣ; то знайте, что это—вѣстникъ мира. Онъ возвѣщаетъ вамъ, что ваши неправды очищены и миръ водворился между вами и Богомъ. Потопъ кончился, Ной,—родоначальникъ новаго мiра, спасшiйся въ ковчегѣ, имъ самимъ устроенномъ, не смотря на насмѣшки грѣшниковъ, выходитъ на землю съ своимъ семействомъ и вступаетъ въ обладанiе ею, не боясь но-

(1) S. Ambros. De Parad. c. II; Tertull. S. Cypr. De bono patientiae et c.

(2) Quadratum enim, quacumque verteris, firmiter stat. B. Aug Cont. Faustum. lib. XII, c. XIV.

ваго потопа. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ вы таинственно созерцаете Господа, главу новаго народа, спасшагося въ церкви, которую онъ устроилъ, не смотря на преслѣдованія язычниковъ и іудеевъ. По исполненіи временъ, онъ взойдетъ на небо съ своими избранными и воцарится съ ними на вѣки“. Такое объясненіе этому символу даютъ св. отцы и учители церкви (¹).

Одно изъ самыхъ распространенныхъ изображеній въ катакомбахъ есть изображеніе жертвоприношенія Авраама. Благочестивые христіане первыхъ вѣковъ имѣли двѣ причины учащать это изображеніе: невинный, обреченный на закланіе Исаакъ служилъ съ одной стороны живымъ образомъ ихъ самихъ, подобно ему невинныхъ, обреченныхъ на закланіе, съ другой—образомъ Божественнаго Искупителя, этого Агнца, закланнаго прежде сложенія міра любовію Отца изъ любви къ падшимъ людямъ (²).

(¹) August. De civitate Dei, lib. XV, c. VI. S. Cipr. Epist. ad Pomp. idem contra Novat. Tertull. lib. de Baptismo; S. Justin. Colloqu. cum Triph. Jud. circa fidem.

(²) Здѣсь мы не можемъ не коснуться одного, очень важнаго вопроса: почему первенствующіе христіане для изображенія искупительной жертвы Агнца Божія прибѣгали къ исторіи Исаака, а не изображали этой жертвы прямо въ моментъ ея принесенія? Другими словами — почему не встрѣчается въ катакомбахъ изображенія креста съ Распятымъ на немъ Господомъ? Изображеніе Распятаго дѣйствительно вовсе не встрѣчается въ катакомбахъ, но изображеніе креста встрѣчается хотя и прикровенное. Извѣстно, что въ древности было четыре формы креста: простѣйшую форму его представляетъ простой столбъ, къ которому казненные привязывались веревкой, или приколачивались гвоздями. Это—такъ называемый простой крестъ (crux simplex). За нимъ слѣдовалъ крестъ сложный (crux composita), имѣвшій три формы: а) crux decussa имѣлъ форму буквы X, это—крестъ Андреевскій, получившій свое названіе отъ первозваннаго апостола, распятаго на немъ; б) crux commissa имѣлъ форму буквы T и наконецъ в) crux immissa, нашъ обыкновенный четвероконечный крестъ + (vid. apud Gretser, De cruce, lib. I,

Чувства вѣры, любви и упованія, внушаемыя жертвоприношеніемъ Авраама, не менѣе сильно могутъ быть возбуждаемы и исторіею Іосифа. Образъ Спасителя въ своихъ жестокихъ испытаніяхъ и славѣ, Іосифъ былъ образомъ Его и въ воскресеніи. Это воскресеніе изображается въ торжественномъ перенесеніи его костей въ землю обѣтованную. Оно означало возвращеніе усталаго путника изъ чужой страны пришельствія въ дорогую отчизну, гдѣ ожидаетъ его вѣчное успокоеніе (1). Поэтому исторія Іосифа въ главныхъ моментахъ ея таинственнаго сопоставленія съ исторіею нашего Спасителя, такъ же часто встрѣчается между изображеніями, находимыми въ катакомбахъ, какъ и исторія Исаака.

Къ числу любимыхъ историческихъ изображеній въ катакомбахъ принадлежитъ изображеніе Ветхозавѣтнаго Законодателя Моисея, прообразовавшаго собою Божественнаго Законодателя Новозавѣтнаго, Христа Спасителя. Изъ жизни Моисея воспроизводятся въ катакомбахъ особенно часто четыре событія: восхожденіе на гору Хоривъ для бесѣды съ Богомъ; принятіе отъ рукъ Божіихъ

---

c. I. Lipsius, De cruce, lib. I, c. VI—IX. Sandini Hist. famil. sacram. p. 236). Почему же встрѣчается въ катакомбахъ только эта форма креста и не встрѣчается вовсе изображенія Распятаго? Это дѣлалось первенствующею церковію изъ снисхожденія къ немощамъ язычниковъ и іудеевъ. Церковь рѣшилась лучше облекать въ символы фактъ распятія, чѣмъ нагляднымъ изображеніемъ его полагать для немощныхъ препятствіе къ принятію христіанства язычниками и іудеями. Крестъ Андреевскій представлялъ съ этой стороны ту великую выгоду, что совпадалъ по формѣ съ начальною буквою наименованія Христа Спасителя. Чтобы больше сблизить его форму съ именемъ Христа, большею частію изображали этотъ крестъ такъ: ☧. Такимъ образомъ выходила монограмма имени Іисуса Христа, но она вмѣстѣ съ тѣмъ могла удобно напоминать душамъ вѣрующихъ и фактъ распятія.

(1) Tertull. Lib. contra Judaeos; Origen. Homilia I. in Exod; August. lib. XII, contra Faustum, etc.

скрижалей завѣта; чудо изведенія воды изъ камня и наконецъ манна, падающая съ неба. Въ одной кубикулѣ, находящейся въ усыпальницѣ св. Каллиста, открыто гг. Бозіо и Боттари два изображенія Моисея — одно живописное, а другое — барельефное. Законодатель еврейскій, опершись ногой о камень, наклоняется для того, чтобы снять свою обувь. Таинственная *рука*, опускающаяся изъ облака, обозначаетъ присутствіе Бога, и напоминаетъ слова Писанія: *изуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немъ же стоиши, земля свята есть* (Исх. гл. 3 ст. 5). Это изображеніе говорило новообращеннымъ, что святость для нихъ—первое условіе жизни (¹).

Подъ аркою monumenti arcuati, въ усыпальницѣ св. Марцеллина и Петра находится изображеніе Моисея, принимающаго скрижали закона. Законодатель изображенъ въ стоячемъ положеніи, съ руками поднятыми къ облаку, изъ котораго Божественная рука вручаетъ ему богоначертанныя скрижали. Еретики, унижавшіе Ветхій Завѣтъ предъ новымъ, въ этомъ изображеніи могли видѣть, что одинъ и тотъ же Богъ есть Законодатель и Ветхаго и Новаго Завѣта (²). Въ двухъ отдѣленіяхъ того же грота мы встрѣчаемъ изображеніе двухъ христіанъ на молитвѣ. Они изображены стоя, съ поднятыми вверхъ руками. Подражая въ этомъ молитвенномъ положеніи Господу, распростершему свои руки на крестѣ, они надѣялись, что ихъ молитвы будутъ пріятнѣе Небесному Отцу.

Изображеніе Моисея, источающаго воду изъ камня, находится почти во всѣхъ усыпальницахъ. По ученію

(¹) S. Greg. Naz. Orat. II in Pascha. B. August. Sermo XLII, de Sanctis.

(²) Aug. Contra duas Epist. Pelag. lib. III и IV.

св. Павла, камень изображалъ Христа, дерево крестъ, по изъясненію о церкви, вода — токи благодати, очищающей грѣхи въ крещеніи, и укрѣпляющей къ мученичеству. Жадность, съ какою бросались на эту воду израильтяне, давала очень краснорѣчивый урокъ христіанамъ (¹).

Изображеніе манны, сходящей съ неба, тоже очень часто встрѣчается въ катакомбахъ. Она изображала собою великое таинство Евхаристіи, столь необходимое и вообще для благодатной жизни во Христѣ и въ особенности для укрѣпленія мучениковъ среди ихъ славныхъ подвиговъ.

Великая борьба, которую вели эти славные борцы христіанства противъ враговъ его требовала всесторонняго подкрѣпленія. И вотъ мы видимъ, на ряду съ таинственнымъ изображеніемъ небесной манны, — ихъ главной пищи и подкрѣпленія, — поучительныя изображенія побѣдъ, одержанныхъ подвижниками вѣры прежняго времени надъ ея врагами и гонителями. Предъ нами Фараонъ, утопающій въ морѣ, въ виду торжествующаго Моисея, (²) — Сампсонъ, уносящій на своихъ плечахъ ворота Газы со всѣми ихъ засовами, — онъ представляетъ собою того, кто сокрушилъ вереи вѣчныя. Давидъ, (³) побѣждающій Голіаѳа, изображаетъ небеснаго Побѣдителя Нероновъ, Домиціановъ, Валеріановъ и другихъ вра-

(¹) Sed et fontem baptismi nobis atque martyrii cadem petra ostendit. De latere enim ejus, cum percussus est, sanguis et aqua processit: quod baptisma et martyrium figuravit. Hieron, In Iesai, q. XLVIII; Id. S. Iustin. colloq. cum Triphon. August. Sermo 29 et 88, De Temp.

(²) S. Cyrilli Alexandr. De incarnat. verb c. X. S. Ambros. serm. 25, Pro Com. con.

(³) Aug. Serm. 107. S. Greg. Hom. 21 in Evangel.

говъ христіанства (¹). Илія, на огненной колесницѣ, возносящійся на небо, какъ будто говоритъ мученикамъ: „пламенная вѣра есть торжественная колесница ваша“, и бросая свою милость ученику своему Елиссею, какъ будто прибавляетъ: „Духъ Господень на васъ,—духъ любви, свѣта, пророчества, святыни, никогда не оскудѣвающей въ Церкви (²)“.

Изображенія Іова, трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской, Даніила во рвѣ львиномъ, — этихъ ветхозавѣтныхъ страдальцевъ,—должны были служить также не малымъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ для страждущихъ христіанъ первобытной церкви.

Іовъ изображается здѣсь сѣдящимъ на кучѣ пепла и рубленой соломы; коротная туника едва покрываетъ половину тѣла; великій страдалецъ тяжело поникъ своею головою на свои руки. Онъ представляетъ собою живое олицетвореніе страданія (³).

Три отрока въ Вавилонской пещи изображены стоящими; руки ихъ простерты вверхъ на молитву; на головахъ sarabalum (фригійская шапка); длинныя туники развѣваются вокругъ тѣла.

Даніилъ совершенно нагой стоитъ во рву между двумя львами — въ молитвенномъ положеніи съ руками, поднятыми къ небу.

Изъ исторіи Іоны въ послѣдовательномъ ряду картинъ и фресковъ также изображено нѣсколько событій. Не на одной изъ картинъ болѣе знаменательныя изъ нихъ сосредоточены всѣ. Предъ нами изображеніе бури; кораблю ежеминутно угрожаетъ разрушеніе; огром-

---

(¹) S. Greg., lib. XXXIV, Moral. in cap. 42 Iob.
(²) S. Maxim. Fest de SS. Martyr.
(³) Св. Златоустъ во 2 бесѣд. на Іова.

ный китъ, виднѣющійся за рулемъ корабля съ развер-стою пастью, — готовъ принять спящаго пророка; тоже чудовище, изображенное предъ носомъ корабля изверr-гаетъ Іону на берегъ. Вдали виднѣется тыква, подъ которою сидитъ пророкъ спокойный и счастливый.

Всѣ эти священныя изображенія, начиная съ паденія нашихъ прародителей и кончая исторіей пророка Іоны, наглядно представляютъ собою утѣшительный догматъ воскресенія. И какъ бы сокращеніемъ всѣхъ ихъ слу-житъ таинственное видѣніе поля усѣяннаго костями че-ловѣческими. Это священное изображеніе, какъ нельзя болѣе, умѣстно въ катакомбахъ — въ этомъ царствѣ мертвыхъ, имѣвшихъ воскреснуть въ вѣчную жизнь по гласу трубы архангельской. Какъ поучительно было оно для страждущихъ жильцовъ и посѣтителей этого под-земелья, наполненнаго костями ихъ братьевъ (¹)!

На прекрасномъ мраморномъ саркофагѣ, находящем-ся въ Ватиканскихъ катакомбахъ, изображено это та-инственное видѣніе Езекіиля съ замѣчательными подроб-ностями. Пророкъ стоитъ, протягивая правую руку впередъ, какъ бы повелѣвая что-то. Близъ него два человѣка поднимаются съ земли, а третій еще лежитъ безъ движенія и жизни. Въ сторонѣ виднѣются двѣ го-ловы, одна, повидимому, живая, другая — начинаетъ покрываться кожею (²). „Божественное дуновеніе какъ бы оживило мраморъ. Смотря на это изображеніе, какъ будто слышишь шелестъ костей и присутствуешь при поразительномъ зрѣлищѣ всеобщаго воскресенія. Та-кова послѣдняя страница, воспроизведенная въ перво-

(¹) S. Ambros. De fide resurrect. B. Hieronim. In Ezec. c. XXXVII

(²) Bottari, t. I. 157.

бытныхъ изображеніяхъ катакомбъ; она же есть и послѣдняя страница исторіи всего рода человѣческаго, которую въ послѣдній день прочтутъ всѣ племена и языки, собранныя вмѣстѣ (1).

Священныя изображенія изъ исторіи Новаго Завѣта начинаются рожденіемъ Спасителя. На крышѣ одного мраморнаго саркофага, находящагося въ Ватиканскихъ катакомбахъ, предвѣчный младенецъ изображенъ лежащимъ въ колыбели, похожей на корзинку. Онъ повитъ пеленами такъ, что можно видѣть только одну голову. Позади колыбели помѣщаются Іосифъ и Пресвятая Дѣва. Пречистая Матерь сидитъ, а Іосифъ стоитъ; но взоры обоихъ устремлены къ колыбели, равно какъ и руки протянуты къ ней же; въ ногахъ колыбели виднѣются быкъ и оселъ, согрѣвающіе своимъ дыханіемъ Предвѣчнаго Младенца. Этотъ барельефъ, довольно искусно выполненный, подтверждаетъ древность преданія, что въ пещерѣ Виѳлеемской при рожденіи Спасителя находились эти животныя, таинственно изображавшія, по изъясненію отцевъ церкви, іудеевъ и язычниковъ (2).

Исторія поклоненія волхвовъ есть второе событіе изъ новозавѣтной исторіи, воспроизведенное на многихъ памятникахъ катакомбъ. Особенно много барельефныхъ изображеній этого событія. На красивомъ каменномъ саркофагѣ, находящемся въ одномъ изъ гротовъ Ватиканскихъ катакомбъ, волхвы изображены такъ: нижняя одежда — обыкновенная туника, перехваченная перевязью; поверхъ ея накинута длинная верхняя одежда — sagum, имѣющая разрѣзъ только подъ горломъ; на головахъ —

(1) Histoire des Catacomb. par L'Abbé Gaume. стр. 344.
(2) Св. Григор. Богосл. въ словѣ на Рожд. Христ.

фригійскія шапки, похожія на тѣ, которыя изображены на головахъ трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской, и которыя обыкновенно носили восточные народы. Эти шапки, не прикрывая ушей, сводятся позади головы трехъугольникомъ, а спереди на самомъ верху загибаются впередъ,—что придаетъ имъ почти форму македонскаго шлема. Верблюды, или дромадеры, помѣщенные не подалеку отъ нихъ, указываютъ страну, изъ которой прибыли путники. На ногахъ путниковъ обувь, указывающая на ихъ царское достоинство По замѣчанію Боттари, на статуяхъ варварскихъ царей, украшающихъ арку Константина и музей Капитолія, находится точно такая же обувь ([1]). Нужно еще замѣтить, что большею частію волхвовъ изображается здѣсь не три, а четыре.

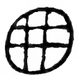
Подъ аркою въ одной кубикулѣ, находящейся въ усыпальницѣ Св. Каллиста, изображена бесѣда Божественнаго Младенца съ старцами и книжниками въ храмѣ Іерусалимскомъ. Спаситель міра сидитъ на возвышенномъ сѣдалищѣ, похожемъ на сѣдалище первосвященниковъ; у ногъ Его продолговатый ящикъ (scrinium) съ книгами – эмблема свящ. писанія. По правую и по лѣвую сторону Его помѣщаются учители израилевы; на ихъ лицахъ—благоговѣйное удивленіе. За исключеніемъ двухъ, всѣ они стоятъ обратившись къ Спасителю ([2]). Сѣдалище Божественнаго Младенца замѣчательно еще тѣмъ, что окраины его и верхняя часть спинки украшены жерлами.

Призваніе язычниковъ и соединеніе всѣхъ народовъ братскими узами у колыбели Божественнаго Младен-

([1]) Bottari, t. I, p. 88—149, 158—173. III, 23, 24.
([2]) Bottari, t. II, 16.

ца, – вотъ мысль, наглядно выраженная въ исторіи поклоненія волховъ. Таже мысль проведена и въ изображеніяхъ обращенія самарянки, исцѣленія разслабленаго и слѣпорожденнаго (¹). Эти изображенія, не отличающіяся впрочемъ никакими особенностями, на которыхъ стоило бы останавливаться, очень часто встрѣчаются въ катакомбахъ.

Чудо насыщенія нѣсколькими хлѣбами и рыбами нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ тоже очень часто воспроизводится въ катакомбахъ. Замѣчательно, что изображенные здѣсь хлѣбы исчерчены перекрестными линіями, а иногда перерѣзаны крестомъ. Они имѣютъ такой видъ:



Многіе археологи видятъ въ этотъ указаніе на хлѣбъ животный въ таинствѣ евхаристіи. Но другіе просто объясняютъ эти линіи обычаемъ, господствовавшимъ тогда какъ у іудеевъ, такъ и у грековъ и римлянъ— дѣлать глубокіе надрѣзы на хлѣбахъ для того, чтобы удобнѣе можно было ихъ разламывать, такъ какъ ножей они въ подобныхъ случаяхъ не употребляли. Такіе хлѣбы назывались у Римлянъ panes dicussati. Чудо насыщенія не многими хлѣбами и рыбами нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ наглядно изображало вѣрующимъ великое таинство Евхаристіи (²).

Кромѣ описанныхъ нами священныхъ изображеній изъ исторіи Новаго Завѣта встрѣчается въ катакомбахъ много другихъ, заимствованныхъ изъ той же исторіи.

(¹) S. Ambros serm. in IV Dom. Quadr. B. August. serm. V. jd temp. S. Jsidor. Hispali, in Ioan.

(²) Origen. Homilia XII. in Gen. c. XXV. S. Cyrill. Alexandr., In Ioan. lib. IX, c. I., XVII.

Къ числу болѣе замѣчательныхъ и самыхъ распрространенныхъ тамъ принадлежатъ: благословеніе дѣтей, нагорная проповѣдь, воскресеніе Лазаря и добрый пастырь. Это послѣднее изображеніе—самое любимое изображеніе катакомбъ. Оно встрѣчается на каждомъ шагу и на самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Добрый пастырь обыкновенно изображается несущимъ на своихъ плечахъ заблудшую овцу. Но встрѣчаются на нѣкоторыхъ картинахъ и кое-какія особенности. Такъ напр. на одной изъ нихъ не подалеку отъ добраго пастыря въ сторонѣ сидятъ двѣ человѣческія фигуры; предъ одной нихъ стоитъ баранъ, а предъ другой—овца; фигуры что-то говорятъ этимъ животнымъ, очевидно не принадлежащимъ къ стаду добраго пастыря. Овца вся превратилась во вниманіе; баранъ спокойно щиплетъ траву, не обращая на своего учителя ни малѣйшаго вниманія. Обильный дождь—символъ благодати Божіей,—льется на нихъ сверху. Смыслъ этого изображенія понятенъ самъ собою.

Въ числѣ замѣчательныхъ историческихъ изображеній въ катакомбахъ нужно отмѣтить еще изображенія Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцамъ на рукахъ, большею же частію въ молитвенномъ положеніи (¹), св. апостоловъ Петра и Павла, разныхъ мучениковъ, простыхъ вѣрующихъ на молитвѣ и наконецъ вечери любви *αγάπη* (²). При взглядѣ на эти изображенія возникаютъ

(¹) Это открытіе опровергаетъ высказываемое до сихъ поръ нѣкоторыми мнѣніе будто изображеніе Пречистой Дѣвы не извѣстно было въ христіанской Церкви до Халкидонскаго Собора.

(²) Эти послѣднія изображенія кромѣ интереса догматическаго представляютъ и интересъ чисто историческій. Они знакомятъ насъ съ одеждою и нѣкоторыми обычаями первенствующихъ христіанъ. Такъ, мы узнаемъ изъ нихъ, что христіане молились обыкновенно стоя, съ от-

въ сознаніи одни за другими свято хранимые Православною Церковію догматы о почитаніи и призываніи святыхъ, о молитвѣ и братскомъ равенствѣ всѣхъ предъ Богомъ. Послѣднее изображеніе сокращаетъ въ себѣ весь смыслъ внутренней жизни катакомбъ.

Но мы ни когда не кончили бы, если бы стали описывать подробно всѣ эти священныя изображенія. Притомъ мы думаемъ, что характеръ этихъ изображеній и воспитательное значеніе ихъ для новообращенныхъ христіанъ достаточно выяснились уже предъ нашими читателями изъ тѣхъ изображеній, которыя описаны нами выше.

III.

Отъ изображеній историческихъ перейдемъ къ изображеніямъ символическимъ. Ихъ также много, если не больше, какъ и первыхъ. По своему внутреннему смыслу они служатъ то повтореніемъ, то дополненіемъ того значенія, которое христіанское искуство первыхъ вѣковъ соединяло съ изображеніями перваго рода, а по внѣшности составляютъ декоративную сторону подземныхъ усыпальницъ. Послѣднее же изъясненіе свое какъ тѣ, такъ и другія находятъ въ великомъ таинствѣ искупленія.

По окраинамъ входовъ, сводовъ, колоннъ и балюстрадъ, отдѣляющихъ одну отъ другой разныя части большихъ и среднихъ кубикулъ, тянутся гирлянды цвѣ-

крытой головой, съ поднятыми вверхъ руками и глазами, устремленными на небо. Ихъ одежду составляли туника и плащъ; волосы остриженные, борода короткая, обувь Римская; женщины носили покрывало. Такова наружность первыхъ Христіанъ по изображеніямъ, находимымъ въ катакомбахъ.

товъ, ряды арабесокъ, и изображенія сценъ изъ сельской жизни. Украшать гробницы цвѣтами было въ общемъ обычаѣ у язычниковъ. Такъ какъ въ этомъ обычаѣ не было ничего предосудительнаго, то первенствующіе христіане сочли себя въ правѣ — сохранить этотъ обычай, можетъ быть, соединивши съ нимъ особенное религіозное значеніе; напр. эти цвѣты могли напоминать имъ добродѣтели усопшаго, или кратковременность жизни и проч., какъ бы то ни было, но въ катакомбахъ встрѣчаются цвѣты на гробницахъ мучениковъ (1). Искуственные, или естественные,—они во всякомъ случаѣ были самымъ невиннымъ украшеніемъ гробницъ мученическихъ.

Четыре времени года съ своими принадлежностями и сценами, ихъ характеризующими, также довольно часто встрѣчаются между украшеніями катакомбъ. На прекрасной фрескѣ, находящейся въ усыпальницѣ Св. Каллиста, добрый пастырь окруженъ эмблемами четырехъ временъ года. Весна изображена подъ видомъ юноши, легко одѣтаго и собирающаго цвѣты, рядомъ съ нею лѣто въ видѣ жнеца съ серпомъ въ рукѣ, жнущаго пшеницу. По правую сторону добраго пастыря находятся осень и зима: первая подъ видомъ человѣка полу одѣтаго, держащаго въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, а въ правой виноградную вѣтвь; послѣдняя—подъ видомъ земледѣльца очень тепло одѣтаго; въ рукахъ у

---

(1) Non tecta fouebimus ossa
Violis et fronde frequenti.

Въ другомъ мѣстѣ:

Ista comantibus et foliis
Munera virgo puerque date. Prudent., Cathem.
X, 169. Περὶ στεφ. hymn. III, 201.

него заступъ; рядомъ съ нимъ пылающій костеръ дровъ и срубленное дерево безъ листьевъ. Отцы и учители церкви въ этихъ эмблемахъ видѣли образъ смерти и воскресенія ([1]).

На фрескахъ, находящихся въ гротѣ св. Понціана, четыре времени года изображены вокругъ добраго пастыря въ видѣ четырехъ геніевъ. Подъ этою формою олицетворяла ихъ языческая древность. Очевидно, христіане, съ одной стороны, хотѣли связать эти миѳологическіе типы съ торжествомъ вѣры, съ другой—платили дань формамъ, смыслъ которыхъ былъ понятенъ имъ по установившемуся уже обычаю. Здѣсь причина, почему такъ часто встрѣчаются въ катакомбахъ изображенія цвѣтовъ во всевозможныхъ сочетаніяхъ; то они спускаются внизъ въ видѣ гирляндовъ, то тянутся по капителямъ въ видѣ веревокъ, то висятъ на окраинахъ гробницъ фестонами; то собраны въ букеты и помѣщены въ корзинки, вазы, сосуды; то перемѣшаны съ плодами, которые клюютъ птицы; то разсыпаны по полю стѣнъ и картинъ, и представляютъ разноцвѣтный коверъ. Христіанское искуство брало дань и съ природы, и съ языческой миѳологіи. Корзинки съ плодами и цвѣтами часто помѣщаются то на головахъ каріатидъ, то среди крылатыхъ побѣдъ, держащихъ въ рукахъ пальму и вѣнокъ, то на рукахъ маленькихъ, нагихъ, крылатыхъ геніевъ, На нѣкоторыхъ фрескахъ эти геніи держатъ въ каждой рукѣ по гирляндѣ цвѣтовъ и вмѣсто ногъ имѣютъ листья. Этотъ капризъ древняго языческаго искуства можно встрѣчать и на фрескахъ Помпеи ([2]).

([1]) Tertull. Apol. B. August. Serm. X de Apost. Св. Кириллъ Іерусал. огласит. и тайноводств. поуч. 18.

([2]) Bottari. t. III. p. 139 et c.

Къ украшеніямъ этого же рода принадлежатъ еще виноградныя вѣтви и колосья пшеницы. Тѣ и другія иногда вьются вокругъ колоннъ, какъ на гробницѣ св. Констанціи, то перемѣшиваются съ другими рисунками, разсѣянными по полю стѣнъ и картинъ, какъ напр. въ катакомбахъ Латинской дороги (1).

Первое мѣсто между символическими изображеніями катакомбъ занимаетъ изображеніе рыбы. Это съ одной стороны—символъ Спасителя (2), съ другой—благодатнаго возрожденія вѣрующихъ (3). Рыба принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ символовъ въ катакомбахъ. Она изображалась двояко или въ своемъ названіи ἰχθὺς, или въ формѣ дѣйствительной рыбы. Рыба у древнихъ служила символомъ невинности (4). По этому-то вѣроятно и вошла она въ число символовъ христіанскихъ съ указаннымъ выше значеніемъ.

Изъ всѣхъ породъ рыбъ дельфинъ чаще всѣхъ изображается въ катакомбахъ. Всѣ древніе натуралисты—Плиній, Аристотель, Эліанъ, Сенека приписываютъ этой рыбѣ такія качества, которыя дѣлали ее достойною помѣщенія между символами христіанскими. Между этими качествами особенно замѣчательны ея любовь къ

---

(1) Bottari, t. II. c. III. p. 177.

(2) Hic est piscis, qui in baptismate per suvocationem fontalibus undis inseritur, ut quae aqua fuerat, a pisce etiam piscina vocitetur. Cujus piscis nomen secundum appellationem graecam in uno nomine per singulas litteras turbam sanctorum nominum continet, ἰχθὺς, quod est Latine Jesus Christus, Dei Filius, Salvator. Opt. Milev. lib. contr. Parmen p. 62. Vid. Mamachi, Origin. et antiqu. Crist. lib. 1, p. 54.

(3) Отсюда наименованіе pisciculi (маленькія рыбки), которымъ называли себя иногда первенствующіе христіане: sed nos pisciculi secundum ἰχθὺν nostrum Jesum Christum in aqua nascimur, nec aliterquam in aqua permanendo salvi sumus. Tertull. De Baptism. c. I. p. 224. Hieron. Epist. XLIII, Ad Bonos; Clem. Alex. lib 14, Paedag. c. XI.

(4) Pierius, Hieraglyph. c. XIII,

своимъ дѣтямъ и невозмутимое спокойствіе во время бури. Св. Василій Великій увѣряетъ, что дельфинъ въ морѣ, какъ двуутробка на сушѣ, лишь замѣтитъ какую либо опасность для своихъ дѣтей, какъ тотъ-часъ же и прячетъ ихъ въ свои нѣдра ([1]). Какой вѣрный образъ церкви и самихъ катакомбъ!

Фигура быка также довольно часто встрѣчается между символами катакомбъ. Это—эмблема мучениковъ, закалаемыхъ за имя Христово ([2]), апостоловъ—проповѣдниковъ Евангелія ([3]), и христіанъ—тружениковъ, обливающихъ слезами и потомъ борозды, проводимыя ими на нивѣ Христовой ([4]).

Еще чаще встрѣчается изображеніе голубицы. Лампы, стеклянные сосуды, надгробные камни, живопись усыпальницъ, узорчатые орнаменты гробницъ—все покрыто изображеніями этой птицы. Вѣстникъ мира и истины, — эмблема невинности, кротости, простоты, образъ Св. Духа, голубь могъ замѣнить одинъ цѣлую книгу благоговѣйныхъ размышленій для новообращенныхъ чадъ церкви. Отсюда—вѣроятно—ведетъ свое начало древній обычай давать дароносицамъ форму голубя ([5]). На loculi голубь обыкновенно изображался съ масличной вѣткой въ клювѣ. Это—образъ христіанской души, возвращающейся къ Іисусу Христу побѣдительницею изъ жизненной борьбы.

([1]) Бесѣда VII на Шестодневъ.

([2]) Св. Злат. въ 41 бес. на Св. Матѳея.

([3]) Tauri et boues, qui operantur terram, i. e Apostoli et viri apostolici, de quibus Apostolus Paulus scriptum interpretatur: Non alligabis os bovi trituranti. Hieron. Jn Jesai., c. XXX.

([4]) Quid aliud in fugura per boves, quam bene operantes accipimus? S. Greg. Jn Job., c. XVIII.

([5]) Bosio, lib. VI. c. 35.

За голубемъ слѣдуетъ олень. Извѣстно, что этотъ житель лѣсовъ въ глазахъ еще ветхозавѣтнаго пророка былъ образомъ души, стремящейся къ Богу (Псал. 41, 1). Съ этимъ значеніемъ символъ этотъ соединялъ здѣсь еще другое—служа образомъ Іисуса Христа, онъ давалъ христіанамъ краснорѣчивый урокъ трезвенности мысли и взаимной любви (1). Какая эмблема можетъ выразить лучше это внутреннее настроеніе, къ которому обязываются христіане таинствомъ возрожденія? Поэтому мы и видимъ на одной прекрасной картинѣ, находящейся въ усыпальницѣ Св. Понціана и представляющей крещеніе Спасителя, оленя, утоляющаго свою жажду въ Іорданѣ (2).

Къ числу эмблемъ относится и павлинъ. Мясо этой птицы считалось въ языческой древности не гніющимъ, а сама она жилищемъ великихъ душъ, оставившихъ свои тѣла по смерти. Поэтому естественно было христіанамъ видѣть въ этой птицѣ эмблему воскресенія плоти. Чтобы выразить понятіе о вѣчной юности и несказанной красотѣ, въ которую облекутся ихъ тѣла по воскресеніи, христіане помѣщали изображеніе павлина на гробницахъ на ряду съ другими эмблемами (3).

Пѣтухъ тоже принадлежитъ къ числу символовъ, открытыхъ въ катакомбахъ. Большею частію онъ помѣщается подъ сводами аркосоліевъ, а иногда и на самыхъ гробницахъ. Онъ напоминаетъ своей фигурой и

(1) Cassiod. Jn Psalm. CXIII. Beda in Psalm. XLI. I. Ambr. lib. III, offic c. 1.

(2) Desiderat venire ad Christum, in quo est fons luminis, ut ablutus baptismo accipiat donum remisionris. Hier. Jn Psalm. XLI. Bottari, t. 1. p. 199.

(3) Bottari, t. II, 121. tom. I. 52.

пастырямъ и пасомымъ о бдительности надъ собою, равно необходимой тѣмъ и другимъ (1).

Царство растительное заплатило тоже свою дань символизму христіанскому. Мы уже сказали выше о цвѣтахъ. Представляя собою образъ Спасителя, равно какъ и образъ человѣка въ его жизни, смерти и воскресеніи (2) и деревья занимаютъ очень видное мѣсто среди украшеній въ катакомбахъ. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь кипарису. Это-эмблема смерти. Она обыкновенно помѣщается на loculi (3). Какъ много говоритъ она воображенію среди мрачной обстановки катакомбъ!

За кипарисомъ слѣдуетъ пальма—символъ торжества, побѣды; масличное дерево—символъ надежды (4), и виноградная лоза—символъ Евхаристіи, едва ли не самый распространенный изъ всѣхъ символовъ, заимствованныхъ изъ царства растительнаго. Она представляется и отдѣльными вѣтками, и въ гирляндахъ и въ точилахъ,—подъ ногами собирателей,—и отдѣльными гроздами на окраинахъ аркосоліевъ. Но вездѣ и во всѣхъ формахъ изображаетъ великое таинство, укрѣплявшее мучениковъ (5).

Къ числу эмблемъ нужно отнести еще якорь — символъ надежды и крѣпости и седмисвѣчный свѣтильникъ — символъ семи даровъ св. Духа. Они большею

---

(1) Eucher. De spir. form. c. V. S. Ambr. Hexaem., lib. V. c. XXIV.
(2) Св. Кирил. Іерус. оглас. поуч. 18. B. Jeron. Hom. III. Jn Cant. Origen. lib. VI. Jn Epist. ad Rom.
(3) Bosio, c. XLII, 356—7.
(4) Tertull. De Baptism., Bosio, lib. IV. c. XLIV, p. 348.
(5) Hier., Jn Jesai., c. v., B. August. In Psal. VIII. S. Ambros Hexaem. lib. III, c. XIII. Bottari. t. i, 108—110— 126 et c. Hieron. In c. IX; id. In Ps. CXXXVI.

частію помѣщаются тоже на гробахъ св. мучениковъ ([1]).

Какъ въ историческихъ, такъ и въ символическихъ изображеніяхъ, находящихся въ катакомбахъ дышетъ одинъ и тотъ же духъ свѣтлаго примиренія съ жизнію. „Катакомбы, говоритъ Рауль Рошеттъ, были устроены для погребенія первыхъ христіанъ; въ продолженіе долгаго времени наполнялись мучениками; украшенія свои получили въ эпоху гоненій, навѣвавшихъ грустныя мысли и налагавшихъ тяжкія обязанности. И между тѣмъ, на что ни посмотришь, все дышетъ въ нихъ или геройской отвагой, или свѣтлой прелестью: ликъ добраго пастыря, уборка винограда, сцены изъ пастушеской жизни, агапы, христіане на молитвѣ, символическія изображенія плодовъ, цвѣтовъ, пальмы, вѣнки, агнцы, олени, голуби, — словомъ все побуждаетъ къ радости, невинности, любви. Я уже говорилъ разъ и теперь снова повторяю, что изображеніе Распятаго не встрѣчается въ катакомбахъ между изображеніями, несомнѣнно принадлежащими тремъ первымъ вѣкамъ; къ этому прибавлю еще, что нельзя найти тамъ ни одного изображенія, предметомъ котораго служила бы какая нибудь сцена страданія .. Самое мученичество изображается образно подъ прикрытіемъ символовъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго Завѣта; таковы — изображенія — трехъ отроковъ въ пещи, Даніила во рвѣ львиномъ, Исаака на кострѣ, въ которыхъ христіане того времени подверверженые тѣмъ же испытаніямъ, видѣли въ одно и тоже время и изображеніе дѣйствительныхъ событій, и образецъ для подражанія и побужденіе къ утѣшенію и надеждѣ.,.

([1]) Mamachi, Orig. et ant. Christ. lib. III. p. 102 et tom. I. p. 31. Boldetti, lib. II. c. III. p. 339.

„Среди испытаній своей бурной жизни, и часто — ужасовъ смерти, будучи заняты исключительно мыслію о небесномъ воздаяніи, ихъ ожидавшемъ, христіане видѣли въ смерти и мученіяхъ краткій и вѣрный путь къ достиженію вѣчнаго блаженства. Къ образу блаженства они не хотѣли присоединять образа мукъ и лишеній, доставлявшихъ имъ это блаженство, а предпочитали облекать его въ свѣтлыя краски, представлять въ формѣ дорогихъ имъ символовъ, украшать пурпуромъ и цвѣтами: такъ по крайней мѣрѣ смотритъ на нашъ взглядъ это убѣжище смерти въ христіанскихъ катакомбахъ. Здѣсь особенно рѣзко бросается въ глаза одна черта, превосходно характеризующая христіанство и заставляющая уважать его духъ. Вотъ эта черта: христіанство, въ теченіи столь долгаго періода гоненій,—подъ обычнымъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, спрятавшееся въ катакомбахъ, убѣжавшее сюда молиться на гробницахъ, безпрерывно занятое исполненіемъ печальныхъ и тяжкихъ обязанностей, — не оставило однакожъ въ этихъ усыпальницахъ ни одного печальнаго образа, никакого признака унынія, ни въ чемъ не выразило мщенія; напротивъ все дышетъ здѣсь—въ его памятникахъ — кротостію, благорасположеніемъ и любовію. Или я слишкомъ ошибаюсь, или первобытное христіанство представляется здѣсь въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, въ какомъ не представляетъ его никакой другой эпизодъ его исторіи и никакой другой памятникъ его генія“ (1).

(1) Tabl. des Catacomb. p. 182—5.

IV.

Наша картина катакомбъ была бы не полна, если бы мы не сказали нѣсколько словъ о надписяхъ, тамъ открытыхъ. Эти надписи кромѣ интереса историческаго представляютъ и интересъ догматическій. Въ нихъ, какъ въ историческихъ и символическихъ изображеніяхъ мы можемъ читать всѣ главнѣйшіе догматы христіанства, начиная съ догмата о единствѣ Божіемъ и кончая догматомъ воскресенія и будущей жизни. Не имѣя ни возможности, ни нужды слѣдить за послѣдовательнымъ раскрытіемъ всѣхъ христіанскихъ догматовъ въ надписяхъ, мы остановимся только на тѣхъ надписяхъ, которыя подтверждаютъ вѣру первобытнаго христіанства въ догматы, подвергавшіеся пререканію или въ ближайшее къ устроенію катакомбъ время, или въ наши дни.

Прежде всего остановимъ вниманіе нашихъ читателей на слѣдующей надписи:

Hic Reqviescit in sopno pacis
Agel Perga Ancilla Christi
Quae vincit a Pl. M. XVIII.
Credo Deum Patrem. credo
Deum Filium credo Dm spiritum
Sanctum credo Q Nobissimo
Dei resurgam.

т. е. здѣсь покоится мирнымъ сномъ, Агель Перга, раба I. Христа, жившая около осмнадцати лѣтъ. Я вѣрую въ Бога Отца, вѣрую въ Бога Сына, вѣрую въ Бога Духа Святаго, вѣрую, что въ послѣдній день возстану.

Божество Іисуса Христа, — этотъ основной догматъ

христіанства, выраженный и въ представленной нами надписи, выражается очень ясно и во многихъ другихъ надписяхъ, напр. на слѣдующей, замѣчательной кромѣ того тѣмъ, что латинскія слова изображены греческими буквами:

Bene merenti sorori Bon	
ΔE	KAL NOB
OYC	CΠ
XPIC	PIT
TOYC	TOY
OMH	PEΦ
IΠO	IΓEPE
TEC	IN ☧

т. е. Достойной сестрѣ Бон..... въ осьмой день предъ ноябрьскими календами. Христосъ Богъ всемогущій да успокоитъ духъ твой во Христѣ.

На нѣкоторыхъ надписяхъ этотъ догматъ выражается апокалипсическими буквами α и ω; въ срединѣ которыхъ помѣщена монограмма имен Христова въ такомъ видѣ:

α ☧ ω.

Вѣра въ предстательство отшедшихъ праведниковъ предъ престоломъ славы за оставшихся въ живыхъ братьевъ, выраженная во многихъ надписяхъ, особенно рельефно передается въ слѣдующей:

Sancto ac beatissimo apostolo
Ioanni Evangelistae
Galla Placidia Augusta
Cum filio suo Placido Valentiniano Augusto
Et filia sua Iusta Srata Honoria Augusta
liberationis periculo maris votum solvit.

т. е. императрица Галла Плацидія, съ своимъ сыномъ императоромъ Плацидомъ Валентиніаномъ и своею дочерью императрицею Юстой Гратой Гоноріей исполнила обѣтъ, который сдѣлала святому и блаженному Апостолу Евангелисту Іоанну за спасеніе отъ потопленія.

Надписи встрѣчаются не на однихъ гробницахъ, а и на сосудахъ, находимыхъ въ катакомбахъ. „Часто, говоритъ о. Секки, на стеклянныхъ сосудахъ въ усыпальницахъ, можно находить надписи въ формѣ восклицаній, приглашающихъ пить. Онѣ обыкновенно находятся на днѣ стекляныхъ сосудомъ и чашекъ, находимыхъ въ гробницахъ мучениковъ, и часто носящихъ на себѣ изображеніе апостоловъ Петра и Павла, то однихъ, то съ Пречистою Дѣвою.... Долго и внимательно разсматривая эти надписи, я пришелъ къ мысли, что эти стеклянные кубки и чашки суть ничто иное, какъ предназначенные для совершенія безкровной жертвы св. сосуды, въ которые діаконы вливали вино и изъ которыхъ первенствующіе христіане пріобщались крови Христовой... Если бы можно было христіанскую религію смѣшать въ религіею Бахуса и жизнь людей добродѣтельныхъ съ разгульною жизнію людей порочныхъ, то я не былъ бы такъ крѣпко убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія....

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ подписей: ΠΙΕ ΖΗΞΑΙΞ EN ΑΓΑΘΟΙΞ. т. е пей для того, чтобы жить тебѣ въ этихъ благахъ. Извѣстно, что св. отцы греческіе называетъ св. Евхаристію „благомъ" (ἀγαθόν) или благами (ἀγαθά). Отсюда эта греческая надпись: ΠΙΕ ΗΣΕΙΗΣ, чтобъ жить, — такъ часто попадающаяся на здѣшнихъ сосудахъ. Если она пишется латинскими буквами, — такъ это или вслѣдствіе тайны, облекавшей это ученіе,

или вслѣдствіе древняго обычая церкви. Вѣрность нашихъ соображеній дѣлается еще очевиднѣе отъ того, что это восклицаніе часто прибавляется къ латинскимъ словамъ: dignitas amicorum, pie zeses, къ которымъ иногда присовокупляются еще—cum tuis, cum caris tuis, cum tuis omnibus bibe et propina,—это показываетъ, что нѣкоторые изъ этихъ сосудовъ, служили для цѣлаго семейства (1). Я подозрѣваю даже, что на этихъ сосудахъ слова vivas и vivatis не всегда происходятъ отъ глагола vivo, а чаще имѣютъ тоже значеніе, что и bibas и bibatis, сдѣланныя на другихъ сосудовъ съ большею правильностію орѳографическою.

„Отсюда вытекаютъ два слѣдствія, первое, что стеклянные сосуды, предназначенные для алтаря, или для пріобщенія вѣрующихъ, должны принадлежать эпохѣ, предшествовавшей времени папы Урбана I, т. е. 222 году по Р. Х. Съ одной стороны извѣстно, что папа Зефиринъ установилъ, чтобы эти сосуды были устрояемы по крайней мѣрѣ изъ стекла. Запретивши устроеніе ихъ изъ матеріаловъ нисшаго достоинства онъ такимъ образомъ согласилъ приличіе съ бѣдностью. Съ другой стороны извѣстно также, что папа Урбанъ I запретилъ употребленіе стеклянныхъ сосудовъ (для таинства евхаристіи) по причинѣ хрупкости этого вещества" (2).

„Второе слѣдствіе,—эти стеклянные сосуды содержали въ себѣ кровь мучениковъ. По свидѣтельству Болдетти и Віаннини, есть много сосудовъ, на которыхъ до сихъ поръ сохранились еще слѣды крови, и кото-

(1) Boldetti, p. 513.

(2) Conc. Tribur. C. XVIII, Decret. par. III, de Consec. dist. c. 1, XLIV, XLV.

рые между тѣмъ по ихъ надписямъ должны были служить первоначально для таинства евхаристіи; и если допустить это, то никакъ нельзя принять предположенія, что послѣ того въ нихъ были положены какія нибудь благовонія. Можно было бы подтвердить многочисленными доказательствами эту неоспоримую истину церковной исторіи (¹).“

Не перебирая безчисленнаго множества надписей, открытыхъ и постоянно открываемыхъ въ катакомбахъ, замѣтимъ только, что если бы въ подземныхъ усыпальницахъ Рима не сохранилось никакихъ изображеній, а отъ первоначальной исторіи христіанства никакихъ книгъ и памятниковъ, то по однимъ этимъ надписямъ можно было бы возстановить всю христіанскую догматику.

V.

Теперь попросимъ нашихъ читателей мысленно перенестись вмѣстѣ съ нами въ одну изъ описанныхъ нами подземныхъ церквей въ первый воскресный день послѣ изданія кроваваго едикта Діоклитіанова противъ христіанъ, начавшаго собою послѣднее и самое страшное на нихъ гоненіе. Мы присутствуемъ при совершеніи Божественной литургіи, которая на этотъ разъ особенно знаменательна. Такъ какъ страшная смерть начала уже исторгать свои жертвы изъ рядовъ доблестнаго воинства Христова, то вожди его должны были принимать свои мѣры къ поддержанію въ нихъ мужества. И вотъ самъ первосвятитель Рима со своими пресвитерами совершаетъ безкровную жертву въ подзем-

(¹) Martyre de St. Sabinian, Annal. de Phil. chrét. 304; et Avril 1842.

ной базиликѣ, чтобы напутствовать доблестныхъ воителей Христовыхъ на ихъ трудный подвигъ. Вѣрующихъ собралось на этотъ разъ больше, чѣмъ когда нибудь. Носившаяся надъ главами ихъ смерть заставила ихъ тѣснѣе сплотиться вокругъ своего предстоятеля. Подробности совершавшагося Богослуженія нѣтъ нужды описывать. Не только общій ходъ его, но и большая часть молитвъ сохранилась до сихъ поръ въ Богослуженіи нашей православной церкви. И потому мы отмѣтимъ здѣсь только болѣе знаменательные его моменты.

Когда діаконъ пригласилъ вѣрующихъ къ лобзанію мира, церковь огласилась рыданіями. Для многихъ изъ присутствовавшихъ это лобзаніе было послѣднимъ и потому горечь его сказалась во всей своей силѣ. Дѣти бросились на шею своихъ родителей и замерли въ долгомъ, скорбномъ поцѣлуѣ. Кто знаетъ,—можетъ быть, они встрѣтятся другъ съ другомъ только въ обителяхъ Отца Небеснаго. Матери прижимали своихъ милыхъ дочерей къ растерзанному сердцу и не могли высвободиться изъ взаимныхъ объятій. Причащеніе Божественнаго таинства, за тѣмъ послѣдовавшее, совершилось въ торжественно-грустномъ молчаніи.

„Сіе есть тѣло Господа нашего Іисуса Христа", говорили пресвитеры, раздавая вѣрующимъ эту небесную пищу нашихъ душъ.

„Аминь", отвѣчали всѣ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы любви и непостыднаго упованія.

Потомъ протягивая къ служителю алтаря свой orarium (1), каждый принималъ на него часть животворящаго хлѣба, которая у него должна быть запасною до

(1) Продолговатый льняной платъ въ родѣ полотенца.

слѣдующаго праздника. Этотъ священный запасъ вѣрующіе того времени уносили съ собою; дома перекладывали его въ кусокъ ткани, болѣе драгоцѣнной, а иногда и въ золотой ящичекъ и носили его на своей груди подъ платьемъ (1). Это давало имъ въ случаѣ опасности возможность подкрѣпить себя принятіемъ Пречистаго Тѣла Христова.

Между тѣмъ, когда въ подземной церкви совершалась эта, исполненная глубокой торжественности—служба,— два человѣка, по хорошо извѣстной имъ дорогѣ осторожно пробирались къ одному изъ отверстій катакомбъ. Одинъ изъ нихъ—сынъ римскаго префекта, язычникъ, другой отступникъ отъ христіанства. Одного вела сюда жажда мести, другаго жажда корысти. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ тоже осторожно, поглядывая по сторонамъ, шло осьмнадцать человѣкъ — Римскихъ солдатъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Намѣренія этихъ людей были ясны, при первомъ же взглядѣ на ихъ злодѣйскія лица и воровскую поступь. Вотъ онѣ ужь у спуска въ первый ярусъ катакомбъ. Заглянувши въ мракъ отверстія один изъ воиновъ, суровый Римлянинъ, съ сѣдою бородой, сказалъ: „не люблю я этихъ ямъ. То ли дѣло—открытое поле. Честный Римскій воинъ не любитъ такихъ мышиныхъ норъ. Какъ знать, можетъ быть, тамъ мы наткнемся на шайку пиратовъ.„ Вѣроятно, это же подозрѣніе пришло въ голову и дру-

(1) Когда открыли Ватиканскую усыпальницу въ 1571 году, то нашли въ двухъ гробницахъ два маленькихъ четырех-угольныхъ сосудца съ крышечками, на верхушкѣ которыхъ прикрѣплено было по коленку, Боттари высказалъ мнѣніе, что эти сосудцы принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ христіане носили запасные дары подъ платьемъ на своей груди. (Roma subterranea, tom. 1. fig. 2), а Пеличья подкрѣпилъ это мнѣніе многими доказательствами (Christianae Ecclesiae Politia, tom. III, pagin. 20.)

гимъ воинамъ; потому что они въ нерѣшимости остановились у входа и принялись развивать мысль своего товарища на разные лады. И нужно было все краснорѣчіе отступника и все вліяніе сына префектова, чтобы заставить ихъ продолжать свое дѣло. По краткомъ совѣщаніи было рѣшено оставить двѣнадцать солдатъ съ ихъ офицеромъ у входа для наблюденія за тѣми христіанами, которые захотѣли бы уйти. А остальные восемь человѣкъ, имѣя во главѣ своей Корвина (сынъ префекта и Торквата (отступникъ), начали осторожно спускаться въ подземелье. Спустившись въ корридоръ перваго яруса, они замѣтили вдали свѣтъ, выходившій изъ какой-то комнаты и падавшій длинной полосой по корридору.

„Тише“, сказалъ одинъ изъ солдатъ, прислушиваясь. „Гдѣ-то раздаются голоса.“

Дѣйствительно, изъ отдаленія неслись звуки чистаго, свѣтлаго, молодаго голоса, преломляясь объ углы и извилины цѣлой сѣти корридоровъ. Пѣвецъ, очевидно, не подозрѣвалъ ни малѣйшей опасности; потому что ни одна вибра его голоса не дрожала, и слова его пѣнія можно было разобрать всѣ до одного, Солдаты насторожили слухъ и услышали слѣдующія слова:

«Dominus illuminatio mea, et salus mea: quem timebo?
«Dominus protector vitae meae, a quo trepidabo?» (1).

Голосъ замолкъ. Ему отвѣчалъ цѣлый хоръ многочисленныхъ голосовъ.

«Dum approrpriant super me nocentes, ut edant carnes meas; qui tribulant me, inimici mei, ipsi infirmati sunt et ceciderunt» (2).

---

(1) То-есть, Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся (Псал. XXVI, ст. 1.)
(2) Внегда приближатися на мя злобующимъ еже снѣсти плоти моя,

Ярость и стыдъ выразились на лицахъ солдатъ при этихъ словахъ, которыя, какъ будто читали въ ихъ душахъ и обнаруживали спокойную увѣренность и полное презрѣніе ко всѣмъ опасностямъ. Между тѣмъ, первый голосъ опять началъ, но тише и сдержаннѣе:

«Si consistant adversum me castra, non timebit cor meum» (1).

«Мнѣ знакомъ этотъ ненавистный голосъ, проворчалъ сквозь зубы, едва сдерживая свое бѣшенство, Корвинъ:—я узнаю его изъ тысячи. Это—голосъ Панкратія, который осмѣлился разорвать эдиктъ божественныхъ императоровъ. Впередъ, друзья! Озолочу того, кто представитъ мнѣ его живаго или мертваго.»

«Мы готовы, прошептали солдаты.—Позвольте только зажечь факелы.»

Пока они зажигали свои факелы, странный шумъ раздался въ отдаленіи. Какъ будто тысячи заступовъ и молотковъ работали надъ чѣмъ-то, не то твердымъ, не то рыхлымъ. И вслѣдъ за тѣмъ прекратилось пѣніе и погасъ огонь.

«Стойте, сказалъ одинъ солдатъ:—насъ замѣтили, и христіане что-то затѣваютъ противъ насъ.»

«О, нѣтъ! Это вздоръ, отвѣтилъ отступникъ. Я знаю хорошо ихъ обычаи. Это старый Діогенъ съ своими гробокопателями (2) (fossores) приготовляютъ могилы для своихъ собратій, которыхъ мы, конечно, прубавимъ немно-

---

оскорбляющіи мя и врази мои, тіи изнемогоша и падоша (Псал. XXVI, ст. 2.)

(1) Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое (Тамъ же, ст. 3.)

(2) Fossores. Это былъ многочисленный и почтенный классъ служителей первобытной церкви. Катакомбы устроены ихъ трудами. Старый Діогенъ, надъ которымъ смѣется теперь апостатъ, былъ въ это время начальникомъ гробокопателей.

го. Старикъ, какъ видно, обладаетъ хорошимъ чутьемъ.»

Между тѣмъ солдатъ былъ правъ. Сынъ стараго Діогена за три часа до собранія узналъ о грозящей своимъ братіямъ опасности отъ одной содержательницы гостинницы, потаенной христіанки, которая случайно подслушала секретныя совѣщанія заговорщиковъ, составлявшихъ планъ ночной экспедиціи въ одной изъ комнатъ гостинницы. Чтобы не тревожить прежде времени цѣлаго собранія этой не пріятной вѣстью, онъ принялъ мѣры къ огражденію его отъ коварнаго нападенія, приготовивши при содѣйствіи помощниковъ своего отца огромное количество песку и щебня вблизи одного изъ поворотовъ корридора, который здѣсь особенно былъ узокъ. Самъ между тѣмъ сѣлъ на одной изъ ступенекъ лѣстницы, по которой должны были спускаться заговорщики въ катакомбы, поджидая ихъ прибытія. Когда раздался шумъ ихъ шаговъ и сдержанный говоръ, онъ тотчасъ же бросился къ завѣтному мѣсту. Вотъ отчего происходилъ тотъ глухой шумъ, который услышали заговорщики, и вотъ почему вслѣдъ за тѣмъ исчезъ огонь и прекратилось пѣніе.

Недоумѣніе, смѣшанное съ суевѣрнымъ страхомъ и безсильной злобой, выразилось на лицахъ заговорщиковъ, когда они вмѣсто ожидаемаго поворота корридора, имѣвшаго привести ихъ къ желанной цѣли, наткнулись на сплошную стѣну песку и щебня. Отступникъ изумился больше всѣхъ. На свое несчастіе онъ былъ въ катакомбахъ только одинъ разъ и не могъ вполнѣ положиться на свою память. Правда, чтобы помочь ей, онъ во время своего коварнаго посѣщенія катакомбъ со старымъ Діогеномъ украдкой на полу и стѣнахъ надѣлалъ замѣтокъ, которыя могли бы служить ему пу-

теводней нитью въ этомъ лабиринтѣ, но его продѣлки съ замѣтками были замѣчены и поняты молодымъ сыномъ Діогена и тогда же уничтожены. Между тѣмъ солдаты смотрѣли на предателя во всѣ глаза, ожидая отъ него объясненія этого явленія. Онъ понялъ, что дѣло идетъ о его головѣ и принялся снова успокоивать ихъ и сулить имъ золотыя горы. На этотъ разъ онъ самъ не вѣрилъ своимъ словамъ и говорилъ только для того, чтобы выиграть время. Солдаты очень не охотно согласились повернуть нѣсколько назадъ, чтобы боковымъ корридоромъ обойти въ тылъ христіанамъ, какъ увѣрялъ, не зная что сказать, отступникъ. Факелы, которые они несли въ рукахъ, разливали слишкомъ не вѣрный свѣтъ, застилая его облакомъ дыма, который тяжело сгущался въ узкомъ корридорѣ вокругъ толпы заговорщиковъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, несчастный отступникъ тихонько ускользнулъ въ одинъ изъ поперечныхъ корридоровъ и скрылся. Погруженные въ свои мысли соучастники заговора не вдругъ замѣтили его отсутствіе. А когда и замѣтили, то поздно было искать его. Притомъ совершенное не знаніе внутренняго устройства катакомбъ дѣлало эти поиски совершенно не возможными. И потому они разсудили, что имъ всего вѣрнѣе возвратиться назадъ и поискать входа, чрезъ который пришли сюда. Утомленные долгой ходьбой, задыхаясь въ дыму своихъ факеловъ, медленно подвигались они назадъ. Такъ какъ корридоръ шелъ здѣсь все прямо, и выходъ былъ уже близко, то они побросали одинъ за другимъ свои факелы въ боковые корридоры, чтобы отдѣлаться отъ ихъ непріятнаго дыма. Когда они оглянулись назадъ, то глазамъ ихъ представилась странная иллюминація, освѣщавшая атмосферу

темныхъ корридоровъ. Изъ отверстій разныхъ подземныхъ корридоровъ и комнатъ прорывались отблески огненнаго свѣта, окрашивавшія въ пурпуровый цвѣтъ темныя стѣны корридоровъ, между тѣмъ, какъ густой дымъ факеловъ висѣлъ подъ сводами ихъ, какъ золотое облако. Жолтая черепица и мраморныя доски каменныхъ гробницъ подъ этимъ яркимъ отсвѣтомъ казались золотыми и серебряными досками, вдѣланными въ красную оправу стѣнъ. Это была какъ бы не вольная дань удивленія мученичеству со стороны языческаго изувѣрства въ первый день гоненія. Факелы, зажженные имъ для истребленія христіанъ, казалось, покрывали новымъ блескомъ памятники вѣры, которой суждено было покорить себѣ весь міръ.

Но прежде, чѣмъ эти волки вышли окончательно изъ овчаго двора Господня, они остановились еще разъ при видѣ одного бросившагося имъ въ глаза явленія. Сначала они подумали, что это явленіе произведено встрѣчею луннаго свѣта со свѣтомъ дымившихся на полу факеловъ. Но вскорѣ они замѣтили, что этотъ свѣтъ, дрожа и колеблясь, выходилъ изъ лампы, которую кто-то неподвижно держалъ надъ своею головою. Это — была женщина, одѣтая въ длинное, темное платье. Издали она похожа была на бронзовую статую съ мраморными руками.

«Кто это?» съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга солдаты.

«Чародѣй», отвѣчалъ одинъ.

«Духъ этого мѣста» (genius loci), утверждалъ другой.

«Привидѣніе», увѣрялъ третій.

И странное дѣло! По мѣрѣ того, какъ солдаты приближались къ этому видѣнію, оно, казалось, менѣе и

менѣе замѣчало ихъ приближеніе. Оно ничего не видѣло, не слышало и оставалось неподвижнымъ. Наконецъ двое солдатъ подошли такъ близко, что могли схватить его за плечи.

«Кто ты?» спросилъ Корвинъ голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства.

«Христіанка», отвѣчала молодая дѣвушка.

«Веди насъ кратчайшимъ путемъ къ выходу!» закричали солдаты, обступая плѣнницу.

Это была слѣпая Цецилія,—вскорѣ за тѣмъ славная исповѣдница Христова ([1]). При первомъ извѣстіи о приближеніи воиновъ къ мѣсту собранія христіанъ, когда общая тревога распространилась между собравшимися и всѣ спѣшили скрываться переходами, св. дѣва обратилась къ одному молодому христіанину, Панкратію (впослѣдствіи тоже мученику), съ просьбой дать ей лампу.

«На что тебѣ лампа? Сестра моя! сказалъ ей Панкратій.—Пойдемъ лучше, я проведу тебя въ безопасное мѣсто.»

«Нѣтъ, я не могу идти отсюда, отвѣчала св. дѣва.— Мое дѣло—беречь вѣрныхъ чадъ Божіихъ. А лампа мнѣ нужна не для себя;—она можетъ пригодиться для другихъ.»

«А что, если эти другіе окажутся нашими врагами?»

«Тѣмъ лучше. Я не люблю, если возьмутъ меня въ темнотѣ. Притомъ, если мой Небесный Женихъ пришелъ въ эту ночь сюда; то я должна встрѣтить Его со свѣтильникомъ, полнымъ елея.»

Сказавши эти слова, она удалилась и стала на то мѣсто, на которомъ нашли ее воины ([2]).

([1]) Память ея празднуется нашею церковію 22-го ноября.

([2]) Всѣ эти подробности о нападеніи на катакомбы со стороны язычниковъ въ первый день гоненія Діоклетіанова заимствованы изъ житія

Нужно ли досказывать грустный и славный конецъ добровольно предавшей себя дѣвственницы? Довольно замѣтить только, что это былъ конецъ добропобѣдной мученицы, неостыдно положившей животъ свой за своего возлюбленнаго Жениха послѣ страшныхъ истязаній. Наши читатели знаютъ очень хорошо, что значило тогда попасть въ руки разъяренныхъ язычниковъ.

Такъ кончилась ночная экспедиція язычниковъ въ христіанскія катакомбы въ первый день по изданіи кроваваго эдикта Діоклетіанова. (1).

Этотъ эпизодъ достаточно характеризуетъ значеніе катакомбъ для христіанъ въ первый періодъ. Перейдемъ ко второму періоду.

VI.

Когда гонимая церковь успокоилась подъ державою равноапостольнаго Константина, тогда катакомбы сдѣлались предметомъ набожнаго почитанія со стороны христіанъ. Со всѣхъ сторонъ христіанскаго міра потяну-

---

св. мученицы Цециліи, находящагося въ римскомъ мартирологѣ (Ed. Ruinarti Martyrol. tom. III.)

(1) Не всегда впрочемъ язычники захватывали въ катакомбахъ только одну жертву. Бывали случаи болѣе для нихъ удачные. Такъ, однажды вѣрующіе въ большомъ числѣ собрались на Божественную службу въ подземную церковь св. мучениковъ Хрисанѳа и Даріи. Язычники, узнавши объ этомъ, равно какъ и о мѣстоположеніи этой церкви, въ огромномъ числѣ собрались и засыпали ихъ землею и камнями чрезъ внѣшнее отверстіе, которымъ она сообщалась съ свѣтомъ и воздухомъ, и такимъ образомъ заживо схоронили всѣхъ (Григор. Турскій De gloria Martyr. lib. 1. cap. XXVIII.) Недавно эта церковь открыта съ огромною, выкопанною близь нея комнатою. Обѣ они наполнены костями въ живѣ погребенныхъ мучениковъ. На полу найдено нѣсколько серебряныхъ сосудовъ изъ-подъ вина. Страдальцы, очевидно, готовились къ принятію св. таинъ въ ту минуту, какъ кровожадныя руки язычниковъ начали сыпать на ихъ головы песокъ и камни.

дясь къ нимъ толпы благочестивыхъ пилигримовъ. Постепенно переходили они изъ одной подземной церкви, изъ одной усыпальницы въ другую. Опытные вожаки руководили ими. На гробахъ св. мучениковъ совершалась, какъ прежде, служба въ день ихъ страдальческой смерти; предъ ними произносились похвальныя слова. Отсюда начались первые мартирологи, или календари дней мучениковъ, которые указывали вѣрующимъ, къ какому дню они должны были стекаться въ Римъ, и гдѣ искать останковъ того или другаго страстотерпца, или страстотерпицы. «Въ Римѣ, по дорогѣ Саларійской, Аппіевой или Ардеатинской», таковы обыкновенныя замѣтки этихъ древнѣйшихъ христіанскихъ календарей противъ имени того, или другаго мученика, или мученицы ([1]). Эти коротенькія замѣтки пригодились и для нашего времени. По нимъ открыли много такихъ усыпальницъ, существованіе которыхъ подвергалось сомнѣнію.

Благочестивое усердіе вѣрующихъ сдѣлало нѣкоторыя измѣненія и улучшенія во внутреннемъ устройствѣ катакомбъ въ этотъ второй періодъ ихъ существованія. И прежде всего лѣстницы устроили лучше и удобнѣе; стѣны укрѣпили такъ, что они могли выдерживать тя-

---

([1]) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ можно помѣстить здѣсь для образчика:

III. Non. mart. Lucii in Callisti.
VI. Id. Dec. Eutichiani in Callisti.
XIII. Kal. Feb. Fabiani in Callisti et Sebastiani ad Catacumbas.
VIII. Id. Aug. Systi in Callisti.
Prid. Kal. jan. Syluestri in Priscillae.
IV. Id. (Aug. Laurentii in Tiburnina).
VI. Kal. Dec. Saturnini in Thrasonis.
(vid. Acta, ed. Ruinarti tom. III.)

жесть сводовъ, начавшихъ во многихъ мѣстахъ обрушиваться; на извѣстныхъ разстояніяхъ подѣлали отверстія въ видѣ воронокъ для сообщенія съ свѣтомъ и воздухомъ; наконецъ надъ многими спусками, которые по прямой линіи вели къ главной гробницѣ, принявшей въ это время названіе confessio Ecclesiae (исповѣданіе церкви), соорудили церкви и базилики. Такимъ образомъ, добравшись до вѣчнаго города, паломники имѣли всѣ удобства посѣтить всѣ эти церкви. Они спускались въ усыпальницы и по прямой линіи чрезъ удобно устроенныя галлереи, шли до самой гробницы, въ которой покоился болѣе другихъ извѣстный, или знаменитый мученикъ. Потомъ они отсюда переходили въ другія мѣста, не менѣе памятныя и дорогія.

Во все продолженіе этого періода не позволялось открывать ни одной гробницы и брать оттуда покоящіяся въ нихъ мощи. Благочестивые поклонники довольствовались тѣмъ, что сквозь не большія отдушины, сдѣланныя въ гробницахъ, пропускали сюда платки или покрывала, называвшіяся brandea, и прикасались ими къ священнымъ останкамъ мучениковъ. Эти платки уносили они съ собой на родину и хранили ихъ, какъ драгоцѣнное сокровище. Не удивительно, послѣ этого, что св. Амвросій, Гавденцій и другіе знаменитые Епископы съ такимъ трудомъ доставали св. мощи мучениковъ для украшенія своихъ церквей. Кромѣ этихъ священныхъ останковъ большимъ уваженіемъ пользовалось такъ называемое масло мучениковъ (oleum martyris). Это масло, иногда смѣшанное съ бальзамомъ, то самое, которое горѣло въ лампахъ при ракахъ св. исповѣдниковъ. Часто при этихъ ракахъ находятъ каменные столбы, въ три фута вышины, съ углубленіемъ на верху: очень

вѣроятно, что на этихъ столбахъ ставились лампы, или сосуды съ елеемъ, горѣвшимъ при гробахъ мучениковъ. Св. Григорій Великій, папа Римскій, въ письмѣ къ королевѣ Лонгобардской Теолиндѣ говоритъ, что онъ сдѣлалъ себѣ коллекцію изъ всѣхъ маслъ, горѣвшихъ при ракахъ папъ-мучениковъ (1).

Понятно, что пилигримы, приходившіе издалека въ Римъ, запасались табличками, на которыхъ были указанія, гдѣ искать мощей того, или другаго святаго. Возвращаясь домой, они, естественно, передавали своимъ роднымъ и знакомымъ, менѣе ихъ счастливымъ, подробности своего путешествія и описывали положеніе той или другой досточтимой святыни. Такимъ образомъ составилась значительная коллекція записей, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли и до нашего времени и много помогаютъ при поискахъ въ катакомбахъ. Между этими документами первое мѣсто занимаютъ каталоги, составленные въ IV в. Въ одномъ изъ этихъ каталоговъ перечислены гробницы Римскихъ Епископовъ, въ другомъ раки мучениковъ (2). Такъ образовались трояKаго рода „путеводители по катакомбамъ", тѣмъ болѣе интересные, что описываютъ каждый свой отдѣльный участокъ катакомбъ и въ тоже время даютъ справки вполнѣ согласныя другъ съ другомъ.

Чтобы показать важность этихъ документовъ для исторіи катакомбъ и отмѣтить тѣ измѣненія внутри ихъ,

(1) Списокъ ихъ, приложенный великимъ папою къ своей посылкѣ, скопированъ Мабильономъ для сокровищницы Муцы и снова публикованъ Руинартомъ (Acta martyrum, tom III.). Онъ и теперь существуетъ въ этой коллекціи вмѣстѣ съ тѣми самыми стклянками, въ которыхъ находились эти масла. Стклянки для прочности запакованы въ металлическія трубочки.

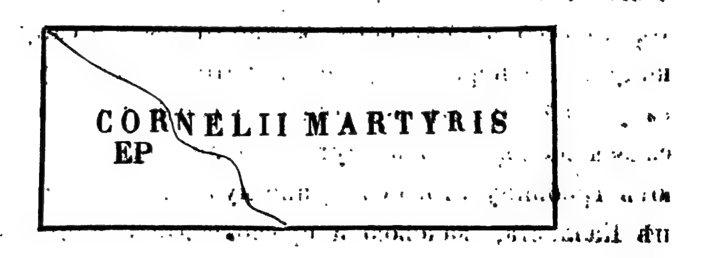
(2) Они публикованы Бухеромъ въ 1634 году.

которыя были сдѣланы въ продолженіе этого втораго періода ихъ существованія, мы разскажемъ объ одномъ, не давно сдѣланномъ открытіи въ одной изъ усыпальницъ. Между щебнемъ, завалившимъ совершенно входъ въ одну усыпальницу, которую гадательно считали усыпальницей Претекстата, при расчисткѣ нашли обломокъ мраморной доски, какими обыкновенно задѣлывались отверзтія гробницъ. Этотъ обломокъ былъ такой формы и имѣлъ на себѣ слѣдующія слова:

т. е. (гробница).... нелія мученика.

Кавалеръ Росси, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатаковъ археологіи катакомбъ, тотчасъ же объявилъ, что это — обломокъ надгробнаго камня св. папы Корнелія, и что если продолжить расчистку мусора дальше, то, по всей вѣроятности, можно открыть и самую гробницу этого первосвященника, которую легко узнать по ея устройству. Въ подкрѣпленіе своей догадки онъ сослался на то, что всѣ „путеводители" согласно указываютъ гробницу этого священно-мученика въ усыпальницѣ Каллиста, каковою и нужно считать мнимую усыпальницу св. Севастіана, которой нужно искать на нѣсколько сотъ шаговъ дальше. Онъ не остановился на этомъ и предсказалъ, что раскопка этого отдѣленія усыпальницъ должна объяснить согласное показаніе всѣхъ

„путеводителей", что вмѣстѣ съ папой Корнеліемъ погребенъ и св. Кипріанъ еп. Карѳагенскій, священные останки котораго, какъ несомнѣнно извѣстно, покоятся въ Африкѣ. Это предсказаніе не замедлило исполниться. Расчистивши входъ, открыли большую лѣстницу, которая вела въ комнату очень просторную. Она освѣщалась и провѣтривалась чрезъ сдѣланное вверху ея отверстіе. Стѣны ея были обложены кирпичными подѣлками, носившими на себѣ печать эпохи умиротворенія церкви. На лѣво была вырублена въ скалѣ гробница безъ всякихъ внѣшнихъ сводовъ поверхъ ея. Она была очень велика, и за исключеніемъ одной гробницы, вырубленной въ стѣнѣ гораздо выше этой, не было никакихъ слѣдовъ существованія другихъ гробницъ ни подлѣ, ни противъ, ни выше, ни ниже этой гробницы. Здѣсь нашли другой обломокъ мраморной доски, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ найденный при входѣ. Когда принесли первый обломокъ изъ музея Кирхера, гдѣ онъ хранился и сложили съ этимъ; то они вмѣстѣ составили одну плиту, какъ разъ приходившуюся по открытой гробницѣ. Вотъ ея форма:



т. е. (гробница) Корнелія мученика епископа.

на самомъ полу усыпальницы нашли другую мраморную дощечку, отъ которой уцѣлѣла только лѣвая сторона,

а правая была разбита и затерялась. Надъ гробницей открыли третью табличку, которая была прикрѣплена къ песчаному камню. Отъ этой послѣдней осталась только правая сторона и нѣсколько обломковъ, найденныхъ въ мусорѣ. По этимъ обломкамъ нельзя было возстановить полной надписи, но можно было видѣть, что надпись была написана стихами и составлена папою Дамасомъ (современникомъ св. Амвросія Медіоланскаго). Это видно изъ округленныхъ, изящныхъ формъ уцѣлѣвшихъ буквъ, которыя извѣстны у археологовъ подъ названіемъ „Дамасовскихъ".

На правой сторонѣ отъ гробницы изображены двѣ человѣческихъ фигуры въ стоячемъ положеніи, одѣтыя въ священническія одежды; головы ихъ окружены сіяніемъ. Живопись, очевидно, византійская, относящаяся къ VII в. Вдоль стѣны по ту и другую сторону этихъ фигуръ были написаны имена ихъ, буква подъ буквой; нѣкоторыя изъ этихъ буквъ стерлись, но оставшіяся реставрированы археологами въ такомъ видѣ:

SCI + CORNELI PP SCI + CIPRIANI

т. е. (изображенія) св. Корнелія папы и св. Кипріана (¹).

Легко понять, что пилигримъ-иностранецъ, читая эти

(¹) Съ другой стороны, на узенькомъ простенкѣ выдающемся подъ прямымъ угломъ въ подземную галлерею, находится два подобныхъ же портрета. Но только одну надпись подъ ними можно разобрать. Это — имя папы Сикста, которое здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ, написано: „Sustus". Близъ изображеній Корнелія и Кипріана нацарапаны на известковой штукатуркѣ, покрывающей стѣну, имена двухъ священниковъ пилигримовъ—Льва и Іоанна. Латинскія буквы надписей, по своему характеру, относятся къ VII в.

двѣ надписи, и видя эти изображенія, а еще болѣе — зная, что Римская церковь празднуетъ память этихъ двухъ священномучениковъ вмѣстѣ, могъ придти къ мысли, что они и погребены вмѣстѣ. Наконецъ по правую сторону гробницы стоитъ столбъ, вышиною въ три фута, съ углубленіемъ на вершинѣ, подобный тѣмъ, о которыхъ мы говорили выше. И въ подтвержденіе обычая, на который мы указали, мы находимъ въ спискѣ св. Григорія Великаго—oleum Sancti Cornelii (масло св. Корнелія).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что во второй періодъ существованія катакомбъ, въ нихъ сдѣланы нѣкоторыя улучшенія во внутреннемъ устройствѣ и нѣкоторыя новыя украшенія. Но этихъ украшеній нѣтъ опасности смѣшать съ украшеніями, уцѣлѣвшими въ нихъ отъ первыхъ трехъ вѣковъ потому что разность между ними,—и, нужно прибавить, не въ пользу первыхъ,— слишкомъ рѣзка.

Наконецъ мы подошли къ третьему и послѣднему періоду существованія катакомбъ,—къ печальному періоду ихъ разрушенія. Когда лонгобарды и позднѣе—сарацины начали опустошать окрестности Рима и катакомбамъ угрожало разграбленіе и поруганіе, то папы рѣшились перенесть въ городскія базилики мощи болѣе знаменитыхъ мучениковъ. Это было въ концѣ VIII и въ началѣ IX в. Въ это время лѣтописи упоминаютъ еще о кое-какихъ поправкахъ и передѣлкахъ въ ката-

---

Кстати-можно привесть здѣсь замѣтку Римскаго календаря:

„XIII. Kal. oct. Cypriani Africae: Romae celebratur in Callisti“, т. е. въ 18 день октябрьскихъ календъ (14 сентября), праздникъ Кипріана Африканскаго. Онъ празднуется въ Римѣ въ усыпальницѣ Каллиста.

комбахъ, производившихся по волѣ папъ. Затѣмъ мало по малу катакомбы перестаютъ быть предметомъ набожнаго уваженія и церкви, выстроенныя при спускахъ въ оныя, оставляются безъ присмотра и обращаются въ развалины. Изъ нихъ уцѣлѣли только тѣ, которыя были обнесены толстыми стѣнами для предохраненія отъ расхищенія ихъ со стороны варваровъ. Таковы напр. загородныя (Extra muros) базилики св. Павла по дорогѣ Остійской, св. Севастіана—по дорогѣ Аппіевой, св. Лаврентія—по Тибурнинской, св. Панкратія—по Авреліевой, и наконецъ—самая замѣчательная изъ всѣхъ, базилика св. Петра по дорогѣ Ватиканской. Слѣды стѣнъ, которыми были обнесены первая и послѣдняя изъ этихъ базиликъ, и теперь можно замѣтить.

Стóитъ замѣтить, что кавалеръ Росси, о которомъ мы упомянули выше, открылъ двѣ базилики, почти вполнѣ сохранившіяся, надъ спускомъ въ усыпальницу Каллиста; одна изъ нихъ превращена была въ пекарню, другая въ винный погребъ. Первая, по многимъ примѣтамъ, построена папою Дамасомъ. Поврежденія, нанесенныя дождями, людьми и временемъ, сдѣлали изъ древнихъ катакомбъ одни развалины. И римское правительство только въ послѣднее время начало обращать должное вниманіе на этотъ драгоцѣнный памятникъ древней христіанской жизни. Настоящій папа нарядилъ коммиссію для разчистки и возстановленія катакомбъ. Работы ея, не смотря на ограниченныя средства, идутъ дѣятельно. Находимыя вещи ставятся каждая на свое мѣсто и, повозможности, приводятся въ прежній видъ. Съ картинъ, надписей и орнаментовъ снимаютъ точныя копіи и составляютъ планъ открытыхъ уже отдѣленій катакомбъ. Чтобы обезпечить это предпріятіе вполнѣ,

папа купилъ на собственныя деньги поля и виноградники на Торъ-Маранчья, гдѣ находится усыпальница св. Нерея и Ахилла, по мѣрѣ надобности предположено покупать и остальныя мѣстности, въ которыхъ лежатъ катакомбы. Императоръ французскій съ своей стороны отрядилъ на свой счетъ коммиссію изъ лучшихъ художниковъ для снятія всѣхъ частей катакомбъ.

Желаемъ отъ души успѣха этому благородному предпріятію.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ РОССІИ.

I) О матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства въ Грузіи.

Грузинское, приходское, православное духовенство настоящимъ своимъ устройствомъ и обезпеченіемъ въ матеріальномъ отношеніи обязано высокопреосвященному Ѳеофилакту, первому изъ русскихъ, экзарху Грузіи. До его времени положеніе сего духовенства было самое жалкое. Изъ донесенія сего іерарха Святѣйшему Правительствующему Сvноду, отъ 18-го Апрѣля 1818 года, видно, что въ Грузіи до того времени „число церквей и причтовъ было несоразмѣрно съ числомъ приходскихъ домовъ, что весьма рѣдкія изъ нихъ имѣли землю и другія угодья; и отъ этого священно-церковнослужители, не получая себѣ отъ церквей нужнаго содержанія, *отваживались на многое не позволенное*". Изъ того же донесенія высокопреосвященнаго видно также, что въ то время „въ грузинскихъ селеніяхъ много находилось, во-первыхъ, церквей, которыя не имѣли ни причтовъ, ни прихожанъ, во-вторыхъ, священно-церковнослужителей не имѣвшихъ приходовъ и потому не отправлявшихъ никакихъ христіанскихъ требъ, и въ-третьихъ, такихъ священно-церковнослужителей, которые не знали даже и писать по грузински".

О положеніи градскаго духовенства того времени мо-

жно судить по донесенію высокопреосвященному Ѳеофилакту благочиннаго протоіерея Гавріила Месхіева, отъ 5-го Марта 1819 года. Сказавъ въ началѣ своего донесенія о томъ великомъ благодѣяніи, какое уже сдѣлано было мудрыми распоряженіями архипастыря для духовенства сельскаго, далѣе отецъ протоіерей говоритъ: „градскія церкви остаются еще въ прежнемъ неустройствѣ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ нѣсколько священниковъ и ни одного причетника. И какъ всякій изъ сихъ священниковъ пользуется равными правами; то и нѣтъ между ними никакой субординаціи; одинъ другому не помогаетъ въ служеніи. Служащій священникъ, совершая проскомидію, самъ читаетъ и часы; а при чтеніи эктеній иногда самъ и поетъ вмѣсто дьячка; самъ же возжигаетъ и свѣчи. Въ свободное отъ богослуженія время онъ же долженъ мести и полъ въ церкви. Но такъ какъ, по случающимся мірскимъ требамъ, всего онъ одинъ не можетъ исполнить: то и благолѣпіе въ церквахъ сохранить не возможно".

О бѣдности грузинскаго духовенства того времени и неблаговидныхъ, вслѣдствіе этой бѣдности, поступкахъ его довольно говоритъ слѣдующее мѣсто изъ донесенія высокопреосвященнаго Ѳеофилакта Святѣйшему Сѵноду, отъ 3-го Февраля 1819 года: „Я требую отъ священнослужителей, писалъ архипастырь, чтобы они отстали отъ прежняго обычая договариваться съ прихожанами за исправленіе христіанскихъ требъ, особенно за погребеніе усопшихъ. Сія послѣдняя статья составляла главнѣйшій доходъ священниковъ. Зная ихъ бѣдное состояніе и неимѣніе даже *насущнаго хлѣба*, мѣстное начальство совѣстилось строго взыскивать *за безчинства, при семъ постыдномъ торгѣ* происходившія." Въ

другомъ мѣстѣ въ отношеніи своемъ къ грузинскому военно-гражданскому губернатору Ховену, отъ 5-го Января 1819 года, высокопреосвященный Θеофилактъ выражается, что тогдашнее духовенство, нисколько не обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, „свои домогательства за требоисправленія извиняло невозможностію жить, если не торговаться съ прихожанами, особливо при похоронахъ, и что оно *вынуждено было называть холоднымъ тотъ годъ, въ который мало людей умирало.*"

Такое грустное положеніе грузинскаго духовенства обратило на себя вниманіе русскаго правительства съ самаго начала присоединенія Грузіи къ Россіи. Еще графъ Гудовичъ, главнокомандовавшій въ Грузіи, въ 1808 году, предложеніемъ бывшей исполнительной экспедиціи, отъ 23-го Августа, постановилъ въ обязанность всѣмъ помѣщикамъ, отвести въ пользу церквей, состоящихъ въ ихъ имѣніяхъ, а также на содержаніе священно-церковнослужителей земли, или, въ замѣнъ оныхъ, другія угодья не менѣе закономъ положеннаго (¹). Но постановленіе это не было приведено въ исполненіе; и до прибытія въ Грузію экзарха, высокопреосвященнаго Θеофилакта, ничего не было сдѣлано для улучшенія быта грузинскаго духовенства. Этотъ достопамятный для здѣшняго края архипастырь, по прибытіи своемъ въ Тифлисъ, прежде всего озаботился объ улучшеніи нравственнаго быта ввѣреннаго ему духовенства, и учрежденіемъ семинаріи положилъ начало духовному образованію его; потомъ вскорѣ поднялъ вопросъ и объ улучшеніи матеріальнаго его быта, и успѣлъ раз-

---

(¹) Отношеніе Сталя, грузинскаго губернатора къ Θеофилакту экзарху Грузіи, отъ 6-го Іюня 1818 года.

рѣшить этотъ вопросъ, сколько было возможно, удовлетворительно.

Къ возбужденію этого вопроса подалъ поводъ высокопреосвященному грузинскій помѣщикъ, генералъ-лейтенантъ, князь Дмитрій Захаровичъ Орбеліани. Вознамѣрившись построить въ помѣстьѣ своемъ, въ селеніи *Вардисъ-Убани*, новую церковь, онъ между прочимъ писалъ къ высокопреосвященному, отъ 30-го Сентября 1817 года. „что онъ, для цѣлости этой церкви а равно и на содержаніе служащихъ въ ней, желаетъ посвятить сорока-дневную землю (¹), садовое мѣсто, которое будетъ обработываемо помощію крестьянъ его, изъ сельскаго магазина процентъ (²)." Получивъ это письмо 28-го Ноября, высокопреподобный Феофилактъ на другой же день написалъ къ генералу Орбеліани отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ его за такой благотворительный поступокъ. Потомъ, отношеніемъ отъ 19-го Февраля 1818 года, сообщилъ объ этомъ главноуправляющему Грузіею, знаменитому Алексѣю Петровичу Ермолову съ тѣмъ, чтобы онъ распорядился опубликовать это пожертвованіе князя Орбеліани для примѣра другимъ помѣщикамъ, и внушилъ имъ, чтобы они не замедлили отводомъ земель для церквей, согласно постановленію графа Гудовича. Впрочемъ, чтобы не отяготить помѣщиковъ при излишнемъ числѣ церквей и причтовъ надѣломъ ихъ землями, высокопреосвященный экзархъ полагалъ—предварительно отобрать отъ гг. помѣщиковъ показанія: сколько въ ихъ помѣстьяхъ, по числу крестьянскихъ домовъ, нужно штатныхъ церквей и прич-

(¹) То есть вспахиваемую однимъ плугомъ въ 40 дней.
(²) То есть пшеницы пятьдесятъ кодъ (112 пуд.).

товъ, и въ какихъ именно селеніяхъ, и какія именно церкви оставить, вмѣстѣ съ причтами, заштатными? Штатными церквами онъ полагалъ почитать тѣ, при коихъ определено будетъ число приходскихъ домовъ съ указною пропорціею земли или другихъ, соразмѣрно доходамъ съ оной, угодій; заштатными же имѣющія остаться безъ приходскихъ дворовъ и безъ земли. Священно-церковнослужителей сихъ послѣднихъ высокопреосвященный полагалъ, при этомъ, переводить на другія праздныя мѣста при штатныхъ церквахъ. Отъ такого распоряженія онъ ожидалъ двоякой пользы, именно: совершеннаго прекращенія излишняго духовенства, и обезпеченія въ способахъ пропитанія тѣхъ служителей алтаря съ ихъ семействами, которыя были необходимы для Церкви.

Генералъ Ермоловъ, по случаю скораго отъѣзда своего на кавказскую линію, распорядиться отводомъ земель для духовенства поручилъ исправлявшему должность грузинскаго губернатора, генералъ-маіору Сталю.

При совокупномъ дѣйствіи духовнаго и гражданскаго начальства, православное приходское духовенство въ Грузіи почти все, въ томъ же 1818 году, получило надлежащее устройство и обезпеченіе своего быта. Для достиженія сей цѣли поручено было дворянскимъ предводителямъ, окружнымъ начальникамъ и другимъ чиновникамъ, при депутатахъ съ духовной стороны, немедленно собрать свѣдѣнія о всѣхъ церквахъ въ Грузіи, находящихся какъ въ помѣщичьихъ, такъ казенныхъ и церковныхъ имѣніяхъ, съ показаніемъ, сколько при каждой церкви имѣется причта, сколько прихожанъ и какого они званія, какимъ содержаніемъ каждый причтъ дотолѣ пользовался отъ своихъ прихожанъ, и

какое содержаніе прихожане обязывались давать своимъ священнослужителямъ на будущее время?

Въ предварительномъ, насательно сего предмета, постановленіи бывшей казенной экспедиціи, между прочимъ, было сказано: „Если найдется удобность исправлять требы одному священнику въ восьмидесяти или ста дворахъ, то сдѣлать по сему числу домовъ, или болѣе, какъ мѣстныя обстоятельства дозволятъ, расчисленіе, сколько могутъ крестьяне, безъ отягощенія своего, священно-церковнослужителямъ, полагая въ каждомъ приходѣ по одному священнику и двумъ причетникамъ, удѣлить годовую пропорцію хлѣба, вина и другихъ жизненныхъ припасовъ, а также и денегъ съ каждаго дома, дабы за всѣ уже исправляемыя ими христіанскія требы, могущія случиться въ томъ селеніи, не доводили ихъ до требованія за оныя у крестьянъ. Каковое ограниченіе однако же не можетъ входить въ тотъ счетъ, когда бы крестьянинъ, по усердію къ религіи, пожелалъ что-либо удѣлить для церкви и ея священнослужителей отъ избытковъ своихъ, ибо это зависитъ отъ собственнаго его произвола“. (2-й пунктъ). „Если бы гдѣ либо прихожане пожелали имѣть священника и двухъ причетниковъ, при меньшемъ количествѣ домовъ: то имъ должно быть внушаемо, что они должны давать своимъ священно-церковнослужителямъ такое же содержаніе, какое назначено имъ на сто домовъ“. (Пунктъ 5). Въ отвращеніе недостатка въ земляхъ и угодіяхъ для казенныхъ крестьянъ, предположено было отводить земли священно-церковнослужителямъ только подъ постройку дома и подъ огороды, а въ замѣнъ пахатной и сѣнокосной земли полагать имъ хлѣбъ или деньги. Наблюденіе за исправностію въ ис-

положенія прихожанами принимаемыхъ на себя, въ отношеніи къ своимъ причтамъ, обязанностей возлагалось пятымъ пунктомъ сего постановленія на сельское начальство, или, въ случаѣ какихъ либо неудобствъ, на земскую полицію (п. 6).

О второмъ пунктѣ сего постановленія высокопреосвященный Ѳеофилактъ въ отношеніи своемъ къ г. Сталю отозвался, что, „такъ какъ въ тифлисскомъ, горійскомъ и ананурскомъ уѣздахъ селенія большею частію малолюдны и не въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи; то назначеніе въ тѣхъ мѣстахъ 80 домовъ для штатной церкви не удобно", и потому полагалъ назначить тамъ крайнимъ числомъ для штатной церкви 40 домовъ. Кромѣ того въ тѣхъ церквахъ съ причтами, гдѣ большинство прихожанъ состояло изъ новокрещенныхъ осетинъ, онъ находилъ неудобнымъ вводить штатное положеніе, не признавалъ нужнымъ оставить ихъ при прежнемъ положеніи.

Достойно замѣчанія наставленіе, какое давалъ высокопреосвященный духовнымъ лицамъ, назначавшимся депутатами при собраніи свѣдѣній о церквахъ. „Рекомендую вамъ, писалъ онъ къ нимъ въ циркулярномъ ордерѣ, съ одной стороны употребить всѣ возможные способы къ тому, чтобы прихожане безобидно надѣлили духовныхъ отводомъ земель, или назначеніемъ иныхъ выгодъ, а съ другой внушить священнослужителямъ, дабы лишними требованіями не затрудняли они правительства, желающаго доставить имъ такія выгоды, *каковыхъ въ Грузіи никогда не существовало*".

Между тѣмъ, пока чиновниками, при депутатахъ отъ духовенства, собирались нужныя о церквахъ свѣдѣнія, преосвященный экзархъ сдѣлалъ слѣдующее распоря-

женіе о раздѣлѣ священно-церковнослужителями штатныхъ церквей своихъ доходовъ, клонящееся къ водворенію мира и порядка между причтами.

1) Штатному священнику принадлежитъ изъ рубля 60 коп., а 40 коп. дѣлятъ между собою дьячекъ и пономарь по равнымъ частямъ (1).

2) Ежели на причетнической вакансіи помѣщенъ діаконъ; то штатному священнику изъ рубля слѣдуетъ 55 коп., діакону, заступающему мѣсто дьячка,—25, а пономарю 20 коп.

3) Заштатный священникъ, имѣющій поступить на причетническое мѣсто, долженъ изъ рубля получать 40 к., а остальныя предоставляются штатному священнику.

4) Если при одномъ штатномъ будетъ два заштатныхъ священника на причетническихъ вакансіяхъ; то штатный изъ рубля получаетъ 50, а остальные по 25 к.

5) Заштатные священники, безъ согласія штатнаго, ни служатъ, ни требъ не исправляютъ; по должности они обязаны повиноваться ему точно такъ же, какъ и причетники.

Распоряженіе это было разослано для объявленія и руководства ко всему грузинскому духовенству, отъ 22-го августа 1817 года.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же года преемникъ Сталя, губернаторъ Ховенъ представилъ высокопреосвященному Ѳеофилакту на разсмотрѣніе собранныя о сельскихъ церквахъ и причтахъ свѣдѣнія (2), съ назначеніемъ для

(1) Высокопреосвященный замѣтилъ, что онъ разумѣетъ здѣсь всякіе доходы какъ хлѣбные, такъ и денежные, исключая поручныхъ, кои раздѣлу не подлежатъ, а остаются у того, кому что дано.

(2) См. ниже.

никъ отъ прихожанъ содержанія. Разсмотрѣвъ эти вѣдомости, высокопреосвященный сдѣлалъ изъ нихъ нужныя извлеченія, и препроводилъ оныя на усмотрѣніе начальника края, Алексѣя Петровича Ермолова, присоединивъ къ этому свое мнѣніе слѣдующаго содержанія.

1) „Сколько чего прихожане согласились ежегодно давать на содержаніе каждаго священника съ двумя причетниками; все это полагаю утвердить безъ малѣйшей перемѣны, предписавъ производить выдачу съ 1-го января 1819 года.

2) „Пахатныя земли, сады, огороды, селедебныя мѣста, коими сельское духовенство доселѣ владѣло, не какъ собственностію, но какъ участками, отведенными изъ дачъ казенныхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ, и кои прихожане оставляютъ за ними на будущее время,—считать принадлежащими церкви, доколѣ она существуетъ, а не лицу. Слѣдовательно никто изъ священно-церковнослужителей штатныхъ и заштатныхъ не въ правѣ ни продать ихъ, ни заложить, ни подарить.

3) „Не возбранять духовенству пользоваться пастбищами и лѣсами, кои въ общемъ владѣніи у прихожанъ.

4) „Предположенное назначеніе числа причтовъ не принимать за такое правило, отъ коего бы нельзя было отступить, изъ уваженія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, поставивъ впрочемъ въ обязанность епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы они, безъ крайней нужды, отнюдь не рукополагали и не опредѣляли священниковъ къ такимъ церквамъ, коихъ прихожане, въ содержаніи причта, не будутъ отвѣтсвовать по меньшей мѣрѣ за 40 домовъ.“

По приведеніи церквей въ штатное положеніе, число ихъ въ Грузіи чрезвычайно сократилось. Такъ, напри-

мѣръ, по одному *юрійскому уѣзду* изъ 269 церквей положено быть штатными только 99. Содержаніе для штатныхъ церквей и ихъ причтовъ назначалось не вездѣ одинаковое. При этомъ обращаемо было вниманіе какъ на состояніе прихожанъ, на произведенія природы, которыми изобилуетъ та или другая мѣстность, такъ и на то, чѣмъ прежде прихожане вознаграждали свои причты за ихъ служеніе. Надѣлъ земли для церквей произведенъ былъ въ рѣдкихъ мѣстахъ и при томъ въ самъ ограниченномъ количествѣ, необходимомъ только для постройки дома и для огорода. Почти вездѣ прихожане обязывались доставлять священно-церковнослужителямъ хлѣбъ, вино, живность и по нѣскольку денегъ съ каждаго приходскаго дома, не отказываясь впрочемъ и отъ вознагражденія за тѣ или другія требоисправленія. Въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ природа бѣдна произведеніями, прихожане обязались, вмѣсто хлѣба, вина и другихъ произведеній природы, давать на содержаніе причтовъ деньгами съ каждаго дома по стольку, чего стоили въ то время назначаемыя въ другихъ приходахъ въ пользу причтовъ натуральныя повинности.

Такъ: по *телавскому уѣзду* прихожане почти всѣхъ штатныхъ церквей обязались доставлять годовое содержаніе штатному священнику съ двумя причетниками слѣдующее: отъ каждаго приходскаго дома—*кода*, (2 п. 10 ф.) пшеницы, *полкоды* ячменя, *тунги*, (5 бутыл.) вина; съ 5-ти домовъ одинъ баранъ и деньгами — съ богатѣйшихъ домовъ по 60, посредственныхъ по 40, а съ недостаточныхъ по 20 коп. серебромъ.

Всѣхъ штатныхъ церквей въ семъ уѣздѣ образовалось 56. Меньшее число домовъ для штатнаго причта

назначено 80; гдѣ же этого числа не доставало, тамъ прихожане обязались доставлять своему приходскому причту содержаніе такое же, какое получается отъ 80 домовъ. Только прихожане семи церквей, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могли обязаться доставлять своимъ священно-церковнослужителямъ вышеприведеннаго содержанія, но назначили оное въ уменьшенномъ размѣрѣ.

По *сигнахскому уѣзду* штатныхъ церквей образовалось 38. Жители сего уѣзда положили: оставить при штатныхъ священникахъ тѣ пахатныя земли, сады и другія угодья, которыми они до сего пользовались, и обязались давать имъ ежегодно съ каждаго дома по одной кодѣ пшеницы, а вмѣсто вина — съ богатаго дома по 60, посредственнаго по 40, и съ недостаточнаго по 20 коп. серебромъ, исключая тѣхъ доходовъ, которыми священники дотолѣ пользовались отъ прихожанъ. При этомъ жители сигнахскаго уѣзда выказали примѣрное уваженіе къ своимъ пастырямъ. Предоставляя въ пользованіе ихъ пахатныя земли, они положили, чтобы священники сами, своеручно, земель сихъ не обрабатывали; но или представляли трудъ этотъ своимъ родственникамъ, или нанимали для него работниковъ.

Приходы *въ горійскомъ уѣздѣ* образовались по числу домовъ гораздо меньшіе, нежели въ уѣздахъ сигнахскомъ и телавскомъ. Здѣсь именно по малолюдству и отдаленности селеній одного отъ другаго, меньшее число приходскихъ домовъ для штатной церкви назначено было только 40. Жители сего уѣзда положили производить на содержаніе своихъ причтовъ дачу хлѣбомъ, виномъ, живностію и деньгами. Положеніе это почти по каждому селенію различное; но тѣмъ не менѣе почти

одинаково обезпечивающее причты, какъ въ уѣздахъ телавскомъ и сигнахскомъ. Такъ, напримѣръ, прихожане села *Алы*, коихъ составилось 72 дома, назначили на содержаніе своего причта ежегодно съ каждаго дома по одной кодѣ пшеницы, по полукодѣ ячменя, по одной тунгѣ вина, по одной курицѣ, по 20 коп. серебр. деньгами и къ церкви домовое мѣсто и особо огородное однодневнаго паханія. Прихожане села *Адзвисы*, въ числѣ 32 домовъ, назначили съ 15 домовъ по двѣ коды пшеницы, по кодѣ ячменя, по 3 курицы, по двѣ тунги вина и деньгами по 50 коп. сер., а съ другихъ 17 домовъ—съ каждаго дома пшеницы по 1½ коды, ячменя по ½ коды, куръ по 2, вина по одной тунгѣ, и деньгами по 40 коп. сер., оставляя при церкви одно домовое мѣсто и огородное на одинъ день паханія. При этомъ дворяне, находившіеся въ томъ или другомъ приходахъ, назначали отъ себя особое положеніе въ пользу причта, не смѣшиваясь съ крестьянами. Такъ напримѣръ въ селѣ *Итріа*, кромѣ положенія отъ крестьянъ, назначено было отъ дворянъ особо: 25 кодъ пшеницы, 10 кодъ ячменя, 20 куръ, 24 тунги вина и 10 руб. серебр. денегъ. Кромѣ этихъ пожертвованій въ пользу своихъ причтовъ жители горійскаго уѣзда за исправленіе каждой изъ христіанскихъ требъ положили давать вознагражденіе, по прежде существовавшимъ обычаямъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за браковѣнчаніе 60 коп., за исповѣдь и причастіе отъ 5 до 10 к., за панихиду отъ 2 до 10 коп., за отпѣваніе и погребеніе усопшаго съ сорокоустомъ отъ 2 руб. 40 коп. до 4 руб., а безъ сорокоуста отъ 15 до 30 коп. За молитвованіе новорожденнаго и родильницы—10 коп. или угощеніе обѣдомъ, за крестины отъ 5 до 20 коп. — Въ праздники

Рождества Христова, Богоявленія и Святой Пасхи тунгу вина, курицу, часть свинины и хлѣбъ, или, въ каждый изъ сихъ праздниковъ, деньгами по 10 коп. сер. съ дома.

По *тифлисскому уѣзду*, при 12-ти сельскихъ штатныхъ церквахъ, прихожане опредѣлили: по прежнему обычаю, платить священникамъ за исправленіе христіанскихъ требъ деньгами, и еще доставлять имъ ежегодно на содержаніе изъ своего хозяйства, большею частію по положенію одинаковому съ жителями телавскаго уѣзда именно: съ каждаго дома по кодѣ пшеницы, полукодѣ ячменя, по тунгѣ вина, отъ 20 до 60 копѣекъ деньгами и барановъ съ 5 домовъ по одному.

По представленіи этого положенія и мнѣнія о семъ высокопреосвященнаго Ѳеофилакта на усмотрѣніе главноуправляющаго краемъ генерала Ермолова, и то и другое немедленно утверждены были имъ во всей силѣ, и въ тоже время сдѣлано было распоряженіе, чтобы полиція наблюдала за исполненіемъ сихъ положеній во всей точности.

Такимъ образомъ къ концу 1818 года сельскому духовенству телавскаго, сигнахскаго, горійскаго и тифлисскаго уѣздовъ дано было надлежащее устройство, и для содержанія его назначено было опредѣленное положеніе.

Не приведенными въ штатное положеніе изъ грузинскихъ церквей оставались только церкви въ уѣздѣ ананурскомъ, и въ двухъ селеніяхъ, принадлежащихъ къ Борчалинской, татарской дистанціи. Впрочемъ, съ наступленіемъ весны 1819 года, и это не доконченное дѣло приведено было къ окончанію, такъ что въ началѣ августа мѣсяца высокопреосвященный Ѳеофи-

лактъ могъ донести Святѣйшему Синоду, что и въ ананурскомъ уѣздѣ не только всѣ церкви приведены въ штатное положеніе, но и оставшіеся за штатными священники размѣщены по мѣстамъ. При этомъ высокопреосвященный препроводилъ въ Святѣйшій Сунодъ и списокъ штатныхъ церквей сего уѣзда, съ показаніемъ, какое при какой церкви назначено для причтовъ содержаніе. Въ этомъ спискѣ поименовано было 40 церквей. Приходскихъ домовъ при каждой изъ сихъ церквей назначено было отъ 40 до 134. — Содержаніе же причтамъ опредѣлено было въ разныхъ селеніяхъ различное. Такъ, прихожане 16 церквей опредѣлили давать на содержаніе своихъ причтовъ только деньгами, ежегодно по 2 руб. 50 коп. съ дома. Другіе 11 селеній, также деньгами, но въ меньшей мѣрѣ, именно по 1 р. 40 к., а остальные по 40 кодъ пшеницы и по 20 кодъ ячменя со всего прихода, и съ каждаго дома по одной курицѣ и по тунгѣ вина. Кромѣ того всѣ обязались вознаграждать священо - церковнослужителей за исправленіе христіанскихъ требъ, смотря по состоянію каждаго, за вѣнчаніе отъ 1 до 3 руб., за погребеніе отъ 4 до 8 руб., за крещеніе отъ 20 до 40 коп., за исповѣдь 20 коп., за молебенъ отъ 10 до 20 коп. и тому подобное. Жители татарской дистанціи, селенія *Квеши* назначили причту такое же положеніе, какое назначено было по тифлисскому уѣзду.

Оставалось внѣ штатнаго положенія одно только село *Цинцкаро*. Но о немъ высокопреосвященный Ѳеофилактъ доносилъ Святѣйшему Сvноду: „Жители этого селенія — переселенцы изъ персидскихъ владѣній, происхожденіемъ греческой націи; но, издавна оставя свое отечество, они совершенно забыли природный языкъ,

а грузинскому еще не успѣли научиться, и нынѣ говорятъ по татарски. Сами священники, коихъ 2, могутъ только читать греческія церковныя книги, а понимать ихъ и говорить по гречески не могутъ. Доколѣ пастыри и пасомые не ознакомятся съ грузинскимъ языкомъ, дотолѣ нельзя вводить приходъ сей въ общее положеніе.

Благоустроя духовенство сельское, высокопреосв. Ѳеофилактъ не оставилъ безъ вниманія и городскаго духовенства. Вслѣдствіе вышеприведеннаго рапорта протоіерея Гавріила Месхіева, онъ далъ сему протоіерею ордеръ, въ которомъ указалъ ему, чтó должно сдѣлать для прекращенія безпорядковъ, изображенныхъ въ его рапортѣ. Между прочимъ въ 5-мъ пунктѣ этого ордера сказано было слѣдующее: „Жители Тифлиса не по кварталамъ принадлежатъ церквамъ, но издревле, съ своими семействами, относятся въ христіанскихъ требахъ къ своимъ духовникамъ по выбору. Пусть продолжается этотъ древній обычай. Однакожъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ церквахъ есть чудотворныя иконы, гдѣ доходы бываютъ не отъ однихъ дѣтей духовныхъ: то во избѣжаніе подозрѣнія сослужащихъ, доходы сіи надлежитъ собирать въ кружки и дѣлить на всѣхъ наличныхъ по степенямъ священства“.

Выгоды, какія высокопреосвященный Ѳеофилактъ предоставилъ сельскому духовенству Грузіи, по его исчисленію въ 1819 году простирались, какъ онъ доносилъ объ этомъ Святѣйшему Сѵноду, за 40 тысячъ руб., исключая земельныя угодья и плату за требоисправленіе (1).

(1) По приведеніи въ штатное положеніе только 4-хъ уѣздовъ: телавскаго, сигнахскаго, горійскаго и тифлисскаго, высокопреосвященному

Чтобы назначенное такимъ образомъ причтамъ содержаніе было исправно ими получаемо, высокопреосвященный, въ одномъ изъ своихъ ордеровъ благочиннымъ, писалъ *собственноручно*: „Если гдѣ прихожане не будутъ выполнять добровольнаго ихъ обязательства: то священно-церковнослужители должны извѣщать о томъ благочиннаго, а сей, отъ земской полиціи не получая удовлетворенія, немедленно доноситъ своему епархіальному начальству". Подобнымъ образомъ онъ заботился и о томъ, чтобы священно-церковно-служителямъ не было возбраняемо пользоваться пастбищами и лѣсами, въ общемъ владѣніи прихожанъ состоящими; по ходатайству его, губернаторомъ Ховеномъ, подтверждено было мѣстному начальству отнюдь не возбранять священно-церковно-служителямъ пользоваться пастбищами и лѣсами, въ общемъ владѣніи прихожанъ состоящими.

Благоустроивши такимъ образомъ бытъ сельскаго духовенства, высокопреосвященный Θеофилактъ писалъ, чрезъ благочинныхъ, къ сему духовенству: „Пріятно мнѣ мыслить, а кольми паче ожидать, что грузинское духовенство, какъ обезпеченное уже со стороны жизненныхъ потребностей, отстанетъ наконецъ отъ всякихъ за требоисправленіе домогательствъ; и, званіе свое проходя съ радостію, а не воздыхающе, потщится собою представлять вѣрнымъ образъ пастыря, а не наемни-

представлена была перечневая вѣдомость, въ которой значилось всѣхъ приходскихъ домовъ въ сихъ уѣздахъ 15.358, штатныхъ церквей 235, и причтовъ 241. — На этой вѣдомости высокопреосвященный, перелагая назначаемыя отъ каждаго приходскаго дома, въ пользу причтовъ, натуральныя повинности на деньги, по тогдашнимъ цѣнамъ, собственноручно написалъ: „Сельское духовенство, по всѣмъ 4-мъ уѣздамъ, будетъ получать каждогодно, полагая съ каждаго дома по 2 руб. 50 коп., — 38.395 руб. сер., кромѣ поручныхъ, добровольныхъ доходовъ за требоисправленіе и земельныхъ угодій".

ка!" Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ князю Александру Николаевичу Голицыну, отъ 3-го февраля 1819 г., между прочимъ онъ говоритъ: „Что Грузинское духовенство, сколько прежде скучало отъ уменьшенія смертности, столько теперь обязано молиться Богу о здравіи и долгоденствіи своихъ прихожанъ."

Въ томъ же письмѣ къ князю Голицыну высокопреосвященный, по архипастырскому смиренію, не приписывалъ себѣ столь быстраго успѣха въ дѣлѣ обезпеченія сельскаго духовенства въ Грузіи, но выражался о семъ такъ: „О себѣ не похвалюся, относя весь успѣхъ первоначально къ Подателю всѣхъ благъ, потомъ къ содѣйствію мудраго повелителя въ Грузіи, его высокопревосходительства Алексѣя Петровича Ермолова, который стоитъ того, чтобы Ваше Сіятельство объявили ему *спасибо*, приличное и моральному и политическому его характеру." И дѣйствительно однѣ духовныя власти, безъ старательнаго содѣйствія гражданскихъ, въ этомъ, столь важномъ дѣлѣ, не могли бы имѣть столь быстраго успѣха. Поэтому кромѣ генерала Ермолова, главнаго начальника края, имена Сталя и Ховена, управлявшихъ въ это время губерніею и съ энергіею содѣйствовавшихъ успѣху этого дѣла, достойны памяти и признательности со стороны грузинскаго духовенства.

„Святѣйшій Сѵнодъ новый опытъ попеченія и трудовъ преосв. Ѳеофилакта въ устройствѣ числа дворовъ при церквахъ, штата священно-служителямъ и доставленія имъ чрезъ то приличнаго содержанія, *принялъ съ признательностію и благословилъ* при томъ усердіе его на дальнѣйшій подвигъ ко благу Грузинской церкви." (¹)

(¹) Изъ указа Святѣйш. Синода преосв. Ѳеофилакту отъ 22-го апр. 1819 года.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Святѣйшій Сѵнодъ не могъ одобрить всего, что сдѣлано было преосв. Ѳеофилактомъ въ видахъ обезпеченія сельскаго духовенства. Изъ донесенія его объ учрежденіи штатовъ при церквахъ ананурскаго уѣзда усмотрѣвъ, что за исправленіе христіанскихъ требъ плата отъ прихожанъ священникамъ положена была отъ 10 коп. до 8 руб. сер., (цифра въ 1819 году очень значительная!) и, между прочимъ, назначено за исповѣдь по 20 коп. сер.,— Святѣйшій Сѵнодъ препроводилъ (¹) къ высокопр. Экзарху, указъ, съ такимъ замѣчаніемъ: „Поелику изъ опредѣленныхъ для священно-церковнослужителей по Грузіи за исправленіе требъ у прихожанъ окладовъ Святѣйшій Сѵнодъ усматриваетъ оные вообще увеличенными, а плату за исповѣдь положенную признаетъ и противною пастырю душъ христіанскихъ и самому достоинству сей тайны: для того вашему Преосвященству предписываетъ, чтобы вы не оставили по времени войти въ разсмотрѣніе, не будутъ ли прихожане считать опредѣленные нынѣ за требоисправленіе оклады для себя отяготительными, что не можетъ быть терпимо правилами нашей Церкви, и ежели усмотрите сіе, тогда, сдѣлавъ надлежащее соображеніе, представить Святѣйшему Сѵноду особо съ мнѣніемъ; а назначеніе за исповѣдь платы, по примѣру въ Россіи существующему, вовсе не полагать. При семъ ваше Преосвященство имѣете внушить духовенству, чтобы они, проходя свои должности съ усердіемъ, старались пріобрѣсть отъ прихожанъ къ себѣ *уваженіе, наипаче безкорыстіемъ, званію и обязанностямъ ихъ свойственнымъ*.“

(¹) отъ 15 окт. 1819 г.

Изъ вышеизложеннаго видно, какими средствами къ жизни можетъ пользоваться большинство грузинскаго духовенства, именно духовенство сельское; а также — когда, какъ и при какихъ дѣятеляхъ опредѣлены были для него эти средства.

Но духовенство города Тифлиса и другихъ городовъ тифлисской губерніи, кромѣ не многихъ церквей, при коихъ причтамъ положено опредѣленное отъ казны жалованье, опредѣленныхъ средствъ къ своему существованію до сихъ поръ не имѣетъ, и живетъ на счетъ случайныхъ, доброхотныхъ подаяній за требоисправленіе отъ своихъ прихожанъ и дѣтей духовныхъ, или на счетъ собственныхъ имѣній, полученныхъ отъ родителей, или самими благопріобрѣтенныхъ.

Кромѣ сельскаго и городскаго духовенства, собственно грузинскаго, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ экзарха Грузіи состоятъ еще церкви и духовенство, находящіяся въ городахъ и селеніяхъ, завоеванныхъ отъ Персіи и Турціи, какъ то: въ Шемахѣ, въ Баку, Эривани, Ахалцихѣ и проч. и въ приходахъ осетинскихъ и другихъ горскихъ народовъ. И то и другое духовенство пользуется опредѣленнымъ жалованьемъ, первое — изъ государственнаго казначейства, а послѣднее отъ Общества возстановленія Христіанства на Кавказѣ. Кромѣ того первое можетъ пользоваться еще доброхотными вознагражденіями за исправленіе христіанскихъ требъ отъ прихожанъ, а осетинское духовенство, кромѣ жалованья, никакихъ другихъ матеріальныхъ выгодъ отъ своихъ приходовъ не имѣетъ.

Жалованье иногородныхъ, пограничныхъ, священниковъ большею частію состоитъ изъ 300 и причетниковъ 100 руб. сер., а сельскихъ, тѣхъ мѣстъ, священ-

никовъ 200 и 150 руб. и причетниковъ—75—50 руб. сер.—Жалованье же, выдаваемое отъ Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ священник. большею частію, состоитъ изъ 400 руб. сер., но простирается до 500, 600 и даже 1200 руб. а причетниковъ отъ 50 до 100 руб. сер. Здѣсь надобно замѣтить, что жалованье горскаго духовенства увеличено въ очень не давнее время, по учрежденіи вышеупомянутаго Общества, а до того времени жалованье это болѣе 200 руб. не восходило.

Таковы средства къ содержанію духовенства, состоящаго подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ высокопреосвященнаго экзарха Грузіи. Что же, довольно ли оно сими средствами? Если не довольно, то почему? и какіе представляетъ способы къ улучшенію своего быта?

Вопросы эти, какъ извѣстно, въ послѣднее время предложены были, по Высочайшей волѣ, всему православновну духовенству. Изъ представленныхъ благочинными здѣшнаго края, собранныхъ отъ священниковъ, отвѣтовъ на эти вопросы видно, что все вообще здѣшнее духовенство, всѣхъ 4-хъ по своимъ средствамъ къ жизни, разрядовъ, находитъ не удовлетворительными предоставленные имъ способы къ своему содержанію, и желаетъ и ожидаетъ улучшенія своего быта. И, во 1-хъ, духовенство города Тифлиса и друг. городовъ тифлисской губерніи, пользующееся одними только вознагражденіями отъ прихожанъ за требоисправленіе, не удовлетворяется сими средствами къ жизни: потому во-первыхъ, что доходы ихъ слишкомъ скудны, въ самыхъ лучшихъ приходахъ не простираются выше 400 руб. сер., въ годъ; во вторыхъ не прочны, не опредѣленны и не постоянны,—зависятъ не столько отъ усердія прихожанъ къ сво-

имъ отцамъ духовнымъ, сколько отъ случайныхъ обстоятельствъ въ тѣхъ или другихъ семействахъ; далѣе, при необходимости вести жизнь въ средѣ болѣе или менѣе опрятной также опрятную, и при возрастающей на всѣ жизненныя потребности дороговизнѣ, — средства эти слишкомъ не достаточны, не могутъ покрывать расходовъ на самыя первыя потребности жизни. Для улучшенія своего быта духовенство этого разряда не видитъ и не представляетъ никакихъ другихъ способовъ, какъ опредѣленный окладъ жалованья отъ правительства. Во 2-хъ духовенство нѣкоторыхъ грузинскихъ соборовъ и церквей, находящихся въ мѣстахъ пограничныхъ, пользующееся опредѣленнымъ отъ казны жалованьемъ и доходами отъ прихожанъ, также выражаетъ недовольство своимъ состояніемъ, почитая получаемое имъ жалованье и доходы отъ прихожанъ, при малочисленности послѣднихъ, недостаточными не только для приличной жизни и для поддержанія достоинства своего званія среди окружающихъ ихъ иновѣрцевъ, но и для удовлетворенія многихъ существенно необходимыхъ нуждъ, особенно для воспитанія дѣтей въ училищахъ. Къ улучшенію своего быта почти все духовенство сего разряда почитаетъ необходимымъ увеличеніе получаемыхъ имъ окладовъ жалованья. Только нѣкоторые градскіе священники, — не видя никакой нужды въ существованіи особенныхъ священниковъ при военныхъ, въ городахъ, баталіонахъ, такъ какъ всѣ христіанскія требы въ сихъ баталіонахъ легко могли бы исправлять священники епархіальные, полагаютъ, что съ закрытіемъ священническихъ мѣстъ при баталіонахъ, средства жизни епархіальныхъ священниковъ тѣхъ мѣстъ увеличились бы и безъ увеличенія окладовъ ихъ жалованья.

Далѣе духовенство, содержащееся на счетъ Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ, жалуется на бѣдность своего состоянія, потому что жизнь въ горахъ, среди полудикихъ прихожанъ, для нихъ обходится слишкомъ дорого, что многимъ изъ нихъ не возможно обзаводиться тамъ никакимъ хозяйствомъ; что нѣкоторые, опасаясь имѣть при себѣ свои семейства, должны жить съ ними въ разлукѣ, и слѣд. на два хозяйства; что у многихъ изъ нихъ расходы увеличиваются при проѣздахъ въ отдаленные аулы, для чего нужно имѣть проводника и содержать лошадей. Большая часть этого духовенства желаетъ увеличенія жалованья; но нѣкоторые священники полагали бы полезнымъ, чтобы имъ отведены были во владѣніе участки пахатной земли и лѣса, если бы только это было сдѣлано безъ стѣсненія мѣстныхъ жителей.

Наконецъ, грузинское сельское духовенство, — къ благоустройству быта котораго столь много приложилъ старанія высокопр. Θеофилактъ, — болѣе всѣхъ другихъ жалуется на трудность своего положенія. Впрочемъ оно жалуется не на то, чтобы назначаемыхъ ему средствъ было не достаточно для безбѣднаго существованія, но на то, что оно мало пользуется этими средствами; что новыя поколѣнія ихъ прихожанъ, какъ бы забыли тѣ обязательства, на которыя добровольно согласились ихъ отцы и дѣды; что мѣстныя начальства мало обращаютъ вниманія на неисправность сельскихъ жителей въ исполненіи сихъ обязательствъ; что необходимость ходить по домамъ, для сбора отъ прихожанъ положенной руги, часто бываетъ тяжела для чувства новыхъ священниковъ, болѣе или менѣе облагороженныхъ воспитаніемъ, и что наконецъ, — и это важнѣе и вреднѣе всего

для ихъ пастырскаго служенія,—требованіе священниками положенной руги, при нежеланіи прихожанами выполнять ее, весьма часто поставляетъ духовныхъ пастырей въ самыя непріятныя отношенія къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, дѣлаетъ ихъ въ глазахъ послѣднихъ какъ бы мытарями, истязателями, и, поселяя въ нихъ непріятное чувство къ служителямъ алтаря, вмѣстѣ съ тѣмъ подавляетъ въ нихъ и чувство религіозное. По всему этому грузинское сельское духовенство выражаетъ почти единодушное желаніе избавиться отъ необходимости собирать по домамъ положенныя повинности. Къ обезпеченію же матеріальнаго своего быта иные полагаютъ получать достаточное для безбѣдной жизни жалованье отъ правительства, другіе изъ доходовъ грузинскаго церковнаго казначейства, а большая часть находитъ справедливымъ, чтобы натуральныя повинности прихожанъ для своихъ церковныхъ причтовъ переложены были, по оцѣнкѣ, на деньги, и чтобы эти деньги собирались вмѣстѣ съ государственными податями и потомъ выдавались изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ благочиннымъ для раздачи священникамъ.

Показавши средства къ содержанію грузинскаго духовенства и отзывы его о сихъ средствахъ и объ улучшеніи ихъ, присоединимъ къ сему и наши мысли объ улучшеніи быта всего православнаго приходскаго духовства въ Россіи, представляя мысли сіи на обсужденіе лицъ къ тому призванныхъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О САМОСОЖИГАТЕЛЬСТВѢ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Въ іюльской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за 1862-й годъ, мы, между прочимъ, защищали мысль, что самосожигательство раскольниковъ имѣетъ *главное* основаніе въ ихъ догматическомъ ученіи, а не во внѣшнихъ, неблагопріятныхъ расколу обстоятельствахъ, напримѣръ: гоненіяхъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ подтвержденіе своей мысли мы указали тамъ нѣсколько случаевъ, когда раскольники сожигались, или умерщвляли себя другимъ какимъ либо способомъ, единственно изъ догматическаго убѣжденія въ спасительности самоубійства. Недавно намъ попалась подъ руки рукопись, писанная однимъ, обратившимся незадолго до смерти въ православію раскольникомъ. Въ этой рукописи мы встрѣтили разсказъ объ одномъ поразительномъ случаѣ самосожигательства раскольниковъ, которымъ и намѣрены подѣлиться съ читателями — съ цѣлію показать, что у раскольниковъ дѣйствительно есть ученіе о необходимости, для спасенія «въ настоящія антихристовы времена», самоубійства. Вотъ этотъ случай.

Въ одной раскольничьей общинѣ Поморскаго толка былъ наставникомъ нѣкто Іаковъ, у котораго была жена и пятеро дѣтей, три сына и двѣ дочери (¹). Іаковъ

(¹) Въ послѣднее время можно встрѣтить наставниковъ женатыхъ не только у Поморцевъ, снисходительныхъ къ браку, но даже у Ѳедосѣевцевъ, проповѣдующихъ безбрачіе.

за свой кроткій характеръ, и особенно за свою сострадательность къ людямъ бѣднымъ и несчастнымъ, былъ любимъ всѣми въ общинѣ. Оданъ только раскольникъ, по имени Григорій, которому хотѣлось, во что бы то ни стало, занять мѣсто наставника въ общинѣ, да еще нѣсколько лицъ не совсѣмъ нравственной жизни, которымъ Іаковъ дѣлалъ иногда выговоры, были противъ любимаго всѣми наставника. Много употреблялъ Григорій разнаго рода хитростей, чтобы лишить Іакова довѣрія общины, а слѣдовательно и должности наставника, но все безъ успѣха. Наконецъ ему помогли въ этомъ обстоятельства, совершенно неожиданныя. Въ одинъ не прекрасный для Іакова день онъ сдѣлался боленъ. Явленіе очень обыкновенное, но Григорій съумѣлъ воспользоваться имъ для своей цѣли—необыкновеннымъ образомъ. Къ несчастію Іакова, въ общинѣ существовалъ обычай, по которому всякаго, кто заболѣвалъ, и особенно серьезно, вмѣсто того, чтобы лѣчить, сажали въ отдѣльную, нарочито устроенную комнату, и здѣсь приготовляли его къ смерти. Приготовленіе это состояло въ томъ, что больнаго въ теченіи семи и болѣе дней морили голодомъ, а потомъ, когда онъ уже ослабѣвалъ совершенно, брали его изъ комнаты, обмывали водою, надѣвали на него погребальное платье и затѣмъ вся братія начинала прощаться съ будущимъ покойникомъ, кланяясь ему въ ноги, при чемъ каждый приговаривалъ: «помяни насъ грѣшныхъ, егда пріидеши въ царство Христово.» Послѣ этого брали живаго мертвеца подъ руки и вели на особое мѣсто. Здѣсь заранѣе уже выстроенъ былъ деревянный срубъ, наполненный разными горючими веществами и облитый извнѣ смолою. Наставникъ въ черной мантіи, съ мѣднымъ

крестомъ въ одной рукѣ и съ потребникомъ въ другой, шелъ впереди процессіи. Прочитавъ надъ больнымъ близъ самаго сруба нѣсколько молитвъ и осѣнивъ его крестомъ, наставникъ приказывалъ братіи ввести несчастнаго въ самый срубъ, закрыть верхъ сруба сосновыми бревнами и поджечь его со всѣхъ сторонъ. Когда огонь распространялся по всему срубу и заключенный въ немъ больной испускалъ первый крикъ, наставникъ осѣнялъ костеръ крестомъ, а братія начинала пѣть стихъ: «святый Боже...» при немъ снова всѣ по три раза кланялись въ землю по направленію къ срубу, приговаривая: „помяни насъ святый N., егда пріидеши ко престолу Вседержителя, помяни насъ многогрѣшныхъ.“ Дѣло оканчивалось тѣмъ, что если въ сгорѣвшемъ срубѣ не находили ничего, то всѣ радовались, потому что это считалось знакомъ, что сожженный угодилъ Богу и теперь на небесахъ въ числѣ святыхъ; если же находили хотя малыя части сожженнаго тѣла, напримѣръ кости, ихъ погребали, и по умершемъ, какъ несовершенно покаявшемся, начинали служить панихиды... Таковъ былъ обычай въ общинѣ раскольничьей, въ которой настоятельствовалъ Іаковъ,—обычай, основанный на томъ убѣжденіи раскольниковъ, будто бы въ нынѣшнія антихристовы времена послѣднимъ и самымъ вѣрнымъ шагомъ къ царству небесному служитъ самосожигательство. Этимъ-то обычаемъ и рѣшился воспользоваться Григорій для своихъ цѣлей. Лишь только узналъ онъ о болѣзни Іакова, немедленно, какъ старшій въ общинѣ послѣ Іакова, созываетъ къ себѣ братію и объявляетъ ей, что будто бы Іаковъ призывалъ его къ себѣ и просилъ передать братіи свое желаніе «соединиться со Христомъ», то-есть сжечься. Григорій

прибавлялъ, что Іаковъ просилъ братію исполнить его желаніе непремѣнно, не смотря на слезы жены и дѣтей; не смотря даже на его собственное сопротивленіе, которое будетъ только наружное—для успокоенія семьи (1). Вмѣстѣ съ этимъ Григорій объявилъ братіи, что Іаковъ назначилъ его послѣ себя наставникомъ, и что, слѣдовательно, теперь всѣ обязаны слушаться его безпрекословно. И вотъ чрезъ нѣсколько времени послѣ такого объявленія является въ комнату прежняго наставника братскій духовникъ съ книгою и крестомъ и объявляетъ Іакову волю Бога Вседержителя—готовиться къ смерти. Жена и дѣти высылаются изъ комнаты и начинается исповѣдь, немедленно послѣ которой входятъ въ комнату старцы, берутъ Іакова подъ руки и ведутъ его туда, гдѣ уже сотни людей приготовлялись къ смерти голодомъ. И хотя жена Іакова, движимая чувствомъ состраданія къ мужу, умоляла новаго наставника не спѣшить сожженіемъ ея супруга, выставляя на видъ то обстоятельство, что болѣзнь Іакова не особенно опасна; и что слѣдовательно онъ можетъ еще выздоровѣть — тѣмъ болѣе, что лѣта его далеко не старческія,—но на мольбы несчастной не было обращено вниманія. Мало этого: такъ какъ Іаковъ служилъ помѣхой Григорью въ его стремленіяхъ къ настоятельству, то вопреки заведенному порядку новый наставникъ распорядился «соединить Іакова со Христомъ посредствомъ очистительнаго огня» даже безъ предварительнаго очищенія его постомъ. А потому на другой же день послѣ исповѣди Іакова, Григорій призываетъ къ себѣ его жену и дѣтей, и объявляетъ имъ, что въ часъ пополудни онъ на-

(1) Іаковъ, по словамъ автора рукописи, не только не хотѣлъ сожигаться, но и дѣтямъ постоянно внушалъ, что обычай этотъ незаконенъ.

мѣренъ „послать высокопреподобнѣйшаго отца Іакова въ небеса.“ На новыя просьбы дѣтей (¹) пощадить несчастнаго отца отъ смерти Григорій отвѣчалъ: „вы должны радоваться, что отецъ вашъ соединяется со Христомъ; жизнь наша здѣсь временная, скоро всѣ мы тамъ будемъ; идите съ Богомъ домой и молитесь Богу, чтобы онъ ниспослалъ свое покровительство отцу Іакову; плакать не о чемъ, я буду вамъ покровителемъ; а если хотите быть при обрядѣ самосожженія, я позволяю“. И вотъ въ назначенный часъ жена и дѣти несчастнаго Іакова являются на мѣсто, гдѣ обыкновенно строился срубъ. Огромная толпа братіи уже ждала здѣсь кроваваго зрѣлища. Ровно въ часъ является въ черной шелковой мантіи Григорій и за нимъ ведутъ подъ руки Іакова въ бѣлой одеждѣ. По прочтеніи положенныхъ молитвъ, Григорій позволилъ Іакову проститься съ женой и дѣтьми—и за тѣмъ начался обрядъ сожженія въ томъ порядкѣ, какъ мы описали его выше. Въ два часа срубъ превратился въ пепелъ. Искали костей Іакова, но не нашли. Григорій объявилъ послѣ этого, что „Іаковъ угодилъ Богу, весь очистился.“ Эти слова должны были служить утѣшеніемъ несчастной вдовѣ и осиротѣлымъ малюткамъ.

Таковъ разсказъ, помѣщенный въ упомянутой нами рукописи. Признаемся, въ немъ такъ много тяжелаго для души, что мы охотно признали бы его вымысломъ, еслибы не знали другихъ примѣровъ подобнаго изувѣрства.

И. Нильскій.

(¹) По уставу общины, жена другой разъ не могла просить настоятеля.

ПРАВИЛА

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА ([1]).

1. 4-го Апрѣля 1863 года нѣкоторые изъ единоплеменниковъ, сошедшись, положили образовать общество, подъ именемъ Константинопольскаго Музыкальнаго общества.

2. Цѣль Константинопольскаго Музыкальнаго общества есть дознаніе, развитіе и распространеніе народной музыки нашей—*священной* и *мірской*—какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи,—изслѣдованіе ея исторіи отъ древнихъ временъ до настоящаго ея состоянія, въ цѣломъ и почастямъ, и сличеніе ея съ музыкальными особенностями другихъ народовъ восточныхъ и западныхъ, равно и вообще съ музыкой, какъ искуствомъ и наукой.

3. *Учредителями* общества именуются лица, принявшія участіе въ трехъ первыхъ его засѣданіяхъ.

4. Члены общества раздѣляются на *дѣйствительныхъ*, *корреспондентовъ* и *почетныхъ*.

5. Дѣйствительные члены обязаны въ каждое шести-

([1]) Находимъ не безполезнымъ познакомить читателей нашихъ съ новымъ ученымъ обществомъ, значеніе котораго для православной Церкви ясно открывается изъ цѣли его учрежденія. Помѣщая въ журналѣ нашемъ въ переводѣ *Правила* и программу общества, мы надѣемся доставить этимъ нѣкоторую услугу и самому обществу, и русскому духовенству, и всѣмъ любителямъ церковныхъ древностей.

мѣсячіе представлять обществу по одной по крайней мѣрѣ статьѣ о музыкѣ или по одному музыкальному сложенію, согласно съ программою А. Кто не выполнитъ этого обязательства, не считается болѣе членомъ.

6. Члены-корреспонденты суть тѣ, которые пожелаютъ сего, и пришлютъ обществу какое нибудь замѣчательное сочиненіе свое (также согласно съ программою).

7. Почетными членами общество называетъ людей, отлично ему благодѣтельствовавшихъ, и знаменитыхъ композиторовъ.

8. Новые члены бываютъ по предложенію трехъ дѣйствительныхъ членовъ, объявляются председателемъ на двухъ сряду засѣданіяхъ, и, послѣ вторичнаго объявленія, избираются тайною балотировкой и необходимымъ большинствомъ голосовъ.

9. Каждому изъ членовъ выдается дипломъ, составленный по образцу, который опредѣлится впослѣдствіи.

10. Каждый членъ, не соотвѣтствующій достоинству или пользѣ общества, исключается тайною балатировкой и необходимымъ большинствомъ, по предложенію пяти членовъ, заявленному предсѣдателемъ въ присутвіи $^2/_3$ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ.

11. Статьи и музыкальныя сложенія членовъ (см. § 4) суть собственность общества, и поступаютъ въ архивъ его.

12. Должностныхъ лицъ—8: *предсѣдатель*, два *вмѣстопредсѣдателя*, *общій секретарь*, *частный секретарь*, *казначей*, *библіотекарь*, и *хранитель инструментовъ*.

13. Предсѣдатель объявляетъ начало и конецъ засѣданій, даетъ каждому изъ членовъ отвѣтъ по порядку ихъ вписанія, заправляетъ ходомъ разсужденій, предла-

раетъ вопросы для обсужденія и составленія, созываетъ внѣурочныя засѣданія, и заботится о точномъ выполненіи правилъ.

14. Въ отсутствіи председателя, обязанности его выполняетъ который нибудь изъ вмѣсто-председателей.

15. Общій секретарь блюдетъ за корреспонденціей и печатію общества, хранитъ въ порядкѣ и цѣлости сданныя въ архивъ бумаги, печатаетъ и подписываетъ дипломы, вписываетъ въ митрой (1) членовъ, и замѣняетъ частнаго секретаря въ его отсутствіе.

16. Частный секретарь составляетъ протоколы каждаго засѣданія, читаетъ ихъ въ слѣдующее засѣданіе, и, по принятіи ихъ, подписываетъ ихъ вмѣстѣ съ председателемъ, вноситъ копію съ нихъ въ нарочно составленный для того кодексъ, объявляетъ казначею всякій разъ имена новыхъ членовъ, и въ концѣ шестимѣсячія читаетъ отчетъ о дѣятельности и ходѣ общества.

17. Казначей заботится о своевременной выручкѣ взносовъ, штрафовъ, подарковъ и дипломныхъ денегъ съ выдачею росписокъ въ полученіи; издерживаетъ до 1000 піастровъ въ шестимѣсячіе съ согласія председателя, болѣе же сего — по одобренію общества, ведетъ приходо-расходную запись, наблюдаетъ за книгою (см. §. 22) собственноручныхъ подписей присутствующихъ членовъ, и въ концѣ каждаго шестимѣсячія даетъ отчетъ въ отправленіи своей службы.

18. Библіотекарь записываетъ и хранитъ книги и рукописи общества, даетъ ихъ желающимъ читать въ залѣ собраній, и заботится объ умноженіи библіотеки.

19. Хранитель инструментовъ сохраняетъ постоянно

(1) Μητρῶον—записная (метрическая) книга.

въ надлежащемъ состояніи струнные и духовые инструменты общества, даетъ ихъ членамъ, по ихъ востребованію, въ залѣ собраній, и заботится о ихъ пополненіи.

20. Должностныя лица избираются тайною баллотировкой и необходимымъ большинствомъ голосовъ, каждое шестимѣсячіе, т. е. въ первое майское и въ первое ноябреное воскресенія, въ неурочномъ засѣданіи, заблаговременно объявленномъ.

21. Урочныя засѣданія общества бываютъ черезъ каждые 15 дней, въ субботу въ 11 часовъ утра.

22. Въ каждомъ засѣданіи, собравшіеся члены записываютъ имена свои въ нарочно для сего заведенной книгѣ, подъ наблюденіемъ казначея или, за его отсутствіемъ, частнаго секретаря.

23. Въ ежедневный распорядокъ засѣданій входятъ: 1) чтеніе протокола (прежняго засѣданія) и принятіе его. 2) корреспонденція общества. 3) предложенія о принятіи новыхъ членовъ. 4) объявленія должностныхъ лицъ. 5) продолженіе отложеннаго въ предыдущемъ засѣданіи (если случится) разсужденія. 6) чтенія и разсужденія по поводу ихъ. 7) инструментальная или голосовая музыка, соотвѣтствующая программѣ А.

24. Общество, по особенному постановленію, приступитъ къ изданію періодическаго музыкальнаго листа, лишь только будетъ имѣть средства и достаточно матеріаловъ къ тому.

25. Средства общества состоятъ: 1) изъ ежемѣсячнаго взноса дѣйствительныхъ членовъ въ 10 піастровъ (1), уплачиваемыхъ каждые 3 мѣсяца впередъ по востребованію казначея, дающаго росписку въ полученіи. 2) Изъ

(1) Около 60 копѣекъ серебромъ.

сбора за дипломы, уплачиваемаго за одинъ разъ и предоставляемаго на произволъ (получающаго дипломъ), не менѣе однакоже 25 піастровъ. 3) Изъ штрафа въ 5 піастровъ, налагаемаго на всякаго дѣйствительнаго члена за всякое отсутствіе его въ засѣданіяхъ. 4) Изъ подарковъ чужихъ.

26. Расходы общества бываютъ: 1) на приличное содержаніе его. 2) на изданіе періодическаго музыкальнаго журнала (при благосостояніи кассы.) 3) на преміи по музыкальнымъ вопросамъ. 4) на покупку книгъ и инструментовъ.

27. Правила эти имѣютъ силу на два года, по прошествіи коихъ могутъ быть измѣнены необходимымъ большинствомъ голосовъ, въ собраніи $^2/_3$ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ.

Разсуждено и утверждено 11 мая 1863 г.

А. Программа занятій музыкальнаго общества въ Константинополѣ.

1. Разъясненіе, въ разныя времена существовавшихъ, различныхъ письменныхъ пріемовъ музыки какъ древнихъ Эллиновъ (Аристоксена, Алипія и др.), такъ и христіанскихъ пѣснотворцевъ (Іоанна Дамаскина, Іоанна Кукузеля, Петра Пелопонисскаго и трехъ учителей: Григорія, Хурмузія и Хрисанѳа), и сличеніе сихъ пріемовъ съ письменными знаками другихъ народовъ.

2. Дознаніе искуственной терминологіи древней и новой музыки.

3. Занятіе издревле и донынѣ употребляемыми на

Востокѣ музыкальными инструментами, струнными и духовыми, и сличеніе ихъ съ существующими на Западѣ.

4. Жизнеописанія славныхъ музыкантовъ въ какомъ бы то ни было народѣ, въ частности же греческомъ, и исчисленіе трудовъ ихъ, съ критическими изслѣдованіями и замѣчаніями.

5. Изученіе согласій (армоній) и законовъ древней эллинской музыки, равно какъ и народной музыки византійцевъ.

6. Опредѣленіе музыки арабовъ, персовъ и іудеевъ.

7. Изысканіе наилучшаго способа изучать нашу музыку; путемъ ли одного устнаго преподаванія или съ помощію какого нибудь музыкальнаго органа, и какого.

8. Изслѣдованіе о наиболѣе пригодномъ способѣ пѣть наши церковныя пѣсни,—однимъ ли пѣвцомъ или многими вмѣстѣ.

9. Опредѣленіе духа нашего церковнаго пѣнія вообще, и въ частности различныхъ видовъ напѣва (¹), какъ то: *стихирарнаго*, *ирмологійнаго*, *пападическаго*, *калофоническаго* (доброгласнаго) и проч. и сопоставленіе ихъ другимъ подобнымъ видамъ у другихъ народовъ.

10. Изслѣдованіе въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ музыкальнаго риѳма и метра.

11. Указаніе иновведеній, вошедшихъ (можетъ быть)

(¹) Μέλους. По неразработанности или бѣдности языка русскаго, мы затрудняемся передать точнѣе понятіе этого слова. Чаще всего оно у насъ передается словомъ: *пѣснь*, какъ и ᾠδή, ᾆσμα, ὕμνος., не дающимъ, конечно, никакого опредѣленнаго понятія. Слово: *напѣвъ* болѣе бы приходилось для перевода греческаго: ἦχος, но это послѣднее издревле извѣстно у насъ подъ именемъ *гласа* или *голоса* (на „голосъ“ такой-то пѣсни...) Будемъ ожидать отъ общества точнаго опредѣленія музыкальныхъ терминовъ.

въ разныя времена и по разнымъ мѣстамъ въ нѣкоторыя изъ нашихъ церковныхъ пѣсней.

12. Вѣрное и точное обозначеніе, которымъ либо изъ двухъ способовъ (¹), такъ называемаго *критскаго* образа пѣнія нашихъ церковныхъ пѣсней, употребляемаго на седми островахъ, въ Критѣ и въ иныхъ мѣстахъ, равно какъ и у славянъ церковнаго болгарскаго напѣва, и сличеніе ихъ съ нашимъ пѣніемъ, дошедшимъ до насъ по *византійскому* или *афонскому* преданію.

13. Вѣрное и точное представленіе, которымъ либо способомъ церковныхъ пѣсней другихъ христіанскихъ народовъ, въ особенности же восточныхъ, какъ-то: армянъ, сиріянъ, коптовъ, абиссинцевъ, грузинъ и пр.

14. Вѣрная и точная передача нашихъ пѣсней съ нашихъ письменныхъ знаковъ на европейскіе, и обратно.

15. Вѣрная и точная передача, какимъ бы то ни было способомъ, напѣвовъ нашихъ народныхъ пѣсней, древнихъ и новыхъ, ироическихъ, праздничныхъ, застольныхъ, плясовыхъ, свадебныхъ, колыбельныхъ, элегическихъ, причотныхъ и пр. и опредѣленіе ихъ голоса и риѳма.

16. Вѣрное и точное обозначеніе, которымъ либо способомъ чисто народныхъ напѣвовъ другихъ народовъ, и по преимуществу сосѣднихъ, какъ-то: албанцевъ, славянъ, молдовалаховъ, турковъ и пр.

(¹) То-есть или крюками или междулинейными точками (нотами).

ОТЪ НАЧАЛЬНИКА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ПРИГЛАШЕНІЕ ([1]).

Съ 1830 года въ Западной Сибири, Томской губерніи въ уѣздахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ, въ предгоріяхъ и горахъ Алтайскихъ, дѣйствуетъ Духовная Миссія, для обращенія Татаръ, Калмыковъ и Киргизъ изъ магометанства и язычества шаманскаго суевѣрія. Основанная и развитая трудами извѣстнаго основателя ея, блаженной памяти отца Архимандрита Макарія, она успѣла, при помощи Божіей, отъ тьмы язычества, гибельныхъ суевѣрій и дикости обратить къ спасительному Православію, ввести въ благоотишную ограду св. церкви, пріучить къ осѣдлости и трудолюбивой жизни нѣсколько тысячъ Алтайскихъ инородцевъ. Въ настоящее время въ предѣлахъ Алтайской Миссіи трудятся надъ утвержденіемъ новокрещенныхъ о Христѣ братій и обращеніемъ въ христіанство еще блуждающихъ во тьмѣ язычества и дикости *девять миссіонеровъ*; образовано *тридцать-два селенія* изъ кочевыхъ новокрещенныхъ инородцевъ, устроено въ нихъ *одиннадцать церквей*; заведено *восемь становъ* Миссіи, изъ коихъ въ каждомъ

([1]) Прошу всѣ, сочувствующія св. дѣлу православія и гражданственности, редакціи духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ и газетъ перепечатать настоящее приглашеніе на страницахъ своихъ изданій.

открыто училище для дѣтей христіанъ-инородцевъ, а въ нѣкоторыхъ два, одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ; миссіонеры занимаются, кромѣ того, леченіемъ больныхъ, какъ крещеныхъ, такъ и не крещеныхъ, даютъ у себя или въ селеніяхъ новокрещеныхъ, пріютъ тѣмъ изъ новообращенныхъ, которые нуждаются въ немъ по сиротству, бѣдности, старости и болѣзненности; а такихъ бываетъ весьма, весьма не мало, по самому быту и обстановкѣ ихъ жизни. Христіанское же милосердіе, миссіонерами оказываемое таковымъ, укрѣпляетъ новокрещенныхъ въ христіанствѣ и даетъ самимъ язычникамъ чувствовать благотворность и отраду нашей Божественной вѣры. Но, кромѣ упомянутыхъ нуждъ, есть еще многочисленныя, которымъ удовлетворять по чувству св. любви, ради успѣха христіанства, миссіонеры и чувствуютъ долгъ, и по мѣрѣ возможности исполняютъ оный, какъ-то: случайныя, но не рѣдкія вспомоществованія новокрещеннымъ тою или другою одеждою, хозяйственными принадлежностями: посудою, земледѣльческими орудіями и т. п., иногда даже постройкою домовъ, покупкою рабочаго скота и т. п. Постоянныя же средства миссіи крайне недостаточны для пропитанія самихъ миссіонеровъ съ ихъ семействами и сотрудниками. А всѣ вышеупомянутыя нужды удовлетворялись до сихъ поръ случайными же многими пожертвованіями благотворителей, имѣвшихъ возможность получить свѣдѣніе о высокой важности служенія и нуждахъ Алтайской Миссіи. Между тѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ обратившихся изъ язычества и магометанства юныхъ братій нашихъ по вѣрѣ, предъ взорами миссіонеровъ находятся еще сотни тысячъ, погрязающихъ въ погибельномъ невѣріи соотечественниковъ,

за которыхъ также пролилъ на крестѣ свою святѣйшую и драгоцѣнную кровь Спаситель нашъ и всѣхъ человѣковъ, Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ.

Святѣйшій Синодъ, во вниманіи къ крайнему недостатку средствъ на покрытіе нуждъ Алтайской Духовной Миссіи, въ настоящемъ году дозволилъ начальнику этой Миссіи производить сборъ доброхотныхъ подаяній, для чего и выдалъ ему сборную книгу.

Въ настоящее время начальникъ Алтайской Миссіи, протоіерей Стефанъ Ландышевъ находится въ С. Петербургѣ и усерднѣйше приглашаетъ чадъ св. церкви и ревнителей вѣры Христовой посильными приношеніями содѣйствовать успѣху евангельской проповѣди на Алтаѣ.

Благочестивые соотечественники!

Если вы заявляете словомъ и дѣломъ сочувствіе всякому полезному начинанію, то безъ сомнѣнія не откажете въ немъ такому святому дѣлу, которое безконечно превышаетъ всякое другое; удѣлите вашу лепту, хотя равносильную той, какую удѣляете на предметы, безспорно полезные, но не въ такой мѣрѣ спасительные, въ отношеніи къ вѣчности, и благотворные въ жизни временной.

Если за милосердіе, оказываемое бѣдному, слѣпому, больному тѣломъ, Отецъ небесный обѣщаетъ и даруетъ свои небесныя и земныя благословенія сторицею; то восколько кратъ и сколь важнѣйшія благословенія ожидаютъ того, кто своими вещественными пособіями будетъ содѣйствовать тому, чтобы искалеченные невѣріемъ, слѣпые по вѣрѣ, нагіе душею, скитающіеся внѣ пріюта и ограды св. церкви Христовой получали духовный свѣтъ вѣры, возраждались Святымъ Крещеніемъ, облачались въ спасительную и свѣтлую одежду

благодати Святаго Духа, входили въ благоотишный дворъ св. церкви и изъ состоянія дикости переходили въ состояніе гражданственности и образованности, свойственныхъ народамъ христіанскимъ.

Приношенія благочестивыхъ дателей могутъ состоять не только въ деньгахъ, но и въ вещахъ разнаго рода, относящихся какъ до Богослуженія (какъ-то утвари церковной, сосудахъ, богослужебныхъ книгахъ, иконахъ и т. под.), такъ и до быта домашняго, свойственнаго христіанамъ и осѣдло живущимъ народамъ (какъ-то: крестахъ шейныхъ, иконахъ, книгахъ для чтенія и учебныхъ, холстѣ, сукнѣ, тулупахъ, обуви, одеждахъ, простыхъ предметахъ сельскаго быта.)

Всѣ приношенія будутъ записываемы въ сборную книгу и своевременно объявляемы въ газетахъ и духовныхъ журналахъ.

При семъ прошу прилагать *имена* умершихъ и живыхъ сродниковъ вашихъ; о здравіи и за упокой ихъ будутъ возсылаемы Господу Богу усердныя молитвы въ 11-ти церквахъ, устрояемыхъ среди юнаго христіанскаго общества православныхъ Алтайцевъ.

Жительство имѣю за Александро-Невской Лаврой въ Духовной Академіи, въ квартирѣ отца инспектора, Архимандрита Владиміра, которому, въ случаѣ моего отсутствія, можно вручать всѣ приношенія ежедневно съ 2-хъ часовъ по полудни и до 8-ми часовъ вечера.

ИЗВѢСТІЕ

О ПОЖЕРТВОВАНІИ

ВЪ ПОЛЬЗУ СВОЕКОШТНЫХЪ СТУДЕНТОВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Съ чувствомъ живѣйшей благодарности объявляется о полученіи, чрезъ преосвященнаго Іоанникія, епископа Саратовскаго, бывшаго ректора С.-Петербургской духовной Академіи, 25-ти рублей сер., пожертвованныхъ неизвѣстнымъ лицемъ въ пользу своекоштныхъ студентовъ С. Петербургской д. Академіи.

Въ настоящее время своекоштныхъ студентовъ въ С. Петербургской Академіи находится 38-мъ человѣкъ, и большая часть изъ нихъ терпитъ крайнюю нужду.

Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ день и нощь? Псал. 12, 3.

Чье это, растворенное слезами, воздыханіе? Возлюбленный Богомъ царь Давидъ жалуется на свое непостоянство. Видитъ онъ, что жизнь его проходитъ въ однихъ намѣреніяхъ добрыхъ, неприводимыхъ въ исполненіе, скорбитъ объ этомъ день и ночь и, въ печальномъ недоумѣніи спрашиваетъ себя: доколѣ буду только рѣшаться дѣлать добро? когда стану самымъ дѣломъ совершать его?

Не напоминаетъ ли этотъ сердечный вопль человѣка по сердцу Божію о нашемъ собственномъ душевномъ состояніи, о нашихъ иногда усердныхъ, но безплодныхъ усиліяхъ исправить свою жизнь, проводить ее согласно съ волею Божіею, съ Его святымъ закономъ? Не исходилъ ли изъ души нашей этотъ вопль, можетъ быть, не одинъ разъ въ жизни, особливо въ дни, посвященные покаянію и сокрушенію о грѣхахъ? Вотъ и еще продлилъ Господь свою милость къ намъ недостойнымъ, еще далъ намъ время на покаяніе и исправленіе нашихъ слабостей, на твореніе добрыхъ дѣлъ. Вспомнимъ однакоже: сколько лѣтъ прошло, какъ Онъ щадитъ насъ, какъ безплодныя смоковницы, ожидая духовныхъ плодовъ! Нельзя сказать, чтобы благодать Божія больше

или меньше не проникала въ наши сердца, не возбуждала въ насъ святыхъ намѣреній. Если вспомнимъ хорошенько, должны будемъ сознаться, что, можетъ быть, не одинъ разъ мы приходили въ самихъ себя, видѣли, что живемъ не по христіански, отъ всего сердца рѣшались быть лучшими и давали себѣ твердое обѣщаніе впередъ не дѣлать худа и вѣрно исполнять волю Божію. Такія мысли и намѣренія, конечно, посѣщали нашу душу особенно въ дни покаянія, во время св. четыредесятницы. Но проходило не много времени, мы пожили хорошо, за тѣмъ бросили свои добрыя намѣренія и начали жить по прежнему. — Вотъ опять наступило дорогое время душевнаго очищенія и исправленія, время благопріятное, дни спасенія. Не одинъ изъ насъ, по внушенію благодати, опять рѣшается исправить свои недостатки, начать жить лучше прежняго: полагаетъ совѣты въ душѣ своей. Неужели и на этотъ разъ ограничимся одними намѣреніями? Тяжко и безотрадно было бы проводить спасительный постъ съ такими мыслями, да и не безопасно. Зло, какъ и добро, постоянно растетъ и крѣпнетъ. До сихъ поръ Господь щадилъ насъ, конечно, потому, что грѣхъ не совершенно овладѣлъ нами, что была для насъ возможность обратиться къ Богу. Но кто поручится, что, если не воспользуемся, какъ слѣдуетъ, настоящимъ благопріятнымъ временемъ, зло не укоренится въ насъ такъ, что благодать Божія не сильна будетъ обратить насъ, и Господь покинетъ насъ, какъ безнадежныхъ? Такъ отъ чего зависитъ наше достойное слезъ непостоянство; отъ чего самыя искреннія и святыя намѣренія наши остаются неисполненными? И какимъ образомъ осуществить благія желанія сердца нашего?

Иногда мы всю вину кладемъ на плоть свою. Кажется, если бы не было этого грѣшнаго и слабаго тѣла, душа легко творила бы всякое добро. Но развѣ угодившіе Богу были безплотны? Мало того,—развѣ не туже самую, подобострастную нашей, плоть имѣли они? Развѣ не апостольское это восклицаніе: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ смертнаго тѣла сего* (Римл. 7, 24)? Лѣта ли намъ препятствуютъ? Дѣла ли по нашему званію, бѣдность ли, богатство ли наше? Но нѣтъ такого возраста, нѣтъ званія и состоянія, въ которомъ не возможно было бы спастись. Изъ людей, до насъ жившихъ, угодили Богу и слабыя дѣти, и живые юноши, и хилые старики, и нищіе, и богатые, и мущины и женщины, и ученые и безграмотные.—Сошлемся ли на искушенія, которыя всюду преслѣдуютъ насъ? на врага нашего спасенія, который постоянно прельщаетъ насъ? Искушенія безчисленны, врагъ коваренъ и хитръ! Но кто спасся безъ искушеній, кого изъ угождавшихъ Богу врагъ оставлялъ въ покоѣ? Скажемъ: то были особенные избранники Божіи, они пользовались особенною благодатію. Развѣ мы христіане также не избранные Богомъ изъ среды другихъ народовъ языческихъ и св. вѣрою не призваны ко спасенію? Развѣ Господь кому нибудь изъ насъ отказываетъ въ своей благодати, если ищемъ ее, и развѣ трудно ее найти, когда въ святыхъ таинствахъ течетъ не изсякаемый и невозбранный источникъ ея? Точно, угодники Божіи намъ не примѣръ по искушеніямъ, но въ томъ отношеніи, что они терпѣли такія искушенія, которыхъ мы безъ ужаса вообразить не можемъ, цѣлые годы переносили такія нападенія отъ врага, какихъ мы и одной минуты не вынесли бы. Мы немощны? По силамъ нашимъ Господь попускаетъ ис-

кушенія, сверхъ силъ нашихъ не дозволяетъ врагу нападать на насъ.

Такъ отъ чего же, при всемъ нашемъ желаніи, наши благія намѣренія не переходятъ въ дѣло, отъ чего, и вступивъ на путь добродѣтели, мы скоро возвращаемся опять на путь грѣха?

Надобно сознаться, что, рѣшаясь вступить на путь добродѣтели, мы часто не сознаемъ ясно и отчетливо, что именно надобно дѣлать намъ для своего исправленія и угожденія Богу; увлекаемся только безотчетнымъ порывомъ къ добру. Отъ того, начертываемъ себѣ планъ добродѣтельной жизни, несообразный съ нашимъ душевнымъ состояніемъ, съ возрастомъ, съ званіемъ, прямыми обязанностями и мѣстомъ въ обществѣ. Начинаемъ дѣлать добродѣтели, но такія, которыя не искореняютъ, а питаютъ наши прежнія страсти, или превышаютъ силы нашего возраста, мѣшаютъ исполнять прямыя обязанности, возложеннаго на насъ Богомъ, званія. Гордый, на примѣръ, предается воздержанію, обязанный кормить свое семейство—не умѣренной щедрости, немощный тѣломъ — не помѣрнымъ подвигамъ тѣлеснымъ, обязанный многотрудными занятіями—излишне продолжительной молитвѣ, или, на оборотъ, время назначенное для молитвы считаетъ за лучшее посвящать тѣлеснымъ или умственнымъ занятіямъ. Что отсюда выходитъ? Главныя страсти не искореняются, усердіе хладѣетъ, ошибочный путь спасенія не благословляется Богомъ, успѣха не бываетъ. *Кійждо въ немъ же призванъ, въ томъ и да пребываетъ.* Надобно начинать свое исправленіе съ должнаго исполненія прямыхъ и ближайшихъ нашихъ обязанностей, ихъ совершать въ духѣ Христовомъ. Надобно начинать съ очи-

щенія души отъ грѣховъ, тогда и добродѣтель получитъ прочность и святость, именно надобно начинать борьбою съ главною и коренною страстію каждаго изъ насъ; когда корень подрубленъ,—и вѣтви изсохнутъ.

Иногда человѣкъ хорошо и вѣрно уяснитъ себѣ, что ему надобно дѣлать; съ твердою рѣшимостію говоритъ себѣ: вотъ такія то и такія то страсти доселѣ владѣли мною, отнынѣ стану дѣлать противоположныя имъ добродѣтели. Я былъ скупъ,—теперь стану щедро раздавать милостыню; я былъ гордъ,—съ намѣреніемъ стану искать случаевъ смирять себя; любилъ праздность,—стану по возможности трудиться; до сихъ поръ я не думалъ о томъ, какъ худо опущеніе прямыхъ обязанностей моего званія,—отнынѣ со всею строгостію стану выполнять ихъ, какъ требуемую отъ меня Богомъ добродѣтель, и т. п. Но, увы! Всѣ эти прямо добрыя намѣренія скоро оказываются только прекрасными мечтами. По самой простой причинѣ. Онъ забылъ, а можетъ быть и не зналъ, что безъ помощи Іисусъ Христовой, безъ благодати Святаго Духа мы не можемъ не только сотворить ни одного добраго дѣла, но и помыслить что нибудь истинно доброе. Поэтому, кто не проситъ у Господа силы благодатной дѣлать добро и бѣгать зла, тотъ самъ собою ни когда не станетъ человѣкомъ добродѣтельнымъ.

И при благодатномъ содѣйствіи склонность ко грѣху не скоро въ насъ истребляется, сѣмя святой жизни не вдругъ, а мало по малу возрастаетъ. И праведникъ, далеко ушедшій по пути въ царствію Божію, укрѣпившійся въ добрѣ, седмижды въ день падаетъ; совершенно же святымъ становится отъ того, что постоянно раскаявается въ своихъ и малыхъ согрѣшеніяхъ. Отъ

того онъ никогда не впадаетъ въ уныніе и отчаяніе своего спасенія, а терпѣливо, мало по малу преодолѣваетъ страсти свои и постепенно умножаетъ свои добродѣтели. Съ нами же, при всемъ искреннемъ желаніи нашемъ, до сихъ поръ случались неудачи, можетъ быть, именно отъ того, что мы хотѣли вдругъ отстать отъ грѣха и вдругъ стать людьми совершенно добродѣтельными. Между тѣмъ, какъ и со всѣми, съ нами стали случаться неизбѣжныя паденія; совершенная праведность, которую мы хотѣли вдругъ получить, оказалась отъ насъ очень далеко впереди, какъ послѣдняя цѣль подвиговъ. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ послѣ всякаго грѣховнаго паденія каяться и потомъ съ упованіемъ продолжать трудъ своего исправленія,— мы упали духомъ, незамѣтно отстали отъ своихъ добрыхъ обычаевъ и возвратились къ старымъ грѣхамъ.

Бываетъ впрочемъ и такъ,—что иной знаетъ хорошо путь добродѣтели, проситъ у Бога благодатной помощи на добрыя дѣла, когда согрѣшитъ,—кается; между тѣмъ святая жизнь ему какъ будто не дается. Неужели Господь не слышитъ его молитвъ, не хочетъ, чтобы онъ спасся? Избави насъ Богъ отъ этой мысли. Отъ чего же это бываетъ? Отъ неблагодарности и духовной гордости. Такой человѣкъ знаетъ, что все доброе въ человѣкѣ отъ Бога и силою Божіею совершается. Когда надобно совершить доброе дѣло, спастись отъ искушенія, ослабить страсть,— онъ обращается съ молитвою къ Богу и по милосердію Божію получаетъ просимое. Но какъ только совершилъ доброе дѣло, избѣжалъ искушенія и т. п.,—онъ не вспомнитъ послѣ, что все это Господь самъ въ немъ совершилъ; приписываетъ это своимъ силамъ и начинаетъ гордиться своими добродѣ-

телями, не принося Богу благодарности и хвалы. Но Богъ только смиреннымъ даетъ благодать и благодарящимъ Его за Его дары приумножаетъ новыя дарованія, а гордымъ противится; у неблагодарныхъ отнимаетъ и то, что, какъ имъ казалось, имѣли они своего собственнаго. Чудное дѣло правды и любви Божіей! Хочешь непрестанно получать отъ Бога новые дары? Благодари за прежніе, и дарованія Божіи польются на тебя рѣкою. Не благодаришь за дарованное Богомъ? Не только вновь ничего не получишь, но и что́ имѣешь, послѣднее потеряешь.

Итакъ, что дѣлать надобно для того, чтобы наконецъ исполнились во благихъ желанія наши, чтобы отнынѣ не полагать намъ напрасныхъ совѣтовъ въ душѣ своей?

Вотъ кратко весь, не ложный и надежный, путь спасенія: прежде всего узнай свои недостатки и страсти, по крайней мѣрѣ главныя, и старайся въ особенности искоренять ихъ, совершая по возможности противоположныя имъ добродѣтели. Поставь себѣ за правило исполнять тѣ дѣла, которыя прямо требуются твоимъ званіемъ; и въ этомъ случаѣ не возлагай на себя занятій, превышающихъ твои силы душевныя и тѣлесныя: а начинай съ дѣлъ не трудныхъ и отъ легкихъ постепенно, неспѣшно переходи къ труднѣйшимъ. Но не забывай, что все это можешь исполнить только благодатію Святаго Духа. Поэтому непрестанно проси небесной помощи, на нее надѣйся, а не на свои силы. Если что доброе сотворишь, не себѣ приписывай, а Богу, и приноси Ему за то живѣйшую благодарность и хвалу, въ чувствѣ глубочайшаго смиренія. Если не въ состояніи будешь исполнить какого дѣла, не унывай; постепенно пріобыкнешь. Если падешь въ грѣхъ, что́ неизбѣжно,

тотчасъ обращайся къ Богу съ чувствомъ раскаянія и, въ надеждѣ на безконечное милосердіе Божіе, продолжай стремиться къ совершенной добродѣтели.

Достигнуть ея, а чрезъ нее и вѣчнаго спасенія, всѣмъ да даруетъ Господь своею благодатію.

ПРИЧАЩЕНІЕ ВЪ ТЕМНИЦѢ [1].

(Изъ временъ Діоклетіанова гоненія).

Если христіанинъ нашего времени хочетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить, что вытерпѣли его предки за свою вѣру въ первые три вѣка христіанства, то мы попросимъ его заглянуть вмѣстѣ съ нами въ одну изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени римскихъ темницъ языческаго періода. Эта темница была свидѣтельницей многихъ раздирающихъ душу сценъ, а старые пергамены переложили ихъ въ печальныя повѣсти. Ихъ простой, какъ все правдивое, разсказъ, счастливо дополняется безмолвнымъ краснорѣчіемъ мрачнаго узилища. Вотъ, что происходило въ мамертинской темницѣ 4-го октября 302 года. Но—прежде—нѣсколько словъ о самой темницѣ.

Мамертинская тюрма (въ Римѣ) построена въ землѣ изъ огромныхъ кусковъ гранита и имѣетъ квадратную форму. Она раздѣлена на два этажа. Въ двухъ потолкахъ обоихъ этажей устроены круглыя отверстія для сообщенія съ свѣтомъ и воздухомъ. Въ эти же отверстія спускали на веревкахъ пищу и питье узникамъ, равно какъ и самыхъ узниковъ. Можно себѣ предста-

---

(1) Изъ Acta martyrum Ruinarti, tom. III: pag. 182 et. 292.

вить, сколько доходило свѣта и воздуха до несчастныхъ, заключенныхъ въ нижнемъ этажѣ, когда оба этажа были полны ими. Съ густымъ мракомъ, нестерпимой духотой и со своими естественными нуждами несчастные въ обоихъ этажахъ должны были вѣдаться, какъ знаютъ. Кромѣ того въ гранитныя стѣны темницы вдѣланы были огромныя желѣзныя кольца, къ которымъ не рѣдко привязывали узниковъ такъ, что они не могли ни сѣсть, ни лечь. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ большей части случаевъ заключеннымъ позволяли сидѣть и лежать на каменномъ полу узилища, забивши только ноги ихъ въ колодки. Но и здѣсь изысканная жестокость язычниковъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ постаралась устранить и тѣ жалкія удобства, которыя представляло сидѣнье, или лежанье на голомъ, жосткомъ полу, въ сравненіи съ напряженнымъ стояньемъ въ кольцахъ стѣны. Каменный полъ былъ сплошь усѣянъ обломками разбитыхъ сосудовъ и острыми кремнями, которые вонзались въ растерзанныя предварительными пытками и изнуренныя тѣла страдальцевъ, и усиливали еще больше ихъ страданія. Не рѣдко случалось, что мученики вымирали здѣсь всѣ до одного, будучи не въ состояніи вынести всѣхъ этихъ адскихъ не удобствъ. Съ другой стороны не рѣдки были случаи и въ совершенно другомъ родѣ. Растерзаннаго страдальца, или страдалицу, со всѣми признаками близкой смерти бросали безъ всякаго состраданія на острые кремни и онъ, или она—выздоравливали безъ всякой медицинской помощи.

Въ этой темницѣ 4-го октября 302 года находилось до ста человѣкъ христіанъ всякаго пола и возраста. На слѣдующій день всѣ они должны были выйти на

„борьбу со звѣрями“ въ римской циркѣ, въ присутствіи императора Максиміана и всего римскаго народа. Вечеръ 4-го октября былъ канунюмъ ихъ смерти. Не смотря на это, въ стѣнахъ мрачной темницы царствовалъ миръ и свѣтлая радость. Святые мученики ждали дня своей казни, какъ свѣтлаго праздника, и готовились къ нему съ радостью. Они пѣли стихи изъ псалмовъ, имѣвшіе наибольшее примѣненіе къ ихъ тогдашнему положенію. И когда страдальцы нижняго этажа отвѣчали на стихъ пропѣтый заключенными въ верхнемъ; то это *бездна отвѣчала безднѣ* (1) по Писанію.

Въ эти торжественныя минуты приготовленія къ лютой смерти жестокость язычниковъ находила возможнымъ сдѣлать страдальцамъ нѣкоторую усладу. Для нихъ приготовили на общественный счетъ роскошный ужинъ. Не для того ли, чтобы львы и пантеры не могли пожаловаться на римское гостепріимство? Вѣдь ихъ въ это время морили голодомъ! Родственники и друзья заключенныхъ получали позволеніе навѣстить ихъ съ словомъ утѣшенія и ободренія. Этимъ позволеніемъ, конечно, всѣ спѣшили воспользоваться. Къ двусмысленному угощенію язычниковъ христіане приносили съ собою къ своимъ единовѣрцамъ болѣе искреннюю и совершенную пищу — любовь. Кто захотѣлъ бы составить себѣ понятіе о христіанскихъ агапахъ (вечеряхъ любви), тотъ могъ бы видѣть полную и совершеннѣйшую ихъ форму въ этомъ послѣднемъ, предсмертномъ ужинѣ страдальцевъ, окруженныхъ своими братьями по вѣрѣ и крови. Съ свѣтлою радостью бесѣдовали они со своими присными о своемъ непостыдномъ

(1) Псал. 41. ст. 8.

упованія, о другомъ лучшемъ мірѣ и о своихъ надеждахъ на скорое свиданіе въ обителяхъ Отца Небеснаго. Толпы язычниковъ, привлеченныхъ любопытствомъ, окружали братскую трапезу мучениковъ. Но тщетно всматривались они въ физіономіи страдальцевъ, думая открыть въ нихъ признаки унынія, тоски, или тупаго, отчаяннаго равнодушія. Спокойно и свѣтло высматривали всѣ они, какъ будто каждому изъ нихъ суждено было жить еще сто счастливыхъ лѣтъ. Особенно одинъ юноша, принадлежавшій къ знатной римской фамиліи, обращалъ на себя любопытное вниманіе толпы своимъ знатнымъ происхожденіемъ, молодостью и не обыкновенной красотой. Замѣтивъ на себѣ любопытные взоры язычниковъ, Панкратій (имя юноши) обратился къ нимъ съ такими словами: „братья мои! Неужели для васъ не достаточно нашихъ завтрашнихъ страданій, что вы предваряете ихъ сегодня своими попытками возмутить нашъ душевный покой? Если такъ, то всмотритесь по-внимательнѣе въ наши черты, чтобы не забыть ихъ въ день послѣдняго суда!“ Слова юноши пристыдили толпу, и она начала мало по малу расходиться. Глубоко запали они въ душу многихъ язычниковъ, которые, впослѣдствіи сдѣлавшись христіанами, признавались, что обязаны своимъ обращеніемъ этимъ словамъ св. мученика.

Но въ то время, какъ язычники питали тѣла св. мучениковъ для того, чтобы ими накормить на слѣдующій день дикихъ звѣрей, св. церковь, любвеобильная мать страдальцевъ, готовила имъ другую безконечно-высшую и лучшую вечерю. Въ одной изъ подземныхъ базиликъ въ катакомбахъ старый пресвитеръ Діонисій совершалъ Божественное таинство тѣла и крови Гос-

подней, для того, чтобы напутствовать воиновъ Христовыхъ на ихъ послѣдній, смертный подвигъ. Совершивъ великое таинство, благочестивый священникъ, взявши въ руки пречистое тѣло Господне, обратился къ предстоящимъ въ церкви, и высматривалъ между ними человѣка, которому можно было вручить это безцѣнное сокровище для перенесенія въ мамертинскую темницу (1). Прежде, чѣмъ взоръ его остановился на комъ нибудь, изъ среды предстоящихъ отдѣлился двѣнадцатилѣтній мальчикъ, Тарцизій. Упавши на колѣни и простирая руки, онъ просилъ пресвитера возложить на него это великое дѣло. Изумленный и вмѣстѣ обрадованный восторженнымъ дерзновеніемъ отрока, Діонисій сказалъ ему: „ты слишкомъ молодъ, дитя мое. Не по силамъ тебѣ будетъ это великое дѣло. Вѣдь ты знаешь, сколько опасностей угрожаетъ тебѣ на твоей дорогѣ.“

„Очень хорошо знаю, отецъ мой! Но моя молодость будетъ служить мнѣ лучшею защитою.“

Добрый священникъ все еще колебался довѣрить ребенку Божественное тѣло; но новыя настойчивыя просьбы Тарцизія, его умоляющее, колѣнопреклоненное по-

(1) Переносить св. дары въ темницы и къ больнымъ собственно было дѣломъ діаконовъ; но во время, о которомъ у насъ рѣчь, служители церкви подвергались особенному преслѣдованію со стороны языческаго правительства и народа, какъ распространители мнимаго суевѣрія, и только тѣ изъ нихъ, которые никому не были извѣстны, могли съ нѣкоторою безопасностью появляться днемъ на улицахъ города. Кромѣ того, число ихъ очень уменьшилось,—многіе были въ темницахъ, другіе приняли уже достославный вѣнецъ мучениковъ. Вотъ почему, такое великое дѣло, какъ перенесеніе св. Даровъ въ темницы, возлагалось иногда и на простыхъ вѣрующихъ.

ложеніе, его необыкновенная красота, дѣлавшая его похожимъ на молящагося ангела, все это поколебало нерѣшительность старца и онъ, обернувши Божественное тѣло двумя чистыми убрусами, и подавая его отроку, сказалъ: „дитя мое! Я склоняюсь на твою просьбу. Мое сердце говоритъ мнѣ, что ты сохранишь ввѣряемое тебѣ безцѣнное сокровище. Но помни, мой дорогой сынъ, что тебѣ нужна величайшая осторожность, и избѣгай многолюдныхъ улицъ. Иди съ миромъ. Да хранитъ тебя Богъ!“

Восторженная радость выразилась на прекрасномъ лицѣ мальчика. Положивши ввѣренное ему сокровище за пазуху и придерживая его обѣими руками, онъ началъ осторожно пробираться къ мамертинской темницѣ по отдаленнымъ, глухимъ и малолюднымъ переулкамъ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На поворотѣ одного переулка, который выходилъ на площадь, сосѣднюю мамертинской тюрмѣ, набожный мальчикъ совершенно неожиданно натнулся на толпу своихъ сверстниковъ, которые, вышедши изъ школы послѣ вечерняго урока, собирались играть на площади. Завидѣвши его, мальчики обступили его и принуждали принять участіе въ ихъ играхъ. Напрасно умолялъ несчастный ребенокъ отпустить его, отказываясь отъ игръ важнымъ порученіемъ, которое онъ не медленно долженъ исполнить. Шалуны не хотѣли ничего знать и насильно тянули его въ свой кругъ. Одинъ изъ игроковъ, высокій, грубый мальчикъ, замѣтивши, что Тарцизій что-то придерживаетъ на своей груди подъ платьемъ, вообразилъ, что тотъ несетъ какое нибудь письмо и сказалъ ему: „ты, вѣроятно, несешь кому нибудь письмо, Тарцизій! Въ такомъ случаѣ передай его мнѣ.

У меня оно будетъ въ цѣлости, пока ты играешь."

„Никогда, ни за что"! вскричалъ ребенокъ, бросивши умоляющій взглядъ на небо.

„Что же ты такъ боишься за свой секретъ. У тебя тамъ должно быть что нибудь особенное. Дай-ка я посмотрю"!

Съ этими словами нахалъ протянулъ руку съ явнымъ намѣреніемъ овладѣть тѣмъ, что несъ за своей пазухой Тарцизій. Понявши его намѣреніе, бѣдное дитя съ отчаянными усиліями старалось не допустить дерзкаго мальчишку до святотатственнаго прикосновенія къ своей святынѣ. Завязалась отчаянная борьба между обоими мальчиками. При обыкновенныхъ условіяхъ исходъ ея впрочемъ не могъ быть долго сомнительнымъ. Превосходя и возрастомъ, и ростомъ, и силою Тарцизія, его соперникъ легко одолѣлъ бы его. Но Тарцизій, сознавая важность минуты, обнаружилъ не человѣческую силу, и успѣшно противился всѣмъ усиліямъ своего болѣе сильнаго врага. Толпа любопытныхъ окружила соперниковъ. Одинъ праздный плебей съ грубымъ лицомъ и ухватками, подошедши къ кружку и узнавши, въ чемъ дѣло, съ глупымъ зубоскальствомъ громко замѣтилъ: «это должно быть оселъ—христіанинъ несетъ свои таинства» (1).

Эти слова имѣли магическое дѣйствіе на толпу. Они разожгли ея любопытство до высшей степени. На несчастнаго ребенка посыпались сотни ударовъ кулаками, палками, грязью изъ толпы зѣвакъ. Но онъ какъ будто не чувствовалъ ни малѣйшей боли отъ всѣхъ этихъ пабоевъ и, смотря на небо, судорожно прижималъ къ груди свое сокровище. Тогда одинъ изъ язычниковъ,

(1) Asinus christianus portans mysteria.

дюжій мясникъ, ударилъ бѣднаго мальчика кулакомъ по головѣ такъ сильно, что онъ безъ чувствъ упалъ на землю. Кровожадная толпа испустила радостный крикъ. Поспѣшно наклонившись къ упавшему ребенку, безчеловѣчный мясникъ старался отнять его руки отъ груди и взять то, что на ней было спрятано. Въ это время чья-то сильная рука дала святотатцу такой толчекъ, что онъ растянулся во весь свой ростъ подлѣ своей жертвы; это былъ статный воинъ огромнаго роста и геркулесовской силы. Растолкавши толпу и оттолкнувши прочь дерзкаго мясника, онъ взялъ на руки почти бездыханнаго мальчика и понесъ его съ собою. Узнавши въ смѣломъ воинѣ одного изъ важныхъ офицѐровъ императорской гвардіи, толпа почтителвно разступилась предъ нимъ и дозволила ему безпрепятственно удалиться со своей драгоцѣнной ношей.

Очнувшись на рукахъ вѣрнаго воина Тарцизій тяжело вздохнулъ и началъ пристально всматриваться въ лицо своего избавителя, не вдругъ узнавая его.

„Успокойся Тарцизій, сказалъ ему знакомый голосъ, ты въ вѣрныхъ рукахъ: жизнь твоя внѣ опасности“.

„Ахъ нѣтъ Квадратъ! Жизнь моя уже кончена. Но объ ней не заботься. А побереги божественныя тайны, спрятанныя на моей груди. Я несъ ихъ въ темницу къ нашимъ братьямъ“.

„Будь спокоенъ, доброе дитя, сказалъ растроганный Квадратъ, для котораго теперь его дорогая ноша сдѣлалась еще драгоцѣннѣе. У него на рукахъ лежала не жерства геройскаго самоотверженія, не тѣло мученика, а самъ Господь и Владыка мучениковъ. Избитая, но еще прекрасная головка ребенка довѣрчиво приклонилась къ мужественной груди воина, но руки его по

[illegible] [illegible] сложенными на груди. На ру[illegible] [illegible] подъ собою отъ радости [illegible] несъ Квадратъ свою драгоцѣнную ношу въ катакомбы. Никто не смѣлъ остановить его.

Слезы полились изъ глазъ стараго Діонисія, когда благочестивый воинъ принесъ въ подземную базилику бездыханное уже тѣло отрока. На груди его, подъ сложенными на крестъ руками цѣлы и невредимы лежали божественные дары. Всѣ присутствовавшіе тоже плакали отъ умиленія и съ подобающею честію схоронили священные останки мученика—младенца,—въ усыпальницѣ Каллиста. Папа Дамазъ († 384 г.) въ послѣдствіи начерталъ слѣдующую надпись на мраморной доскѣ, покрывавшей гробницу (1) приснопамятнаго отрока:

Tarcisium Sanctum Christi sacramenta gerentem,
Cum malesana manus peteret vulgare profanis
Ipse animam potius voluit emittere caesus,
Prodere quam canibus rabidis coelestia membra (2).

Между тѣмъ въ Мамертинской темницѣ ничего не знали о приключеніи Тарцизія и съ нетерпѣніемъ ожидали добраго вѣстника съ небеснымъ утѣшеніемъ. Послѣ долгаго ожиданія показался наконецъ въ темницѣ начальникъ императорскихъ тѣлохранителей Севастіанъ, потаенный христіанинъ. По его озабоченному лицу

(1) Какъ устроены эти гробницы въ катакомбахъ, см. статью „Римскія катакомбы“, въ Мартовской кн. Христ. чтенія за текущій годъ.

(2) Т. е. Святый Тарцизій несъ Христовы таинства; язычники хотѣли осквернить ихъ нечестивыми руками; но онъ предпочелъ скорѣе испустить духъ подъ ихъ ударами, чѣмъ выдать этимъ хищнымъ псамъ тѣло Христово“. Membra coelestia (небесныя члены) самымъ нагляднымъ образомъ выражаетъ вѣру первыхъ христіанъ въ пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Божественнаго Искупителя въ таинствѣ Евхаристіи.

страдальцы думали, что онъ не съ добрыми цѣлями; и забросали его вопросами. Святая радость мучениковъ помрачилась, когда Севастіанъ въ короткѣ разсказалъ имъ о происшествіи съ божественными дарами, которые несъ къ нимъ Тарцизій, и далъ понять, что волненіе разъяреннаго народа, цѣлыми толпами бродившаго около темницы и наблюдавшаго за всѣми входящими и выходящими, дѣлало не возможнымъ принесеніе св. даровъ извнѣ. За тѣмъ подозвавши къ себѣ діакона Репарата, находившагося въ числѣ узниковъ, вѣрный воинъ сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. Лицо діакона просіяло и уходя въ отдаленный уголъ тюрьмы, онъ обмѣнялся съ Севастіаномъ веселымъ взглядомъ.

Севастіанъ пришелъ въ темницу главнымъ образомъ для того, чтобы проститься съ своимъ другомъ Панкратіемъ, который вмѣстѣ съ другими осужденъ былъ на съѣденіе звѣрямъ. Отношенія этихъ двухъ лицъ другъ къ другу далеко выходили изъ ряда обыкновенныхъ дружескихъ отношеній. Пока діаконъ пошелъ выполнять тайное распоряженіе Севастіана, переданное ему отъ имени папы Марцеллина и всего собора римскихъ пресвитеровъ, друзья, удалившись въ сторону, завели между собою слѣдующій разговоръ:

„Помнишь ли Севастіанъ, началъ Панкратій, тотъ вечеръ, въ который мы съ тобой изъ окна твоего дома, смотрѣли на темную массу колизея и слушали ревъ заключенныхъ въ его подземельяхъ дикихъ звѣрей?“

„Очень хорошо помню, мой дорогой другъ! И мнѣ кажется, что твое сердце предчувствовало тогда то, что ожидаетъ тебя завтра.“

„Дѣйствительно. Какой-то тайный голосъ говоритъ

мнѣ, что я одинъ изъ первыхъ падаю завтра жертвою людской злости. Но пока не пришла еще эта вожделѣнная для меня минута, мнѣ все какъ-то не вѣрится, что я дождусь, наконецъ, этой безмѣрной чести. Въ самомъ дѣлѣ, что я сдѣлалъ особеннаго, чтобы сподобиться такого счастья?"

„Но вѣдь ты знаешь, другъ мой, что это дѣло не *хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога*. Скажи мнѣ лучше, какія чувства наполняютъ твою душу въ ожиданіи славнаго жребія, который готовится тебѣ завтра?"

„Нужно сказать правду, Севастіанъ, этотъ жребій такъ далеко превышаетъ всѣ мои самыя смѣлыя надежды, что часто мнѣ думается, что все это я вижу во снѣ, а не наяву. Ты поймешь меня, если представишь себѣ, что не дальше, какъ завтра, я промѣняю эту холодную, сырую, зловонную темницу на свѣтлыя райскія обители, гдѣ ожидаютъ меня сонмы святыхъ и неумолкающіе хоры ангеловъ..."

„Больше ничего ты не имѣешь мнѣ сказать?"

„О нѣтъ! много, очень много! Когда я представлю себѣ, что я ничтожный ребенокъ, едва только оставившій школьную скамью, завтра предстану предъ моего возлюбленнаго Господа и приму изъ рукъ Его вѣнецъ правды, уготованный всѣмъ возлюбившимъ Его, то весь задрожу отъ радости. Эта надежда кажется мнѣ такой отрадной, что я съ трудомъ привыкаю къ мысли, что скоро она перестанетъ быть надеждою и превратится въ дѣйствительность. Между тѣмъ, Севастіанъ, съ жаромъ вскричалъ молодой человѣкъ, хватая руку своего друга, вѣдь все это правда, святая правда!"

„Какой ты счастливецъ, Панкратій, какъ свѣтло и отрадно у тебя на душѣ!"

„Знаешь ли, что особенно удивляетъ и радуетъ меня теперь, добрый Севастіанъ, продолжалъ юноша, не обращая вниманія на замѣтку своего друга. Это—благость и милосердіе Господа, сподобившаго меня этой смерти. Еслибы ты зналъ, какъ легко и весело въ моемъ возрастѣ бросать эту жалкую землю съ ея кровожадными звѣрями и не менѣе кровожадными людьми, и на вѣки закрыть глаза отъ всего, что только есть на ней возмутительнаго. Во сто разъ тяжеле была бы для меня смерть, если бы постигла меня на глазахъ моей доброй матери, если бы на смертномъ одрѣ мнѣ пришлось слышать рыданія и жалобы этого самаго дорогаго для меня существа въ мірѣ. Вѣдь я увижу ее завтра? Вѣдь я услышу еще разъ ея сладкій для меня голосъ? Не правда ли? Вѣдь ты обѣщалъ мнѣ это, Севастіанъ.“

„Слеза блеснула на рѣсницахъ молодаго страдальца, но онъ овладѣлъ ею и опять продолжалъ своимъ обычнымъ веселымъ голосомъ.

„Кстати, Севастіанъ, за тобой есть тайна, которую ты обѣщалъ мнѣ открыть. Открой мнѣ ее теперь. Вѣдь это послѣдній случай, которымъ ты можешь еще воспользоваться.“

„Съ большимъ удовольствіемъ, мой дорогой другъ. Ты спрашивалъ меня: что удерживало меня до сихъ поръ отъ рѣшимости умереть за Христа? Я сказалъ тебѣ тогда, что это моя тайна. Вотъ она. Я далъ себѣ обѣщаніе бодрствовать надъ твоею душою, Панкратій. Эту обязанность налагала на меня наша дружба. Я видѣлъ, какъ сильно желалъ ты пострадать за Христа. Но ты еще слишкомъ молодъ, мой дорогой другъ, чтобы легко справляться съ пламенными желаніями своего

сердца. Я боялся, чтобы ты не уронилъ ихъ священнаго достоинства какой нибудь опромѣтчивой выходкой, которая могла бы набросить тѣнь на твое дѣло. Вотъ почему я рѣшился наложить молчаніе на свои самыя завѣтныя желанія до того времени, когда увижу тебя внѣ всякой опасности.“

„О! какъ ты благороденъ, мой добрый Севастіанъ!“

„Помнишь ли, мое дитя, продолжалъ воинъ, какъ я старался помѣшать тебѣ разорвать эдиктъ императорскій; помнишь, какъ я остановилъ тебя, когда ты хотѣлъ обличить судью во время казни Цециліи? Тебѣ хотѣлось тогда умереть за Христа, и ты дѣйствительно былъ бы осужденъ и умеръ; но въ твоемъ судебномъ приговорѣ значилось бы, что ты осуждаешься на казнь, какъ политическій преступникъ за оскорбленіе законовъ и величества. Кромѣ того, мое дорогое дитя, ты могъ остаться одинъ въ своемъ тріумфѣ. Можетъ быть, и сами язычники подивились бы тебѣ и превознесли похвалами, какъ смѣлаго, безстрашнаго молодаго человѣка, какъ героя гражданской доблести.... И кто знаетъ, облако гордости не закралось ли бы въ твою душу и не помрачило ли бы ясную лазурь твоего неба, среди самой твоей казни. А теперь ты умираешь единственно за то, что ты христіанинъ.“

„Это правда, Севастіанъ, сказалъ Панкратій, краснѣя.“

„Но, продолжалъ воинъ, когда я увидѣлъ, что тебя взяли во время самоотверженнаго прислуживанія исповѣдникамъ Христовымъ, когда я увидѣлъ, что тебя влекли по улицамъ въ цѣпяхъ, какъ и всякаго осужденнаго, когда я увидѣлъ, что тебя, какъ и другихъ вѣрующихъ осыпали насмѣшками и проклятіями, когда

и узналъ, что твое имя вписано въ смертный приговоръ на ряду съ другими, осужденными единственно за то, что они христіане; тогда сказалъ самъ себѣ: „теперь мое дѣло кончено“, и я не пошевелю пальцемъ для того, чтобы спасти тебя.“

„О, какъ ты уменъ, благороденъ и преданъ, добрый Севастіанъ! Твоя дружба ко мнѣ похожа на любовь Божію, сказалъ Панкратій, заливаясь слезами и бросаясь на шею воина. Позволь мнѣ предложить тебѣ еще одну просьбу, не оставляй меня до конца своимъ участіемъ, и передай моей матери мою послѣднюю волю.“

„Желаніе твое будетъ исполнено, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Впрочемъ, мы не надолго разстаемся съ тобою, Панкратій, сказалъ Севастіанъ.“

Въ это время діаконъ подошелъ и сказалъ разговаривавшимъ, что все приготовлено для совершенія таинства въ самой темницѣ. Молодые люди осмотрѣлись вокругъ себя и Панкратій былъ пораженъ не ожиданнымъ зрѣлищемъ, представившимся его глазамъ. На полу темницы лежалъ навзничь священномученикъ, пресвитеръ Лукіанъ. Руки и ноги страдальца были обременены тяжкими цѣпями (catastae), такъ что онъ не могъ пошевелиться. На груди его Ренаратъ положилъ въ три ряда сложенный льняной убрусъ вмѣсто антиминса, и на этотъ убрусъ поставилъ хлѣбъ и сосудъ съ виномъ и водою, который поддерживалъ своими руками. Глаза достойнаго пресвитера были обращены къ небу, между тѣмъ, какъ уста его произносили обычныя при совершеніи таинства молитвы. За тѣмъ каждый изъ присутствовавшихъ мучениковъ подходилъ и съ словами благоговѣйнаго умиленія причащался божественнаго тѣла и крови.

Таково могущество св. Церкви! Какъ бы ни были неизмѣнны ея законы, она всегда находила возможность примѣнить ихъ, не нарушая, къ самымъ исключительнымъ обстоятельствамъ. И самое, повидимому, исключеніе только болѣе нагляднымъ образомъ подтверждаетъ общее правило. Это правило: божественное таинство тѣла и крови Христовой должно быть совершаемо на мощахъ мучениковъ. Здѣсь мы видимъ совершеніе таинства на тѣлѣ мученика и самимъ мученикомъ. Правда, онъ еще живъ, его сердце бьется еще подъ божественными „стопами Божественнаго Агнца (¹)“, но онъ со всею справедливостію могъ бы примѣнить къ себѣ слова Апостола: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (²). Тутъ онъ живой образъ божественнаго Искупителя, который въ своей вѣчной жертвѣ былъ и „приносяй и приносимый.“ И гдѣ ли былъ когда нибудь жертвенникъ, болѣе достойный Жертвы!

Съ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ Хр. Чтенія этотъ разсказъ, составленный по мученическимъ актамъ. Мы увѣрены, что православные читатели съ живымъ сочувствіемъ и глубокимъ назиданіемъ прочтутъ „Причащеніе въ темницѣ“ въ тѣ дни, когда, по уставу св. церкви, они готовятся и приступаютъ къ таинству св. причащенія. „Причащеніе въ темницѣ“ убѣдительнѣе всякой проповѣди учитъ, какъ надобно дорожить живоноснымъ пріобщеніемъ святѣйшаго тѣла и крови Христовыхъ. Оно можетъ послужить живымъ и благотворнымъ упрекомъ для тѣхъ, которые за мелкими

(¹) Фульгенцій, περὶ ςεφ:

(²) Галат: 2, 20.

житейскими заботами *не находите времени* вкусить отъ божественной трапезы. Оно сильнѣе всякаго поученія обличаетъ тѣхъ, которые „за нерадѣніемъ“ на многіе годы сами себя отлучаютъ отъ таинственнаго общенія съ своимъ Искупителемъ, или, принимая небесную пищу, исполняютъ этотъ христіанскій долгъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Мы иногда тяготимся оставить на короткое время свои обычныя занятія и не многіе дни посвятить на должное приготовленіе къ святѣйшему таинству; тогда какъ для этого приготовленія не только не встрѣчаемъ никакихъ препятствій, не подвергаемся никакимъ опасностямъ, не обязываемся приносить тяжкихъ жертвъ, напротивъ приглашаемся къ нему св. Церковью и въ ея установленіяхъ находимъ всевозможныя къ нему удобства и пособія. А древніе св. мученики должны были искать возможности удостоиваться св. причащенія, окруженные смертельными опасностями, готовые на всякія жертвы, и все преодолѣвали, на все рѣшались, не считали себя въ правѣ отказываться отъ таинственной трапезы подъ какими бы то ни было предлогами. *Ред.*

ИСТОРІЯ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА.

(*Окончаніе*).

III.

ОТНОШЕНІЯ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА КЪ БѢЛОМУ УНІАТСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ (¹).

До времени уніи бѣлое духовенство въ западно-русской церкви, особенно духовенство почетное, мало зависѣло отъ своего мѣстнаго епископа. Особенною самостоятельностію пользовалось духовенство соборныхъ церквей въ важнѣйшихъ городахъ, такъ называемые *клирошане*. Они имѣли свои независимыя имѣнія и приписные приходы, въ которые мало вмѣшивались епископы. Они при епископѣ составляли постоянный епархіальный соборъ или такъ называемыя каѳедральныя *капитулы*, которыя пользовались значительною самостоятельностію въ управленіи мѣстнымъ епархіальнымъ духовенствомъ. Въ распоряженіи этихъ капитуловъ находились довольно богатыя имѣнія (Funduszy) и приписные приходы, доходы съ которыхъ употреблялись на разныя нужды духовенства, и между прочимъ на школы, въ которыхъ дѣти бѣднѣйшихъ священниковъ приготовлялись къ пастырскому служенію. Западно-русскіе митрополиты и епископы, избираемые большею частію изъ бѣлаго духовенства, находились въ довольно близ-

(¹) Мы ничего не говоримъ объ отношеніяхъ къ базиліанскому ор-

ними, дружескихъ отношеніяхъ къ капитуламъ, заботились о цѣлости принадлежавшихъ имъ имѣній, въ свою очередь и капитулы, по смерти епископа, или митрополита, старались сохранить въ цѣлости епископскія каѳедры съ принадлежавшими къ нимъ имуществами до назначенія новаго епископа.

Со временъ уніи, особенно со времени учрежденія базиліанскаго ордена, когда епископы и митрополиты стали избираться исключительно изъ базиліанъ, состояніе бѣлаго уніятскаго духовенства значительно измѣнилось. Уніятскіе епископы и митрополиты оставляютъ почти въ полномъ забвеніи и пренебреженіи свѣтскій клиръ и сосредоточиваютъ все свое вниманіе, всѣ свои заботы на базиліанскомъ орденѣ.

Первый ударъ бѣлому уніятскому духовенству нанесъ Поцѣй. Воспитанный въ понятіяхъ латинскаго абсолютизма, Поцѣй сильно подорвалъ значеніе каѳедральныхъ капитуловъ, лишивши ихъ самостоятельности и смѣшавши принадлежавшія имъ имѣнія съ своими митрополичьими (1). Рутскій пошелъ далѣе. Онъ прямо и открыто отнималъ у бѣлаго духовенства имѣнія и цѣлые приходы, и отдавалъ ихъ въ распоряженіе базиліанъ. Дѣйствовалъ онъ тутъ чисто по іезуитски. Хитрость, обманъ, благочестивыя цѣли и предпріятія — все было

дѣну другихъ уніятскихъ митрополитовъ, слѣдовавшихъ за Львомъ Кишкою, потому что мало имѣемъ матеріаловъ относящихся къ этому предмету. Акты базиліанскихъ конгрегацій, которые были у насъ подъ руками, кончаются конгрегаціею 1717 г., т. е. первыми годами митрополитства Кишки. „Помянникъ" также ничего не говоритъ о преемникахъ Кишки. Въ печатныхъ же сочиненіяхъ, какъ напр., у Кульчинскаго въ его Specimen Ecclesiae Ruthen., и у Стебельскаго сообщаются объ нихъ слишкомъ краткія и притомъ чисто оффиціальныя свѣдѣнія.

(1) Литов. церков. унія г. Кояловича. Т. 2, стр. 60.

пущено въ ходъ. На провинціальномъ соборѣ, созванномъ Руцкимъ въ 1626 году въ Кобринѣ, положено было основать семинарію для образованія священническихъ дѣтей. Тутъ же на соборѣ собрана была по подпискѣ значительная сумма. Эта сумма оказалась однако не достаточною для прочнаго существованія будущей семинаріи. Нужно было ее пополнить. Придумана была слѣдующая мѣра. Семинарія назначалась для бѣднаго духовенства, слѣдовательно на него же должна была пасть и вся тяжесть заботъ о средствахъ ея содержанія. Поэтому положено было, чтобы во всѣхъ епархіяхъ священники отказались отъ владѣнія пожертвованными ихъ приходамъ имѣніями (фундушами), и привилегіи на эти имѣнія или фундуши передали въ руки своихъ епископовъ (1). Не извѣстно, удалась ли эта затѣя Руцкаго, или нѣтъ, всѣ ли священники исполнили распоряженіе собора; несомнѣнно только то, что сумма, собранная по распоряженію собора со всего уніатскаго духовенства, оставалась безъ всякаго употребленія, а проценты ея поступали въ кассу провинціала (2). Видно однако, что прямыя и рѣшительныя мѣры Руцкаго къ отнятію у бѣлаго духовенства имуществъ были неудачны. Спустя пять лѣтъ послѣ кобринскаго собора онъ придумалъ болѣе хитрую и болѣе удачную мѣру. Прямое повелѣніе отнимать у клира то, что было дано ему королями и патронами, равнялось похищенію чужой собственности, слѣдовательно, клиръ

(1) ...Fundationes et exemplaria privilegiorum, quaecunque apud sacerdotes nostros reperientur, ipsi ad suos episcopos deferant; a quibus accipiens episcopus, litteris suis attestabitur, quod acceperit... Specim. Eccles. Ruthen. p. 92—94.

(2) Сумма эта была довольно значительная. Одинъ митрополитъ по-

смѣло могъ отстаивать свои права и не слушаться собора. Въ 1631 году Руцкій выпросилъ у короля позволеніе на покупку, продажу, обмѣнъ и всѣ возможныя операціи въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ уніятскому духовенству (¹). Эта мѣра удалась Руцкому какъ нельзя лучше. Отъ частаго обмѣна, покупки, продажи и перепродажи имѣній, принадлежавшихъ свѣтскому клиру, скоро затерлись всѣ слѣды первоначальныхъ фундацій. Первый опытъ подобной операціи испытала капитула новогрудская, одна изъ богатѣйшихъ уніятскихъ капитулъ.

Послѣдующіе митрополиты, почти всѣ вышедшіе изъ базиліанскаго ордена, и преданные его интересамъ, неуклонно слѣдовали политикѣ Руцкаго въ порабощеніи бѣлаго духовенства монашествующему. Они отнимали у него все, что только можно было отнять, отдавали въ распоряженіе базиліанъ цѣлые приходы (²), и изъ базиліанъ же назначали не только офиціаловъ, но и благочинныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что между бѣлымъ духовенствомъ нельзя найти людей достойныхъ и способныхъ къ занятію этихъ должностей. Что же дали базиліане бѣлому духовенству въ замѣнъ того,

---

жертвовалъ 10,000 пол. злот. Другіе пять епископовъ, присутствовавшіе на этомъ соборѣ, пожертвовали кто по одной, кто по двѣ тысячи. Всѣ монастыри въ продолженіи четырехъ лѣтъ должны были вносить осьмую часть монастырскихъ доходовъ. Эта сумма была еще пополнена 27,000 пол. злот. Любенецкимъ. Kulczinski. Specim. Eccles. Ruth. synodus cobrinensis.

(¹) Всѣ указываемые нами какъ здѣсь, такъ и ниже, факты заимствованы главнымъ образомъ изъ прошенія, поданнаго въ 1809 г на Высочайшее имя офиціаломъ брестской епархіи Антоніемъ Тупальскимъ о возстановленіи литовской митрополіи. Прошеніе это мы могли *только прочитать*.

(²) Такъ напр. въ Вильнѣ въ распоряженіи базиліанъ находилось 13

нято они отняли у него? Заботились ли они по крайней мѣрѣ о его образованіи? Ничуть не бывало. До двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія не было почти ни одной уніятской семинаріи. Правда, Поцѣй, вскорѣ послѣ брестскаго собора, основалъ для свѣтскаго уніятскаго клира семинарію въ Вильнѣ, вызвавши въ нее ученаго русина Петра Ѳедоровича; но сколько въ ней было воспитанниковъ, и какъ долго существовала она, неизвѣстно (¹). По крайней мѣрѣ около времени кобринскаго уніятскаго собора 1626 года семинарія эта уже не существовала. Мы видѣли также, какъ состоялась семинарія, которую предположено было основать на упомянутомъ соборѣ и на содержаніе которой велѣно было отнимать имущества у бѣлаго духовенства; не состоялась также семинарія перемышльская, на основаніе которой было пожертвовано Юріемъ Винницкимъ 40,000 злотыхъ (²).

Слѣдствіемъ такого нравственнаго и матеріальнаго гнета было крайнее невѣжество и нравственный упадокъ бѣлаго духовенства. Оно потеряло почти всякое значеніе въ народѣ. Въ священники поступали большею частію люди бездарные, безграмотные или полуграмотные. Нечего и говорить, что религіозные интересы оставлялись такими людьми совершенно въ сторонѣ. На священство они смотрѣли какъ на выгодное ремесло, изъ котораго старались извлечь всевозможную пользу. Часто оставляли они свои приходы и *бывали*

приходскихъ церквей; въ Брестѣ—8, въ другихъ мѣстахъ брестской епархіи базиліане отняли у бѣлаго духовенства 9 лучшихъ приходовъ (beneficium) и приписали ихъ къ монастырямъ.

(¹) Lukaszewicz. Histor. szkoł w Kor. i W. X. Lit. T. I. p. 353.

(²) Помянникъ, — подъ словомъ Ierzy Winnicki.

въ ближайшіе латинскіе костелы, слушали исповѣдь и совершали другія церковныя требы, за что, разумѣется, получали вознагражденіе и отъ ксендза, и отъ тѣхъ, для которыхъ они совершали требы (1). Пренебреженіе къ пастырскимъ обязанностямъ доходило иногда до того, что многіе священники, по неумѣнію ли правильно совершать литургію, или просто по лѣности, посылали просфоры къ латинскимъ ксендзамъ съ тѣмъ, чтобы они при совершеніи евхаристіи, омочили ихъ въ освященномъ винѣ, и частицами освященной такимъ образомъ просфоры причащали потомъ своихъ прихожанъ (2). Слово Божіе, поученіе и наставленіе прихожанъ въ истинахъ вѣры были еще въ большемъ пренебреженіи. Народъ, какъ и его пастыри, коснѣвъ въ невѣжествѣ, не видѣлъ никакого различія между уніею и латинствомъ, больше посѣщалъ латинскіе костелы, куда привлекали его стройные звуки органа и фанатическая проповѣдь ксендза, чѣмъ свою *убогую* во всѣхъ отношеніяхъ церковь, въ которой рѣдко совершалось богослуженіе, а если и совершалось, то очень коротко, и притомъ въ такую пору, когда прихожанамъ не было возможности идти въ церковь. Дѣло обыкновенно такъ бывало, по разсказамъ старожиловъ. Наступаетъ, напримѣръ, какой нибудь великій праздникъ. Уніятскій священникъ встаетъ пораньше, беретъ съ собою въ церковь дьячка, или же въ отсутствіи его, одного изъ своихъ слугъ (chlopca), умѣющаго подать кадило, и на

(1) Za doniesieniem od niektorych osob o exorbitancyach swieckich kapłanow, że swoie opusciwszy cerkwi po kosciołach biegaią w administracią sacramentow swiętych extra parochias skąd wdzieraią się i inne excessa popełniaią... Congreg. Wilenska 1713 r. ses. 5. № 4.

(2) Zakazuie (соборъ) żeby się nieważył żaden (священникъ) cząstek

скорую руку совершаетъ съ нимъ такъ называемую *читанную обѣдню* (czytana msza), или просто ограничивается одними *часами* (godzinki). Затѣмъ спѣшилъ къ сосѣду, латинскому ксендзу, гдѣ ожидала его *мисса* [illegible]. Мало по малу начинаютъ собираться уніатскіе прихожане въ свою приходскую церковь. Въ церкви пусто, *попа* нѣтъ, онъ оставилъ свое *убогое стадо* и отправился стеречь чужое, болѣе богатое и прибыльное. Поговоривши, потолковавши о своихъ домашнихъ дѣлахъ, прихожане начинали расходиться, кто домой, кто въ костелъ, въ которомъ можно было застать службу въ самую позднюю пору (около двухъ *часовъ вечера*), а кто и въ корчму, которая стояла тутъ же рядомъ съ церковію. Въ свою очередь и ксендзъ не оставался въ долгу. Въ торжественные уніатскіе праздники онъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ приходскую уніатскую церковь и помогалъ священнику въ совершеніи церковныхъ требъ, особенно исповѣди; иногда же совершалъ и самую литургію, т. е. латинскую миссу. И ни ксендзъ, ни уніатскій священникъ не стѣснялись подобными услугами другъ другу. Ихъ раздѣляли одни только внѣшніе обряды, по внутреннимъ же религіознымъ убѣжденіямъ они были настоящіе католики-латиняне. Не стѣснялись они тѣмъ болѣе, что сами папы не считали различія обрядовъ латинской и уніатской церкви препятствіемъ къ тѣснѣйшему единенію и общенію между католиками и уніатами, и потому дозволяли какъ латинскому, такъ и уніатскому духовенству

---

od siebie poswięconych posyłać do kosciołu łacinskiego, żeby tam od kapłana także łacinskiego pod czas mszy omoczone we krwi Panskiey, mogły się rozdawać na communią ludziom obrzędu greckiego. Ktoby się ważył to czynić, ma być surowo karany. — Synodus Ruthenorum habita in civ. Zamosciae.—(Въ польскомъ переводѣ). Tytuł II.

совершать всѣ церковныя службы и требы — безразлично — и въ латинскихъ, и въ уніатскихъ церквахъ — каждому только по обрядамъ своей церкви (¹). Слѣдствіемъ такого сближенія уніи съ латинствомъ былъ переходъ въ латинство цѣлыхъ уніатскихъ приходовъ. Совращенія, или по крайней мѣрѣ попытки къ совращенію были такъ многочисленны, что вызвали сильный протестъ со стороны самаго же уніатскаго духовенства, и папы принуждены были ослабить ревность своихъ миссіонеровъ изданіемъ декрета, *запрещающаго русинамъ переходъ изъ греческаго въ латинскій обрядъ* (²).

Въ такомъ жалкомъ положеніи находилось бѣлое уніатское духовенство до временъ замостьскаго собора. Соборъ этотъ имѣлъ столь важное значеніе въ исторіи уніатскаго духовенства и вообще въ исторіи уніи, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на немъ побольше.

Соборъ этотъ былъ созванъ уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Кишкою. Разрѣшеніе на созваніе собора Кишка получилъ изъ Рима еще въ 1716 году, и мѣстомъ для него назначилъ городъ Львовъ. По случаю распространившейся здѣсь моровой язвы, соборъ былъ перенесенъ въ Замостье, гдѣ онъ и состоялся въ 1720 году, подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція въ

(¹) Breve Benedykta XIV, oznaczaiąca, iż księża łacinscy mogą odprawiać mscze na russkich antimissach, tudziez używać kielichow y ornatow ich, nawzaiem ter xięża ruscy (уніяты) łacinskich.

Dekret S. Congregacyi Rozkszewienia Wiary, o [illegible] łacinskiego obrządku czynienia spowiedzi przed księżmi Ruskiemi i nawzaiem. Dnia 1 czerwca 1626 r. w pałacu przed jego swiętobliwoscią odprawiony. См. Bulle, Brewia y listy okolne papieskie obrządkowi greckiemu ziednoczonemu nadane..., z roznych ksiązen zebrane. Стр. 24.

(²) Dektet s. congregacyi o rozkszewieniu wiary zakazuiący Rusinom

Польши, Едесскаго архіепископа Іеронима Гримальда. Соборъ этотъ былъ довольно многочисленъ. Кромѣ нунціи и уніятскаго митрополита, на немъ присутствовало шесть уніятскихъ епископовъ, прото-архимандритъ съ консульторами, шесть архимандритовъ и многіе изъ латинскихъ канониковъ и префектовъ разныхъ коллегій. Засѣданіе собора было открыто торжественною, высокопарною рѣчью нунціа, въ которой онъ хвалилъ уніятскихъ іерарховъ за ихъ ревность о спасеніи ввѣреннаго имъ стада Христова и за то самоотверженіе и самопожертвованіе, съ какимъ они рѣшились собраться на этотъ соборъ, не смотря на господствовавшую въ это время заразу. Затѣмъ прочитано было бреве или посланіе папы къ уніятскому митрополиту и епископамъ: «Не можемъ достаточно выразить словами, писалъ между прочимъ папа, той искренней радости, какою исполнилось сердце наше, когда мы узнали отъ конгрегаціи о распространіи вѣры, что вы, братія, такъ ревностно заботитесь о возстановленіи истиннаго благочестія и церковной дисциплины въ русскихъ провинціяхъ, и что вы собрались на этотъ соборъ съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать такія постановленія и принять такія средства, которыя искоренили бы утвердившіяся (между вами) заблужденія и привели бы ввѣренный вашему попеченію народъ и священниковъ *на лоно католической вѣры*, безъ которой никто не можетъ угодить Богу, и къ *соблюденію* святохранимаго и ненарушимаго *католическаго обряда*...“ (¹).

tak swieckim, iako i duchownym przezsćie na łaciński obszędek przed jego świątobliwoscią odprawiony dnia 7 lutego 1629 r.

(¹) Вотъ бреве Климента XI къ митрополиту Кишкѣ и вообще ко всѣмъ уніятскимъ епископамъ:

Venerabiles fratres salutem, et apostolicam benedictionem. Verbis ex-

Соборъ вполнѣ оправдалъ ожиданія папы. Онъ далъ такое направленіе уніи, какого только могли ожидать іезуиты и латинско польская партія. Въ уніи послѣ замостьскаго собора не осталось почти и слѣд въ православія, даже съ внѣшней обрядовой стороны. Латинскіе обычаи, мнѣнія, вѣрованія и догматы, все, что до сихъ поръ существовало въ уніи, какъ случайное, наносное, какъ злоупотребленіе — все это было узаконено соборомъ, возведено въ неизмѣнное правило, обязательное для всѣхъ и для каждаго. Чтобы убѣдиться я въ этомъ, стоитъ заглянуть въ первыя страницы актовъ этого собора, именно—*въ постановленія о вѣрѣ.*

До временъ замостьскаго собора въ уніятской церкви не было опредѣленнаго исповѣданія вѣры, съ изложеніемъ *всѣхъ* догматовъ, которыхъ она держалась и которые считала необходимыми для спасенія своихъ послѣдователей.

Епископы и пресвитеры при своемъ посвященіи присягали *только* на вѣрность папѣ, во всемъ же прочемъ, касающемся вѣры и церковной практики, обязывались держаться обычаевъ восточной церкви. Въ болѣе общемъ употребленіи былъ Никейскій символъ вѣры, который печатался и читался безъ прибавленія

---

primere non satis possumus gaudium plane intimum, et singulare, quo paternum cor nostrum perfusum fuit, ubi a congregatione Venerabilium Fratrum nostrorum negotiis propagandae Fidei praepositorum nuper accepimus, Fraternitates vestras ad restituendum in istis Ruthenae nationis d aecesibus veram pietatem, ac ecclesiasticam disciplinam, fervent studio incumbere, eoque potissimum consilio ad istam provincialem synodum convenisse, ut scilicet opportunas rationes, ac salubriora remedia constitueretis, per quae errores temporum calamitate, hominumque fraude invecti extirparentur, ac regimini vestro commissi sacerdotes et populi ad sincerum cultum orthodoxae Religionis, sine qua placere Deo nequaquam possumus, tum etiam ad illibatam ac integram Ritus Catholici professionem revocarentur. Quocirca post actas Coelesti pastorum Principi humiles gra-

„и отъ Сына" (¹). Такая неопредѣленность, или лучше сказать, безхарактерность уніи съ ея внѣшней *формальной* стороны, на первыхъ порахъ была даже очень выгодна для нея. Многіе изъ православныхъ, не видя существеннаго различія между уніей и православіемъ, принимали унію безъ всякаго смущенія совѣсти. Теперь же, когда унія успѣла достаточно окрѣпнуть, выдержавши вѣковую борьбу съ православіемъ, соборъ замостьскій рѣшился снять съ нея характеръ неопредѣленности. Соборъ постановилъ, чтобы отнынѣ вся западно русская уніятская іерархія приняла и распространяла исповѣданіе вѣры, составленное Урбаномъ VIII для восточныхъ народовъ. Вотъ сущность этого исповѣданія: „Я N. N. твердо вѣрую и исповѣдую все до малѣйшихъ подробностей, что только заключается въ символѣ вѣры, который содержитъ римская церковь, т. е. Вѣрую во единаго Бога... (слѣдуетъ Никейскій символъ съ прибавленіемъ „ и отъ Сына". Далѣе перечисляются Вселенскіе Соборы, до раздѣленія церквей, къ числу которыхъ причисляются VIII Вселенскій, IV Константинопольскій противъ Фотія).

tias, quod Fraternitatibus vestris piam hanc, gradusque Vestri amplitudine, et sanctitate maxime dignam mentem injecerit, pontificii muneris nostri esse ducimus, vobis effusam, meritamque tribuere laudem, et quamvis ultro bene currentibus paternae vocis nostrae calcar admovere, ut in suscepto religiosissimo proposito constanter pergatis, ac in eo praesertim strenuam sedulamque ponatis operam, ut graves illi abusus, qui in sacrorum Ministrorum electione, non sine magno animarum detrimento, quemadmodum probe nostris, irrepserunt ex vestris diaecesibus eliminentur quam primum ac penitus e medio tollantur.,. Datum Romae die XIX julii 1720 an. — Synod. Zamosc. p. 45.

(¹) Это видно изъ слѣдующаго постановленія Замойскаго собора: „ statuit ac decrevit s. synodus, ut symbolo fidei ubicunque imprimatur in posterum, aut recitabitur, tam publice, quam privatim, addatur particula: Filioque „ Qui secus facere per malitiam deprehensus fuerit ad ordinarium tanquam suspectus de schismate deferatur Tit. I. De fide catholica.

«Признаю также и всѣ другіе Вселенскіе соборы, созванные и утвержденные властію папы римскаго, особенно Флорентійскій Соборъ, и признаю все то, что на немъ постановлено, т. е. что Духъ Святый *предвѣчно* исходитъ отъ Отца и Сына.....» Далѣе слѣдуетъ ученіе римской церкви о *чистилищѣ*, о наказаніяхъ и наградахъ за гробомъ, объ адѣ и раѣ.

«Признаю также, что апостольская столица и римскій папа имѣетъ власть во всемъ мірѣ (credo.... Romanum Pontificem in universum orbem tenere primatum). Слѣдуетъ краткое ученіе о главенствѣ папы, какъ преемника Петра и намѣстника самаго Христа.

„Принимаю также Тридентійскій соборъ и признаю все, что на немъ постановлено и изъяснено".

„Принимаю также и исповѣдую все, что принимаетъ и исповѣдуетъ святая римская церковь, и наоборотъ, все несогласное и противное ея ученію,—схизмы и ереси, осужденные, отвергнутые и анаѳематствованные этою церковію, и я осуждаю, отвергаю и анаѳематствую."

„Наконецъ обѣщаюсь и клянусь быть вѣрнымъ и послушнымъ римскому папѣ, истинному преемнику Князя апостольскаго, благословеннаго Петра, и намѣстнику Іисуса Христа".

„Эту вѣру *Католической* церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія, которую теперь добровольно исповѣдую и право содержу, при помощи Божіей буду держать и исповѣдывать, твердо, свято и ненарушимо до послѣдняго моего издыханія,—обязуюсь также и всѣми силами буду стараться, чтобы всѣ мои подчиненные сами содержали ее и между другими распространяли. Я N. N. обѣщаюсь, клянусь и присягаю,—будь мнѣ свидѣтель Богъ и это Святое Евангеліе." Подъ этимъ исповѣданіемъ под-

писались всѣ члены собора (уніаты), начиная съ митрополита до послѣдняго инока. Соборъ постановилъ также, чтобы эта формула исповѣданія вѣры была принята и подписана не только тѣми, которые уже имѣютъ какую нибудь должность или мѣсто, съ которымъ соединена извѣстная власть и попеченіе о душахъ (do ktorego przyłączono iest staranie dusz), но и тѣми, которые съ этихъ поръ будутъ возводиться на какія бы то ни было церковно-іерархическія и даже академическія степени. Монашествующія же лица, всѣ безъ исключенія, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, должны были подписать эту форму чрезъ три мѣсяца со дня обнародованія соборныхъ актовъ. Относительно же тѣхъ, которые почему нибудь не подпишутъ ее, соборъ постановилъ, чтобы они были отрѣшаемы и отъ мѣста (beneficium) и отъ должности ([1]). Далѣе соборъ строго приказываетъ, чтобы отнынѣ въ Никейскомъ символѣ вѣры, будетъ ли онъ гдѣ печататься или читаться, публично или тайно,—непремѣнно дѣлалось прибавленіе „и отъ Сына." А кто не будетъ исполнять этого, доносить объ немъ высшему начальству, какъ о человѣкѣ подозрѣваемомъ въ *схизмѣ*. Соборъ, наконецъ, повелѣваетъ, чтобы на всѣхъ церковныхъ службахъ поминалось имя папы, и запрещаетъ людямъ всѣхъ званій и состояній обращаться къ заграничнымъ (т. е. православнымъ) пастырямъ и ихъ церквамъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

Для предохраненія уніатовъ отъ вольнодумства соборъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій касательно цензуры. Онъ запретилъ печатать и выписывать изъ за границы

([1]) Тамъ же.

еретическія книги, и тѣмъ болѣе читать и держать ихъ у себя, безъ позволенія высшаго начальства. Если нѣкоторыя изъ этихъ книгъ могли быть исправлены, то соборъ повелѣваетъ исправлять ихъ, и тогда уже дозволить читать ихъ. Запрещаетъ наконецъ продажу и печатаніе книгъ непроцензурованныхъ мѣстнымъ начальникомъ (lociordinarius). Особеннаго вниманія заслуживаютъ распоряженія собора касательно новой редакціи и изданія богослужебныхъ книгъ. Всѣ богослужебныя книги должны отнынѣ печататься согласно съ тѣми экземплярами, которые будутъ изданы по распоряженію собора.

Дальнѣйшія постановленія собора касаются совершенія таинствъ, соблюденія постовъ, устройства монастырей, особенно женскихъ. Таинства совершать по обрядамъ восточной церкви; евхаристію дозволяется совершать и на прѣсномъ, и на квасномъ хлѣбѣ. Посты соборъ повелѣваетъ соблюдать тѣ же, которые соблюдаются въ восточной церкви. Только относительно Петрова поста соборъ рѣшился сдѣлать небольшое отступленіе. Онъ освободилъ отъ соблюденія этого поста крестьянъ и всѣхъ вообще рабочихъ людей на томъ основаніи, что онъ приходится въ такое время, когда простому народу, обремененному тяжелыми весенними работами, совершенно не чѣмъ питаться.

Касательно устройства мужескихъ монастырей соборъ почти ничего не говоритъ, такъ какъ базиліанскіе монастыри давно уже получили правильное устройство и организацію. Онъ только разрѣшаетъ нѣкоторые спорные вопросы, могущіе возникнуть при столкновеніи власти епископской съ правами ордена. Такъ напримѣръ, соборъ повелѣваетъ каждому епископу ежегодно реви-

зовать свою епархію. Въ его епархіи есть базиліанскіе монастыри, которые обязанъ ревизовать только базиліанскій визитаторъ: можетъ ли ревизовать ихъ епископъ?— Можетъ тогда только, когда визитаторъ не исполняетъ своей обязанности. Но и въ такомъ случаѣ онъ долженъ напередъ *напомнить* визитатору о его обязанности, и если онъ (визитаторъ) въ теченіи шести мѣсяцевъ не исправится, то епископъ можетъ самъ ревизовать монастыри. Или еще: епископъ можетъ дозволить каждому священнику въ своей епархіи исповѣдывать всѣхъ, кромѣ *монаховъ*. Монахи же, наоборотъ, могутъ исповѣдывать *всѣхъ* безъ исключенія приходящихъ въ ихъ церкви, слѣдовательно и бѣлыхъ священниковъ.

Особенное вниманіе обратилъ соборъ на устройство женскихъ уніятскихъ монастырей.

Женскіе уніятскіе монастыри явились почти одновременно съ уніею. Въ устройствѣ ихъ не было строгаго единства и однообразія. Почти въ каждомъ монастырѣ были свои порядки, свои обычаи, измѣненіе которыхъ зависѣло отъ настоятельницы и мѣстнаго епископа. Такой порядокъ вещей могъ быть и полезенъ, и вреденъ для благосостоянія монастырей. Все зависѣло отъ личныхъ качествъ и добросовѣстности настоятельницъ и мѣстнаго епископа, отъ котораго зависѣлъ выборъ настоятельницъ. При всей скудости нашихъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи женскихъ уніятскихъ монастырей, мы все таки можемъ сказать, что оно было довольно не завидное. Инокини, часто, безъ всякой нужды выходили изъ монастырей, бродили по міру, по нѣскольку лѣтъ проживали у родныхъ, или переходили въ латинскіе монастыри и не желали возвратиться въ свой

монастырь обратно (¹). Входъ въ монастырь часто открытъ былъ для людей всякаго званія и возраста и пола.

Для пресѣченія подобныхъ безпорядковъ и злоупотребленій соборъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

Въ монастырь ни кого не принимать раньше 15-ти лѣтняго возраста. Вновь поступившія находятся около года въ званіи *новиціушекъ* подъ надзоромъ особой ксени—начальницы новиціушекъ. О желающихъ принять постриженіе настоятельница монастыря даетъ знать мѣстному епископу за два мѣсяца до постриженія, чтобы онъ могъ узнать обстоятельно,—по доброй ли волѣ, или по принужденію онѣ поступаютъ въ монашество, что онъ долженъ дѣлать *тайно, наединѣ*. Каждая изъ новиціушекъ должна содержаться на свой счетъ, и при поступленіи въ монастырь должна представить извѣстную сумму (posag), обезпечивающую будущее ея существованіе въ монастырѣ. Эта сумма должна быть не меньше 15000 польскихъ злотыхъ, и ни въ какомъ случаѣ не должна оставаться у родителей и родственниковъ постриженницы. Въ противномъ случаѣ новиціушка не можетъ быть допущена къ иноческимъ обѣтамъ. За нарушеніе этого постановленія настоятельница лишается мѣста.

Воспрещается входъ въ монастырь лицамъ мужескаго пола, исключая врача, цирюльника и духовника, которые допускаются въ монастырь съ дозволенія настоятельницы. Инокиня, дерзнувшая ввести въ монастырь мущину, подвергается клятвѣ, отъ которой можетъ раз-

(¹) Mniszki, które podczas terazniejszych wojen (казацкихъ) u swojch krewnych mieszkaią, z których iest iedna u pp Brigidek na Wołyniu, a druga u Benedyktynek w Litwie, niechcą do klasztoru powrócić. Congreg. XVI. Brzeska (1638 г.) лис. 8.

рѣшить ее только святой отецъ т. е. папа. Такой же клятвѣ подвергаются и тѣ, которые сами войдутъ въ монастырь, или же будутъ приставать къ инокинѣ, вышедшей за монастырскую ограду.

Строго воспрещается выходъ изъ монастыря подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, развѣ будетъ угрожать монастырю крайняя опасность, пожаръ, зараза, нашествіе непріятеля и т. п., но и въ подобныхъ случаяхъ инокини не иначе оставляютъ свой монастырь, какъ по распоряженію и съ согласія мѣстнаго епископа. Продажа, покупки и разныя другія монастырскія нужды должны производиться чрезъ монастырскихъ служителей. Для сношеній и переговоровъ съ посторонними людьми въ каждомъ монастырѣ должна быть выстроена у монастырскихъ воротъ особая келія съ окномъ и желѣзною рѣшеткою на дворъ.

Настоятельница монастыря избирается самими же инокинями чрезъ тайную подачу голосовъ. Выборъ этотъ непремѣнно долженъ быть утвержденъ мѣстнымъ епископомъ (1).

Такимъ образомъ, женскіе уніатскіе монастыри, какъ до замостьскаго собора, такъ и послѣ собора, не составляли какой нибудь цѣльной, плотной корпораціи, (въ родѣ, напримѣръ, женскихъ латинскихъ орденовъ), проникнутой однимъ духомъ, однимъ стремленіемъ къ осуществленію въ своей жизни и дѣятельности извѣстной христіанской добродѣтели, или къ достиженію какой нибудь практической, благотворительной цѣли. Женскіе уніатскіе монастыри существовали почти безъ всякой цѣли, и никогда не принимали на себя выполненія

(1) Synod. Zamosc. Tytul XII. O mniszkach.

какой нибудь опредѣленной практической задачи. Даже и самый замостьскій соборъ не постарался опредѣлить цѣли и назначенія уніятскихъ базиліанокъ. Правда, онъ *дозволилъ* имъ заниматься воспитаніемъ и образованіемъ свѣтскихъ дѣвицъ, но не иначе, какъ за *деньги*, за извѣстную плату, которую каждая воспитанница должна была внести всю сполна въ началѣ года [1]. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи женскіе уніятскіе монастыри приносили обществу такую же пользу, какъ и частныя воспитательныя заведенія, въ которыхъ могли воспитываться *только люди достаточные*.

Наконецъ соборъ обратилъ вниманіе на недостатокъ образованія въ уніятскомъ обществѣ. Онъ постановилъ, чтобы въ каждомъ базиліанскомъ монастырѣ, въ которомъ живетъ не меньше 12 человѣкъ, непремѣнно была устроена школа для образованія, какъ молодыхъ иноковъ, такъ и для свѣтскихъ, желающихъ посѣщать эти школы. Для простаго же народа положено было возстановить, гдѣ только можно, такъ называемыя *парохіальныя* или приходскія школы, подъ надзоромъ приходскихъ священниковъ и благочинныхъ. Для приготовленія достойныхъ людей къ священническому званію соборъ постановилъ, чтобы каждый епископъ, если не можетъ основать въ своей епархіи семинаріи, то по крайней мѣрѣ высылалъ лучшихъ молодыхъ людей, особенно изъ священническихъ дѣтей, въ Львовскій папскій Коллегіумъ. Съ этою цѣлію базиліанскій протоархимандритъ съ консульторами пожертвовали на Львовскій коллегіа

(1) Panny, ktore będą się przyimować na wychowanie i cwiczenie do klasztorow, niemaią być inaczey przyimowani, tylko żeby wprzody zapłacono było za ich wiczy wychowanie, i to każdego roku. — Тамъ же.

умъ 40,000 злотыхъ. Всѣ епископы, присуствовавшіе на соборѣ, обѣщались содержать на свой счетъ въ разныхъ латинскихъ коллегіяхъ — кто по одному, кто по два, по три и даже по четыре воспитанника. Митрополитъ же объявилъ, что онъ уже выстроилъ у себя во Владимірѣ семинарію на шесть воспитанниковъ, за что и получилъ благодарность отъ сего собора (¹).

Соборъ кончилъ свои засѣданія разрѣшеніемъ разныхъ казуистическихъ вопросовъ въ церковной практикѣ. Акты соборныхъ постановленій были подписаны и отосланы въ Римъ на утвержденіе папы. Извѣстіе о всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ собора произвело необыкновенную радость въ римской куріи. Папа не могъ нарадоваться такимъ благопріятнымъ исходомъ собора. Онъ издалъ буллу, въ которой приказалъ, чтобы все, что только постановилъ замостьскій соборъ, служило отнынѣ *неизмѣннымъ правиломъ и руководствомъ для всей уніятской церкви.* Акты соборные по распоряженію конгрегаціи распространенія вѣры, были сначала напечатаны на латинскомъ языкѣ, а потомъ переведены Львомъ Киткою на польскій языкъ. (²).

(¹) Тамъ же. Tytul XV. O naukach i seminaryach y ich wystawieniu. Существовала ли на дѣлѣ владимірская семинарія или нѣтъ—неизвѣстно. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не встрѣчали слѣдовъ ея существованія. Объ ней ничего не говоритъ и Лукашевичъ въ своей исторіи школъ въ коронѣ и велик. кн. литовскомъ.

(²) Gdy Benedykt XIII o wszystkiem co w Zamosciu uchwalono było, zawiadomiony został, nietylko cały synod ten przez bullę swoję, a Congregacye, iedna do rozmnozenia wiary s., druga do tłumaczenia wyroków Trydentskich, zatwierdzić go przez swe dekreta chciały; ale nadto akta iego z roskazu pierwszey do druku podane i za iedyno prawidło całemu kosciołowi ziednoczonemu Ruskiemu przyznane zostały'—Ostrowski. Dz. i Praw. Kosc. Polskiego. T. 3. p. 307. — Булла эта и декреты

Что же сдѣлалъ замостьскій соборъ для бѣлаго уніятскаго духовенства? Какую реформу произвелъ въ его нравственномъ и матеріальномъ бытѣ? Никакой, или почти никакой. Вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта бѣлаго духовенства, о возвращеніи отнятой у него собственности, вовсе не былъ затронутъ, да и *некому* было его и затрогивать. Мы не знаемъ даже, были ль на этомъ соборѣ представители бѣлаго духовенства. По крайней мѣрѣ въ актахъ соборныхъ между подписавшимися нѣтъ ни одного свѣтскаго священника. Есть преданіе, что свѣтскій клиръ, призванный на этотъ соборъ, принужденъ былъ бѣжать съ собора до окончанія засѣданій (¹). Противъ распространившейся безнравственности и беспорядковъ въ свѣтскомъ клирѣ соборъ предписалъ довольно строгія правила нравственности и церковной дисциплины. Но что значили самыя строгія предписанія, когда оставался корень зла — невѣжество, нищета и отсутствіе всякой свободы и самостоятельности? Вообще состояніе бѣлаго уніятскаго духовенства послѣ замостьскаго собора, если не ухудшилось, то по крайней мѣрѣ нисколько не улучшилось. Базиліане съ этихъ поръ захватили въ свои руки еще большую власть надъ нимъ, стали еще больше давить его и притѣснять и въ нравственномъ и въ мате-

---

находятся въ актахъ соборныхъ, изданныхъ въ Римѣ на латинскомъ языкѣ.

(¹) Правда, въ актахъ соборныхъ, изданныхъ на латинскомъ языкѣ, есть множество подписей бѣлаго духовенства со всѣхъ уніятскихъ епархій подъ исповѣданіемъ вѣры; но въ одномъ историческомъ памятникѣ (какъ мы слышали отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія) говорится, что бѣлое уніятское духовенство, подписавшись подъ упомянутымъ исповѣданіемъ Вѣры и видя къ чему дѣло клонится, бѣжало съ собора до окончанія засѣданій, — „какъ гласитъ преданіе“ (jak niesie podanie).

ріальномъ отношеніи (¹). Слухи объ этомъ наконецъ дошли и до папы Бенедикта XIV, который вынужденъ былъ даже издать замѣчательное бреве или посланіе къ уніятскому митрополиту и епископамъ, прося ихъ *оставить хоть какія нибудь права за бѣлымъ духовенствомъ* и не отдавать базиліанамъ тѣхъ должностей, которыя, по распоряженію замостьскаго собора, могутъ и должны быть замѣщаемы свѣтскими священниками, какъ напримѣръ, должности оффиціяла и благочинныхъ. Бреве это было издано папою въ 1753 году т. е. чрезъ 23 года послѣ замостьскаго собора (²).

(¹) Вотъ замѣтка о замостьскомъ соборѣ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная на оберточномъ листѣ актовъ соборныхъ (въ польскомъ переводѣ), находящихся въ Публичной Библіотекѣ: Synod Zamoyski począł się w owych smutnych czasiech kraiowych tak co do polityki, iako tez fizyczney nieszczęśliwosci. Były to początki nieszczęsliwego letargu politycznego, ktory dostawszy się w następstwie i prawnukom zakonczył się okropną zagładą całego narodu. Panowała tez w owych czasiech zaraza morowa, pod ktorey ciosem tysiące ofiar legło. *Wzięto w ciśliejsze kluby duchowieństwo unickie, zbliżono go bardziey do łacinskiego*, niewiele iednak stąd korzyści urosło dla *ubóstwa i nieoświaty całego prawie kleru*. Z tego to podobno powodu *Bazylianie taką nad nim wzięli przemoc*, iż zaledwo w naszych czasiech (?) potrafił się z oney wydobyć. Jezeli zas zwierzchność bez braku będzie ordynować, znowu ten kler do owey nicości powróci, w ktorey tak długo zostawał.

(²) Вотъ это бреве: Benedykt papiez XIV. Szanowni Bracia!.. Was prosiemy, i do tego w Panu, iak naywilniey zachęcamy: abyście nadewszystko o *klerze świeckim*, za ktorego pomocy kler zakonny iest ustanowiony, *nayżywszą mieli staranność*; i ta raz przez Was powzięta, nieodmiennie była dopełniana. Wam zaiste przytomnym i widzącym lepiey i dokładniey iest wiadomo, niżeli nam od tych stron odległym, wszystkim was i sam skutek rzeczy przekonywa; iaka u was w *kapłanach świeckich iest nieuczoność*. Ta zaś, podług mniemania naszego nie z inney pochodzi przyczyny, iak tylko częścią z niedostatku nauczycielow ich oddawna księży, częścią zaś ztąd iż im *żadne urzędy niebywają powierzane*, częścią nakoniec, iż ci koło tych ktorzy są przełożonemi zakonny niemasz pilności i staranności, ktoraby ich zapędziła i dzielnie do podjęcia w nauce ćwiczeń trudów i nabywania istotnych kościelnych nauk, i pobudzać mogła. Y z tey to nieochybnie przyczyny, tudziez dla oddalenia i wyko-

Не знаемъ, на сколько пришлись въ сердцу это пастырское увѣщаніе папы уніятскіи іерархи, знаемъ только, что бѣлое духовенство находилось въ жалкомъ положеніи и въ началѣ XIX столѣтія (¹).

ОТДѢЛЪ IV.

ОТНОШЕНІЯ БАЗИЛІАНСКАГО ОРДЕНА КЪ ІЕЗУИТАМЪ.

Не много мы имѣемъ свѣдѣній о сношеніяхъ базиліанъ съ іезуитами; но эти свѣдѣнія тѣмъ драгоцѣнны для насъ, что они переданы самими же базиліанами и притомъ въ такихъ историческихъ памятникахъ, которые до-сего скрывались въ монастырскихъ архивахъ и

rzenienia tego wszystkiego szanowni bracia wasi, ktorzy z tak wielką gorliwoscią i zaletą narodu waszego, synod Zamoyski odprawili, na ses. 3 w tytulie 7 postanowili, aby kazdy biskup officiała miał z kleru swieckiego, iezeli między tymze klerem zdatny do tego urzędu znaydować się będzie. Poniewaz zaś każdy z was w swoiey diecezyi (są bowiem międzi wami którzy więcey maią katedralnych kosciołow), wielu utrzymywać iest obowiązany urzędnikow i officiałow, ktorych pomocy w rządzeniu należytym dyecezyi waszych i załatwianiu interesow uzywać moglibyście. Wy iednak, szanowni bracia, *zakonnikow bardziey* nizeli z *kleru swieckiego* na takowych urzędach mieć pragniecie, i takowe urzędy Zakonnikom daiecie... Chcemy wam w tym rzecz przełożyć, iż z *zaniedbania* kleru swieckiego umieiętnych w nim pochodzi niedostatek. Każdy bowiem z tego kleru traci ochotę, tudziez w gnuśność wpada i prozniactwo, gdy mu na myśl przychodzi, iż Zakonnicy zawsze takowe posiadaią urzędy, ktore każdy z nich, lubo niezaraz, lecz z czasem mogłby dokładnie utrzymywać i bydź do nich sposobnym. Niech więc to będzie pasterską waszą naprzód starannoscią, abyście wszelkiego w tym dokładali usiłowania, iżby młodzież narodu waszego z wileńskiego seminarium (папскій Алюмнатъ) po ukonczonych naukach wychodząca, niebyła napotem zaniedbana waszą... Dan w Rzymie 11 sierpnia 1753 r.

(¹) О такомъ положеніи бѣлаго духовенства въ началѣ XIX ст. и о притѣсненіяхъ его отъ базиліанъ свидѣтельствуетъ уже извѣстное намъ прошеніе на Высочайшее Имя брестскаго священника Алексія Тупальскаго.

едва ли извѣстны были кому нибудь изъ непосвященныхъ въ тайны ордена до 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Мы разумѣемъ акты базиліанскихъ конгрегацій.

Сношенія базиліанъ съ іезуитами начались очень рано, раньше даже 1617 года, т. е. раньше того года, въ который они выступили на поприще исторической дѣятельности, какъ правильно организованное общество. Эти сношенія не могли однако укрыться отъ бдительности православныхъ. Они подозрѣвали Руцкаго (когда онъ былъ еще архимандритомъ Виленскаго Троицкого монастыря), будто онъ намѣренъ отдать іезуитамъ Троицкій монастырь и ввести въ уніатскихъ монастыряхъ іезуитскій уставъ (regula) вмѣсто устава Василія Великаго (¹). Но это были одни только подозрѣнія, и Левъ Креуза, второй послѣ Руцкаго архимандритъ Троицкаго монастыря, смѣло отвѣчалъ въ 1617 году на эти подозрѣнія православныхъ, что вся связь базиліянъ съ іезуитами состоитъ только въ томъ, что они (базиліане), не имѣя своихъ школъ, посылаютъ своихъ членовъ въ іезуитскія коллегіи, точно также, какъ православные посылаютъ своихъ дѣтей не только къ іезуитамъ, но и къ протестантамъ (²). Креуза от-

---

(¹) Кояловичъ Литов. Церков. Унія. Т. 2. стр. 303 прим. 79.—Sieczedło Archimandryta (Виленскій) udawać pokątnie począł przed pany Burmistrzami i inszemi ludźmi, iakoby Jego Mć oyciec Metropolita (Поцѣй) przemyślał o zgubie i zniszczeniu religij ich greckiey; oyca Ruckiego, ktorego sam wcześnie postrzygał i z nim przez kilka lat żył, za łacinnika i kopłana kościoła Rzymskiego udawał, twierdząc, iż to przedsięwzięcie ego było, aby Cerkiew S-tey Troycy Jezuitom podał i regułę S. Bazylego w Jezuicką obrócił, y tym zamysłem mieszkanie w monastyrze S. Troycy zakonnikom murował, ktore aby do skutku swego nieprzychodziło fortylami roznemi przeszkadzał... Relacia... rozdział 3.

(²) Niektorzy w Wilnie maią nas w podeyrzeniu,—писалъ Левъ Креуза въ своей Obrona Jedności,—że z oycami jezuitami naśladamy, y w

части говорилъ правду, но только *отчасти* (¹). Онъ выставилъ только второстепенную и, можно сказать, безукоризненную цѣль сношеній базиліанъ съ іезуитами, и скрылъ самую главную, преступную цѣль. Какая же это цѣль?

Мы уже видѣли, какую широкую цѣль предназначилъ Руцкій уніатскому монашеству. Видѣли также и то, на сколько было способно тогдашнее монашество къ осуществленію этой цѣли. Это была мертвая масса людей, которая по словамъ Руцкаго, не способна была понять и оцѣнить важности и благодѣтельности предпринятой имъ реформы, и еще менѣе была способна къ той широкой дѣятельности, къ выполненію той трудной задачи, которую предназначилъ ей Руцкій (²).

---

tym sprawą taką o sobi dajemy: sam rozum przyrodzony uczy człowieka, iesli mu czego potrzeba a nie ma doma, szukać u sąsiada, potrzeba iest nauki braci naszey zakonney dla rozmnozenia chwały Bozey, doma iey iescze mieć niemozemy, coz zadziw kiedy ponie chodzimy, do tych, ktorzy ią maią, a do sąsiad swoih tegoż miasta obywatelow, Braci naszey, nie do nieprzyiaciol. Nietak iako drudzy co nas strofuią, ktorzy do szkoły swoiey nabywaią Miętrzów z Gdánska, z Królewca, z Zbory, z Wilna, i tym poruczaią miłe dziatki swoie.— Kreuza, obrona jednosci, p. 105.

(¹) Что цѣлью первыхъ сношеній базиліанъ съ іезуитами было не *одно только* желаніе учиться *гдѣ-н-у кого-нибудь*, этого не могъ не знать Левъ Креуза. Онъ издалъ свое сочиненіе—Obrona jednosci—какъ разъ въ тотъ годъ—(1617 г.), когда базиліане имѣли свой первый съѣздъ или конгрегацію, на которой безъ сомнѣнія присутствовалъ и самъ Креуза, и слѣдовательно, не могъ не знать того, что говорили здѣсь базиліане объ этомъ предметѣ. А они вотъ что говорили... Zakon (т. е. базиліанскій орденъ) poprawić sie inaczey niemoze, żeby im w przod dana była edukacya y cwiczenie zakonne, tak w duchu, iako y w naukach; dla czego obie te rzeczy było staranie z skutkiem naprzód u oycow karmelitow Bosych, w Krakowie, ale to do uzywania nieprzyszło, *dla tego iż co innego nam potrzebnieyszego prowidencya Boska opatrzyla.* Przeto na nauki otrzymało się mieysce od oycow jezuitow. Congreg. 1 Nowogrodowicka. Ses. I. N. 7.

(²) Mówił do nas (Rucki)... że ledwie z oycow był ktory by się

Чтобы оживить эту мертвую массу, Руцкій рѣшился привнесть въ нее новый живой и кипучій элементъ, — элементъ латинско-іезуитскій. Руцкій самъ воспитавшійся у іезуитовъ, хотѣлъ также, чтобы и основанный имъ уніатскій орденъ былъ также воспитанъ іезуитами, пропитался ихъ духомъ и дѣйствовалъ съ ними за-одно. Съ этою цѣлію онъ велъ переписку съ іезуитскимъ провинціаломъ, въ которой, между прочимъ, просилъ выслать на первую базиліанскую конгрегацію опытнѣйшихъ и ученѣйшихъ іезуитовъ, которые бы присутствовали на этой конгрегаціи въ качествѣ совѣтниковъ и руководителей, и еще двухъ въ наставники новиціата (¹). Провинціалъ нетолько высылалъ ученѣйшихъ докторовъ и магистровъ богословія, но и дозволилъ имъ учиться въ іезуитскихъ школахъ — въ Калишѣ, Пултускѣ, въ Брунсбергѣ и въ Вильнѣ. Іезуиты до того умѣли обворожить базиліанъ, что они рѣшились заключить съ ними (іезуитами) тѣснѣйшій союзъ и дѣйствовать за-одно. Союзъ этотъ заключенъ былъ въ 1621 году, т. е. чрезъ четыре года отъ основанія базиліанскаго ордена (²). Іезуиты были въ

---

ięszeze nanami niebawił, teraz zas na dalszy czas odkładać niepodobna..., dla tego iż niektorzy z nich mieli swoię *trudnosci y wątpliwosci*, niewiedząc co *zà porządek potym ma być w zakonie* naszym, niektorzy mieli *wątpliwosci w regułach* zakonnych, niektorzy trwożyli się niewiedząc doiakowego *końca* ma przyść *taki porządek zakonu naszego*, inszym insze na pamięć w życiu y sprawach ich przychodziło rozmyslanie, trudność czyniące.... Congreg. I Nowogrodowiska, ses. I. N 7.

(¹) Zebysmy dostatecczą wiadomość mieli o tym, co się w innych zakonach porządnych dzieje, otrzymał Jmść (Руцкій) usilną prozbą swoią u prowinciała oo. jezuitow, zeby do tey sprawy naszey zesłał nam dwuch głównych Theologow, ludzi dobrze w duchu cwiczonych a naszemu nabozenstwu pszychilnych, których uzylismy, zeby pszy kazdey sessyi naszey byli.... Тамъ же, ses. I. N. 5.

²) Congr. II. Lawriszowska.—Wiadomo niech będzie wszystkim bra-

восторгѣ. Въ своемъ союзѣ съ базиліанами іезуиты видѣли одно изъ лучшихъ средствъ къ полному сближенію уніи съ латинствомъ. По этому-то такъ охотно посылали они своихъ наставниковъ въ базиліанскія школы и новиціаты, и съ такою же охотою принимали въ высшія свои школы базиліанскихъ воспитанниковъ, и притомъ большею частію безплатно. А извѣстны плоды іезуитскаго образованія. Стоило только пробыть два-три года въ іезуитской школѣ, чтобы потерять любовь и уваженіе къ своей родинѣ, отречься отъ прежнихъ вѣрованій и убѣжденій, и сдѣлаться, по крайней мѣрѣ въ душѣ, по убѣжденію, истымъ католикомъ — фанатикомъ. Тоже самое случилось и съ базиліанами. Они забыли настоящее свое происхожденіе, забыли свой родной языкъ, лучше знали латынь и *польщину* (польскій языкъ), чѣмъ русскій языкъ, такъ что въ концѣ XVII столѣтія трудно было найти даже хорошихъ переписчиковъ славянскихъ рукописей, и одинъ изъ лучшихъ людей между базиліанами этого времени долженъ былъ *пропѣть вѣчную память Руси* (¹). А по вѣрѣ и убѣжденіямъ религіознымъ, базиліане въ началѣ XVIII столѣтія были настоящіе латиняне. Не вдругъ однако произошелъ въ базиліанахъ этотъ нравственный переворотъ. Въ базиліанахъ стараго поколѣнія (т. е. поколѣнія, перешедшаго изъ православія въ унію) еще до-

---

ci naszym, ze dla lepszego y skuteczniejszego postępu w rzeczach naszych obieramy w towarzystwo y pomoc zakon S. Ojcow Jezuitow, do ktorych przewiel. Generała imieniem całego zgromadzenia naszego pisalismy listy o tym oznaymuiąc y o to prosząc; o tym wiedząc bracia nasi niech się staraią wszystkim miłość, zgodę y benewolencią onym czynić y swiadczyć iako wspoł-braci swoim, aby rozumieli nas *nie imieniem, ale rzeczą samą z niemi bydź złączonemi*, y dobrze im sprzyiaiącemi...

(¹) „Поминнікъ" Samuel Pilichowski.

вольно крѣпка была привязанность къ преданіямъ старины, къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ отцовъ и дѣдовъ. Они не разъ давали взаимную клятву другъ другу и обѣщаніе заботиться о сохраненіи единства вѣры, обычаевъ и обрядовъ восточной церкви [1], и объ искорененіи латинскихъ обрядовъ и церемоній, вкравшихся въ уніятскую церковь [2]. Римскаго папу базиліане начали поминать только съ 1661 года и то для избѣжанія нареканій и упрековъ со стороны латинянъ [3]. Не вдругъ также и іезуиты стали злоупотреблять довѣренностію къ себѣ базиліанъ и попирать ихъ священные обычаи и вѣрованія. По крайней мѣрѣ до 60-хъ годовъ XVII столѣтія не встрѣчаемъ никакихъ жалобъ на іезуитовъ со стороны базиліанъ.

Не долго однакожъ могли оставаться іезуиты въ такомъ *неестественномъ*, *натянутомъ* положеніи. Рано или поздно ихъ іезуитская натура должна была такъ или

---

(1) Congreg. Rucka 1623. ses. 5.

(2) Вотъ постановленіе Виленской Конгрегаціи 1650 г.: Poniewaz od niektorych naszych zakonnikow... wniosły się abusus w odprawowaniu służb Bożych czytanych, w ktòrych ceremonij niepotszebnych *accomoduiąc się ceremoniom Rzymskiego mszału zazywaią.* Przeto zakazuiemy kazdemu starszemu y wizitatorowi aby te *wszystkie abusus wykorzenili* y niedopuszczali onych zazywać confirmując się do *starodawnych ceremonij Greckiego nabożenstwa*, w czym iezeliby niebyli posłuszni, surowie wszyscy maią byé karani. Ses. 6.

(3) Przełożył Jmść Ep. Chełmski (Як. Суша) całey Congregacyey y perswadował, aby starodawny u grekow zwyczay, ktòrego ieszcze przed oderwaniem się Grekow od Naywyzszego Pasterza Rzymskiego zażywano y na słuzbie Bożey imie Jego... wspominano, był wznowiony... Потому что многie naszych rzeczy y ceremonij niewiadomi, dla czegobyśmy przy słuzbach Bożych y inszych nabożenstwach naszych oyca S-go niewspominali, częstokroć nie bez posądzenia dziwowali się tedy y niepotrzebne ludzkie opinie cale zniesione będą, gdy iawnie Oyca S. wspominać będziemy... На сторонѣ замѣчено: *pierwszy raz poczęto wspominać Oyca S. pod czas słuzby Bozey na przenosie etc*... Congreg. XIV. Zyrowicka (1661 г.). Ses 7.

иначе обнаружиться. Не въ характерѣ іезуитовъ было терпѣть подлѣ себя людей, расходящихся съ ними не только въ религіозныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но даже въ обычаяхъ церковныхъ и обрядахъ. И дѣйствительно, они скоро доказали базиліанамъ, что дружба, уваженіе къ личности и другія священныя права ближнихъ—для нихъ пустѣйшія слова, что унія для поддержанія которой они заключили союзъ съ базиліанами, не можетъ и не должна существовать, какъ отдѣльное самостоятельное вѣроисповѣданіе, а непремѣнно должна слиться съ латинствомъ. Такой поворотъ іезуитской политики въ отношеніи къ базиліанамъ начался со второй половины XVII столѣтія. Съ этого времени они открыто стали совращать въ латинство не только мірянъ—уніатовъ, но и самихъ базиліанъ, которыми наполнены были въ это время іезуитскія школы и папскіе *аллюмнаты*, также находившіеся въ вѣденіи іезуитовъ. Мѣры къ совращенію были слѣдующія: Прежде всего іезуиты старались внушать базиліанскимъ воспитанникамъ презрѣніе и отвращеніе къ обрядамъ уніятской церкви. Съ этою цѣлію они всегда старались отыскать какую нибудь комическую сторону въ уніятскомъ богослуженіи, которую тотчасъ же выводили на сцену своихъ религіозно-театральныхъ представленій; не позволяли базиліанскимъ воспитанникамъ ходить въ уніятскія церкви, заставляли ихъ исповѣдываться и причащаться у латинскихъ патеровъ (¹). Если и эти гу-

(¹) Wniesli oo. nowogrodzcy na congregacyą, iż Ichmość. oo. societatis Iezu, którzy młodź na unitow w szkołach swoich cwiczą do spowiedzi y kommunij do siebie przywodzą y w niedziele iako tez w insze swięta nasze bywać w cerkwi zakazuią przez co unitowie malicią (?). A syzmatycy w błądzie swoim confirmuiąc się, iakoby unitowie umyslnie z swię-

манныя, по мнѣнію іезуитовъ, мѣры не имѣли желаннаго успѣха, то прибѣгали къ другимъ болѣе суровымъ мѣрамъ, — къ насилію и нравственному униженію. Такъ напримѣръ, отводили базиліанскимъ воспитанникамъ самыя худшія помѣщенія, давали имъ самую скверную пищу или даже морили голодомъ, одѣвали ихъ въ лохмотья и заставляли исполнять самыя низкія въ школѣ должности, напримѣръ чистку отхожихъ мѣстъ, прислуживаніе свѣтскимъ іезуитскимъ воспитанникамъ изъ благородныхъ польскихъ фамилій и проч. и проч. и что всего хуже, іезуиты такъ поступали не только съ свѣтскими базиліанскими воспитанниками, но и съ монахами, имѣвшими священый санъ (¹).

Такое безчеловѣчное обращеніе іезуитовъ съ базиліанскими воспитанниками вызвало со стороны базиліанъ сильный протестъ. Они жаловались на іезуитовъ папскому нунцію и самому папѣ, отъ лица цѣлой конгрегаціи, созванной въ 1666 году папскимъ нунціемъ по дѣлу незаконнаго избранія митрополита Коленды въ

---

tym Rzymskim kościołem dla tego złączyli się aby o Ruś niedbaiąc, onę wyniszczyli, przetoż nomine congregationis do Ich Mści Oycow Soc. Iezu pisać nakazano, aby młodź naszą do spowiedzi y communii zakonnikow naszyh, jako też y w święta do cerkwi naszey odsyłali, a karteczki tylko świadczenie o spowiedzi według dawnego Ich Mść między nami zwyczaiu od naszych spowiednikow brali. — Congreg. XIV. Zyrowicka, 1661 r. ses. 9.

(¹) Skarżyli się (папскому нунцію) wszyscy zakonnicy prałaci y Biskupi o to, iz W. O. Iezuici w Alumnatach Nast. Pana naszego w krolewstwie polskim zostaiących zakonnikow naszych, by też w stanie kapłanstwa zostających bardzo *szpetnie traktuią*, utrapiaią y opprymuią, ludziom familiey szlacheckiey a podczas y senatorskiey *podłe y smrodliwe czynić usługi rozkazuią* niebez wstydu stanu zakonnego y kapłanskiego y z posmiewiskiem swieckich społalumnatow, oprocz tego bardzo mizerny wikt daią, bardzo mizernie odziewaią. Congreg. XVI Brzeska. 1666 r. ses. 2.

протоархимандриты,—жаловались особенно на то, что іезуиты не принимали въ высшія свои школы тѣхъ изъ базиліанъ, которые безъ воли своего начальства не хотѣли давать присяги, изданной конгрегаціею распространенія вѣры 1660 года для воспитанниковъ папскихъ алюминатовъ, отъ которой просили нунція уволить всѣхъ базиліанъ, для могущихъ произойти въ орденѣ безпорядковъ ([1]). Жаловались наконецъ и на то, что іезу-

---

([1]) Co się tyczy nauk i alumnatow, говорили базиліане папскому нунцію на его упреки, будто базиліане мало заботятся о своемъ образованіи,—chcielismy posłać do niego (въ Виленскій Алюмнатъ) czterech młodzi aby się w wyzszych naukach cwiczyli, ale W. O. Jezuici przypuscić żadną miarą niechcieli, osobliwie ze muwili iz niezwykli przymować alumnow do szkoł wyzszych, lubo swieckich pszyieli, y osobliwie obligowali *do przysiąg sacrae congregationis propag. Fide wykonania*, y dla tey przyczyny w Brunsbergu w Prusiech iednego Phisiki, drugiego Theologij słuchaiącego studentow y zakonnikow naszych w połtora lata z alumnatow wyslali, dla tego iż bez wiadomosci swoich przełozonych *przysięgi wykonać niechcieli*, w ktorey materyi wszyscy supplikowali do Jasn. W. Nuntiusza Apost., aby do s. Congregacyey supplikował, a żeby od tey przysięgi zakonnicy uwolnieni byli, bo oprocz innych inconviencyi mogł by ktory z zakonnikow tak obowiązanych głowy niespokoyney turbować zakon, trapić starszych, muwiąc że iest excipowany od posłuszenstwa starszych, *y iako missionarz ma dependencyą od s. Propag. Fide*. Тамъ же.

Чтобы понять—о какой тутъ присягѣ идетъ дѣло, нужно знать, что незадолго предъ тѣмъ, въ 1660 г., папа Александръ VII издалъ буллу, по которой всѣ воспитанники папскихъ алюмнатовъ, къ какому бы народу, званію и состоянію они не принадлежали, обязывались давать клятву *до конца своей жизни служить апостольскому престолу* (perpetuo quood vixerint, in quocunque statu, sedis Ap. servitio fuisse....) и „какъ папскіе миссіонеры, должны во всемъ зависѣть отъ одной только Конгрегаціи Распространенія Вѣры". Вотъ форма присяги, приложенная къ папской буллѣ:

Ego N. Filius N. Dioeceis N. plenam habens instituti hujus collegii notitiam legibus et constitutionibus ipsius, quas juxta superiorum explicationem amplector, me sponte subjicio, easque pro posse observare promitto. Insuper spondeo et juro, quod dum in hoc collegio permanebo, et postquam ab eo quocunque modo, sive completis, sive non completis studiis exiero, nullam Religionem, societatem, aut congregationem regu-

иты препятствуютъ распространенію базиліанскаго ордена, не только отклоняютъ свѣтсткую молодежь отъ поступленія въ базиліанскій орденъ, но даже и самихъ базиліанъ, особенно новиціушовъ, стараются заманить въ свое общество (¹). Слѣдствіемъ этихъ жалобъ было только то, что по распоряженію нунція въ 1712 году былъ обнародованъ по всей Юго-западной Россіи декретъ конгрегаціи распространенія вѣры, запрещающій *русинамъ, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, переходить въ латинскій обрядъ*, — изданный еще въ 1624

---

tarem sine speciali Sedis Apostolicae licentia, vel sac. congregationis de Propaganda Fide ingredior, neque in earum aliquam professionem omittam. Spondeo pariter, et juro, quod volente sacra congregatione de Prop. Fide statum ecclesiasticum amplectar, et ad omnes sacros, etiam Presbiteriatus ordines, cum superioribus visum fuerit, promovebor. Item voveo et juro, guod sive religionem ingressus fuero, sive in statu saeculari permansero, si intra fines Europae fuero, quolibet anno, si vero extra, quolibet biennio, mei ipsius, meique status, et exercitij, et loci ubi moram traxero, sacram congregationem de Prop. Fide cerciorobo. Voveo preterea, et juro, quod jussu praedictae congregationis de Prop. Fide sine mora in provinciam meam revertor, ut ubi perpetuo in divinis administrandis laborem meum, ac operam pro salute animarum impendam, quod etiam praestabo, si cum praedictae sedis licentie Religionem, societatem, aut congregationem regularem ingressus fuero, et in earum aliqua professionem emissero.

Denique voveo et juro me praedictum juraméntum ejusque obligationem intelligere... juxta declarationes factas a s. congregatione de Prop. Fide et Brevi Ap. roboratas sub die 20 Iulij 1660. Sie me Deus adjuvet, et haec S. Dei Evangelia.

(¹) WW. OO. (іезуиты) młodź Ruską, ktorą nasz zakon napelnić się mogl, od nabożenstwa greckiego do łacinskiego ròżnymi sposobami, ktòrych się czynić niegodzi, *jako to nasmiewaniem się z s. naboženstwa greckiego*, pociągaią insczych luboby do naszego zakonu wstąpić chcieli do swego odwabiaią. Tak też postępuią z szlachtą, mieszczany ruskiemi y innemi ludzmi tegoz nabożenstwa ròżnego stanu, aby do lacinnikow przeszli, przeciw wyraznym decretom s. congregacyi od Urbana VIII aprobowanym, ktore aby były odnowione od s. stolicy, y żeby były promulgowane po Litwie y Polszcze a oraz pod karą klątwy obserwowane upraszali. Congreg. XVI. Brzeska. 1666 r.

году и, неизвѣстно почему, остававшійся не обнародованнымъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія ([1]).

Такимъ образомъ союзъ базиліанъ съ іезуитами, заключенный въ 1621 году, не долго существовалъ—почти полстолѣтія. Но и въ это короткое время іезуиты успѣли сдѣлать свое дѣло: для нихъ достаточно было и того, что базиліане пропитались ихъ духомъ, вездѣ и во всемъ старались подражать ихъ образу дѣйствій, и что всего важнѣе, стали распространять такую унію, какой только могли желать іезуиты,—не ту унію, которая была принята на брестскомъ соборѣ 1596 года, а унію временъ замостьскаго собора. Прочный союзъ между базиліанами и іезуитами во всякомъ случаѣ не

([1]) Объ этомъ декретѣ мы упоминали выше. По распоряженію папскаго нунція въ Польшѣ, декретъ этотъ былъ обнародованъ въ Литвѣ въ 1712 г. виленскимъ латинскимъ епископомъ Константиномъ Бржостовскимъ. Вотъ окружное посланіе къ паствѣ Бржостовскаго: Konstanty Kazimierz Brzostowski etc. Gdy kłutnie wszelkie załatwiane a nie pomnażane bydź powinny, Nayias. Pan nasz słodkiego wspomnienia Urbana VIII, zostawszy uwiadomionym, iz pomiędzy łacinskiego i greckiego ziednoczonego obrządku ludzmi, częste wczynaią się niechęci i niezgody, z przyczyny przechodzenia z obrządku do obrządku, tym zaś niechęciom chcąc aby przez oycowską jego troskliwość i staranność zapobieżono zostało: wydał swoie breve, ktorego treść iest następuiąca (слѣдуетъ самый текстъ бреве Урбана VIII, отъ 1624 г. 7 Февр.). Ktòre breve ponieważ dla buźliwych czasow dostatecznie niezostało ogłoszone, a przeto niewiadomych nieobowiązywało, J. W. Nuncyusz Apost..., na żądanie Metropolity Ruskiego i innych ziednoczoney Rusi prałatow, toz breve z cieniow starożytnosci wydobyte do nas przesłał, aby ogłoszone zostało. Czemu czyniąc zadosyć, ninieyszym listem naszym wzmiankowane Breve ogłaszamy, upominaiąc wszystkich i kazdego z osobna duchownych, tak swieckich iako i zakonnych, aby Grekow-Unitow zswego obrządku do łacinskiego przeyść żądaiących, odtąd pod żadnym pretextem nieprzyimowali, a tym bardziey onychże sposobami zakazanemi, do przeyscia z swego obrządku namawiać i nakłaniać nieważyli sie, owszem izby nauczali, iż obrządek od obrządku tylko w niektorych ceremoniach iest rożnym. Dan w Wilnie R. 1712, dnia 14 stycznia. Bulle, Brevia y list. okol. p. 28. прим.

могъ долго существовать. Какъ невозможна дружба между двумя лицами, изъ которыхъ каждое стремится подчинить себѣ другое, такъ точно невозможенъ прочный союзъ между двумя обществами, стремящимися къ господству другъ надъ другомъ. Или одно изъ нихъ должно подчиниться другому, или же разойтись и дѣйствовать порознь. И дѣйствительно характеръ позднѣйшей вражды базиліанъ съ іезуитами показываетъ, что оба эти общества, по духу, по цѣлямъ, къ которымъ они стремились, составляли одно царство, но царство *раздѣлившееся на ся*.

ОТДѢЛЪ V.

Базиліанскія школы.

Одною изъ важнѣйшихъ заботъ Руцкаго, какъ дѣятеля уніи, была забота объ образованіи уніятскаго общества. Это великое дѣло онъ поручилъ основанному имъ базиліанскому ордену. Съ этою цѣлію онъ еще въ 1607 году основалъ въ Вильнѣ первую базиліанскую школу при Троицкомъ монастырѣ, въ которомъ онъ былъ въ это время архимандритомъ ([1]). Дальнѣйшее развитіе школъ Руцкій предоставилъ самимъ базиліанамъ. Эта обязанность лежала главнымъ образомъ на протоархимандритѣ, который долженъ былъ заботиться, какъ объ умноженіи числа школъ и учениковъ, такъ и о средствахъ содержанія. Въ распространеніи школъ и въ умноженіи числа учащихся въ нихъ базиліанъ видѣли одно изъ лучшихъ средствъ къ увеличенію числа сво-

([1]) Литов. Церк. Унія, г. Кояловича. Т. 2. стр. 67.

ихъ членовъ и распространенію своего вліянія на общество (¹).

Первыя базиліянскія школы основывались главнымъ образомъ при новиціатахъ. Въ этихъ школахъ воспитывались исключительно базиліянскіе новиціуши, т. е. молодые люди, готовившіеся къ монашескому пострижденію (professya). Вся наука въ этихъ школахъ состояла въ знакомствѣ ихъ съ церковными обрядами и церемоніями и въ изученіи латыни (²). Мало по малу базиліане начали открывать свои школы и при другихъ монастыряхъ и притомъ не для однихъ только новиціушовъ, но и для свѣтской молодежи. Таковы напримѣръ были школы въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Луцкѣ, Жидачикѣ и Хелмѣ, въ которыхъ преподавалась философія (studia filosofiecne); въ Свѣжнѣ, Шепловѣ, Доброшилѣ и Лавровѣ, гдѣ преподавалось догматическое и моральное богословіе (studia dogmatyezney i moralney theologii) и наконецъ въ Львовѣ, гдѣ преподавалось умозрительное или созерцательное богословіе (theologia spiculativa). Высшихъ публичныхъ школъ въ XVII и даже вь началѣ XVIII столѣтія базиліане еще не имѣли, и принуждены были высылать лучшихъ своихъ воспитанниковъ въ іезуитскія коллегіи и папскіе аллюминаты (³). Главною причиною такого медленнаго развитія и вообще низкаго

(¹) Пусть всѣми мѣрами заботится протоархимандритъ, сказано въ правилахъ протоархимандричихъ, о распространеніи школъ, sciens hunc esse unicum efficacissimumque modum ordinis nostri propagandi. Regulae protoarhimandrytae. Cap. IV. De scholis. Reg. II.

(²) In schola magistri id diligenter attendent, ut bene perfecteque discipuli addiscant linguam latinam, ita ut loqui scribereque latine sciant. Тамъ же.

(³) Lukaszewicz. Hist. Skol w Kor. i W. X. Lit. T. 1. p. 354.

состоянія базиліанскихъ школъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка было, съ одной стороны, соперничество іезуитовъ, которые гдѣ ни появлялись, вездѣ старались переманить въ свои коллегіи учащуюся въ базиліанскихъ школахъ молодежь ([1]); съ другой почти безпрерывныя войны, которыя вела Польша то съ Шведами, то съ Россіею и казаками и отъ которыхъ всего больше страдали базиліане ([2]).

Особенное развитіе получаютъ базиліанскія школы во второй половинѣ XVIII-го столѣтія со времени изгнанія іезуитовъ изъ Литвы и Польши и учрежденія такъ называемой „комиссіи народнаго просвѣщенія“ (Kommissia educacyina) (1775). Съ этого времени базиліане играютъ такую же роль въ исторіи общественнаго образованія въ югозападной Россіи, какую играли ихъ учители іезуиты въ XVII-мъ и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія. Замѣчательнѣйшія базиліанскія школы въ разсматриваемую нами эпоху были при слѣдующихъ монастыряхъ.

([1]) Aby studia philosophica et minora w Zyrowicach contynowali się, ktorym że chcą pszeszkodzić Rv. PP. societatis Jezu introducti recenter do Słonima ut obicem ponant... Congreg. Bialska 1709 r. ses. 6. № 2.

Muvił Jas. W. Arcybis-Metropolita (Коленда) iź i w tym krzywda od WW. OO. (іезуитовъ) zakonowi swemu y Jednosci dzieie się, że w Minsku w *miescie ruskim*, gdzie prawi centrum iest Rusi Unitow zmieszanych z schizmatykami OO. WW. niewiedzić jakim duchem wzruszeni szkoły tego roku wystawnią y szkołom zakonnikow unitow przeszkodę czynią... Congr. XVI. Brzeska 1666 r. ses. 1.

([2]) Tamże (въ Минскѣ) było wzniecono seminarium Rusi kosztami niegdy Nast. Urbana VIII, WW. Lit. Panow y wszystkich Biskupow Russiey gorliwą uczyniono contribucią, y iuż te seminarium pięknie postępowało. Ale za invizyą Moskwy na Litwę y miasto Minsk, klasztor z szkołami y z seminarium ogniem, prochem i minami iest zniszczony y rozwalony... Тамъ же.

I. Въ Вильнѣ, при Троицкомъ монастырѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи этого монастыря. Основаніе Троицкой церкви относится къ временамъ литовскаго князя Ольгерда. Супруга этого князя, Юліанія Витебская княжна, построила деревянную церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пострадали три виленскихъ мученика — Антоній, Іоаннъ и Евстафій. Въ 1514 году князь Константинъ Острожскій выстроилъ здѣсь каменную церковь вмѣстѣ съ монастыремъ. Въ 1605 году церковь эта съ монастыремъ отнята была у православныхъ Ипатіемъ Поцѣемъ и передана во владѣніе Руцкому, который, какъ мы видѣли выше, производилъ здѣсь первые опыты надъ планомъ устройства базиліанскаго ордена. Руцкій подарилъ этому монастырю имѣніе *Руту*, которое впослѣдствіи замѣнилъ на *Свираны*, находившіеся не далеко отъ Вильно. Въ 1625 году Евстафій Корсакъ Голубицкій записалъ на монастырь имѣніе Острово; въ 1626 году Левъ Сапѣга, воевода виленскій,—Бѣличаны. Въ томъ же году монастырь пріобрѣлъ на свои средства Моречь и Мѣдники или Бялозоровщину. Въ 1750 году Гавріилъ Доминикъ графъ Шапковскій-Саванѣвскій записалъ на этотъ монастырь имѣніе свое Шапкополе или Войчаны, съ тѣмъ, чтобы на доходы съ этого имѣнія базиліане воспитывали четырехъ бѣднѣйшихъ шляхтичей (1). По просьбѣ Руцкаго, Владиславъ IV-й уничтожилъ здѣсь архимандритство. Съ этихъ поръ настоятели монастыря

(1) Wilno, Kraszewski. T. 3. стр. 60. Lukaszewicz, Hist. szkoł w Kor. i W. X. Lit. T. 4. стр. 267.

имѣли только номинальный титулъ архимандритовъ, то-есть не имѣли права пользоваться доходами съ монастырскихъ имѣній (1). Однако, впослѣдствіи, многіе изъ уніатскихъ епископовъ разными путями получали отъ польскихъ королей привилеи на виленскую архимандрію, каковы напримѣръ Варлаамъ Козинскій, архимандритъ пинскій, Мартіанъ Бялозоръ, архіепископъ полоцкій, Антоній Жолкѣвскій, епископъ пинскій и туровскій (2). Базиліане сильно протестовали противъ этихъ привилеевъ, завязали даже цѣлую полемику по этому предмету (Obrona Klasztoru Wil. Congr. Nowogr. 1703 r. ses. 1.). Троицкіе базиліане такъ часто и такъ настоятельно требовали уничтоженія титула виленской архимандріи, что конгрегація 1709 года, удовлетворяя ихъ просьбѣ, постановила, чтобы они больше никогда не напоминали объ этомъ предметѣ (3).

Виленскіе базиліане имѣли только низшую школу, въ которой преподавалось умозрительное богословіе (studium theologiae speculativae) для новиціушовъ. Съ 1750 года по волѣ упомянутаго выше Гавріила Доминика Шанковскаго виленскіе базиліане содержали еще конвиктъ для *четырехъ* бѣднѣйшихъ шляхтичей (pawperow). Для дальнѣйшаго образованія виленскіе базиліане посылали своихъ учениковъ въ папскій аллюминатъ въ Вильнѣ.

Аллюминатъ этотъ основанъ въ 1595 году по хода-

---

(1) Czytano przywiley od Krola Jmsc wyprawiony na archimandryą Wilenską tego z oycow ktoregoby zakon podał do lat czterech... Congr. VI. Wilenska 1636 r. ses. 9.

(2) Congreg. XIV. Zyrowicka 1661 r. ses 6. Congreg. XXVI. Bytenska 1698 r. Wilno, Kraszewski. T. 3. стр. 96.

(3) Congregac. Wilenska 1709 r. ses 6.

тайству Александра Кемулея викентатора виленской епархіи. Въ виленскомъ аллюминатѣ содержалось 20 воспитанниковъ изъ литвиновъ, на счетъ мѣстныхъ духовныхъ суммъ, находившихся въ распоряженіи папъ (1). Наставники этого заведенія назначались папами большею частію изъ туземцевъ, воспитывавшихся въ Римѣ въ греко-унитской коллегіи. Благодаря тому обстоятельству, что наставники въ аллюминатѣ были большею частію изъ туземцевъ, направленіе аллюмината было нѣсколько отлично отъ направленія, господствовавшаго въ тогдашнихъ іезуитскихъ школахъ, — то-есть было болѣе сообразно съ духомъ времени и потребностями народа. По крайней мѣрѣ, такой дѣлаетъ отзывъ о виленскомъ аллюминатѣ одинъ изъ современныхъ намъ литовцевъ, какъ видно, очень коротко знакомый съ исторіею этого заведенія (2).

Въ 1773 году виленскій аллюминатъ, находившійся доселѣ въ вѣденіи іезуитовъ, отданъ былъ въ распоряженіе базиліанъ. Въ скоромъ времени базиліане успѣли затянуть довольно значительные долги на этомъ заведеніи (60,000 польскихъ злотыхъ) подъ тѣмъ предлогомъ, будто изъ Рима не высылались деньги на содержаніе воспитанниковъ, и потому просили папскаго нунція въ Литвѣ закрыть аллюминатъ. Въ 1799 году аллюминатъ дѣйствительно закрытъ, домъ проданъ, а вырученная сумма (9,000 злотыхъ польскихъ) обращена на Лаври-

(1) Jaroszewicz. Obraz Litwy. T. 4. p. 93.

(2) Протоіерей Янковскій. „Преподаваніе богословско-философскихъ наукъ, составлявшихъ програму Алюмната, говоритъ о. Янковскій, смотря по времени, было очень удовлетворительно, и далеко чуждо той узкости взгляда и фанатической односторонности, коими страдали подобныя заведенія, почти исключительно заправляемыя іезуитами“. Лит. Епарх. Вѣд. 1863 г. № 6.

монскую семинарію. Вскорѣ, однако, оказалось, что долговъ на заведеніи никакихъ не было, а базиліане просто не хотѣли заниматься образованіемъ духовнаго юношества изъ *свѣтскаго клира* (¹).

II. Школа и монастырь въ Березвечьи (²).

Березвецкій монастырь въ воеводствѣ полоцкомъ, нынѣ виленской губерніи, основанъ въ первой половинѣ XVII-го столѣтія Іосифомъ Корсакомъ, воеводою мстиславскимъ. Это былъ одинъ изъ богатѣйшихъ базиліанскихъ монастырей, имѣлъ много приписныхъ деревень и мѣстечекъ и долгое время былъ резиденціею протоархимандритовъ. Монастырь этотъ, однако, не содержалъ общественныхъ школъ до учрежденія „комиссіи народнаго просвѣщенія.“ Эта комиссія заставила березвецкихъ базиліанъ открыть низшую школу, раздѣленную на три класса. Школа эта существовала до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Подобная же школа существовала и при борунскомъ монастырѣ, въ воеводствѣ виленскомъ. Когда и кѣмъ основанъ этотъ монастырь — неизвѣстно намъ положительно.

III. Школа и монастырь въ Барѣ.

Въ Барѣ, мѣстечкѣ въ воеводствѣ подольскомъ, извѣстномъ въ исторіи образованіемъ такъ называемой

(¹) Факты эти переданы намъ людьми, близко знакомыми съ историческими памятниками, относящимися къ исторіи Литвы.

(²) Всѣ свѣдѣнія какъ объ этой, такъ и о другихъ базиліанскихъ школахъ, о которыхъ мы говоримъ ниже, заимствованы главнымъ образомъ у Лукашевича, въ его Hist. Szkol w Kor. i W. X. Litew. T. 4. p. 263—276.

барской конфедераціи, базиліане съ давнихъ временъ имѣли монастырь, который былъ разрушенъ во время владычества Турціи надъ Подоліемъ. Въ 1715 году Юрій Доминикъ Любомірскій, коронный подкоморій вновь отстроилъ здѣсь для базиліанъ каменный монастырь, на развалинахъ стараго деревяннаго. Базиліане не имѣли здѣсь публичной школы до изгнанія іезуитовъ. Въ 1781 году коммиссія народнаго просвѣщенія отдала въ распоряженіе базиліанамъ бывшую здѣсь іезуитскую коллегію вмѣстѣ съ школами. Въ 1784 году въ барской школѣ было до 400 воспитанниковъ. Какъ нѣкогда іезуиты заставляли уніятскихъ воспитанниковъ держаться обрядовъ латинской церкви, такъ точно теперь барскіе базиліане заставляли воспитанниковъ католическаго исповѣданія совершать праздники по календарю и по обрядамъ восточной церкви. Вообще барскіе базиліане неохтно подчинялись распоряженіямъ и предписаніямъ Коммиссіи, которая должна была дѣйствовать на нихъ то просьбами, то угрозами.

IV. Школа и монастырь базиліанскій въ Бучачахъ.

Бучачи, мѣстечко въ землѣ Галицкой, родина знаменитой польской фамиліи Бучацкихъ. Николай Потоцкій староста каневскій основалъ здѣсь для базиліанъ надъ рѣчкою Стриною монастырь съ школою и конвиктомъ на 10 воспитанниковъ изъ бѣдныхъ шляхтичей. На содержаніе монастыря, школы и конвикта отдалъ базиліанамъ двѣ деревни—*Зеленую* и *Двиноградъ*, принадлежавшіе, въ Бучацкому ключу. Фундація эта была подтверждена конституціею 1764 года. Какъ долго существовала эта школа—неизвѣстно.

V. ШКОЛА И МОНАСТЫРЬ ВЪ УМАНИ

М. Умань, въ воеводствѣ брацлавскомъ, извѣстно въ исторіи такъ называемою Уманьскою рѣзнею. Потоцкій, воевода кіевскій, основалъ здѣсь для базиліанъ монастырь и школу. Фундація эта подтверждена конституціею 1768 года.

„Коммиссія народнаго образованія" возвысила уманскую школу на степень высшей, шестикласной школы. Школа эта имѣла въ 1784 году до 400 воспитанниковъ.

VI. ШКОЛА И МОНАСТЫРЬ ВЪ КАНЕВѢ.

Въ Каневѣ, въ воеводствѣ кіевскомъ, съ давнихъ временъ существовалъ базиліанскій монастырь. Базиліане, однако, не содержали здѣсь школъ публичныхъ до учрежденія „Коммиссіи народнаго просвѣщенія". По настоянію этой коммиссіи базиліане открыли въ 1780 году школу въ каменномъ домѣ, который былъ подаренъ имъ Станиславомъ Понятовскимъ, племянникомъ польскаго короля того же имени. Въ бытность свою въ Каневѣ, по случаю свиданія съ Императрицею Екатериною II, Понятовскій (король) посѣтилъ эту школу и былъ привѣтствованъ воспитанниками на разныхъ языкахъ.

VII. ШКОЛА И МОНАСТЫРЬ ВЪ ЛЮБАЖѢ.

Любажъ, мѣстечко надъ рѣкою Случою въ воеводствѣ кіевскомъ. Когда и кѣмъ основаны здѣсь монастырь и школа неизвѣстно. Визитаторъ „Коммиссіи народнаго просвѣщенія" въ 1784 году называетъ ихъ *древними* (dawney fyndacyi). Упомянутая коммиссія возвысила эту школу на степень высшей шестикласной школы. Въ 1784 году здѣсь было 450 воспитанниковъ.

VIII. Школы и монастыри въ Острогѣ.

Въ Острогѣ базиліане утвердились по изгнаніи іезуитовъ. „Коммиссія народнаго просвѣщенія" отдала въ распоряженіе базиліанъ іезуитскую коллегію съ принадлежавшими ей имѣніями Княгининъ, Мощаница и Березцовъ, обязавши базиліанъ содержать здѣсь высшую школу. Для возстановленія іезуитской церкви, сгорѣвшей вскорѣ послѣ удаленія іезуитовъ изъ Острога, базиліане получали отъ „Коммиссіи народнаго просвѣщенія" ежегодно по 6000 злотыхъ. Коммиссія отдала также въ распоряженіе базиліанъ школы острожскихъ іезуитовъ въ Овручѣ, въ воеводствѣ Кіевскомъ.

IX. Школа и монастырь въ Шароградѣ.

Въ Шароградѣ, въ воеводствѣ подольскомъ, базиліане имѣли школу еще до учрежденія „Коммиссіи народнаго просвѣщенія". Коммиссія возвела эту школу на степень высшей шестикласной школы. Въ эту школу стекалась западно-русская молодежь въ довольно значительномъ числѣ. Въ 1784 году въ ней было 600 воспитанниковъ. Преподаваніе наукъ было однако очень неудовлетворительно. Въ способѣ преподаванія базиліане держались старой іезуитской методы; латинскій напримѣръ языкъ изучался по грамматикѣ *Альвара* ([134]),

(¹) Грамматика Альвара (Emmanuelis Alvari e Societatis Jesu de Institutione Grammatica, libri tres), была въ большомъ употребленіи въ іезуитскихъ школахъ. Она считалась какою-то священною, неподлежащею никакимъ измѣненіямъ книгою. Въ одномъ польскомъ переводѣ она имѣла нѣсколько десятковъ изданій. Грамматика эта, написанная стихами, больше забивала память воспитанника, чѣмъ знакомила его съ духомъ и характеромъ латинскаго языка. На изученіе ея полагалось три курса. Lukaszewicz, Hist. szkol w Kor. i W. X. Lit. T. 1. p. 278.

давно вышедшей изъ употребленія и всѣми брошенной. Нѣмецкій и французскій языки преподавались людьми, которые почти вовсе не знали этихъ языковъ.

X. Школы и монастыри во Владимірѣ волынскомъ.

Во Владимірѣ базиліане содержали школы съ очень давнихъ временъ. Школы эти часто страдали и отъ пожара и отъ непріятелей. Въ 1746 г. Августъ III выдалъ базиліанамъ привилей на возстановленіе во Владимірѣ школы съ строгимъ запрещеніемъ открывать здѣсь школы духовенству другихъ вѣроисповѣданій. Въ 1784 году, въ этой школѣ воспитывалось 380 учениковъ. Визитаторъ коммиссіи народнаго просвѣщенія, посѣщавшій эту школу въ упомянутомъ году, сдѣлалъ очень непохвальный отзывъ о ея направленіи. Латинскій языкъ изучался по Альвару, французскій и нѣмецкій языки преподавалъ базиліанинъ, очень плохо знавшій эти языки; самая школа помѣщалась въ убогомъ деревянномъ домѣ. Въ 1786 году, Коммиссія народнаго просвѣщенія отдала базиліанамъ іезуитскій домъ и церковь, которые оставались до сихъ поръ безъ всякаго употребленія. Въ 1787 году посѣтилъ эту школу Станиславъ Августъ во время своего проѣзда въ Каневъ. Воспитанники привѣтствовали его на польскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и англійскомъ языкахъ.

XI. Школа и монастырь базиліанскій въ Жировицахъ.

Жировицы, мѣстечко въ слонимскомъ уѣздѣ нынѣшней гродненской губерніи, славятся въ Литвѣ чудотворною иконою Божіей Матери. Въ 1613 году Янъ Мелешко, смоленскій каштелянъ, основалъ здѣсь для

базиліанъ монастырь и обогатилъ его значительными вкладами. Левъ Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, подарилъ этому монастырю нѣсколько плацовъ, домовъ и деревень и богато украсилъ монастырскую церковь ([1]). Сеймъ 1667 года подарилъ монастырю на вѣчныя времена деревню Булу съ ея окрестностями ([2]). Когда базиліане основали здѣсь школу—положительно неизвѣстно. Изъ актовъ конгрегаціи 1709 года видно, что въ началѣ XVIII столѣтія здѣсь уже была школа, въ которой преподавались studia philosophica et minora ([3]).

Въ этой школѣ получилъ образованіе Войцѣхъ Булгакъ, епископъ пинскій, написавшій много ученыхъ сочиненій и между прочимъ издавшій въ 1743 году славянскую библію въ Супраслѣ.

Здѣсь же получилъ первоначальное образованіе Цезарій Сѣбновскій, издавшій въ Римѣ, на русскомъ и латинскомъ языкѣ, Officia sanctorum Ruthenorum.

„Коммиссія народнаго просвѣщенія" учредила въ Жировицахъ на мѣстѣ прежней низшую трехкласную школу.

([1]) Zyrowicom przylegle wsie nadaiąc Lew Sapieha, znacznie do funduszu tam księży Bazylianow przyczynił się, nie juz iako dobrodziey, ale iako drugi fundator, ktorego imię głosi nie tylko cerkiew nieustaiącym na swiętem miescu chwały boskiey brzmieniem, ale i wieża wdzięcznym ogromnego dzwonu z łaski iego obdarzona wdziękiem. Kognowski: Zycia Sapiehów. T. 1. p. 188.

([2]) „Chcąc chwałę Matki Bożey w Państwach naszych,—подлинныя слова конституціи, — pomnażać na wsparcie ubogiey cerkwi Zyrowickiey wielkiemi cudami słynącey wsi dożywotniemu prawu podlegaiące Bullę cum attinentiis w powiecie slonimskim leżące, teyże cerkwi i monasterowi oycow Bazylianow w Unij będących, wiecznem pravem daiemy i inkorporuiemy, salvis oneribus Reipublicae et juribus modernorum possessorum..." Lukaszewicz. T. 4. p. 275.

([3]) Congreg. Bialska, 1709 r. ses. 6. № 2.

Въ началѣ XIX столѣтія здѣсь уже существовала уніатская семинарія, которая въ 1845 году перенесена въ Вильно. Здѣсь же была резиденція виленскаго епископа. Здѣсь наконецъ началось первое движеніе уніятовъ въ пользу присоединенія къ православію, что и совершилось окончательно въ 1839 году.

Что же сдѣлалъ базиліанскій орденъ для уніи? Какое значеніе его въ исторіи уніи?—Мы видѣли, что по плану и намѣренію Руцкаго, основателя ордена, одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, къ которой долженъ былъ стремиться базил. орденъ, это — храненіе и распространеніе уніи. И дѣйствительно, вся жизнь, вся дѣятельность базиліанскаго ордена показываетъ, что базиліане никогда не упускали изъ виду этой цѣли, а напротивъ всегда ставили ее на первомъ планѣ, никогда не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ уніи. Скажемъ даже больше — унія, какъ отдѣльное, самостоятельное, правильно организованное и формулированное исповѣданіе, обязана своимъ существованіемъ исключительно базиліанскому ордену. Базиліане строго наблюдали за правильностію и однообразіемъ богослуженія и вообще всѣхъ церковныхъ обрядовъ уніятской церкви. Изъ ихъ типографій и изъ-подъ ихъ пера выходили въ свѣтъ тысячи символическихъ, полемическихъ и вообще всякаго содержанія книгъ, изъ которыхъ многія не потеряли своего значенія и научнаго достоинства и до настоящаго времени. Базиліане зорко слѣдили и за всѣми политическими движеніями, внимательно прислуши-

вались ко всему, что говорилось, писалось или предпринималось противъ уніи, и ни малѣйшая опасность, грозившая уніи, не могла скрыться отъ ихъ зоркаго глаза: они всегда и вездѣ являлись первыми ея защитниками. Сколько бѣдъ, сколько бурь и невзгодъ неразъ обрушивалось на унію, особенно при вступленіи Владислава IV на престолъ и во времена казацкихъ войнъ, когда ей чуть не пришлось быть вычеркнутой изъ числа законосуществующихъ вѣроисповѣданій, — и всѣ эти бури и невзгоды, все это бремя тяжкихъ испытаній для уніи, выносили на своихъ плечахъ исключительно базиліане; они *спасали ее до послѣдняго издыханія*. Унія пала вмѣстѣ съ базиліанскимъ орденомъ. — Однимъ словомъ, базиліанскій орденъ въ уніи служилъ какъ бы центромъ, около котораго группировалась вся исторія уніятской церкви. Значеніе его въ исторіи уніи также несомнѣнно, какъ несомнѣнно велико значеніе въ исторіи папства іезуитскаго ордена, которому, по выраженію оффиціальныхъ памятниковъ, въ немногомъ уступалъ и базиліанскій орденъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ РОССІИ.

II.

(*Окончаніе.*)

Служеніе приходскаго священника съ одной стороны соприкасается съ его приходомъ, и здѣсь онъ есть пастырь своего словеснаго стада, съ другой — съ правительствомъ, возлагающимъ на него многоразличныя обязанности, и здѣсь онъ является какъ бы лицемъ служебнымъ, въ своемъ родѣ чиновникомъ; далѣе, по своему званію, онъ принадлежитъ къ извѣстному сословію, и есть членъ его. Слѣдовательно и матеріальное его положеніе, по всей справедливости, должно зависѣть отъ всѣхъ сихъ трехъ сторонъ. Ему прежде всего, естественно и согласно съ ученіемъ св. Апостола (1 Кор. гл. 9), получать свое содержаніе и отъ своей паствы. Онъ имѣетъ неоспоримое право на вознагражденіе и отъ правительства за услуги, ему оказываемыя. Онъ не долженъ быть оставляемъ безъ попеченія и, въ случаѣ нужды, вспоможенія и отъ своего духовнаго сословія, какъ живой членъ его. Покажемъ же, какъ и чѣмъ можетъ и должно быть обезпечиваемо, со всѣхъ сихъ трехъ сторонъ, его положеніе?

1) Священникъ, какъ духовный пастырь своего при-

хода, долженъ быть обезпечиваемъ, и почти вездѣ обезпечивается, главнымъ образомъ, своимъ приходомъ. Къ этому обезпеченію служатъ, какъ мы видѣли выше, или надѣлъ землею, или сборъ произведеній съ прихожанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ—произвольныя, или опредѣленныя вознагражденія за требы. Въ нѣкоторыхъ не многихъ мѣстахъ къ этому присоединяются, болѣе или менѣе удобныя, помѣщенія для причтовъ, устрояемыя насчетъ доходовъ церковныхъ, или отъ прихожанъ.

Мы полагали бы, гдѣ какое существуетъ обезпеченіе для причтовъ отъ прихода, тамъ то и оставить. Новый налогъ въ пользу духовенства на народъ, и безъ того обремененный не легкими налогами, облегчая участь однихъ членовъ государственнаго тѣла, въ то же время болѣе и болѣе тяготилъ бы другіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы ослаблять благорасположеніе народа къ своимъ духовнымъ пастырямъ. Впрочемъ чтобы доставить священникамъ болѣе досуга къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей и направить все ихъ вниманіе къ духовнымъ нуждамъ своихъ прихожанъ, необходимо облегчить ихъ собственныя заботы о своихъ матеріальныхъ нуждахъ; нужно устранить всякое ихъ столкновеніе съ прихожанами въ денежныхъ расчетахъ,—нужно устроить такъ, чтобы на наше духовенство, доселѣ упрекаемое,—хотя большею частію несправедливо и безъ знанія дѣла, — въ жадности и корыстолюбіи, не могло падать и тѣни этихъ пороковъ. Къ этому весьма можетъ способствовать учрежденіе въ каждомъ приходѣ попечительныхъ совѣтовъ.

Приходскіе попечительные совѣты могутъ составляться изъ членовъ прихода, людей степенныхъ, домо-

витыхъ, пріобрѣтшихъ въ своей средѣ общее уваженіе и преданныхъ церкви Божіей. Число членовъ сихъ совѣтовъ въ каждомъ приходѣ можетъ быть не одинаковое, завися отъ числа приходскихъ селеній или домовъ и отъ степени усердія прихожанъ къ дѣламъ Вѣры. Конечно, нужно, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ селеніи, принадлежащемъ къ извѣстному приходу, или, если приходъ состоитъ изъ одного селенія, изъ 15 домохозяевъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ избранъ въ члены сего совѣта. Кромѣ сихъ членовъ, такъ сказать, необходимыхъ, могли бы быть принимаемы въ составъ сихъ совѣтовъ и члены почетные, изъ лицъ оказавшихъ какія либо болѣе важныя услуги своей приходской церкви, или ея служителямъ. Это—усердные къ Вѣрѣ приходскіе помѣщики, храмоздатели, учредители приходскихъ училищъ, библіотекъ, больницъ, богадѣленъ и т. п. Для единства дѣйствій сихъ членовъ къ благу церкви, одинъ изъ нихъ, церковный староста или ктиторъ церкви, долженъ давать имъ указаніе и направленіе и наблюдать за точнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Каждый членъ, получившій это званіе по выбору, или принятый въ оное за услуги церкви, остается въ немъ на всегда, если только какими либо неблаговидными поступками, или безпечностію объ интересахъ церкви, не потеряетъ права на него.

Обязанности членовъ приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ, кромѣ попеченія о безбѣдной жизни ихъ приходскихъ клировъ, могли бы состоять еще въ попеченіи о поддержаніи прочности и благолѣпія храмовъ Божіихъ и объ учрежденіи при нихъ тѣхъ или другихъ благотворительныхъ заведеній. Но, не касаясь въ настоящій разъ этихъ сторонъ ихъ дѣятельности, ска-

жемъ только о томъ, что они должны дѣлать относительно матеріальнаго обезпеченія своихъ священно-церковнослужителей.

На нихъ должна лежать обязанность заботиться о томъ, чтобы священно-церковнослужители исправно получали отъ своихъ мѣстъ тѣ матеріальныя выгоды, гдѣ какія, или закономъ или обычаемъ, имъ предоставлены. И именно:

а) Гдѣ положенъ съ приходскихъ домовъ сборъ опредѣленной руги деньгами, хлѣбомъ, или другими какими натуральными произведеніями, выборные члены попечительныхъ совѣтовъ, каждый въ своемъ отдѣленіи прихода, должны заблаговременно произвести этотъ сборъ и представлять его по принадлежности (1).

б) Гдѣ священно-служители надѣлены землею, приходскіе попечительные совѣты должны заботиться объ обработкѣ этой земли, конечно, въ опредѣленномъ закономъ количествѣ, и о собраніи и доставленіи священно-служителямъ ея произведеній. Подобный трудъ, при благоразумномъ распредѣленіи его между прихожанами, не можетъ составить для нихъ почти никакого бремени. Въ приходѣ, по населенію средней величины,—состоящемъ, напримѣръ, изъ 120 домовъ,—пришлось бы на каждый домъ поработать на церковной землѣ, въ два или три года, одинъ день. Слишкомъ малый трудъ! Распорядительный ктиторъ въ началѣ каждаго года, или великимъ постомъ во время говѣнія, могъ бы распредѣлить между своими сочленами, кому изъ нихъ, съ

(1) Намъ думается всего лучше было бы опредѣленную мѣру взноса собирать въ запасные обществ. магазины и оттуда уже получать ее причту. *Прим. Ред.*

состоящими въ его завѣдываніи приходскими домами, вспахать и засѣять церковную землю, кому сжать созрѣвшіе посѣвы, строго соблюдая при этомъ надлежащую очередь. Считать этотъ трудъ какъ бы возстановленіемъ уничтожаемой барщины было бы совершенно несправедливо, потому что этотъ трудъ долженъ быть не невольнымъ, а добровольнымъ, только правильно организованнымъ.

в) На членовъ же попечительныхъ совѣтовъ надобно возложить обязанность собирать и добровольныя, или обычаемъ и закономъ установленныя, вознагражденія священно - церковно - служителей за требоисправленія. Имъ не трудно будетъ знать, — въ какомъ изъ порученныхъ чьему завѣдыванію домѣ была исполнена священникомъ какая треба, гдѣ совершено крещеніе, гдѣ бракъ, гдѣ освящено мѣсто для постройки дома и т. п. Въ продолженіе одного мѣсяца они могутъ получить отъ этихъ домовъ слѣдующія за эти требы вознагражденія и къ концу его представить ихъ ктитору, для записи въ заведенную для сего книгу и выдачи по принадлежности. Въ извѣстные праздники, когда священно-служители обходятъ всѣ приходскіе дома со святой водой и съ Животворящимъ Крестомъ, члены попечительныхъ совѣтовъ заблаговременно могутъ собрать для священниковъ опредѣленныя за посѣщеніе каждаго дома вознагражденія. Только панихиды на могилахъ, поминовенія на проскомидіи, молебны въ церквахъ, могутъ оставаться не извѣстными — для членовъ совѣта; но вознагражденія за эти требы могли бы быть полагаемы прихожанами въ учрежденныя для сего кружки. Надобно только, чтобы благословляющая рука священника и не прикасалась къ деньгамъ, глаза его

не видали металла и душа не мыслила о доходѣ, при совершеніи столь святаго дѣла, каково дѣло молитвы, и священникъ казался бы своимъ духовнымъ дѣтямъ ихъ истиннымъ молитвенникомъ, а не наемникомъ. Уничтожать обычаи вознагражденія священно-церковнослужителей за требоисправленія, къ чему клонились не однократно, по случаю вкрадавшихся сюда злоупотребленій, наши административныя распоряженія, не слѣдуетъ: такъ какъ обычаи эти не противны духу Церкви даже временъ Апостольскихъ, и доселѣ требуются и поддерживаются благочестивымъ чувствомъ усердныхъ къ дѣламъ Вѣры чадъ Церкви. Но учредить для сбора этихъ пожертвованій предлагаемый здѣсь, или тому подобный порядокъ было бы очень полезно. Тогда священники не только освободились бы отъ жалобъ и нареканій въ жадности, корыстолюбіи, притязаніяхъ, вымогательствахъ, но уничтожились бы даже поводы подозрѣвать ихъ въ этихъ порокахъ. Тогда священнослужители и сами возвысились бы морально: безъ поводовъ къ мздоимству ни въ комъ изъ нихъ, даже въ самыхъ слабыхъ, не могло бы развиться этой и ей подобныхъ страстей, и происходящихъ отъ нихъ пороковъ. Тогда возрасли бы, конечно, и тѣ чувства уваженія, расположенія и довѣрія православныхъ къ своимъ пастырямъ, какія принадлежатъ ихъ сану, и на оскудѣніе которыхъ въ последнее время не рѣдко слышатся жалобы. — Нельзя думать, чтобы эта обязанность членовъ приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ была для нихъ отяготительна. Намъ кажется, что по учрежденіи подобнаго порядка вскорѣ они должны бы были только принимать, хранить и въ свое время представлять куда слѣдуетъ священноцерковнослужительскіе доходы, а не ходить по домамъ

для сбора ихъ. Православные не доведутъ ихъ, въ этотъ отношеніи, до трудовъ и безпокойства. Какъ теперь почти каждый изъ православныхъ старается тотчасъ вознаградить священника за совершенную имъ требу; тѣмъ болѣе совѣстно имъ будетъ тогда, при посторонних свидѣтеляхъ, имѣть на себѣ,—какъ бы на душѣ своей,—долгъ церковный, и они будутъ спѣшить представить его тому, кто обязанъ будетъ принимать его. Но при этомъ, чтобы еще болѣе возвысить православное духовенство въ глазахъ народа, и заглушить всякія нареканія на страсть его къ корыстолюбію, не лишнимъ было бы постановить, чтобы священно-церковнослужители каждый разъ, при полученіи собранныхъ для нихъ какъ хлѣбныхъ, такъ и денежныхъ доходовъ, отчисляли извѣстный процентъ въ пользу тѣхъ или другихъ благотворительныхъ, при приходской церкви, учрежденій. Это кромѣ того, что возбуждало бы въ прихожанахъ большее и большее уваженіе къ своимъ отцамъ духовнымъ, располагало бы еще ихъ дѣлать свои услуги или пожертвованія для духовенства, а членовъ совѣта—заботиться объ этомъ съ бо́льшимъ усердіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало бы какъ къ устроенію, такъ и къ поддержанію при церквахъ приходскихъ благотворительныхъ учрежденій.

г) Касательно постройки при церквахъ, на счетъ прихода, домовъ для духовенства можно много говорить и *pro и contra*. Конечно, заботы о пріобрѣтеніи домовъ для священниковъ—большія заботы; но за то и пріятное чувство отъ обладанія собственнымъ жилищемъ можетъ достаточно вознаграждать эти заботы. Не напрасно и святый Апостолъ между другими добрыми качествами пастыря требовалъ, чтобы онъ умѣлъ *добрѣ править*

домомъ своимъ. Пусть подъ домомъ здѣсь разумѣютъ не одно только жилище. Но и умѣнье обзавестись собственнымъ хорошо устроеннымъ жилищемъ не послѣднее достоинство въ священникѣ. Будучи хорошимъ домохозяиномъ, онъ навѣрно будетъ и хорошимъ попечителемъ о храмѣ Божіемъ, и образцемъ домовитости для своихъ прихожанъ. Обзаведеніе собственнымъ домомъ обыкновенно привязываетъ священниковъ къ одному приходу и удерживаетъ ихъ отъ исканія болѣе выгодныхъ мѣстъ. Кромѣ того пріобрѣтеніе собственныхъ домовъ, по видимому не легко достигаемое, на самомъ дѣлѣ весьма полезно для священно-церковнослужителей и для семействъ ихъ. Извѣстно, что при ограниченныхъ доходахъ трудно имѣть и сберегать остатки, чтобы составить капиталъ для обезпеченія въ будущемъ; но пріобрѣтенный и постепенно благоустрояемый домъ обыкновенно служитъ для лицъ духовныхъ, особенно для сиротствующихъ семействъ ихъ, всегда и вездѣ какъ бы замѣною этого капитала. Поэтому, по нашему мнѣнію, священно и церковнослужители должны сами устроять себѣ домы съ тѣмъ, чтобы по смерти ихъ могли жить въ нихъ, — гдѣ нѣтъ къ тому препятствій, — ихъ дѣти, или бы быть продаваемы и выручаемыми деньгами доставлять хотя какое нибудь обезпеченіе осиротѣвшимъ семействамъ. Но и здѣсь, при постройкѣ священно-церковнослужителями себѣ домовъ, приходскіе попечительные совѣты должны считать своею обязанностію оказывать имъ въ этомъ нѣкоторую помощь, отводомъ ли для сего надлежащаго количества лѣса, или, по крайней мѣрѣ, подвозомъ строительныхъ матеріаловъ.

Намъ желательно бы было, чтобы это наше предпо-

ложеніе о дѣятельности приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ хотя въ нѣкоторыхъ приходахъ и хотя въ видѣ опыта получило осуществленіе, и потомъ слышать откровенный отзывъ о послѣдствіяхъ этого опыта. Намъ не представляется даже никакихъ затрудненій къ открытію этого опыта. Для этого, по видимому, ничего болѣе не требуется, какъ только предварительное совѣщаніе священниковъ съ своими прихожанами о столь важномъ и благотворномъ для нихъ дѣлѣ, потомъ—взаимная добровольная рѣшимость священниковъ отказаться отъ собственныхъ матеріальныхъ заботъ о себѣ, а прихожанъ—принять на себя заботы о своихъ отцахъ духовныхъ, далѣе — установленіе, на этотъ предметъ, нѣкоторыхъ, согласныхъ съ мѣстными обстоятельствами, правилъ, и въ слѣдъ за тѣмъ—начатіе дѣйствій по этимъ правиламъ.

При учрежденіи приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ, необходимо еще постановить, чтобы труды и ревность членовъ ихъ о благѣ церквей и ихъ служителей не оставались безъ надлежащаго поощренія. Къ сему могутъ служить,—кромѣ дарованія имъ права разсуждать объ интересахъ своихъ церквей и благотворительныхъ при нихъ учрежденій, и дѣлать по симъ предметамъ свои постановленія,—присвоеніе имъ особенныхъ почетныхъ мѣстъ въ храмѣ Божіемъ, приглашеніе ихъ на совѣщаніе объ интересахъ ихъ церкви при посѣщеніи оной епархіальными начальниками, или благочинными, —по смерти ихъ безмездное внесеніе именъ ихъ въ синодики для вѣчнаго поминовенія; а о болѣе потрудившихся для благоустройства церкви и благотворительныхъ учрежденій при ней ежегодно, въ извѣстный день, торжественное отправленіе панихиды, и отличеніе мо-

гилъ ихъ особаго рода надгробными камнями. Подобныя награды для православнаго народа, дорожащаго болѣе вѣчнымъ, нежели временнымъ, болѣе могутъ значить, нежели всякія другія награды. Хотя и дарованіе имъ права, по выслугѣ нѣсколькихъ лѣтъ, носить кафтаны съ парчевыми, разныхъ цвѣтовъ, обшлагами и потомъ такими же воротниками, могло бы также служить имъ справедливымъ и приличнымъ воздаяніемъ за прохожденіе должностей сихъ.

2. Православный священникъ въ нашемъ отечествѣ, кромѣ попеченія о душевномъ спасеніи своихъ прихожанъ, есть еще, какъ мы сказали выше, лице оказывающее услуги правительству гражданскому. Мы не хочемъ сказать этимъ, что онъ есть какъ бы какой агентъ правительства для достиженія имъ своекорыстныхъ цѣлей. Ни наше мудрое правительство, ни наше честное духовенство никогда не входили между собою въ подобныя отношенія.—Мы не говоримъ здѣсь также и о тѣхъ услугахъ духовенства для правительства, которыя происходятъ отъ ревностнаго прохожденія священниками своего пастырскаго служенія, способствующаго къ поддержанію въ народѣ доброй нравственности, составляющей основаніе порядка общественнаго. Мы разумѣемъ здѣсь ту дѣятельность духовенства, которая, нисколько не относясь къ служенію пастырскому, должна бы принадлежать вѣдомству гражданскому, такъ какъ прямо содѣйствуетъ благоустройству политическому. Такой дѣятельности у духовенства очень не мало, и она составляетъ для него весьма значительный трудъ, именно: а) веденіе при церквахъ записей метрическихъ о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и при томъ составленіе этихъ записей въ нѣсколькихъ

экземплярахъ,—б) ежегодное составленіе, и также въ нѣсколькихъ экземплярахъ, книгъ духовныхъ, или подробныхъ реэстровъ о прихожанахъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, званія и т. под. в) веденіе книгъ обыскныхъ о совершающихся бракахъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ необходимыхъ для совершенія брака свѣдѣній о брачущихся,—г) веденіе записей въ многоразличныхъ, существующихъ при церквахъ, книгахъ приходорасходныхъ,—д) составленіе множества разнородныхъ срочныхъ вѣдомостей,—какъ то клировыхъ, свѣчныхъ, исповѣдныхъ, статистическихъ и проч., и донесеній какъ своему начальству, такъ и непосредственно чинамъ гражданскимъ,—е) составленіе и выдача различныхъ выписей изъ приходскихъ документовъ, по требованіямъ какъ прихожанъ, такъ и мѣстныхъ властей гражданскихъ,—ж) запись вновь выходящихъ, касательно дѣлъ церковныхъ, административныхъ распоряженій и узаконеній и проч. и проч. Все это составляетъ непремѣнную обязанность каждаго приходскаго священника,—обязанность, для исполненія которой, въ случаѣ освобожденія отъ ней священниковъ, потребовалось бы, быть можетъ, учрежденіе особыхъ канцелярій, съ немалыми на содержаніе ихъ расходами. Послѣ указанія этой только дѣятельности нашихъ священниковъ, (кстати замѣтить здѣсь) какъ должно быть несправедливо не рѣдко повторяющееся обвиненіе ихъ въ недѣятельности!

Но кромѣ этихъ обязанностей, общихъ всѣмъ приходскимъ священникамъ, на многихъ изъ нихъ лежатъ еще особенныя должности, такъ сказать, придаточныя къ должности пастырской и способствующія также наиболѣе благу или порядку общественному. Это — долж-

ности присутствующихъ въ духовныхъ консисторіяхъ, благочинныхъ, миссіонеровъ, депутатовъ, увѣщателей при полиціяхъ и тюремныхъ замкахъ, законоучителей при разныхъ школахъ и т. п. Всѣ эти должности, особенно первыя изъ нихъ, составляютъ весьма тяжелое бремя для лицъ обязанныхъ ими. Пожалуй нѣкоторыя изъ нихъ кажутся заманчивыми по обаянію нѣкоторой власти, соединенной съ ними, и не рѣдко, особенно въ послѣднее время, начали подвергаться различнымъ нареканіямъ, вѣроятно, отъ людей не терпящихъ надъ собою никакой власти. Но судить легко о лицахъ, обязанныхъ сими должностями, значитъ слишкомъ мало знать о тяжести трудовъ ихъ, тѣмъ болѣе порицать ихъ служеніе значитъ слишкомъ тяжко и несправедливо оскорблять ихъ! Каждый исправный въ исполненіи этихъ, какъ мы сказали, придаточныхъ своихъ обязанностей священникъ, тѣмъ болѣе исправный благочинный, будь онъ на другомъ поприщѣ служенія, болѣе видномъ, можно съ увѣренностію сказать, вездѣ замѣтенъ былъ бы какъ полезнѣйшій дѣятель и служилъ бы украшеніемъ для занимаемаго имъ мѣста!

Если же никакой трудъ, по закону справедливаго возмездія, никогда не долженъ оставаться безъ вознагражденія, и удерживать плату у трудящихся, по ученію Писанія, значитъ грѣшить: то исполненіемъ этихъ-то, прямо не относящихся къ долгу служенія пастырскаго, обязанностей приходское православное духовенство въ нашемъ отечествѣ пріобрѣтаетъ себѣ право на опредѣленное вознагражденіе отъ правительства, и тѣмъ болѣе принадлежитъ ему это право, что малѣйшая неисправность котораго либо священника въ исполненіи этихъ обязанностей, — пропускъ одной цифры, одной

буквы, — по существующимъ постановленіямъ, подвергаетъ виновнаго строгому взысканію. — Какого же рода должно быть это вознагражденіе, и гдѣ найдти для него источники?

а) Вознагражденіе это, прежде всего, должно состоять въ опредѣленномъ отъ казны духовенству жалованьи, которое должно быть соразмѣрено съ тяжестію трудовъ, присвоенныхъ той или другой должности. Приходскій священникъ, не несущій никакихъ посторонних должностей, завѣдующій только своимъ приходомъ, долженъ получать жалованье достаточное на его письменные расходы по церкви и вознаграждающее въ этомъ родѣ труды его. Жалованье депутата, конечно, должно быть нѣсколько увеличено, миссіонера — также, благочиннаго еще болѣе и т. д. Пусть это жалованье будетъ, на низшей своей степени, самаго скромнаго размѣра; но такъ какъ идетъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, то, при оставленіи за духовенствомъ тѣхъ средствъ, которыми оно доселѣ пользовалось, — только учрежденіемъ попечительныхъ совѣтовъ давши этимъ средствамъ лучшую организацію, — и самое скромное жалованье, вновь назначаемое священникамъ, будетъ содѣйствовать этому улучшенію. Православное духовенство русское всегда умѣло довольствоваться не многимъ, а потому и малое пособіе отъ правительства оно приметъ съ благодарностію. Весьма необходимо назначить это жалованье, и назначить его съ настоящаго же времени, когда само правительство подняло вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, когда учреждены для разсужденія объ этомъ предметѣ многія присутствія, когда истребованы мнѣнія объ этомъ отъ самаго духовенства, когда всё оно съ нетерпѣніемъ ждетъ улучшенія своей участи.

Но извѣстно, что правительство, по современнымъ, трудным своимъ обстоятельствамъ, не въ состояніи удовлетворить этому справедливому ожиданію духовенства даже и малымъ пособіемъ. Извѣстно также, что мѣстныхъ способовъ къ улучшенію быта духовенства надѣломъ его какими либо угодьями, —къ каковымъ способамъ рекомендуетъ обратиться г. министръ внутреннихъ дѣлъ, —можетъ быть очень не достаточно для сей цѣли. Гдѣ же взять средствъ къ вознагражденію гражданскихъ заслугъ духовенства опредѣленнымъ жалованьемъ?

Собственная наша мысль на этотъ счетъ, можетъ быть, покажется кому либо оригинальною и, пожалуй, странною. Но въ столь важномъ дѣлѣ мы не можемъ не высказать ее. Пусть истинные патріоты, ревностные поборники славы нашего отечества и друзья справедливости вникнутъ въ нее, и безпристрастно, безъ предубѣжденій, обсудятъ ее.

Всѣ нынѣ сознаютъ, что наше бѣлое духовенство заслуживаетъ лучшей участи, нежели какою пользуется. Между тѣмъ ни откуда не представляется способовъ къ улучшенію его бѣдной участи. Что же дѣлать? — Не справедливо было бы, какъ мы сказали уже, отягощать для этой цѣли лишними налогами однѣ только податныя сословія; какъ будто бѣлое духовенство служитъ только для простаго народа, и молится Богу только за простой народъ! Дружно всѣ сословія, весь людъ православный протянемъ руку помощи нашимъ богомольцамъ, нашимъ пастырямъ, нашимъ отцамъ духовнымъ. Особенно стоящіе на лѣствицѣ чиновной, щедро надѣляемые за нашу службу царскими милостями, пусть не пожалѣютъ крупицъ отъ трапезъ своихъ для

православнаго клира, несущаго при службѣ Божіей, и службу царскую. Сознаемся, что въ продолженіи многихъ годовъ, содержаніе всѣхъ чиновъ служебныхъ, во всѣхъ вѣдомствахъ, постоянно и постепенно улучшалось. Бывали примѣры, что иные чины не успѣвали еще свыкнуться съ своимъ улучшеннымъ положеніемъ, какъ появлялись возгласы о новыхъ улучшеніяхъ, и попечительное правительство внимало имъ. Тогда какъ бѣлое духовенство, во всѣ эти годы, стояло какъ бы въ сторонѣ, какъ бы чужое намъ, какъ будто забытое, задѣленное, какъ будто дѣйствительно долженствующее жить только духовною жизнію. Если въ иныхъ епархіяхъ ему и полагали не большое жалованье, то вмѣстѣ съ тѣмъ строго воспрещали пользоваться отъ прихожанъ прежними доходами, и такимъ образомъ вмѣсто улучшенія, во многихъ мѣстахъ, только ухудшили матеріальное его положеніе. И такъ теперь, при пробужденіи всеобщаго сочувствія къ духовному сословію, когда самъ Всемилостивѣйшій Государь нашъ заботится, желаетъ, настоятельно требуетъ, чтобы изысканы были способы къ улучшенію быта его, — вознаградимъ его за его долгое, благодушное и независливое перенесеніе своей бѣдной доли, явимся добры къ нему не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Пусть каждый сынъ православной Церкви, — порфироносный Первенецъ ея, вѣримъ, будетъ этому сочувствовать, — и высшіе ея служители, и воины, и всѣ чины гражданскіе, и всѣ люди, получающіе свое содержаніе изъ источниковъ государственныхъ, — всѣ выразимъ единодушное согласіе на уступку хотя малыхъ частей, — хотя по два, даже по одному проценту, — изъ получаемыхъ нами окладовъ на обезпеченіе цѣлаго сословія,

безмездно, но усердно и честно, въ помощь нашу, подъемлющаго тяжелые труды для блага общественнаго. Подобное пожертвованіе съ нашей стороны выказало бы въ насъ великую гражданскую доблесть, и конечно ни кто не отказался бы украситься этою доблестью, подобно братьямъ нашимъ по вѣрѣ, православнымъ сынамъ Эллады, не давно, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей родины, добровольно отказавшимся отъ значительной части изъ получаемыхъ ими за службу своей родинѣ окладовъ жалованья.... Древній народъ израильскій не жалѣлъ цѣлой десятины, и изъ всѣхъ своихъ имѣній, въ пользу служителей Божіихъ. Наши предки съ самыхъ временъ Владиміра и Ярослава отчасти подражали въ этомъ народу Божію; и еще не задолго до Великаго преобразователя Россіи безъ сожалѣнія предоставляли Церкви и ея служителямъ многіе изъ тѣхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, изъ которыхъ мы получаемъ теперь свое содержаніе. Священный же долгъ лежитъ и на насъ быть достойными потомками боголюбивыхъ нашихъ предковъ.

Въ Православномъ Обозрѣніи за августъ мѣсяцъ прошлаго года между прочимъ говорится о взиманіи по нѣскольку процентовъ съ доходовъ доставляемыхъ прихожанамъ ихъ домами. Но духовенство служитъ всему русскому обществу, какъ домовладѣльцамъ, такъ и занимающимъ казенныя квартиры... А потому въ улучшеніи быта его должно принять участіе все русское общество. Мы имѣли случай высказывать это предположеніе нѣкоторымъ лицамъ, которые и по своему образованію и по своему положенію въ обществѣ, пользуются особеннымъ уваженіемъ, — и видѣли въ нихъ полное сочув-

ствіе къ нему. Они говорили даже, что правительство само можетъ это сдѣлать, постановивъ правиломъ дѣлать вычетъ по извѣстному проценту на обезпеченіе духовенства изъ многихъ государственныхъ суммъ, отпускаемыхъ на выдачу жалованій или наградъ и т. п., подобно тому, какъ дѣлаютъ вычеты на пенсіи или въ пользу инвалидовъ и т. под.

Такова заявляемая нами мысль о способахъ, — когда нѣтъ другихъ способовъ, — къ улучшенію быта нашего духовенства! И чтобы это наше слово не оставалось однимъ звукомъ, а перешло въ дѣло, мы, лично съ своей стороны, заявляемъ полную и совершенную готовность отказаться навсегда даже отъ десятой части получаемаго нами отъ казны содержанія, для составленія средствъ къ вознагражденію общеполезныхъ трудовъ бѣднаго приходскаго духовенства.

б) Кромѣ опредѣленнаго жалованья, во время своего служенія, наши священники и ихъ семейства не должны быть оставляемы безъ опредѣленныхъ способовъ пропитанія и по оставленіи ими своей службы, по старости ли, или по болѣзни, или по другимъ уважительнымъ причинамъ. На пенсіи, за усердную и полезную службу, имѣютъ полное и законное право и наши іереи, какъ и всѣ другіе чины нашего отечества. Это было бы, между прочимъ, и самымъ лучшимъ и самымъ сильнымъ средствомъ къ большему и большему возвышенію нашего духовенства и въ моральномъ отношеніи. Будучи обезпечены во время своего служенія и зная, что ни они сами не останутся безъ куска хлѣба при своей старости, ни ихъ семейства послѣ ихъ смерти, они предались бы исполненію своего долга еще съ бóльшимъ самоотверженіемъ, нежели какое они оказываютъ нынѣ.

А мысль о томъ, что неблаговидные поступки могутъ лишить ихъ права на пенсіи, также могла бы сильно удерживать отъ такихъ поступковъ и самыхъ слабыхъ изъ нихъ.

в) Потомъ, по всей справедливости, и на наше бѣлое духовенство должны быть распространены права на тѣ, присвоенныя инымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества, преимущества, которыми пользуются чины не духовнаго званія. А то не странно ли и не обидно ли для духовенства, напримѣръ, слѣдующее явленіе: являются въ одно учебное заведеніе на службу два товарища по воспитанію и, не переставая быть преподавателями наукъ въ этомъ заведеніи, одинъ изъ нихъ болѣе склонный къ жизни свѣтской, изъявляетъ желаніе получать гражданскіе чины, а другой всѣмъ сердцемъ преданный своему званію, принимаетъ санъ священный. Проходятъ 5 лѣтъ ихъ службы, и коллежскій ассесоръ, безсемейный, одинокій, въ прибавокъ своему содержанію, получаетъ $^1/_4$ часть своего жалованья, а его сотоварищу и по воспитанію и службѣ, служителю олтаря, — человѣку семейному, отказываютъ въ правѣ на прибавочное жалованье! Начальству сего священника пусть дано будетъ право ходатайствовать о распространеніи и на него права его свѣтскаго товарища. Правительство пусть обратитъ на это свое справедливое вниманіе.

г) Въ видахъ улучшенія нашего православнаго духовенства, возвышенія значенія его въ понятіяхъ народа и поддержанія въ немъ самомъ интересовъ умственнаго образованія, было бы еще не несправедливо открыть нашимъ священникамъ доступъ быть преподавателями не одного только закона Божія, но и другихъ наукъ въ

свѣтскихъ училищахъ, прогимназіяхъ, гимназіяхъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда они, по образованію своему и по испытаніи пробными лекціями, окажутся къ тому способными и могутъ исполнять обязанности наставниковъ безъ опущенія своихъ пастырскихъ обязанностей. Православное духовенство нашихъ провинціальныхъ городовъ имѣетъ приходы большею частію малолюдные и сосредоточенные въ одномъ мѣстѣ, вблизи своихъ церквей; оно нашло бы для себя довольно досуга для педагогическихъ занятій; довольно между нимъ, въ настоящее время, нашлось бы и достойныхъ педагоговъ. Намъ случалось встрѣчать въ нѣкоторыхъ городахъ, между учителями свѣтскихъ уѣздныхъ училищъ недоучившихся семинаристовъ или гимназистовъ; тогда какъ въ тѣхъ же городахъ были молодые способные священники, съ отличіемъ окончившіе курсъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые вполнѣ могли бы замѣнить вышепомянутыхъ учителей, если бы были къ тому допущены.

Министерство народнаго просвѣщенія, быть можетъ опасается, что, при допущеніи духовныхъ лицъ въ преподаватели наукъ въ свѣтскія училища, образованіе въ этихъ училищахъ, можетъ получить одностороннее направленіе. Но опасенія напрасныя; въ нашемъ бѣдномъ духовенствѣ нѣтъ и малѣйшей тѣни іезуитизма; отъ участія его въ дѣлѣ народнаго образованія можно ожидать только пользы, и пользы для всего нашего отечества. Съ увѣренностію можно полагать, что, при допущеніи въ свѣтскія училища преподавателями наукъ достойныхъ священниковъ, вскорѣ и весьма много возвысился бы авторитетъ и самыхъ этихъ училищъ; возрасло бы къ нимъ со стороны общества надлежа-

щее довѣріе, которое въ послѣднее время, при размноженіи такъ называемыхъ прогрессистовъ-нигилистовъ, до того поколебалось, что жители иныхъ городовъ, какъ извѣстно, хотѣли уже устроить особыя гимназіи, съ преподавателями наукъ — исключительно священниками. Тогда удобнѣе было бы и самому учебному вѣдомству пріискивать достойныхъ для себя дѣятелей, и оно не имѣло бы недостатка въ нихъ, какъ это теперь бываетъ нерѣдко. Тогда, конечно, многіе достойные и благоговѣйные люди изъ другихъ сословій сами пожелали бы быть священниками; тогда, навѣрно, прекратилась бы и эта, достойная сожалѣнія, какая-то безотчетная вражда между духовнымъ и свѣтскимъ образованіемъ, между духовной и свѣтской письменностію. Въ послѣднее время нерѣдко слышатся желанія о соединеніи семинарій съ гимназіями. Тогда, конечно, и эти желанія были бы не несбыточными. Короче, пользы, отъ предоставленія священникамъ быть преподавателями наукъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, теперь всей и высказать нельзя, и только не разумный, сословный антагонизмъ, или не вѣрующій раціонализмъ могутъ возражать противъ этого.

д) Вознагражденіемъ для нашего духовенства, со стороны правительства, могло бы быть еще дарованіе нѣкоторыхъ преимуществъ или льготъ для дѣтей его. Въ этомъ нуждаются особенно наши причетники. Съ удивленіемъ спрашиваютъ: почему дѣти лицъ духовныхъ обыкновенно или остаются въ званіи отцевъ своихъ, или, если выходятъ изъ духовнаго званія, скорѣе спѣшатъ пріютиться въ какую либо канцелярію, какъ будто они не способны ни къ какому другому роду дѣятельности? Вопросъ этотъ рѣшается

очень просто. Приписываясь въ какое либо изъ податныхъ сословій, они, еще не ознакомившіеся съ жизнію, не обучившіеся сами пріобрѣтать себѣ пропитаніе, обязаны бываютъ, на ряду съ коренными членами сего сословія, нести всѣ лежащія на немъ повинности и, въ случаѣ неисправностей въ этомъ отношеніи, при первомъ рекрутскомъ наборѣ, какъ одинокіе и какъ бы лишніе члены принявшаго ихъ общества, попадаютъ на очередь въ солдаты. Но, если дать дѣтямъ духовенства, по приписаніи ихъ къ другимъ сословіямъ, пожизненную свободу отъ рекрутскихъ и другихъ подушныхъ повинностей, а изъ дѣтей освободить отъ сихъ повинностей до совершеннолѣтія и предоставить до того времени свободный выходъ въ другія сословія, особенно для поступленія въ тѣ или другія учебныя заведенія: то вскорѣ можно будетъ увидѣть, что дѣти, особливо низшаго духовенства, охотно начнутъ заниматься и ремеслами и промыслами, и не будутъ въ тягость ни духовному сословію, ни обществу. Родителямъ же своимъ многіе изъ нихъ будутъ приносить большую пользу въ матеріальномъ отношеніи: родители не будутъ дѣлиться съ ними въ способахъ жизни, какъ это бываетъ при существующемъ порядкѣ дѣлъ; но, составляя съ родителями одинъ домъ, они много будутъ способствовать благоустроенію и благосостоянію роднаго дома. Одно это постановленіе могло бы весьма и весьма улучшить бытъ нашего духовенства. А между тѣмъ ущерба отъ этого для общественныхъ интересовъ не было бы никакого; потому что при занятіяхъ, напримѣръ, торговлею, дѣти духовныхъ должны будутъ пріобрѣтать для сего надлежащія свидѣтельства, или, по пріобрѣтеніи недвижимой собственности, будутъ испол-

нять за нее законныя повинности, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій.

3) Наконецъ православные священно-церковнослужители, какъ отдѣльное сословіе, при большей внимательности къ себѣ и заботливости не о частныхъ только интересахъ, а объ общей пользѣ, общими силами, въ каждой епархіи сами могутъ устроить много учрежденій, способствующихъ къ улучшенію матеріальнаго ихъ быта, какъ-то: къ воспитанію и приготовленію дѣтей ихъ для разнообразнаго рода дѣятельности, къ призрѣнію лицъ немощныхъ и убогихъ, принадлежащихъ ихъ сословію, къ облегченію участи тѣхъ изъ нихъ, которые подвергаются случайнымъ несчастіямъ, или къ взаимному вспоможенію при тѣхъ или другихъ бѣдствіяхъ общественныхъ.

а) Каждому очевидно, что всѣ дѣти духовнаго званія не могутъ быть размѣщены на мѣстахъ своихъ родителей. А между тѣмъ всѣ они поступаютъ, и даже обязаны поступать въ духовныя училища, для приготовленія къ должностямъ священно-церковнослужительскимъ. Потомъ большая часть изъ нихъ, до $^2/_3$, выбываютъ изъ училищъ прежде окончанія курса, не достигнувъ желанной цѣли, — права на санъ священный, и потерявъ время для приготовленія себя къ какому либо другому роду общеполезной дѣятельности. Для поправленія этого не нормальнаго хода дѣлъ, для счастія дѣтей своихъ и для пользы общественной, духовенство наше само должно позаботиться, общими силами, на добровольныя ли, или на обязательныя, по взаимномъ соглашеніи, приношенія, объ устроеніи въ средѣ своей различныхъ образовательныхъ школъ или учрежденій. Такъ, пусть въ одномъ уѣздѣ, подъ руко-

водствомъ котораго либо священника, гдѣ благопріятствуетъ мѣстность, образуютъ школу пчеловодства, въ другомъ, также подъ надзоромъ умнаго священника, заведутъ училище живописи, въ иномъ мѣстѣ, у котораго либо способнаго даже причетника, откроютъ столярное, или тому подобное ремесленное заведеніе, и такъ далѣе. Для всѣхъ сихъ школъ и заведеній пусть составятъ надлежащіе уставы, опредѣляющіе предметъ и время занятій въ нихъ, способы ихъ содержанія и тому подобное. Можно думать, что тогда многіе изъ священно-церковнослужителей, особенно, если дѣтямъ ихъ, какъ мы сказали выше, дарована будетъ пожизненная свобода отъ подушныхъ повинностей, охотно согласятся, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей воспитать вь сихъ школахъ, чтобы потомъ скорѣе видѣть въ нихъ себѣ помощниковъ, жить съ ними нераздѣльно и имѣть въ нихъ опору своей старости. Доселѣ въ семейной жизни нашего духовенства существуетъ ненормальность, какой, кажется, нѣтъ ни въ какомъ другомъ сословіи, которая не кажется намъ странною потому только, что мы къ ней присмотрѣлись, но которая не только странна, но и дика, не естественна, и весьма вредна для благосостоянія духовенства, и, кажется, болѣе всего изолируетъ духовное сословіе, дѣлаетъ его особою кастою. Посмотрите на семейства крестьянина, купца, даже помѣщика: тамъ почти всегда отецъ семейства живетъ не раздѣльно съ своими дѣтьми до самой своей смерти. А въ духовномъ сословіи, которое должно бы представлять образцы семейнаго благоустройства, каждый отецъ о томъ только и заботится, какъ бы поскорѣе сбыть отъ себя своего сына, вычеркнуть его изъ числа членовъ семьи своей!

Не рѣдки примѣры, что иной служитель церкви, родившій и воспитавшій до 5—10 сыновъ, подъ старость не имѣетъ, кто бы ему ковшъ воды подалъ, умираетъ — нѣтъ родственной руки закрыть глаза его. Духовенство само должно позаботиться о поправленіи такой ненормальности въ своемъ быту. Полагаемъ, что съ учрежденіемъ предлагаемыхъ нами школъ эта ненормальность должна пасть сама собою. Тогда дѣти, получившіе въ сихъ школахъ воспитаніе, большею частію должны будутъ возвращаться къ своимъ родителямъ и навсегда составлять съ ними одну нераздѣльную семью, — одинъ домъ. Тогда естественно послѣдуетъ сближеніе духовенства съ другими сословіями, чрезъ браки этихъ дѣтей съ лицами не духовнаго званія; сословные предразсудки падутъ, и дочери духовныхъ охотнѣе будутъ выходить въ замужество за лицъ не духовныхъ. Тогда эти воспитанники могутъ распространять знаніе искуствъ, ремеслъ, улучшенныхъ способовъ хозяйства между поселянами. И, главное, тогда въ духовныхъ училищахъ сократится избытокъ дѣтей духовныхъ, доселѣ поступавшихъ туда, какъ бы по необходимости, или по корыстнымъ разсчетамъ, а не всегда по внутреннему призванію, и откроется въ нихъ большій доступъ и даже просторъ для дѣтей другихъ сословій, въ духовенствѣ и обществѣ произойдетъ нѣкотораго рода передвиженіе, которое какъ бы освѣжитъ ихъ, повѣетъ на нихъ новою жизнію.

Скажутъ, отчего же доселѣ духовные не пріучали своихъ дѣтей къ ремесламъ, чтобы потомъ жить съ ними вмѣстѣ? Потому что не было этого принято... потому еще, какъ мы замѣчали ужъ не разъ, чтобы не имѣть за дѣтей недушныхъ повинностей, чтобы не

видѣть ихъ взятыми въ рабочій домъ, или отданными въ рекруты за накопившіяся недоимки; а едва ли не главнѣе всего и потому, что условія, на которыхъ дѣти берутся для обученія ремесламъ къ тѣмъ или другимъ ремесленникамъ, обыкновенно бываютъ слишкомъ тяжелы для дѣтей и не выгодны, а жизнь тамъ и нравственность большею частію крайне сомнительнаго свойства. Поэтому, говоримъ, необходимо духовному сословію самому позаботиться объ устроеніи для дѣтей своихъ разнородныхъ образовательныхъ школъ и заведеній, и предсказываемъ, что по времени, и даже вскорѣ, учрежденія эти будутъ содержать себя сами, и даже пріобрѣтутъ средства для выдачи пособій своимъ питомцамъ, при выходѣ ихъ оттолѣ, на устройство собственныхъ подобныхъ заведеній.

б) Кромѣ учрежденій образовательныхъ для дѣтей своихъ, духовенство, какъ особое сословіе, можетъ и должно бы было еще учреждать свои особенныя, сословныя богадѣльни для призрѣнія своихъ безродныхъ старцевъ или убогихъ, а также аптеки и больницы, для оказанія помощи такимъ больнымъ, которые нуждаются въ особенномъ покоѣ, не всегда возможномъ въ обыкновенныхъ жилищахъ. Подобныя учрежденія могли бы быть устрояемы и содержимы также на счетъ взаимной, общеобязательной складчины, при домахъ наиболѣе способныхъ и приготовленныхъ къ управленію ими и дѣйствованію въ нихъ священниковъ. Польза отъ такихъ учрежденій выше всякаго сомнѣнія, и потребность въ нихъ очевидна. Нѣкоторые и посторонніе благотворители, движимые любовію къ служителямъ Божіимъ, устрояютъ для нихъ подобныя учрежденія. Но не всегда же должно надѣяться только на стороннюю помощь; пора каждому и самому о себѣ заботиться.

в) Въ случаѣ постигающихъ кого либо случайныхъ несчастій, особенно происшедшихъ отъ пожара, градобитія, наводненія, духовенство можетъ помогать само себѣ двоякимъ образомъ: или чрезъ взаимное застрахованіе, духовенствомъ цѣлой епархіи, своихъ имѣній, составивъ для сего свой особый уставъ, или чрезъ объявленіе о такихъ случаяхъ мѣстнымъ начальствомъ всему сословію, съ приглашеніемъ его къ посильнымъ пожертвованіямъ на вспоможеніе потерпѣвшему разореніе собрату. Въ настоящее время для подобныхъ объявленій могутъ служить во многихъ епархіяхъ епархіальныя вѣдомости, въ которыхъ можно бы было означить и о томъ, кто сколько будетъ жертвовать на вспоможеніе претерпѣвшимъ бѣдствіе. Быть не можетъ, чтобы не нашлось многихъ добрыхъ сердецъ, готовыхъ благотворить и всѣмъ бѣднымъ, а особенно приснымъ своимъ.

г) На обширномъ пространствѣ нашего отечества не рѣдки бѣдствія, постигающія тотъ или другой край, отъ неурожая или плохаго урожая хлѣба. Въ сословіи земледѣльцевъ, крестьянъ, на случай подобныхъ бѣдствій, по распоряженію правительства, существуютъ сельскіе запасные магазины, въ которые, въ урожайные годы, вносится поселянами извѣстное количество съ души тѣхъ или другихъ хлѣбныхъ семянъ, и изъ которыхъ, во время неурожая, выдается имъ вспоможеніе какъ на обсѣяніе полей, такъ и на пропитаніе. Въ иныхъ мѣстахъ существуютъ для сего такъ называемыя общественныя запашки, и тамъ запасные магазины наполняются полученнымъ отъ сихъ запашекъ хлѣбомъ, а излишекъ его продается, и вырученныя отъ сего деньги служатъ для тѣхъ или другихъ нуждъ

общественныхъ. Наше сельское духовенство, какъ занимающееся большею частію земледѣліемъ, могло бы принимать участіе въ этомъ благодѣтельномъ учрежденіи, чтобы и ему имѣть обезпеченіе въ пропитаніи, въ случаѣ постигающаго какой либо край голода. Причинъ, по которымъ бы оно не могло принимать участіе въ этомъ, то есть во взносѣ въ тотъ или другой, въ своемъ приходѣ, запасный магазинъ хлѣба и не получать потомъ, въ случаѣ нужды, оттуда вспоможенія, мы не видимъ никакихъ. Впрочемъ, если бы гдѣ либо духовенство нашло для себя неудобнымъ участвовать въ запасныхъ магазинахъ съ поселянами; въ такомъ случаѣ оно могло бы учреждать свои отдѣльные магазины въ благочинническихъ округахъ. Магазины эти, устрояемые въ центрахъ сихъ округовъ, могли бы прежде всего обезпечивать пропитаніе духовенства во время голода. Потомъ хлѣбъ, накоплявшійся въ нихъ въ теченіи нѣсколькихъ урожайныхъ лѣтъ въ избыткѣ, могъ бы быть продаваемъ, и способствовать къ образованію капиталовъ принадлежащихъ духовенству того или другаго благочинническаго округа, капиталы сіи могли бы служить средствомъ къ вспоможенію сиротамъ этого духовенства, могли бы быть выдаваемы заимообразно тѣмъ или другимъ членамъ его въ какихъ либо особенныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ при выдачѣ въ замужество дочерей ихъ, и т. под., или могли бы служить къ поддержанію тѣхъ или другихъ, могущихъ учредиться въ уѣздахъ или благочиніяхъ, образовательныхъ или благотворительныхъ для духовенства заведеній. Намъ доводилось говорить объ этомъ съ нѣкоторыми священниками внутреннихъ губерній, и они выражали полное сочувствіе къ этой мѣрѣ улучшенія

ихъ быта, но, привыкши жить, такъ сказать, подъ опекою, и дѣйствовать только по указаніямъ свыше, они не могли, не смѣли сами собою, безъ предписанія отъ начальства, рѣшиться на приведеніе ея въ исполненіе.

Таковы наши мысли объ улучшеніи быта православнаго бѣлаго духовенства! То есть, повторимъ, для улучшенія его нужно—во первыхъ, чтобы правительство не оставило безъ вознагражденія священниковъ за услуги ихъ ему оказываемыя, во вторыхъ, чтобы приходскіе попечительные совѣты приняли надлежащее участіе въ матеріальномъ обезпеченіи своихъ духовныхъ пастырей, за попеченіе ихъ о душевномъ спасеніи духовныхъ чадъ своихъ, и, наконецъ, чтобы духовенство само позаботилось о благосостояніи всѣхъ членовъ своихъ и въ своей средѣ изыскало и испробовало всѣ позволительные для него и могущіе содѣйствовать улучшенію быта его способы.

Архимандритъ Викторинъ.

Тифлисъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА

НАЧАЛЬНИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ ПЕКИНѢ АРХИМАНДРИТА ГУРІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ СЕЙ МИССІИ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1859—1862 ГОДОВЪ.

По прибытіи миссіи въ Пекинъ въ концѣ 1858 года небольшой приходъ при успенскомъ храмѣ ввѣренъ былъ ближайшему надзору и попеченію іеромонаха Александра. Съ октября мѣсяца не проходило ни одной (почти) службы [1] безъ того, чтобъ въ приходской нашей церкви кого-либо не крестили; случалось, что крестились по нѣскольку человѣкъ за-разъ. Къ празднику Рождества Христова всего окрещено было до 30 человѣкъ. Къ пасхѣ слѣдующаго 1860 года окрещено было еще 30 человѣкъ. Вскорѣ послѣ пасхи іеромонахъ Александръ, по разстроенному здоровью, получилъ увольненіе отъ исполненія приходскихъ обязанностей. Вмѣсто него назначенъ былъ іеромонахъ Исаія, который въ началѣ апрѣля мѣсяца 1860 года переселился въ сѣверное подворье и занялся приходскими дѣлами. Новокрещенные поручены были для наученія людямъ свѣдущимъ, а вновь изъявлявшіе желаніе креститься стали допускаться къ крещенію по испытаніи, при чемъ требовалось по крайней мѣрѣ знаніе на изусть символа вѣры,

(1) Здѣсь служба совершается только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

10 заповѣдей и молитвы Господней. Дѣти помѣщались въ училище и сподоблялись крещенія только послѣ того, какъ выучатъ краткій катихизисъ и ежедневныя молитвы. Къ концу 1860 года іеромонахомъ Исаіею окрещено было 30 человѣкъ, и до 50 человѣкъ готовились къ крещенію.

Въ 1861 году миссіонерская дѣятельность продолжалась прежнимъ порядкомъ. Наставленія въ вѣрѣ чрезъ Албазинцевъ и крещеніе приготовленныхъ были постоянны. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, воспользовавшись первою возможностію, архимандритъ Гурій оставилъ южное подворье и переѣхалъ на житье въ сѣверное; а съ сентября мѣсяца принялъ участіе въ приходѣ, взявъ на себя часть катихизическую и не оставляя занятій по переводу Священнаго Писанія Новаго Завѣта, съ 1859 года имъ предпринятаго. Въ первое время бесѣды архимандрита Гурія съ прихожанами были довольно часты,—три раза въ недѣлю. Но такъ какъ это отнимало значительную часть его времени и слѣд., мѣшало предпринятому переводу Св. Писанія, дѣлу не меньшей важности, то, по общему соглашенію, рѣшили, начиная съ пасхи 1862 года, собираться для катихизическихъ бесѣдъ только по воскресеньямъ, тотчасъ послѣ обѣдни.

Бесѣды катихизическія были бесѣдами въ собственномъ смыслѣ. Въ воскресные дни обыкновенно кто нибудь изъ дѣтей расказываетъ евангеліе, которое въ тотъ день читано въ церкви на славянскомъ языкѣ и учителемъ — катихизаторомъ расказано по китайски во время причастна. За тѣмъ, по содержанію Евангелія предлагается, заключающееся въ немъ, наставленіе, съ возможно близкимъ примѣненіемъ его къ жизни. Это-то примѣненіе собственно и составляетъ бесѣду, въ кото-

рой принимаютъ участіе всѣ. Здѣсь предъявляются недоумѣнія, разныя трудности совмѣстить принятые обычаи съ требованіями Евангелія и проч. За тѣмъ, если есть время (¹), предлагается очередное чтеніе изъ катихизиса, или свящ. исторіи, или изъ другихъ, имѣющихся на китайскомъ языкѣ, книгъ духовнаго содержанія. Само собою разумѣется, что чтеніе происходитъ только для поддержанія порядка въ разговорѣ. Прочитанное тотчасъ же становится темою для разговора, и подвергается точному, и по возможности полному объясненію на общепонятномъ языкѣ. Въ простые же дни, когда собирались по три раза въ недѣлю, не было чтеній изъ Евангелія; только продолжали очередное чтеніе по книгамъ и въ порядкѣ читаннаго производилось толкованіе. Такимъ образомъ съ сентября 1861 года по сіе время прочитаны и протолкованы: а) краткій катихизисъ, б) свящ. исторія ветхаго Завѣта, в) жизнь Господа нашего Іисуса Христа, г) небольшая книжка, (составленная по вопросамъ и отвѣтамъ), о постѣ, молитвѣ, исповѣди и свят. причащеніи, д) молитвословія на разные случаи, е) знаніе обрядовъ и дѣйствій, при совершеніи семи таинствъ, ж) составъ богослуженія вечерняго, утренняго и литургіи и наконецъ з) исторія Церкви Христовой до нашего времени (кратко).

Нельзя было безъ утѣшенія смотрѣть на усердіе и внимательность, съ какими посѣщались (и посѣщаются) эти бесѣды. Польза отъ нихъ не только личная для каждаго, посѣщающаго собраніе, но и для дѣла распространенія православія. До сихъ поръ всѣ обращенія и наставленія въ вѣрѣ принимающихъ крещеніе со-

(¹) Условлено оканчивать бесѣду не раньше двухъ часовъ.

вершались чрезъ Албазинцевъ. Уясненіе свѣта вѣры въ самихъ этихъ наставникахъ облегчитъ имъ передачу ими наставленій другимъ, не крещеннымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ускоритъ самое распространеніе православія.

Въ настоящее время дѣятельность миссіонерскую оказалось возможнымъ распространить за предѣлы Пекина, не прекращая ее въ самомъ городѣ. Въ деревнѣ Дунъ-динъ (Матеу-тожъ), отстоящей отъ Пекина верстахъ въ 50 съ небольшимъ, было нашихъ православныхъ христіанъ нѣсколько человѣкъ (до 10), всѣ мущины, большая часть люди семейные. Семейства же ихъ: жены, дѣти (исключая тѣхъ мальчиковъ, кои получаютъ какую нибудь должность въ русскомъ подворьѣ, или поступаютъ въ училище на казенное содержаніе) были всѣ некрещенные. Случайно заѣхавши въ эту деревню, нашъ іеромонахъ Александръ узналъ, что у деревенскихъ нашихъ христіанъ нѣтъ ни книгъ (христіанскихъ), ни людей, которые учили бы ихъ по книгамъ. Немедленно съ книгами и порученіемъ—заняться наставленіемъ въ вѣрѣ - отправленъ былъ сынъ Терентія (бывшаго катихизатора, теперь уже умершаго) Моѵсей, человѣкъ молодой, но солидный. Онъ пробылъ въ деревнѣ двѣ недѣли и привезъ извѣстіе, что расположенныхъ къ христіанству въ этой деревнѣ много, но что жена Вонифатія (старшаго въ родѣ изъ нашихъ христіанъ въ деревнѣ) рѣшительно противъ христіанства [1]. Въ концѣ октября 1861 года, когда можно было съ достовѣрностію предполагать, что полевыя работы кончены, іеромонахъ Исаія отправился въ Дунъ-динъ—окрестить

---

[1] Два старшіе сына ея были крещены и оба въ молодости померли. Старуха вообразила, что Будда мститъ за измѣну вѣрѣ.

желающихъ и готовыхъ къ крещенію, разсѣять предубѣжденія этой старухи (жены Вонифатія) и вообще обратить вниманіе на бытъ и отношенія нашихъ христіанъ къ ихъ сосѣдямъ, чтобы придумать средства къ упроченію христіанства въ тамошнемъ мѣстѣ. Съ іеромонахомъ Исаіею отправились катихизаторъ Иванъ и учитель училища Никита. Они должны были облегчать разговоръ іеромонаха Исаіи съ мужичками ([1]). По возвращеніи своемъ іеромонахъ Исаія донесъ начальнику миссіи, что въ деревнѣ онъ нашелъ всё въ порядкѣ, что приняли его тамъ радушно, слушали внимательно, что онъ окрестилъ только 30 человѣкъ, но что желающихъ креститься явилось къ нему много, что крещеніе ихъ онъ отложилъ до времени, когда они болѣе ознакомятся съ христіанствомъ и что за наставленіями въ вѣрѣ онъ посовѣтовалъ имъ обращаться къ Владиміру (одному изъ крестьянъ той же деревни, въ малолѣтствѣ два года учившемуся въ нашемъ училищѣ въ Пекинѣ),—и что онъ, іеромонахъ Исаія, находитъ полезнымъ и возможнымъ открыть въ этой деревнѣ училище для дѣтей съ тѣмъ, чтобъ отъ дѣтей по немногу учились и взрослые; училище же это можно поручить до времени тому же Владиміру. При этомъ іеромонахъ Исаія объявилъ, что изъ окрещенныхъ имъ онъ причастилъ Св. Таинъ (запасными Дарами) одну старуху и одну разслабленную, но никого не вѣнчалъ, по неимѣнію на этотъ предметъ разрѣшенія и нѣкоторыхъ церковныхъ принадлежностей, а на пріѣздъ женщинъ съ своими мужьями въ городъ для вѣнчанія онъ не надѣется.

([1]) Никита очень хорошо говоритъ по русски. Онъ воспитанникъ нашего училища и подаетъ большія надежды.

Почти вслѣдъ за іеромонахомъ Исаіею явился и Владиміръ. Послѣ недолгихъ разсужденій о мѣрахъ согласить его интересы съ обязанностями наставника въ замышляемомъ училищѣ, поручено ему собрать мальчиковъ и учить ихъ молитвамъ, граматѣ и письму; дано ему нѣсколько экземпляровъ свящ. исторіи ветхаго завѣта и катихизиса; обѣщано въ вознагражденіе его трудовъ, на наемъ работника для поля и на расходы по училищу не большое вознагражденіе (¹). Такимъ образомъ съ половины ноября 1861 года въ деревнѣ Дунъ-динъ открыто и существуетъ православное училище, въ которомъ теперь обучаются шесть мальчиковъ и одна дѣвочка.

Между тѣмъ, имѣя въ виду вышеизъясненный отзывъ іеромонаха Исаіи, начальникъ миссіи отнесся въ Иркутскъ къ преосвященному Парѳенію, съ просьбою благословить миссію св. антиминсомъ для совершенія литургіи въ вышеозначенной деревнѣ, разрѣшить вѣнчать браки (въ деревнѣ) внѣ храма и снабдить иконами и крестиками, въ которыхъ была крайняя нужда. Въ тоже время о нуждѣ въ иконахъ и крестикахъ написано было архимадритомъ Гуріемъ къ г. директору азіятскаго департамента.

Въ концѣ ноября изъ деревни пріѣхали въ миссію пять человѣкъ мужчинъ и, сверхъ всякаго чаянія, пять женщинъ. Всѣ они изъ новокрещенныхъ; пріѣхали поговѣть и причаститься Св. Таинъ. Мущины оставлены въ подворьѣ, а женщины помѣщены были въ женскомъ училищѣ, гдѣ и наставницы и воспитанницы, кои повозрастнѣе, могли быть полезными имъ собесѣдницами.

(¹) Около 50 рублей сер. въ годъ.

Собственно для новоприбывших была совершена семидневная служба, которую они усердно посѣщали. Бывали они и на бесѣдахъ катихизическихъ; ходили и къ нѣкоторымъ изъ Албазинцовъ. Видно было, что всё, что они видятъ и слышатъ, ихъ очень интересуетъ, что всѣмъ они довольны; но особенно поразила ихъ внимательность, съ какою миссіонеры заботятся о воспитаніи дѣтей,— что передъ отъѣздомъ своимъ, по исполненіи христіанскаго долга, ясно высказали (¹).

Къ празднику Рождества Христова, по прежнимъ примѣрамъ, прибыли изъ той же деревни нѣсколько человѣкъ изъ прежде крещенныхъ. Поблагодаривъ стариковъ за пріемъ, оказанный іеромонаху Исаіи, за содѣйствіе ему при крещеніи новообратившихся, начальникъ миссіи обратилъ ихъ вниманіе на тѣ неудобства, которыя, по тѣснотѣ и неособенно большой опрятности ихъ жилищъ, не избѣжны при совершеніи священнодѣйствій, и совѣтовалъ имъ общими силами подумать: не изыщется ли какихъ-либо средствъ устроить въ ихъ селѣ хоть небольшой молитвенный домъ? Всѣ обрадовались этой мысли, но, какъ легко было предвидѣть, совершенно не знали, гдѣ взять денегъ на покрытіе расходовъ, необходимыхъ при постройкѣ даже и небольшаго молитвеннаго дома. Старики однакожъ дали обѣщаніе об-

(¹) Училище для мальчиковъ—въ Китаѣ не рѣдкость. Но училище для дѣвочекъ рѣшительно нововведеніе. Нельзя сказать, чтобъ китайцы не учили своихъ дочерей: учатъ кой-чему и дѣвочекъ, но только люди богатые и во всякомъ случаѣ у себя на дому, какъ бы по секрету. Училище же, содержимое отъ казны и открытое для всѣхъ дѣвочекъ, преимущественно бѣдныхъ, желающихъ научиться христіанству, а отчасти и рукодѣлью, необходимому въ семейномъ быту, — дѣйствительно вещь въ Китаѣ новая, и не можетъ не поражать китайца!

думать предложенную имъ мысль и, какъ доказали последствія, сдержали свое слово.

1862 годъ начался для миссіи счастливымъ событіемъ. Въ концѣ января съ тяжелою почтою полученъ былъ св. антиминсъ, присланный преосвященнымъ Парѳеніемъ для походной церкви во имя Святителя Иннокентія. При семъ преосвященный Парѳеній между прочимъ увѣдомилъ, что свят. иконы и крестики, о которыхъ просилъ архимандритъ Гурій, поручено одному протоіерею собрать по церквамъ и, по изготовленіи ихъ въ достаточномъ количествѣ, переслать въ Пекинъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ обѣщанныя иконы и крестики дѣйствительно пришли въ значительномъ количествѣ [1]. Между тѣмъ и письмо къ директору азіатскаго департамента о нуждахъ церкви не осталось безъ послѣдствій. Въ іюнѣ мѣсяцѣ азіатскій департаментъ увѣдомилъ, что „по доведеніи до свѣденія Государыни Императрицы о необходимости имѣть въ миссіи иконы и крестики для раздачи новообращеннымъ христіанамъ, Ея Величеству благоугодно было приказать изготовить на собственное Ея иждивеніе означенные предметы и отправить въ Пекинъ. Съ сентябрьскою почтою получены были въ двухъ ящикахъ а) 65 иконъ превосходнаго письма на мѣдныхъ доскахъ, б) 200 серебряныхъ вызолоченныхъ крестиковъ и в) 25 финифтяныхъ образковъ, въ серебряной оправѣ подъ позолотою. Даръ, по изящной работѣ и

[1] Къ сожалѣнію, нѣсколько иконъ очень пострадали въ дорогѣ, иныя же по большому формату для употребленія въ домахъ неудобны. Но большая часть весьма годны въ дѣло, могутъ быть раздаваемы (и раздаются) нуждающимся. На долго ли достанетъ этаго запаса, неизвѣстно, но было бы очень нелишне, еслибъ нашлась возможность подкрѣпить эти средства.

цѣнности, истинно царскій! Излишне и говорить о томъ, съ какою благодарностію приняла миссія этотъ даръ христіанскаго усердія. Миссіонеры видѣли въ немъ знаменіе Божія благоволенія, залогъ небесной помощи въ дѣлѣ проповѣди слова Божія.

Оглашеніе и крещеніе достаточно приготовленныхъ продолжалось и въ 1862 году, какъ и прежде, хотя не съ прежнимъ успѣхомъ. Это впрочемъ зависѣло отъ того, что въ прежніе годы миссія обращала свою дѣятельность чрезъ Албазинцевъ на ихъ некрещенныхъ родственниковъ, сосѣдей, знакомыхъ т. е. дѣйствовала въ средѣ болѣе или менѣе подготовленной; теперь же, перешедши на почву новую, ещё нетронутую, миссія встрѣчаетъ больше трудностей и нерѣдко при значительныхъ усиліяхъ достигаетъ результатовъ не столь замѣтныхъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на слѣдующій примѣръ. Домъ графа Эль съ 1861 года началъ знакомится съ христіанствомъ. Теперь нетолько господа, но и вся ихъ прислуга (человѣкъ до 40), всѣ желаютъ принять крещеніе, и уже достаточно къ тому приготовлены. Но у старшихъ недостаетъ духу объявить себя христіанами: боятся, не испортить бы служебной карьеры молодаго графа. Указъ Богдыхана въ пользу христіанства ихъ неуспокоиваетъ. „Наказывать за принятіе христіанства никогда нестанутъ", обыкновенно говоритъ первая жена покойнаго графа ([1]), но весьма легко найти другой предлогъ, такъ, что и вы (т. е. русское посольство) защитить насъ несможете". Нынѣшнимъ лѣтомъ, однакожъ, Господь помогъ окре-

([1]) Въ Китаѣ дозволено многоженство; притомъ, сверхъ женъ могутъ быть и наложницы.

стить одну женщину изъ этого дома, именно: вторую жену умершаго графа. Во время самой сильной холеры эта дама прислала сказать, что она желала бы принять крещеніе, но безъ огласки; поэтому просила прислать кого-нибудь изъ женщинъ окрестить ее тайно. Снисходя человѣческой немощи, архимандритъ Гурій послалъ старшую наставницу при женскомъ училищѣ Марію окрестить графиню, внушивъ при томъ обязать ее при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно явиться въ церковь для совершенія мvропомазанія. Въ началѣ декабря графъ получилъ должность смотрителя богдыханскихъ кладбищъ При отправленіи на мѣсто службы ему необходимо было взять съ собою и свое семейство; потому что его отсутствіе изъ города имѣло продолжиться по крайней мѣрѣ три года; графиня, во св. крещеніи нареченная *Марія*, поспѣшила исполнить свое обѣщаніе, но явилась въ подворье уже не одна; съ нею пріѣхала и ея тетка, которая тогда же крещена и наречена *Анною*. Такимъ образомъ въ два года томительныхъ хлопотъ—и только двѣ души! И за то благодареніе Господу. Бываютъ хлопоты и томительные, но совершенно безуспѣшные.

Въ началѣ марта, на третьей недѣлѣ великаго поста (1862 г.), іеромонахъ Исаія отправился въ деревню Дунъ-динъ, взявъ съ собою все необходимое для совершенія великопостной службы и божественной литургіи. Цѣль этой поѣздки была собственно доставить случай поговѣть тѣмъ изъ нашихъ христіанъ, кои по своимъ обстоятельствамъ не могутъ прибыть въ подворье, кстати окрестить приготовленныхъ къ крещенію и вообще посмотрѣть, какъ идутъ тамъ дѣла. У поселянъ возникла размолвка, будто бы изъ за денегъ, данныхъ

крестьянину Владиміру на расходы по училищу. Надо было разузнать объ этомъ и сдѣлать приличное распоряженіе безотлагательно. Прибывъ на мѣсто, іеромонахъ Исаія нашелъ, что слухи до нѣкоторой степени справедливы, но дѣло не до такой степени важно, чтобъ можно было опасаться серьезнаго раздора. Виноватые были обличены и дѣло улажено къ общему удовольствію.

Въ это посѣщеніе окрещено только *четыре* человѣка. Но для упроченія православной вѣры въ этой деревнѣ сдѣланъ большой шагъ впередъ. Напомнивъ крестьянамъ настоятельную надобность въ устройствѣ молитвеннаго дома, въ которомъ съ бо́льшимъ приличіемъ и удобствомъ можно было бы совершать для нихъ всѣ церковныя службы и особенно таинства, іеромонахъ Исаія сумѣлъ укрѣпить крестьянъ въ рѣшимости на это доброе дѣло. Старикъ Вонифатій отдалъ свое поле подъ предполагаемый молитвенный домъ; иные дали по силамъ своимъ денегъ; другіе обѣщали лошадь съ упряжью и работникомъ на время постройки, а совершенно бѣдные предложили свой личный трудъ при постройкѣ. Бо́льшаго отъ этихъ людей и желать невозможно. Если Господь благословитъ устроить этотъ домъ, то не только службы наши тамъ будутъ совершаться съ бо́льшимъ приличіемъ, но, что особенно важно, молитвенный домъ этотъ будетъ залогомъ Божія благословенія и надежною опорою для дальнѣйшихъ дѣйствій въ обращеніи ко Христу остальнаго населенія. Когда, по возвращеніи въ подворье, іеромонахъ Исаія донесъ о согласіи крестьянъ на постройку часовни, объ ихъ пожертвованіяхъ, равно и о томъ, что, по примѣрному расчету, постройка молитвеннаго дома

(съ небольшою при немъ, подъ особою крышею пристройкою для освященника, на время его пріѣзда) обойдется рублей въ 500 серебромъ, то миссія обратилась къ своей русской семьѣ и въ ней поискала благотворителей; потому что ожидать, пока крестьяне сами между собою соберутъ необходимую сумму, было бы долго, да и неблагоразумно. Въ Пекинѣ случились на то время нѣкоторые кяхтинскіе купцы. Миссія пригласила и ихъ къ участію. Они съ удовольствіемъ сдѣлали пожертвованія въ пользу этаго дѣла. Кромѣ того г-нъ министръ-резидентъ Л. Ѳ. Баллюзекъ, прислалъ 253 р. 46 к. сер., полученныхъ имъ изъ Иркутска, гдѣ деньги сіи собраны были въ пользу православныхъ христіанъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ набралось теперь всего болѣе 500 руб. сер. Между тѣмъ имѣются въ виду и еще нѣкоторыя суммы, именно: супруга г. министра-резидента Баллюзекъ обѣщала на этотъ предметъ 150 р. сер. Вообще, при помощи Божіей, можно надѣяться на сборъ всего необходимаго для вышепомянутаго дѣла. Кирпичь и дерево уже куплены; за тѣмъ остальное—глина, песокъ, известь и проч. все будетъ найдено на мѣстѣ. Остается испросить благословеніе Божіе на это начинаніе. По намѣренію начальника миссіи зданіе должно быть не больше, какъ молитвенный домъ,—часовня. Со временемъ, когда обстоятельства укажутъ, можетъ быть устроена здѣсь и церковь. Изъ этого легкаго очерка дѣйствій миссіи по распространенію православной вѣры между китайцами можно видѣть, что миссія трудилась на пользу православной церкви по силамъ и крайнему разумѣнію. Въ три года времени, большею частію неблагопріятнаго для распространенія вѣры, окрещено около 200 человѣкъ варо-

слыхъ обоего пола изъ язычниковъ. Успѣхъ по цифрѣ, конечно, скромный, но по средствамъ не маловажный.

Въ будущемъ Пекинъ представляетъ обширное поле для миссіонерской дѣятельности, поле, на которомъ трудно назначить предѣлъ успѣхамъ въ распространеніи православной вѣры. Конечно для этого надобно развить, усилить средства миссіи, принаровить ихъ къ современному положенію Китая.

ДУХОВНЫЯ СЕМИНАРІИ ВЪ ИСПАНІИ.

Духовныя семинаріи Испаніи обязаны своимъ фактическимъ существованіемъ—правительству гражданскому. И это очень странно въ католической землѣ, духовенство которой во всемъ привыкло относиться къ папѣ и не допускать вмѣшательства правительства гражданскаго даже въ такія церковныя дѣла, которыя прямо касаются государства; и тѣмъ страннѣе въ землѣ, въ которой единственно духовенство нѣкогда основывало и поддерживало университеты.

Объ учрежденіи на западѣ духовныхъ семинарій заговорилъ Тридентскій соборъ; онъ же далъ для нихъ и подробныя правила. Къ этой мѣрѣ западное духовенство было вынуждено бурей, поднятой противъ него лютеранствомъ. Во времена Тридентскаго собора на западѣ процвѣтали чисто церковные знаменитые университеты въ Болоньѣ, Парижѣ и Саламанкѣ, не говоря уже о многихъ другихъ менѣе значительныхъ, которыхъ въ одной Испаніи насчитывалось около тридцати. Но плохихъ борцовъ могли выставить эти ученыя общества противъ лютеранизма. Каноническое право было главнымъ предметомъ изученія въ этихъ университетахъ,—право, котораго большая часть источниковъ не восходила раньше седьмаго или осьмаго вѣка (1). Бо-

---

(1) Вещь замѣчательная: до настоящаго столѣтія, въ Испаніи не знали постановленій древнихъ испанскихъ ссобровъ, каковъ соборъ Ельвир-

гословіе и изученіе Писанія было въ такомъ пренебреженіи, что знаменитый Саламанскій университетъ, по преимуществу церковный, долгое время не считалъ ихъ между предметами своихъ курсовъ, а когда принялъ ихъ въ свои курсы, то не имѣлъ для нихъ слушателей. Эти университеты приготовляли канонистовъ, которые могли искусно мирить въ канонахъ противорѣчія, совершенно непримиримыя, могли бороться и могли побѣждать тѣхъ, кто стоялъ съ ними на одной почвѣ. Но Лютеръ подступалъ къ католичеству съ другой стороны и съ инаго рода оружіемъ: онъ шелъ съ Библіей въ рукахъ, которой католичество пренебрегло, и которую даже запрещало читать; онъ обращался къ религіозному чувству народа, чувству, объ образованіи котораго высшее латинское духовенство не заботилось. Для службы папы нужны были канонисты; а что для народа нужны были добрые пастыри,—это было не его дѣло. Соборъ Арандскій въ Испаніи въ 1473 году представляетъ приходское испанское духовенство столь невѣжественнымъ, что будто бы приходскіе священники не могли читать по латыни,—не знали языка богослуженія. Куда же дѣвались образованные канонисты? А ихъ было не мало: около этого времени одинъ Саламанскій университетъ на факультетѣ каноническаго права постоянно считалъ однихъ студентовъ — matriculantes, не говоря о свободныхъ слушателяхъ, до 6,000. А въ это время въ Испаніи было и много другихъ университетовъ и коллегій со множествомъ канонистовъ, въ Вальядолидѣ, Гуескѣ, Валенсіи, Барселонѣ и др. Кано-

скій, бывшій подъ председательствомъ извѣстнаго св. Осіи Кордовскаго, и не изучали древнихъ каноническихъ правилъ, которыми Испанія руководилась до IX-го вѣка.

нисты не имѣли никакого интереса дѣлаться приходскими священниками: если имъ не удавалось занимать доходныхъ мѣстъ въ гражданской службѣ, которая въ тотъ вѣкъ обладанія духовенства требовала знанія особенно каноническаго права, то они дѣлались членами многочисленныхъ монашескихъ орденовъ, которые обладали тогда огромными имуществами и откуда была ближайшая дорога къ занятію высшихъ духовныхъ мѣстъ. Приходскими священниками дѣлались тѣ, которые были ни къ чему не способны, люди безъ характера и безъ надежды, которые совершенно не понимали обязанностей приходскаго священника, знали только, что эта должность даетъ кусокъ хлѣба. Высшее духовенство своимъ презрѣніемъ низшаго приходскаго духовенства еще болѣе унижало его, не желая понять того, что оно же и было причиною его крайне худаго религіознаго и нравственнаго состоянія. Вотъ, что писалъ кардиналъ Агирра, держа себя на всей кардинальской высотѣ, объ испанскомъ приходскомъ духовенствѣ XVI-го вѣка: „in Hispaniae Sacerdotes invaserat pudenda litterarum inscitia usque eó ut pauci latinè scirent, ventri gulaeque servientes, avaritiâ rapaces in Ecclesiam Dei manus injecerant, et quod olim emere Sacerdotia simonia erat, tunc industria censebatur.“ Если университеты и монашескія коллегіи Испаніи произвели-то множество многотомныхъ сочиненій, преимущественно по каноническому праву (1), которыя теперь наполняютъ библіотеки

(1) Мы не хотимъ здѣсь забыть знаменитую Πολυγλοττα кардинала Цизнероса, знаменитаго основателя университета въ Алкалѣ, въ 1505 году. Цизнеросъ основалъ университетъ, а равно и издалъ Библію на многихъ языкахъ съ мыслію поощрять изученіе Священнаго Писанія, которое было въ совершенномъ пренебреженіи. Но алкаласкій универ-

Испаніи, то по сознанію самихъ испанцевъ, они не только ничего не сдѣлали для религіознаго образованія народа, но даже препятствовали ему, отвлекая силы и тратя деньги на труды совершенно безполезные, на воспитаніе юношества въ духѣ совершенно противномъ національнымъ пользамъ.

По мысли Тридентскаго собора семинаріи должны были удовлетворить настоятельной нуждѣ приготовленія хорошихъ приходскихъ священниковъ. Онъ возлагалъ все бремя устройства семинарій на мѣстныхъ епископовъ. Но это бремя казалось для нихъ невыносимымъ: они охотнѣе основывали университеты, чѣмъ семинаріи, — потому что первые приготовляли для широкой дороги, для видныхъ мѣстъ, а послѣднія должны были приготовлять для скромной службы приходскихъ священниковъ. Правила и положенія Тридентскаго собора были признаны дѣйствующимъ закономъ Испаніи граматою Филиппа II-го отъ 12-го іюля, 1564 года. Но въ Испаніи только къ концу этого столѣтія появилось нѣсколько семинарій, которыя впрочемъ существовали почти-что только по имени: епископы хотѣли устроить эти семинаріи съ такою экономіей, что часто ректоръ семинаріи былъ и единственнымъ наставникомъ для всей семинаріи. Вещь замѣчательная, что даже тѣ испанскіе епископы, которые присутствовали на Тридентскомъ соборѣ, не исполнили какъ слѣдуетъ его положеній объ устройствѣ семинарій. Таковы были епископы Саламанки и Алкалы, которые вмѣсто семинарій, изъ эко-

---

ситетъ съ смертію своего основателя забылъ его мысль и вступилъ на дорогу, общую всѣмъ университетамъ Испаніи,—изученія каноническаго права.

номіи, какъ говоритъ испанскій церковный историкъ Лафуенте ([1]), основали при университетахъ этихъ городовъ отдѣленія для приготовленія приходскихъ священниковъ. Большая же часть епископовъ не позаботились и видимо объ исполненіи этихъ положеній Тридентскаго собора: они любили жить, какъ истинные „сеньеры", но устройство семинарій требовало отъ нихъ удѣлить часть своихъ богатыхъ рентъ, что грозило принудить ихъ жить жизнію епископовъ. Благо монашескіе ордена повсюду имѣли свои коллегіи и всегда могли дать образованныхъ членовъ кабильда и кандидатовъ епископства; а съ приходскими священниками епископы видѣлись только при ихъ посвященіи: епископовъ окружалъ приличный кабиладъ, а что было тамъ дальше, это дѣло заглазное и ихъ касалось это мало. Впрочемъ, слухи о невѣжествѣ, грубости и безнравственности приходскаго духовенства доходили до ушей епископовъ; но результатомъ этого было только то, что епископы еще больше презирали приходское духовенство и еще крѣпче запирались въ своемъ кабиладѣ.

Гроза лютеранства не коснулась Испаніи: ее оградила крѣпкая рука инквизиціи. Стало быть не было нужды подумать объ исправленіи тѣхъ недостатковъ, противъ которыхъ возставала реформація. Испанія осталась и кажется еще остается до нынѣ „по преимуществу католическою"—eminente catolica, то-есть страною, въ которой всего меньше исправлены церковные недостатки, противъ которыхъ возставалъ еще Лютеръ. До вре-

([1]) Historia Ecclesiastica de Espana, par. D. Vicente de la Fuente, въ четырехъ томахъ.

менъ Карла III-го, то-есть до второй половины прошедшаго столѣтія, семинаріи, которыхъ назадъ тому 200 лѣтъ требовалъ Тридентскій соборъ (1551 г.), можно сказать несуществовали въ Испаніи; приходское духовенство около этого времени было также невѣжественно, какъ и во времена Тридентскаго собора. Этотъ испанскій государь, отличавшійся реформаторскимъ духомъ въ дѣлахъ чисто гражданскаго управленія государствомъ, обратилъ особенное вниманіе и на дѣла церковныя. Его министры—патріоты Аранда, Флоридабланко и особенно Ховелланосъ хорошо знали жизнь своего народа, видѣли его невѣжество и крайнее суевѣріе, а вмѣстѣ и невѣжество его духовныхъ руководителей. По совѣту этихъ министровъ Карлъ III-й началъ стѣснять и ограничивать вредныя націи привиллегіи высшаго и особенно монашескаго духовенства; чрезвычайное множество монашескихъ коллегій, совершенно безполезныхъ для народа и націи, его мѣрами было сокращено до половины; наконецъ имъ были изгнаны іезуиты, въ рукахъ которыхъ въ это время во вредъ націи были большая часть университетовъ и коллегій Испаніи. Послѣднимъ фактомъ, именно изгнаніемъ іезуитовъ, Карлъ III-й и положилъ основаніе семинаріямъ Испаніи, по правиламъ Тридентскаго собора: онъ нѣкоторымъ образомъ навязалъ эти семинаріи епископамъ вопреки ихъ желаніямъ. Но благо эти семинаріи теперь имъ ничего не стоили: для нихъ были отданы дома іезуитскихъ коллегій и онѣ должны были содержаться на ренты съ іезуитскихъ имѣній. Такія семинаріи были основаны въ Саламанкѣ, Барселонѣ, Урхелѣ, Херонѣ, Леридѣ, Сегорбе, Теруелѣ, Логронвѣ, Туделѣ, Сарагоссѣ и Пампелонѣ. Къ несчастію, зданія

коллегій іезуитскихъ въ Алкалѣ и Севильѣ были отданы подъ университеты: и Алкала, пока была епископіей (теперь нѣтъ епископа въ Алкалѣ и она находится въ вѣденіи толедскаго архіепископа и управляется викаріемъ послѣдняго, живущимъ въ Мадритѣ), оставалась безъ семинаріи; Севилья, архіепископія, не имѣла семинаріи до 1848 года.

Между тѣмъ съ царствованія Карла III-го начали смѣлѣе и смѣлѣе раздаваться голоса противъ привилегій высшаго и монашескаго духовенства и противъ обладанія ими огромными имуществами; появляются горячія сочиненія, въ которыхъ основательно доказывается, что крайняя бѣдность народа, чрезвычайный упадокъ земледѣлія и торговли зависятъ именно отъ того, что въ рукахъ духовенства не производительно сосредоточены огромнѣйшія земли и имѣнія. Таковы сочиненія извѣстнаго испанскаго писателя и государственнаго человѣка конца прошедшаго столѣтія, Кампоманеса: Tratacto de la ragalia de amortizacion; Juicio Imparcial; Respusta tiscal sobre el expediente del Obispo de Cuenca; такова записка, представленная королю Карлу IV-му министромъ финансовъ г. Кангой Аргельесомъ (Canga Arguelles) въ 1802 году, въ которой онъ плохое состояніе земледѣлія, промышленности и торговли прямо приписываетъ сосредоточенію земель и имѣній въ непроизводительныхъ рукахъ духовенства. Такіе голоса раздавались даже со стороны духовныхъ лицъ; таковъ голосъ отца Марины, каноника церкви св. Исидора въ Мадритѣ и вмѣстѣ директора Академіи Исторіи, человѣка глубоко ученаго и во всей обширности знакомаго съ исторіей своего народа (¹). Вообще все

(¹) Намъ удалось прочитать два его сочиненія: Ensayo Historico-criti-

говорило, что рано или поздно епископы и монашескіе ордена лишатся своихъ богатыхъ имѣній. Въ виду этихъ опасностей нѣкоторые епископы наконецъ сами захотѣли основать семинаріи для своихъ діоцезовъ—исполнить долгъ, который лежалъ на нихъ со времени Тридентскаго собора. Но тѣ изъ епископовъ, которымъ самое положеніе внушало больше самонадѣянности, медлили исполнить этотъ долгъ до самой послѣдней возможности; таковы были первыя архіепископіи Испаніи Толедо и Севилья: въ Толедо семинарія была открыта только въ 1847 году, въ слѣдующемъ году была открыта и въ Севильѣ.

Всѣ эти семинаріи при основаніи принимали за руководство правила Тридентскаго собора, а потому и назывались „соборными" — *conciliares*, семинаріями *ad normam concilii*. Тридентскій соборъ дѣлаетъ епископа хозяиномъ семинаріи: епископъ самъ, безъ всякихъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, выбираетъ ректора для своей семинаріи, онъ предсѣдательствуетъ и рѣшаетъ выборъ наставниковъ для своей семинаріи, который долженъ производиться по конкурсу; онъ предсѣдательствуетъ на экзаменахъ, на которыхъ раздаются степени. Ректора соборъ представляетъ намѣстникомъ епископа,—а потому трактуетъ его какъ отца и тоже какъ хозяина семинаріи: власть ректора въ семинаріи не ограничена. По собору, семинарія должна быть совершенно замкнутымъ заведеніемъ: этотъ соборъ думалъ

---

co sobre la antiqua legislacion de los Reinos de Leon y de Castilla и другое: Teoria de las Cortes, собственно исторія древнихъ кортесовъ Испаніи. Первое напечатано въ 1808 году, а второе въ 1813; но до сего времени оба эти сочиненія считаются въ Испаніи классическими, по глубинѣ и обширности знакомства съ исторіей Испаніи.

предохранить будущихъ приходскихъ пастырей отъ той нравственной порчи, которую они видѣли въ дѣйствительномъ приходскомъ духовенствѣ. Женщина не должна переступать порога семинарій: воспитанникъ могъ видѣться съ матерью, съ сестрою—въ воротахъ семинаріи, но никакъ не въ самомъ зданіи семинаріи. Воспитанники семинаріи всѣ должны жить въ самомъ зданіи семинаріи. Такова сущность положеній Тридентскаго собора о семинаріяхъ. Въ этихъ положеніяхъ какъ нельзя больше выражается духъ того времени и особенныя обстоятельства духовенства латинскаго. Въ тотъ суровый вѣкъ надѣялись только прещеніемъ предохранить воспитанниковъ отъ дурнаго; совершеннымъ удаленіемъ отъ жизни думали приготовить нравственныхъ людей для жизни. Къ несчастію, отцы собора, обѣщая въ семинаріяхъ дать заведенія, въ которыхъ бы воспитывалось мірское духовенство, дали семинаріямъ тотъ характеръ, который имѣли и монашескія коллегіи: они забыли, что въ будущемъ воспитанникамъ семинарій предстояли не монастыри съ затворническою жизнію, а жизнь со всѣми ея соблазнами; имѣя въ виду обычай своей церкви—дѣвственность мірскаго духовенства, они смѣшали его съ монахами. Они упустили изъ виду то, что для борьбы съ жизнію, для которой предназначались воспитанники семинарій, нужно не невѣденіе ея, а развитіе нравственнаго чувства и нравственной энергіи. Извѣстно и до сего времени, что тѣмъ, отчего хочетъ оградить Тридентскій соборъ воспитанниковъ семинаріи, тѣмъ они скорѣе всего соблазняются, сдѣлавшись уже приходскими пастырями.

Но соборъ, опредѣляя сущность положеній для семинарій, предоставляетъ каждому епископу полную сво-

боду приложенія этихъ [illegible] положеній къ своему діоцезу. Оттого въ Испаніи до послѣдняго времени не было совершеннаго однообразія въ семинарскомъ образованіи: епископъ каждаго діоцеза при основаніи семинаріи давалъ ей свои положенія. Правда, то, что касалось правительственной и нравственной части семинарій, это было подробно опредѣлено Тридентскимъ соборомъ, а потому епископы—учредители семинарій мало что могли къ этому прибавлять отъ себя, и слово въ слово, повторяя другъ друга, точно повторяли правила собора. Но имъ была предоставлена свобода сокращенія и расширенія программы семинарскаго образованія, смотря по нуждамъ своего діоцеза. И изъ экономическихъ цѣлей, они иногда сокращали эту программу до крайней возможности. Часто ограничиваясь только латинскимъ языкомъ и богословіемъ, они выпускали изъ семинарій чистыхъ невѣждъ, не имѣвшихъ самыхъ простыхъ общечеловѣческихъ свѣденій.

Чтобы имѣть достаточное понятіе объ испанскихъ „соборныхъ" семинаріяхъ, мы познакомимъ съ находящимися у насъ подъ руками свѣдѣніями объ одной изъ таковыхъ семинарій, именно семинаріи въ діоцезѣ Сегорбе, въ провинціи Валенсіи. Эта семинарія была основана въ 1771 году. Для нея король Карлъ III-й подарилъ зданіе, которое прежде занималось іезуитской коллегіей, съ садомъ и со всѣми принадлежностями. Всѣ положенія этой семинаріи состоятъ изъ шестьнадцати артикловъ. Мы по возможности изложимъ всю сущность каждаго изъ этихъ артикловъ по порядку.

1—Трактуетъ о титулѣ или посвященіи семинаріи и характерѣ ея учрежденій. Каждая семинарія Испаніи посвящена какому нибудь святому или догмату, име-

немъ котораго она и называется. Настоящая семинарія посвящена имени Святыя Троицы и св. Апостола Петра. Правила, которыми она должна руководствоваться — это правила Тридентскаго собора, папскія опредѣленія и королевскія распоряженія. Послѣднее—было вопреки правиламъ Тридентскаго собора, но семинарія основывалась по милости короля.

2 — О числѣ служащихъ, учениковъ и служителей. Въ семинаріи считаются: одинъ ректоръ, одинъ наставникъ теологіи догматическо-нравственной, одинъ наставникъ философіи, одинъ наставникъ грамматикъ высшихъ и реторики, одинъ наставникъ грамматикъ низшихъ, одинъ наставникъ пѣнія, пасхаліи и литургіи, майор-домъ или что тоже экономъ, поваръ съ помощникомъ, портьеръ (швейцаръ) и два служителя, и пятнадцать человѣкъ воспитанниковъ. Эти пятнадцать воспитанниковъ содержатся самой семинаріей. Но въ эту семинарію допускаются своекоштные (porcionistas) съ непремѣннымъ условіемъ жить въ домѣ семинаріи и съ платою за содержаніе; сюда допускаются съ тѣми же условіями уже получившіе церковное посвященіе, которые бы хотѣли усовершенствовать себя въ богословскихъ наукахъ.

3—О службѣ и обязанностяхъ ректора. Домашнее и экономическое управленіе семинаріей лежитъ на ректорѣ, который непремѣнно долженъ быть священникъ, извѣстный ученостію, благоразуміемъ и испытанною трезвостію. Онъ непремѣнно долженъ жить и постоянно пребывать въ самой семинаріи, чтобы надлежащимъ образомъ могъ выполнять обязанности своего служенія Эти обязанности: предсѣдательствовать въ семинарской общинѣ (словами община—Comunidad, здѣсь на-

зываются всѣ служащіе въ семинаріи и ея воспитанники), управлять ею здраво и благоразумно, блюсти добрый порядокъ между ея членами и наблюдать, чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ свою обязанность; строго наблюдать за непремѣннымъ исполненіемъ настоящихъ положеній; и вообще какъ *начальникъ, директоръ и отецъ* нести на себѣ все домашнее управленіе семинаріей, заботясь неусыпно и чисто отечески (con desvelo y solicitud paternal) о добромъ воспитаніи юношества, о ихъ учебныхъ успѣхахъ и строгомъ надзорѣ за ними наставниковъ, заботясь о порядкѣ въ экономіи дома, о чистотѣ и сохранности мебели и вещей, особенно принадлежащихъ сакристіи и церкви, заботясь о хорошемъ управленіи всѣмъ принадлежащимъ семинаріи о духовномъ и временномъ благѣ всѣхъ ея членовъ.

4—О наставникахъ теологіи, философіи и грамматики. Выборъ ихъ долженъ производиться по конкурсу оппозиціи. Сообразно съ опредѣленіемъ Тридентскаго собора, при оппозиціи долженъ присутствовать епископъ, какъ предсѣдатель, и два депутата изъ канониковъ катедрала. Выбирается достойнѣйшій: но должны всегда предпочитаться священники, и за недостаткомъ ихъ тѣ, которые близки сдѣлаться ими. Во всякомъ же случаѣ наставники должны быть, по крайней мѣрѣ, постриженные клирики. Они, подобно ректору, должны жить и постоянно пребывать въ семинаріи. Имъ вмѣняется въ обязанность, вмѣстѣ съ ректоромъ, инспекторскій надзоръ за воспитанниками. Наставники, мѣняясь между собою, должны время отъ времени посѣщать комнаты воспитанниковъ, особенно въ часы учебные,

и каждый изъ наставниковъ особенно часто долженъ посѣщать комнаты воспитанниковъ своего относительнаго класса. Кромѣ того, они, поочередно, по назначенію ректора, должны сопутствовать воспитанникамъ въ катедралѣ, на прогулку, въ столовую и вообще когда они выходятъ всѣмъ обществомъ.

5—О наставникѣ пѣнія, пасхаліи и литургіи. Этотъ долженъ быть по преимуществу одинъ изъ бенефиціантовъ пѣвцовъ кафедральной церкви. По этому для него дѣлается та уступка, что онъ можетъ жить внѣ семинаріи и освобождается отъ инспекторской обязанности: его обязанность только дать лекцію въ извѣстный часъ.

6—О майордамѣ. Имъ долженъ быть священникъ, лице довѣренное, извѣстный благоразуміемъ и опытностію въ дѣлахъ экономіи. На его обязанности лежатъ хлопоты по экономіи: сборъ рентъ семинаріи, тяжбы и процессы, могущіе возникнуть по этому поводу, выдача жалованья служащимъ въ семинаріи, закупка провизіи и съѣстныхъ припасовъ и надлежащее снабженіе ими служащихъ, воспитанниковъ и служителей семинаріи. Для этого онъ ведетъ запись приходовъ и расходовъ, и въ концѣ каждаго мѣсяца даетъ отчетъ ректору. Эти приходы и расходы тутъ же подъ фирмою ректора и майордама записываются въ главныя записныя книги (en los Libros Maestros), которыя всегда остаются у ректора, на которомъ лежитъ вся экономическая отвѣтственность, а равно обязанность ежегодно представлять экономическій отчетъ епископу, какъ того требуетъ Тридентскій соборъ.

7, 8 и 9 артиклы говорятъ о служителяхъ, поварѣ

съ его помощникомъ, медикѣ, хлѣбопекарѣ и прачкѣ. Служители, подобно ректору и наставникамъ, обязаны жить и постоянно пребывать въ семинаріи. Исключеніе дѣлается только для повара и его помощника: если они женаты, имъ дозволяется спать внѣ семинаріи. Но здѣсь всегда нужно предпочитать повара и его помощника, которые были бы не женаты.—Устройство дѣла о медикѣ, хлѣбопекарѣ и прачкѣ предоставляется ректору съ майордомомъ, смотря по количеству воспитанниковъ семинаріи и другимъ обстоятельствамъ.

10—О воспитанникахъ. 15-ть воспитанниковъ, которые могутъ называться казеннокоштными, a) непремѣнно должны быть изъ этого діоцеза; b) должны быть бѣдны, т. е. дѣти такихъ честныхъ отцовъ, которые живутъ своими трудами и которыхъ годовой доходъ не превышаетъ 24-хъ эскудовъ золота, какъ требуетъ того соборъ Тридентскій, c) должны имѣть не меньше 12 и небольше 18 лѣтъ возраста, какъ требуетъ этого тотъ же соборъ. Для этого о каждомъ воспитанникѣ, при поступленіи въ семинарію, должно быть представлено свидѣтельство о крещеніи, и кромѣ того семинарія секретнымъ путемъ узнаетъ отъ приходскаго священника подъ клятвою, законнаго ли рожденія поступающій въ семинарію, а равно собираетъ свѣденія о честности, добрыхъ наклонностяхъ, о нравахъ всей той фамиліи, изъ которой поступающій въ семинарію.—Поступающіе въ низшій классъ грамматики должны умѣть правильно читать и писать; кто поступаетъ прямо въ классъ философіи, тотъ экзаменуется въ знаніи грамматики; желающій поступить на классъ теологіи экзаменуется въ знаніи философіи. Экзамены произво-

дятся наставниками, каждымъ по своему предмету, въ присутствіи ректора.

Принятымъ въ число этихъ 15 воспитанниковъ опредѣляется срокъ пребыванія въ семинаріи, именно: имѣющіе отъ 12 до 14 лѣтъ остаются въ семинаріи 10 лѣтъ; отъ 14 до 16 лѣтъ—остаются восемь лѣтъ; отъ 16 до 18—остаются шесть лѣтъ, такъ чтобы каждый выходилъ изъ семинаріи, въ возрастѣ въ которомъ онъ можетъ принять санъ священника. Разуется, это опредѣленіе числа лѣтъ для пребыванія въ семинаріи и имѣетъ отношеніе къ тѣмъ, которые непремѣнно готовятъ себя къ духовному званію.

Эти 15 воспитанниковъ какъ при вступленіи, такъ и во все время пребыванія въ семинаріи должны экипироваться на свой счетъ; исключая только одежды, семинарія даетъ имъ все даромъ: пищу, жилище и обученіе. Она же даетъ въ болѣзни медика, лекарства и услугу; даетъ каждому особую комнату, кровать съ принадлежностями, два стула, столъ и прачку для бѣлья,—всѣ это даромъ.

Своекоштные клирики, ищущіе усовершенствованія (Egercitantes) имѣютъ все свое; отъ семинаріи они пользуются даромъ только жилищемъ и общею службою дома.

Всѣ, неисключая своекоштныхъ, должны одѣваться по униформѣ. Исподнее платье должно быть чорнаго цвѣта изъ сукна, байки или этамина, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть шолковое или чрезвычайно дорогое. Форма этого платья подобна нашимъ подрясникамъ. Верхнимъ платьемъ должно быть манто, длинное до пятъ, голубаго цвута, съ бордюрой изъ краснаго сукна, которая скрещивается на груди и отсюда чрезъ

оба плеча двумя линіями идетъ до самаго подола манто, съ тѣмъ только различіемъ, что у грамматиковъ эта бордюра идетъ ровно по всему манто, неимѣя на лѣвой оконечности своей вышитыхъ ни колокола, ни роски; у философовъ же вышито здѣсь подобіе колокома безъ роски; у философовъ же вышито здѣсь подобіе колокола, безъ роски; а теологи имѣютъ на своей бордюрѣ колоколъ и росу бѣлаго цвѣта.

11—Содержитъ общія правила для воспитанниковъ: а) семинарія должна быть совершенно замкнута для лицъ другаго пола такъ что за вторыя ворота не можетъ заходить ни одна женщина, какого бы возраста и положенія не была; равно какъ ни одинъ воспитанникъ не можетъ выходить за вторыя ворота безъ особеннаго дозволенія ректора. Также не допускается и недозволяется никакой визитъ женщины, хотя бы это было между двумя воротами входа; между этими двумя воротами входа дозволяется только визитъ матери, бабушки и родной сестры того, кто ихъ принимаетъ,—и это съ особеннаго дозволенія ректора и на очень короткое время. Визиты мужчинъ принимаются въ Requadro—на площадкѣ, которая находится предъ третьими воротами, такъ что постороннему ни въ какомъ случаѣ не дозволяется входить въ комнаты или жилища воспитанниковъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія ректора (1). b) Гавныя ворота семинаріи не отпираются по утру до окончанія семинарской мисы; они должны быть заперты во время мисы и въ продолженіе полу-

(1) Мы нарочно представляемъ эти частности и будемъ представлять подобныя же дальше, чтобы всякій видѣлъ, съ какою подробностію опредѣляется здѣсь то, что касается собственно *выправки*.

денныхъ репетицій; на ночь должны запираться, лишь только ударятъ къ молитвамъ [1] и портьеръ относитъ тотчасъ же ключь къ ректору, гдѣ и получаетъ его опять по утру. c) Ни одинъ воспитанникъ не можетъ выходить въ городъ безъ компаньена и безъ особеннаго на то дозволенія ректора, къ которому всякій таковой воспитанникъ долженъ представится, и по возвращеніи подробно расказать ему, куда ходилъ и гдѣ былъ. Впрочемъ, эти дозволенія должны даваться очень рѣдко, а ни въ *какомъ случаѣ* въ день учебный. Когда идутъ въ катедралъ, на прогулку и при всякомъ другомъ случаѣ общаго выхода, непремѣнно должны идти въ сопровожденіи ректора, или кого нибудь изъ наставниковъ, по два въ рядъ, скромно, неостанавливаясь на улицѣ, не заглядываясь ни накакую городскую новость. Между собою должны хранить порядокъ классовъ и уваженіе къ старшинству принятія въ семинарію; а потому при общихъ выходахъ напереди должны идти грамматики, за ними философы и наконецъ теологи. d) Ни въ какомъ случаѣ, ни по случаю вступленія въ семинарію, ни по случаю окончанія курса, ни въ день имянинъ, ни по какому другому побужденію воспитанникамъ недозволяется покупать ни рефресковъ, ни закусокъ, ни другихъ поздравительныхъ своимъ товарищамъ, ни служителямъ семинаріи. e) Ни въ какое время, ни въ какомъ мѣстѣ воспитанники не могутъ играть въ карты, кости и другія азартныя игры, хотя бы это было безъ интереса, единственно

---

[1] Tóque de Oraciones.—Ударъ къ молитвамъ бываетъ около семи часовъ вечера. Въ древности въ этотъ часъ собирались на молитву въ церковь; но теперь въ этомъ часу церкви обыкновенно бываютъ заперты, хотя обычай ударять въ колокола остатся неизмѣненъ.

съ цѣлію развлеченія. f) Каждый воспитанникъ долженъ заботиться о чистотѣ своей комнаты, по крайней мѣрѣ каждую субботу выметать изъ нея пыль, перебить свою постель и держать въ своей комнатѣ все въ порядкѣ и тѣмъ пріучаться къ доброй, упорядоченной жизни; ни въ какомъ случаѣ воспитанники не могутъ имѣть въ своихъ комнатахъ оружія, музыкальныхъ инструментовъ, никакихъ вещей и никакой мебели, кромѣ кровати, стола, двухъ стульевъ и еще какого нибудь эстампа или изображенія предмета святаго или историческаго и своихъ книгъ. Воспитаннику можетъ быть дозволено имѣть шкатулку или ящичекъ съ своимъ ключемъ, который впрочемъ всегда отдается ректору, лишь только онъ его потребуетъ, равно какъ и ключь отъ комнаты. Въ комнатѣ ни въ какомъ случаѣ не дозволяется запираться извнутри; тѣмъ болѣе не дозволяется ни какому воспитаннику входить въ комнату другаго, особенно же въ часы репетицій и приготовленія уроковъ. За этимъ непрестанно наблюдаютъ ректоръ и наставники. g) Этому всему подчиняются какъ воспитанники казеннокоштные, такъ и своекоштные и ищущіе усовершенствованія клирики, съ тѣмъ только различіемъ, что своекоштные платятъ за столъ ежемѣсячно восемьдесятъ реаловъ по триместрамъ; плата должна производиться до начала триместра по крайней мѣрѣ за четыре дня, въ противномъ случаѣ безъ дальныхъ хлопотъ воспитанникъ долженъ оставить заведеніе.

12—О присутствіи воспитанниковъ семинаріи въ каѳедралѣ и при домашнихъ религіозныхъ актахъ. Въ семинаріи есть своя церковь; но по обычаю западной церкви, въ семинарской церкви, какъ домашней, со-

вершается только миса de rezan—литургія молитвенная, но не литургія съ пѣніемъ (cantata mayor). Для слушанія этой литургіи и вообще для пріученія себя къ церковному служенію воспитанники въ большіе праздничные дни отправляются въ катедралъ всѣмъ обществомъ; въ менѣе торжественные дни отправляется для этого двѣ трети ихъ, а еще въ менѣе торжественные только одна треть (¹). И „поэтому, чтобы болѣе достойно они могли присутствовать при божественномъ служеніи и составлять одно тѣло съ другимъ духовенствомъ", они допускаются къ первому церковному посвященію безъ особеннаго испытанія, титла и назначенія.

Для той же самой цѣли, т. е. для надлежащаго приготовленія воспитанниковъ семинаріи къ церковному служенію, необходимо, чтобы они ежедневно присутствовали при мисѣ и по крайней мѣрѣ одинъ разъ каждый мѣсяцъ приступали къ таинствамъ покаянія и причащенія. „О пунктуальномъ исполненіи этого ректоръ ревнуетъ неослабно". Поэтому первымъ занятіемъ и первою заботою воспитанниковъ каждое утро

(¹) Между первыми считаются: день крещенія нашего Господа (La Epifania del Senor), Великій четверкъ, первый день Воскресенія—Пасхи, Вознесеніе, День Пятидесятницы, День Св. Троицы (какъ извѣстно эти праздники на западѣ раздѣляются), Corpus Domini, день Св. Петра Апостола, Успеніе, день Всѣхъ Святыхъ, Рождество. Между вторыми, день Обрѣзанія, Срѣтенія (dia de la Purificacion), Великіе Пятокъ и Суббота, второй и третій день Воскресенія — Пасхи, второй и третій день Пятидесятницы, день Св. Іоанна Крестителя, Св. Іакова Апостола, Рождества Богородицы, Введенія, Зачатія Пресв. Богородицы, канунъ Рождества, второй и третій день Рождества, всѣ дни молебныхъ процессій и другіе дни, въ которые соборный кабилодъ церемоніально выходитъ изъ церкви. Между послѣдними: всѣ дни воскресные и малые праздники.

присутствовать при мисѣ. Лишь только поднимаются воспитанники съ кровати въ назначенный часъ, по удару звонка всѣ собираются въ церковь для присутствія при мисѣ, которую совершаетъ одинъ изъ наставниковъ, всегда очередной. Прежде, чѣмъ начнется миса, воспитанники въ церкви приготовляются къ ней моленіемъ къ Святому Духу, хоромъ воспѣвая гимнъ: *Veni Creator*... съ стихомъ: *Emitte*..., послѣ котораго наставникъ, имѣющій совершать мису, говоритъ молитву: *Deus qui corda*... За тѣмъ всѣ становятся на колѣни и въ молчаніи четверть часа употребляютъ на умственную молитву, на воздаяніе благодарности Богу за милости, полученныя въ прошедшую ночь и прошедшій день и на прошеніе новыхъ милостей „въ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви". Послѣ этого приготовленія начинается миса и совершается съ величайшимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ. Если ректоръ захочетъ помочь такому настроенію воображенія короткимъ чтеніемъ изъ какой нибудь духовной книги, то это въ его волѣ.

На ночь, предъ ужиномъ въ назначенный часъ, точно такимъ же образомъ воспитанники собираются въ церковь и хоромъ поютъ акаѳистъ Божіей Матери съ молебномъ (Letania) Ей, *Salve* со стихомъ; послѣ чего наставникъ, очередной служащій, читаетъ Ей молитву; послѣ того всѣ просятъ покровительства Святыя Троицы (семинарія посвящена имени Святыя Троицы) противъ князя тьмы и его ночныхъ навожденій антифономъ дня Святыя Троицы, который начинается такъ; *Benedicta sit Sancta*.... съ стихомъ: *Benedicamus* и молитвою: *Omnipotens Sempiterne Deus*.... Наконецъ употребляется четверь часа на умственную молитву, какъ поутру,—такъ, чтобы на

пѣніе акаеиста съ молитвами и умственную молитву было употреблено около получаса.

Святыя таинства исповѣди и причащенія, сообразно съ опредѣленіемъ Тридентскаго собора, воспитанники должны принимать по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, несчитая здѣсь торжественныхъ праздниковъ, въ которые это дѣло предоставляется волѣ ректора. Кромѣ того, воспитанники, а съ ними ректоръ, наставники и всѣ служители дома въ Великій Четвертокъ, въ общее причащеніе должны присутствовать въ катедралѣ и причащаться своимъ порядкомъ. Ежегодно къ открытію учебнаго курса воспитанники въ продолженіе предшествующихъ началу курса девяти ваканціонныхъ дней должны приготовлятся *святыми упражненіями*, въ которыхъ руководить ихъ должны ректоръ и наставники, «умиляя ихъ рѣчами и увѣщаніями». Въ продолженіе всего учебнаго года каждую субботу вечеромъ наставники употребляютъ получаса на объясненіе воспитанникамъ «Христіанскаго Ученія Римскаго Катихизиса» (La Doctrima Christiana del Catecismo Romano), дѣлая предварительно переводы изъ него на кастильскій языкъ тѣхъ пунктовъ, которые слѣдуетъ по порядку объяснять въ тотъ вечеръ.

13—О присутствіи въ столовой и при другихъ актахъ всей общиной семинаристовъ, независимо отъ ученія. Воспитанники три раза въ день въ назначенные часы входятъ въ столовую: поутру къ завтраку, въ полдень къ обѣду и въ третій разъ къ ужину. Во всѣ три раза, они, по звонку, предварительно собираются въ комнатѣ, смежной съ столовой, и здѣсь изъ рукомойника моютъ руки; послѣ чего за разъ всѣ, по два въ рядъ, идутъ въ столовую, раздѣляясь потомъ на двѣ линіи и каждая пара занимая мѣста vis-a-vis. Занявши мѣста,

всѣ ждутъ, пока президентъ столовой изъ семинаристовъ, дѣлая крестное знаменіе, не скажетъ молитву: *Oremus, Benedic Domine nos, et haec tua dona, quae de tua largitate sumus sumpturi. Per Christum Dominum nostrum. Amen.* Послѣ чего всѣ садятся за *столъ*. При выходѣ изъ-за стола тотъ же президентъ дѣлаетъ знакъ вставать и когда онъ прочитаетъ: Agimus tibi gratias Omnipotens Deus pro universis beneficiis tuis, qui vivis et regnas in saecula saecularum. Amen — всѣ выходятъ изъ столовой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ вошли. За обѣдомъ и ужиномъ воспитанниками по очередно читается что-нибудь изъ духовныхъ сочиненій.

При выходѣ изъ семинаріи въ катедралъ, на прогулку въ поле и при другихъ общихъ выходахъ, всѣ воспитанники собираются въ одну комнату и оттуда уже выходятъ по два въ рядъ; возвращаются опять всегда въ туже комнату.

Во время прогулокъ въ полѣ, во время игръ въ семинарскомъ саду ни одному изъ воспитанниковъ ни подъ какимъ видомъ не дозволяется скрываться отъ глазъ всегда присутствующаго при этихъ случаяхъ наставника. Если угодно будетъ дозволить воспитанникамъ игры, собственно для тѣлеснаго упражненія, то можно дозволить игры въ *Bochas* (катаніе шаровъ, въ родѣ игры въ кегли), въ *Reguilete* (игра, особенно распространенная въ Каталуніи, нѣчто въ родѣ греческихъ дисковъ, состоящая въ бросаніи тяжолыхъ желѣзныхъ плитъ) и игру *de Trucos* (нѣчто въ родѣ игры на бильярдъ, для которой впрочемъ не требуется ни стола, ни комнаты, и которая можетъ производиться въ полѣ); но ни въ какомъ случаѣ недозволяется игра въ мячикъ (*de Peloto*— похожа на нашу игру *въ лапту*), *de salto* (игра состо-

ящая въ перепрыгиваніи другъ чрезъ друга, для которой у насъ есть свое названіе — *чехарда*), *въ перегонки* и другія подобныя, требующія неумѣренныхъ напряженій и опасныя; вообще можно дозволить тѣ игры, которыя не поставляютъ воспитанниковъ въ необходимость—сбрасывать свои *манто*.

14—Содержитъ въ себѣ росписаніе пищи на цѣлый день и для всѣхъ членовъ семинаріи. Это росписаніе имѣетъ характеръ мѣстный, но все таки можетъ быть не безъ интересно и для насъ. А потому мы изложимъ сущность этихъ положеній. Каждому члену семинаріи, не исключая ни кого, отъ ректора до служителей, полагается по двадцать четыре онсы [1] хлѣба на каждый день. Мяса ректору, наставникамъ и майордому полагается по 16 онсъ на день каждому, воспитанникамъ и служителямъ по 10 онсъ каждому, со всѣмъ необходимымъ для обѣда и ужина, — что распредѣляется по слѣдующей формѣ. Для завтрака каждому дается отъ четырехъ до шести онсъ хлѣба съ небольшимъ количествомъ плодовъ сухихъ или свѣжихъ, смотря по времени, такъ чтобы, замѣчаетъ остроумно авторъ положеній, «это былъ завтракъ студентовъ, а вовсе не завтракъ работниковъ». Въ обѣдъ каждому дается половина опредѣленнаго на день количества мяса, которое варится въ общемъ котлѣ, дается съ достаточ-

[1] Провинціи Испаніи употребляютъ различную мѣру вѣсовъ. Кастилія считаетъ въ своемъ фунтѣ 16 онсъ,—это будетъ почти равняться нашему фунту. Каталунія въ своемъ фунтѣ считаетъ 32 онсы, — и это будетъ немного меньше нашихъ двухъ фунтовъ. Въ провинціи Валенсіи, къ которой принадлежитъ Сегорбе, употребляется мѣра вѣсовъ каталунская.—Здѣсь разумѣется надобно обратить вниманіе на то, что дѣло идетъ о бѣломъ хлѣбѣ, который питательнѣе и котораго ѣстся меньше, чѣмъ нашего чернаго.

нымъ количествомъ свинаго жира для его приправы, съ горохомъ и овощами времени, такъ, чтобы мясо съ своими приправами дало достаточно питательное блюдо. Здѣсь дѣло идетъ объ обыкновенномъ, всеобщемъ и ежедневномъ испанскомъ кушаньѣ, которое составляется изъ всѣхъ вышеуказанныхъ элементовъ и называется *cocido* или *puchero*. Изъ бульона, въ которомъ варилось мясо для cocido, дѣлается, по обычаю Испаніи, супъ арросовый, вермишельный и пр., который долженъ быть для всѣхъ индивидовъ семинаріи кушаньемъ, предваряющимъ cocido. Третьимъ и послѣднимъ кушаньемъ служитъ небольшое количество сухихъ или свѣжихъ плодовъ, смотря по времени. За ужиномъ дается прежде всего каждому по порціи салата, приготовленнаго въ сыромъ или вареномъ видѣ, за тѣмъ вторая половина опредѣленнаго на день количества мяса въ подливѣ и наконецъ, какъ за обѣдомъ, десертъ, сыръ, плоды сухіе или свѣжіе. За обѣдомъ и ужиномъ каждому дается отъ осьми до десяти онсъ хлѣба.

Только ректору, наставникамъ и майордому, которые всѣ вмѣстѣ ѣдятъ за однимъ столомъ и одно и то же съ семинаристами, хотя и отдѣльно отъ нихъ, дозволяется употреблять вино; для этого на всѣхъ ихъ дается одна бутылка вина для обѣда и другая для ужина. Повару и его помощнику, каждому на день дается одна бутылка вина. На всѣхъ прочихъ, какъ семинаристовъ, такъ и остальныхъ служителей, ставится на столъ достаточное количество кувшиновъ воды.

Въ дни торжественныхъ праздниковъ и въ дни причащеній, когда не бываетъ завтрака, благоразумію ректора предоставляется вмѣсто завтрака въ обѣдѣ прибавлять одно блюдо экстраординарное. — Въ дни воздер-

жанія обѣдъ долженъ состоять изъ одной тарелки постнаго супа, одной пары яицъ и одной порціи рыбы, которая обыкновенно приблизительно должна равняться четыремъ онсамъ на каждаго; ужинъ — изъ салата сыраго или вареннаго, другой пары яицъ и обыкновеннаго десерта. Въ дни заповѣдныхъ постовъ предоставляется благоусмотрительности ректора заставлять говѣть тѣхъ изъ воспитанниковъ, которыхъ онъ признаетъ для этого достаточно сильными, преимущественно тѣхъ, которые имѣютъ больше 16 лѣтъ возраста. Ни въ какомъ случаѣ не дозволяется уносить въ комнаты изъ столовой хлѣба или другаго чего съѣстнаго. Ректоръ и наставникъ должны строго наблюдать, чтобы ни служители и никто другой не могли приносить въ ученическія комнаты ни плодовъ и ничего другаго съѣстнаго, безъ особенныхъ причинъ, какъ напр., болѣзни, когда на это дается дозволеніе ректора или наставниковъ.

15—Содержитъ распредѣленіе часовъ занятій, отдыха и всей ежедневной жизни. Отъ дня Крестовоздвиженія въ сентябрѣ до Воскресенія—Пасхи всѣ встаютъ поутру въ пять часовъ; по звонку идутъ въ церковь на молитву и для присутствія при мисѣ, что продолжается около получаса, именно отъ пяти съ половиной до шести часовъ. Послѣ чего каждый возвращается въ свою комнату убрать свою кровать и позаботиться о чистотѣ своей комнаты,—на что дается четверть часа, именно отъ шести до шести съ четвертью, когда звонокъ сзываетъ всѣхъ на завтракъ, на который употребляется другая четверть часа—до шести съ половиной. Въ это время каждый отправляется въ свою комнату и въ молчаніи готовитъ урокъ къ классу до осьми съ половиной, когда бываетъ звонокъ къ классу и каждый дол-

женъ итти въ свое отдѣленіе, гдѣ всѣ воспитанники въ занятіяхъ съ своими наставниками остаются до десяти съ половиной часовъ. По выходѣ изъ классовъ всѣ расходятся по своимъ комнатамъ и до 12-го часу приготовляютъ уроки къ послѣобѣденному классу. Въ 12 часовъ бываетъ звонокъ къ обѣду. Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ въ сопровожденіи одного изъ наставниковъ идутъ въ садъ или на террасы дома подышать свѣжимъ воздухомъ, и пользуются здѣсь отдыхомъ до часа. Тогда каждый возвращается въ свою комнату и безъ шума до двухъ часовъ можетъ заниматься чѣмъ угодно. Съ двухъ часовъ до трехъ каждый долженъ заниматься повтореніемъ урока. Въ три часа всѣ идутъ въ классы, каждый въ свое отдѣленіе и занимаются съ наставниками до пяти часовъ. Отъ пяти до пяти съ половиной дается воспитанникамъ свобода сношеній между собою, разсужденій, разговоровъ, впрочемъ подъ непремѣннымъ наблюденіемъ наставниковъ. Съ пяти съ половиной до семи съ половиной каждый возвращается въ свою комнату и въ молчаніи занимается приготовленіемъ уроковъ. Съ семи съ половиной до осьми употребляется на молитву и акаѳистъ. Въ восемь звонокъ къ ужину, послѣ котораго всѣ могутъ собраться въ общую комнату или каждый въ свой классъ и здѣсь оставаться свободными до девяти, въ девять каждый отправляется спать въ свою комнату.

Съ Воскресенья—Пасхи до дня Крестовоздвиженія всѣ встаютъ въ четыре съ половиной часа; сообразно съ этимъ распредѣляются и остальные часы дня.

Съ 15 іюля до 15 сентября даются вакаціи. На все это время воспитанники теологіи и философіи могутъ отлучаться въ домы своихъ родителей, но грамматикамъ

дозволяется отлучаться только на 15-ть дней. Въ эти два мѣсяца вакацій, по причинѣ жара, лекцій нѣтъ. Но воспитанники однажды въ день отъ 7-го до 8-го часа утра должны собираться въ классъ и проводить время въ занятіи съ наставниками. Все прочее время дня воспитанники и въ вакаціи должны проводить по росписанію, указанному выше, не отступая ни на шагъ отъ обыкновеннаго распредѣленія часовъ на отдыхъ и занятія, съ тѣмъ только различіемъ, что часы, назначенные собственно на присутствіе въ классѣ и занятіе съ наставниками, воспитанники должны употреблять на ученіе и чтеніе въ своихъ комнатахъ.

За этимъ, положенія указываютъ руководства по богословію, философіи и грамматикѣ. Для Богословія указывается: *Theologiae Clericorum Seminariis acommodatae Summarium*, Дю-Гамеля (Juan Bantista Du-hamel); для философіи рекомендуется тотъ же Дю-Гамель: *Philosophia vetus et nova*. Кромѣ того, въ дополненіе къ Дю-Гамелю для новой философіи указывается сочиненіе отца Хаккира (Padre Jacquer): *Institutiones Philosophiae ad studia Theologica potissimum acommodatae*. Указывая на эти послѣднія руководства, составитель положеній замѣчаетъ, что „держась этихъ руководствъ, мы не хотимъ держаться никакой опредѣленной системы. На обоихъ факультетахъ нашей семинаріи предписывается постоянно внушать ненависть *къ школѣ*. Будетъ болѣе прилично, если профессоры этихъ факультетовъ станутъ украшаться титуломъ теологовъ католическихъ и философовъ христіанскихъ“. Для грамматики латинской и кастильской рекомендуется держаться метода, какого вообще держатся въ школахъ Испаніи, и не указывается частныхъ руководствъ.

Кромѣ обыкновенныхъ лекцій и упражненій, философамъ и теологамъ на каждый мѣсяцъ поручается изложить, развить и защитить главное положеніе, которое раскрывалось въ этотъ мѣсяцъ наставникомъ. Это поручается имъ дѣлать поочередно. Приготовившись предварительно, каждый воспитанникъ дѣлаетъ это публично предъ цѣлымъ собраніемъ наставниковъ и всѣхъ воспитанниковъ этихъ обоихъ отдѣленій. — При выпускѣ точно такимъ же образомъ оканчивающій курсъ воспитанникъ развиваетъ и доказываетъ данную тему публично въ семинарской церкви, куда приглашаются и постороннія духовныя лица.

Вообще, каждый годъ производятся два раза экзамены, и каждый разъ воспитанники экзаменуются въ томъ, что они изучали въ прошедшую половину года. Одни экзамены производятся въ послѣдніе девять дней сентября, а другіе—въ недѣлю Воскресенья и св. Ѳомы.

16— и послѣдній артикль говоритъ о наказаніяхъ противъ преступниковъ. Въ числѣ наказаній за меньшія вины, каковы случайныя нарушенія семинарскихъ положеній, полагается: лишеніе прогулки, лишеніе завтрака, обѣда, предложеніе вмѣсто обѣда хлѣба съ водою; за большія вины, между каковыми считается и неоднократное нарушеніе этихъ положеній, заключеніе въ карцеръ и *зеро* (нѣчто въ родѣ нашего наказанія, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ—*колодки*). Нѣсколько разъ наказанный такимъ образомъ выгоняется изъ семинаріи какъ неисправимый. О тѣлесныхъ наказаніяхъ не упоминается.

Такова сущность положеній одной изъ соборныхъ испанскихъ семинарій. При изложеніи мы опускали нѣкоторыя неважныя и незначительныя частности, стараясь

сохранить все болѣе или менѣе характеристичное: такъ мы не опустили положеній объ играхъ и столѣ,—предметахъ повидимому неважныхъ и низкихъ для того, чтобы на нихъ обращать вниманіе, когда дѣло идетъ объ образованіи *духовныхъ* воспитанниковъ. Въ нашемъ изложеніи читатель видитъ, что здѣсь дѣло касается больше всего механизма воспитанія, воспитательной выправки, но мало говорится и мало дается правилъ и наставленій о самомъ воспитаніи и образованіи. Но это не вина нашего изложенія, а самыхъ положеній. Это, кажется, особенность всѣхъ латинскихъ духовныхъ заведеній запада: здѣсь мало обращаютъ вниманія на гармоническое развитіе воспитанника, но строгостію правилъ, безусловнымъ подчиненіемъ имъ развиваютъ въ воспитанникахъ ту упругость и ту часто совершенно механическую регулярность, которымъ одни удивляются и хотятъ подражать, а другіе, цѣня ихъ, жалѣютъ, что подъ этою упругостію и регулярностію въ большей части случаевъ нѣтъ ни сердца, ни души, въ которыхъ и съ которыми только и живетъ религіозное чувство. Соборъ Тридентскій смущался распущенностью приходскаго духовенства, но онъ не совсѣмъ понялъ причины этой распущенности. Лютеранство указывало ее въ отсутствіи религіознаго чувства и образованія. Но соборъ Тридентскій, нѣкоторымъ образомъ отождествляя и безпорядокъ, произведенный Лютеромъ, и безпорядокъ, замѣчаемый имъ въ духовенствѣ, то и другое сводилъ къ одной причинѣ — непослушанію. Поэтому, естественно и въ своей программѣ семинарій обратилъ вниманіе на эту сторону: положилъ себѣ изъ новаго поколѣнія сдѣлать приходскихъ священниковъ, которые бы въ школѣ заучили механику жизни, мало заботясь дать имъ что

нибудь положительное. Однимъ словомъ, въ программѣ семинарій по Тридентскому собору, вполнѣ живо чувствуется тотъ основной характеръ, который во всей широтѣ развитъ потомъ въ заведеніяхъ іезуитскихъ — «дѣлать католиковъ, а не развивать убѣжденія, даже если нужно уничтожать эти убѣжденія, когда они становятся въ разладъ съ предположенной іезуитизмомъ цѣлью».

Каждая семинарія Испаніи имѣетъ свои особенныя положенія, или свой особенный уставъ, но которые въ сущности сходны съ тѣми, которыя мы изложили, — потому что всѣ они основаны на однихъ и тѣхъ же правилахъ Тридентскаго собора. Каждая семинарія своихъ положеній держится доселѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1864 ГОДЪ.

I.

ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

II.

УЧЕБНО-БОГОСЛОВСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ И БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.